

Сказание о Господе Раме

Рамакатха Расавахини

Рассказано Шри Сатъя Саи Бабой

«Текст Рамаяны вобрал в себя руководство по праведному поведению во всех ситуациях и во всех условиях; он учит как оправдать рождение человека, как осуществлять управление государством, как регулировать реакции людей и как создавать законы, которые могут контролировать и совершенствовать их устремления. Достаточно было бы внимательно изучить Рамаяну и применять ее в каждодневной жизни, чтобы человечество смогло обрести мир и добиться процветания во всех сферах жизни».

Сатъя Саи Баба

Содержание

- Об этой книге
- Скрытый смысл
- Глава 1 Рама – принц и принцип
- Глава 2 Царский род
- Глава 3 Да пребудут бесплодными его чресла
- Глава 4 Сыновья
- Глава 5 Гуру и ученики
- Глава 6 Зов и первая победа
- Глава 7 Завоевание Ситы
- Глава 8 Вызов на бой
- Глава 9 Приготовление к коронации
- Глава 10 Два желания
- Глава 11 Вместе с Лакшманой
- Глава 12 Сита настаивает и побеждает

- Глава 13 Уход в изгнание
- Глава 14 На пути в лес
- Глава 15 Среди святых обитателей
- Глава 16 Мрак над Айодхьей
- Глава 17 Братья встречаются
- Глава 18 Сандалии на царском троне
- Глава 19 Джунгли Дандака
- Глава 20 Панчавати
- Глава 21 Коварный злодей
- Глава 22 Обретенный союзник
- Глава 23 Успешные поиски
- Глава 24 Ланка в огне
- Глава 25 Мост
- Глава 26 Осада
- Глава 27 Подземный мир
- Глава 28 Головы – с плеч долой
- Глава 29 Счастливая Айодхья
- Глава 30 Коронация
- Глава 31 Изгнание Ситы
- Глава 32 Конец игры
- Указатель имен и терминов

Об этой книге

Сказание о Раме, этот Поток Священной Благодати, на протяжении столетий является для миллионов мужчин, женщин и детей неиссякаемым источником утешения в скорби, стойкости в минуты потрясений, светом надежды для отчаявшихся, поддержкой во время уныния, поводырем заблудших. Рамайна – это напряженная человеческая драма, в которой Бог выступает в образе человека и на огромной мировой сцене собирает вокруг себя совершенных и несовершенных, людей и низшие существа, зверей и демонов, чтобы – путем примера и поучения – ниспослать дар высшей Мудрости. Это Сказание своими тонкими пальцами играет на чувствительных струнах человеческого сердца, пробуждает в нем нежные отзвуки сострадания, жалости, ликования, благоговения, экстаза и чистой преданности и преображает нашу животную и человеческую природу в Божественную, которая и является нашей сущью.

Во всей истории человечества нет другого Сказания, которое оказало бы такое глубокое влияние на умы людей. Оно преодолело барьеры времени и пространства. Оно сформировало и облагородило обычаи, взгляды и образ жизни многих поколений. Рамайна стала целительной частицей в потоке крови человечества, текущем на огромном пространстве земного шара. Она пустила глубокие корни в сознании людей, побуждая их следовать путями Истины, Праведности, Мира и Любви.

Войдя в легенды и колыбельные песни, в мифы и сказки, в танец и драму, воплотившись в скульптуре, музыке и живописи, в ритуале, поэзии и символике, Рама стал самым Дыханием бесчисленных духовных искателей и Садхак, их Блаженством и Сокровищем. Герои Рамаины, явившись для них идеалом, призывали их к самоусовершенствованию. Они давали им яркие примеры того, как преодолеваются препятствия и достигается победа, они предостерегали нестойких от насильственных действий, порока, гордыни и мелочности. Своей преданностью и силой духа они вселяли в них мужество. Любому языку или диалекту, на котором стремится человек выразить свои высокие идеалы, Сказание о Раме придает неповторимую, непреходящую Сладость.

Саи (Иса, Бог), чья мысль – вся Вселенная, чья воля – ее История, является Автором, Режиссером, Актером, Свидетелем и Ценителем Драмы, которая вечно разыгрывается во

Времени и Пространстве. Теперь он Сам удостоил нас рассказом об эпическом Акте этой Мистерии, где Он взял на себя роль Рамы. Будучи Рамой, Саи наставлял и исправлял, вдохновлял и воодушевлял, утешал и успокаивал своих современников в эпоху Трета. Как Саи Рама, Он выполняет в наши дни ту же миссию. Поэтому читателям журнала «Санатана Сарати», которые месяц за месяцем (в течение этих лет) с огромным вниманием, благоговением и радостью читают Рамакатхарасавахини, эта книга безусловно должна казаться повествованием о «современных событиях и жизненном опыте современного человека» и восприниматься как советы и прямые указания, данные им в контексте проблем и трудностей нашего времени. Читателей приятно поразит сходство Рамы в этом Сказании и самого Саи Рама, которого им посчастливилось лицезреть.

«Наука» («Science») превратила эту землю в герметическую капсулу космического корабля, где вынуждены жить люди. «Наука Саи» («Sai-ence»), как мы знаем, поставила своей целью преобразить этот корабль в счастливую обитель Любви. Эта книга волею Саи должна стать важнейшей панацеей против всех зол, стоящих на пути Вселенской Любви – против нездоровой жажды чувственных угод, растущего непочтения к родителям, учителям, старшим, духовным наставникам, против губительной распущенности и безответственности в общественных, семейных и супружеских отношениях, чудовищной тяги к насилию как средству достижения безнравственных целей, против террора и пыток, применяемых в личных и групповых интересах, – и от многих других пороков.

Саи Рама в своей простой манере мягкого увещевания ведет рассказ о Своем Собственном Божественном Пути, когда он был Рамой! Какое великое счастье выпало нам – держать в руках это Божественное повествование и запечатлеть его в нашем уме и сердце. Пусть чтение этой книги сделает из нас деятельных и ревностных помощников в осуществлении Его Миссии – объединить людей в Единую Семью, пусть поможет каждому из нас осознать Саи Раму как Реальность – единственную Реальность, которая существует.

Саи объявил, что Он – тот же самый Рама, пришедший к нам вновь, и что он ищет «прежних» союзников и сподвижников («банту», как Он обращается к ним на телугу), чтобы доверить им роли в Своей нынешней Миссии воскрешения праведности и открытия пути к Обители Мира. Размышляя над Сказанием о Рама, будем же молиться о том, чтобы и нам достались эти роли и чтобы Он как награду ниспослал нам Видение этой Обители.

Н. Кастури, издатель журнала «Санатана Сарати»

СКРЫТЫЙ СМЫСЛ

Рама обитает в каждом Телe. Он – Атма-Рама, Рама – Источник Блаженства каждого существа. Его благословения, изливаемые из этого внутреннего источника, даруют Покой и Счастье. Он – само воплощение Дхармы, Высшего Морального Закона, который поддерживает в человечестве Любовь и Единство. Рамаяна, Сказание о Рама, заключает в себе два урока: ценность отречения от мира и осознание того, что каждое существо несет в себе Божественное начало. Вера в Бога и отказ от материальных целей – вот два ключа к Освобождению человека. Отрекийтесь от объектов чувств – и вы познаете Раму. Сита отказалась от роскоши Айодхьи и, поэтому, смогла быть с Рамой в «изгнании». Когда же она остановила мечтательный взор на золотом олене и пленилась им, она лишилась Присутствия Рама. Самоотречение ведет к радости; привязанность приносит горе. Пребывайте в Мире, но будьте свободны от него. Каждый из братьев, спутников и сподвижников Рама – есть пример личности, проникнутой Дхармой. Дашаратха представляет лишь физическое начало – с десятью чувствами. Три гуны – Сатва, Раджас и Тамас – это три Царицы. Четыре Жизненных Цели – Пурушартхи – это четверо сыновей.

Лакшмана – Интеллект, Сугрива – Вивека или Умение различать, Вали – отчаяние. Хануман – воплощение доблести. Мост переброшен через Океан Иллюзии. Три вождя ракшасов – персонификация раджасических (Равана), тамасических (Кумбакарна) и сатвических (Вибхишана) качеств. Сита – Брахмаджняна или Познание Вселенского Абсолюта, которое должен обрести индивидуум, проходя путь тяжелых жизненных испытаний. Постигая величие Рамаяны, очистите и укрепите свое сердце. Утвердитесь в вере, что Рама – есть Сущность вашего бытия.

БАБА

Глава 1

Рама – принц и принцип

Все существо Вед заключено в имени Рама. Сказание о Рама – это океан, всеобъемлющий и чистый. Можно с уверенностью сказать, что никакая другая страна и ни один язык не породили до сих пор столь грандиозной и прекрасной поэмы, как Рамаяна; вместе с тем, нет таких народов, чье поэтическое искусство не черпало бы в ней свое творческое вдохновение. Иметь в своем наследии такое величайшее сокровище – знак счастливой судьбы для каждого жителя Индии.

Рама – Божественный хранитель любого индийца, который несет это Имя в теле, в котором обитает; Его несет каждое жилище, в котором обитает тело. Нет человека, рожденного на индийской земле, который не вкусил и не впитал бы нектар Рамакатхи, истории Рама.

Рисунок 1 Рама

Рамаяна – эпос, повествующий об инкарнации Бога, – священный текст, благоговейно повторяемый всеми людьми независимо от их занятий и социального статуса – учеными и невеждами, богачами и нищими. Имя, прославляемое Рамаяной, освобождает от зла; оно очищает грешника; оно обнаруживает Форму, скрытую за Именем – Форму, столь же восхитительную, как само Имя.

Как океан – источник всех вод, так и все существа рождены из Рама. Как водное пространство немислимо без воды, так нет жизни вне Рама – так было всегда и пребудет веки. Есть много общего между Всемогушим Господом и лазурным океаном. В легендах и мифах Океан воспет как вместилище мощи и силы; Бог покоится на поверхности вод необъятного Океана Молока. Именно поэтому великий поэт Вальмики, сын Прачетов, сложивший Рамаюну, дал каждой песне название «Каандо», что означает «вода», «водное пространство».

Это слово, «каанда», имеет и другое значение – «сахарный тростник». В каком бы месте вы ни надломили его стебель, какой бы кусочек ни попробовали на вкус – любой из них будет одинаково сладок. Полноводный поток Легенды о Рама прокладывает себе путь, через многие излуины и водовороты, но на всем протяжении рассказа одинаково ощущается сладость Каруны – любви, нежности, сострадания. Поток струится и петляет сквозь смех и слезы, изумление и благоговейный трепет, отчаяние и страх, любовь и философию, но в его глубинах скрыто питающее его подводное течение – верность Дхарме (праведности и нравственности) и Каруне.

Чудесный нектар Истории Рама подобен священной реке Сарайю, плавно несущей свои воды через город Айодхью, где родился и царствовал Рама. Как Сарайю берет свое начало высоко в Гималаях – в Манасаровар, так и легенда о Рама рождена в Манасаровар, или Озере Разума! Путь Рама наполнен сладостью Каруны; путь Лакшманы (его брата и верного друга) наполнен сладостью Бхакти, или преданности; так же, как сливаются воды Сарайю и Ганги, так чистые потоки милосердия и преданности – истории Рама и Лакшманы – сливаются в Рамаюне. Каруна и Према, соединяясь, образуют сияющую картину торжества Рама – неиссякаемый источник, утоляющий сокровенную жажду любого индийца; найти его и припасть к нему – цель всякой души, стремящейся к просветлению.

Как ни велики усилия человека, ему не достичь этой цели, не снискав милости Божьей. Истинная самореализация возможна, когда каждый шаг на жизненном пути благословляется свыше. Этот трудный путь, проходящий сквозь темные воды океана противоречий, выводит на необъятные просторы имманентного и трансцендентного.

Не следует относиться к Рамаюне, как к увлекательному повествованию о неких событиях человеческой жизни. Великий эпос – это летопись Пришествия и Деяний Аватара (воплощения Бога на земле). Осознание святых идеалов, заложенных в книге, требует решительных усилий, ибо они постигаются только на собственном опыте, живом и деятельном. Бог вездесущ, всемогущ и всеведущ. Слова, которые Он произносит, находясь в человеческом облике, действия, которыми Он милостиво удостаивает людей в течение своего временного пребывания в их кругу, полны загадочного, удивительного смысла; драгоценны каждый шаг, каждая веха Его миссии, облегчающей человечеству путь к освобождению. Не воспринимайте Рама, как одного из потомков Солнечной Династии, правителя царства Айодхьи, сына царя Дашаратхи. Эти детали второстепенны и случайны. Почти все современные читатели допускают подобную ошибку: они следят за сюжетной линией, обращая внимание на личные взаимоотношения героев и превратности их судьбы, не пытаясь проникнуть вглубь и постичь ценности, скрытые за внешней канвой событий.

Вот вам пример такого поверхностного подхода: отец Рама имел трех жен... первая была такая-то и такая-то... у второй был такой-то характер, а у третьей – такой-то ... ее служанки были чрезвычайно безобразны... Войны, которые вел Дашаратха, имели такие-то определенные черты... такие-то особенности... и т.д. и т.п. Читатель, подстрегаемый любопытством, запутывается в дебрях живых и ярких, но тривиальных подробностей, и зерна истины ускользают от него. Люди не понимают, что изучение истории – это не жадное заглаживание мелких фактов и пустячных идей; оно призвано обогащать нашу жизнь, делая ее достойной и значительной. Истинные ценность и смысл скрыты между строк, насыщая и наполняя их, как подземный родник. Наденьте на ваши глаза очки

бхакти (преданного поклонения) и шрадхи (стойкого самоотречения), и вашему зрению откроется чистая мудрость, которая освободит вас и дарует вечное блаженство.

Как человек, выжимая сок сахарного тростника, выбрасывает сухие волокна, как пчела, сосущая мед, остается равнодушной к красоте и гармонии цветка, как мотылек, летящий на свет пламени, не замечает губительного жара и погибает, обжигая крылья, так и садхака (ищущий духовного Знания), должен стремиться впитать карунарасу (выражение чувств любви, жалости и сострадания), которой насыщена Рамаяна, не обращая внимания на сопутствующие детали. Когда фрукт съеден, мы выбрасываем ненужные нам семечки и кожуру. То, что плод содержит эти компоненты – проявление великого закона Природы! Однако, никому не придет в голову съесть их только потому, что деньги были заплачены за весь плод целиком! Мы не глотаем зерна, ибо желудок не способен их переварить; мы не пытаемся разжевать толстую корку. Несъедобная кожура сочного плода под названием Рамаяна – это истории о ракшасах-демонах, великанах-людоедах и прочих злых существах; их вредные и опасные козни – это мелкие твердые семечки; описания чувственных и мирских переживаний – это внутренние оболочки и волокна, не слишком приятные на вкус; все вместе они составляют защиту сладкой мякоти, обеспечивая само существование плода.

Тот, кто жаждет вкусить карунарасу, содержащуюся в плоде «Рамаяна», должен сосредоточиться на сущности повествования, скрытой за оболочкой украшающих и поддерживающих ее поверхностных деталей. Настройте свой ум таким образом, чтобы внимать Рамаяне, и вы поймете, что это – лучший способ шраваны, или духовного слушания.

Однажды правитель Парикшит припал к стопам мудреца Шуки со смиренной просьбой: вразумить его и избавить от терзающих ум сомнений. Он сказал: «Учитель! С давних пор меня мучает одна загадка, которую я не в силах разрешить. Я знаю, что ты поможешь мне и что никто другой не сделает это лучше тебя. Я слышал много рассказов о жизни моих царственных предков, начиная с самых ее истоков – прародителя Ману – и кончая недавней порой – моими дедами и прадедами. Изучая эти истории с огромным вниманием, я обнаружил, что в летописях царствований неизменно упоминается о мудрецах, чья жизнь неразрывно связана с монархом, о неких посвященных святых учителях, как бы «приставленных» ко двору, которые присутствуют на всех торжественных приемах и вмешиваются во все государственные дела! Каков истинный смысл этой удивительной связи между посвященными (которые, как я слышал, отказались от желаний и привязанностей, осознав, что мир – не более чем тень и западня, и что реален лишь Единый) и царями и правителями, чья роль видится второстепенной, ибо они во всем советуются с мудрецами? Я знаю также, что эти почтенные старцы вовлекаются в мирскую деятельность только в случае крайней и неотложной необходимости, и любые их деяния всегда чисты и незапятнаны. Все это представляется мне неразрешимой загадкой. Умоляю, просвети меня».

Выслушав просьбу Парикшита, Шука рассмеялся. Он ответил: «Поистине, ты задал прекрасный вопрос. Слушай! Великие мудрецы и святые подвижники всегда готовы поделиться с ближним сокровищами истин, им открывшихся, очистительной силой Божественных откровений, их посетивших, опытом возвышенных деяний, которые они были удостоены совершить и снизошедшей на них Милостью и Благодатью Божьей; они стремятся быть ближе к тем, на ком лежит тяжкое бремя власти, кто несет почетную ответственность за судьбы людей, чтобы использовать владык мира сего как орудия для поддержания и воцарения на земле покоя, мира и процветания; они сеют в умах правителей высокие идеалы и освящают пути их достижения; они следят за справедливостью действий монархов и соответствием их законам морали. Монархи, в свою очередь, приглашали к себе мудрецов, принимая их с должными почестями, а нередко сами отправлялись в их обители, чтобы молить их явиться ко двору и помочь им своим советом. Царь – хозяин над людьми и хранитель счастья и покоя своих подданных;

поэтому, бывало, святые старцы проводили с царями целые дни, уча их искусству управления людьми, чтобы с их помощью сбылась заветная мечта великих сердец, осуществилась главная жизненная цель: «Локасамастхах Сукхино Бхаванту» – «Да будут счастливы все во всех мирах!». Они стремились к тому, чтобы счастье и покой стали уделом всего человечества. Поэтому они старались, чтобы цари обладали всеми возможными добродетелями и строго соблюдали нравственный закон, вооружали их всесторонним знанием, чтобы их царствование было полезным и мудрым и принесло достойные плоды как самим владыкам, так и их подданным.

Были и другие причины. Слушай! Зная, что Дарующий Радость Великий Духовный Наставник, Глава династии Солнца, Тот, чья небесная обитель – Вечное Блаженство, родится в царском роду, мудрецы, обладающие даром предвидения, обеспечили себе доступ в дворцовые покои правителей династии, чтобы испытать высшее счастье встречи с воплощенным Божеством, когда это чудо произойдет. Они боялись, что никогда в дальнейшем им не представится такая уникальная возможность, что они «упустят» величайший шанс в своей жизни и не вкусят божественного нектара, дарующего высшее блаженство – драгоценное сокровище, которым они сумели бы распорядиться, как никто другой. Поэтому мудрые провидцы, привыкшие к жизни в уединении, поселились в царской столице, в самой гуще общества, исполненные сладостного предвкушения близости Великого Пришествия.

К их почтенному кругу принадлежали Васиштха, Вишвамित्रа, Гарга, Агастья и другие святые мудрецы риши. У них не было мирских желаний; они сами были царями – царями самоотречения; не имея ни нужд, ни потребностей, они всегда были довольны. Они появлялись в торжественных дворцовых залах не для того, чтобы участвовать в напыщенных беседах с браминами; не ради тех роскошных даров, которые щедро расточали цари гостям и ученым мужам; не для того, чтобы обременять свои имена титулами, которыми любили украшать правители своих приближенных. Они жаждали Даршана (блаженства лицезрения) Божества и использовали любую возможность, чтобы поддержать Дхарму (праведность) в делах людских. Других целей у них не было!

Однако и сами цари в те времена были озабочены мыслями о Божественном! Они часто навещали в обители отшельников и, приобщаясь к высшему знанию, искали способы сделать своих подданных еще более счастливыми и довольными; они приглашали старцев ко двору, нуждаясь в их мудрых советах, и внимали их урокам и наставлениям. То были дни, когда мир знал мудрецов, стойких в самоотречении; великих учителей, свободных от жажды власти; эти подвижники предлагали царям свою бескорыстную помощь. В результате такой тесной связи люди не страдали от голода и холода и, не испытывая недостатка ни в жилье, ни в одежде, были здоровы и счастливы. Утро каждого дня они встречали как праздник и двери домов украшали гирляндами цветов. Царь осознавал свой священный долг – постоянную заботу о благополучии подданных; подданные чувствовали, что царь – это живое сердце, питающее всю страну. Они верили: он так же необходим стране, как их собственные сердца необходимы для жизни их тела; они ценили его, как самое дорогое сокровище, почитая его и платя ему дань любви и благодарности».

Так мудрец Шука в ясной и доступной манере поведал большой группе слушателей историю святых риши, разъяснив цель их благородной миссии.

Уловили ли вы главный ее смысл? Что бы ни делали Великие, в каком бы обществе ни находились, они всегда следуют путем праведности, или путем Божественного: их действия служат процветанию всего мира! Поэтому при чтении и повторении слова Рамааны или других текстов, повествующих о деяниях Божества, вы должны сосредоточить все свое внимание на величии Божественного Таинства, на присущих ему правде и откровенности и стараться вплести эти качества в повседневную жизнь. Не придавайте значения внешнему и постороннему; главный урок, который следует извлечь – каким образом найти путь, позволяющий безупречно исполнить свой долг.

Бог, принимающий некую Форму ради того, чтобы укрепить пошатнувшуюся Дхарму, ведет себя, как обычный человек. Он вынужден делать это! Его задача – раскрыть глаза человечеству на идеалы совершенной жизни; милостиво передать людям Божественный опыт вечной радости и покоя. Его движения и действия (лилы) могут, на первый взгляд, показаться кому-то ничем не выдающимися и вполне заурядными. На самом деле, каждое из них – проявление высшей правды, красоты, великодушия, радости и ликования! Любой Его шаг способен очаровать весь мир своей прелестью, очистить душу созерцающего, остановить и превозмочь беспокойное блуждание ума, рассеять завесу Майи – иллюзии, наполнить сознание Божественной сладостью. В действиях Аватара не может быть ничего «банального» или «ординарного»! Все, что нам кажется таковым, поистине – «сверхъестественно», ибо совершается «сверхчеловеком» и заслуживает глубочайшего почитания и благоговения!

Сказание о Рама – не рассказ об отдельной личности. Это – история самой Вселенной. Рама осуществляет Единый Принцип, объединяющий все сущее; Он заполняет собою Пространство и Время. Его история – не летопись прошлых дней; в ней заключены настоящее и будущее, она охватывает всю бесконечность Времени, не имеющую ни конца, ни начала.

Никакой муравей не укусит вас, не будь на то Воли Рама! Ни один лист не сорвется с ветки без Его желания! Пространство, воздух, огонь, вода и земля – все пять природных стихий, составляющие Вселенную, сливаются, подчиняясь Ему, трепеща от страха перед Ним, созвучные ритму Его приказов! Рама – это Принцип, который привлекает друг к другу враждебные и несовместимые элементы Природы, сообщая им при этом гармонию и любовь. Эта пленительная сила притяжения, побуждающая к взаимодействию, лежит в основе существования и жизни Вселенной.

Такова сущность Принципа Рама, без которого космос превратился бы в хаос. Поэтому запомните навсегда: если бы не было Рама, не было бы и Панорамы, или Вселенной.

Глава 2 Царский род

В незапятнанном роду безупречно чистой династии Солнца был рожден царь Катванга – могущественный, непобедимый, прославленный, горячо любимый и почитаемый правитель. Сияющие лучи его царствования изливались на бесчисленные поколения подданных неиссякаемой благодатью, что побуждало их поклоняться ему, как самому Богу. У царя был один-единственный сын, и звали его Дилипа. Он рос, блистая многими знаниями и добродетелями, разделяя со своим отцом счастливую привилегию заботы и попечения о вверенном ему народе. Он был полон страстного желания знать о всех радостях и печалях своих подданных и стремился к тому, чтобы максимально облегчить их невзгоды и страдания, обеспечив им еще большее благополучие и процветание. Отец видел, что сын растет стойким и сильным, праведным и мудрым. Подошло время искать ему невесту, чтобы после бракосочетания частично переложить на его плечи бремя правления. Невеста должна была быть достойной принца, и поэтому Катванга искал ее во многих славных царствах, далеких и близких, пока его выбор не пал на принцессу Магадхи – Судакшину. Свадьба была сыграна с непревзойденной пышностью и великолепием и сопровождалась ликованием всего народа и царского двора.

Судакшина была наделена в полной мере всеми женскими добродетелями. Она была скромна, благочестива и искренне преданна мужу; служа своему господину, она дарила ему безграничную любовь, как если бы он был ее собственным дыханием. Она всегда следовала по его стопам, ни на миг не отклоняясь от праведного пути.

Сам Дилипа был воплощением праведности, и с течением времени он почувствовал, что ни горечь разочарований, ни желания более не властны над ним. Он твердо придерживался идеалов и принципов своего отца во всем, что касалось управления государством, и поэтому постепенно, но уверенно, смог взять на себя полную ответственность за выполнение обязанностей правителя. Таким образом, он приготовился к тому, чтобы отец, достигнув преклонного возраста, мог спокойно отойти от дел. Катванга радовался про себя, размышляя о великих достоинствах сына и наблюдая, насколько тот талантлив, трудолюбив и полон деятельной мудрости. Так прошло несколько лет и, наконец, Катванга дал указ придворным астрологам, чтобы они выбрали благоприятный день и час для коронации Дилипы, и в этот назначенный день Дилипа был провозглашен монархом государства.

С этого дня Дилипа продолжал блистать в лучах славы уже как владыка престола и монарх державы, простиравшейся от моря до моря, включая острова в океане. Его царствование было настолько справедливым и милостивым, настолько созвучным священному слову Писаний, что дожди обильно проливались на землю, и урожай был богатым и щедрым. Празднично расцвела и зазеленела вся страна, полная торжества и изобилия. Казалось, сама земля отзывалась на священные звуки Вед, слышимые в каждой деревне, и дышала в очистительном ритме мантр – священных гимнов, пением которых сопровождалась ведийские жертвоприношения, устраиваемые по всей стране; все народы жили в мире и согласии друг с другом.

Однако, несмотря на это, было заметно, что махараджу снедает какое-то тайное беспокойство; его всегда лучезарный лик омрачился. Так продолжалось несколько лет, и его чело все более хмурилось от нарастающей печали. Пришел день, когда он поделился с царицей причиной своего уныния: «Любимая, у нас до сих пор нет детей, и поэтому грусть переполняет меня. Еще большую тревогу внушает мне мысль о том, что на мне может закончиться род Икшваку. Возможно, причина этой беды – какой-то грех, который я невольно совершил. Я чувствую, что не в силах сам найти способ, как противостоять судьбе. Я жажду узнать от нашего семейного наставника, святого Васиштхи, каким образом искупить свой грех и добиться милости Божьей. Смятение и горе одолевают меня. Может быть, ты знаешь, как снискать прощение Господа?»

Судакшине не потребовалось времени для размышления. Она сказала: «Господин! И в моем сердце поселился страх, причиняющий мне много горя. Однако я не давала волю своим чувствам, стараясь подавить их, потому что я знаю, что не могу обнаружить свою тревогу без твоего на то дозволения, мой господин. Я всегда полна страстного желания и стремления поддержать тебя и последую без колебаний за тобой туда, где ты надеешься найти и преодолеть причину нашей скорби. Зачем же медлить? Нам следует поторопиться, чтобы спросить совета у почтенного Васиштхи». Дилипа приказал запрячь колесницу для совершения паломничества к священной обители наставника. Он отказался от конной стражи и не взял с собою никого из приближенных. Царь сам правил колесницей, и вскоре они с царицей прибыли к скромному жилищу Гурудева, святого наставника.

При звуках приближающейся колесницы отшельники, находившиеся в окрестностях ашрама, поспешили внутрь дома, чтобы сообщить о прибытии владыки государства. Васиштха благословил Дилипу, переступившего порог обители, и со вниманием и любовью осведомился о его здоровье и о благополучии родных, близких и подданных.

Судакшина пала к ногам супруги мудреца, прославленной Арундати – воплощению всех добродетелей, которые могут украшать благороднейшую из женщин. Арундати подняла Судакшину с колен, нежно обняла ее и, поинтересовавшись ее самочувствием и благополучием, увела во внутренние покои обители.

Как и подобало монарху, Дилипа расспросил Васиштху, не возникает ли каких-либо препятствий при осуществлении обрядов яджны и яги (священных жертвоприношений), которые должны устраиваться монахами в соответствии с культурной и религиозной традицией, а также – не испытывает ли община трудностей в обеспечении пропитанием;

его волновало, как идут занятия и духовная практика, и не тревожат ли дикие звери жителей лесных подворий. Он сказал, что всячески желал бы способствовать тому, чтобы процесс постижения знания и проведения духовной практики не осложнялся бы тяжелыми условиями жизни и нежелательными внешними воздействиями.

Когда царь и царица вступили в святую обитель и заняли свои места в кругу собравшихся мудрецов и подвижников, Васиштха предложил всем присутствующим разойтись по своим уединенным приютам и спросил царя, что за нужда заставила его проделать этот путь без свиты, в сопровождении одной лишь царицы. Тогда Дилипа поделился с наставником причиной глубокого горя, мучившего его, и взмолился, чтобы тот указал ему единственный путь стать счастливым, то есть вновь обрести милость Божью.

Внимая молитвам просящего, Васиштха погрузился в глубокую медитацию. Воцарилось полное молчание. Царь сидел на голом полу в позе лотоса, устремив свой разум к Господу; к Богу были обращены и все мысли царицы.

Наконец, Васиштха открыл глаза и произнес: «Царь! Никакой человек, как бы силен и могущественен он ни был, не может пойти наперекор воле Божьей. Не в моей власти отвергать Божественный указ. Моего благословения недостаточно, и своей милостью я не могу даровать тебе желанного сына. Ты навлек на себя проклятие. Как-то раз, когда ты возвращался домой из путешествия, при приближении к столице твой путь пролегал мимо Божественного древа Кальпатару, в тени которого отдыхала Божественная корова Камадену. Ты бросил взгляд на нее, но, опутанный сетью мирских удовольствий, не обратил на нее никакого внимания и, миновав ее, горделиво прошествовал во дворец. Камадену была обижена таким пренебрежением, ее задело то, что ты не удостоил ее почтением. Она предвидела, что и твои подданные перестанут поклоняться ей, видя, что сам царь позабыл о своем долге. Она рассудила, что Дхарме не удержаться прочно на земле, которой правит вождь, не способный обуздать свои чувства, не почитающий Веды, не преклоняющийся перед знатоками Вед – браминами, живущими по их Слову, и пренебрегающий коровой, от которой зависит человеческая жизнь.

В тот день Камадену прокляла тебя, лишив возможности иметь сына – будущего наследника престола; она объявила, однако, что если ты, последовав совету Гуру, начнешь служить Корове почтительно и смиренно и поклоняться ей с благодарностью, то сила проклятия исчезнет, и ты будешь вознагражден сыном и наследником.

Поэтому ты должен прямо с этого момента приступить к покорному служению Корове, не отступая в этом от слова священных текстов. Тогда Бог наверняка дарует тебе сына. Скоро наступит час, когда коровы обычно возвращаются с пастбища. Мое сокровище – моя божественная корова Нандини – сейчас уже на пути к обители. Ступай и служи ей со всею преданностью и твердой верой. Корми, пои и обмывай ее в надлежащее время, приводи ее с пастбища и следи за тем, чтобы никто не причинял ей вреда, пока она пасется на лугу».

Васиштха посвятил царя и царицу в тайну ритуального обряда «Поклонение Корове» (Дженуврата), после чего, снабженные святой водой и священными атрибутами для церемонии, они направились в стойло. Сам Васиштха удалился к реке для совершения омовения и вечерней молитвы.

Однажды, когда Нандини безмятежно щипала траву на лесной поляне, ее подкараулил лев и притаился в кустах в надежде утолить свой голод. Это не укрылось от бдительного взора Дилипы. Он пустил в ход всю свою ловкость и физическую мощь, чтобы одолеть льва и помешать ему наброситься на корову; он готов был отдать взамен собственную жизнь. Тот лев, хоть и был свирепым и коварным, твердо следовал закону Дхармы. Он преисполнился сочувствия к царю, тронутый его решимостью пожертвовать собой во имя спасения почитаемой коровы. Лев прекратил борьбу, отпустив их обоих, и скрылся в лесу.

Нандини, охваченная невыразимой радостью и благодарностью к Дилипе за его самоотверженный поступок, сказала: «Царь! С этого дня снято проклятие, терзавшее тебя! У тебя будет сын, который покорит весь мир, который поддержит и укрепит законы Дхармы, приобретет славу на земле и на небе, приумножит мощь династии, а главное, продолжит род Икшваку, в одном из сынов которого воплотится в один прекрасный день сам Бог, Нараяна! Да будет скорым рождение сына!». Нандини благословила царя, после чего Священная корова, сопровождаемая Дилипой, вернулась в ашрам Васиштхи.

Васиштхе ненужно было ничего рассказывать! Он уже знал обо всем; стоило ему взглянуть на лица царственной четы, и он догадался, что их желание исполнилось; он благословил их и дал согласие на возвращение в столицу. Дилипа и царица Судакшина пали к ногам мудреца и, счастливые и довольные благоприятным исходом событий, вернулись во дворец.

Согласно предсказанию, царица понесла. В благоприятный день, по истечении положенного срока, она родила сына. Когда счастливая новость распространилась по городу и по всему царству, торжествующие тысячные толпы собрались вокруг дворца; улицы были украшены гирляндами из живых листьев и цветов, народ танцевал и пел, ликуя, призывая всех разделить праздничное волнение. В воздух взметалось пламя от бесчисленных факелов и светильников, зажженных по случаю радостного события. Слышались восклицания толпы: «Джей!» «Джей!» – «Слава!» «Слава!» – и народ все продолжал стекаться ко дворцу.

Дилипа поручил самому главному министру объявить собравшимся подданным о рождении наследника престола. Когда это было сделано, толпа взорвалась единым ликующим возгласом; этот возглас, как волна, прокатился по улицам города, и эхом отозвался от его стен. Прошло еще немало часов, прежде чем народ рассеялся и разошелся по домам.

На десятый день царь пригласил во дворец Гуру для проведения церемонии выбора имени новорожденному {Намакаранам}. Царевича назвали Рагху, что соответствовало расположению звезд в момент рождения. Младенец вызывал всеобщий восторг своим игривым нравом и безмятежным детским лепетом; он был всеобщим любимцем, прелестным и светлым ребенком и, миновав подростковые годы, превратился в храброго и решительного юношу – достойного преемника своего отца.

Однажды вечером, беседуя с царицей, движимый неожиданно возникшим чувством, – кто знает, почему оно появилось, – Дилипа сказал: «Судакшина! Я одержал в этой жизни немало грандиозных побед. Я преуспел в совершении великих жертвоприношений. Я возглавлял жестокие сражения с могущественными захватчиками и победил их всех, включая великанов-людоедов и демонов-титанов. Бог даровал нам драгоценное сокровище – нашего сына. Нам больше не к чему стремиться, давай же проведем остаток лет в поклонении Богу. Рагху – средоточие всех добродетелей, и он полностью готов к тому, чтобы принять бразды правления. Пора доверить ему царство. Мы же удалимся в лес и будем жить в тишине, питаясь плодами и кореньями, служа святым мудрецам-подвижникам и аскетам, чьи помыслы и устремления направлены к Богу, и освятим наши дни Шраваной, внимая священному слову; Мананой, размышляя о скрытом смысле этого Слова, и Нидхидхьясаной, следуя указанному в слове пути. Мы не должны ни минуты более пребывать в лени и косности, которые суть порождение тамаса».

Произнеся такие слова, он приказал, как только наступит рассвет, прислать к нему главного министра и начать немедленные приготовления к коронации и бракосочетанию принца. Исполненный духа самоотречения, он спросил царицу, каковы ее намерения. Сдерживая слезы радости и благодарности, она сказала: «Могла ли я мечтать о более счастливой судьбе? Я вся во власти твоей воли и поступлю согласно твоим желаниям». Ее готовность и добровольное согласие разделить его долю еще более укрепили решение правителя.

Дилипа собрал придворных, мудрецов, ученых, министров и сообщил им о своем намерении отпраздновать коронацию и бракосочетание сына; они всем сердцем откликнулись на его призыв, и оба события были отмечены с надлежащим великолепием. Затем отец дал принцу прощальные советы и наставления по поводу управления страной, напомнив, что необходимо всячески содействовать изучению Слова Вед и поощрять ученых-пандитов, искушенных в знаниях; перечислил законы, призванные способствовать всеобщему процветанию. После этого он немедленно тронулся в путь со своею царицей, влекомый стремлением снискать милость Божью.

С этого дня царь Рагху стал властителем державы. Он правил страной в строгом соответствии с наставлениями мудрецов – пандитов и преследовал две неразрывно связанные цели: счастье народа и поощрение праведной жизни. Он верил, что счастье и праведность – животворные силы, подобные вдоху и выдоху. Он делал все возможное, чтобы претворить в жизнь высшие идеалы, и помогал утвердиться на истинном пути всем своим министрам и приближенным. Несмотря на молодые годы, он был богат добродетелями. Он мгновенно охватывал суть самой нелегкой и запутанной ситуации, и всегда находил способы ее разрешения; все его подданные были довольны и счастливы.

Немало суровых уроков пришлось ему преподавать жестоким и неправедным властителям. Он побеждал их либо мирными способами, используя тонкую дипломатическую тактику, либо снаряжая в поход небольшое войско, либо, расторгнув мир, одерживал победу на поле битвы в открытом бою.

Вся его деятельность служила процветанию и способствовала развитию культурных традиций, заложенных в Ведах. Его правление превозносилось среди всех сословий и варн общества – всеми его подданными, независимо от возраста, богатства, рода занятий и достижений. В народе говорили, что он превосходит даже своего отца в невиданной доблести, отваге, справедливости и сострадании. Все считали, что он навеки прославил свое имя.

Особое внимание уделял Рагху заботе об охране и удобстве уединенных приютов лесных аскетов. Он следил, чтобы их ничто не тревожило и лично наблюдал за тем, чтобы принимались все меры по их защите и дальнейшему благоустройству. Своей почтительной опекой он снискал благословение и милость святых подвижников.

Однажды один из учеников священного ашрама, Каутсу, чьим наставником был Варатанту, по завершении обучения явился ко двору. Он обратился к царю со смиренной просьбой, чтобы тот помог ему совершить обряд благодарственного подношения своему Учителю. Рагху снабдил его необходимой суммой денег. Каутсу был безмерно счастлив чистотою царского дара, так как люди, жертвовавшие деньги, не испытывали от этого никакого ущерба и отдавали их с радостью и признательностью. Рагху никогда не брал и лишней пайсы у своих подданных сверх того, что требовалось на первоочередные нужды, ибо всегда страшился гнева Господня. Деньги были вручены с уважением и любовью, и Каутсу преисполнился радостью и благодарностью. В порыве сердечного чувства он обратился к царю: «Позволь благословить тебя на рождение сына, слава о котором прогремит на весь мир». С этими словами он покинул царские покои.

Предсказание сбылось, и через десять лунных месяцев милостью Божией Рагху обрел сына, сияющего, как прекрасная жемчужина!. После совершения придворными жрецами необходимых ритуалов ребенку было дано имя Аджа. Это было прелестное дитя. Он вырос живым и смышленным мальчиком, который тянулся к наукам и искусству, и превратился со временем в их тонкого и глубокого знатока. По всей стране разлетелась слава о нем, как о юноше, полном совершенства и владеющим многими знаниями.

Через некоторое время Рагху, подобно своему отцу, ощутил потребность переложить на плечи сына бремя правления, чтобы удалиться в лес, предавшись размышлениям о Боге. Он так же созвал своих министров, чтобы они занялись приготовлениями к ритуалу коронации и передачи престола наследнику, а одновременно – и поиском подходящей невесты для бракосочетания. Спутницей жизни для Аджи была выбрана Индумати, сестра

Бходжараджи, правителя Магадхи. После воцарения Аджи на троне его царственные родители удалились в уединенную лесную обитель.

Аджа и нежно любящая его супруга завоевали преданную любовь подданных своей мудростью и отзывчивостью; в вопросах управления державой они твердо следовали принципам и заветам, оставленным Рагху. Аджа благоговейно любил весь мир и его обитателей, ибо сама жизнь была для него образом и отражением обожаемой им супруги Индумати; он всегда был полон счастливого восторга. Они любили проводить целые дни и недели в чудесных лесных пристанищах, восхищаясь красотой и величием Природы.

В скором времени царица родила сына. Родители были безмерно счастливы этим радостным событием и послали гонцов, чтобы оповестить Васиштху, почитаемого наставника. Они хотели, чтобы он руководил ритуальными церемониями, связанными с появлением новорожденного. Младенцу было дано имя Дашаратха.

Маленький Дашаратха становился любимцем для всякого, кто хоть раз видел его и удостоивался чести его ласкать и нянчить. Малыш был настолько резв и безмятежен, что, казалось, в нем сосредоточились вся радость и веселье жизни, будто он вскормлен молоком Ананды, Высшим блаженством, и появился на свет только для того, чтобы делиться этой Анандой со всем миром.

Однажды Аджа и Индумати, по своему обыкновению, удалились в лес, чтобы набраться сил на лоне природы. Было нечто особенное в величественной тишине этого дня. Они сидели в тени дерева и вели нежную задушевную беседу, как вдруг поднялся сильный порывистый ветер. Он принес с собою благоухание, сладость которого невозможно описать, и пленительные звуки божественной музыки! Царь и царица вскочили и посмотрели вокруг в надежде обнаружить источник этих загадочных чудесных даров. Они увидели, что высоко в небе над их головами, промелькнув среди облаков, мимо них пронесся Нарада, духовный сын (манаса путра) самого Брахмы! В тот момент, когда они увидели его, один из цветков гирлянды, вплетенной в его развевающиеся волосы, оторвался и, подхваченный ветром, полетел вниз, коснувшись головы Индумати. Аджа замер в изумлении, но вдруг с ужасом увидел, что царица тут же замертво упала на землю, и ее глаза закрылись навеки!

Смерть женщины, безграничной любовью к которой он дышал, как воздухом, повергла царя в пучину горя и отчаяния. Весь лес сотрясся от его горестного плача. Сочувственной дрожью отзывалась на него земля; застыли деревья, скованные смущением перед скорбью, переполнявшей и разрывававшей царственное сердце.

Нарада услышал отчаянный вопль Аджи, его стоны и рыдания над бездыханным телом возлюбленной Индумати. Он спустился, чтобы облегчить страдания царя. «Раджа! – сказал он, – нет смысла скорбеть, когда смерть уже пришла. Свойство тела – умирать и рождаться. У рождения и смерти один источник и одна причина, но попытаться узнать ее было бы проявлением безумия. Деяния Бога – вне обычных причинноследственных связей. Обычный интеллект не способен разгадать Его тайны; ограниченные возможностями своего рассудка, мы можем только предполагать причину Его деяний. Как может человеческий ум объять необъятное – то, что простирается далеко за его пределами?»

Смерть неизбежна для каждого из воплощенных. Однако, поскольку смерть Индумати загадочна и необычна, я должен раскрыть тебе ее причину». Нарада велел царю подойти поближе и сказал: «Слушай! В давние времена святой мудрец Тринабину предавался суровой аскезе, и тогда Индра решил испытать, насколько глубоко и непоколебимо его отречение. Он послал к нему красавицу Харини, небесную деву, чтобы своими волшебными чарами она завлекла его в мир чувственных наслаждений. Однако ее уловки никак не подействовали на святого – он остался равнодушным. Тринабину приоткрыл глаза и сказал: «Ты не похожа на обыкновенную женщину. Скорее всего, ты – божественная дева. Но кем бы ты ни была, ты должна понести наказание за то, что служишь исполнению нечестивого, скверного плана! Так снизойди же с небес и родись

человеческим существом! Узнай, что есть жизнь простого смертного!» Произнеся слова проклятия, мудрец закрыл глаза и снова погрузился в медитацию.

Харини задрожала от страха, и из ее глаз хлынули слезы раскаяния. Она молила о прощении, страстно взывая к святому, чтобы он избавил ее от вечного изгнания из небесной обители. При виде этого мудрец немного смягчился и сказал: «О слабовольное создание! Для меня невозможно взять свои слова обратно. Но я расскажу тебе о том единственном случае, при котором рассеется сила проклятья. Слушай! В тот момент, когда божественный цветок упадет на твою голову, твоя земная оболочка исчезнет и ты возвратишься на Небо!» Знай, Аджа, – продолжал Нарада, – твоя супруга Индумати – та самая божественная дева, и сегодня она получила освобождение. Когда цветок из моей гирлянды коснулся ее, она была избавлена от проклятья. К чему горевать об этом? Это бессмысленно». Нарада напомнил Адже о его царственных обязанностях, о грузе лежащей на нем ответственности, о том примере, который он должен подавать окружающим; он говорил о быстротечности человеческой жизни, о таинстве смерти, о неизбежной судьбе всех рожденных в этом мире живых существ. После этого Нарада покинул Аджу, чтобы продолжить свой путь в небесной выси.

Не в силах спасти возлюбленную, Аджа предал земле прах царицы и вернулся назад в город. Он был раздавлен горем, и только принц Дашаратха приносил ему некоторое утешение и ненадолго возвращал волю к жизни. Он проводил свои дни, замкнувшись в угрюмой печали. Как только Дашаратха достиг совершеннолетия, Аджа передал ему права на царство, а сам удалился на берег реки Сарайю, связав себя священным обетом Анасана (отказ от пищи). Лишив свое тело необходимой поддержки для дальнейшего существования, он добровольно позволил своей жизни постепенно угаснуть.

Услышав скорбную весть, Дашаратха поспешил на берег Сарайю, где горько оплакал потерю любимого отца. Он распорядился о немедленном совершении похоронного обряда. Некоторое облегчение от охватившей его боли утраты царь чувствовал только при мысли о том, что отец расстался с жизнью ради выполнения обета. Это придавало ему силы, чтобы возобновить свою деятельность как правителя державы, в полной мере используя свои многочисленные таланты и добродетели.

Прошло совсем немного времени, и слава Дашаратхи проникла во все затаенные уголки царства, осветив их, как освещают землю лучи восходящего солнца. Он обладал бесстрашием и ловкостью десяти колесничих, слитых воедино, чем полностью оправдывал выбранное для него имя (Дашаратха – «герой десяти колесниц»). Никто не мог противостоять натиску его несокрушимой колесницы. Могучие владыки царств, далеких и близких, смертельно напуганные его невиданной доблестью, склонились перед его мощью, отдавая дань уважения и почтения его трону. Весь мир провозгласил его несравненным героем, образцом совершенства и добродетели, величайшим из существующих правителей.

Глава 3

Да пребудут бесплодными его чресла

Равана, царь ракшасов с острова Ланки, прослышал о славе Дашаратхи. Его охватила такая сильная зависть, что он выработал хитрый план, чтобы сокрушить Дашаратху всеми правдами и неправдами, используя для этого любые средства. Равана искал предлог, чтобы вынудить Дашаратху на принятие открытой схватки; он отправил ему с гонцом послание, в котором говорилось, что если Дашаратха не будет платить ему дань, он вызовет его на поле боя и продемонстрирует свое превосходство в военном искусстве. Этот вызов не соответствовал всемирному нравственному уставу, но разве существовали для Раваны законы морали?

Когда царь Айодхьи услышал сообщение посла, он рассмеялся прямо ему в лицо. В то время как смущенный гонец наблюдал за его действиями, Дашаратха достал острые стрелы и метнул их прямо на остров Ланку! Когда стрелы достигли крепостных стен столицы, все городские ворота оказались намертво закрытыми.

Обратившись к посланникам Раваны, Дашаратха сказал: «Ну что же, почтенные мужи! Я только что запер наглухо все ворота и двери вашего города! Сколько бы ни трудился над ними ваш хозяин, ему не удастся открыть их; это и есть та «дань», которую я заплатил вашему дерзкому владыке». Когда гонцы вернулись и поведали обо всем Раване, он был поражен, обнаружив, что все двери действительно крепко закрыты. Отчаянные усилия, предпринятые Раваной и его прислужниками, не дали никаких результатов – ни двери, ни ворота не поддавались. Только когда пристыженный Равана отступил, признав свое бессилие, стрелы вернулись в Айодхью, и двери снова распахнулись.

Равана, однако, не оставлял надежды подчинить себе весь мир, сделавшись его полным властелином, и рассудил, что сможет добиться этого, если завоюет милость Божию. Он удалился в лесную чащу и выбрал удобное и благоприятное место, чтобы предаваться суровому воздержанию.

Равана так преуспел в своем аскетизме и отречении, что его заслуги привлекли внимание Бога Брахмы, что побудило Его явиться перед Раваной и предложить в награду божественный дар – любой, какой он только пожелает. «Равана!, – сказал Брахма, – проси, что хочешь. Я исполню все, что твоей душе будет угодно». Равана припомнил оскорбление, нанесенное ему Дашаратхой; ему пришло на ум, что Дашаратха может породить могущественных сыновей, которые причинят ему еще больший вред; тут его осенило, в чем состоит его желание: «Господин! Ниспошли мне милостивый дар: сделай так, чтобы чресла Дашаратхи не произвели потомства!». Брахма ответил на это: «Да будет так!» – и немедленно исчез, чтобы не дать времени Раване, пользуясь присутствием Бога, измыслить и облечь в слова очередную гнусную просьбу. Равана надулся от важности, возгордившись своей силой и ловкостью, и, довольный тем, что избавился от страха, торжествовал победу.

Тем временем в его ум закрался еще один план! «Дашаратха уже достиг возраста, подходящего для вступления в брак. Если я изобрету способ, чтобы он вовсе не смог жениться, это обеспечит мне двойную безопасность». При помощи тайных сил, присущих ракшасам, ему удалось разузнать, что невестой Дашаратхи станет, вероятнее всего, дочь царя Кошалы. Итак, он решил покончить с этой принцессой! Если личность близка к разрушению и краху, это ведет к помутнению рассудка. Равана, приняв неузнаваемый облик, тайком пробрался в царство Кошалу и похитил принцессу. Он посадил ее в деревянный ящик и бросил в волны океана.

Раване была недоступна истина, что ничто в этом мире не происходит без вмешательства воли Божьей. В данном случае воля Брахмы отличалась от воли Раваны: ящик был выброшен на берег морской волной. Место, куда он попал, оказалось спокойным и тихим. Случилось так, что на следующее утро Сумантра, первый министр Дашаратхи, воспользовавшись свободным днем, явился туда, чтобы в тишине поразмыслить о государственных делах. Его взгляд упал на деревянный ларь. Он приблизился к нему и, открыв крышку, был крайне изумлен, обнаружив внутри прелестную юную девушку с чудесными сияющими глазами, волосы которой украшал сверкающий венец дивной красоты. Сумантра исполнился жалости и произнес мягко и нежно: «Дитя мое! Как случилось, что ты оказалась в этом ящике?» Она отвечала: «Господин, я принцесса из царства Кошала, зовут меня Каушалья. Я не помню, как я оказалась внутри этого ларя и кто посадил меня туда. Последнее, что я помню – как я играла с подругами в саду у дворца и не знаю, что случилось потом». Сумантра был очень тронут ее простым и искренним ответом. Он сказал: «К таким варварским уловкам прибегают лишь ракшасы, им безразличны человеческие законы! Я отведу тебя к твоему отцу и передам тебя прямо в его руки. Пойдем! Нам следует поторопиться!»

Сумантра усадил принцессу в свою колесницу и направился в Кошалу. Он привел девушку к царю и в присутствии собравшихся придворных рассказал обо всем, что ему было известно.

Царь, в свою очередь, подробно расспросил Сумантру, кто он таков и откуда родом. Он обнаружил, что перед ним не кто иной, как сам первый министр Дашаратхи, владыки Айодхьи, и что его господин до сих пор не женат. При этом известии внезапная радость охватила его. Он сказал: «Министр! Ты вернул мне мою дочь, избавив ее от гибели. Я бы хотел, чтобы она стала женой твоего господина. Будь добр, извести своего царя о моем предложении». В честь Сумантры была проведена пышная церемония, после чего он отправился в Айодхью с грузом подобающих случаю подарков и в сопровождении придворного жреца.

Сумантра подробно рассказал Дашаратхе о случившемся. Чтобы оповестить царя Кошалы о своем согласии, Дашаратха отправил в Кошалу вместе с прибывшим жрецом своего собственного придворного жреца и, в свою очередь, снабдил их богатыми дарами. Был назначен день и час свадьбы.

Дашаратха тронулся в путь, сопровождаемый внушительной процессией из боевых слонов, колесниц, пехоты и конницы. Шествие оглашалось ликующим пением победных гимнов, отзвуки которых неслись к небесам и отражались от далекого горизонта. Бракосочетание Дашаратхи и Каушалы было отпраздновано с непревзойденным великолепием и пышностью. Царь Кошалы подозвал к себе Сумантру и сказал: «Именно ты – причина нашего сегодняшнего триумфа. Разумеется, во всем проявляется воля Господа, но как мне вознаградить тебя и выразить тебе свою благодарность? Прошу тебя почтить согласием мое предложение: пусть и твоя свадьба будет сыграна сегодня в моей столице! Если ты не против, я прикажу тотчас же начать приготовления к церемонии».

Дашаратха и Сумантра согласились на предложение царя. Сумантра вступил в брак с дочерью Вирадасы, из рода Ганги. Известия о свадьбах царя и первого министра, сыгранных в один и тот же день, в одной и той же столице, мгновенно разлетелись по городу, и не только по городу – по всему царству. Радуясь и изумляясь, торжествовала вся страна. Празднество длилось три дня. Огромное количество простого народа было вовлечено в музыкальные представления, танцы, игры и другие праздничные увеселения. Дни и ночи длилось веселье и не стихал возбужденный гомон толпы.

Настала пора возвращаться в Айодхью, и на четвертый день после свадьбы Дашаратха с царицей и придворными, а также министр Сумантра с супругой и свитой тронулись в обратный путь. При въезде в город народ приветствовал их радостными возгласами. Подданные ликовали от восторга, что были сыграны сразу две свадьбы – царя и министра; люди танцевали прямо на улицах и выкрикивали «Джей! Джей!», пока их голоса не охрипли от натуги. Жители столицы высыпали на улицы и выстроились вдоль стен, чтобы полюбоваться на свою царицу; они окропили розовой водой дорогу до дворца, по которой шествовали новобрачные, и зажгли в их честь масляные светильники.

Дашаратха вновь приступил к своим царским обязанностям и правил страной с заботой и любовью. Часто он отправлялся со своей супругой в лес на прогулку, и они счастливо проводили свои дни. Однако время шло – миновали дни, месяцы и годы, и горестная тень омрачила лицо царя. Его снедала боль, что он до сих пор бездетен.

Царь собрал на совет своих жрецов, пандитов и министров, и, убедившись, что их воля не противоречит искренним мольбам Каушалы, привел во дворец вторую жену, Сумитру. Сумитра была достойна своего имени (Сумитра – «дружелюбная»), так как обладала общительным нравом, полным сострадания и деятельной доброты. Каушалы и Сумитра горячо полюбили друг друга, их связали узы глубокой привязанности – более глубокой, чем любовь матери к своему дитя. Каждая стремилась доставить радость другой; обе женщины были сильны духом, отзывчивы и самоотверженны. Но снова полетели годы, и с течением лет убывала надежда на появление наследника престола. Движимый отчаянием, царь, по настоянию цариц, женился в третий раз. Новой

избранницей стала Кайка – принцесса невиданной красоты, дочь царя Кекайи из Кашмира.

Царь Кекайи, однако, поставил определенные условия, прежде чем согласиться на бракосочетание дочери. Он настаивал на том, чтобы сын Кайки получил первоочередное право вступления на престол. Он сказал, что если царь Айодхьи не примет этого условия, он не даст согласия на свадьбу. Придворный жрец Гарга вернулся в Айодхью, чтобы сообщить царю это известие. И Каушалья, и Сумитра прекрасно понимали, как жаждет царь вступить в брак с принцессой из Кекайи, молва о необыкновенной красоте и прелести которой распространилась повсюду. Они чувствовали, что их долг как преданных жен – подчиняться малейшему желанию супруга и делать все возможное, чтобы его воля исполнилась; кроме того, они были полностью уверены в том, что царский род Айодхьи не может быть запятнан, и в нем никогда не родится сын, способный нарушить Дхарму. Даже если Дашаратха даст клятву, что сын его третьей жены станет наследником престола, сын Кайки, рожденный в славной династии, будет воплощением праведности и никакой изъяз или порок не смогут коснуться его. Поэтому они обе взмолились, простирая руки к царю: «Господин! У нас нет большего счастья, чем видеть счастливым тебя! Прими условия царя Кекайи! Возьми в жены его дочь и обеспечь этим продолжение династии Рагху! Нет нужды тратить время на дальнейшие размышления!»

Слова цариц еще более распалили пламя, горевшее в сердце царя. Он послал Гаргу обратно в Кекайю, вручив ему многочисленные дары. Он велел передать царю, что принимает его условия и начинает немедленные приготовления к свадебной церемонии. Свадьба была сыграна со щедрым великолепием.

Во главе пышной процессии, сопровождаемый тремя царицами, вернулся Дашаратха в свою столицу и прошеествовал по улицам города, сияя, как луна на звездном небе! Царь проявлял одинаковое внимание и заботу по отношению к каждой из своих жен. Они также выказывали равную любовь и уважение друг к другу и к своему господину. Они преклонялись передним и боялись хоть в чем-то огорчить его. Царицы стремились сделать все, что в их силах, чтобы исполнить любое желание Дашаратхи и никак не препятствовать осуществлению его воли, ибо почитали его, как Бога, как и подобает праведным женам. Взаимная любовь, связавшая их, была настолько глубока, что, казалось, само дыхание их тел, живущих врозь, слилось для всех троих в едином вдохе и выдохе!

Годы шли. Молодость царя и его трех верных подруг миновала, пролетели годы зрелости, и старость уже была не за горами; царь так и не дождался желанного сына. И хотя женские покои дворца своим изысканным удобством и роскошным убранством зывали к счастливой жизни, сердца цариц томились тревогой, тоской и отчаянием.

Однажды вечером вся царственная семья – царь и три его супруги – собрались в одном из покоев дворца и, снедаемые волнением и беспокойством, обсуждали дальнейшую судьбу Айодхьи, ее будущую безопасность и процветание. Беседа длилась много часов, и каждый старался внести в нее свой полезный вклад, чтобы найти необходимое разумное решение. Однако так и не придя ни к какому выводу, они разошлись, еще более удрученные, видя единственное спасение в том, чтобы обратиться за помощью к Васиштхе, семейному Гуру, и последовать его совету.

С наступлением рассвета Васиштху известили о просьбе царя удостоить дворец своим присутствием. Были также приглашены многие мудрецы, пандиты и прорицатели. Царь поведал им о своей заботе – как найти достойного преемника, которому можно вручить бразды правления огромной державой, простирающейся меж двух морей – обширными царскими владениями славной династии Рагху.

Исполненный отчаяния и неуверенности в будущем, Дашаратха страстно зывал к мудрым наставникам с просьбой дать ему необходимый совет.

Васиштха погрузился в длительное глубокое раздумье. Наконец он открыл глаза и произнес: «Царь! Тебе не стоит так сильно горевать. Айодхья не останется без правителя.

Ей не суждено бедствовать, словно одинокой вдове. Это царство и впредь будет средоточием веселья, счастья и изобилия, ему суждено дальнейшее процветание и торжество вечного праздника. Айодхья останется Поводырем всех народов, кладезем праведности, и ее земля будет созвучна радостному ритму прекрасной музыки. Я не допущу, чтобы на престоле Айодхьи воцарился владыка инородной династии. Милость Бога – непостижимый дар. Я уверен, что вы заслужили это великое счастье – обрести сына, свято следуя в своей жизни обету праведности. Вам не следует медлить! Пригласите святого мудреца Ришьяшрингу, сына Вибандаки, в качестве верховного жреца, и осуществите особую священную ягью (жертвоприношение) – Путра Камести (ягья, предписанная тем, кто просит Господа о сыне). Сделайте все необходимые приготовления к ритуальной церемонии, чтобы как можно быстрее приступить к ягье. Я не сомневаюсь, что ваше желание будет исполнено».

Царицы внимали этим торжественным словам, которые вселяли в них уверенность, и их сердца наполнялись анандой! В их душах вновь распускался цветок надежды. Они удалились в свои покои, чтобы предаться искренним молитвам.

Для того чтобы пригласить в столицу царства Ришьяшрингу, сына Вибандаки, для выполнения священной миссии, царю нужно было выбрать среди своих подданных наиболее достойного посланника. Наконец он вызвал к себе своего старого друга – Ромападу, царя государства Анга, и отправил его к мудрецу, снабдив должными дарами и наставлениями. Между тем на берегу священной реки Сарайю заканчивались приготовления к ягье. В соответствии с предписаниями священных текстов были воздвигнуты жертвенные алтари, обладающие особой силой притяжения. Город был украшен флагами и гирляндами.

Наконец, ко всеобщей радости, наступил долгожданный момент, когда в город Айодхью прибыл великий мудрец Ришьяшринга в сопровождении своей супруги Санты.

Правитель Дашаратха приветствовал святого у главных ворот дворца; он совершил церемонию омовения ног выдающегося подвижника и окропил свою голову несколькими каплями воды, освященной прикосновением к лотосоподобным стопам. Затем он пал к ногам Васиштхи со смиренной просьбой, чтобы святой посвятил наставника в таинство ритуала созерцательной ягьи. По указанию Ришьяшринги все придворные министры и пандиты расположились в тронном зале в соответствии с принятым порядком; он велел царю взойти на трон. Затем он подробно описал различные стадии и тонкости церемонии, чтобы придворные жрецы могли принять участие в совершении обряда. Он не упустил ни малейшей детали, и каждый из присутствующих в точности знал, какое место ему следует занять на жертвенном холме!

Мудрец определил час начала церемонии – ровно 7 утра следующего дня. Весть мгновенно распространилась по всему городу. Задолго до наступления рассвета каждый дом был украшен зелеными гирляндами, и толпы народу скопились на улицах, продвигаясь к обширному пространству на берегу реки, где должна была проводиться ягья. Весь берег был запружен людьми, сгорающими от любопытства и нетерпения.

Ришьяшринга, вместе со своей супругой Сантой, вступили в специально возведенный для ягьи мантап, куда проследовали и царь с тремя царицами, в то время как небеса огласились мелодиями ведийских песнопений, приветственными возгласами толпы, звучанием горнов, труб и свирелей. Ришьяшринга, как главный жрец и устроитель ягьи, олицетворял Брахму; он распределил ритуальные обязанности: богослужение, чтение священных текстов, песнопения, умилоствление и т.д. – среди жрецов и пандитов, соответственно их положению и знаниям.

Наконец, сам Ришьяшринга, неустанно повторяя известные лишь ему одному мантры, тщательно соблюдая все тонкости предписаний, с глубокой верой и преданностью возложил на алтарь жертвенные дары и возжег священный огонь.

Из языков жертвенного пламени, поддерживаемого согласно предписаниям, возникла Божественная Фигура, озарившая, словно внезапная вспышка молнии,

ослепительным блеском своего великолепия все вокруг! При этом Явлении остолбенела и благоговейно замерла собравшаяся толпа, включая жрецов и пандитов, пораженная священным ужасом, восторгом и трепетом! Все ощутили внезапно нахлынувшую волну невыразимого блаженства от приобщения к сокровенному таинству. Слезы восторга хлынули из глаз царя и трех цариц. Они простерли руки к Божеству в истовой и страстной молитве;

Ришьяшринга продолжал церемонию с невозмутимым самообладанием, не переставая повторять предписанные мантры, в строгом порядке предавая огню жертвенные дары. Внезапно из поднебесья раздался голос – как будто наступил последний Судный День! В благоговейном ужасе и ошеломлении застыл Ришьяшринга, стараясь внять каждому слову Послания Свыше. «Махараджа! – вещал голос, – прими этот сосуд и раздели поровну священную пищу, «пайасам», содержащуюся в нем, между тремя царицами». Передав сосуд в руки царя. Таинственная Фигура исчезла в сполохах жертвенного пламени, которое породило ее.

Ликованию всего народа, царского двора, пандитов и жрецов, наблюдавших Великое Явление, не было границ. Вскоре были завершены последние ритуалы, и процессия во главе с махараджей, державшим в руках драгоценный сосуд, дарованный Богами, прошествовала во дворец.

Глава 4 СЫНОВЬЯ

Следуя пожеланию наставника, царицы совершили ритуальное омовение и вступили в храмовые покои, где находился алтарь с изображением фамильного божества; они нашли там Васиштху, завершающего церемонию поклонения. Три золотые чаши были наполнены пайасамом, дарованным Божественным посланником. Затем Васиштха призвал Дашаратху и сказал: «Раджа! Передай эти чаши твоим женам: первую – Каушалю, вторую – Сумитре и третью – Кайкейи». Царь исполнил то, что было сказано. Завладев чашами, царицы склонились к ногам Васиштхи и Дашаратхи. Васиштха добавил, что вкусить божественное яство они смогут лишь после того, как коснутся стоп Ришьяшринги, Верховного жреца ягни.

Поэтому Каушалю и Кайкейи оставили свои чаши в храме и удалились в свои покои, чтобы высушить и уложить волосы к торжественной церемонии. Сумитра же вышла на террасу и, поместив свою чашу на невысокие перила, предоставила сушить свои волосы солнцу и ветру, а сама предалась донимавшим ее последнее время мыслям о своем особенном положении. Она думала: «Я – вторая царица. Сын старшей царицы унаследует трон по законному праву; сын Кайкейи, третьей царицы, может завладеть престолом согласно обещанию, данному царем при бракосочетании. Однако, – размышляла Сумитра, – что ожидает моего собственного сына? У него нет никаких прав. Зачем вообще иметь сына, у которого не будет ни власти, ни независимости? Лучше уж ему вообще не родиться, чем родиться отверженным».

Но такие мысли были лишь минутной слабостью, и вскоре Сумитра успокоилась и смирилась со своей судьбой. Она поняла: суждено сбыться тому, что задумали боги, и этому нельзя воспрепятствовать. Она напомнила себе, что таково было повеление наставника и приказ царя. Поэтому она протянула руку за чашей с намерением отведать ее содержимое, как вдруг – о чудо! – откуда ни возьмись прилетел большой орел, ухватил клювом сосуд и взмыл с ним вверх, высоко-высоко в небесную даль.

Сумитра пришла в отчаяние, что проявила такую небрежность по отношению к драгоценному пайасаму. Она понимала, как сильно огорчится царь, если узнает об этом несчастье. Она не знала, как ей поступить, и поэтому побежала прямо к своей сестре, Каушалю, и рассказала ей обо всем. Вскоре со своей золотой чашей явилась и Кайкейи,

успевшая подвязать просушенные волосы. Три женщины очень любили друг друга, они, будто родные сестры, были связаны единой шелковой нитью любви и нежности.

Чтобы не расстраивать царя неприятным известием, царицы раздобыли еще одну золотую чашу, и Каушалья и Кайка поделились с Сумитрой равными частями божественного яства, чтобы все трое могли занять достойное место в храме. Зазвучали полагающиеся случаю священные песнопения, исполнявшиеся жрецами и браминами, и, благословляемые Ришьяшрингой, каждая из цариц вкусила свою долю божественной пищи. После этого им дали пригубить святой воды, и царицы распростерлись перед алтарем; коснувшись стоп Ришьяшринги, они удалились в свои покои.

Бежало время; скоро по городу разлетелась весть, что все три царицы понесли; по мере того как их тела округлялись, лица трех женщин все более светились от счастья. Истекли девять месяцев; служанки и няньки, ожидая счастливых событий, наблюдали за царицами с удвоенной бдительностью. Наконец, послали за помощью, ибо у Каушальи начались родовые схватки; не успели повитухи достичь порога ее покоев, как стало известно, что царственная супруга уже разрешилась от бремени сыном! На следующий день произвела на свет сына и Кайкейи. Вся женская половина дворца наполнилась радостью и ликованием. На третий день пришел черед Сумитры – она почувствовала родовые схватки и родила сразу двух мальчиков – близнецов!

Благоприятные знамения не замедлили появиться. Счастливые новости вызвали неимоверный восторг и веселье в народе. Земля покрылась пышной зеленью; по всей стране на деревьях распустились цветы; воздух звенел от музыки. Облака разразились благоуханным дождем, пролившимся над крышами детских покоев, где младенцы спали в своих колыбелях! Радости Дашаратхи не было границ. Годами погруженный в мрачную тревогу оттого, что не имеет даже одного-единственного сына, теперь он преисполнился неопишуемого счастья и довольства, что появилось сразу четыре наследника!

Царь пригласил ко двору браминов и наделил их золотом, коровами и земельными угодьями. Он распорядился раздать деньги и одежду бедным; накормил всех голодных; позаботился о предоставлении крова бездомным. Куда бы ни устремился его взор, повсюду он видел людей, приветствующих долгожданное событие ликующими возгласами: «Джей!» «Джей!» Подданные устраивали многолюдные сборища, выражая свою радость пением, музыкой и танцами. Народ был полон гордости, что царский род обогатился четверьмя прекрасными принцами! Поистине, люди испытывали большую радость, чем при рождении собственных сыновей! Женщины без устали совершали обряды поклонения домашним святым и божествам, выражая благодарность Богу за Его милосердие, так как не сомневались, что рождение царских сыновей – знак Божественной щедрости и милости.

Дашаратха пригласил Васиштху, наставника царской династии, во дворец, и, следуя его совету и пожеланию, послал за ученымастрологом, чтобы тот составил гороскоп новорожденным. Астрологу сообщили, что сын Каушальи был рожден в самый благоприятный момент: Уттараян (Священную половину года), месяца чайтра, в понедельник, на девятый день восходящей луны, когда звезда Пунарвасу пребывала в Симхалагне (зодиакальном созвездии Льва), в период абхиджит (период победы); мир пребывал в счастливом благоденствии и равновесии Природы – не было ни жары, ни засухи, ни холода. Сын Кайкейи родился на следующий день того же месяца чайтра, то есть на десятый день восходящей луны, во вторник, в период гандхайога. На третий день появились близнецы: это был тот же месяц чайтра, одиннадцатый день новолуния, звезда Аслеша, период вриддхийога. Эти подробности были сообщены астрологу; его попросили, используя свои познания, составить астрологические карты и гороскопы для всех принцев и передать царю результаты предсказаний.

Дашаратха обратился к Васиштхе с почтительной просьбой определить благоприятное время для церемонии выбора имен новорожденным. Погрузившись на несколько минут в состояние глубокого сосредоточения, семейный наставник направил

свой внутренний взор к будущему – ему открылись далекие горизонты. Пробудившись от йогического транса, он произнес: «Махараджа! Твои сыновья – не простые смертные. Им нет равных в этом мире. У них много имен, ибо природа их выше человеческой: они – Божественные существа, принявшие человеческий облик. Все они – Божественные Личности. Для всего мира их появление – знак счастливой судьбы. Я считаю, что мне выпала великая честь – возглавлять церемонию выбора имен этим Божественным детям». Поскольку у младенцев был один отец, но три матери, Васиштха провозгласил, что десятидневный период «нечистоты» должен отсчитываться с того дня, когда на свет появился ребенок Каушалы. Таким образом, одиннадцатый день после рождения сына Каушалы был назначен мудрецом как наиболее благоприятный для проведения церемонии. Царь в благодарность за благую весть склонился к ногам Васиштхи, после чего наставник отбыл в свою обитель.

Астролог, в свою очередь, подтвердил правильность выбранного дня и приступил к составлению списка предметов, необходимых для церемонии. Он передал список Верховному жрецу и покинул дворец, обремененный щедрыми царскими дарами. Дашаратха разослал по всей стране многочисленные приглашения на торжественную церемонию: подвластным царю правителям, знатым сановникам, благородным согражданам, мудрецам и пандитам, придворным и ученым, – обращаясь к ним подобающим образом, в соответствии с их званием и общественным положением. Подобным образом были выбраны и послы – в зависимости от того, кому предназначалось приглашение, среди них были и министры, и придворные, и воины, и брамины.

Наконец, прошло десять дней. Блестящий огнями, богато украшенный, город Айодхья радовал глаз чарующим великолепием. Воздух наполнился звуками музыки, волшебными волнами разливавшейся до дальних пределов царства, заставляя недоумевающих людей обращать свои взоры ввысь: не поют ли это небесные ангелы! Улицы благоухали ароматами курящихся благовоний; город был полон гостей. Во внутренние покои дворца допускались лишь мудрецы и придворные. Остальным – будь то принц или крестьянин – были предоставлены отдельные помещения. Чтобы разместить всех гостей и приглашенных, вокруг дворца были сооружены многочисленные навесы. Их расположение было таково, чтобы все присутствующие смогли наблюдать главную церемонию и все сопутствующие ей ритуалы.

Вскоре пространство огласилось звуками музыки, хлынувшей из зала дурбар (зала для торжеств), и стройным хором браминов, исполнявшим священные ведийские гимны. Три царицы с младенцами на руках вошли в изысканно убранный зал. Они сияли, словно Божественные матери со своей священной ношей – богами Брахмой, Вишну и Шивой. Их лица излучали не поддающиеся никакому описанию блаженство и благородное очарование.

Стоило им появиться в дверях зала, как переполненные людские сердца излились в ликующем возгласе: «Джей! Джей!» Женщины освещали путь цариц ярко горящими масляными светильниками. Их ждали заранее приготовленные сиденья. Первой заняла свое место Каушалы, за ней проследовали Сумитра и Кайка. Правитель Дашаратха сел рядом с Каушалей, по правую ее руку.

Брамины приступили к церемонии, не упуская ни малейшей детали. Они зажгли священный огонь и возложили на алтарь жертвенные дары, сопровождая обряд повторением соответствующих мантр. Зерна риса были рассыпаны на золотых блюдах, а сверху были накинуты покрывала из мягкой шелковой ткани. В эти шелковые колыбели нежными руками матерей были уложены четыре младенца. Ребенок Каушалы, однако, не сводил своих глаз с Васиштхи, будто был его старинным приятелем! Он всем тельцем стремился быть к нему поближе, словно давным-давно привык к его компании и охотно оказался бы сейчас у него на руках! Это необычное поведение вызвало всеобщее изумление. Васиштха же, похоже, при виде этого исполнился неопишуемой радости! Ему пришлось смахнуть слезы умиления, и было заметно, что мудрому старцу с трудом

удалось сохранить самообладание. Держа на ладони несколько зерен риса, он сказал, обращаясь к Дашаратхе: «Царь! Дитя, рожденное на радость Каушалы, подарит эту радость всему миру. Его добродетели принесут всем утешение и покой, блаженство и счастье.

Для всех йогинов, провидцев и брахмачари превратится Он в источник неиссякаемой благодати. Поэтому с этого момента да будет Он наречен «РАМА» – «Радость Дарующий». Мудрецы приветствовали выбранное имя как самое подходящее, полное значения и смысла. В один голос они провозгласили: «Превосходно! Превосходно!»

Васиштха обратил свой взор к близнецам Сумитры и пристально взгляделся в их лица. Он почувствовал, что старшему из них суждено быть героем, стойким и решительным воителем, наделенным несметными богатствами. В своем прозрении мудрец увидел, что он обретет счастье в служении Богу и Его Супруге, Лакшми. Это служение будет дорого ему, как собственное дыхание. Поэтому он выбрал царевичу имя Лакшмана. Васиштха знал, что младшему из близнецов уготована судьба несокрушимого и грозного воина, беспощадного к врагу, и что он с радостной готовностью будет следовать на своем жизненном пути примеру старших братьев. Поэтому он был благословлен именем Шатругна, что значит «Истребляющий Врагов».

Затем Васиштха всмотрелся в личико четвертого младенца, чьей счастливой матерью была царица Кайка. Ему открылось, что ребенок рожден для того, чтобы нести людям любовь и радость; он поразит весь мир истовой приверженностью законам Дхармы и будет править своими подданными с великим сочувствием и искренней любовью. Поэтому Васиштха выбрал для него имя Бхарата («Властвующий»). Счастливы были народ, внимающий предсказаниям Васиштхи о славном будущем царских наследников. Сердца наполнились любовью и нежностью к маленьким принцам – Раме, Лакшмане, Шатругне и Бхарате.

Тщательно подготовленный праздничный пир был устроен Дашаратхой для участников церемонии; царь радушно приветствовал всех приглашенных, щедро расточая гостеприимство и не скупясь на подарки, достойные заслуг и положения многочисленных гостей. Роскошные дары и ритуальные пожертвования лились, как из рога изобилия – коровы, земли, золото, – все, в чем нуждались бедные и обездоленные; никто не был забыт и обойден вниманием; никто не остался недовольным или разочарованным. После завершения всех обрядов и церемоний гости, сопровождаемые добрым и милостивым напутствием царя, разъехались по своим владениям.

Благодаря нежной заботе матерей дети быстро росли. Вскоре все обратили внимание, что Лакшмана постоянно стремится к обществу Рамы, а Шатругна к обществу Бхараты! Мало того: с первого дня своего появления на свет Лакшмана беспрерывно кричит и плачет! Няньки, сиделки и лекари испробовали все доступные средства, чтобы облегчить страдания ребенка и успокоить его, однако все было напрасно – его жалобный крик не прекращался ни днем ни ночью. Подозревали тяжелый внутренний недуг, и были использованы всевозможные лекарства для его исцеления. Но это не принесло успеха. Сумитра, уверенная, что причина терзавшей мальчика боли не устранима никакими снадобьями, послала за наставником Васиштхой. Она бросилась ему в ноги, как только мудрец переступил порог покоев. «Господин! – взмолилась она, – этот ребенок, Лакшмана, безутешно рыдает с самого рождения, будто требует чего-то, что я не в силах понять. Следуя советам близких, я пригласила докторов, но лечение не дало результатов: он плачет все горше день ото дня; он отказывается даже от материнского молока! Он не спит ни единой минуты! Как сможет он вырасти сильным и здоровым? Умоляю, скажи, что с ним происходит, и благослови его, чтобы остановить этот душераздирающий крик!»

Васиштха ненадолго погрузился в размышление. Затем он сказал: «О царица! Его боль и печаль особого рода, она не лечится обычными средствами, и ему не помогут никакие лекарства. То, чего твой сын жаждет так страстно – за пределами разума простых смертных. Сделай так, как я скажу, и ребенок будет спокоен и счастлив. Как

только ты последуешь моему совету, мальчик прекратит кричать и станет веселым и игривым. Возьми его и положи рядом с Рамой, сыном Каушалы. Это единственный способ». После этого, благословив мать и дитя, Васиштха удалился. Услышав эти слова, Сумитра взяла своего ребенка и отнесла его в детские покои, где лежал в колыбели Рама, сын Каушалы. Она положила Лакшману рядом с маленьким Рамой. С этой минуты стихли рыдания! Их сменили счастливый смех и безмятежная игра!

Те, кто наблюдали удивительное преобразование, сочли его великим чудом! Жалкий и страдающий Лакшмана превратился в счастливое дитя, с уст которого слетал лишь восторженный лепет; он ликующе вскидывал ножками и весело размахивал ручонками, подобно тому, как играет рыбка, выпущенная в родную стихию. Он впал в блаженство от близкого присутствия Рамы, словно купаясь в лучах Божественной Благодати.

Похожая история случилась и с Шатругной – мальчик был вял, печален, равнодушен к игре и пище. Он выглядел слабым и истощенным, и своим медленным ростом внушал постоянное беспокойство Сумитре. Она решила снова прибегнуть к помощи Васиштхи и пригласить его во дворец, чтобы узнать причину недомогания ребенка. Васиштха улыбнулся: «Сумитра! Ты – мать необыкновенных детей. Они рождены для участия в Божественной игре. У каждого из них своя особая роль. Положи Шатругну в колыбель рядом с Бхаратой! Тогда его дни наполнятся радостью. Он будет безмерно счастлив. Тебе не о чем больше беспокоиться». Васиштха ушел, благословив царицу. Сумитра не замедлила выполнить его указание. С этого дня Шатругна не расставался с Бхаратой; крепкие узы блаженства связали неразлучных детей; на глазах изумленных матерей они с каждым часом росли и крепились. Их красота и незаурядный ум сияли все ярче день ото дня, словно восходящее солнце на небосклоне.

Теперь Сумитра лишилась возможности заботиться о собственных детях; однако, поскольку она обожала близнецов больше жизни, то часть времени проводила с Каушалей, а часть – с Кайкой, нежа и лаская детей и помогая ухаживать за ними. Она спешила от одного дворца к другому, чувствуя себя приходящей нянькой, которую пригласили присматривать за детьми. «Мне никогда не суждено быть им матерью», – тосковала она часто в одиночестве. Нередко она размышляла в недоумении над своей странной судьбой: как могло случиться, что ее дети чувствуют себя счастливыми не с ней, родной матерью, а с двумя другими царицами?

Наконец, она решила снова обратиться к наставнику, умоляя его рассеять ее сомнения и тревоги. Он раскрыл ей истинную причину: «Мать! Лакшмана – это «часть» Рамы; Шатругна – это «часть» Бхараты. Стоило словам сорваться с его губ, Сумитра воскликнула: «Да, да! Теперь я все понимаю! Я так рада, что узнала от Тебя правду!» Она пала к ногам Васиштхи и скрылась во внутренних покоях дворца.

Сумитра вспомнила недавние события: «Когда орел унес в своем клюве драгоценный божественный пайасам, дарованный посланцем небес, я так испугалась при мысли о том, что царь разгневется, узнав о моей оплошности, что поделилась своим горем с Каушалей и Кайкой. Сестра Каушалы пожертвовала мне часть своей доли, а сестра Кайка – такую же часть своей; поэтому только у меня родились близнецы, так как я вкусила в равной мере пайасам Каушалы и Кайки! О, как загадочна и непостижима воля Божья! Никому не дано осознать Его величие и могущество! Можно ли противиться Его воле?»

Сумитра пыталась утешить себя: «Девять месяцев я носила младенцев в своем чреве; я прошла через боль и муки родов, производя их на свет. Но их настоящие матери – Каушалы и Кайка, в этом нет сомнения». Она успокоилась, утвердившись в своей вере, и с радостью вручила близнецов заботам Каушалы и Кайки, помогая выхаживать и лелеять их, как преданная нянька.

Как служанкам и придворным, так и многочисленной родне царского семейства доставляло огромное удовольствие наблюдать, как играют и резвятся маленькие принцы! Каушалы строго следила за тем, чтобы после того, как люди расходились, были

тщательно соблюдены ритуалы по снятию порчи и дурного глаза. Все ее существо было поглощено нежной любовью к детям, и она не замечала, как ночь сменяется рассветом нового дня. Ей было трудно расстаться с детьми даже на одну секунду!

При совершении омовений и во время ежедневного обряда поклонения в дворцовом храме все ее мысли были устремлены только к ним, и она спешила как можно скорее вернуться в детскую. Она в мгновение ока справлялась со всеми делами, не связанными с детьми, чтобы все свое время уделять заботе о них.

Однажды вечером Каушалья, как обычно, купала Раму и Лакшману. Она воскурила душистые благовония, чтобы подсушить и напитать ароматом их кудри; она отнесла детей в золотые люльки и укачивала их, напевая сладкие колыбельные песни. Убедившись в том, что принцы уснули, и наказав служанкам присматривать за ними, она удалилась в свои комнаты, чтобы приготовить жертвенное угощение, предназначенное Богу, и завершить ежедневный ритуал поклонения. Она отнесла в храм золотую тарелку с пищей и поставила ее перед изображением Божества. Через некоторое время она вернулась в храм, чтобы забрать тарелку и предложить детям маленькие порции освященной пищи. Каково же было ее изумление, когда в храмовых покоях она увидела Раму, сидящего на полу перед алтарем рядом с тарелкой с жертвенной пищей и с явным удовольствием поедающего угощение, предназначенное Богу! Каушалья не поверила своим глазам! Она была поражена: «Что я вижу? Неужели мои глаза обманывают меня? Правда ли это? Может ли это быть правдой? Как могло это дитя, сладко спящее в колыбели, очутиться в храме? Кто мог принести его сюда?» Она устремилась в детскую и, заглянув в колыбель, увидела крепко спящего в ней Раму! Убедив себя, что стала жертвой иллюзии, сыгравшей с ней шутку, она отправилась в храм, чтобы забрать оттуда блюдо с пайасамом, оставленное Божеству. Но блюдо оказалось пустым! Каушалья пришла в большое волнение. Видение ребенка в храме можно было отнести за счет игры воображения, но как объяснить исчезновение пищи? Может ли пустая чаша быть обманом зрения?

В душе Каушальи боролись изумление и сомнение. Она подняла золотое блюдо с остатками подношения и вновь поспешила к колыбели. Она стояла, не спуская глаз со спящих младенцев. Вглядываясь в личико Рамы, она заметила, что он причмокивает языком от удовольствия, будто бы только что отведал нечто очень вкусное и приятное; Каушалья растаяла от нежности и умиления, как вдруг произошло невероятное: лицо ее маленького сына преобразилось, и царица увидела в нем всю необъятную Вселенную с вращающимися в ней бесчисленными мирами! Окружающая действительность исчезла для Каушальи; не сознавая и не помня себя, она застыла, прикованная ошеломленным взором к невиданной панораме, открывшейся ей.

Служанки были очень обеспокоены странным поведением царицы. Они кричали и звали ее в волнении, но она не слышала их. Одна из служанок охватила ноги Каушальи и трясла ее до тех пор, пока та не пришла в себя. Очнувшись, царица вздрогнула всем телом и огляделась кругом. Она увидела столпившихся вокруг нее служанок с испуганными и изумленными лицами и мгновенно вспомнила, что случилось. Присев на край кровати, она спросила: «Вы внимательно следили за ребенком?» Те отвечали ей: «Да, мы здесь давно, и все это время не спускали с него глаз». Каушалья продолжала в нетерпении: «Вы заметили в нем перемену?» – «Нет, – был ответ, – он спокойно спал все это время так же, как спит сейчас».

Каушалья погрузилась в раздумье. Было ли ее видение результатом иллюзии? Или ей открылась истина? Если это так, почему ни одна из служанок ничего не заметила? После долгих часов размышления Каушалья, наконец, успокоила себя мыслью, что если дети рождены на свет милостью Божьей, то чудесные явления вполне естественны как проявление их Божественной природы. Она продолжала растить и лелеять их с неусыпной материнской заботой и нежностью. Дети росли и крепили, становясь все прекраснее день ото дня, как с каждой ночью становится все прекраснее сияние прибывающего месяца!

Невыразимый восторг испытывала мать, занимаясь детьми, каждое утро подбирая для них новые одежды и украшения!

Детство Рамы было одновременно простым и возвышенным. Очень часто, забывая, что он – ее кровное дитя, Каушалья припадала к его ногам и молилась, простирая руки, чувствуя, что перед нею – само Божество. Она приходила в себя, полная смущения и страха от того, что могут сказать люди, увидев ее коленопреклоненной перед собственным сыном. Чтобы скрыть свою оплошность, она оглядывалась кругом и громко молилась: «О, Всевышний! Убереги мое дитя от бед и напастей!» Часто, закрывая глаза, она предавалась созерцанию, устремляясь мыслями к своему Божественному сыну, и молила Бога, чтобы сила Его иллюзии не поколебала ее веру. Она замирала в благоговении, видя светящуюся ауру вокруг Его лица. Она боялась, что окружающие усомнятся в здравии ее рассудка, если она поведает им о своих переживаниях. Однако она была не в силах всегда сдерживать свои эмоции; чувства рвались наружу, и она утратила душевное равновесие. Это приводило к тому, что она вела себя необычным образом и, забывая обо всем, с волнением и трепетом следила за Божественными играми своего ребенка.

Иногда она с трудом сдерживалась, чтобы не открыть свое сердце Сумитре и Кайке, когда те были рядом, но ей удавалось сохранить контроль над собой, ибо она опасалась, что сестры усомнятся в истинности ее опыта, приписав его игре воображения и желанию выделить среди прочих детей своего сына.

Однажды она, наконец, осмелилась поведать правителю Дашаратхе о причинах своего возбуждения и трепета. Он внимательно выслушал ее и ответил: «Каушалья! Все рассказанное тобой – плод твоей фантазии. Ты безумно любишь своего ребенка, считая его Божеством, и только в этом свете воспринимаешь все его движения и действия; поэтому они кажутся тебе чудесными и загадочными. Другого объяснения быть не может». Этот ответ не принес царице облегчения. Дашаратха попытался успокоить Каушалью советами и разумными доводами, после чего позволил ей удалиться в свои покои. Несмотря на утверждения Дашаратхи, царица, наблюдавшая чудесные явления своими глазами, ушла неудовлетворенной. Царю не удалось убедить и успокоить ее. Поэтому она отправилась за советом к наставнику Васиштхе, чтобы он рассудил, насколько подлинны ее переживания. Выслушав ее, мудрец произнес: «Царица! Все, что ты видела – чистая правда. Ничто из увиденного тобою не является игрой воображения. Твой сын – не обыкновенное дитя человеческое. Он – само Божество. То, что Он родился твоим сыном – великая награда тебе за праведно и достойно прожитые прошлые жизни. В том, что Спаситель человечества воплотился в теле сына Каушальи, проявилась уникальная и счастливая судьба жителей Айодхьи». Васиштха от всего сердца благословил Каушалью и удалился. Слова святого наставника открыли правду царице! Теперь она знала, что в ее сыне воплотился сам Бог! Она испытывала огромное счастье, глядя на ребенка.

Летели месяцы. Маленькие принцы – Рама, Лакшмана, Бхарата и Шатругна научились сидеть, быстро ползать на четвереньках и живо передвигаться по комнатам. Они требовали все большего внимания и бдительности, и за ними постоянно наблюдали, чтобы они не падали и не набивали себе шишек. В их распоряжении было огромное количество всевозможных игрушек.

Целыми днями, потеряв счет времени, матери и няньки без устали играли с детьми, вовлеченные в круговорот веселья и радости, сами превращаясь в детей и забывая, кто ребенок, кто взрослый. Дети научились держаться на ногах и стоять, крепко ухватившись пальчиками за руку матери или служанки. Вскоре они могли уже сами подняться с полу, опираясь на стену. Они делали первые самостоятельные шаги, ковыляя на неверных еще ногах. Их успехи и усилия приводили в восторг матерей. Они смеялись до слез, слушая их неразборчивый лепет, подобный нежному щебетанию попугаев. Они учили их произносить первые слова – «Ма» и «Ба» и были счастливы, когда это получалось!

Каждый день на рассвете они втирали в их нежную кожу душистые целебные масла, присыпали ее тонкой защитной пудрой; они купали их в священных водах Сарайю, а затем сушили их кудри в ароматах кутившихся благовоний; специальным настоем из трав они протирали им глазки и рисовали на щеках крошечные точки, чтобы избежать дурного глаза; они наносили на их лбы особые ритуальные знаки. Они наряжали их в прекрасные мягкие шелка и помогали забираться в гамаки, где дети засыпали, убаюканные звуками мелодичных сладких колыбельных. Поглощенные своей радостной заботой, царицы чувствовали, будто сами

Небеса спустились к ним и заполнили пространство и время; им казалось, что они живут в раю.

А какими только драгоценностями не украшали они маленьких царевичей! Не было дня, чтобы матери не выбирали для них новые сокровища, все более прекрасные! Ножные браслеты, ожерелья из девяти жемчужин, золотые поясные ремешки с нанизанными самоцветами, звенящими, словно колокольчики! Чтобы тяжелые камни не повредили нежные тела принцев, их закрепляли на мягких бархатных шнурах и лентах.

Не поддаются описанию всевозможные забавы и шалости счастливых детей! Как только они научились ходить, из города были приглашены мальчики их возраста, чтобы составить им компанию в играх. Городских ребят кормили роскошными яствами и сладостями и дарили им множество игрушек. Они всегда уходили домой, нагруженные подарками. Щедро потчевали и нянек, и служанок, приводивших детей во дворец. Каушалья, Кайка и Сумитра были настолько счастливы и поглощены детьми, что не нуждались в заботах о собственном здоровье и благополучии; полностью отдавшись воспитанию принцев, они забыли о себе.

Дети быстро росли и развивались, и вся их жизнь протекала во внутренних покоях и садах дворца. После того как мальчикам исполнилось три года, и они нуждались уже в большем просторе и свободе, им было дозволено под присмотром нянек бегать и резвиться вволю на детских площадках для игр за пределами царских покоев. Возвращаясь с прогулок во дворец, они попадали в нежные руки нетерпеливо ждущих их матерей и окунались в ласковые волны восторженной любви и заботы.

Однажды Дашаратха, беседуя с царицами, заметил, что дети едва ли научатся чему-нибудь полезному, проводя все свое время в играх в компании служанок, это не способствует ни развитию интеллекта, ни приобретению жизненных навыков. Итак, было решено, что пора назначить день, когда дети приступят к изучению азбуки, и во дворец были приглашены учителя.

Вскоре прелестные малыши поселились в доме учителя; они оставили во дворце свои роскошные наряды и украшения, сменив их на простые одежды – два куса ткани, один из которых был обмотан вокруг талии, а другой – прикрывал плечи. Обучение не может продвигаться успешно, если протекает в атмосфере родительской любви и ласки, и, чтобы усваивать и впитывать знания с утра до ночи, ученик должен находиться рядом с наставником; истина постигается в непрерывном служении Учителю, в подражании его образу жизни, в смиренном следовании его примеру. Принцы ели простую пищу, приготовленную учителем, деля с ним нехитрую трапезу; все четверо сияли как воплощенные идеалы истинных брахмачари. Когда царицы, не в силах преодолеть боль разлуки, навещали своих любимцев в доме наставника, они были горды и счастливы, видя, какие успехи делают их сыновья.

Сам учитель был также чрезвычайно доволен, наблюдая непоколебимую стойкость и энтузиазм своих подопечных; он не уставал изумляться и радоваться их выдающемуся уму и несравненной памяти. Однако он заметил, что из всех четверых Рама проявляет самое страстное стремление к Знанию. Он мгновенно схватывал суть любой премудрости, и, прослушав урок однажды, мог повторить его слово в слово. Учитель восхищался острым умом Рамы; поразмыслив, он решил, что не стоит тормозить его развитие, пытаясь подтягивать остальных троих до его уровня. Поэтому он занимался отдельно с тремя

мальчиками, а Рама, с невероятной быстротой запоминавшему урок, уделял особое внимание.

Лакшмана, Бхарата и Шатругна были также на удивление способны и трудолюбивы; однако было заметно, что вдали от Рамаы они скучнели и тосковали, всячески стремясь к его обществу. Стоило Рамае скрыться из виду, они тут же теряли интерес к учебе и забывали о своем долге по отношению к учителю. Поэтому им было трудно угнаться за Рамаой; они постоянно отставали от него на несколько уроков.

Лакшмана даже осмелился несколько раз заметить учителю, что, в сущности, они не нуждаются ни в занятиях, ни в уроках! Для того, чтобы быть счастливыми, им нужно просто находиться рядом с Рамаой! Лакшмана не мог жить без Рамаы. Учителю пришлось глубоко задуматься, чтобы понять, какого рода взаимоотношения связывают эту пару. Его сосредоточенные размышления породили вдохновенную идею. Он вспомнил предсказания Васиштхи и его пророческие слова о том, что Рама и Лакшмана – не что иное, как воплощенные Божественные силы – неразделимые и неразлучные Пара и Нараяна!

Глава 5

Гуру и ученики

Братья жили в ашраме наставника Васиштхи и преданно служили ему. Они отказались от комфорта и роскоши дворцовой жизни и с легкостью переносили лишения. Они выполняли все наказания и пожелания Учителя с покорностью и добровольным смирением. Им потребовалось совсем немного времени, чтобы пройти весь курс занятий и полностью овладеть изучаемыми предметами. Однажды правитель Дашаратха в сопровождении главного министра наведлся в обитель наставника. Он был вне себя от радости, услышав, с какой легкостью его сыновья воспроизводят ведийские гимны и с какой безупречной чистотой, подобно каскаду драгоценных жемчужин, слетают с их губ священные мантры и формулы. Он был счастлив, что они так многому научились.

Рама встал со своего места и простерся у ног отца. Следуя его примеру, трое братьев также приблизились к Дашаратхе и сделали то же самое. Учитель предложил царю и министру расположиться на высоких сиденьях, покрытых оленьими шкурами. Дашаратха завел беседу с наставником, желая выяснить, как далеко продвинулись в учении его сыновья. Рама подал знак братьям, что им не следует присутствовать при беседе; с позволения Гуру он покинул комнату, захватив с собой свои книги и призывая братьев следовать за ним. Трое мальчиков, во всем старавшихся подражать Рамае, безропотно подчинились его молчаливому призыву.

Васиштха и Дашаратха, наблюдавшие эту сцену, оценили интуицию Рамаы; они поняли, что ему известен предмет беседы и поэтому он немедленно удалился, отдав дань скромности и показав идеальный пример безошибочного поведения своим братьям. Его воспитанность доставила им обоим большое удовольствие.

Рисунок 2 Васиштха

Васиштха не мог далее сдерживать свои чувства. Он воскликнул: «Махараджа! Твои сыновья преуспели во всех науках. Рама овладел всеми Шастрами. Этот мальчик – не простой смертный. Как только я начал учить его чтению Вед, он принялся повторять их наизусть, словно знал всегда. Только Тот, чьим вдохновением были порождены эти гимны, может распевать их с такой непревзойденной легкостью. Веды – это не обычные мирские книги, которые он мог изучить на досуге! Их Слово передается ученикам от Гуру через бесконечное слушание и повторение. Единственный доступный путь их понимания – это духовная преемственность и живое общение с наставником. По этой причине Веды относятся к разряду Шрути – «услышанному Знанию». Звуки Вед – это дыхание самого Бога, воплотившееся в священные мантры. Никогда в своей жизни я не видел человека, владеющего знанием Вед, как Рама.

Почему я говорю: не видел? Я никогда и не слышал о том, чтобы кто-нибудь достиг подобного совершенства в этом высоком искусстве.

Я могу рассказать тебе и о других достижениях твоего сына, выходящих за рамки человеческих возможностей! Махараджа! Когда я думаю о своей счастливой судьбе, наградившей меня правом учить этих детей, я чувствую, что не зря предавался долгие годы суровому аскетизму и самоотречению. Твои сыновья не нуждаются в дальнейшем обучении. Для них пришла пора овладевать военным искусством и прочими светскими науками, подобающими царским наследникам. Я передал им все, что знаю сам, и считаю, что обучение под моим руководством закончено. Ты явился сюда в самый благоприятный день. Сегодня ты можешь забрать с собою сыновей во дворец».

Услышав это, Дашаратха, многие месяцы страдавший от разлуки с детьми, не удержался от слез облегчения и радости. Он не пытался скрыть своего счастья. Царь обратился к сидящему рядом с ним министру и повелел ему поспешить во дворец, чтобы сообщить радостное известие царицам и приготовить дары, которые выходящие из-под опеки наставника ученики должны преподнести ему согласно обычаю. Царь велел Сумантре как можно быстрее возвращаться назад в обитель. Министр поспешил удалиться, и вскоре новость стала известна во дворце. Приготовив и сложив в колесницу благодарственные дары, Сумантра вернулся в ашрам Васиштхи быстрее, чем ожидалось.

Мальчики тем временем, следуя указанию наставника, собрали свое немногочисленное имущество и отнесли его в колесницу царя. Соблюдая предписанную обычаем церемонию, они с почтением поклонились своему Гуру, простершись у его ног и смиренно прося позволения покинуть его дом.

Васиштха крепко обнял детей, пожимая им руки и нежно трепля по головам. Он благословил их и с величайшим сожалением дал свое согласие на отъезд. Испытывая нестерпимую боль разлуки, мудрый старец не смог сдержать слез. Он проводил мальчиков до колесницы; они забрались внутрь, и возничий тронул поводья. Братья обернулись, чтобы видеть своего Гуру, и долго махали руками на прощание, пока его фигура не скрылась из виду. Васиштха так и остался стоять, не в силах сдвинуться с места, и слезы ручьями текли по его щекам. Дашаратха был очень доволен и тронут, заметив, какая глубокая связь возникла между Учителем и учениками.

Принцы вернулись домой. Гуру с тяжелым сердцем переступил порог своей обители. Она показалась ему пустой и мрачной. Куда ни падал его взор – нигде не было и луча света. Его охватил страх, что столь сильная привязанность может обернуться узами рабства. Он решил предаться медитации, чтобы успокоить бушующие волны памяти. Вскоре Васиштхе удалось преодолеть силу внешней иллюзии, и он погрузился в блаженство ананды. В озарении ему открылась Истина, что четверо детей – это воплощения Дхармы, Артхи, Камы и Мокши – четырех целей человеческой жизни (праведности, благополучия, устремления и освобождения), и что они приняли человеческий облик, чтобы восстановить на земле великие идеалы добра и милосердия. В просветленной душе Васиштхи вновь воцарилось невозмутимое спокойствие.

Вскоре после возвращения сыновей Дашаратха объявил, что образование, полученное принцами, должно быть закреплено и дополнено обучением военному искусству и умением в совершенстве владеть оружием. Он распорядился, чтобы послали за опытными лучниками и прочими мастерами ратного дела, призванными передать царским сыновьям все тонкости науки защиты и нападения. Однако кто мог осмелиться провозгласить себя Учителем этих детей, которые обнаруживали непревзойденное мастерство в любом деле, за которое брались? Они лишь умело играли отведенные им «человеческие» роли, притворяясь, что осваивают очередную премудрость.

Тому, Кто держит в руках все нити Вселенского Театра Марионеток, кто может указывать, какую нить потянуть? Люди, не способные распознать Реальность, скрытую за искусным покровом майи, пытаются учить Их и прививать Им мирские навыки, полезные для жизни в этом иллюзорном мире! Они пришли, чтобы спасти человечество от бед и несчастий, и поэтому вынуждены жить в мире как люди среди людей, принимая законы и условности их бытия, чтобы легче справиться со своей миссией. Людям не дано

распознать причины их действий, ибо эти причины – выше того, что может вообразить и осмыслить человеческий интеллект. Люди беспомощны в своих попытках разгадать тайны воли Божьей. Но они должны подражать идеалам, которые Боги демонстрируют им каждым шагом своей жизни. Рама подобен раскаленным углям, тлеющим под слоем остывшего серого пепла; глубокому чистому озеру, чья прозрачная поверхность заросла зеленым мхом; полной луне, скрытой завесой густых облаков. Трое братьев во всем неотступно следовали за Рамой.

Рама и Лакшмана обнаруживали познания в таких тонкостях стратегии ратного искусства, о которых не подозревали и самые опытные воины – кшатрии. Лучшие царские стрелки не уставали поражаться их мастерству, а зачастую были озабочены и испуганы. Однако все четверо принцев никогда не посылали своих стрел в зверя или птицу. Братья ни разу не нарушили данной ими клятвы использовать оружие только в случае крайней необходимости, а не ради удовольствия и развлечения. Приставленные к ним лучники часто брали мальчиков на прогулки по лесу, чтобы поохотиться и поупражняться в стрельбе. Когда они замечали живую мишень – птицу или зверя – и предлагали царевичам лучше прицелиться, те неизменно протестовали, говоря: «Эти стрелы сделаны не для того, чтобы убивать невинных; их нужно применять только для защиты добра и спокойствия в мире – они призваны охранять людей от несчастий. Только для этого мы носим их с собой и не станем осквернять их ради глупых забав». Стойкие в своем убеждении, братья воздерживались от бессмысленного убийства. Их провожатым ничего не оставалось, как согласиться с доводами братьев.

Каждым своим словом и действием демонстрировал Рама, сколь глубоко его сострадание к живым существам. Иногда Лакшмана, не в силах сдержаться, натягивал свой лук, видя зверя или птицу, но не было случая, когда Рама не помешал бы ему. «Лакшмана! Причинила ли эта тварь вред тебе или кому-либо другому в мире? Почему ты стремишься застрелить ее? Это полностью противоречит нравственному закону, который в первую очередь должны соблюдать цари: не наказывать безвинных! Или ты забыл об этом?»

Правитель Дашаратха часто сидел в кругу своих министров, обсуждая с ними государственные дела, вопросы управления и законодательства и призывая всех тех, на ком лежит бремя власти, к строгому соблюдению моральных принципов. На эти собрания царь приглашал и своих сыновей.

Он рассказывал им истории из жизни своих царственных предков – дедов и прадедов, заслуживших любовь и верность многих поколений подданных; он поведал им, как великие цари славной династии сражались с демонами, объединив свои силы с богами, как своими подвигами они добивались милости и защиты Божьей. Эти рассказы доставляли огромное удовольствие как отцу, так и сыновьям: они веселились и радовались вместе с министрами, которые, сменяя друг друга, принимали участие в приятных беседах.

По мере того, как текли месяцы и годы, министры убеждались, что наступает пора посвящать принцев в премудрости управления государством. Народ мечтал о том, что, когда наследники достигнут совершеннолетия и власть полностью перейдет в их руки, на земле воцарится настоящий рай. Люди замечали, какая глубокая и страстная привязанность скрепляет единой нитью неразлучных братьев. Они слышали, каким ласковым взаимопониманием полна их благозвучная беседа. Среди жителей Айодхьи не было такого человека, который не любил бы этих простых, скромных, добрых и бескорыстных мальчиков и не стремился бы увидеть их. Они были дороги всем горожанам, как собственные тела, как живое биение сердца прекрасной столицы.

Однажды, когда царевичам шел двенадцатый год, Дашаратха призвал к себе Сумантру – благороднейшего из всех министров – и поручил ему взять на себя ответственность за приобщение мальчиков к Паравидье – духовному знанию, ведущему к Освобождению. Он сказал, что как бы ни был силен человек в мирских познаниях (Апара

Видья), только Пара Видья способна наделить его силой и стойкостью на праведном пути Дхармы. Высокая моральная культура должна быть привита именно сейчас, когда они еще не вышли из нежного возраста. Будущие успехи и поражения зависят от опыта и впечатлений, полученных на заре юности. В ранние годы закладывается фундамент всей дальнейшей жизни. Поэтому царь велел Сумантре: «Ты объедешь вместе с принцами все царство и позаботишься о том, чтобы они познакомились не только с обычаями и жизнью простого народа, но и приобщились к нашим великим Святыням. Поведай им историю храмов, открой сокровенные тайны наших Святилищ, расскажи им жития мудрецов и святых, основавших и хранивших их, и дай им вволю напиться из чистых божественных источников, чьими струями омыты Святые места. Я чувствую, что это полезно и необходимо моим сыновьям. Они растут и вскоре окажутся во власти чувственных желаний и устремлений. До того, как они падут жертвой телесных нужд и дурных наклонностей, им нужно испытать благоговейный трепет перед Божественным, укрепить любовь и веру в Бога, пронизывающего Вселенную. Это единственный способ спасти их высокую человеческую природу от натиска животных страстей. Это необходимо им и как будущим правителям царства. Посоветуйся с Гуру и другими наставниками и без промедления начинай подготовку к путешествию».

Сумантра, воодушевленный тем, что принцам предоставляется такая редчайшая возможность, с радостью приступил к выполнению своей задачи; он был счастлив, что сможет сопровождать братьев в пути. Царицам сообщили о паломничестве, которое предстоит совершить принцам. Они восторженно приняли известие, радуясь и гордясь, что сыновья посетят святые места, и, собирая их в путь, позаботились о том, чтобы путешествие оказалось как можно более приятным и полезным. Они снарядили в дорогу нескольких служанок, а также мальчиков сверстников, чтобы составить царевичам компанию. Сами принцы были вне себя от радости при мысли о предстоящей перспективе – увидеть священные места своей земли! Они вселяли энтузиазм в своих будущих спутников и попросили царя обеспечить товарищей всем необходимым в дорогу.

На следующий день, когда наступил благоприятный час, заранее назначенный для отъезда, принцы расprostерлись у родительских ног; они пали к стопам наставника; матери нарисовали на их лбах и щеках маленькие пятнышки, оберегающие от наговора и дурного глаза; братья сбросили дворцовые платья и облачились в одежды пилигримов – это были обвязанные вокруг бедер шелковые дхоти и шелковые шали, перекинутые через плечо. Попрощавшись со всеми, они взошли на колесницу. Тысячи жителей города, собравшихся перед дворцом, чтобы проводить принцев, разразились ликующими возгласами. Колесница тронулась, сопровождаемая охраной из конных всадников.

Бежали дни, недели и месяцы! Принцы посетили каждый храм, каждое святое место и повсюду впитывали пронизывающий их Божественный дух; с верой и преданностью совершали они обряды поклонения и, движимые неиссякаемой тягой к знанию, погружались в пучины истории священной земли, изучая прошлое храмов и священных обителей; ни одна посторонняя мысль или действие не отвлекала их в течение долгих месяцев; их сердца трепетали в благоговении, когда они слушали полные живых подробностей и страстного чувства рассказы Сумантры, посвящавшего их в сокровенные тайны древней земли. Однако их любознательность не знала границ: они жаждали новых историй, еще более глубоких подробностей и засыпали Сумантру бесчисленными вопросами. Сумантра был счастлив этим ненасытным стремлением к познанию, и его неистощимая память вновь и вновь оживлялась приливами вдохновения.

За три месяца они проделали путь от Каньякумари до Кашмира, от восточного моря к западному. Их сердца не оставались равнодушными к страданиям простого народа, к нужде и лишениям, которые терпели паломники, странствующие по священной земле. Всякий раз они умоляли Сумантру, своего министра, восстановить справедливость и обеспечить людям необходимые удобства.

По их настоянию были восстановлены многие храмы и монастыри и оказана поддержка жрецам и браминам; были прорыты и укреплены источники чистой питьевой воды, а вдоль дорог – посажены деревья; были открыты специальные пункты, где могли запастись водой жаждущие путники; построены караван-сарай, больницы и лечебные приюты. Сумантра ни секунды не колебался, стоило только Рама выразить очередное пожелание, он незамедлительно отдавал распоряжения, чтобы те или иные нужды населения были удовлетворены. Принцы были очень довольны, видя, как предан министр своей стране, как умело и мудро он справляется со своими обязанностями; они были уверены, что при таких министрах стране обеспечены благополучие и процветание.

Вести о том, как протекает паломничество принцев, сообщались в Айодхью придворными гонцами, которые курсировали взад и вперед, передавая друг другу словесную эстафету. Если в пути у курьеров случались задержки и новости запаздывали, царицы совершенно теряли покой и неизменно обращались к Васиштхе, моля его о помощи. Мудрец всегда мог снабдить их реальными и достоверными сведениями и узнать, что происходит с мальчиками, поскольку обладал способностью йогического видения на расстоянии. Устремив свой внутренний взор к царевичам, он успокаивал матерей хорошими новостями: мальчики здоровы, счастливы и довольны и в скором времени собираются возвратиться в столицу. В его словах царицы черпали спокойствие и уверенность. Наставник благословлял их и удалялся в свою обитель.

Пришел день, когда прибывшие курьеры принесли долгожданную весть: принцы на пути к Айодхье; они должны достичь пределов города к концу второго дня! У главных ворот были срочно начаты приготовления к встрече, чтобы приветствовать возвращение в столицу державы четырех наследников, успешно завершивших долгое и трудное паломничество и завоевавших во время своего триумфального шествия всеобщую известность и признание своим благочестием и добрым нравом. Улицы Айодхьи, омытые розовой водой и украшенные праздничными арками и гирляндами живых цветов, сверкали чистотой. По обе стороны дороги стояли женщины, держа в руках ярко горящие светильники, чтобы размахивать ими, когда принцы будут проходить мимо.

К ожидаемому часу принцы прибыли к городским воротам. Их путь освещало волнуемое пламя светильников, они двигались по главной дороге, усыпанной благоухающими лепестками цветов, под приветственные звуки музыки и песен придворных певцов и музыкантов; брамины нараспев читали гимны, призывающие Бога благословить выдающихся потомков царской династии. Верный Сумантра сопровождал принцев, чьи лица излучали неземное сияние.

Когда братья достигли дворцовых ворот, было совершено множество обрядов и ритуалов, снимающих действие дурного глаза, и только после этого их провели во внутренние покои. Там их ждали матери, сгорающие от нетерпения увидеть любимых сыновей. Мальчики бросились к ним, чтобы обнять их ноги. Царицы схватили сыновей в свои объятия, крепко прижав к груди, и они надолго забылись, трепеща от восторга и радости, слившись воедино в Блаженстве Божественной любви, объединяющей Мать и Сына. Переполнявшая сердца цариц материнская любовь хлынула из их глаз потоками слез, омывающих головы мальчиков. Они вытирали эти мокрые от слез головы полами своих сари, нежно гладили их волосы. Они усадили их на колени и кормили, как маленьких, лакомствами из сладкого риса.

Невозможно описать восторг и нежное волнение, охватившее матерей. Они окружили своих возлюбленных детей неусыпной опекой и ласковой заботой, не разлучаясь с ними ни днем ни ночью, чтобы немного смягчить накопившуюся за три месяца тоску и боль разлуки. Они требовали подробных рассказов о путешествии, и принцы просто, ясно и искренне описывали свои впечатления от увиденных святых мест и передавали услышанное от Сумантры. Внимавшие им царицы прониклись такой сильной верой и духовным пылом, будто сами испытали действие живительной силы, питающей ревностного паломника, ступившего на святую землю.

Возвращение юных принцев было ознаменовано щедрыми жертвоприношениями богам и торжественным пиром, устроенным Дашаратхой для браминов, вернувшихся из паломничества в Каши и Прайягу. Царь пожертвовал им много золотой казны в поддержку храмов.

С того самого дня, как царевичи появились на свет, жизнь в столице и во всем царстве превратилась в сплошной круговорот веселья и праздничного ликования. Айодхья осветилась немеркнущим ореолом радости. Приподнятое настроение, рожденное ощущением постоянного праздника, объединило народ в одну большую семью, связанную любовью и благодарностью. Девятый, десятый и одиннадцатый дни новолуния, счастливые дни, когда родились принцы, каждый месяц отмечались пышными церемониями. Празднества не прекращались и тогда, когда мальчики путешествовали, и проводились в их отсутствие с не меньшим великолепием. Народ с величайшим энтузиазмом вовлекался в игры, танцы, пиршества и во все торжественные обряды, не требовавшие непосредственного участия царевичей.

Но царицы заметили, что после возвращения из паломничества с мальчиками произошла разительная перемена. Это преобразование удивляло и тревожило матерей, и они надеялись, что странность их поведения постепенно пройдет. Они внимательно наблюдали за детьми и за их новым отношением к жизни, однако время шло, а состояние их не менялось.

Рама большей частью сидел взаперти. Он перестал купаться в реке в определенные часы, как делал это прежде. Он обнаруживал явную неприязнь к роскошным царским одеждам, он отказался от изысканных яств и сладостей; он никогда теперь не садился на золотой трон; казалось, что он постоянно погружен в созерцание Абсолюта, недоступного познанию умом и чувствами. Поскольку старший брат стал так сумрачен и замкнут, трое младших ни на шаг не отходили от него. Они всегда предпочитали его общество игре или какому-либо другому занятию или развлечению.

У четырех братьев вошло в привычку целыми днями сидеть в комнате за закрытыми дверьми. Матери были вынуждены каждый раз тихонько стучать в дверь, чтобы передать им блюда с едой! Как ни пытались они обнаружить причину такого поведения, их усилия оказывались тщетными. Царевичи молчали, и лишь Рама иногда достаивал мать ответом: «Такова моя природа; к чему искать причину, почему я именно таков?»

Вскоре матери почувствовали, что дальше так продолжаться не может, и известили Дашаратху о сложившейся ситуации. Он велел немедленно послать за мальчиками. Однако как велико было его беспокойство и разочарование, когда он обнаружил, что они заставляют себя ждать, вместо того, чтобы, как раньше, мчаться к нему наперегонки по первому зову! В тот момент, когда царь был готов сам последовать в их комнаты, слуга объявил, что принцы явились и просят дозволения войти. При виде сыновей отец почувствовал радостное волнение; он крепко обнял мальчиков, прижав их к груди и усадил их по обе стороны от себя. Он задавал им множество вопросов, шуточных и серьезных, и просил рассказать, как они проводят свои дни. В былые времена, задав один вопрос, он получал десять ответов; теперь же, задав десять вопросов, он с трудом мог дожждаться ответа хотя бы на один из них.

Дашаратха усадил Раму себе на колени и ласково обратился к нему: «Сын мой! Откуда это нежелание говорить? К чему такое упорное молчание? Что еще есть у меня на этом свете, кроме вас? Скажи мне, чего ты хочешь? Я немедленно исполню любое твое желание! Посмотри на своих братьев – они тоже несчастливы оттого, что ты перестал играть и веселиться с ними!» Несмотря на то, что отец, нежно трепля сына за подбородок, с любовью глядел ему в лицо. Рама произнес лишь несколько слов: «Я всем доволен и ни в чем не испытываю нужды». Услышав этот странный ответ, Дашаратха не на шутку расстроился и разволновался; его глаза наполнились слезами. Однако мальчики остались равнодушными к горю отца. Царь, в мягкой форме напомнив сыновьям, как следует вести себя воспитанным детям, разрешил им удалиться.

Он срочно вызвал к себе Сумантру, чтобы посоветоваться с ним, и как только министр явился, с пристрастием начал выспрашивать у него, не происходило ли во время путешествия каких-либо событий, которые могли сильно расстроить принцев, и не препятствовал ли Сумантра желанию мальчиков продолжать паломничество, чтобы посетить интересующие их места? Не слишком ли рано они вернулись? Дашаратха устроил министру настоящий допрос, и Сумантра был удивлен и озадачен. Когда он отвечал, его губы дрожали: «За все время странствия не случилось ничего, что могло бы огорчить принцев. Каждое их пожелание принималось с почтением и незамедлительно исполнялось. Я жертвовал на благотворительные нужды столько, сколько они требовали; в выбранных ими местах строились приюты для паломников; я никогда не колебался и не откладывал своих распоряжений. Они ни разу не упоминали о событиях, которые могли вызвать их недовольство, и сам я не замечал ничего подобного. На протяжении всего путешествия они были радостны и восторженно благочестивы».

Дашаратха хорошо знал своего министра. Чуть помедлив, он сказал: «Сумантра! Ты человек великой души. Я прекрасно знаю, что ты не способен пренебречь долгом и совершить ошибку. Дело в том, что по необъяснимым причинам после возвращения из паломничества мальчики сильно изменились. Они утратили интерес к угощениям и играм; несмотря на настойчивые расспросы окружающих, Рама хранит молчание и не раскрывает причину своего угрюмого настроения. Им овладело ощущение бесполезности и ложности мира. Меня это очень удивляет. Царицы же принимают это столь близко к сердцу, что совсем потеряли покой». Услышав сказанное царем, верный Сумантра ответил: «С твоего позволения, я поговорю с детьми и постараюсь выяснить причину их нездоровья». «Ты прав! – сказал царь. – Ступай к ним немедленно. Главное – распознать болезнь. Вылечить ее, найдя нужное лекарство, не составит труда».

Сумантра с тревожно бьющимся сердцем поспешил на детскую половину дворца. Он обнаружил, что двери заперты изнутри на засов, а перед ними стоят стражники. Когда Сумантра постучал, ему открыл Лакшмана и впустил его в комнаты. После того как дверь была снова закрыта, министр приступил к беседе с мальчиками. Он долго разговаривал с ними, обсуждая самые разные вопросы, надеясь проникнуть в секрет их недуга. Однако ему так и не удалось разгадать его. Он с горечью отметил холодное отчуждение в отношении к нему принцев, так не похожее на царивший между ними дух дружеского доверия, который радовал и вдохновлял министра во время их совместного путешествия. Со слезами на глазах он взмолился, чтобы Рама поведал ему причину своей печали. Рама улыбнулся и ответил: «Сумантра! К чему искать причину того, что составляет основу моей природы? У меня нет желаний; у меня нет стремлений; поверь, у тебя не должно быть поводов для беспокойства».

Почувствовав, что дальнейшие усилия бесполезны, Сумантра вернулся к Дашаратхе и сел с ним рядом. «Мне кажется, – сказал он, – что лучше всего завтра же утром пригласить во дворец Гуру и обсудить с ним, какие меры нам следует принять». После этого, испросив дозволения правителя, Сумантра покинул царские покои.

Получив известие, что наставник Васиштха прибывает во дворец, царицы поспешили в дворцовый храм, чтобы совершить необходимые приготовления к встрече. Они ожидали его у фамильного алтаря. Когда Гуру появился, все присутствующие пали к его ногам. Царицы, которые обливались слезами, тут же принялись, перебивая друг друга, описывать Васиштхе признаки таинственной болезни, которая привела к удручающим переменам в характере их сыновей.

Васиштха, видя беспокойство и напряжение, в котором пребывали родители, сконцентрировал свое внимание и погрузился в медитацию, чтобы с помощью внутреннего взора отыскать причину недуга. Истина не замедлила открыться его чистому всепроникающему сознанию. Прошло всего лишь несколько секунд, и Васиштха, обернувшись к царицам, спокойно произнес: «Мальчики абсолютно здоровы. Не забывайте о том, что у вас необыкновенные дети. Они освободились от последних следов

мирских желаний. Их умы не подвержены более натиску чувств. Вам не стоит волноваться, а сейчас приведите их ко мне; всех остальных я прошу разойтись по своим покоем».

Царь и царицы ощутили огромную радость и облегчение от уверенных слов Васиштхи. Они послали за принцами и удалились. Услышав, что Гуру желает встретиться с ними, Лакшмана, Бхарата и Шатругна с готовностью откликнулись на его призыв. Однако Рама не проявлял никакой поспешности. Он, как обычно, сидел неподвижно, погруженный в себя. Лакшмана коснулся его ног, умоляя: «Будет лучше, если мы не станем медлить! Наши родители сильно огорчатся, узнав, что мы осмелились ослушаться приказа наставника!» Лакшмане пришлось долгое время уговаривать Раму, пуская в ход самые различные аргументы. В конце концов все четверо – Лакшмана, Бхарата, Шатругна и Рама проследовали в дворцовый храм, где у алтаря их ждал Васиштха. Они припали к ногам Учителя, а затем выстроились перед ним, почтительно склонив головы.

Когда Васиштха обратился к братьям, в его голосе звучали большая любовь и нежность. Он попросил их подойти поближе и сесть рядом с ним. Юноши тесным кружком расположились у ног Учителя, а Васиштха, поманив Раму, привлек его к себе и ласково обнял, похлопывая по спине и перебирая его волосы. Он сказал: «Рама! Отчего вы стали так молчаливы и замкнуты? Ваши родители страдают от тревоги и горя, ибо неспособны понять эту загадочную перемену. Вам следует заботиться о том, чтобы они были счастливы, разве это не так? Или вы забыли, что должны придерживаться бесценного правила: Матр Дево Бхава, Питр Дево Бхава (чти, как Бога, Мать свою, чти, как Бога, Отца своего) – и укреплять его своим поведением?» Васиштха долго и терпеливо наставлял Раму, призывая его поразмыслить над теми уроками и истинами, о которых он напоминал ему.

Рама с улыбкой внимал речам Гуру. Когда тот умолк, он спокойно заговорил: «Учитель! Ты говоришь о матери; но кого можно назвать «матерью»? Кто таков «сын»? Что такое, наконец, наше тело? И что такое Джива (индивидуальность)? Разве этот вещественный мир реален? Или реальна только Высшая Душа? Это тело – не более чем отражение Высшего Духа, не правда ли? Те же пять элементов, составляющих субстанцию, называемую «телом», лежат в основе всей Вселенной. Ведь Вселенная – это клубок из пяти стихий, взаимодействующих друг с другом. Эти стихии неизменны и вечны, несмотря на бесконечное количество их превращений и комбинаций. Но их изначальная природа еще более глубока. Как же необъятно наше невежество, если мы не способны осознать эту единую природу, если принимаем за реальность созданный предметный мир, поддаваясь его ложному очарованию и пренебрегая правдой ради красивой лжи? Чего может достичь индивидуум, отвративший свой взор от Вечной Абсолютной Реальности – Атмы?»

Васиштха, пристально наблюдавший за Рамой, который в своих речах поднимал глубочайшие философские проблемы, заметил, что вокруг его головы возникла яркая духовная аура, озарявшая своими великолепными лучами лицо царевича! Он знал, что этот свет может излучать лишь Божество, сияние которого прорвалось сквозь внешние оболочки! Поэтому он жаждал, чтобы сам Рама ответил на поставленные им самим же вопросы. И ответы и объяснения были поистине Голосом Божьим, вложенным в уста Рамы. Васиштха мысленно склонил перед Ним свою голову и, чтобы не выдать себя, сказал: «Мальчик мой! Мы увидимся с тобой вечером», после чего поспешно покинул дворец, не попрощавшись даже с Дашаратхой. Он был потрясен ослепительным Явлением, открывшимся ему. Его сердце, переполненное нежностью к Божественным детям, источало потоки любви и благодарности.

Через некоторое зремя Дашаратха увиделся с принцами, и от его глаз не укрылось зарево Божественного сознания, освещающее изнутри их лица. Он не понимал, почему это произошло, и с нетерпением ожидал вечернего прибытия Васиштхи. Стоило мудрецу

переступить порог храма, как все царственное семейство – матери, дети и Дашаратха склонились в низком поклоне и замерли, сложив руки в молитвенном ожидании.

Внезапно Рама, ко всеобщему удивлению, обрушил на присутствующих нескончаемый поток вопросов: «Мы повторяем без конца: Джива! Дева! Пракрити! (Душа, Бог, Природа), но что мы знаем об их внутренней связи? Существуют ли они сами по себе или суть проявления Единого? Если их основа – Единый, то как и с какой целью он стал Тремя? Каков общий принцип, их объединяющий? Какую пользу извлечем мы из того, что будем считать их различными и пренебрежем осознанием их единства?» Родители были поражены глубиной и величию проблем, рождающихся в уме их юного сына. Они были подхвачены и унесены потоком мудрых бесценных истин, изливавшихся из уст Рама, который, не успев задать вопрос, тут же сам отвечал на него, словно Всезнающие Небеса внимали вопрошающему гласу Земли! Они забыли, что Рама – их собственное дитя. Ночные часы незаметно летели, а умы озарялись немеркнущим светом великих формул Адвайты.

Васиштха понимал, что слова, слетающие с губ Рама, это, поистине, капли нектара Бессмертия, вкусив который, человечество обретет мир и покой; он благословил царя и матерей и возвратился в свою уединенную обитель. Диалоги Рама с наставником составили основу текста под названием «Йога-Васиштха» – философского памятника, насыщенного сокровенным смыслом. Он также известен как «Рамаяна».

Рама проводил свои дни, погруженный в Веданту, в общении со своим внутренним «Я», ведя нескончаемые беседы с самим собой; среди людей он был молчалив и лишь изредка смеялся над чем-то, известным ему одному. Тревога Дашаратхи между тем продолжала расти. Он был обеспокоен дальнейшей судьбой братьев и попытался отделить от Рама трех младших сыновей; Однако они никогда не соглашались хотя бы ненадолго расстаться со старшим братом; мальчиков пришлось оставить в покое, и все четверо замкнулись в уединении.

Царь и царицы были сильно подавлены, рушились мечты и надежды о триумфе и славе великого рода, они были доведены до отчаяния, ибо в поведении сыновей не было заметно никаких перемен к лучшему. Мрачная тревога целиком поглотила родителей, и часы проходили в неустанных молитвах. Рама утратил всякий интерес к еде и, питаясь скудно и нерегулярно, слабел на глазах и выглядел больным и истощенным.

Глава 6 Зов и первая победа

В те дни в обители к востоку от Айодхьи, столицы царства, святой Вишвамित्रа предавался суровой аскезе. Он готовился совершить священный обряд жертвоприношения – яджну. Но едва он приступил к великому действию, как появились демоны и осквернили ритуал, нарушив его святость. Они забросали освященное место кусками мяса, сделав это место непригодным для ведийских церемоний. Демоны чинили препятствия и всяческими другими способами, и их козни лишили Вишвамитру возможности проведения яджны. Великий мудрец не знал, как ему поступить! И он отправился в столицу царства Айодхью, чтобы встретиться с самим царем.

Когда весть о приближении мудреца достигла ушей царя, он повелел своим подданным привести его во дворец с надлежащими почестями. Они встретили его у городских ворот и сопровождали до главных дверей дворца. В храмовых покоях брамины приветствовали риши пением ведийских гимнов, а Дашаратха омыл водой ноги святого и каплями этой, уже освященной воды, окропил свою голову, как то предписано священными книгами и закреплено обычаем. Вишвамитру пригласили во внутренние покои дворца и усадили на высокий стул, вокруг которого собрались придворные, полные благоговения. «Сегодня поистине великий день!» – воскликнул Дашаратха. Он выразил

свою радость по поводу столь неожиданного прибытия святого подвижника и счастливой возможности послужить ему и выказать ему почтение. Вишвамित्रа пригласил царя и его приближенных сестрь, и они повиновались ему.

Проявляя милость, он осведомился о здоровье и благополучии царя и царской фамилии, о мирской жизни и процветании страны. Он спросил Дашаратху, обеспечивает ли его правление силу и безопасность державе и растет ли благосостояние его подданных. Дашаратха ответил, что благодаря милости Божьей и благоволению святых и мудрецов, его подданные, исполненные радости и сознания долга, заняты своим трудом и не боятся за свое будущее, а правители делают все возможное, чтобы народ благоденствовал, видя в этом свою единственную цель. Он сказал, что его министры всячески стараются послужить народу и обеспечить ему безопасность и счастье. Дашаратха пожелал узнать о цели прибытия святого подвижника. Он уверил его, что готов исполнить малейшее его желание. Выражая глубокую преданность, он заявил, что примет с радостью любую обязанность, которая будет на него возложена. Он только хотел бы как можно скорее узнать, что именно он должен сделать для святого. Вишвамित्रа с одобрением кивнул головой.

Повернувшись к Дашаратхе, он произнес: «Мне нет нужды лишней раз объявлять тебе о том, что ты – справедливый правитель, что ты проявляешь уважение к гостям и просителям, что ты являешься воплощением веры и преданности. Сам факт, что твое царствование несет покой и счастье всей державе, свидетельствует об этом. Благосостояние подданных зависит от личности правителя. Народ обретет мир или будет страдать от невзгод в зависимости от того, хорош или плох правитель. Кого бы я ни спрашивал, мне всегда говорили, что только в Айодхье народ исполнен преданности и любви к своему царю, а царь проявляет расположение и внимание к своему народу. В самых глухих уголках твоего царства я слышал об этом. Поэтому я знаю, что твои слова идут от сердца. В этом у меня нет сомнений. Ты никогда не нарушишь своего обещания. Ты всегда будешь верен данному тобой слову».

Эти речи святого глубоко тронули Дашаратху, и он ответил: «Великие люди посвящают свою деятельность только тому, что может помочь миру. И что бы они ни делали, они не отступят от предписаний, заключенных в священных книгах. Их намерения всегда истинны и не внушают сомнений, поскольку каждым их действием движет Божественная воля. Поэтому я всегда хотел бы служить тебе, используя все возможности, имеющиеся в моем распоряжении, и исполнять малейшее твое желание». Дашаратха клялся снова и снова, что во всем подчинится воле мудреца.

Эти слова наполнили Вишвамित्रу радостью: «Да, ты был прав, когда сказал, что отшельники не покидают свою обитель без причины. Я пришел к тебе, преследуя высокую цель! Я вдвойне счастлив, что ты так горячо откликнулся на мой призыв, и, следовательно, мой приход к тебе будет плодотворным. Ты ведь останешься верен своему обещанию, не так ли?» – спросил Вишвамित्रа. Дашаратха не медлил с ответом: «Учитель! Подобный вопрос ты, возможно, мог бы задать другим, но Дашаратха не тот человек, кто нарушит данное им слово. Он скорее расстанется с жизнью, чем навлечет на себя бесчестье, взяв назад свое обещание. Обладает ли монарх более ценными сокровищами, чем правдивость и честность? Они одни являются источником силы, которая нужна ему при исполнении его многочисленных обязанностей. Если эти ценности будут утрачены, страна уподобится жилищу без света или мрачной пустыне, где бесчинствует обезьянья глупость, порождающая непрерывную вражду. Страну поразят анархия и насилие. И царь окажется перед лицом великого бедствия. Я убежден, что подобные несчастья никогда не обрушатся на мою династию в грядущие времена. Поэтому скажи мне, не питая и тени сомнения, о той миссии, которая привела тебя в Айодхью, и прими от своего слуги заверения в верности».

Вишвамित्रа сказал: «О, нет, нет! У меня нет сомнений! Я просто произнес эти слова, чтобы убедиться в твоей твердой приверженности истине. Я знаю, что владыки из рода

Икшваку особо ревностно хранят верность своему слову. Итак, я потребую от тебя сегодня только одного.

Это не богатые дары, не колесницы, не коровы, не золотая казна, не воины, не слуги. Мне нужны только два твоих сына – Рама и Лакшмана, которые будут сопровождать меня. Что скажешь ты на это?» – спросил святой.

При этих словах Дашаратха содрогнулся и, почувствовав внезапную слабость, откинулся назад. Он долго не мог прийти в себя, и когда через некоторое время все же овладел собой, то собрал все свое мужество, чтобы произнести несколько слов. Он сказал: «Учитель! Какая польза тебе от этих мальчиков? Миссию, которую ты хочешь возложить на них, я смогу выполнить гораздо успешнее, разве ты так не думаешь? Предоставь мне эту возможность. Позволь мне достойно проявить себя. Открой мне, что должен я сделать, и я извлеку из этого радость». Святой отвечал: «Я твердо верю, что задача, которую смогут выполнить эти юноши, не по плечу никому другому. Только они в силах совершить эту миссию. Ни твое многотысячное войско, ни даже ты сам этого не сделаешь. Такие юноши, как они, никогда еще не рождались на свет и никогда не родятся вновь. Таково мое убеждение.

Выслушай меня! Я приготовился совершить торжественную церемонию яджны – великого жертвоприношения. Но как только я приступил к вводным ритуалам, неведомо откуда собрались злые духи и демоны и, сотворив кощунство, прервали обряд. Они учинили множество препятствий для его продолжения. И я хочу, чтобы твои сыновья отразили нападения демонов и спасли яджну от омерзительного святотатства. И я смог бы тогда довести священный обряд до успешного завершения. Это и есть моя цель. Это и есть мое желание. Что же ты скажешь теперь?» – спросил Вишвамित्रа, и в его голосе прозвучали грозные ноты.

Царь ответил: «Учитель! Как смогут выполнить столь опасное и страшное деяние эти хрупкие и совсем еще юные мальчики? Я стою здесь перед тобой, полный решимости и воли. С моими колесницами, пехотой, кавалерией, боевыми слонами я прибуду, чтобы охранять место для жертвоприношения и твою обитель. И я буду свидетелем, как успешно, без малейших помех, совершится яджна. У меня есть опыт, как ты знаешь, в борьбе против демонических сил. Я сражался против них за богов и одержал победу. Я способен сделать это и сейчас. Я только отдам необходимые распоряжения и готов буду немедленно следовать за тобой. Позволь мне сделать это», – воззвал он к святому подвижнику.

Услышав эти слова, Вишвамित्रа сказал: «О, владыка! Как ни ценю я все то, что ты предложил, меня не удовлетворяют твои речи! Я вновь настаиваю на том, что это предназначение – не для тебя. Разве ты не способен понять, что такое деяние не под силу даже мне, которого провозгласили едва ли не всезнающим и всемогущим? Как ты можешь взять на себя эту задачу и обеспечить ей успех? Ты считаешь, что эти мальчики всего лишь обыкновенные дети. Но это заблуждение, связанное с тем, что ты, как отец, горячо любишь их. Мне же достоверно известно, что в их человеческом облике заключена Божественная сила. Оставь свои сомнения! Сдержи слово, столь торжественно тобою данное, и отпусти их со мной тотчас же. Иначе – признай, что ты не верен своему слову. И я удалюсь. Итак – выбирай! И быстрее! Ни промедления, ни колебания сейчас неуместны».

Резкость в голосе мудреца испугала Дашаратху. Его охватили страх и отчаяние. Он распорядился, чтобы ко двору пригласили его наставника Васиштху. Когда Васиштха вошел и увидел Вишвамित्रу, мудрецы обменялись улыбками и словами взаимного уважения. Васиштха выслушал рассказ царя обо всем, что произошло. Ему была, безусловно, известна Божественная сущность обоих мальчиков. Поэтому он решил посоветовать царю ни о чем не тревожиться и с легким сердцем доверить своих сыновей нежной заботе мудрого отшельника.

Дашаратха продолжал настаивать, что мальчики не обладают крепким здоровьем и не имеют запаса жизненных сил для того, чтобы вступить в единоборство с демонами. «Мы давно уже обеспокоены их здоровьем, и сегодняшнее требование отдать их – это все равно что удар, внезапно нанесенный по открытой ране. Все протестует во мне при мысли, что нужно отправить их на схватку с демонами. Я буду защищать своих детей даже если ради этого придется рисковать жизнью».

Вишвамित्रа прервал его и сказал: «Царь! Отчего так неразумно звучат твои жалобы? Тебе следовало бы перестать раздавать обещания, которые ты не в состоянии выполнить. Это тяжкий грех, если правитель дает обещание, не учитывая все за и против, а затем, когда его просят исполнить его, начинает оттягивать его выполнение, противится ему и даже вовсе отказывается от своих клятвенных заверений! Это совсем недостойно такого царя, каким являешься ты. И я с презрением отвергаю предложенную тобой помощь, как это ни прискорбно. Как бы ни мала была помощь, но если ее оказывают из искреннего желания послужить добру, она так же ценна, как если бы предложена была сама жизнь. Если же помощь, пусть и очень большая, предлагается с колебаниями, оговорками, не от полноты сердца – она достойна порицания. У меня нет желания причинить тебе боль и вырвать помощь из твоих рук. Что ж! Будь счастлив наедине с собой и со своим грехом! Я ухожу!» Вишвамित्रа поднялся и сделал движение по направлению к выходу. Царь упал к его ногам и умолял даровать ему отсрочку, чтобы обрести просветление и осознать свой долг. Он молил святого убедить его в справедливости своего требования; в том, что нет другого способа осуществить это намерение.

Тогда Вишвамित्रа привлек царя к себе, чтоб дать ему совет. Он сказал: «Царь! Ты стоишь на пути приближающегося космического откровения и величайшего свершения. Поскольку твое сердце полно отеческой любви, истина не открывается тебе. Твоим сыновьям не будет причинен вред. Никогда, запомни это! Нет такой высоты героизма, на какую они не поднялись бы. Могучие Божественные силы влились в эти человеческие образы именно для того, чтобы уничтожить демонов и истребить демоническое начало. Поэтому не медли больше и пошли за мальчиками. Ты не можешь сейчас трезво оценить ни их физическую силу, ни возможности их интеллекта. Сумей хотя бы разглядеть то Божественное, которое бьет в них ключом каждую минуту их жизни. Нет такой силы, которая могла бы этому противостоять, помни об этом».

Дав Дашаратхе еще несколько советов, Вишвамित्रа послал за царевичами – Рамой и Лакшманой. Как только те услышали, что святые наставники Вишвамित्रа и Васиштха хотят видеть их, они поспешили в зал и, войдя в него, склонились в глубоком поклоне. Они простерлись у ног отца, затем Васиштхи, наставника семьи, и, наконец, у ног Вишвамитры. Когда они поднялись и почтительно встали перед ним, Вишвамित्रа с улыбкой, играющей на губах, обратился к ним: «Юноши! Хотите ли вы пойти со мной?» И они с восторгом откликнулись на его призыв.

Их радостная готовность повергла Дашаратху в еще большее уныние, лицо его побледнело. Рама, увидев, как помрачнел отец, подошел к нему и сказал с нежностью: «Отец, отчего ты так опечален тем, что я собираюсь уйти с великим святым? Разве есть лучший способ использовать наше тело, чем отдать его на служение людям? Именно для этой цели и дано нам тело! А участвовать в святых делах аскетов – не есть ли это самая великая цель? Для нас нет ничего невозможного, разве это не так? Мы уничтожим демонов – ракшасов, какими бы свирепыми они ни были, и принесем мир святым отшельникам. Если ты позволишь, мы готовы отправиться тотчас же». Эти слова, полные мужества, в какой-то степени уменьшили тревогу Дашаратхи.

И все-таки царь еще колебался. Он не знал, на что решиться. Он привлек к себе Раму и сказал ему: «Сын! Ракшасы – не просто враги. Известно ли тебе, что среди них есть такие, как Сунда, Упасунда, Марича, Субаху и другие? Они чудовищно жестоки. Их физический облик настолько ужасен, что его невозможно описать. У тебя еще не было случая видеть таких устрашающих существ. Я не могу представить себе тот момент, когда

ты окажешься лицом к лицу с ними. Как сможешь ты сражаться с этими оборотнями, которых никто еще не превзошел в хитрости, изворотливости и способности к физическим превращениям? Ты даже не слышал еще и слова «битва». Ты никогда не видел настоящего сражения. И тебя призывают сразу вступить в борьбу с таким страшным врагом! Увы! Судьба поистине очень жестока! Почему моим сыновьям на пороге юности выпало такое суровое испытание?»

Эти мысли, пронесившиеся в сознании Дашаратхи, переполнили его страждущее сердце, и из его глаз потекли слезы. Лакшмана, желая помочь отцу в минуту душевной слабости, сказал: «Отец, отчего ты плачешь? – Мы ведь – не робкие девицы! Поле боя – наше законное место, война – наш главный долг, защита справедливости – наша прямая обязанность. Служение святым мудрецам и поддержание моральных устоев для нас так же естественны, как дыхание. Я удивлен, что ты так горюешь из-за того, что мы отправляемся на столь славные дела. Мир посмеется над твоей слабостью. Проводи нас с любовью и благословением. Я буду сопровождать моего брата, и мы вернемся со славою и победой».

Рама видел, что любовь к нему затмевает все прочие чувства в душе Дашаратхи. Тогда он подошел к его трону и нежно взял его руку. Он сказал: «Отец! Видно, ты забыл о том, кто ты. Ты забыл, что родился в великой династии, чьи предки обессмертили ее своею славою. Вспомни об этом, и ты перестанешь плакать. Ведь ты принадлежишь к роду Икшваку! До сегодняшнего дня ты провел свои годы, являясь самым воплощением Дхармы. Три мира приветствовали тебя как правителя, всегда исполненного сознанием долга, как стража и верного последователя Дхармы, как самого доблестного героя на поле битвы. Ты знаешь, что нет большего греха, чем отречение от однажды данного слова. Отказ от слова, которое ты дал святому подвижнику, может запятнать добрую славу о тебе. Твоим сыновьям не перенести этого бесчестья. Если ты не можешь следовать своему слову, то не можешь рассчитывать на то, что тебе поставят в заслугу совершаемые жертвоприношения, ни даже предпринятый тобой благотворительный акт – будь то рытье колодцев или посадка деревьев. Есть ли смысл говорить дальше? Мы, твои сыновья, чувствуем, что это знак позора, перед которым нам остается лишь опустить головы, выслушивая толки о том, что Дашаратха отрекся от своего слова. Это несмыслимое пятно на репутации самой династии. Твоя любовь к сыновьям слепа. Она лишила тебя способности к различению. Такая любовь будет для нас наказанием, а не защитой. Если бы ты действительно любил нас, то поддерживал бы наше стремление к славе – разве это не так? Мы, разумеется, не вправе давать тебе советы. Ты знаешь обо всем сам. Твоя любовь заронила в твою душу ростки невежества и помешала тебе осознать свой долг. Мы же, поверь, не испытываем ни малейшего страха. Нас ждет Невеста Победы! Оставь свои сомнения, благослови нас и доверь заботам святого». Так Рама убеждал и молил отца; согнувшись в поклоне, он коснулся его ног.

Дашаратха привлек Раму к себе и с любовью погладил по голове. «Сын мой! Твои слова – сама истина, и каждое из них подобно драгоценной жемчужине. Я не настолько неразумен, чтобы это отрицать. Я готов немедленно выступить с моим могучим четырехфланговым войском и защитить священную церемонию святого подвижника, пусть даже ценой всего, чем я владею, но мой разум противится безумному призыву послать тебя, едва лишь начавшего тренироваться в искусстве владеть оружием, прямо в руки демонов-ракшасов. Ни один отец не захочет добровольно отдать в лапы тигра сыновей, которых он породил. А разве ты вправе бросать нас в сжигающее пламя горя и страданий? Мы обрели тебя и лелеяли пуще собственного дыхания. Увы! Что остается человеку, когда сама судьба идет против него? Я не виню тебя и никого другого, я сам несу наказание за грехи, которые совершил».

Скорбя и оплакивая свою судьбу, Дашаратха обхватил голову руками. Рама при этом улыбнулся. Он сказал: «Отец! Откуда у тебя эта слабость? Ты говоришь, что нас готовы бросить в пасть тигра! Разве ты все еще не понял, что мы не козы, являющиеся для тигра

легкой добычей! Посмотри на нас, как на детенышей льва, и отправь нас на святое дело. Царям не пристало отречься от священных деяний!»

Выслушав эти достаточно резкие слова Рамы, Васиштха встал и сказал: «Прекрасно! Дашаратха! Слышишь ли ты рычание льва? Что значит перед ним вой шакала? Очнись! Пошли за матерями, пусть они придут сюда! А сыновей отдай в распоряжение Вишвамитры».

Дашаратха почувствовал, что ему ничего не остается, как повиноваться. Он послал за царицами.

Царицы, с накинутыми на головы шальями, появились в тронном зале. Они прикоснулись к ногам мудрецов и Дашаратхи, после чего подошли к детям и встали рядом с ними, глядя их волосы ласковыми руками. Васиштха первый заговорил с ними. Он обратился к Каушалье: «Мать! Наши дети – Рама и Лакшмана готовятся уйти с Вишвамитрой для того, чтобы охранять обряд яджны от кошунственных нападений демонических орд. Благослови мальчиков перед их уходом». Каушалья, услышав эти слова, подняла голову и произнесла с изумлением: «Что я слышу? Эти юные создания, подобные молодым деревцам, должны сторожить яджну, которую собирается совершать великий святой? Мне известно, что только тайные мантры с их сверхъестественной силой могут служить для этого надежным оружием; как посмеет обычный человек взять на себя бремя охраны яджны от врагов? Успешное завершение яджны зависит от высокой нравственности подвижников, принимающих в ней участие».

Васиштха готов был согласиться с этим, однако он решил сделать картину более ясной. Он сказал: «Каушалья! Мать! Яджна Вишвамитры – не обычный ритуал. Много препятствий чинится ей, и это вызывает большую тревогу». Васиштха продолжал свои объяснения, но Каушалья прервала его и сказала: «Я с удивлением слышу, что совершаемые святыми и риши яджны омрачаются беспокойством и тревогой. Я всегда верила, что никакая сила не может противодействовать священному начинанию. Я не сомневаюсь, что святой вынашивает свое желание и жаждет осуществить его во имя того, чтобы на Мир снизошел Божественный Свет! Мудрый отшельник выдвинул свое требование Дашаратхе только затем, чтобы подвергнуть испытанию любовь царя к его детям. Не можем же мы всерьез поверить в то, что эти нежные слабые стебельки могут защитить от врагов яджну, которую святой, наделенный всеми мистическими и тайными силами, собирается совершить?»

Пока Каушалья говорила, а ее рука ласкала голову Рамы, Дашаратху, слушавшего ее, вдруг, как вспышка, озарила истина, и он пришел к смелому решению. Он сказал: «Да! Слова Каушальи несут в себе подлинную правду; я не сомневаюсь теперь, что это был лишь способ, чтобы испытать меня! Учитель! Мог ли я, слабый и неразумный человек, понять, что это было лишь испытание? Я выполняю твою волю, какова бы она ни была». С этими словами Дашаратха упал к ногам Васиштхи. Васиштха посмотрел на него и сказал: «Махараджа! Ты вел себя достойно. Эти мальчики отмечены особой печатью. Мы знаем это. Другие этого не знают. Предстоящий им поход – это только начало их триумфального шествия. Это – пролог к истории их победоносных деяний. Это – посвящение их в клятву верности Дхарме-ракшане, хранительнице Праведности. Они скоро вернутся с Невестой Победы. Поэтому не раздумывай больше и передай их с радостью заботам Вишвамитры».

Васиштха подозвал юношей к себе и, возложив на их головы свои добрые ладони, благословил их словами ведийских гимнов. Юноши припали к ногам матерей и получили их благословение. Теперь они были готовы отправиться в путь. Дашаратха видел, как вспыхнули их лица светом радости и отваги. Он подавил вновь нахлынувшую на него горестную муку, положил свои руки на плечи юношей и, обращаясь к Вишвамитре, сказал: «Эти двое теперь – твои сыновья; от тебя зависит их здоровье и счастье. Если ты прикажешь, чтобы несколько личных хранителей отправились вместе с ними, я охотно выполняю это требование».

При этих словах Вишвамित्रа рассмеялся: «О царь! Ты, право же, все еще во власти безумия! Кто же должен охранять их, этих героев, которые призваны избавить яджну от осквернения? Разве они нуждаются в защите? Они отправляются оберегать жертвоприношение, которое никто из нас не способен уберечь, и таких могучих героев кто-то должен охранять? Поистине, твоя любовь ослепила тебя. Царь! Я приведу их к тебе, когда миссия, возлагаемая на них, будет выполнена. Не тревожься ни о чем! Продолжай спокойно и справедливо править своим царством».

Вишвамित्रа поднялся со своего места; каждый из присутствующих склонился перед ним в почтении. Он первым вышел из зала. Оба принца последовали за ним. Как только они появились на пороге главного входа дворца, на них хлынул ливень из живых цветов. Высоко в небесах прокатилась барабанная дробь и зазвучала музыка божественных рожков. Протяжные звуки труб и мелодии поющих раковин, льющиеся из дверей и окон каждого дома, сливались, перекликаясь, в единый победный клич, сопровождавший их на всем пути до городских ворот.

Мужчинам, женщинам, детям – всем горожанам, высыпавшим на улицы, принцы казались двумя маленькими львятами, бегущими по пятам старого могучего льва. Никто не знал, почему юноши идут босыми и почему они покидают дворец вместе с великим святым. Поэтому каждый спрашивал у своего соседа, не знает ли тот, какую задачу они призваны выполнить. Министры, придворные, жители города провожали их только до городских ворот – таков был приказ царя. Здесь они распрощались с ними, пожелав счастливого странствия, и вернулись назад.

Те же продолжали свой путь. Вишвамित्रа шел впереди, за ним – Рама, и последним – Лакшмана. Они видели прекрасные деревья, стоящие в ряд по обе стороны главной дороги; они вбирали в себя красоту природы, которая открывалась их взору. Преодолев большое расстояние, они достигли границы джунглей. Кругом не было уже никаких признаков жилья. Перед тем как вступить в лес, Вишвамित्रа велел юношам надеть на пальцы и запястья защитные кожаные ремешки, снять с плеч луки и держать их в руках наготове. Вооруженные таким образом, они продвигались по безмолвному и внушающему ужас лесу сквозь непроходимые заросли, бесстрашные и лучезарные, как если бы они были властелинами этой земли. Вскоре они оказались у берега реки Сарайю. Солнце уже садилось. Вишвамित्रа подозвал к себе Раму и Лакшману и обратился к ним с ласковыми словами: «Дорогие мои! Подойдите к реке и совершите ритуальную церемонию омовения рук и ног. Я передам вам сейчас две мистические формулы – мантры, подобные двум прекрасным жемчужинам в драгоценной короне. Они именуются Бала и Атхи-Бала – Сила и Сверхсила. Обе они заряжены огромной мощью. Они вернут вам бодрость; как бы ни были вы истощены, они не дадут изнеможению взять верх; как бы ни были напряжены ваши силы, они не позволят болезни приблизиться к вам; они будут хранить вас от демонических сил. Куда бы вы ни направились, они, если вы вспомните о них, избавят вас от голода и жажды, наполнят ваше тело здоровьем и свежестью и изольют на вас радость и энтузиазм; они придадут силу телу и разуму. Рама! Эти две мантры превосходят все другие мантры, они более действенны и светоносны, чем остальные». Вишвамित्रа еще долго распространялся о таинственной силе мантр. Но Рама не нуждался ни в каких объяснениях, и поэтому он слушал его с явным удивлением, и взгляд его был полон недоумения. Лакшмана, все это время наблюдавший за святым и Рамой, смеялся в душе!

Этот случай является хорошим уроком тому миру, куда пришел Рама, чтобы возродить Дхарму. Этот урок Рама преподал скорее своими действиями, чем словами: «Майя неизбежно настигает любого, как бы велик он ни был; она способна в единый миг перевернуть все человеческие понятия и представления; она не ослабит своей хватки до тех пор, пока ее жертва будет упорствовать в своей вере в то, что она есть «тело».

Майя не убоится ни имени, ни славы, ни мастерства, ни интеллекта той личности, которой она хочет владеть. Только когда человек откажется от своего имени и формы, освободится от представлений о себе, как о «теле», и утвердит себя в Атме, только тогда

он сможет избавиться от неверных и искаженных идей, навязанных Майей». Таков был этот урок! Вот что произошло: Вишвамित्रа имел под своим контролем две сильнейшие мантры, он обладал огромным запасом духовных сокровищ; он понял, что, несмотря на свои собственные возможности, всеми признанные, один только Рама несет в себе ту мощь, которая способна перебороть и разгромить демонические орды, пытавшиеся сорвать яджну, он предостерег Дашаратху против непомерной его любви к сыну, ослепившей его и не позволившей увидеть Божественную сущность Рама; он объявил, что Рама есть Хранитель целого Мира; он верил, что нет такой высоты героизма, которой Рама не смог бы достичь. И все-таки он готовился открыть этим двум принцам тайну неких мистических мантр, как если бы они были обыкновенными детьми! Это значит, что даже Вишвамित्रа был скован цепями Майи! Он поддался заблуждению – судить о вещах по их внешним признакам. Рама распознал ту силу, с которой Майя мертвой хваткой держала Вишвамитру. Ведь именно Майя затуманила разум святого и заставила его, гордого своей мудростью, совершить обряд посвящения в мантры. Рама и Лакшмана завершили омовение в реке, как повелел им Вишвамित्रа. Святой подошел к Рама и посвятил его в тайну двух мантр. Рама произносил формулы вслед за Учителем и кивал головой, как положено новообращенному, постигающему тайное знание. Лакшмана проделал то же самое. Они склонили головы, желая показать, что они согласны стать «учениками» Вишвамитры. Вскоре стемнело, и братья устроили себе постели из густой травы. Когда они улеглись, Вишвамित्रа сел рядом с ними и стал рассказывать им предания былых времен. Вскоре мудрец заметил, что братья уснули, утомленные долгим и изнурительным путешествием пешком. Вишвамित्रа прервал свой рассказ и погрузился в мысли о своей собственной судьбе и своем предназначении.

Тем временем на землю прорвались утренние лучи. На дереве, под которым спали братья, многоцветные птицы порхали с ветки на ветку и сладко щебетали, словно хотели разбудить Раму и Лакшману. Казалось, что это была музыка небесных ангелов. Но эти звуки не могли поднять спящих. Тогда Вишвамित्रа приблизился к Рама и объявил, что наступил рассвет. «Просыпайтесь!» – велел он. Рама поднялся; он разбудил Лакшману, который спал рядом с ним, и они оба простерлись у ног святого. Они совершили свои утренние омовения в реке Сарайю; они набрали в ладони священную воду и снова вылили ее в реку, произнося гимны в честь богини Реки; они выкупались в реке, после чего совершили ритуал Сандхья, включающий произнесение утренней мантры Гаятри. Затем, готовые продолжать путешествие, они встали перед

Учителем, сложив руки. Вишвамित्रа спросил: «Дорогие мои! Теперь мы можем двинуться в путь к нашему монастырю, не так ли?» И Рама ответил: «Мы ждем твоего приказа!» И они продолжали свой путь. Святой шел впереди, а братья за ним. Скоро они достигли места, где Сарайю сливается с Гангой. Братья простерлись ниц перед священной рекой, затем обвели глазами окрестности вокруг святого места. Они увидели монастырский храм, из которого струились, заполняя пространство, звуки божественной музыки. Монастырь поражал своей древностью и вызывал в памяти старинные предания. Лакшмана спросил Вишвамитру: «Учитель! Кто живет в этой святой обители? Какое великое Имя связано с нею?» Святой улыбнулся, услышав этот вопрос. Он сказал: «Дорогие! Это было очень-очень давно – когда Бог Шива явился сюда вместе со своей небесной свитой для того, чтобы предаться суровой аскезе и воздержанию, прежде чем сыграть свадьбу с Парвати. В то время как Шива исполнял свои священные обязанности, бог Любви Манматха препятствовал Божественному ритуалу, чем вызвал гнев в сердце Шивы. Он открыл свой третий глаз, из которого вырвалось пламя такой силы, что сожгло Манматху дотла. Его тело было уничтожено и превращено в пепел, после чего он стал известен как «Бестелесный», или Ананга. Слово «анга» означает «член тела». Оттого и часть страны, где Манматха утратил свое тело, называется Анга! Это очень богатый край. Сам Шива почтил своим присутствием эту обитель, и с тех пор многие поколения

преданных ценой глубокого самоотречения сливаются здесь с образом Великого Божества.

Этот монастырь принимает в послушники только тех, кто строго следует Дхарме. Если вы хотите, мы можем провести здесь ночь, а утром, после купания в Ганге, снова отправиться в путь». Рама и Лакшмана не смогли скрыть восторга, услышав это предложение. Выражая свое согласие, они сказали: «Мы очень счастливы!» Они окунулись в воды священной Ганги. А тем временем весть о том, что Вишвамित्रа находится так близко и что вместе с ним два отважных царских сына, распространилась повсюду. Обитатели ашрама поспешили навстречу, чтобы приветствовать их и пригласить посетить монастырь.

Ту ночь святой и принцы провели в ашраме Шивы; подкрепившись фруктами и кореньями, они с интересом наблюдали за жизнью монастыря. Принцы слушали предания, которые рассказывал им Вишвамित्रа; в потоке Божественной Благодати, снизошедшей на них, незаметно пролетели ночные часы. Когда занялся день, они совершили омовения, и, выразив служителям монастыря свою любовь и признательность, попрощались с ними. Они снова двинулись в путь – два ученика, следующие за Гуру. Им предстояло переправиться через Гангу, и местные старожилы перевезли их на лодке на другой берег; пожелав им доброго пути, перевозчики простерлись у ног Вишвамитры. Он поблагодарил их за проявленное гостеприимство; он сказал, что ценит глубину их преданности и самоотверженности, и позволил им возвратиться к себе, наградив благословением.

Очень скоро шум, похожий на грохотание подземного потока, рвущегося из недр на землю, поразил их слух. Они увидели воды реки, бушующие и вздымающиеся, с длинными гребнями белой пены на вершинах волн. Рама спросил святого: «Учитель! Как происходит, что бурный поток сразу заполняет водоем, и как могут волны прибывать так быстро и подниматься так высоко?» Вишвамित्रа ответил: «Рама! Полноводная и бурная река Сарайю впадает в спокойную и тихую Гангу, отсюда и эти раскаты, и грохотанье». Мудрец произнес эти слова бесстрастно и невозмутимо, для него эта картина была привычной. Он продолжал: «В незапамятные времена случилось так, что волею Брахмы около горы Кайлас возникло большое глубокое озеро. Оно известно как «МанасаШаровар», что означает «Озеро Разума». Так назвали его боги. Когда тают снега и идут дожди, озеро переполняется и выходит из берегов, и поток, рвущийся из него, становится рекой Сарайю, текущей неподалеку от Айодхьи и стремящейся к Ганге. Сарайю – священная река, ибо воды ее рождены озером, созданным по воле самого Брахмы». Они продолжали путь, внимая рассказам, вызывающим благоговейный трепет, раскрывающим тайны истории каждой реки и каждого камня на этой земле.

Они вошли в темный дремучий лес, который внушал ужас. Рама спросил Учителя, ступала ли в этот лес нога человека, но прежде чем он получил ответ, их внимание привлек жуткий рев, исходящий из злобных глоток огромных стай диких зверей – тигров, львов, леопардов; заросли кишели множеством более мелких лесных тварей. Казалось, что землю разрывают на куски! Они увидели, как дикие животные бьются друг с другом в смертельной схватке, а другие скрываются в чаще леса, спасаясь от опасности насильственной смерти. Сплошной стеной их обступали гигантские деревья – баньяны, гималайские кедры, сосны, священные смоковницы, достигая верхушками неба и распространяя над землей густую тень.

В непроходимых зарослях негде было ступить ноге. Чтобы двигаться вперед, им пришлось прокладывать себе тропу. Лакшмана не смог скрыть своего любопытства. Он спросил Вишвамитру: «Учитель! Кто властвует над этим устрашающим лесом? Как его имя?» Учитель ответил: «Лакшмана! Там, где сейчас разрослись джунгли, когда-то были два маленьких царства – Малада и Кароса. Они сияли, как обители богов. Люди говорили, что они и вправду были созданы и хранимы богами. Об этом месте существует предание. Бог Индра, убив демона Вритру, преградившего течение рек, страдал от того, что

осквернил себя грехом и наказан за это неистребимым голодом. Пребывающего в столь плачевном состоянии Индру святые мудрецы привели в эти места и искупали в священной Ганге. После этого они излили на его голову несколько горшков воды из Ганги, произнося при этом священные гимны и заклинания. Так был смыт с него грех – убийство существа из высшей касты. Брахма возрадовался, что с порчей (Мала) и алчущими стенаниями (Кроса) было покончено, и он назвал эти маленькие царства Малада и Кароса. С его благословения они обрели славу. Боги пожелали, чтобы в них было изобилие зерна, золота, и прочего, что дает процветание стране.

Но вот в этих местах появилась злобная великанша-людоедка – Татаки. Она начала опустошать эту богатую и мирную землю. Она была якшини, полубожественное существо, которое могло принимать какую угодно форму. Ходили слухи, что, едва родившись, она уже обладала силой тысячи слонов! Она породила сына по имени Марича, который обладал мощью и смелостью самого Индры. Мать и сын, объединившись, приносили огромные разрушения и бедствия. Джунгли, где живет отвратительная великанша, находятся отсюда на расстоянии йоджаны (девяти с половиной миль). Они превратили в бесплодные пустыни две цветущие долины – Маладу и Каросу. В страхе и ужасе перед приближением Татаки бежали отсюда те, кто обрабатывал эти плодородные земли. И джунгли придвигались все ближе и ближе. Густо населенные города и деревни опустели и разрушились, не оставив и следов обитания человека. Татаки невозможно ни поймать, ни извести, ибо она сумеет уклониться от любой попытки ее уничтожить. Никто еще не посмел положить конец ее опустошительным набегам. Я не могу представить никого, кроме тебя (да! моя глубочайшая интуиция говорит об этом), кто поразил бы это чудовище, обладающее такой невероятной силой. Именно эти двое – гнусные мать и сын – навлекают демонов, чтобы срывать и осквернять яджны и священные ритуалы отшельников».

Слова Вишвамитры глубоко взволновали Раму. Он не мог подавить вспыхнувших в нем гнева и возмущения. С великим почтением и покорностью обратился он к святому: «О великий среди аскетов! Я слышал, что якшасы не обладают большой силой; к тому же эта Татаки – женщина, существо слабого пола. Как может она держать в страхе целый народ? Откуда получает она такую силу? Как смогла она превратить этот край в руины, когда он находится под благословением Брахмы и богов? Этому можно лишь поражаться. В это просто трудно поверить». Вишвамитра сказал: «Рама! Я объясню тебе! Слушай! Жил когда-то якшас по имени Сукету. Он наделен был и добродетелями, и доблестью. Он не имел ребенка, который мог бы ему наследовать, поэтому предался суровой аскезе, чтобы умилостивить богов и получить их благословение. Брахма, наконец, оценил его самоотречение. Бог предстал перед Сукету, и, благословив его, объявил, что у него будет дочь, наделенная сверхъестественной силой, умом и ловкостью. Несмотря на то, что Сукету мечтал о сыне, он возрадовался и этому дару. Якшас возвратился домой, и вскоре, как и ожидалось, у него родилась дочь. Девочка быстро росла и набиралась сил. Хотя она и принадлежала к слабому полу, но благодаря милости Бога обладала мощью тысячи слонов.

Она разгуливала повсюду, где ей вздумается, не признавая ни законов, ни запретов, как будто бы все, что она видела вокруг, принадлежало только ей одной. Она была очень красивой девушкой, поэтому Сукету повсюду искал ей достойного жениха; наконец, его выбор пал на юношу по имени Сунда – и он отдал за него свою дочь. Три года спустя она родила сына, это был Марича, о котором я уже рассказывал тебе. Мать и сын стали непобедимы в сражениях. Сунда отправился вершить свои демонические дела, он попытался причинить вред яджнам святых отшельников, чем навлек на себя гнев великого святого Агастья. Агастья наслал на него проклятье, которое уничтожило Сунду и тем самым защитило мудрецов от дальнейших несчастий и бед. Охваченная жаждой мщения, Татаки вместе со своим сыном совершила нападение на монастырь Агастья. Но святой, обладавший даром предвидения, заранее знал об этом, поэтому он проклял их обоих, и его

проклятие превратило их в великанов. Это разъярило их еще сильнее. Ревя и выкрикивая оскорбления, Татаки и Марича двинулись – жуткие, с глазами, налитыми кровью – против Агастьи. Он почувствовал, что промедление опасно, и обрушил на Татаки новое проклятье, силой которого она должна была потерять свою красоту и превратиться в страшилище! Он повелел, чтобы она стала людоедкой! Татаки же не признала себя покоренной и продолжала нападать с удвоенной свирепостью. Тогда Агастья решил укрыться от ее мщения и удалился в безопасное место. Разозленная неудачей, Татаки направила свою ярость на эти земли – на Маладу и Каросу, круша сады и посевы и превращая их в непроходимые джунгли».

Когда Вишвамित्रа закончил свой рассказ, Рама сказал: «Учитель! Она наделена силой и неуязвимостью потому, что появилась на свет как дар Брахмы и как награда за суровый аскетизм отца. Но она использует свою силу и ловкость во зло и навлекает на себя гнев и проклятия. Однако в священных книгах сказано, что убить существо женского пола – это великий грех, не так ли? Именно поэтому Агастья, прокляв Татаки и обратив ее в безобразное чудовище, вынужден был отпустить ее. И понятно, что великий святой, убив своим проклятием ее мужа, не смог так же убить жену. Я слышал, что воины не должны опускаться до убийства женщины. Скажи, что надлежит мне делать. Я готов повиноваться».

Вишвамित्रа был очень обрадован, когда Рама высказал эти сомнения, диктуемые Дхармой. «Мне хорошо известно, – продолжал Вишвамित्रа, – что убийство женщины – великий грех. Тем не менее защита людей большой духовной силы, праведников, так же, как и покровительство священным коровам – наиважнейшее дело. С ними связана Дхарма.

Поступок не будет считаться грехом, если он совершается ради поддержания Дхармы и ради искоренения Адхармы. Разве тебе не знакомо изречение: «Дхармо ракшати ракшитах» – «Дхарма хранит тех, кто охраняет ее»? Это не то насилие, которое применяется для того, чтобы кого-то возвеличить. Когда насилие используется для сохранения мира и для процветания общества, оно не может, я уверяю тебя, повлечь за собой дурные последствия. Более того, сотворение, сохранение и уничтожение являются проявлением Божественных законов и осуществляются согласно Божественной воле. Они не связаны с прихотью человека. Ты же есть воплощение Бога. Ты наделен властью и, одновременно, скован долгом. Никакая грязь не пристанет к огню, и никакой грех не может осквернить Божественное. Воля, которая созидает, и долг, который осуществляет защиту, имеют также право и карать. Кара, которая ожидает мать и сына за их грехи, будет доведена до конца. Им ее не избежать. И можно считать благом то, что Татаки погибнет от твоей руки сегодня, пока она не прибавила к своим многочисленным грехам новые, которые принесут ей еще большие муки. Ты только послужишь ее же интересам и благу этой страны. И в этом нет ничего дурного или греховного. Если же ты проявишь сейчас чувство жалости, то это принесет огромный вред миру, вызовет упадок Дхармы и будет способствовать тому, что Татаки совершит новые злодеяния. Почему я так долго останавливаюсь на этом и привожу тебе тысячи аргументов? Потому что я увидел все это внутренним, духовным зрением. Ты воплотился в образе человека для того, чтобы уничтожить этих вырожденцев ракшасов. Это твоя миссия, твоя задача. Ты должен выполнить ее сегодня и будешь выполнять ее и дальше. Защита Дхармы и расправа с ракшасами – существами с демонической сутью – вот ради чего ты родился! Мне открылась эта истина. Именно поэтому я устремился к тебе за поддержкой. А иначе, если бы я этого не знал, зачем бы я искал у тебя защиты? Отшельники, монахи и те, кто предается аскезе в лесной глуши, молят о помощи правителей этой страны не ради самих себя, а ради целого мира. Они отказываются от всех привязанностей, ограничивают свою пищу лишь кореньями и плодами, которые сами собирают; после нескольких месяцев или лет такого воздержания, пренебрегая всеми потребностями плоти, они перестают отождествлять себя со своим телом, теряют ощущение своей телесной оболочки и сливаются с божественным Светом. Почему подобных людей должно беспокоить то, что происходит в мире? Потому что

Мудрейшие и достигшие Самореализации, помимо собственного спасения светом откровения, стараются указать другим тот путь, который они сами прошли, ту лучезарную цель, которой они достигли; своим примером они убеждают других следовать учению и духовной практике, которая приведет их к познанию истины. Если мудрецы будут заботиться только о себе и своем освобождении, на что будет обречен мир? Люди еще глубже погрязнут во зле. Святые отшельники поддерживают связь с миром именно по этой причине, а не для удовлетворения своих собственных желаний. Они живут, словно лотосы на воде, являя миру лишь внешнюю, иллюзорную красоту; на самом же деле ничто не привязывает их к миру, и они не позволяют ему осквернять себя. Их цель одна и только одна: духовное развитие и процветание человечества. Их единственная забота – поддерживать Дхарму, и полагаются они только на Бога».

В этих словах Вишвамитры раскрывалась истина, и Рама ответил так, как будто он был новичок, ранее не знакомый с тем, что услышал. Он сказал: «Боюсь, мир не поймет, что слова святых отшельников и мудрецов несут в себе божественный смысл. Я спрашивал тебя лишь о моральной стороне этого акта, чтобы мы могли узнать о его законности и справедливости. Не усматривай иного смысла в моем вопросе. Мой отец Дашаратха повелел мне повиноваться мудрому Вишвамитре и делать все, что он прикажет. Я желаю следовать воле моего отца. Ты – великий риши. Ты прошел суровые испытания аскезы. И если ты уверен, что убийство Татаки не есть грех, а есть деяние справедливое и праведное, я знаю, что не совершу дурного поступка. Я готов выполнить любую задачу, которую ты возложишь на меня, чтобы поддержать Дхарму и принести благо людям». Говоря это, Рама взял в руки лук и тронул тетиву, проверяя, туго ли она натянута. Тетива зазвенела, и этот звук отозвался многоголосым и мощным эхом, прокатившимся по джунглям. Весь лес пробудился; дикие звери бросились врассыпную. Татаки, пораженная этим необычайно громким и устрашающим звуком, запылала гневом оттого, что ее осмелились побеспокоить, и бросилась туда, откуда этот звук раздался. Рама увидел чудовище, которое двигалось на него подобно огромному дикому слону или качающейся горе. Он улыбнулся и сказал Лакшмане: «Брат! Взгляни на эту уродливую громадину! Может ли обычный человек уцелеть, увидев это исчадие ада? Сам вид ее способен убить человека! Что же сказать о ее мощи? Но это – женщина! И поэтому мой разум противится мысли, что я должен убить ее! Это страшилище умрет, если отсечь ей руки и ноги, этого будет довольно, чтобы уничтожить ее». Татаки кинулась на Раму с вытянутыми руками, как будто хотела схватить его и бросить в свою пасть, как кусок пирога! Она дико рычала и была в страшнейшем возбуждении. Вишвамитра, закрыв глаза, молился, чтобы братья не пострадали в сражении. Татаки подступала все ближе и ближе к Рама, но все с большей и большей неохотой, ощущая в его присутствии странное бессилие. Один или два раза она приблизилась к Рама, но быстро отступила. Озлобившись на себя, она подпрыгивала от ярости, вздымая огромными ногами черную и удушливую пыль. Рама, Лакшмана и Вишвамитра некоторое время стояли в молчании и бездействии. Татаки обладала исключительной способностью производить разрушения, используя обманную силу иллюзии. На этот раз она произвела камнепад – тяжелый дождь из обломков скал.

И тут Рама наконец убедился, что великанша не должна больше жить на земле и что ее нельзя щадить, несмотря на ее женское начало. Он натянул свой лук и пустил стрелу в ставшую невидимой Татаки, точно зная, где она находится в этот миг. Она снова бросилась на Раму, но две ее руки были отсечены его стрелами. Она повалилась на землю, крича и завывая от боли. Лакшмана отрубил ее нижние конечности одну за другой. Но Татаки была способна восстанавливать любую форму, какую она только хотела. Поэтому, потеряв одно обличье, она тут же приняла другое и вновь явилась перед ними, яростная и полная сил. Какое-то время она притворялась мертвой, теперь же снова ожила! Она принимала самые разные формы и снова применила свою уловку с ливнем из камней. Она выставляла напоказ свои порочные способности и злые хитрости. Рама и Лакшмана, хотя

и были все время настороже, получили несколько ран. Увидев это, Вишвамित्रа понял, что медлить больше нельзя и что Татаки должна быть убита немедленно. Он сказал: «Рама, оставь все сомнения; сейчас не время брать в расчет ее женское начало и выказывать снисхождение. Отсечение конечностей ни к чему не привело. Пока в ракшасах таится жизнь, они способны восстановить сколько угодно членов и форм. Поэтому не медли! Убей ее! Когда наступит вечер, ее темная ярость усилится, а после заката солнца вообще невозможно определить, где находится ракшас, как бы ты ни старался. Ее нужно уничтожить сейчас же!» Сказав это, Вишвамित्रа произнес несколько священных мантр, которые обеспечивали защиту и безопасность.

Рама сосредоточил свои мысли, и, использовав способность посылать стрелу в то место, откуда исходит звук, угадал, где находится Татаки и пустил стрелу прямо в цель. Стрела связала все члены великанши, не позволяя ей сделать ни малейшего движения. Она издала пронзительный и свирепый крик и, высунув свой чудовищный язык, попыталась навалиться на Раму и Лакшману и раздавить их своей тяжестью. Но Рама, поняв, что промедление приведет к непоправимым последствиям, пустил ей прямо в грудь смертоносную стрелу. Татаки покатила по земле и испустила дух.

Там, где она упала, образовался гигантский кратер. Когда она в агонии каталась по земле, деревья ломались и вырывались с корнем под тяжестью ее громадной туши. Ее последний вздох был таким жутким и громовым, что дикие звери разбежались, а стада животных бросились искать убежище. Когда страшная ракшаси упала замертво, Вишвамित्रа позвал Раму и сказал, ласково проводя рукой по его волосам: «Сын! Ощущал ли ты страх? Нет! Нет! Как может Спаситель мира ощущать страх? Этот подвиг как камень в основании дома, он обеспечивает прочность всему зданию. Пойдемте, вы устали. Как раз село солнце. Посвятим вечер молитве и отдыху. Пойдемте со мной». Он привел их к реке, и спустя некоторое время, сказал: «Дети! Мы отдохнем здесь этой ночью, а на заре продолжим путь к нашей обители». Они провели ночь, слушая рассказы Вишвамитры. Учитель поведал им также об их неистощимых возможностях и о сокрытом в них тайном могуществе.

Наступил рассвет. Святой Вишвамित्रа совершил утреннее омовение и подошел к спящим братьям, приветливо улыбаясь. Он сказал им приятные и ласковые слова: «Рама! Я восхищаюсь твоим героизмом. Когда ты одолевал ракшаси Татаки, я ясно понял, что ты являешься воплощением Абсолюта. Поистине, я чувствую себя очень счастливым». И Вишвамित्रа пролил слезы радости. Он мысленно собрал все волшебное оружие, которым владел, а также мантры, материализующие это оружие и поддерживающие его форму, и, сотворив краткий ритуал посвящения, передал священный арсенал в руки Рамы. «У меня нет больше права распоряжаться этим оружием. Зачем оно мне нужно, хотя я и владею им? Ты – его законный обладатель и господин. И оно возрадуется, узнав, что отныне будет принадлежать тебе, что, будучи в твоих руках, сможет выполнить свое предназначение наилучшим образом. Помни это! С этой минуты все оружие, бывшее в моем распоряжении, станет средством, необходимым для миссии, к которой призван ты». Говоря это, он пролил святую воду и произнес мантры, свидетельствующие о том, что он жертвует оружие Рама и окончательно отрекается от своих прав на него.

Итак, он передал Рама священные диски – Дандачакру, Дхармачакру, Калачакру, копьё – Индастру, Ваджрастру; Тришулу (трезубец Шивы, заряженный его силой); Брахмаширастру, Ишикастру и самое сокрушительное оружие – копьё Брахмастру. Некоторое время он сидел молча, закрыв глаза. Потом он встал и со словами: «Зачем мне нужны и эти две булавы?» – протянул Рама две могучие булавы – Модак и Шикхар. Он сказал: «Когда мы придем в наш ашрам, я воспроизведу и другое оружие – метательное копьё бога Агни (Агни-астру), копьё Краунчи, Нараяны, Вайю и других богов. «Сын, – сказал он, – все это оружие всецело подчиняется своему господину и является на его первый зов. И все оно несокрушимо. При этих словах он прошептал на ухо Рама мистические формулы, которые способны материализовать это оружие, привести его в

боевую готовность и направить в цель с невероятной силой. Он попросил Раму повторить за ним эти формулы. Стоило Рама произнести священные мантры, как он обрел способность узреть те божества, которые владычествовали над этими волшебными дисками, копьями, булавами. Они возникли перед ним, и он удостоился их благодарности и почтения. Каждый из богов предстал перед Рамой и простерся перед ним ниц. И каждый из них сказал: «Рама! Мы Твои слуги с этой минуты. Все мы клянемся Тебе в верности и обещаем Тебе, что будем подчиняться Твоей воле». Потом они исчезли, готовые явиться по первому зову.

Рама был рад тому, что произошло. Он коснулся ног святого, говоря: «Учитель! Твое сердце – кладезь самоотречения. Ты – я ясно понял – являешься воплощением Тьяги – отрешенности – и Йоги – победы над чувствами. А иначе мог бы ты отказаться от владения целым арсеналом мощного и с таким трудом завоеванного оружия? Учитель! Прошу тебя, доставь мне радость и объясни мне, каким образом смогу я вернуть назад оружие, уже произведшее необходимое разрушительное действие. Ты только что обучил меня формуле, как пускать в ход эти копья и диски; теперь я хочу знать, как восстановить их первоначальную форму». Вишвамитра был рад услышать эти слова, и он сказал: «Такие могучие силы и орудия, как Сатьякирти, Дришта, Рабхаса, Питросомаса, Кирсана, Вирасья, Югандха, Видхута, Каравирака, Джирамбака, самопроизвольно обретают свою изначальную форму, подчиняясь воле лучника, выраженной с помощью мантр, которые я сейчас передам тебе». И он посвятил Раму в эти формулы. Как только они были произнесены, тут же явились божества и склонились перед своим новым господином. Рама сказал, что они должны будут явиться по его зову, а пока могут быть свободны.

Затем Вишвамитра предложил продолжить путешествие, и все трое двинулись в дальнейший путь. Пройдя небольшое расстояние, они вступили в высокогорную местность. Вскоре их взгляд пал на чудесный сад, который встретил их благоуханием, освежившим их тело и взбодрившим душу. Братьям интересно было узнать, кому принадлежит этот прекрасный уголок земли. Они попросили просветить их, и Вишвамитра ответил: «Сын! Это священное место, которое выбирают боги, когда спускаются на Землю для того, чтобы предаться аскезе перед совершением задуманных ими дел. Великий Касьяпа предавался здесь покаянию, искупая грехи, после чего достиг намеченной цели. Это место приносит успех всем благим начинаниям, и поэтому оно носит название Обитель Свершений. Я сам жил здесь долгие годы, совершенствуясь в самоотречении и преданности Богу. Эта обитель часто подвергается нападению демонов, которые нарушают священные ритуалы и оскверняют их. Ты должен уничтожить их, когда они вновь попытаются пустить в ход свои нечестивые козни». С этими словами Вишвамитра вступил в согревающую сердце обитель покоя. Он ласково положил руку на плечо Рамы и сказал: «Этот ашрам с сегодняшнего дня в той же мере принадлежит тебе, в какой до этого принадлежал мне». Седовласый старец не смог скрыть слез умиления и радости, произнося эти слова. Едва они вступили в Сиддхашрам, как его обитатели поспешили им навстречу, они омыли ноги Учителя и поднесли воду для омовения Рама и Лакшмане.

Они разбрасывали цветы на их пути и, подведя их ко входу в монастырь, подали им фрукты и прохладное сладкое питье. Они предложили братьям отдохнуть в заранее отведенном для них доме, где все было готово к их приходу. Те приняли приглашение. После отдыха, который освежил их, они омыли ноги и лицо и подошли к святому Вишвамитре, ожидая его распоряжений. Братья встали перед ним, сложив руки, и оросили: «Учитель! Может ли яджна, которую ты хочешь совершить, начаться уже завтра?» Вишвамитра ощутил большую радость, когда услышал этот вопрос. Он сказал: «Да! Все уже готово. В Сиддхашраме не бывает иначе. Здесь не нужны долгие приготовления. Мы готовы всегда. Когда забрезжит рассвет, я произнесу слова предписанной Ведами жертвенной клятвы. Новость быстро распространилась, и все занялись необходимыми приготовлениями к великому событию. Наступило утро.

Вишвамित्रа произнес священное заклинание, и яджна началась. Как Сканда и Висакха стояли на страже у богов, так и два брата. Рама и Лакшмана, встали, полные решимости встретить любого, кто попытается нарушить ход сокровенного действия. Поскольку Вишвамित्रа был полностью поглощен жертвенным обрядом, обратиться к нему было невозможно, и Рама попросил других участников яджны указать ему, когда и откуда следует ожидать появления демонических орд. Но те не могли дать ответа: «Нельзя предвидеть, с какой стороны и в какое время они нагрянут, они могут обрушиться на нас в любую минуту. Кто способен предсказать время их нападения?» Каждый отшельник, говоря с Рамой о демонах, по-своему оценивал их буйный нрав и злобные повадки. Рама остался доволен полученными ответами; он решил, что важнее всего постоянно оставаться настороже и приготовиться отразить натиск демонов, когда те попытаются сорвать священную церемонию отшельников. Он призвал к бдительности и своего брата. Ни одно постороннее движение не ускользало от их внимательных взглядов; они напряженно прислушивались к каждому едва уловимому звуку, который мог бы означать приближение опасности. Наблюдая их храбрость и решительность, аскеты преисполнились радости и удивления: ведь братья были так юны, и их лица покрывал такой нежный румянец, что, казалось, будто они не вышли еще из возраста мальчишеских проказ и шалостей.

Пять дней и пять ночей, не зная ни сна ни отдыха, братья упорно охраняли жертвенный ритуал и святую обитель. Начался шестой день, и ничего не изменилось. Вишвамित्रа был поглощен яджной и озабочен тем, чтобы ни одна деталь в ритуальном действе не была упущена. Ритвики – исполнители гимнов – и другие участники церемонии были заняты песнопениями, жертвоприношениями и провозглашением мантр. Внезапно их слух поразил громовой раскат, прорвавшийся с неба, как если бы сама небесная твердь разорвалась на куски. Жертвенное поле охватил огонь. Запылала трава куша, блюда и чаши, священные сосуды с ритуальными атрибутами, сухие поленья, предназначенные для поддержания жертвенного огня, цветы, кумкум и другие предметы культового поклонения богам. Пламя полыхало повсюду!

Очень скоро небо покрылось темными устрашающими тучами и яркий день сменился кромешной тьмой ночи. Зловещие густые клубы

дыма быстро приближались, заволакивая то место, где совершалась яджна. Из туч полил кровавый дождь, и капли, падая на землю, сливались с языками пламени, подымающимися им навстречу. Рама и Лакшмана пытались обнаружить злобных демонов в этом фантастическом торжестве ненависти и жестокости. Благодаря своему Божественному видению Рама узнал, где находятся Марича и Субаху – два главных предводителя великанов – и он пустил в этом направлении стрелу Манаса. Она попала в грудь Маричи, и тот уже не мог больше участвовать в злобных деяниях. Рама пустил в ход огненное оружие – Агниастру – и поразил Субаху в сердце. Рама понимал, что если их тела упадут на святую землю обители, то земля будет осквернена. И чтобы предотвратить эту беду, стрелы Рамы отшвырнули их ужасные нечистые тела на сотни миль от святого ашрама и сбросили в океан. Марича и Субаху пронзительно кричали и выли в невыносимой агонии и отчаянно бились в волнах, но они не погибли. Другие вожаки демонических орд бросились бежать без оглядки, спасая свои жизни. Лакшмана сказал, что как бы трусливы они ни были, в живых нельзя оставлять ни одного, ибо они вернуться к своим нечестивым делам. И он убеждал Раму покончить со всей ордой. Отшельники, наблюдавшие этот великий героический подвиг, были полны восхищения, они были уверены, что братья – это сам Шива в его внушающем священным ужас и дарующем благо образе. Они склонились в почтении перед братьями, но только в мыслях, ведь те были слишком юны, чтобы принять их поклонение.

Лес сразу преобразился, надев на себя яркий и радостный наряд. Посреди всех потрясений Вишвамित्रа продолжал твердо, не прерываясь, возносить молитвы и мантры богам и петь священные гимны, которые предписывала яджна! Он ни разу не сделал даже

малейшего движения, ни разу не отвлекся посторонней мыслью – так глубоко было его сосредоточение. Преисполненный смирения, он безупречно провел завершающий ритуал возложения на алтарь последнего жертвенного дара. После этого Вишвамित्रа, улыбаясь, подошел туда, где стояли Рама и Лакшмана, и сказал: «О герои, достойные наград! Вы принесли мне победу: я исполнил клятвенный обет. Благодаря вам я осуществил деяние, о котором мечтал всю жизнь! Имя этого ашрама оправдано, он поистине стал Обителью Сверхсвершен!» Из глаз святого лились слезы радости. Он приласкал юношей и прошествовал к монастырю, держа руки на плечах Рамы и Лакшманы. Там он дал им вкусить жертвенной пищи, освященной милостью богов. После этого он предложил им удалиться и отдохнуть, чтобы восстановить свои силы.

Хотя успех миссии, ради которой их призвали, был сам по себе наиболее действенным и верным средством укрепить их силы, братья понимали, что было бы невежливо не выполнить распоряжения Учителя. И они, войдя в отведенное им жилище, погрузились в глубокий сон. Вишвамित्रа, чтобы не тревожить братьев, удалился в другую хижину, крытую соломой, обвязав нескольких служителей ашрама стать на страже и следить, чтобы никто не производил шума, который мог бы их разбудить. Пока братья спали, святой весь отдался радости по поводу счастливого окончания яджны, преклоняясь перед неземной доблестью Рамы и Лакшманы. Тем временем братья проснулись и, оmyв руки, лицо и ноги, вышли из дома и обнаружили у дверей юных стражей – сыновей послушников, охранявших их сон! Их оповестили, что Учитель ведет в своем доме беседу с аскетами. Они направились туда и склонились к ногам мудреца. Потом они встали, приложив к груди руки, и сказали: «Великий Учитель! Если у твоих преданных слуг есть еще какое-нибудь важное дело, скажи нам, и мы с радостью выполним его». Услышав это, один из аскетов обратился к братьям: «Расправиться с демонами – вот единственное, что нам было нужно. И вы это совершили. Мечта, которую Учитель вынашивал многие годы, сбылась! Выше этого для нас ничего не существует! Вы оба – воплощение Шива-Шакти. Такими предстали вы перед нашими глазами. Вы – не простые смертные. То, что нам выдался случай увидеть вас, мы воспринимаем как большое счастье. Наша благодарность беспредельна». И обитатели монастыря склонились перед Рамой и Лакшманой, чтобы прикоснуться к их ногам.

Глава 7 Завоевание Ситы

А в это время на пороге монастырской обители появился один из послушников – юный садхака, и, пав в ноги Вишвамित्रе, вручил ему свиток из покрытых письменах пальмовых листьев. Вишвамित्रа развернул послание и с поклоном передал его сидящему с ним рядом почтенному старому монаху. Он попросил старца прочитать написанное вслух, чтобы новость могли узнать все присутствующие.

В послании было сказано, что царь Митхилы Джанака во имя прославления высоких идеалов Добра и Справедливости задумал совершить великое жертвоприношение – яджну. Он обращается к Вишвамित्रе и его ученикам со смиренной просьбой почтить своим присутствием священное действо. Услышав такие слова, все в один голос воскликнули: «Субхам, Субхам!» (Да исполнится задуманное!). Вишвамित्रа сказал: «Дети мои! Теперь мы можем свободно странствовать по нашим лесам, не опасаясь нашествий великанов и демонов. Поэтому завтра же утром вместе со всеми обитателями монастыря мы отправляемся в Митхилу».

Тут Рама, обращаясь к Вишвамित्रе, сказал: «Я поистине счастлив, что услышал эту новость! Это означает, что от нас больше ничего не требуется, и, с твоего благословения, мы можем вернуться в Айодхью. Разрешите нам отправиться в путь». На это Вишвамित्रа ответил Рама: «Уходя, я давал слово Дашаратхе, и я собираюсь это слово сдержать!

Помимо всего прочего, я обещал, что сам приведу вас назад и передам в руки отцу, поэтому вы не можете вернуться домой без меня! Редчайшая яджна устраивается в городе Митхиле. У меня не хватит времени на то, чтобы доставить вас в Айодхью и поспеть в Митхилу ко дню начала жертвоприношения. Если вы будете сопровождать меня в Митхилу, то получите возможность присутствовать при свершении яджны, а оттуда мы вместе отправимся в Айодхью».

На эти слова Вишвамитры, не оставляющие места дальнейшим сомнениям и колебаниям, Рама, игнорируя все разумные доводы, ответил со всею решительностью: «Учитель! Поскольку подчинение приказам отца для меня – непреложный закон, я вынужден обратиться к тебе с вопросом» – «Что это за вопрос? Говори, я слушаю тебя». Рама сказал: «Мой отец отпустил меня, наказав защитить Яджну Вишвамитры от осквернения и кощунственных нападков, чтобы великий святой стал спокоен и счастлив. Он пожелал нам вернуться с победой и не упоминал ни о каких других яджнах, на которых нам следует присутствовать. Разве не должен я получить разрешение моего отца на то, чтобы отправиться в Митхилу?»

Вишвамитра ответил: «Рама! В прощальном напутствии Дашаратхи были и другие слова! Вспомни! Он сказал тебе: ступай с этим мудрецом и во всем повинуйся ему! Никогда и ни в чем не иди наперекор его воле, даже если речь пойдет о пустяках! Он сказал мне: Учитель! Ты должен взять на себя полную ответственность за судьбу этих детей, ты должен сам привести их обратно. Ты прекрасно слышал эти слова, когда мы покидали Айодхью! Поэтому сейчас ты сделаешь так, как я скажу! Ты пойдешь со мной в Митхилу, со мной и моими учениками, а оттуда мы направимся в Айодхью». Рама, признав, наконец, справедливость слов Вишвамитры, подчинился Учителю и, склонив голову в знак согласия, произнес: «Мы поступим так, как ты пожелаешь».

Вскоре по монастырю разлетелась весть, что все его обитатели должны быть готовы тронуться в путь в Митхилу с первыми предрассветными лучами. Вишвамитра предложил принцам спуститься к реке для совершения ритуальных омовений. Взволнованный торжественной тишиной вечернего часа, он вновь поведал юношам о тех трудностях и испытаниях, с которыми он сталкивался всякий раз, когда собирался устроить священную яджну, о том, как все его усилия противостоять напору демонических сил терпели неудачу; он вновь и вновь благодарил принцев за то, что они уничтожили демонов, и теперь святой обители и окружающим землям не угрожает никакая опасность, а люди избавились от тревоги, и их жизнь, не омраченная страхом, стала радостной и спокойной.

Место на берегу реки было безветренным и тихим. Они сидели на теплом и мягком песке, и на них снизошли покой и умиротворение. Вишвамитра велел братьям придвинуться поближе и завел рассказ о сокровенном смысле и важности яджны, задуманной царем Джанакой.

Описывая царство Митхилу, мудрец упомянул о волшебном луке, который издавна принадлежал царскому роду. В этом луке заключена невиданная мощь, и он поражает своим ослепительным великолепием; Вишвамитра посоветовал братьям, чтобы они не упустили случая взглянуть на него. Рама спросил Вишвамитру, как случилось, что этот лук оказался во владении царя Джанаки. Старец ответил: «Слушайте! В давние времена Митхилой правил царь Деваратха. Он задумал и совершил величайшее из всех жертвоприношений, на которое когда-либо отваживался смертный. Этой яджной, не знавшей себе равных по духовной силе, Деваратха снискал себе милость всемогущих богов, и в знак своего благоволения они ниспослали ему дар – лук самого Шивы. С тех пор лук является предметом поклонения, и перед ним каждый день совершаются ритуальные обряды. Джанака украшает лук цветами и натирает его сандаловой пастой; в его честь курятся благовония и возжигаются камфарные светильники; Божественному образу, заключенному в луке, смиренно предлагаются жертвенные угощения и фрукты. Этот лук, заряженный божественной мощью, так тяжел, что еще никому не удавалось поднять его и натянуть на него тетиву – будь то человек, бог, демон, дух или ангел.

Многие принцы пытались сделать это, и неизбежно их ожидало разочарование. Рама! Вы оба – могучие и славные герои! Вы непременно должны испытать свои силы! Во время грядущей яджны лук наверняка будет выставлен на всеобщее обозрение – не упустите свой шанс!» Вишвамित्रа продолжал свой рассказ о чудесных свойствах божественного лука; Лакшмана устремил мечтательный взор вдаль – в ту сторону, где, как он знал, находится царство Митхила, а Рама восторженно произнес: «Мы должны увидеть его! В этом нет сомнений! Мы идем завтра с тобой!» Вишвамित्रа возликовал, услышав такие слова.

Сгустились сумерки, и они покинули берег реки. Вернувшись в Сиддхашрам, Вишвамित्रа созвал всех его обитателей и объявил, что утром, с первыми лучами солнца, все должны быть готовы отправиться в путь. Один из послушников спросил Вишвамитру: «Учитель! Если все мы уйдем отсюда, кто будет поддерживать порядок, заведенный в монастыре, и совершать ежедневные обряды?» Святой ответил на это: «Если каждый из вас будет выполнять свой долг там, где он находится, в этом и будет состоять его служение ашраму. Жизнь ашрама состоит в благочестивом служении его обитателей; ашрам был надежным оплотом для тех, кто искал здесь защиту и опору (ашрайю), ашриты (служители) его создали и без них не было бы ашрама, когда ашриты со мной, к чему тревожиться о том, кто будет хранить его традиции? Я буду заботиться об учениках, а ученикам следует заботиться об исполнении своих обязанностей и соблюдении правил. К тому же сейчас, когда мы избавились от страха перед демонами, монастырю не грозит никакая опасность. Наше истинное прибежище (Ашрайам) – это Создатель, и если мы вручим Ему свою судьбу. Он будет охранять нас». Такие слова были непривычны для слуха обитателей ашрама; никогда прежде они не слышали от Вишвамитры ничего подобного; между тем наставник продолжал: «Возьмите с собой все предметы и культовые атрибуты, необходимые для проведения ежедневных ритуалов; захватите также посуду и утварь – все эти принадлежности больше не понадобятся ашраму».

Один из послушников осмелился спросить Вишвамитру: «Учитель! На какое время мы покидаем это место? Если ты скажешь нам об этом, мы соберем все, что необходимо на этот срок; к чему обременять себя в дорогу лишним грузом?»

Вишвамित्रа ответил: «Время – не слуга нашему телу; тело – слуга Времени. Поэтому кто может сказать, когда мы вернемся? Ступит ли вновь моя нога на эту землю? Возможно, что нет!» Внимавшие этим словам послушники замерли, пораженные. Их сердца сжались. Утварь и посуда, находящиеся у них в руках, попадали на землю. У них не было слов для ответа; они не смели возразить Учителю и не находили в себе мужества для дальнейших расспросов. Они молча принялись собирать в пучки священную траву «куша» и увязывать жертвенные поленья. Они постарались захватить с собой как можно больше ритуальных черпаков и сосудов, необходимых для ежедневных церемоний. Смысл сказанного Вишвамитрой так и остался для них загадкой, и каждый погрузился в свои собственные думы, истолковывая его по-своему.

Ночь пролетела быстро; наступил рассвет. Все были готовы тронуться в путь. Монахам оставалось только запереть двери опустевшей обители, но тут Вишвамित्रа сказал: «Не закрывайте двери! Оставьте их распахнутыми! Этот приют не принадлежит нам; пусть в него войдет каждый, кто захочет. Ворота ашрама должны быть гостеприимно открыты для всех, кто пожелает найти защиту за его стенами. С этого дня прерывается наша связь с ашрамом! Боги, хранящие эту священную землю! Процветайте и благоденствуйте! Сбылось мое сокровенное желание, осуществилось задуманное! Примите же взамен мою благодарность и мое почтение. Вас больше не будут беспокоить демонические орды, вы можете жить мирно, счастливые и довольные, производя многочисленное потомство! Я покидаю этот ашрам и, отрекаясь от него, объявляю вам, что обителью моей отныне станут Гималаи – земли к северу от священной Ганги». Вишвамित्रа простерся на земле в знак своего уважения к лесным божествам.

После этого он, не мешкая, тронулся в путь, сопровождаемый Рамой, Лакшманой и старшими служителями ашрама. Вслед за ним двинулись и прочие обитатели монастыря. Они чувствовали, что их место – рядом с Вишвамित्रой, куда бы он ни направлялся, пусть это будут Гималаи или любая другая земля. Их более не привлекали ни скромные хижины, ни леса, к которым они так привыкли. Поэтому, отдав дань почтения и признательности лесным божествам и распрощавшись со своими лачугами, крытыми соломой, они устремились вслед за Учителем.

Их путь лежал на север; пробираясь сквозь заросли джунглей, они вскоре заметили, что их настигают, двигаясь за ними по пятам, целые полчища лесных зверей и птиц: оленей, павлинов и прочих диких животных; они бежали, задрвав и распушив хвосты, с явным намерением сопровождать их в пути! Вишвамित्रа остановился и, повернувшись к ним, сказал: «Слушайте, вы, хозяева джунглей! Места, куда я направляюсь, не подходят для вашей жизни! В тех краях вам негде будет укрыться от врагов и вы не будете чувствовать себя в безопасности. Лес – ваша родная стихия; отправляйтесь назад и забудьте печаль и тоску расставания; здесь – ваш дом; не следуйте дальше за нами. Бог наградит вас миром и радостью». Распрощавшись с лесными зверями, Вишвамित्रа продолжил свой путь.

К вечеру первого дня они достигли берега реки Соны, где и решили устроить ночлег. Они выкупались в реке и, совершив ритуальные омовения, собрались вокруг Учителя, горя от нетерпения послушать его рассказы. Рама спросил: «Досточтимый наставник! Эти земли богаты и плодородны, не поведаешь ли ты нам их историю?» Вишвамित्रа ответил: «Рама! Согласно высшей воле, у Брахмы родился сын; ему было дано имя Куша; он стал великим аскетом, покорителем вершин духа, сведущим в законах морали, строгим и требовательным в соблюдении обетов. Он взял себе в жены дочь благородного правителя Видарбхи. Оба супруга, свято чтившие идеалы и цели человеческого бытия – праведность, любовь, благоденствие и освобождение, – ни на шаг не отступали от них в жизни. У них было четыре сына: Кушамба, Кушанаба, Адхуртараджака и Васу, каждый из которых не уступал отцу в добродетели, справедливости и честности, обладая всеми достоинствами славной касты кшатриев.

Куша поделил мир на четыре части, отдав каждую из сторон света одному из сыновей. Он повелел им: «Правьте и властвуйте на своих землях, и пусть ваши царства процветают!» Сыновья подчинились приказу и приступили к своим новым обязанностям. Они выполнили волю отца. Были возведены четыре столицы: Кушамба построил город Каушамби, Кушанаба – город Маходайю, Адхуртараджака – Дхармаранью, а столицей царства Васу стал город Гиривраджа. Рама! Эти земли испокон веку принадлежали царству Васу. Нас окружают пять холмов, и поэтому столица носит название Гиривраджа – Край Холмов. Эта волшебная река Сона имеет и другое название – Сумагадхи, и местность эта поэтому зовется Магадха. Сумагадха, петляя, течет по долине с востока на запад и похожа на белую гирлянду из цветов жасмина, обретенную среди холмов. Могущественный царь Васу благословил эти земли по обе стороны реки на вечное изобилие и процветание.

Второй из сыновей Куши, Кушанаба, был рьяным приверженцем Дхармы, могучим столпом праведности. У него было много дочерей, но ни одного сына. Он воспитывал их согласно предписаниям и правилам, заключенным в святых писаниях. Он внушал им, что терпение и смирение – величайшие богатства, которыми может быть наделена женщина; что эти добродетели подобны самой щедрой и плодотворной яджне, помогающей снискать нравственность и чистоту; что они – основа всех верных мыслей и поступков. Кушанаба позаботился о том, чтобы эти истины его дочери постигали с младенчества, выпитывали вместе с молоком матери. Позже все они были отданы в жены правителю города Кампилья, царю Брахмадатте. Когда принцессы со своим мужем отбыли в столицу его царства, родительский дом опустел.

«Увы! – жалобно восклицал Кушанаба, – этот дом, который всегда был так светел, полон веселья и озорного смеха, теперь погрузился во мрак и тишину, в нем царят уныние и скука. Неизбежен час, когда дочери, как бы много их ни было, покидают родной дом, и он становится пустым и безрадостным. Если бы только у меня был сын, это несчастье миновало бы меня!» Таким тоскливым думам предавался Кушанаба, лелея мечту о сыне.

Случилось так, что в эту пору к нему пожаловал его отец, Куша. Заметив, что сын выглядит озабоченным и грустным, он спросил, в чем причина печали; Кушанаба поведал ему о своем сокровенном желании; Куша побранил сына, сказав, что это недостаточный повод, чтобы позволить тревоге и слабости завладеть своим разумом; он благословил его на появление наследника. Предсказание отца вскоре сбылось! Родившегося мальчика назвали Гаадхи; он вырос, превратившись в достойного и добродетельного юношу; как продолжатель царского рода Куши, он стал известен под именем Кушика.

Через некоторое время его сестры овдовели, и, как и подобало преданным женам, последовали за своим супругом на погребальный костер, завоевав себе место в небесной обители. Они вновь родились на Земле в Гималаях в образах священных рек, которые, сливаясь в едином потоке, образуют знаменитую реку Кушики. Кушика, нежно любивший старшую из сестер, Сатьявати, навсегда поселился на берегу этой реки, избрав своей обителью Сиддхашрам. Следуя Слову святых писаний, он задумал и совершил великую яджну.

Рама! Благодаря твоему несравненному героизму и мне удалось довести до успешного завершения церемонию яджны, она принесла долгожданные плоды; я смог, наконец, выполнить заветный клятвенный обет».

«О, это поистине прекрасный рассказ! – воскликнули монахи, собравшиеся вокруг святого. Нам выпала великая честь, что мы приобщились к истории древнего рода, потомком которого является наш Учитель! Эти предания – источник радости и вдохновения! Весь род Куши отмечен Божественной благодатью. Рожденные в этой славной династии не уступают по святости самому Брахме! Мы счастливы, что удостоились редкого права служить мудрому Вишвамитре, живому воплощению всех достоинств его священных предков; такой дар можно расценить как награду за заслуги множества прошлых жизней!»

Вишвамитра прервал их восторженные излияния словами: «Я не собирался вдаваться в подробности, но вопрос Рама побудил меня к ответу; я не говорил ни слова, однако, ни о своем бренном теле, ни об его происхождении. Уже глубокая ночь! Пора отдохнуть. Чем меньше времени мы уделим сну, тем медленнее будем завтра двигаться к цели. Посмотри, Рама! Луна показалась из-за дерева, чтобы посмотреть на Тебя! Она посылает на землю, истомившуюся от дневного жара, прохладный свет своих лучей!» Вскоре ночные грезы, навеянные преданиями старины, унесли их в далекое прошлое.

Они пробудились на рассвете и после завершения омовений сотворили утренние обряды поклонения. Готовые продолжить путь, они приблизились к Учителю, и, коснувшись его ног, выстроились перед ним в почтении, ожидая дальнейших указаний. Рама сказал: «Наставник! А этом месте Сона неглубока, и вода ее прозрачна. Нам нет нужды искать лодку, мы можем перейти реку вброд». Вишвамитра ответил: «Рама! Ты впервые в этих краях и не знаешь, где самое подходящее место для переправы; я пойду первым, все остальные пусть следуют за мной». Мудрец ступил в воду и уверенно двинулся вперед. Обремененные тяжелыми узлами и котомками, они шли медленно и только к полудню достигли берега реки Джахнавы.

Близость реки путники почувствовали издалека: она заявила о себе многоголосым птичьим щебетом – нежными трелями попугаев, протяжными лебедиными криками. Сердца наполнились восторгом при виде чарующего богатства природы. Они окунулись в кристально чистую воду и, отдавая дань уважения священной истории реки, приготовили ритуальные дары богам и героям прошлых дней. Они разожгли на берегу жертвенный огонь и совершили церемонии, предписанные Шастрами. Затем они собрали с деревьев

съедобные плоды и, утолив голод, выпили воды, зачерпнутой из Джанхави, сладкой и упоительной, как нектар.

Рама и Лакшмана направились к дереву, в тени которого отдыхал Вишвамित्रа, и уселись с ним рядом. Рама спросил: «Учитель! Почему говорят, что Ганга несет свои воды одновременно в трех мирах? Прошу тебя, поведай нам о том, какими путями стремится Ганга к Океану – Владыке всех потоков и водных пространств, существующих в мире. Доставь нам, пожалуйста, это удовольствие». Вишвамित्रа промолвил: «Мальчик мой! У божественного Химавана, горного царя Гималаев, было две дочери – старшая, Ганга, и младшая – Ума. Теперь им как богиням поклоняются все народы. Боги обратились к Химавану с просьбой отдать им Гангу, чтобы обеспечить себе вечное процветание. Пожертвовав старшую дочь небожителям, Химаван тем самым облагодетельствовал сразу три мира и снискал себе Божью милость.

Младшая дочь, Ума, долгие годы предавалась суровому покаянию и самоотречению. Она полностью погрузилась в жизнь духа, отказавшись от всех мирских и телесных привязанностей. Химаван, однако, хотел, чтобы дочь вернулась к обычной земной жизни и искал для нее подходящего мужа. Несмотря на его упорные поиски, это оказалось нелегким делом: долгое время он не мог подобрать ей достойную пару. В конце концов, ему удалось уговорить бога Рудру взять ее в жены; с тех пор Уму, как и Гангу, почитают во всех трех мирах.

Перед вами – та самая Ганга, которую боги вознесли в свою обитель; часть ее вод низверглась на Землю, и с тех пор она разделилась на три потока: небесный, земной и подземный».

Такими удивительными рассказами, изобилующими живыми и яркими подробностями, мудрец Вишвамित्रа услаждал слух Рама и Лакшманы, а также своих верных учеников на пути к городу Митхила. Они внимали ему с утра до поздней ночи, и им открывались славные вехи его собственной жизни, страницы истории обширных владений, через которые пролегал их путь, и героическое прошлое великих царских династий, потомки которых правили этими землями.

В один из вечеров Вишвамित्रа после завершения вечерних церемоний и омовений сидел на песчаном берегу Ганги. Подойдя к нему, Рама напомнил старцу, что они были бы счастливы узнать, каким образом небесный поток спустился на Землю. Вишвамित्रа откликнулся на его просьбу и произнес: «Рамачандра («Рама, прекрасный как месяц»)! В том, что воды Ганги устремились в земное русло – заслуга твоих собственных предков! Благодаря их славным деяниям бесчисленные поколения людей получили возможность погружаться в ее очистительные струи и, приобщаясь к святыне, производить утренние и вечерние ритуалы. Ганга – это священный поток невиданной Божественной чистоты и силы. Его сладчайшие воды способны даровать исцеление и бессмертие. Они низвергались на Землю сквозь буйные пряди волос самого Шивы! Именно по этой причине их действие так благотворно». Услышав, как благоговейно превозносит Вишвамित्रа чудесные свойства реки, Рамачандра спросил: «Как же удалось моим предкам подарить Земле эти воды, обладающие такой удивительной чистотой и силой? Мы будем безмерно рады, если ты поведаешь нам эту историю».

В словах Рама, обращенных к Учителю, звучало глубокое почтение и смирение; Вишвамित्रа продолжал: «В давние времена владыкой Айодхьи был царь Сагара. Он был благородным правителем и доблестным героем. Плененный достоинствами его ума и сердца, царь Видарбха отдал ему в жены свою любимую дочь Кешини. Ее жизнь была также подчинена законам Дхармы; она никогда не отклонялась от пути правды и добродетели.

Прошло много лет, но Бог так и не благословил их потомством; поэтому с согласия Кешини Сагара женился во второй раз на прелестной Суматхи, дочери царя Аристанеми. Однако детей все не было, и Сагара принял решение посвятить остаток лет покаянию и служению Богу. Вместе со своими женами он удалился на берег реки, поселившись

неподалеку от того места, где находилась уединенная обитель святого мудреца Бхригу – стойкого приверженца праведности. Там Сагара предался полному самоотречению, соблюдая суровые законы отшельнической жизни.

Шли годы и десятилетия. Однажды утром, едва лишь забрезжил рассвет, мудрец Бхригу внезапно предстал перед Сагарой. Он произнес: «Царь! Довольно с тебя отречения и аскетизма! Прекрати истязать и мучить свое тело! Ты заслужил славу и обретешь известность во всем мире. В скором времени ты удостоишься великой радости – у тебя родятся сыновья!» Как только первые звуки этих милостивых слов, полных сострадания, достигли ушей Сагары, он открыл глаза и увидел стоящего перед ним святого. В тот же миг царь припал к его ногам, знаком повелев своим женам, чтобы они последовали его примеру. Сагара умолял мудреца, чтобы тот не откладывал своего благословения.

Старшая из цариц, Кешини, простерлась на земле, низко склонив голову; с ее губ непрестанно сходили слова хвалебных гимнов. Бхригу спросил ее: «Жена! Каково будет твое желание – иметь одногоединственного сына, который продолжил бы царский род, или множество сыновей, наделенных невиданной физической мощью и храбростью, о которых узнает весь мир?» Кешини ответила, что ей достаточно и одного сына; она взмолилась, чтобы святой исполнил ее желание, и Бхригу, вняв ее просьбе, благословил ее.

Настала очередь второй царицы склониться к ногам святого; он обратился к ней с тем же вопросом. Суматхи страстно желала иметь много сыновей – доблестных, славных и непобедимых, и великий ригии, благословив ее, пообещал, что ее желание исполнится.

Вскоре Сагара в сопровождении обеих жен вернулся в столицу. Его душа ликовала от счастья – ему удалось снискать милость божественного риши! С этого дня мысли всех троих сосредоточились на удивительных дарах, им ниспосланных, и в сердцах поселились покой и радостное ожидание. Через несколько месяцев обе царицы понесли, и, как и было предсказано, у Кешини родился один мальчик, а Суматхи произвела на свет множество сыновей.

Летели дни, месяцы, годы; принцам, поначалу безмятежно резвившимся со своими сверстниками в обширных покоях и садах дворца, было позволено покидать его пределы, и они убегали с целой компанией товарищей в поисках новых игр и развлечений. Сын Кешини, Ашваманья, обычно увлекал всю ватагу на песчаный берег реки Сарайю; он получал явное удовольствие, сталкивая детей, которые были слабее его, в воду и, не скрывая восторга, хохотал, когда те начинали тонуть! Вскоре он приобрел позорную репутацию отпетого негодяя и самого жестокого преступника, которого когда-либо знавала история Айодхьи!

Вскоре после того как сыновья достигли совершеннолетия, Сагара подобрал для них достойных невест царских кровей; были сыграны пышные свадьбы. Ашваманья, однако, не прекращал совершать злодеяния, и его неисправимая порочность приносила безмерные страдания жителям Айодхьи; их сердца разрывались от горя. Наконец настал день, когда группа подданных явилась во дворец; громко стона и плача, они поведали царю о том, что его старший сын – безжалостный преступник и убийца. Услышав об этом, Сагара приказал, чтобы Ашваманья был немедленно выдворен из города и отправлен в лес на вечное изгнание. Поскольку к этому времени у Ашваманьи уже родился ребенок, то, покидая Айодхью, он вынужден был навеки расстаться не только с родителями, но и с женой и с маленьким сыном.

Шли годы; сын Ашваманьи, Амсуманта, вырос, и не существовало такого человека во всем царстве Айодхья, который не был бы наслышан о том, что царский внук – благородный, отважный и добросердечный юноша. Между тем Сагара задумал осуществить великое Жертвоприношение Коня – Ашвамедху, и назначил благоприятный день для начала ритуальных церемоний». В этом месте повествование Вишвамитры было прервано вопросом Рамы: «Учитель! Жертвоприношение Коня производилось в столице царства, или для этой цели было выбрано место на берегу какой-нибудь священной реки?»

Вишвамित्रа улыбнулся и ответил: «Рама! Я понимаю твое страстное любопытство по отношению ко всему, что касается жертвоприношений, и ценю твое почтительное отношение к мудрецам, сведущим в таинстве ритуалов! Я опишу тебе все в мельчайших подробностях, как ты того и желаешь. Слушай! Вдоль заснеженных вершин главного Гималайского хребта тянется горная цепь под названием Виндхья. Между ними лежат священные горные долины, которые издавна считались самым благоприятным местом для проведения всех яджн. Именно там шли приготовления к Жертвоприношению Коня. Со всего царства были приглашены опытные брамины, знатоки ведийских гимнов; горы огласились мощным многозвучным эхом, когда грянул стройный хор их голосов; тысячные толпы зрителей, собравшихся в долине, чтобы приобщиться к сокровенному действию, услышали божественные звуки ведийских песнопений. Привели коня, покрытого роскошной попоной, и были совершены последние обряды поклонения, после чего животному на некоторое время была предоставлена возможность спокойно попасть на лугу. Согласно предписаниям, конь, прежде чем предстать перед жертвенным алтарем, должен был совершить «круг почета» по всей стране. С целью предотвратить любую возможную попытку помешать его свободному передвижению со стороны какого-либо дерзкого правителя, который пожелал бы таким образом выразить свое неповиновение владыке царства Сагаре, Амсуманта во главе с вооруженным войском сопровождал коня на всем протяжении этого путешествия. Никаких непредвиденных событий не произошло, и конь благополучно вернулся к месту жертвоприношения. Церемония шла своим чередом; наконец наступил торжественный момент, указанный в Ведах, когда коня надлежало привести к алтарю.

Однако конь исчез! Как сказано в писаниях, утрата жертвенного животного в самый ответственный момент ритуала сулит нескончаемые бедствия всем устроителям и участникам яджны! Неудивительно, что Сагара был вне себя от огорчения; он тут же послал сыновей царицы Суматхи на поиски коня, снабдив их оружием и мощной дружиной, повелев им как можно быстрее вернуть животное. Призвав на помощь богов и демонов, они искали его повсюду; они даже рыли землю – на тот случай, если похитители задумали поглубже закопать украденного коня! Но все было напрасно; они вынуждены были вернуться обратно, чтобы сообщить отцу, что потерпели неудачу.

Сагара пришел в ярость. «Что за польза от многочисленного потомства, если сыновья способны лишь на то, чтобы, покрыв себя позором, заявить о своем бессилии? Зачем стоите вы здесь передо мной с унылыми лицами? Ступайте прочь и не возвращайтесь, пока не найдете коня!»

Сыновья мгновенно отреагировали на гневные слова отца; они тут же удалились, чтобы возобновить поиски, полные решимости обследовать каждую пядь земли. Они искали коня на холмах, в горах и пещерах, в реках и озерах, в городах и деревнях, в лесах и пустынях – нет нужды перечислять дальше – они побывали в каждом дворе, они перерыли всю землю! И вот однажды, продолжая поиски, они наткнулись на хижину отшельника, который сидел неподвижно, погружившись в глубокую медитацию (Дхьяну), конь бродил неподалеку, мирно пощипывая траву!

Ими овладел буйный восторг, к которому, однако, тут же присоединился сильный гнев, стоило их взгляду упасть на отшельника. Их души разрывались от противоположных чувств, и эта борьба неукротимых эмоций привела к тому, что они утратили способность к здравомыслию; их рассудок помутился, а сердца очерствели. Они закричали прямо в ухо отшельнику: «Подлый злодей! Ты украд нашу лошадь и спрятал ее на задворках своей лачуги!» Мудрец Капила – а это был именно он – медленно открыл глаза и осмотрелся кругом. Он увидел, что сыновья Сагары столпились вокруг него и поливают его потоками оскорбительной брани; некоторые из них уже приготовились избить его! Капила понял, что слова и разумные доводы в данном случае уже бесполезны и не подходят для борьбы с негодяями, потерявшими всякий стыд; он решил применить другое оружие. Силой своего взгляда он в единый миг обратил в пепел всех сыновей Сагары!

Сагара между тем пребывал в сильнейшем беспокойстве; он был глубоко подавлен оттого, что его сыновья все не возвращаются, и прерванная церемония не может быть доведена до конца; он не мог допустить мысли, что задуманное жертвоприношение будет сорвано по такой нелепой причине. Каким образом можно продолжить и завершить его? Видя, как сильно удручен его дед, Амсуманта пал к ногам Сагары и взмолился, чтобы тот позволил ему отправиться на поиски коня и разузнать, где находятся его сородичи. Сагара согласился отпустить его и благословил, провожая в путь. Амсуманта приступил к исполнению своей миссии; он был неутомим, не прекращая поисков ни днем, ни ночью; наконец его усилия были вознаграждены: он напал на след сыновей Сагары и обнаружил, что от них осталась лишь груда пепла! Стремясь как можно быстрее совершить похоронный обряд, чтобы освободить души умерших, он бросился искать любой источник воды – колодец, пруд, озеро или ручей. Вода была необходима для проведения жертвенного погребального ритуала. Не найдя поблизости никакого водоема, он брел по лесу, охваченный глубокой скорбью. Вдруг на его пути появился почтенный старец и произнес: «Сын мой! Не позволяй горю завладеть сердцем! Твоих родичей испепелил святой мудрец Капила, но, видит Бог, он действовал во благо всего человечества! Чтобы исполнить свой долг, ты не должен довольствоваться обыкновенной земной водой. Тебе потребуется святая вода Небесной Ганги. Сделай так, чтобы божественный поток спустился на землю и унес своим течением пепел сыновей Сагары. Только тогда их души обретут покой. Но сначала заведи коня и отведи его к алтарю, чтобы великая жертва получила свое достойное и славное завершение. После этого задумайся над тем, каким образом можно спустить на землю воды священной Ганги». Амсуманта пал к ногам старого отшельника и поспешил назад к своему деду.

В ожидании возвращения жертвенного животного брамины поддерживали обряды яджны. Сагара метался в тревоге, не смыкая глаз ни днем, ни ночью, молясь о скорейшем появлении внука. Он несказанно обрадовался, когда Амсуманта привел, наконец, коня и поспешил сообщить об этом ритвикам – жрецам, посвященным в мудрость Вед, возглавлявшим яджну. Амсуманта решил, что до конца торжественной церемонии не стоит сообщать царю о безвременной гибели его сыновей, вызванной проклятием святого Капила. Он дождался, пока подошел к концу завершающий ритуал; жрецам и приглашенным были поднесены дары, предписанные обрядами.

Затем Амсуманта в подробностях поведал Сагаре о том, какая судьба постигла принцев. Он убеждал деда, что, для того чтобы смыть пепел его сыновей, ему необходимо постараться направить в земное русло очистительные воды Небесной Ганги. Возложенная на него миссия обрадовала и вдохновила Сагару. Посоветовавшись с мудрецами, он вновь отошел от мирских дел, приняв суровые обеты аскетизма; чтобы добиться желаемого дара, он пытался умиловить Гангу бесчисленными церемониями и специальными ритуалами. Но ему так и не удалось добиться успеха. Он слабел день ото дня, снедаемый горем от потери сыновей и невозможностью освободить их души для будущей жизни. Так, в тоске и разочаровании, провел он остаток дней, пока жизнь в его теле не угасла.

Исполняя волю народа, министры и приближенные короновали Амсуманту на царство. Он стал безупречным правителем, ибо свято чтит законы морали и был силен духом и чист и благороден сердцем. Он заботился о своих подданных как о собственных детях. Достигнув преклонного возраста, он передал престол сыну Дилипе, а сам удалился в Гималаи, чтобы предаться самоотречению. Постигание смысла жизни не было его единственной целью; помня о своем долге перед умершими родственниками, он усердно поклонялся Ганге, чтобы добиться спасения их страждущих душ; но его заветное желание не исполнилось и, когда настал его час, он покинул этот мир.

Такой же заботой был одержим и Дилипа. Помня, как упорно стремились его отец и дед к осуществлению своей мечты – подарить людям святые воды Ганги, он испробовал все возможные способы. По совету мудрецов он совершал яджны, невиданные по своей сложности и духовной глубине. Он испытывал постоянные душевные муки оттого, что не

может достичь цели, предназначенной его роду, и его здоровье в конце концов было подорвано. Почувствовав, что слабеет умом и телом, он передал трон своему сыну Бхагиратхе, доверив ему также свершение миссии, которая оказалась ему не под силу – спустить на землю святую Гангу. Вскоре после этого душа Дилипы рассталась со своей временной оболочкой.

Царь Бхагиратха, блистающий несравненным благородством духа, поклялся выполнить данное отцу обещание и преуспеть в возложенной на него миссии. Несмотря на то, что он царствовал, соблюдая законы добра и справедливости, его снедала печаль, что у него до сих пор нет наследника. Отсутствие продолжателя рода, а также неотступная мысль о своем главном предназначении – снискать милость богов и призвать на землю Гангу, побудили его вручить бразды правления своим верным министрам и помощникам и уединиться в необитаемой глуши знаменитого Гокарма Кшетры. Там он принял суровейшие обеты покаяния и надолго застыл в молчании, истязая свое тело под палящими лучами солнца и принимая пищу лишь один раз в месяц. В конце концов его усилия увенчались успехом. Бог предстал перед ним и сказал: «Сын мой! Бхагиратха! Проси все, что захочешь! Любое твоё желание будет исполнено!»

Бхагиратха узрел Единого, сияющего светом тысячи солнц. Он простерся на земле, трепеща от преданности и благоговения. Он взмолился: «О Всемогущий Господь! Заставь спуститься на землю воды священной Ганги, чтобы души моих прадедов спаслись от гибели и воскресли на Небесах! И награди меня потомством, дабы царская династия Икшваку не угасла с моей смертью! Обеспечь продолжение и процветание нашему роду!» Изложив свою просьбу, Бхагиратха смиренно припал к стопам Бога.

Бог ответил: «Сын мой! Первое из твоих желаний очень трудно исполнить! Но несмотря ни на что, я ниспослал тебе этот дар. Ты хочешь, чтобы продлился род Икшваку? Изволь! У тебя родится благороднейший из сынов, который приумножит и прославит династию. Встань!» Бхагиратха поднялся с колен, и Владыка продолжал: «Бхагиратха! Великая Ганга полноводна и стремительна; когда ее воды низвергнутся с небес, земля не выдержит такого напора. Как одному из правителей мира, тебе следует поразмыслить над этим вопросом и изыскать способ, как избежать страшного несчастья. Если мощный поток обрушится прямо на землю, весь мир погибнет. Воды реки должны излиться на голову Шивы; это ослабит их мощь, и только после этого они могут свободно устремиться в земные русла. Это наилучший способ сохранить безопасность народов земли. Советую тебе серьезно подумать об этом». Произнеся эти слова, Бог исчез.

С этих пор Бхагиратха посвятил себя служению Шиве и, чтобы умиловать Его, совершал подвиги самоотречения. Шива, наконец, оценил его труды и согласился принять Гангу прямо на свою голову, когда она снизойдет с небес. Так и случилось! Священный поток обрушился на голову Шивы и, струясь по Его волосам, излился на землю, разделившись при этом на семь рек: Хладини, Налини и Павани потекли на восток; Субикшу, Ситха и Синду – на запад, а воды седьмой реки прокладывали себе русло по пути, который указывал Бхагиратха к тому самому месту, где покоились останки сыновей Сагары и где витали их призраки, ожидая освобождения из адского плена. Божественная река бежала по стопам Бхагиратхи и на своем пути одаривала людей, черпающих святую воду, всем, что они пожелают; сбывались самые сокровенные чаяния, и очистительные струи избавляли от тяжести содеянных в прошлом грехов. Бхагиратха совершил на берегу похоронные обряды, и священный поток унес пепел погибших предков; их души, обретя спасение и освобождение, вознеслись на небо.

С тех пор как царь Бхагиратха призвал на землю Гангу, река стала называться его именем – Бхагиратхи. Закончив все церемонии и исполнив свой долг, правитель вернулся в Айодхью. Счастливым тем, что с помощью Божьего благоволения ему удалось осуществить заветную мечту своего отца и деда, он славно царствовал долгие годы и умер в глубокой старости, заслужив любовь и поклонение благодарных подданных».

Рама и Лакшмана не пропустили ни одного слова из повествования Вишвамित्रы; их внимание было полностью поглощено необыкновенными событиями из жизни их предков. Но мудрец сказал, что уже далеко за полночь, и им всем давно пора спать. Они почтительно склонились к его ногам и устроились прямо на берегу, сочтя, что ласковый песок Ганги – самая удобная постель. Ни Рама, ни Лакшмана не могли уснуть; они прилегли неподалеку от наставника, не смея ослушаться его приказа; на самом же деле они не нуждались в отдыхе! Перед их глазами проплывали удивительные картины прошлого, они представляли себе, как гигантский водопад низвергался с небес на землю, и не заметили, как наступило утро! Они спустились к реке, чтобы умыться и сотворить утренние приветственные обряды, и вскоре были готовы продолжить путь. Как только послушники-подростки объявили, что все готово для переправы, они поспешили к реке и взошли на паром. Переплыв великую реку, они высадились на ее левом берегу и не медля двинулись на север лесной дорогой, не уставая восхищаться чарующей красотой природы.

Через некоторое время их взору неожиданно предстал огромный город, сияющий на солнце белыми фасадами великолепных зданий. Рама обратился к Вишвамित्रе с вопросом: «Учитель! Мы видим прекрасный город, построенный прямо посреди сказочного леса! Какому царству он принадлежит?» Мудрец ответил: «Рама! Нам только кажется, что город совсем близко; на самом деле придется проделать немалый путь, чтобы достичь его. Возможно, мы подойдем к его воротам только поздним вечером. Я расскажу тебе о его судьбе и истории, но не сейчас, а когда город будет совсем рядом. А пока что не будем медлить». Рама заметил, что когда старец произносил эти слова, на его губах играла загадочная улыбка, а в глазах мерцал лукавый огонек. Он уловил скрытый смысл, таившийся в его речах, и весь дальнейший путь не проронил ни слова.

Когда они спустились в долину, город скрылся из виду; не было заметно никаких признаков человеческого жилья. Но стоило забраться на ближайший холм, и, казалось, что до города рукой подать! Они устремлялись вниз, но города не было и в помине. Целый день они продвигались вперед по холмам; близился вечер, а они так и не добрались до города; как и предупреждал Вишвамитра, до него было еще далеко. С наступлением сумерек они устроили привал, освежились, искупавшись в реке, и сотворили предписанные Шастрами вечерние молитвы. Вишвамитра прилег отдохнуть, и Рама вернулся к вопросу, который волновал его утром: «Наставник, не будешь ли ты так любезен рассказать нам о городе?» Учитель ответил: «Рама! В этот самый миг я подумал о том же! Я прекрасно знаю, что тебе знакомы все мысли, находящиеся в головах простых смертных; они смотрят на мир сквозь пелену Майи, скрывающую истину, принимают кажущееся за действительное и сбиваются с правильного пути. Человек не может стать хозяином своего ума. Если даже я далеко не всегда способен его контролировать, то что же говорить о простых и обыкновенных людях! В тот самый момент, когда в моем мозгу вспыхнула мысль, что ты забыл о моем обещании рассказать о городе, ты напоминаешь мне об этом! Разве нужны другие доказательства, чтобы убедиться в том, что ты Всезнающ!

Рама! В древние времена две жены всемогущего Касьяпы – Адити и Дити – родили ему многих сыновей. Сыновья Дити были воплощением физической силы, а сыновья Адити блистали сокровищами духа. Родители не переставали восхищаться и радоваться, видя, что великолепие и красота их детей возрастают день ото дня, и они становятся все сильнее и прекраснее.

Как-то раз сыновья Касьяпы собрались все вместе, чтобы обсудить, как им найти способ избежать старости. В конце концов они пришли к выводу, что если вспахать Океан Молока, можно добыть Амриту, или нектар Бессмертия, и, выпив его, предотвратить все неприятные напасти, ожидающие бrenное тело: болезни, дряхлость и смерть. Долго не раздумывая, они принялись за дело. Им удалось сдвинуть, оторвать от земли и погрузить в Океан гору Мандару, которая должна была служить мутовкой; змея Васуки они использовали как веревку, обмотав его вокруг горы, а хвост привязали к

огромному столбу как к рычагу, чтобы гора крутилась в море как можно быстрее. Они приступили к пахтанью, и их титанический труд длился долгие годы, до тех пор, пока Васуки, разъяренный нестерпимой болью, причиняемой ударами острых скал о его ядовитые зубы, не начал извергать из своей пасти смертельный яд! Грозясь уничтожить весь мир, ядовитое пламя бушевало и свирепствовало на поверхности Океана!

Сыновья Дити и Адити смертельно перепугались, они почувствовали, что всепожирающий огонь сожжет их дотла! Они обратились за помощью к Богу. Когда Бог Вишну явился перед ними, сыновья Дити отчаянно воззвали к его милости: «Господи! Спаси нас! Предотврати грозящие нам бедствия!» Бог принял облик Шивы и заявил: «Дети мои! Я старший из богов, и поэтому мой долг – вкусить первым плод вашего пахтанья». После этого он немедленно выпил весь яд Халахалу до последней капли.

Улеглись всеобщее смятение и паника, и сыновья Дити и Адити продолжали пахтать Океан. Вскоре на них обрушилось еще одно несчастье: гора Мандара начала тонуть! Они вновь призвали Бога Вишну. Он не замедлил явиться и успокоил своих детей: «Не волнуйтесь и не бойтесь! Я помогу вам». Бог обратился в гигантскую черепаху, подплыл под гору Мандару и поддерживал ее своим твердым панцирем все время, пока длилось пахтанье. Сыновья Касьяпы были безмерно счастливы и благодарны. Они восторженно превозносили всемогущего Бога.

Между тем, из Океана Молока появилась Божественная фигура, державшая в руках данду (жезл) и камандалу (чашу для воды). Это был бог Дханвантари. Пока сыновья Дити и Адити в изумлении глядели на него, Океан преподнес следующий дар – густой сладкий сок, или расу, который принял форму шара, а потом раздулся и лопнул, выпустив наружу множество цветущих дев; поскольку они родились из расы, все они стали известны как Апсары. Прелестные девы умоляли сыновей Касьяпы взять их в жены, они просили и настаивали, все средства были испробованы, но их мольбы и уговоры так и не подействовали на братьев – они отказались жениться на них. Апсары остались свободны и с тех пор платят дань легкой, переменчивой любви. Затем из волн поднялась Варуни, дочь морского царя; она держала в руках бокал с пьянящим напитком. Сыновья Дити отказались от вина, заявив, что не нуждаются в нем! Им завладели сыновья Адити и выпили его залпом. С тех пор они, как принявшие веселящее зелье (суру), зовутся Сурами, а их братья, отвергшие его, – Асурами.

И наконец из Океана Молока возникла Амрита – нектар бессмертия. Тут братья позабыли о своем родстве и затеяли драку за право выпить Амриту. Началась жестокая схватка между сыновьями Дити и Адити, и в ходе сражения стало ясно, что сыновья Адити постепенно одерживают верх. Битва принимала опасный оборот, грозя истреблением целому роду. Земля сотрясалась от страшных ударов, наносимых друг другу противниками; ужас и тревога, подобно темным зловещим тучам, заволокли мир. Тогда Бог Вишну появился на поле боя в самой гуще сражения в образе девы ослепительной красоты; сыновья Касьяпы остолбенели, плененные ее чарами, побросали оружие и полностью забыли о схватке, в которую вязались. Она околдовала всех, но пока их внимание было отвлечено, драгоценная Амрита исчезла! Все сыновья Дити погибли в сражении. Горе матери было безутешным. Все попытки Касьяпы привести ее в чувство потерпели неудачу. Все его рассуждения о мимолетности жизни никак не убедили ее. Она выла и причитала так громко, а ее жалобные стенания были так душераздирающи, что, казалось, наступил конец света.

Наконец, Дити удалось овладеть собой; она приблизилась к Касьяпе и, стараясь подавить терзавшее ее горе и отчаяние, сказала: «Господин! Разве это справедливо?! Мы обе родили тебе сыновей; теперь все мои дети умерли! В чем они виноваты? За что мне это вечное страдание? Ни один из моих сыновей не остался в живых! Не лучше ли иметь одногоединственного сына, который проживет долгую-долгую жизнь, чем множество сынов, но так рано ушедших?» Она снова громко зарыдала, и Касьяпа постарался утешить ее, посоветовав предаться покаянию и тапасу (практике самоотречения, угодной богам),

чтобы заслужить милостивый дар – сына, бессмертного, как боги. Он увещевал ее, говоря, что скорбь не приблизит исполнение ее желания. Ободренная его словами и благословением, она немедля удалилась, чтобы как можно быстрее приступить к тапасу. Она поставила перед собой ясную цель – добиться того, чтобы боги наградили ее сыном, да таким могущественным, чтобы он смог поразить самого Индру, царя богов. Касьяпа напутствовал ее: «Тапас – сложная духовная наука. Она требует безупречной чистоты поступков и мыслей. Необходимо строгое соблюдение постов и обетов; малейшее отклонение от предписанных правил повлечет за собой немилость богов».

Дити поселилась в пустынной местности, называемой Кушаплава, и предалась суровой аскезе. Зная, какое желание она задумала, Индра решил испытать ее и явился к ней под видом слуги. Молитвы Дити были услышаны: Божьей милостью плод зародился в ее чреве. Летели дни и месяцы; Индра в образе слуги не отходил от нее ни на шаг! В один из дней, в знойный полуденный час, Дити внезапно сморил сон; опустившись на ложе, она крепко уснула, и ее голова с разметавшимися волосами лежала на том месте, где полагалось находиться ногам! Такое поведение было недопустимо и являло собой грубое нарушение правил, требующих безупречного контроля над чувствами. Индра понял, что его час настал! Он заметил, что ее поза была слишком вольной, не соответствующей предписаниям Шастр. Он воспользовался случаем, чтобы наказать ее, и молнией рассек на части плод, зреющий в ее чреве. Этот разрезанный на части младенец, лишившись членов своего тела, принялся громко плакать и кричать в животе у Дити, а слуга, Индра, тихо шептал ему: «Маа руда, маа руда!» – «Не плачь, не кричи!» Дити истекала кровью и, жалобно стеля, громко оплакивала свою несчастливую судьбу.

Тогда, сжалившись над ней, Индра протянул к ней руки и взмолился: «Мать! Прости меня! Ты вела себя недостойно и тем самым нарушила обет чистоты, предписанный Шастрами! Твои волосы были неубраны и растрепаны; твоя голова покоилась там, где следует находиться ногам. Ты позволила сну овладеть собой, и твой тапас был осквернен! Может ли враг, притаившийся в ожидании победного часа, чтобы расстроить планы своего противника, упустить предоставленную ему возможность и остаться в бездействии? Я – Индра, принявший облик твоего слуги! Ты молила о сыне, который одолеет меня, не так ли? В твоей утробе рос младенец, которому было предназначено уничтожить меня, поэтому я не упустил случая, чтобы расправиться с будущим врагом! Я не совершил при этом никаких противозаконных действий. Ты знала, что исполнение задуманного возможно только при строжайшем соблюдении обетов. Ты должна была сделать все необходимое, чтобы не преступать закон. Я рассек плод в твоём чреве на семь частей, и я сказал этим частям: «Маа руда!» Поэтому они родятся как семь божеств Ветров и Бурь, и звать их будут Маруты. Прими от меня в награду этот дар». После этих слов Индра исчез, возвратившись в небесную обитель.

Рама! Мы сидим в том самом месте, где происходила эта не слишком приятная беседа Индры и Дити, закончившаяся, впрочем, вполне благополучно для них обоих. Именно в этих краях родился один из сыновей Икшваку – Вишала, матерью которого была Аламба Деви. В честь него это царство было названо Вишала. Вишала породил могущественного Хемачандру, Хемачандра – Субхадру, сына Субхадры звали Думрасва. Думрасве наследовал Шринджайя, сыном Шринджайи был Сахадева. Сахадева славился несметным богатством и доблестью, и царство его процветало долгие годы; он был подобен колоссу, подпирающему Мораль и Праведность. Затем трон перешел к его сыну Какустхе; ныне Вишалою правит сын этого героического монарха – Суматхи. Он также полон достоинств и добродетелей; по святости и чистоте он не уступает богам. Сегодня вечером вы увидите город Вишалу, мы проведем там ночь, а завтра прибудем в столицу царя Джанаки».

Все были счастливы услышать эти слова. Гонцы принесли царю Суматхе весть о приближении Вишвамитры, и он поспешил навстречу святому во главе процессии из

придворных, министров, жрецов и ученых пандитов. Они приветствовали мудреца, умоляя оказать им честь посетить город и освятить царский дворец своим пребыванием.

Вишвамित्रа был очень доволен почтительным и смиренным приемом, оказанным ему царем. Он приветливо осведомился о его здоровье и благополучии, а также о процветании державы. Некоторое время они были заняты беседой о событиях, происходящих в стране, о судьбе царской династии, как вдруг взгляд Суматхи пал на двух братьев – Раму и Лакшману. Он был так поражен их красотой и благородной осанкой, что, прервав беседу, с удивлением спросил Вишвамитру, кто эти два «детеныша льва», которых он привел с собой. Вишвамित्रа ответил: «Суматхи! Это долгая история, и сейчас нет времени рассказывать ее. Ты узнаешь обо всем, когда мы прибудем во дворец». Он поднялся и дал знак своим спутникам – монахам и отшельникам, а также Рама и Лакшмане, что пора двигаться дальше. На пути к городу он возобновил свою беседу с царем. У городских ворот уже собрались жители города, певцы и музыканты; отовсюду лились звуки музыки, а брамины распевали приветственные и заздравные гимны.

Царь предложил почетным гостям разделить с ним устроенную в их честь торжественную трапезу; затем Вишвамित्रа поведал всем собравшимся – жрецам, пандитам, придворным и членам царского семейства о своем Сиддхашраме и о яджне, которую ему удалось совершить благодаря героическим усилиям Рама и Лакшманы, стоявших на страже, охраняя священные пределы от кощунственных нападков демонов. Слушатели, пораженные рассказом о невиданной доблести и бесстрашии юных принцев, почувствовали, что погружаются в волны Ананды! Восхищенные, они не сводили с них глаз, понимая, что перед ними – воплощенные Нара-Нараяна! Они простерлись перед братьями, исполненные благоговения.

Был поздний час, и Рама и Лакшмана с дозволения Вишвамитры отправились в покои дворца, специально отведенные для их отдыха. Они поднялись еще до наступления рассвета и, совершив омовения и утренние обряды, явились перед наставником, свежие и бодрые, готовые тронуться в дальнейший путь. Они выразили свою признательность царю Суматхи за радушный прием, и первые лучи солнца застали их уже на дороге в Митхилу.

Некоторое время Суматхи сопровождал их, а затем распрощался с Вишвамитрой и его спутниками. Мудрец уверенно вел за собой свой отряд; к полудню их взору открылся обширный сад, казавшийся давно покинутой и заброшенной землей обетованной; некогда полные жизни многочисленные обители отшельников превратились в руины; пустовали полуразрушенные алтари, и давно остыли угли жертвенных костров, огонь которых поддерживался когда-то с преданностью и смирением. Рама, почувствовав, что ступил на освященную землю великих аскетов, поделился своей догадкой с Вишвамитрой. Мудрец, улыбувшись, сказал: «Рама! Я очень рад, что твоя наблюдательность не подвела тебя! Я расскажу, почему великий святой, обитавший на этой земле, покинул ее. Слушай!

Даже боги преклонялись перед этим ашрамом. Это ашрам самого Гаутамы Махариши. Он провел здесь многие годы вместе со своей супругой Ахальей. Он добровольно расстался со всеми благами мирской жизни, чтобы предаться суровейшему самоотречению. Он совершал изысканные по своей сложности яджны. Эта обитель сияла духовным величием; она излучала свет, покой и радость. Каждый день был праздником для ее служителей. Ахалья, жена мудреца, была сама добродетель и являлась образцом совершенной красоты. Не было женщины прекраснее и пленительнее ее; поэтому Гаутама берег ее как зеницу ока и охранял со всей возможной бдительностью. Однажды, когда Махариши ненадолго отлучился по делам ашрама, Индра – царь богов – явился в хижину Гаутамы, приняв облик хозяина! Ни о чем не подозревавшая верная Ахалья склонилась перед своим господином и принялась, как обычно, преданно служить ему. В это время вернулся настоящий Гаутама и решил, что его жена вероломно обманула его! Он, в отличие от Ахальи, сразу узнал Индру и пришел в страшную ярость. Он прокричал: «Злокозненный негодяй!», но Индра мгновенно исчез. Гаутама в гневе набросился на Ахалью: «Ты вознамерилась уничтожить этот ашрам, превратив святую обитель в

прибежище порока! Я не останусь здесь ни минутой дольше! Сам твой вид мне невыносим. Отныне ты будешь лежать распростертой в колючих кустах без воды и пищи, довольствуясь одним лишь воздухом! Я уйду». Он возненавидел эту землю, оскверненную изменой.

Ахалья проливала кровавые слезы; она клялась, что невинна и безгрешна, что стала жертвой злой хитрости, и ее действия объяснялись лишь безграничной преданностью господину; она поддалась обману только оттого, что стремилась исполнить свой долг любви и верности. Пав перед ним ниц, она обнимала его ноги и молила о прощении. Слыша ее настойчивые оправдания, Гаутама немного смягчился; истина, наконец, открылась ему, но поскольку страшные слова проклятья уже были произнесены, он не мог отречься от них. Он сказал: «Ахалья! Ты знаешь, что я поклялся всегда быть верным данному слову. Поэтому тебе придется жить в колючих зарослях шиповника, страдая от голода и скорби до тех пор, пока Рама, сын Дашаратхи, не придет сюда и не увидит тебя. Он изольет на тебя свою милость, позволив коснуться его ног, и в его словах будет звучать великое сострадание; его Даршан, Спаршан и Самбашан очистят тебя и ты вновь обретешь свою красоту и свой изначальный сияющий облик. Тогда я вернусь к тебе». С этими словами Гаутама удалился, и его пристанищем стали суровые склоны Гималайских гор. С того дня Ахалья утратила имя и форму, сохранив лишь страстную надежду вернуть своего господина; ее уделом стало жестокое покаяние, воздух – единственной пищей; некогда цветущий сад опустел и зарос».

Выслушав от Вишвамитры эту печальную повесть, Рамачандра пришел в крайнее изумление. «Что я слышу? Ты говоришь, что она ждет меня! Несчастное создание! Если ты знаешь, где она, истерзанная лишениями и горем, скажи мне об этом!» Рама вскочил и бросился вперед, а Вишвамитра и Лакшмана следовали за ним на некотором расстоянии. Пробираясь сквозь колючие заросли, Рама наткнулся на жалкую лачугу, притулившуюся к кусту шиповника. Ахалья, погруженная в пучины самоотречения, была недоступна взгляду ни богов, ни людей, ни демонов. Она забыла свое имя, и ее прежнее тело, не нуждавшееся более ни в сне, ни в пище, истончилось и растаяло; не имея ни чувств, ни потребностей, оно стало подобно камню; она была скрыта от мира, как луна темными тучами, как жертвенный огонь – густыми клубами черного дыма. Когда Рама приблизился к ней, его нога коснулась ее невидимого тела. Ахалья пробудилась и, увидев перед собой прекрасный Божественный образ Рама, обхватила его ноги и в исступлении воскликнула: «О! Я спасена! О Боже, ты пришел, чтобы избавить меня от греха! Твое сердце наконец дрогнуло!» Она превозносила его, повторяя слова молитв и священных гимнов. Она поднялась из праха, сияющая и чистая, словно луна, выглянувшая из-за облаков. В этот самый миг перед ними предстал Гаутама; посвященный в мистические тайны йоги, он предвидел час, когда появится Рама и освободит Ахалью от проклятья. Он принял ее, освященную суровым покаянием, и, благословленные Рамой, муж и жена пали к ногам обоих братьев, которых переполняло невыразимое блаженство. Гаутама почтительно приветствовал Вишвамитру; послушники и брахмачарины были потрясены увиденным; глазами, широко раскрытыми от изумления, они смотрели на принцев. Вишвамитра распрощался с Гаутамой и продолжил свой путь на северо-восток; все остальные двинулись вслед за Учителем.

К вечеру они были уже недалеко от Митхилы. Вишвамитра протянул руку, указывая на внезапно открывшийся огромный город, полный прекрасных величественных зданий. Братья и послушники были вне себя от радости; юные монахи, не в силах сдержать восторга, подпрыгивали от веселья и нетерпения. Позабыв про усталость, они прибавили шаг и вскоре достигли главных ворот города.

Куда бы ни падал их взгляд, они видели аскетов, погруженных в медитацию, и браминов, распеваящих ведийские гимны. В каждом доме пылал жертвенный огонь, и на алтари возлагались священные дары. Город был полон гостей, и в тени каждого дерева, рядом с воловьими упряжками, расположились большие группы приезжих со всех уголков

страны. Здесь были люди всех возрастов и занятий, мужчины и женщины, маленькие дети, старики и юнцы, принадлежащие к разным кастам и сословиям; они собралась вместе, заполонив всю столицу, стремясь объединиться в общем потоке радости! Улицы были набиты народом, и негде было ступить и шагу. Мудрецу и его спутникам с трудом удалось пробраться сквозь густую толпу к небольшому водоему, на берегу которого они надеялись спокойно обсудить, куда им направиться дальше и где устроить ночлег. Подошел час вечерних омовений, и, оставив свои пожитки на берегу, они искупались в пруду, сотворив положенные ритуалы.

Поскольку близился день великой яджны, придворные и кшатрии постоянно патрулировали по городу, стараясь выяснить у вновь прибывающих монахов и браминов их имена, имена их Гуру, названия обителей и братств, к которым они принадлежали, их духовный сан, а также – получали ли они специальное приглашение на участие в церемонии. По настоянию правителя Джанаки все собранные сведения должны были немедленно сообщаться ему самому.

Между той Вишвамित्रа, завершив свои омовения и сотворив обряды, сидел на насыпи у пруда, окруженный послушниками и двумя братьями, которые были похожи на две сияющие звезды, упавшие с неба на землю. Он рассказывал им славную историю Митхилы. В это время к ним приблизился гонец из дворца и учтиво осведомился: «Учитель! Прошу тебя сказать, кто ты? Откуда ты пришел? Мы – посланники царя и лишь выполняем свой долг, подчиняясь его приказу. Если ты сообщишь нам свое имя, мы незамедлительно доложим царю о твоём прибытии».

Когда царь Джанака услышал весть о том, что в городе находится великий мудрец Вишвамित्रа, он срочно распорядился сделать все необходимые приготовления к его встрече и послал к тому месту, где его подданные нашли святого, процессию из старших браминов, жрецов и придворных пандитов, возглавляемую верховным жрецом Судханандой. По торжественным звукам ведийских песнопений Вишвамित्रа догадался, что приближающаяся к берегу пруда процессия послана царем Джанакой, чтобы сопроводить их во дворец. Он велел Рама, Лакшмане и всем остальным путникам собрать все вещи и приготовиться следовать за ним. Судхананда приветствовал Вишвамित्रу, не отступая от классических ведийских традиций, как и полагалось при встрече с Великим Учителем: он преклонил колени и коснулся его ног, затем всем были предложены освежающие напитки, освященные специальными ведийскими мантрами; с образцовым смирением Судхананда сообщил Вишвамитре, что царь с нетерпением ожидает его и всех его спутников, чтобы оказать ему самый искренний и радушный прием. Они оставили у берега пруда паланкин, чтобы позже слуги смогли забрать узлы и котомки послушников, и направились во дворец по улицам города. Шествие предваряли бегущие впереди трубачи, глашатаи, певцы и музыканты; громкая музыка и пение возвещали народ о прибытии прославленного святого.

Вступив на главную дорогу, ведущую во дворец, они увидели спешащего им навстречу царя Джанаку в сопровождении министров, придворных и членов царского семейства. Джанака склонился к ногам мудреца и воскликнул: «Господин мой! Сбылась моя долгожданная мечта! Своим прибытием ты озарил весь город, только теперь столица засияла во всем своем великолепии!» Он заботливо поинтересовался о здоровье и благополучии Вишвамитры, его учеников и послушников. Тут он заметил среди спутников мудреца двух юношей – Раму и Лакшману. Они поразили его взгляд словно два внезапно вспыхнувших солнца. На какое-то время он утратил дар речи и забыл, где находится. Ему стоило больших усилий, чтобы прийти в себя и вернуться к окружающей действительности. Очнувшись от потрясения, он спросил Вишвамитру: «Учитель! Кто эти двое? Они прекрасны, словно Ашвины – сияющие Боги-близнецы. Мне показалось на мгновение, что они сошли с небес, словно божественное видение, чтобы даровать мне свою милость. Они полны такой же нежной прелести, как божества небесных светил. Может быть, они и есть Луна и Солнце, спустившиеся на землю? Как очутились здесь эти

юные воплощения неземной красоты? Они были все время с тобой, сопровождая тебя в пути, или ты встретил их недавно и привел ко мне?» Вопросы слетали один за другим с уст Джанаки, а он даже не ждал ответа на них, будто в забытьи разговаривал сам с собой, не понимая, где находится и что, собственно, хочет узнать.

Вишвамित्रа, наблюдая, в какое волнение пришел Джанака, не смог сдержать улыбку. Он сказал: «Эти мальчики – сыновья царя Айодхьи Дашаратхи. Их зовут Рама и Лакшмана. Доблесть и бесстрашие этих юных созданий поистине чудесны и удивительны...» Святой хотел было продолжить, но передумал, решив отложить подробный рассказ до более удобного случая, когда они доберутся до предназначенного им жилища. Поэтому они отправились дальше – к дому, отведенному царем специально для Вишвамитры и его спутников. Это было небольшое, радующее глаз своей приятной формой строение, с виду напоминающее храм. Оно находилось посреди цветущего сада и было любовно украшено зелеными ветками и гирляндами. Кругом стояли тишина и покой, казалось, обитель была умыта небесной благодатью, излившейся, словно весенний ливень, из тучи, задетой крыльями Божества. Дом стоял неподалеку от царского дворца, поэтому, проводив путешественников, Джанака припал к ногам святого и сказал: «Твое прибытие наполнило меня невиданной силой и радостью! Я уверен, что это дар судьбы, заслуженный многими жизнями. Теперь я прощаюсь с тобой. Великая яджна, согласно пророчествам ритвиков (жрецов, сведущих в таинствах ритуала), должна начаться через двенадцать дней. Прошу тебя остаться до этого времени в Митхиле и удостоить меня своего благословения». Вишвамित्रа заверил царя, что у того нет причин тревожиться и что он с радостью принимает предложение Джанаки остаться в столице, чтобы принять участие в яджне. Рама и Лакшмана переглянулись, им казалось, что ждать придется слишком долго.

В доме их уже ожидало все необходимое для спокойного сна и отдыха; слуги принесли из дворца молоко и фрукты. «Я буду счастлив лицезреть тебя завтра на рассвете, – сказал Джанака Вишвамитре, прощаясь, – вы проделали долгий утомительный путь, и вам давно пора отдохнуть. Не смею вам больше мешать». В сопровождении пандитов, жрецов и браминов царь вернулся во дворец.

Преданность и смирение царя Джанаки по отношению к Вишвамитре произвели глубокое впечатление на Раму и Лакшману. Они обсуждали между собой достоинства царя, их поразило сияние покоя и радости, которым светилось его лицо. Они сели рядом с Учителем, чтобы разделить с ним трапезу. Отведав молока и фруктов, они попросили позволения удалиться в свою комнату и, сморенные усталостью, вскоре уснули.

В ту ночь их сон был спокоен и безмятежен. Когда первые солнечные лучи озарили столицу, их разбудили протяжные звуки труб и бой барабанов, возвещающие о наступлении рассвета. Брамины запели утренние ведийские гимны. Рама и Лакшмана поднялись и, умывшись и сотворив молитву, явились перед Вишвамитрой. Мудрец протянул им кувшины, полные молока, и сказал: «Дети мои! Царь Джанака будет здесь с минуты на минуту. После завтрака будьте готовы к встрече с ним». Рама, Лакшмана, юные послушники и ученики разошлись по своим комнатам, чтобы подкрепиться свежим молоком и фруктами. После этого они вымыли руки и, вернувшись к Учителю, чинно уселись вокруг него, ожидая прибытия царя. Вскоре их известили, что царь в сопровождении духовного наставника царской династии направляется к Вишвамитре, чтобы выразить великому святому свое почтение; приближение владыки престола сопровождалось волшебной музыкой поющих раковин и игрой на девяти традиционных музыкальных инструментах. Джанака вошел в дом, неся в руках блюда с ритуальными дарами – сандаловой пастой и рассыпанными зернами риса. Вслед за ним в обитель мудреца вступил Гуру Сатхананда со жрецами и браминами. С глубочайшим смирением он совершил церемонию омовения ног святого.

Джанака, низко поклонившись великому риши, стал рядом с высоким сиденьем, поставленным напротив возвышения, на котором сидел Вишвамित्रа. Он занял свое место

только после того, как мудрец жестом предложил ему сесть. Рама и Лакшмана расположились справа от Учителя на полу, устланном коврами, Джанака сказал: «О Великий мудрец! Я весь во власти твоих распоряжений. Я готов принять их и с честью выполнить все, что ты пожелаешь. Прошу, поделись со мной своими намерениями». Царь молитвенно протянул руки к Вишвамитре. Мудрец ласково улыбнулся и произнес: «Вчера вечером у нас было мало времени, и я не мог поведать тебе обо всем, что произошло. Я знаю, что ты хотел бы услышать историю этих принцев – Рамы и Лакшманы, и если тебя не ждут неотложные дела, я могу рассказать тебе ее сейчас». Джанака воскликнул: «Учитель! Может ли у меня быть дело более важное, чем испытывать наслаждение от беседы с тобой? Долгими веками сурового покаяния заслужил я эту награду! Само предвкушение твоего рассказа об этих юношах, как знак счастливой судьбы, уже наполняет меня Анандой!»

Итак, Вишвамитра подробно поведал царю обо всех событиях, которые произошли после его появления при дворе царя Дашаратхи. Он закончил свою повесть описанием яджны, которую ему удалось завершить благодаря несравненной доблести юных героев, стоявших на страже великого таинства и отразивших все кощунственные попытки демонов осквернить ритуал. Он рассказывал о храбрости и отваге, которую проявили юные братья в страшной схватке с демонами, обнаружив в бою мастерство и ловкость, достойные опытных искусных воинов. Вновь нахлынувшие чувства переполняли сердце Вишвамитры, и полами своих одежд он то и дело вытирал струящиеся по его щекам слезы радости и благодарности.

Слушая эти удивительные речи, взирая на величавого седовласого старца, любясь чарующей красотой сидящих с ним рядом мальчиков, Джанака ощутил, что погружается в волны высшего блаженства – Божественного экстаза, сравнимого лишь с экстазом Самадхи! Он почувствовал, что братья – истинные воплощения неземной красоты и великолепия. Куда бы ни пытался перевести он свой взор, его глаза упорно стремились лицезреть лишь эти два прелестных лица, подобные небесным лотосам, излучавшим сияние Брахмы! Внутреннее блаженство, переполнявшее его, рвалось наружу, и он с огромным трудом сдерживал свои эмоции; он сидел не шелохнувшись, не сводя с них глаз, во власти смирения и священного трепета. Он позабыл о том, что он – царь, а эти два мальчика – дети монарха другой державы; его охватило единственное всепоглощающее чувство – что Боги снизошли с небес на землю; это чувство усиливалось словами Вишвамитры, когда тот описывал их сверхъестественное могущество и силу. Он осознал, что они – редчайшие существа, Боги во плоти, ибо кто иной, едва переступив порог нежного возраста, смог бы защитить яджну, которую не способен был уберечь от демонической скверны сам великий Вишвамитра? «Свершилось чудо!» – не переставал восклицать про себя Джанака.

Вишвамитра завершил свой рассказ описанием путешествия из Сиддхашрама в Митхилу. Он поведал Джанаке и те чудесные истории и предания старины, которые уже слышали от него братья. Когда очередь дошла до недавних событий, происшедших в опустевшем ашраме неподалеку от столицы – искуплении греха, очищении и освобождении Ахальи, супруги святого Гаутамы, Гуру Сатхананда, потрясенный до глубины души, вскричал: «Что я слышу? Моя мать, наконец, избавлена от тяготевшего над ней проклятья? Неужели эти небесные создания вернули ей былую святость, и она вновь может соединиться с моим отцом? О! Нет сомнений, эти мальчики – Боги!» Сатхананда умолк, не в силах продолжать; чувства восторга и благодарности настолько завладели всем его существом, что он застыл, словно столб, обливаясь потоками слез. Вишвамитра взглянул на него и произнес: «Сын! Не стоит так сильно переживать и отдаваться неудержимым чувствам! Поверь, то, что ты сейчас услышал, лишь незначительный эпизод в цепи грядущих удивительных событий, которым вскоре суждено произойти. Их неземное величие и слава отзовутся всеобщим восхищением и

ликованием. Твои родители на днях придут в Митхилу. Ты услышишь от них самих чудесную историю о Рама и Лакшмане. А теперь успокойся и приди в себя».

Царь Джанака сказал: «Как, должно быть, счастливы родители, чьи дети отмечены Божественной благодатью! Какая честь для меня, что они изъявили желание посетить мой дом!» Он повернулся к Рама и Лакшмане и обратился к ним: «Дорогие мои! Я заранее прошу простить меня, если ваше жилище показалось вам недостаточно удобным и несоответствующим вашему высокому положению! Стоит вам только пожелать, и я велю предоставить вам самые роскошные покои, какие только имеются в моем распоряжении. К вашим услугам паланкины для осмотра города. Не стесняйтесь, просите все, что вам требуется; я буду счастлив исполнить любую вашу просьбу». Слова Джанаки были исполнены искренней доброты и смирения. Своим ответом Рама попытался выразить то глубокое уважение, которое он испытывал к благородному правителю Митхилы.

Он сказал: «Махараджа! Мы всего лишь обыкновенные подростки. Мы не заслужили никаких особых почестей, и мы вполне довольны и счастливы тем, что ты сделал для нас. Прошу тебя, не утруждай себя никакими дополнительными заботами. Я ценю твою безмерную любовь и доброту и поэтому осмелюсь высказать лишь одну-единственную просьбу...» Тут Рама умолк и повернулся к наставнику Вишвамित्रе. Мудрец заговорил, продолжая мысль Рама: «Джанака! Миссия, ради которой принцы, по моему настоянию, покинули Айодхью, завершилась в тот момент, когда был сотворен без помех последний ритуал задуманной мной священной яджны. После этого Рама и Лакшмана просили и убеждали меня отпустить их домой. Но именно тогда я получил твое приглашение и предложил мальчикам сопровождать меня в Митхилу, чтобы присутствовать на твоей яджне. Рама, однако, колебался, не желая нарушить обещание, данное отцу: Дашаратха велел ему возвращаться в Айодхью немедленно после завершения яджны в моем ашраме. Мне пришлось поспорить с ними; кроме того, я привлек их рассказом о божественном оружии, которое хранит твой род, – о чудесных предметах, которыми ты владеешь, и теперь они, естественно, полны любопытства увидеть их и подержать в руках. Их чрезвычайно заинтересовал твой волшебный лук – лук Шивы, который, несомненно, заслуживает их внимания. Я поведал им историю его появления. Честно говоря, только после этого они окончательно отбросили свои сомнения и согласились сопровождать меня и теперь горят от нетерпения поскорее увидеть его. Уверяю тебя, у них нет желания гулять по городу и осматривать его древние красоты. Луки, стрелы – любое оружие, способное встать на защиту праведности и искоренить зло, – вот то единственное, на чем сосредоточены их мысли и устремления». Джанаке не потребовалось дальнейших объяснений. Он сказал: «В таком случае я немедленно отдам распоряжение, чтобы лук был доставлен в зал для жертвоприношений как можно скорее». Он попросил своего духовного наставника Сатхананду посоветоваться с пандитами и назначить благоприятный час для торжественного внесения лука.

Рама между тем обратился к Джанаке: «Махараджа! Мы будем безмерно счастливы, если ты расскажешь, каким образом попал к тебе Божественный лук». Джанака с радостью откликнулся на просьбу Рама; с явным удовольствием он воскрешал в памяти события далекой древности. «В те времена Митхилой правил царь Деваратха – шестой монарх в ряду поколений царской династии, основанной нашим великим предком Ними. В знак своего доверия боги оставили Лук Шивы на хранение во дворце Деваратхи. С тех пор он находится здесь и, как божественное оружие, обладает сверхъестественными свойствами! Он весит тысячи тонн! Пока что никому не удавалось поднять его! Кто может сдвинуть с места такую тяжесть?! В прошлом я неоднократно делал попытки найти человека, способного согнуть лук или хотя бы взять его в руки, чтобы выставить на всеобщее обозрение. Я постоянно приглашал народ попробовать свои силы. Однако до сих пор никто еще не справился с этой задачей. Цари и принцы, стремящиеся совершить славный подвиг, терпели неудачу и удалялись, разочарованные и приниженные. Они не могли не только согнуть или поднять этот лук, но даже сдвинуть его с места! Однажды я

вспахивал плугом освященную землю, чтобы подготовить место для проведения яджны. Перевернув пласт дерна, я обнаружил лежавший в борозде сосуд. Когда я поднял и обследовал его, то увидел, что внутри находится прелестная маленькая девочка! Поскольку дитя было найдено в борозде, то ее так и назвали – Сита (Сита – борозда (санскр.)). Мы вырастили девочку как собственную дочь. Как-то раз, когда она играла во дворце со своими подружками, ее мячик закатился под длинный тяжелый ящик, внутри которого хранился Лук Шивы. Как ни пытались служанки и придворные достать игрушку, они добились только того, что мячик укатился еще дальше и стал вне пределов досягаемости. Но наша Сита весело рассмеялась над их неловкостью, приведя в смущение няnek и слуг. Одним легким движением своей нежной ручки она отодвинула ящик и, ко всеобщему удивлению, достала свою игрушку. Мне рассказали об этом царицы, которые, привлеченные громкими возгласами, обнаружили Ситу в центре собравшейся вокруг нее толпы, потрясенной невиданным чудом.

В этот день я решил, что отдам Ситу в жены только тому, кто окажется достойным ее; тому, кто сможет натянуть тетиву на Лук Шивы. Множество принцев пытались завоевать ее, но все до одного терпели позорное поражение – никому не удавалось поднять и согнуть Божественный лук. Они чувствовали себя оскорбленными и униженными, считая, что я намеренно издеваюсь над ними, бросая вызов их чести, и, затаив обиду и злобу, решили отомстить. Они собрали объединенную дружину и двинулись на Митхилу. Целый год длилась осада столицы; в конце концов силы моего воинства истощились, и я не на шутку обеспокоился за дальнейшую судьбу города. Единственное, что мне оставалось – уповать на милость Божию; предавшись суровому покаянию и истовому служению, я молил о помощи. Наконец, боги услышали меня и даровали мне подкрепление. Мощное воинство в виде отрядов пехоты, конницы, боевых слонов и колесниц застало врасплох осаждающих город, ибо появилось со стороны, откуда противник меньше всего ожидал удара. Вражеская армия была разбита, а осада прорвана. В течение всего периода этих мстительных нападков на столицу я берег лук как зеницу ока, и мне удалось сохранить его. Его таинственное могущество не поддается никакому описанию.

Рама! Рамачандра! У меня нет причин препятствовать исполнению твоего желания; однако прежде, чем ты увидишь Божественный лук, он будет доставлен в освященный зал, предназначенный для проведения яджны. После этого я объявлю всем присутствующим, что любой из них может испробовать свои силы и попытаться поднять и согнуть лук». Рама и Лакшмана, услышав эту решительную и властную речь Джанаки, переглянулись, но промолчали; они ждали указаний своего Гуру, ибо привыкли во всем доверять ему и следовать его совету.

Вишвамित्रа, который лучше других знал, какой силой и мощью наделены юные принцы, учтиво ответил Джанаке, что полностью согласен с его условиями и предоставляет царю полное право действовать так, как тот считает нужным и справедливым. Джанака добавил, что его клятва остается в силе, и Сита достанется в жены лишь тому, кто поднимет и изогнет волшебный лук. Мудрец с невозмутимым спокойствием принял и это условие.

Джанака распрощался с Вишвамित्रой и вернулся во дворец. Он занялся приготовлениями к торжественному внесению лука в жертвенный зал. По всему царству были разосланы глашатаи с вестью о том, что знаменитый лук будет вновь доступен всеобщему обозрению, и все достойные женихи царских кровей приглашаются испробовать свои силы. Мощные силачи-тяжеловесы тянули и толкали восьмиколесную повозку, на которой помещался ларь с луком, пытались втащить ее в жертвенный зал, но не продвинулись ни на шаг. Пришлось звать на подмогу еще несколько сотен могучих гигантов. Одни из них навалились на повозку сзади, другие впряглись в тяжелые цепи, пытались сдвинуть ее вперед. Наконец повозка с луком вкатилась под священные своды

жертвенных покоев; собравшиеся жрецы приветствовали ее появление пением священных гимнов.

Наступил рассвет. Небесный купол огласился волшебными звуками девяти музыкальных инструментов, которые слились в единую победную песнь. Разом затрубили раковины, и их нежная мелодия поплыла над городом. Утро торжественного дня было ознаменовано песнопениями и ритуальными церемониями. Царь Джанака в сопровождении придворных жрецов вступил в священные покои; вслед за ним слуги внесли культовые атрибуты для поклонения Божественному луку. Задолго до прибытия Джанаки огромный зал наполнился людьми – здесь были правители, подвластные царю, принцы, министры, придворные, мудрецы, пандиты и брамины. При появлении царя все присутствующие встали, чтобы выразить почтение владыке державы. Брамины – знатоки Вед – хором запели гимны, взывающие к милости Богов. Безупречный строй их голосов возносился к самому небу. Одновременно читались отрывки из Вед, требуемые ритуалом. Само пространство наполнилось ожиданием чуда, собравшийся народ замер, боясь шелохнуться и не смея моргнуть глазом.

Джанака совершил «круг почета», медленно обойдя повозку с лежащим на ней луком, и под звуки хвалебных песнопений возложил на нее жертвенные цветы. Он простерся перед Божественным оружием, а затем обратился к собравшемуся в зале благородному обществу: «Достопочтимые мудрецы! Я приветствую вас и всех тех, кто почтил это собрание своим присутствием. С глубокой древности мои царственные предки, а также многие другие великие монархи поклонялись Божественному луку. Всем вам хорошо известно, что до сих пор никому – будь то бог или демон, якшас или ракшаса, Гаруда или гандхарва, киннара или махорага – не удавалось поднять этот лук, удержать его в руках и согнуть, чтобы натянуть на него тетиву! Все, кто пытались сделать это, отступали, смущенные и разочарованные. Несмотря на это, я принял решение вновь доставить священный лук в жертвенный зал. Если среди вас есть кто-нибудь, кто отважится испытать свои силы, кто считает, что сможет поднять лук, а подняв, изогнуть его, надеть тетиву и наложить стрелу – или хотя бы тот, чьи руки смогут выдержать тяжесть лука – пусть выйдет вперед. Бросайте вызов судьбе – лук перед вами!»

Произнеся эти слова, царь поклонился собравшимся и протянул руки, призывая к действию. После этого он сел на свой золотой трон, покрытый шкурой льва.

Вишвамित्रа, улыбнувшись, взглянул на Раму. Рама, не медля ни секунды, быстро подошел к украшенной цветами повозке и левой рукой поднял железную крышку. Правой рукой, без малейшего усилия и напряжения, он вытащил из ларя лежавший в нем лук. Держа его прямо над головой, он огляделся и увидел, что потрясенные зрители замерли в величайшем изумлении. Еще мгновение – и весь зал, полный почтенных и благородных мужей: царей, принцев, мудрецов и святых, – взорвался громом рукоплесканий, казалось, небо расколосось от этих ликующих раскатов. Тем временем Рама изогнул волшебный лук, надел на него тетиву и с поразительной легкостью наложил стрелу. С намерением пустить стрелу вверх, он оттянул тетиву назад, и в этот момент лук, не выдержав напряжения, треснул и сломался!

Раздался удар оглушительной силы, вызвавший всеобщее смятение и панику; от ужасного грохота многие попадали в беспамятстве, кто-то отчаянно кричал, кто-то спасался бегством. Мудрецы громко молились Богу. Безотчетный, всепоглощающий страх охватил всех присутствующих; в общей суматохе сохранили спокойствие лишь Джанака, Вишвамित्रа, Рама и Лакшмана.

Рисунок 3 Рама ломает лук Шивы

Джанака поднялся со своего трона и пал ниц перед Вишвамित्रой. Он сказал: «Учитель! На земле нет человека, обладающего большей силой, чем Рама. Эта сила – неземной природы. Я сдержу свое слово и отдам ему в жены свою дочь – ему, кто поднял, согнул и сломал этот лук!» Вишвамитра ответил: «Джанака! Необходимо сообщить эту новость царю Дашаратхе; столь важное событие должно быть отмечено в его присутствии. Такова моя воля; Рама – преданный и послушный сын, и он согласится на свадьбу только с благословения отца». Джанака созвал придворных браминов и приближенных и велел им на рассвете следующего дня отправляться в Айодхью. Три дня

и три ночи мчали быстрые кони их колесницы, и на утро четвертого дня они достигли ворот Айодхьи. Возницы осадили коней прямо у главного входа в царский дворец, чтобы без промедления сообщить правителю принесенные вести. Стражи, узнав их имена и цель приезда, поспешили к министрам, и не прошло и нескольких мгновений, как Дашаратха, услышав о прибытии гостей из Митхилы, в нетерпении ожидал их появления в тронном зале. Придворные брамины и подданные царя Джанаки предстали перед восседавшим на троне Дашаратхой. Прославленный царь, несмотря на древние годы, не утратил своего величия и благородства. Его лицо, ясное и мудрое, излучало божественное сияние, и прибывшие, ни минуты не колеблясь, с почтением и трепетом пали к его ногам. Поднявшись, они обратились к царю: «Махараджа! Мы – посланники царя Джанаки, правителя Митхилы. Он наказал нам прежде всего осведомиться о твоём благополучии и процветании твоей державы. Махараджа Джанака, с благословения святого Вишвамитры и одобрения наставника царской династии, послал нас к тебе, чтобы сообщить важную весть».

Лицо Дашаратхи озарилось улыбкой; он был доволен безупречным поведением гонцов из Митхилы и проявленными к нему уважением и смирением, он сказал: «О мудрейшие среди браминов! О благородные министры Митхилы! Царство Айодхья процветает и благоденствует, и его подданные не ропщут на своих правителей. Беспрепятственно и своевременно совершаются ритуалы и обряды Агнихотры (огненного жертвоприношения); мой народ, не зная нужды и лишений, по-прежнему счастлив и спокоен и нет преград на пути его духовного и нравственного роста; ясно сознавая свою высшую цель, дети Айодхьи не отклоняются от праведного пути. Я счастлив, что могу сказать вам об этом. Теперь же я хочу узнать о здоровье и благополучии царя Джанаки, правителя Митхилы. Я надеюсь, ничто не мешает ему исправно проводить священные церемонии, предписанные Ведами, и полон нетерпения узнать, какая важная новость заставила его прислать вас ко мне. Я готов выслушать ваше сообщение немедленно».

Воодушевленные приветливыми и благожелательными словами Дашаратхи, министры подали знак браминам, что те могут говорить. Верховный жрец поднялся со своего места и начал свою речь: «О непобедимый владыка! Махараджа Джанака дал клятву, что отдаст свою дочь Ситу Деви в жены только могучему герою; нет сомнений, что ты знаешь об этом, а также о том, что многие принцы пытались доказать свою доблесть, терпели неудачу и покидали Митхилу – униженные и раздосадованные. Не иначе, как по воле Божьей, твои сыновья, Рама и Лакшмана, согласились сопровождать в Митхилу святого Вишвамитру, который стремился принять участие в яджне, задуманной нашим махараджей; случилось так, что твой старший сын, Рама, проявив невиданную доблесть, завоевал руку Ситы Деви! Махараджа! Какие слова найти, чтобы описать тебе это чудо? На глазах у всего благородного общества – мудрецов, царей и принцев Рама вознесся на вершину славы! Он поднял Лук Шивы и, держа его прямо над головой, надел на него тетиву. Но это еще не все! Он напряг тетиву, чтобы пустить стрелу, и несокрушимое божественное оружие, словно детская игрушка, треснуло в его руках и превратилось в обломки! Поскольку Сита Деви достойна стать женой только того, кто справится с оружием богов, наш махараджа, с согласия мудрецов и святых, решил отдать ее руку твоему сыну Рама».

Царь Джанака послал нас в Айодхью, чтобы просить тебя дать согласие на свадьбу и пригласить тебя, а также твоего святого Гуру, жрецов, министров, придворных, всех членов царской семьи и всех прочих, кто пожелает сопровождать тебя, в город Митхилу, где тебя будет ждать самый сердечный и радушный прием. Наш махараджа хочет сыграть свадьбу своей дочери только тогда, когда будет иметь счастье лицезреть твой Даршан. Чтобы сообщить тебе все это, мы и явились в Айодхью».

Жрецы и министры, протянув руки к Дашаратхе, стояли перед ним в почтении, дожидаясь ответа. Однако Дашаратха, привыкший тщательно обдумывать свои слова и решения, был слишком взволнован, чтобы немедленно изъявить свое согласие на столь

серьезное предложение. Он послал за мудрецами Васиштхой, Вамадевой и другими, чтобы, посоветовавшись с ними, дать окончательный ответ. Когда все собрались, он попросил посланцев из Митхилы повторить все, сказанное ранее. Когда это было сделано, царь пал к ногам Васиштхи, призывая его дать мудрый совет. Васиштха и Вамадева, не потратив и секунды на размышление, в один голос воскликнули: «Это прекрасно! Ничего лучшего нельзя было ожидать! Все случилось, как и было предсказано! Зачем тратить время на лишние сомнения и раздумья? Дашаратха! Готовься к путешествию в Митхилу!»

Министры и придворные Митхилы не скрывали своего восторга; весть о скорой свадьбе Рама мгновенно разлетелась по всему дворцу, не миновав покоев цариц, и как на крыльях понеслась дальше – по городу и царству. Горожане, ликуя, собирались на улицах, выкрикивая: «Джей! Джей!» Приближенные и слуги немедленно занялись приготовлениями к отъезду. Множество колесниц были доверху нагружены целыми горами шелковой парчи, жемчугов, драгоценностей и прочих роскошных даров.

Царь Дашаратха в сопровождении своей свиты, царский Гуру Васиштха, верховные жрецы, пандиты и брамины взосли на колесницы и заняли свои места. Казалось, сама Айодхья сдвинулась с места, чтобы прошеествовать в Митхилу для участия в свадебном торжестве. Никто из жаждущих сопровождать царя не был оставлен в Айодхье; никому не было отказано, и всем нашлось место в царских колесницах. Коням, казалось, передалось радостное возбуждение, переполняющее ездовых – они мчались стремительной рысью, не сбавляя хода и не обнаруживая ни малейших признаков усталости и утомления. Путники провели в пути два дня и две ночи; к вечеру третьего дня они уже были в Митхиле!

Махараджа Джанака встречал правителя Дашаратху у главных ворот города. Он приветствовал министров, мудрецов и жрецов в соответствии с их положением и саном. Поскольку близилась ночь, путников проводили в отведенные для них дворцы и покои, где все было подготовлено для их ночного отдыха. На рассвете Дашаратха послал за ритвиками, браминами и членами царского семейства и объявил им, чтобы они не покидали дворца и приготовились к церемонии, которая могла начаться в любую минуту. Между тем у дверей дворца Дашаратхи уже остановилась колесница правителя Митхилы, и Джанака пригласил Дашаратху посетить жертвенные покои, где продолжались ритуалы святой яджны. Для почетных гостей – царя, духовных наставников, браминов – уже были подготовлены специальные сиденья, соответствующие их высокому положению. Когда все заняли свои места, Джанака приветствовал Дашаратху словами: «Твой приезд в Митхилу вместе с великими мудрецами и выдающимися браминами и твоими родными и близкими предвещает нам счастливую судьбу. Это награда за то доброе, что мы совершили в прошлых жизнях. Я уверен, что твоя душа ликует при мысли о доблестной победе твоего сына. Я близок к тому, чтобы породниться с великой династией Рагху, прославившейся героическими подвигами ее сынов. В мою династию вольется струя, невиданная по своей чистоте и святости. Я уверен, что заслужил это милостью и благословением своих предков. Махараджа! Этим утром заканчивается церемония яджны. Я хотел бы отпраздновать свадьбу Рама и Ситы после того, как подойдет к концу завершающий ритуал. Я взываю к тебе, чтобы ты дал на это свое согласие».

Дашаратху захлестнули волшебные волны Ананды. Его лицо осветилось блаженной улыбкой. Он сказал: «Махараджа! Ты – даритель и жертвователь! Как говорят святые старцы, истинный дар – это тот, который доставляет наслаждение и удовольствие дарителю. Поэтому я готов принять твой дар тогда, когда это принесет тебе наибольшую радость!» Дашаратха произнес эти мудрые и изысканные слова с такой сердечной теплотой и любовью, что душа Джанаки затрепетала от восторга, и вслед за Дашаратхой он погрузился в блаженный поток Ананды.

В этот миг в жертвенном зале появился мудрец Вишвамित्रа, а вместе с ним – Рама и Лакшмана. Братья бросились в ноги своему отцу, своим наставникам – Васиштхе и Вамадеве. Глаза Дашаратхи заблестели слезами счастья, когда он увидел сыновей после столь долгой разлуки. Он притянул их к себе, нежно обнял за плечи и крепко прижал к

груди. Видя как безмерно счастлив отец, ласкающий своих сыновей, брамины и министры замерли, восхищенные глубиной и искренностью его чувства; они слились с ним в едином восторге сопереживания.

Дашаратха хотел узнать от сыновей обо всем, что произошло за время разлуки. Спокойно и просто рассказали они ему о яджне, которую им удалось уберечь от святотатства и защитить от натиска демонических сил; они подробно описали свой путь из ашрама Вишвамитры в Митхилу. Всю историю их путешествия услышали Васиштва, Вамадева, Бхарата, Шатругна, Сумантра, а также многие другие придворные, министры и знатные мужи, прибывшие из Айодхьи. Они провели всю ночь, вновь и вновь переживая чудесные и таинственные подробности событий, в которых довелось участвовать братьям.

В это время Джанака был полностью поглощен приготовлениями к свадьбе. Он не покидал дворца и, вызвав к себе верховного жреца, Сатхананду, смиренно взмолился, чтобы тот нашел и пригласил сведущих в тонкостях ритуалов браминов и приготовил все необходимые атрибуты для проведения церемоний, предшествующих главному свадебному обряду. Сатхананда ответил: «Махараджа! Сегодня утром завершилась великая яджна. Я знаю, что в течение двух или трех дней, последующих после ее окончания, настанут часы, особо благоприятные для торжественных обрядов. Если ты хочешь, я могу сообщить тебе точное время». Джанака, воздев руки, поблагодарил Сатхананду, восхищаясь его познаниями в тайной мудрости. Он воскликнул: «Учитель! Вчера я получил согласие на свадьбу от царя Дашаратхи. Такое совпадение – исключительный дар судьбы! Но меня беспокоит то, что мой младший брат Кушадваджа в настоящее время отсутствует. Он принимал участие в яджне и был очень занят, снабжая жрецов всем необходимым для жертвоприношений и выполняя все их наказы и поручения. Сейчас его нет в Митхиле, а я не хотел бы лишать его возможности присутствовать на этой удивительной свадьбе; он должен разделить со мной мою радость; я попытаюсь сделать все возможное для того, чтобы доставить его в Митхилу как можно быстрее. Я чувствую, что было бы лучше назначить точный день и час тотчас по его возвращении». Сатхананда одобрил решение царя: «Прекрасно! Мы все будем безмерно счастливы видеть здесь твоего брата». С этими словами он покинул дворец.

Джанака снарядил в дорогу гонцов, наказав им как можно скорее разыскать брата и привести его в Митхилу. Они нашли Кушадваджу без труда в столице его царства, Санкасье, ибо их быстроногие кони летели как ветер. Они сообщили ему о грядущих событиях, и, услышав новость, Кушадваджа исполнился блаженства; его чистое сердце засияло радостью Ананды. Он спешно созвал своих родных и близких, приближенных и браминов; он наполнил колесницы роскошными свадебными дарами, рулонами драгоценных тканей и жертвенными подношениями. Той же ночью он тронулся в путь и быстро достиг Митхилы.

Джанака бросился ему навстречу, ибо с нетерпением считал минуты, ожидая его появления. Он был невыразимо счастлив, что тому удалось поспеть вовремя, и с любовью заключил брата в свои объятия. Кушадваджа пал к ногам Джанаки, глубоким поклоном приветствуя Сатхананду, после чего все трое, разместившись в тронном зале на возвышенных сиденьях, устроили срочный совет и принялись обсуждать план дальнейших действий, чтобы не упустить ни одной детали в предстоящих церемониях; наконец, распределив все обязанности и продумав все до мелочей, они послали за почтенным Судхамой – первым помощником царя по делам государства. Когда главный министр явился, ему было сказано: «Уважаемый Судхама! Поезжай немедленно к Дашаратхе и передай ему нашу смиренную просьбу прибыть во дворец со своими приближенными, жрецами, придворными, родными – со всеми, кого он пожелает взять с собою. Доставь его с надлежащими почестями».

Судхама велел запрячь колесницы, празднично убранные и богато украшенные и вместе со своей свитой, а также царскими жрецами и пандитами, отправился во дворец, где находился царь Айодхьи. Он предстал перед Дашаратхой и, выразив ему глубокое

почтение, с изысканной вежливостью и учтивостью передал ему приглашение владыки Митхилы пожаловать в царский дворец. Дашаратха был давно готов к визиту; в сопровождении своей свиты он взошел на колесницу Джанаки и вскоре переступил порог торжественного зала. Великие цари приветствовали друг друга, соблюдая правила и церемонии, предписанные для подобных случаев ритуалом, после чего заняли полагающиеся им места.

Первым поднялся Дашаратха. Он сказал: «Джанака! Мудрец Васиштха для династии Икшваку – словно Бог на земле! Он наш Великий Учитель и Духовный Поводырь. У него есть полное право поведать тебе об истории и традициях нашего рода». Тогда святой Васиштха встал и, обращаясь ко всему благородному обществу, заговорил: «Слушай, мудрейший из царей! Слушайте все, кто собрались в этом зале! Всевышний Брахман, Вечный, Непроявленный и Чистый, силою своей воли сотворил Маричи; сыном Маричи был Касьяпа, а сыном Касьяпы – Сурья. Сурья породил Ману; Ману имел сына, которого звали Вивасватха Ману; он правил миром и людьми и заслужил имя Праджапати (Повелитель живых существ). У него родился сын Икшваку, который стал первым полновластным и независимым правителем Айодхьи. Икшваку – основатель нашего рода и его именем названа династия. Сына

Икшваку звали Кукши, а сына Кукши – Викукши. Ему наследовал Бана, Бана имел сына Анаранью, а сына Анараньи звали Тришанку. У Тришанку был сын Дундумара, у Дундумары – Юванасва; сына Юванасвы звали Мандхата, а у его сына Сушанди было двое сыновей – Девашанди и Презенджит. Знаменитый Бхарата был сыном Девашанди; во время царствования Аситхи, сына Бхараты, на Айодхью напали воинственные полчища Хихайев, Таладжангов и Шашибиндов и захватили город. Аситха был вынужден бежать; он укрылся в Гималаях вместе с двумя царицами. Его последним прибежищем стала местность под названием Бхригу Парашравана; прожив там несколько лет, он покинул этот мир.

Когда он умер, обе царицы были на сносях. Они нашли приют в святой обители Чьяваны, который с состраданием отнесся к их отчаянному положению. Он утешил и успокоил их словами: «Жены! Позабудьте свой страх. Чувствуйте себя здесь, как в родном доме; вы благополучно разрешитесь от бремени, и ваши дети будут блистать силой, славой и великолепием». Счастливое предсказание сбылось. Через несколько дней старшая из цариц произвела на свет сына, которому было дано имя Сагара; он освободил Айодхью и, как продолжатель династии Икшваку, стал ее законным правителем».

От Сагары престол перешел к его сыну Асаманье; сына Асаманьи звали Амсуманта, а сына Амсуманты – Дилипа. Наследником Дилипы стал его сын Бхагиратха; у Бхагиратхи родился Кукуста; Рагху был сыном Кукусты. Рагху породил Правардху, от которого трон перешел к Сударшане, а от Сударшаны – к Агниварне. Сына, родившегося у Агниварны, звали Сиграга, а сына Сиграги – Мару. После Мару в Айодхье царствовали его прямые потомки – Праушрука, Амбариша и Нахуша. Сыном Нахуши был Яяти, а сыном Яяти – Набхага. У царя Набхаги родился сын Аджа. Дашаратха – старший сын Аджи, и его четыре сына, каждый из которых подобен драгоценной жемчужине, – это Рама, Лакшмана, Бхарата и Шатругна. Старший из них, Рама, – поднял и согнул Лук Шивы, а, натянув на него тетиву, сломал его!

О Мудрый правитель! Царская династия Икшваку священна и незапятнана. Каждый из сынов этого славного рода покорил высочайшие вершины духа, воссияв духовным великолепием. Все они – стойкие приверженцы Праведности, отважные и непобедимые герои. Рама, Лакшмана, Бхарата и Шатругна – четыре ярчайших светоча, которые озарят и обессмертят анналы древнего клана.

Теперь я хотел бы предложить, чтобы свадьба Рамы, предначертанная судьбой и отмеченная Божьей Милостью, соединилась бы со свадьбой Лакшманы, так как Лакшмана – часть и отражение Рамы. Твоя сияющая чистотой вторая дочь Урмила вполне достойна стать невестой и подругой Лакшманы. Не сомневайся в моих словах! Соглашайся, не

раздумывая и прикажи немедленно начать приготовления». Васиштха щедро благословил собравшихся и сел на свое место.

Джанака, выслушав повествование об истории Солнечной династии из уст великого святого Васиштхи, поднялся со своего трона и произнес: «О Брахмариши! Когда потомок знатного рода намеревается отдать в жены любимую дочь, его долг – поведать о героическом прошлом своего клана, о достоинствах и подвигах его сынов, не так ли? Я решил последовать твоему примеру; я сам изложу эту историю, ибо мне доставляет огромное удовольствие воскрешать в памяти и произносить имена моих предков, взывая к их былому величию. Я обязан своим рождением в этом теле милости и благословениям моих праотцов. Чтобы оправдать бременное существование этого тела, я считаю долгом чести рассказать вам о своих великих предшественниках, чья кровь течет в моих жилах».

Джанака устремил вопрошающий взор на Васиштху, и тот одобрил и благословил его благородный порыв. Джанака заговорил: «Брахмариши! Досточтимые наставники! Махараджа Джанака! В незапамятные времена жил царь Ними – стойкий последователь Дхармы, знаменитый своим могуществом и мудрым даром предвидения. Его сын Митхи заложил и построил этот город, Митхилу, и провозгласил его столицей державы. Он был первым полновластным правителем этих земель. Его царствование принесло народу процветание и счастье, и подданные платили ему преданной любовью и благодарностью. Его сына звали Судхавасу; после Судхавасу царствовал его сын Нандивардхана, который передал престол сыну Шукету; сыном Шукету был великий царь Девадатха; ему наследовал Брихадратха, у которого родился сын Махавира. Махавира (Махавира – «очень храбрый», отважный), как следует из его имени, прославился невиданной доблестью. Его сына звали Судритхи, а сына Судритхи – Дриштакету. Знаменитый царь Харьясва был сыном Дриштакету; Харьясва породил Мару; от Мару трон перешел к Пратиндаке, а от Пратиндаки – к его наследнику Киртиратхе. У Киртиратхи родился сын Девамедха, у Дева-медхи – Вибудха; сына Вибудхи звали, как и прадеда, Киртиратха; от него царство перешло к сыну Махароме, а от Махаромы – к его наследнику Хрисварупе. Он был безупречным и искусным правителем, верным слугою Дхармы; за его заслуги он был удостоен титула Махатмы. Махатма Хрисварупа – мой отец. Я счастлив признать, что в нем воплотились все идеалы человеческих добродетелей. Благородное наследство, доставшееся мне от моих великих предков, я расцениваю как драгоценную награду; только благодаря ему мое царствование несет успех и процветание державе.

Мой младший брат Кушадваджа для меня больше чем брат. Он отмечен печатью божественной благодати. Я ценю и чту его скорее как лучшего друга, чем как брата. Я воспитывал его с младенчества с такой страстной любовью и нежностью, что глубоко привязался к нему. Много лет назад царь Санкасьи поставил мне условие: добровольно передать ему Лук Шивы или вступить с ним в сражение. Когда я отказался отдать ему вверенное моему роду божественное оружие, он двинулся на Митхилу с войском и окружил город. Это был вызов на открытый бой, и в ходе жестокой и долгой схватки царь Суданва был в конце концов повержен; я провозгласил своего брата царем Санкасьи; с тех пор прекрасная столица, стоящая на берегах реки Икшуманти, блистает своей красотой и великолепием, напоминая издали легендарную Пушпака Виману – мчащуюся по небу Колесницу богов! Мой любимый брат прибыл сегодня из Санкасьи в Митхилу, чтобы разделить с нами радость свадебного торжества.

Теперь я хочу поделиться с вами вдохновенной идеей, которую внушили мне не иначе как сами боги! Брахмариши! Согласно твоей священной воле, Рама берет себе в жены Ситу, а Лакшмана – вторую мою дочь, Урмилу. Подчиниться твоему приказу для меня – невыразимая радость и высокая честь. Сита – неземное создание, она – небесная дева, достойная руки Героя. Я преклоняюсь перед твоим мудрым решением и с легким сердцем доверяю Урмилу Лакшмане.

Но теперь я хочу, чтобы вы выслушали и обсудили мое предложение! Махараджа Дашаратха! У тебя четверо сыновей, и все четверо появились на свет Милостью Божьей.

К чему оставаться в одиночестве двум другим принцам – Бхарате и Шатругне? Наше ликование удвоится, если мы сыграем одновременно и их свадьбы! Сегодня мы под счастливой звездой – в небе сияет Магха! Этот день чрезвычайно благоприятен для начала всех церемоний и сотворения предварительных ритуалов. Я прошу вашего согласия, чтобы через два дня, под небесным покровительством звезды Уттарапалгуны, старшая дочь моего брата, Мандави, была отдана в жены Бхарате, а младшая, Шрутакирти, Шатругне.

Многочисленное собрание приветствовало его предложение дружными восклицаниями: «Субхам! Субхам!» Стены зала дрожали от грома рукоплесканий.

Выслушав правителя Джанаку, святые наставники Васиштха, Вамадева и Вишвамित्रа, призвав Дашаратху, устроили между собой недолгое совещание. Мудрецам без труда удалось убедить царя согласиться на предложение Джанаки, и вскоре они во всеуслышание объявили о своем решении: «О владыка! Оба царских клана – Икшваку и Видеха, славятся богатством своих священных традиций и незапятнанной чистотой в роду бесчисленных поколений. Им нет равных в мире по святости. Неизмеримо величие этих династий, и их героическое прошлое неподвластно описанию ни мудрецов, ни посвященных. Династии, подобные Икшваку и Видеха, сравнимые с ними по мощи и благородству духа, еще никогда не появлялись на земле. Поистине знаменательное событие, что эти два могучих клана соединяются сегодня узами кровного родства. Это – проявление высшего закона, залог священного и плодотворного союза. Кроме того, мы счастливы, видя, насколько наши женихи и невесты подходят друг другу, какие это безупречные пары. Джанака! Твой брат Кушатжваджа – знаток и последователь Дхармы! Большая честь для Дашаратхи – обзавестись таким достойным сородичем! Это огромная радость и для всех нас. Мы готовы немедленно благословить дочерей Кушадваджи на бракосочетание с младшими сыновьями нашего правителя – Бхаратой и Шатругней. Наша воля полностью совпадает с твоей – да будет навеки слита воедино кровь двух великих царских династий!»

Джанака и Кушадваджа простерлись ниц перед мудрецами. Они были в восторге от того, что их желание исполнилось. «Все, что происходит сейчас – подобно чуду! Мы благодарим судьбу за то, что она даровала нам ваше благословение! Согласие мудрецов – благоприятный знак, предсказывающий счастливую судьбу. Святым ведомы истинные пути, скрытые от глаз простых смертных, и они поощряют лишь праведные деяния. Мы полностью во власти вашей воли».

Тогда, поднявшись, заговорил Васиштха: «Зачем откладывать на другой день свадьбу Бхараты и Шатругны? Завтра наступит самый благоприятный день. Было бы замечательно отпраздновать в один день все четыре свадьбы!» Джанака ответил: «Я поистине счастлив это слышать! Достопочтимый наставник! Царь Дашаратха с давних пор – твой верный и преданный ученик, во всем полагающийся на твои мудрые советы. Позволь же и нам, братьям, присоединиться к Дашаратхе и переложить на твои плечи бремя забот и решений! Мы готовы безоговорочно следовать твоей воле во всех своих действиях и поступках, став отныне твоими смиренными слугами!» Они стояли в ожидании ответа, преданно протянув руки к великому мудрецу. За него ответил Дашаратха. Он встал и произнес: «Правитель Митхилы! Признаться, у меня нет слов, чтобы выразить свое восхищение твоими достоинствами и добродетелями. В кратчайший срок тебе удалось подготовиться к встрече целого сонма махараджей и махариши с их многочисленными свитами и приближенными и устроить им блестящий прием. Город запружен народом, но никто из гостей не обделен вниманием и не может пожаловаться на недостаток удобств! Теперь я хочу возвратиться во дворец, любезно тобой предоставленный, и совершить ритуалы Нанди и Самавартхана в полном соответствии с предписаниями Вед». Братья почтительно распрощались с царем и, согласно этикету, проводили его до главного входа во дворец. Затем они вернулись к себе, чтобы, не мешкая, заняться приготовлениями к грандиозному празднеству. Дашаратха с

величайшим тщанием сотворил ритуал Нанди. Затем он созвал сыновей и велел им тотчас же приступать к совершению обряда Самавартхана. Он закрепил на рогах коров, предназначенных в дар благочестивым браминам, золотые украшения и приготовил роскошные золотые подойники. Зрелище, представшее глазам горожан, было незабываемым! Когда четыре принца во главе с величественным Дашаратхой вели по улицам священных коров, жителям Митхилы казалось, что к ним спустились прекрасные божества четырех сторон света, окружившие самого Брахму!

На пути их торжественного ритуального шествия им встретился Юдхаджит, принц царства Кекайя, брат царицы Кайки, матери Бхараты. Он сказал, что его отец очень скучает по внуку и мечтает, чтобы тот приехал к нему погостить в столицу его царства; поэтому Юдхаджит поспешил в Айодхью в надежде забрать с собой Бхарату, но узнал, что все царское семейство отбыло в Митхилу на свадьбу Рамы. Ни он сам, ни его отец ничего не слышали о предстоящей свадьбе; Юдхаджит решил отправиться в Митхилу, чтобы принять участие в торжестве, а заодно сообщить о желании своего отца повидаться с внуком. Дашаратха был искренне рад встрече с Юдхаджитом.

В ту ночь перед свадьбой во дворце Дашаратхи никто не ложился спать. Ночные часы пролетели в задушевных и приятных беседах; царь не мог наговориться с сыновьями, которых так давно не видел наедине. Остальные обитатели дворца с нетерпением ожидали наступления рассвета, когда они смогут, наконец, своими глазами увидеть свадьбу любимых принцев. Все были полны радостного предвкушения, словно женили и выдавали замуж своих собственных сыновей и дочерей. Их Ананда была истинным проявлением Брахмананды – так сильна, чиста и искренна была их любовь к Рама и его братьям.

Ранним утром Джанака прошествовал к специальному возвышению, где обычно проводились торжественные обряды; его сопровождали святые мудрецы, излучавшие в этот особенный день ослепительное духовное сияние. Он совершил предварительные церемонии и приготовился к встрече женихов и их родных и близких. Вскоре появились Рама, Лакшмана, Бхарата и Шатругна, облаченные после утренних ритуальных омовений в желтые шелковые одежды; на их головах были повязаны шелковые тюрбаны; они блистали роскошными украшениями, усыпанными бриллиантами и сапфирами, и были прекрасны и пленительны, словно Боги, спустившиеся с небес.

Близился назначенный астрологами час, именуемый Виджайя, и принцы, вслед за оркестром из лучших придворных музыкантов, направились к помосту; грянула ликующая музыка, наполнив пространство волшебными звуками; советники, придворные, правители, подвластные царю и их подданные двинулись следом, неся огромные чаши и блюда, полные драгоценных камней, шелковых тканей, золотых монет и других предметов и украшений, необходимых для церемонии.

При появлении принцев собравшийся народ замер; жители Митхилы не сводили глаз с юных братьев, пораженные их красотой и благородным видом; по толпе пронесся восхищенный гул; люди признавались друг другу, что сияющий облик и неземное достоинство принцев выдают их Божественную природу: такие существа не могут быть простыми смертными. Послышались восторженные возгласы: «Как они прекрасны! Они – сама Красота!» Все террасы и настежь распахнутые окна домов были до отказа заполнены людьми. Когда принцы шествовали сквозь тесные ряды зрителей, народ изумленно перешептывался: «К нам снизошли жители Небес!» Женщины клялись, что никогда в жизни не видали столь прекрасных принцев. Наконец, братья взойшли на помост и заняли свои места.

Настал черед Джанаки и его брата Кушадваджи привести своих дочерей. После совершенных на заре ритуальных омовений принцессы были одеты в традиционные нарядные одежды, полагающиеся царским невестам; на них было множество драгоценных украшений; их головы и лица были покрыты шальями. Они ступали за своими отцами, и их сопровождали тысячи служанок, несущих цветы и фрукты, чаши с благовониями,

душистыми маслами и разноцветными мазями, блюда с зернами риса, жемчугами и драгоценностями. Казалось, все сокровища Митхилы, искрясь и сверкая, словно поток на солнце, струятся за невестами подобно свадебному шлейфу.

Сами невесты излучали небесное сияние. Их посадили напротив женихов: с одной стороны – Рама, Лакшмана, Бхарата и Шатругна, с другой – Сита, Урмила, Мандави и Шрутакирти. Их разделяла занавесь из тяжелого бархата. Знатные мужи и прочие гости, прибывшие из Айодхьи, уселись позади Дашаратхи; приближенные царя Митхилы и те, кто был приглашен им лично на свадебную церемонию, заняли свои места на возвышении позади Джанаки.

Праздничное убранство торжественной церемонии отличалось изысканной роскошью и пышным великолепием. Горы цветов, сверкание серебра и золота, яркие шелка и переливающийся бархат – все радовало взгляд и наполняло сердца восторгом. На шпилях городских зданий развевались флаги, вдоль улиц были расставлены гигантские канделябры с масляными светильниками; колонны, стены и арки были увиты гирляндами из живых листьев и цветов. Огромная площадь колыхалась волнами людского моря. Казалось, сама Митхила, превратившись в огромное живое существо, трепетала от праздничного ликования.

Между тем Дашаратха, поднявшись, учтиво обратился к Васиштхе: «Стоит ли медлить?» Услышав эти слова, Джанака, встав перед Васиштхой, молитвенно воздел руки, призывая святого возглавить церемонию. Вняв просьбе царя, Васиштха, вместе с Вишвамитрой и Сатханандой, приступил к ритуалу. На алтаре, возведенном в центре помоста, он возжег жертвенный огонь, и брамины, возвысив свои чистые голоса, хором запели предписанные Ведами священные гимны.

Мудрецы окружили алтарь с горящим огнем, рядом с которым уже стояли наготове золотые блюда, украшенные цветами и сандаловой пастой, полные нежных проростков девяти сортов зерен. Тут были сосуды и подставки для курения благовоний, священные черпаки для подливания масла в жертвенный огонь, золотые чаши и кувшины для воды, и прочие предметы, требуемые для ритуала. На полу ровным и толстым слоем была рассыпана священная трава куша – точно так, как указано в Ведах. После этого, нараспев читая гимны, призывающие богов даровать женихам и невестам счастье и благоденствие, мудрецы приступили к главному действию – один за другим они начали предавать огню жертвенные дары. Каждый ритуал проводился с величайшей тщательностью и аккуратностью; ни одна малейшая деталь таинства не была упущена. На запястьях принцев и принцесс, как знаки посвящения, были повязаны шнурки.

Наступил черед следующего обряда – «Дарование невест». Васиштха велел Джанаке выступить вперед. Царь приблизился к огненному жертвеннику в полном великолепии парадных одежд и блистающих нагрудных украшений. По указанию мудреца он взял руки Ситы и вложил их в протянутые руки Рамы; на ладонях Рамы уже лежал расколотый кокосовый орех – символ изобилия, и когда Сита коснулась его, Джанака облил молоком их руки, как требовал того обряд вручения невесты. Джанака обратился к Рама со словами: «Вот Сита – дочь моя. Отныне вместе с тобою она пойдет по пути Дхармы. Прими ее. Она принесет тебе радость, покой и процветание. Возьми ее руку! Она чиста и полна высочайших добродетелей. С этого дня и навеки она не расстанется с тобою, как твоя собственная тень». С этими словами он пролил святую воду на руки Рамы, скрепляя вечной печатью свершенный обряд.

Рисунок 4 Рама и Сита

Затем Джанака взял за руки вторую дочь и подошел к Лакшмане; он сказал: «Лакшмана! Я дарю тебе невесту, Урмилу, прими ее,» и, произнеся слова предписанных мантр, повторил церемонию жертвования невесты. Точно так же, приблизившись к Бхарате, он прочитал традиционные свадебные ведийские мантры и соединил его руки с руками Мандави. Ритуал повторился для Шатругны и Шрутакирти, и на их ладони, под звуки сокровенных формул, была пролита святая вода. Церемония «Дарования невест» была завершена под звуки торжественных песнопений браминов, которые вознесли к небесам молитвенные гимны, призывающие богов ниспослать свою милость новобрачным.

Джанака поднялся и, встав в центре возвышения, провозгласил, обращаясь к женихам: «Дорогие мои! Нашим дочерям предназначено стать хозяйками и хранительницами вашего домашнего очага». Наступил самый важный момент. После этих слов, с одобрения и благословения Васишты, брата, держа за руки своих невест, медленно обошли кругом алтарь с жертвенным огнем и простерлись у ног Джанак и Васишты.

В это время на них обрушился ливень из цветов; оркестр разразился торжественным и радостным гимном; на головы новобрачных посыпались рисовые зерна; воздух сотрясся от приветственных возгласов: «Субхам! Субхам!» Все пространство наполнилось восторгом. С Небес полились волшебные мелодии божественной музыки; хор ангелов запел хвалебную песнь; в райских заоблачных высотах небожители отбивали ликующую барабанную дробь.

Небесному оркестру вторили земные музыканты и певцы, без усталости распевая традиционные свадебные песни и гимны, прославляющие величие свадебной церемонии, сравнимой по грандиозности и пышности с бракосочетанием Шивы и Гаури. Звучали бесчисленные раги; национальные мелодии и песни, не умолкая, сменяли друг друга, заполняя весь город весельем и радостью. Четверо братьев с юными женами стояли на возвышении перед морем ликующей толпы, с благодарными поклонами принимая поздравления и пожелания: «Будьте навеки счастливы! Да снизойдет на вас вечная благодать!»

Принцы, сияющие молодостью, красотой и отвагой, вместе с юными принцессами проследовали в помещение, отделенное занавесями, откуда свадебную церемонию наблюдали матери невест. Невесты пали в ноги царицам, чтобы получить их благословение. После этого они вернулись во дворец, предоставленный Джанак царскому семейству Айодхьи. Последующие три дня весь народ предавался праздничному веселью. Не было конца пиршествам, танцам, пению и гулянию. Для гостей из Айодхьи, прибывших в Митхилу, и самих жителей Митхилы, дни и ночи, слившись воедино, превратились в сплошной круговорот ликования и торжества.

На следующий день после свадьбы Вишвамित्रа явился к Дашаратхе, чтобы сообщить ему, что миссия, к которой он был призван, завершена. Старец позвал братьев и крепко прижал их к груди, лаская с любовью и нежностью. Он сердечно и щедро благословил их и, повернувшись к Дашаратхе, объявил о своем намерении удалиться в Гималаи. Услышав это, Рама, Лакшмана, Бхарата и Шатругна склонились перед святым, чтобы обнять его ноги. Покинув дворец Дашаратхи, Вишвамित्रа направил свои стопы к Джанак и сказал ему те же слова: его заветные желания исполнились и принесли блестящие плоды! Он благословил царя и юных сестер – Ситу, Урмилу, Мандави и Шрутакирти, после чего поведал им, что оставляет мирские дела и собирается уединиться в святых Гималаях. Дашаратха и Джанак, а также все другие, близко знавшие мудреца, пришли в большое смутение; в них боролись противоположные чувства: они не в силах были расстаться с Вишвамитрой, но и не смели настаивать на отмене его решения. В конце концов, сложив к его ногам груз своей бесконечной признательности и собрав в ладони горстки пыли, в которую ступала его нога, они распрощались с ним, приняв его последние благословения.

Миновало три дня после свадьбы, и Дашаратха выразил желание возвратиться в Айодхью. Джанак не пытался препятствовать столь скорому отъезду, а, напротив, тотчас занялся приготовлениями к проводам. Он выбрал среди служанок и придворных тех, кто будет сопровождать принцесс в пути; он нагрузил целую вереницу колесниц тем, что им надлежало взять с собою; он не скупился на щедрые дары – это было множество колесниц, слонов, стада коров и табуны лошадей. Он преподнес юным зятям полные ларцы жемчугов и драгоценных камней, а также несметное число бесценных даров, нужных и полезных для повседневной жизни. На рассвете следующего дня колесницы, запряженные конями в роскошных пополах, были готовы к путешествию. Женщины –

обитательницы дворца – плакали навзрыд; не только они, но и все женщины столицы горевали от предстоящей разлуки с прелестными принцессами.

При мысли о скором расставании проливали горючие слезы и все служанки и няньки, растившие с младенчества Ситу и Урмилу. Матери новобрачных, припадая к рукам своих зятьев, горячо молили их беречь своих дочерей, заботиться о них с любовью и нежностью. Они страстно взывали к юношам: «Принцессы никогда не знали горя и лишений, их воспитывали в доброте и ласке». Они рыдали, будто теряли свет своих глаз. Наконец, после долгих прощаний, все взошли на колесницы и тронулись в путь. Город погрузился в уныние – столь же необъятное, сколь необъятно было веселье, царившее в нем три предыдущих дня.

Разлука с Ситой оказалась тяжелым испытанием для Джанаки; он старался изо всех сил, чтобы обуздать свои чувства и не дать волю слезам; он сопровождал некоторое время Дашаратху и мог говорить только о неземных достоинствах Ситы и умолять царя проявлять к ней любовь и заботу; со слезами на глазах он взял слово с Дашаратхи, что тот будет как можно чаще сообщать ему, здорова и счастлива ли его любимая дочь. Он говорил и о других принцессах, выражая крайнее беспокойство за их будущее. Дашаратха отвечал ему со всей возможной благожелательностью и спокойствием, искренне желая помочь Джанаке усмирить охватившие его ум тревогу и возбуждение. Он сказал: «Джанака! Мы всегда мечтали иметь собственных дочерей! Теперь, наконец, у нас появилась возможность ласкать и лелеять их! Твои дочери отныне для нас как родные! Им ни в чем не будет отказано! Мы сделаем все, чтобы они чувствовали себя радостными и счастливыми. Оставь, наконец, свою печаль и тревогу. Возвращайся домой и не сомневайся в нашей любви и привязанности к принцессам». С этими словами Дашаратха велел вознице остановить лошадей.

Джанака спустился с колесницы царя Айодхьи и подошел к принцессам, сидящим рядом со своими мужьями. Он пожелал им, чтобы боль разлуки с родным домом, где их растили с такой любовью, не отягчала их сердца печалью. Он пожелал им терпения и стойкости и прочитал им в напутствие несколько дхармических изречений, призывающих жен к преданности и покорности мужу и его родным и близким. Он напомнил им, как следует обращаться со слугами и как вести себя в тех новых жилищах, порог которых они собираются переступить. Принцессы коснулись его ног, и он снова обнял их и благословил на прощанье. Перед тем как возвращаться в Митхилу, он оглянулся в последний раз – и, не сдержавшись, разразился рыданиями. Полный скорби, он взошел на колесницу, и кони повлекли ее в Митхилу. Быстро умчались в сторону Айодхьи и колесницы Дашаратхи; вскоре их разделяли многие мили.

Джанака вернулся в столицу и вошел во дворец. Его покои были пусты; нигде – ни единого признака жизни, ни единого всплеска веселья, ни единого радостного звука. Он не мог находиться во дворце ни минуты. Митхила превратилась в обитель скорби. Джанака послал за мудрым Сатханандой и своими верными министрами и, чтобы развеять нахлынувшую тоску, принялся обсуждать с ними всевозможные вопросы, связанные с текущими делами государства. В разгар беседы его ум снова затуманился печалью; собеседники заметили, что речь царя стала бессвязной, и он отвечает невпопад. Видя это, один из приближенных сказал: «О царь! Нам кажется, что разлука с Ситой наполнила твое сердце глубокой скорбью. Никому из отцов еще не удавалось избежать этой боли. Долг всякого отца, выдающего замуж любимую дочь – стараться постепенно ослаблять в своей душе узы страстной привязанности. О, Махараджа! Мы уверены, что тебе это хорошо известно. Мы знаем, правда, и то, что Сита – необыкновенная девушка! Она – ангел, небесная дева. Поэтому разлука с ней для тебя особенно тяжела. О царь! Твои дочери божественны; но те, кому ты отдал их, обладают не меньшим Божественным Великолепием! Глядя на них, кажется, что они снизошли с Небес! Это почувствовал каждый житель Митхилы – будь то юноша или старец. Все они с благоговением склонялись перед братьями! Это поистине чудесное совпадение – что такие женихи

получили таких достойных невест; они во всем идеально подходят друг другу: умом, красотой, интеллектом, высотой духа, положением, здоровьем, знатностью, фамильной честью, святостью рода и глубиной веры. Это – удел лишь избранных. Поэтому не может быть сомнений в том, что твои дочери будут совершенно счастливы. С каждым годом их жизнь будет наполняться все большей радостью». Они напомнили царю о великолепии прошедшей свадебной церемонии, чем немного успокоили смятенный ум Джанаки. Они постарались сделать все возможное, чтобы утешить царя и восстановить его душевное равновесие.

Глава 8 Вызов на бой

Тем временем Дашаратха вместе со своими сыновьями и невестками направлялся в Айодхью, сопровождаемый мудрецами и пандитами, пешим войском, слонами, конницей и колесницами, а также – подданными его царства. Внезапно их остановило дурное знамение, они поняли, что столкнутся с нелегкими испытаниями. Дашаратха подошел к Васиштхе и спросил его: «Учитель! Какое необычное явление! Темные тучи сгущаются и стонут. Дикие звери, тяжело ступая и едва передвигая ноги, собираются вокруг нас. Это ведь им совсем не свойственно! Как это объяснить? На что это указывает? Меня очень тревожат эти предзнаменования». Васиштха, благодаря своему Божественному зрению, видел, что именно означают эти явления. Он сказал: «Царь! Это знаки ужасного бедствия, которое приближается к нам. Тучи режут так страшно! Но то, что звери ходят кругами около наших колесниц, очень знаменательно. Это говорит о том, что бедствие, которое нам угрожает, можно предотвратить. Поэтому тебе не следует так сильно тревожиться». Васиштха успокоил Дашаратху и вселил в него веру. Все стали ждать, как развернутся события.

Внезапно ветер усилился, и поднялась свирепая буря. С пугающим шумом падали на землю вырванные с корнем гигантские деревья. Даже вершины гор надвигались друг на друга. Громовые взрывы потрясали воздух, как будто сама земля раскалывалась на части. Находящиеся в одной колеснице не различали ни тех, кто был позади них, ни тех, кто был впереди: настолько непроницаемой и плотной была поднявшаяся вокруг темная пыль. Лошади и слоны в диком возбуждении бросились бежать. Пешие воины падали без чувств на землю, другие стояли, окаменев от ужаса. Васиштха, Дашаратха и его четыре сына были единственными, кто не поддался страху среди всеобщего смятения. Все остальные лишились мужества и сил. И поистине было отчего! Ибо землю и воздух окутала тьма. Тьма казалась еще более густой из-за ослепляющих вспышек света! И тут перед ними возникла устрашающая фигура, весь облик которой внушал ужас, но ужаснее всего был свирепый взгляд огненных глаз!

Его голову покрывали жесткие спутанные волосы. На одном плече висел огромный обоюдоострый топор, на другом – лук и колчан со стрелами, сверкавшими, как молнии. Он был похож на Трехглазого Шиву, когда тот устремился к крепости Трипура, чтобы уничтожить властвующих там мощных демонов. Когда буря улеглась и его можно было получше рассмотреть, Васиштха узнал в нем Парашураму! («Раму с топором» – предыдущее воплощение Бога Вишну). Но он недоумевал, что привело его в такую страшную ярость, ведь его гнев, направленный против клана кшатриев, давно иссяк – после того, как он полностью разгромил их. Васиштха пытался понять, что могло раздуть огонь в остывшей золе.

Васиштха приблизился к Парашураме с традиционными приветствиями, как бы приглашая его омыть руки и предлагая омыть ему ноги. И хотя тот принял эти знаки доброй воли и сердечного расположения, его глаза, устремленные на Раму, сверкали, как горящие угли. Рама, однако, воспринял это с приветливой улыбкой. Но эта улыбка только

подлила масла в огонь! Гнев Парашурамы вспыхнул с новой силой! И он яростно прорычал: «О сын Дашаратхи! Я слышан о твоих подвигах, которые восхваляют тысячи языков! Я слышан и о том, что ты сломал Лук Шивы словно детскую игрушку! Но все это одни слухи, сам я ничего этого не видел. Вот я и явился сюда, чтобы испытать твою храбрость.

Я принес с собой лук, освященный богами. Он принадлежал Джамадагни, моему достопочтенному отцу. Покажи мне свою мощь! Надень тетиву на этот лук и натяни стрелу! Если не сможешь – выходи сразиться со мной!» Так, не помня себя от гнева, он бросил вызов Рама.

На Раму эта вспышка ярости не произвела впечатления. Он сохранял спокойствие, продолжая улыбаться. «О Бхаргаварама! Мне казалось, что мстительное чувство, которое ты испытывал к кшатриям, уже давно прошло. Почему же оно вернулось? Откуда это извержение злобы, этот бессмысленный гнев?» – спросил Рама. И тогда же, низко поклонившись, жалобным тоном заговорил Дашаратха, обращаясь к Парашураме: «Бхагаван! Ты – брамин. Ты завоевал великую славу. Мои сыновья – лишь слабые подростки. Во имя чего ты хочешь мстить им? Этим злом ты рискуешь навеки заклеить и опозорить свой род. Твои предки изучали Веды и с великим усердием совершали обряды и священные церемонии. Ты сам объявил, пройдя через ритуал Чандраяна, что больше не возьмешься за оружие. Ты сказал, что твои замыслы выполнены, и ты поклялся в этом не кому-нибудь, а самому Индре, когда передавал все завоеванные тобой земли святому Касьяпе. Сам ты решил посвятить остаток своих дней свершению добрых дел, самообузданию и обретению спокойствия и невозмутимости. Ты проводил все свое время на горе Махендра, предаваясь покаянию. И теперь, в полном противоречии с принятыми тобой решениями, ты направил свои мысли на то, чтобы уничтожить мою семью и мою династию! Разве это не страшный грех – действовать наперекор данному слову? После нарушения обещания какая польза в строгой аскезе? Нет Бога выше Истины – разве это не так? Ты бросил вызов Рама и заявил, что будешь сражаться только с ним, но если с моим сыном случится непоправимое, вся моя семья будет повергнута в страшное отчаяние. Нашим жизням придет конец в тот момент, когда беда настигнет его. Брамин, подобный тебе, не должен брать на себя ответственность за гибель стольких жизней! Это не только кощунство, порочащее честь касты браминов, но это – тяжелейший грех».

Парашурама не обращал никакого внимания на слова Дашаратхи. Он как будто бы не слышал их. Его взгляд был прикован только к Рама. Он сказал: «Лук, который ты сломал, и этот – оба они – небесного происхождения. И тот, и другой сделаны Вишвакармой – Божественным мастером. Один был отдан Шиве, чтобы уничтожить демонов крепости Трипура; второй был вверен Вишну. После разгрома демонов Шива отослал свой лук со стрелами, которые он использовал в бою, на хранение царю Деваратхе. Скорей всего, этот лук стал ломким и непрочным после того, как выполнил свое предназначение. Поэтому, сломав его, ты не доказал, что обладаешь непревзойденной мощью и героизмом. Этот же лук еще не выполнил до конца своего назначения, и, следовательно, все еще сохраняет и мощь, и способность к действию. Он заряжен огромной силой и энергией. Возьми его, натяни тетиву и сломай его так же, как ты сломал первый. Вот тебе случай доказать свою силу и геройство. Не расхаживай с важным видом и не кичись горделиво тем, что ты сломал Лук Шивы! Сломай этот и тогда запиши свое имя в анналы доблестных деяний!

Ты, может быть, сомневаешься в том, что это – лук Вишну? – продолжал он, – Сам Вишну передал его на хранение Хиршике, великому мудрецу. Хиршика отдал его своему сыну, Джамадагни. Джамадагни – это мой отец. Он обладал огромными достоинствами, приобретенными аскетическим образом жизни. Он был настолько чист сердцем, что ни ненависть, ни мстительность не были ему ведомы. Он отказался пользоваться оружием. И все-таки нашелся злодей, который убил его – это был Картавириярджуна. Совершилось преступление, невиданное по своей жестокости. Ни один человек не убивал другого таким чудовищным образом. И я решил, что пощады ему не будет. Я должен был преподать ему

урок – я поклялся, что не только уничтожу это чудовище в образе царя, но и всех нечестивых правителей. С того дня я разрезал их на части, а их головами играл, как мячами. Этот лук был со мной во всех моих походах. Я убил многих преступных царей. Я покорил весь мир. Мой гнев против тех, кто был виновен в смерти моего отца, постепенно остыл. Я оставил кровавую месть и начал приносить ведийские жертвоприношения. Я пригласил Касьяпу для совершения яджны, поскольку он был великий святой, достойный за свои деяния высших наград. Я отдал ему завоеванные мною земли как дакшину (ритуальную плату) за проведение яджны. С тех пор я проводил мои дни на горе Махендра, где мой ум обрел покой, а мой разум озарился духовным светом.

Твой отец спросил меня, почему я вновь взялся за оружие и принял воинственный вид, несмотря на мое отречение от ненависти и мщения. Я отвечу тебе, Рама! Два лука были сотворены на Небесах и отправлены на землю. Ты сломал Лук Шивы, а второй лук остался нетронутым. Если и он будет сломан (в моих руках он уже бесполезен, ибо сослужил свою службу), тогда мое отречение будет полным. Поэтому я и хочу, чтобы ты или сломал, или принял его и сохранил. Я жду завершения. Время пришло; и я намерен воспользоваться этим моментом и не упустить его, ибо другого такого случая не представится. Конечно, ты можешь усомниться в том, что битва есть лучший способ проводить время. Но битву следует оценивать по-разному. Она может вестись во имя дальнейшего развития и благоденствия человечества, может содействовать пресечению произвола и поощрению добра. Объявить войну ненужной можно, только если судить о ее целях поверхностно. Надо понять причину войны. Когда тебе нужно наточить нож, ты трешь его о точильный камень. Никому не придет в голову назвать это действие вредным для ножа и осудить его. Поскольку наше тело извлекает силу из пищи, пища должна попадать между рядами крепких зубов и безжалостно пережевываться, превращаясь в кашу. Никто не осудит это действие как насилие над злаками, фруктами, кореньями. Для того, чтобы снабдить тело саттвической пищей и поддерживать его жизнедеятельность, необходимо пройти и через насилие, и через конфликты, и через неизбежную боль.

Теперь – довольно! Мы находимся посередине дороги, на половине пути. Здесь не место останавливаться и предаваться разглагольствованию! Перейдем к делу! Выходи! Натяни тетиву и сломай лук или сразись со мной!» Это был вызов Парашурамы. Лакшмана горел от гнева, слыша эти дерзкие призывы. Он готов был уже вмешаться и дать резкий отпор, но Рама остудил его пыл и сказал: «Это дело не должно тебя касаться. Только я один отвечу на вызов, который мне брошен. Ты поступаешь против принятых правил, когда встаешь между нами. Предоставь мне возможность взять ситуацию в свои руки». Его добрый и дружеский совет заставил Лакшману отступить. Но когда Парашурама начал смеяться над Рамой, издеваться над ним за то, что тот не принимает брошенный ему вызов, Лакшмана не смог сдерживать приступа негодования.

Он закричал: «О Бхаргава! Для Того, кто сломал Лук Шивы, сломать этот маленький лук – невелика работа! И ты из-за этого бросаешь вызов Рама! Да это самое обыкновенное оружие брамина! Это всего лишь пучок травы куша! Я сам смогу сломать его без малейших усилий, играя им как игрушкой! Зачем же призывать Раму для такого ничтожного дела? Я не намерен перекладывать такой пустяк на его плечи». Когда Лакшмана произносил эти слова, Парашурама разъярился еще сильнее. Но Рама принял этот взрыв злобы спокойно и хладнокровно. Он улыбнулся Лакшмане и успокоил его несколькими ласковыми словами. Чем больше распалялся Парашурама, тем сдержаннее становился Рама.

Скоро Парашурама потерял контроль над собой; он дал волю своему языку и стал извергать грубые ругательства. Это заставило сжаться от ужаса сердце Дашаратхи. Слуги и служанки попрыгали кто куда от этого бешеного потока брани. Воины затряслись от страха. Пандиты были объяты ужасом. Сита, однако, наблюдала эту сцену с удивлением, она ее несколько не взволновала и не вызвала никакой тревоги. Она сумела вселить

мужество и уверенность в сердца Урмилы, Мандави и Шрутакирти, когда сказала им, что Парашурама – это хромой шакал в сравнении со Львом – Рамой. Бхарата и Шатругна решили не вмешиваться, услышав, как Рама вразумляет Лакшману. Если бы не это, они тоже участвовали бы в схватке и просили бы Раму позволить им принять вызов и сразиться с Парашурамой. Они ожидали приказов Рамы и стояли в стороне. Мудрый Васиштха, которому ведомо было и прошлое, и будущее, знал, что разыгрываемая сцена является лишь актом Вселенской Драмы. Он стоял неподвижно и молча.

Пребывая в глубоком спокойствии, Рамачандра сказал: «Парашурама! Ты – брамин. Тебя, принадлежащего к высокой касте, почитают кшатрии. Ты являешься родичем преподобного Вишвамитры. Я не считаю себя вправе убить брамина такой высокой касты. Я не считаю себя вправе использовать это священное оружие против тебя. Ты сам только что заявил, что оно принадлежит Сонму Богов, и именно поэтому оно уничтожило всех врагов, все города и все крепости, против которых было направлено. Оно может сокрушить мощь и подавить гордыню любого, с кем бы оно ни столкнулось. Какой же смысл делать его недееспособным? Но если ты очень хочешь – выбирай что-нибудь одно: или я, направив этот лук против тебя, подкошу тебя, и ты уже никогда не встанешь на ноги, или ты, использовав его против меня, навсегда лишишься Высших Миров, которые ты заслужил своим аскетизмом!» Когда Парашурама услышал эти слова, гнев его вспыхнул с новой силой, глаза его налились кровью от злости; он бросился к Рама с криком: «Что ты там болтаешь?!» Рама, насмешливо улыбаясь, дотронулся до лука, висевшего на плече Парашурамы. Эта улыбка больно ранила гордость брамина. Но! – о чудо! Как только рука Рамы прикоснулась к оружию, Парашурама почувствовал страшную слабость. Он лишился энергии и жизненных сил. Рама весь озарился светом, яркость которого никто не мог перенести. Он стоял, распространяя вокруг ослепительное сияние, как будто бы в один миг зажглись бесчисленные светильники. Когда лук оказался в руках своего истинного владельца – самого Нараяны – он также начал излучать свет. Его окружила яркая аура, от которой как молнии исходили лучи. Боги, собравшиеся в небесах, обрушили на Раму, державшего лук, ливень из цветов. Звуки божественной музыки наполнили небо.

И тогда на лице Парашурамы расцвела улыбка! Он сказал: «Рама! Ты видишь теперь, что совершилось! Я испытал восторг от Явления Божества, от твоего Божественного Величия! Много лет назад я отдал в дар Касьяпе эти земли. Принимая их, святой Касьяпа предупредил меня, чтобы я больше никогда не переступал границ его владений, а если я все-таки это сделаю, то не должен буду оставаться здесь ночью. И вот теперь уже темнеет, и я не могу больше задерживаться. Я должен спешить обратно – к горе Махендра. Ведя суровейшую жизнь аскета, я завоевал право на небесные пределы. Сломай лук и вместе с ним сокруши мощь, которой я овладел. Вся моя мощь теперь – твоя. О Рама, смотри! Я предлагаю тебе силу, завоеванную мною».

С этими словами он подошел к Рама, крепко обнял его обеими руками и прижал к себе. И в тот же миг три грани единого Божественного Начала, которые жили в нем так долго, покинули его и проявились в Рама. Тогда Парашурама обратился к Рама с такими словами: «Рама! Миру трудно постигнуть тайну Божественного. Даже те, кто, подобно мне, обрели великое могущество путем отрешенности и аскетической практики, более полагаются на свои собственные духовные силы, чем на воздействие Божественного Промысла Вишну».

Поэтому мой долг отныне – открыть миру твою сущность и подлинную силу. Я передал тебе как дар мою мощь. Я еще раз доказал, что ты есть всевластный Вишну, Бог, наделенный исключительной силой, Бог, который управляет Великой Игрой Вселенной. Нет ничего, что было бы недоступно тебе, ничего, что не было бы тобой. Ты есть все. И все – твое. Мне выпало счастье владеть некоторое время твоим священным луком, вследствие чего я добился почитания у мира. Это и есть мое завоевание. И это – мое приношение тебе». С этими словами Парашурама исчез.

Рама передал лук и стрелы Богу Варуне с улыбкой невозмутимого спокойствия. Он простерся ниц перед Васиштхой и Дашаратхой, которые стояли рядом с ним. Дашаратха ана это время трепетал от страха, представляя, какое зло мог бы причинить его сыну этот ужасный призрак, какие бедствия мог бы он наслать на него. Но теперь Дашаратха освободился от тревог. Он притянул к себе Раму и приласкал его. Он повернул к себе лицо сына, держа его за подбородок, и не мог найти нужных слов, чтобы выразить ему свои чувства. «Дорогой сын! – сказал он, – я несказанно счастлив! Я так боялся, что больше никогда не увижу тебя! Твоя решительность, твое мужество, твой героизм так велики, что их трудно постигнуть! И он принялся хвалить и превозносить Раму за его подвиг. В ответ Рама сказал: «Дхарма должна победить! Победа всегда сопутствует справедливости. На начальных этапах борьбы возникают и страх, и препятствия, которые кажутся ужасными и непреодолимыми. Может даже наступить помрачение ума. Могут появиться мысли об отступлении и поражении. Но вместо того, чтобы поддаться им, склониться перед ними, нужно сосредоточить все внимание на цели борьбы. Тогда отступлению не будет места. Тогда поражение станет невозможным. Люди не проникают глубоко в истину о могуществе Дхармы. Внешние трудности и заботы увлекают их за собой, и они уходят в сторону от истинного пути и обрекают себя на страдания. То, что случилось, случилось во благо. И я приписываю это твоим благословениям».

Сказав это, Рама вновь припал к ногам своего отца. «Вооруженное войско ждет твоих приказов, чтобы продолжить путь в Айодхью. Передай им свою команду,» – сказал Рама. От этих слов Дашаратха пришел в радостное настроение. Он сказал: «Сын! Отчего же мы медлим? Горе и радость сменяют друг друга и своим воздействием смущают ум и ослабляют тело. Мы направляемся в нашу столицу с надеждой, что будем жить там счастливо». Он призвал к себе министров и распорядился, чтобы они отдали команду войску собираться в дорогу.

Воины приняли это известие одобрительными возгласами и двинулись вперед. Интермедия страха закончилась. Весь остаток путешествия Дашаратха, находясь под сильным впечатлением от происшедшего, вновь и вновь перебирал в памяти удивительные события дня. Когда они приближались к Айодхье, вперед были посланы гонцы-кшатрии для того, чтобы известить жителей города о прибытии царя с сыновьями и невестками. Память о великолепии, которое они видели в Митхиле, и о славном подвиге, свидетелями которого они были по пути домой, придавала ногам гонцов такую скорость, что они устремились к городу как стрелы, выпущенные рукой лучника. Они объявили, что Рама, Лакшмана, Бхарата и Шатругна въезжают в столицу вместе со своими юными женами и что Дашаратха послал их, чтобы передать эту радостную весть.

Жители Айодхьи украсили и расцветили улицы и дома так нарядно, как только могли. К столбам по обе стороны дороги они привязали листья банановых деревьев, на верхушки столбов повесили пучки кокосовых орехов, разбрызгали розовую воду. Фейерверки распределили по одной линии, чтобы они образовали сплошной поток ярких вспышек и веселого хлопанья. Музыканты с инструментами заняли места по всему пути следования процессии. Все ждали с глубоким чувством радости прибытия царской семьи и, считая каждую минуту, всматривались вдаль. Женщины в шалих толпились у окон и на террасах домов или выглядывали из-за занавесей.

Наконец царь Дашаратха въехал в столицу своего царства Айодхью вместе с сыновьями и невестками. Как только они появились, грянула ликующая музыка. Люди с великим воодушевлением выкрикивали приветствия, они кричали до хрипоты: «Джей, Джей!» Женщины размахивали светильниками, бросали на дорогу цветы и разбрызгивали розовую воду. Четверо юных принцев были подобны ярким звездам. Когда горожане увидели это восхитительное и благородное зрелище, они забыли, где они находятся и кто они такие. Их радость не знала границ. Сколько они ни смотрели, им все казалось мало, их жажда не утолялась, и поэтому они пошли вслед за процессией к городу, чтобы не отрывать от нее взгляда. Теперь, когда они достигли дворцовых ворот, путь был

полностью завершен. Здесь уже стояли брамины, чтобы пропеть в честь новобрачных ведийские гимны с добрыми пожеланиями счастья и процветания. Девушки размахивали светильниками и совершали обряды, призванные отвести дурной глаз. Они пригласили юных жен войти во дворец.

У входа в зенану (женскую половину дворца) уже стояли царицы – Каушалья, Сумитра и Кайкейи, ожидая со страстным нетерпением прибытия невесток. Они опрыскали их душистым сандалом, вплели им в волосы цветы и запечатлели красные точки у них на лбу. Когда же появились сыновья, сердца цариц переполнились радостью. Они привлекли их к себе, ласкали их, глядя их головы и лица. Они одарили их своими благословениями, после чего сыновья и невестки простерлись ниц перед тремя матерями; из их глаз струились слезы радости, ибо их счастье не знало предела. А девушки-служанки уже подносили на золотых блюдах рис, сваренный в молоке. Матери положили горсточку риса в рот новобрачным и дали им выпить молока. Затем все направились во внутренние покои. Вечером знатные женщины Айодхьи были приглашены во дворец принять участие в традиционной ритуальной церемонии приветствия новобрачных. На специальном возвышении, богато и пышно украшенном, были расставлены золотые сиденья. Царицы внесли в зал нарядные одежды и украшения из драгоценных камней, собранные в искусные узоры. Они поручили служанкам помочь принцессам одеться, а сами внимательно наблюдали за этой церемонией. Потом, взяв невесток за руки, они отвели их к возвышению, чтобы те заняли свои места. В это время Рама, Лакшмана, Бхарата и Шатругна, одетые в одежды принцев, украшенные драгоценностями и увенчанные коронами, вошли в зал. Каждый сел по правую руку от своей молодой жены. Матери и приглашенные из города гости не могли отвести восторженных взглядов от этого великолепного зрелища; они ощутили, что их переполняет Ананда. Пока совершалась эта церемония, за пределами дворца народу раздавались щедрые дары – коровы, деньги, золото, земли, зерно, повозки и лошади.

Брамины взошли на помост и под аккомпанемент ведийских песнопений возложили на головы новобрачных освященные зерна риса. Замужние женщины размахивали перед ними ста восемью светильниками, чтобы отвести дурной глаз. После этого сыновья поднялись и вместе со своими женами простерлись ниц перед матерями, отцом и Гуру Васиштхой. Затем они удалились в свои собственные покои.

Глава 9 Приготовление к коронации

Тем временем царевич из Кекайи, дядя Бхараты по материнской линии, подошел к Дашаратхе и сказал, что прошло уже много времени, как он покинул свое царство. «Мой отец ждет меня, он хочет, чтобы я вернулся. Он был бы очень рад присутствовать здесь на этих празднествах. Он ведь до сих пор ничего не знает о женитьбе Бхараты и будет очень огорчен, когда услышит, что свадьба его внука уже отпразднована – без него. Это огорчение можно в какой-то степени рассеять, если Бхарата поедет сейчас со мной; мы устроим там праздник, который принесет моему отцу радость и удовлетворение».

Дашаратха посоветовался со своими женами и призвал к себе Бхарату. «Сын! Твой дядя по матери Юдхаджит просил меня еще в Митхиле отпустить тебя с ним в его царство. Но я не дал согласия. Теперь я узнал, что твой дед очень хочет увидеть тебя. Поэтому готовься отправиться в путь вместе со своим дядей». Так решил Дашаратха. Бхарата сказал: «Отец! Хорошо было бы, если бы и Шатругна поехал с нами». Были отданы необходимые распоряжения, и оба брата вместе со своими женами отправились в Гиривраджу.

Бхарата вместе с женой покинул Айодхью, движимый чувством уважения к старшим. Против отцовского повеления не было представлено ни единого довода, не было

высказано ни единого возражения. Бхарата был наделен высоким интеллектом, к тому же он умел безупречно владеть собой, своими чувствами и желаниями. Путешествие Бхараты, Шатругны и их жен прошло успешно, и они прибыли в столицу Кекайи Гиривраджу. Дед был счастлив увидеться с ними, он приласкал их, расспрашивал о здоровье и благополучии обитателей Айодхьи. Он заметил, что прибывшие выглядят усталыми после долгого пути и настойчиво просил, чтобы они отдохнули. Он проводил их в отведенные для них покои. Со времени их приезда он обращался с ними заботливее и ласковее, чем с собственными детьми и внимательно следил, чтобы исполнялись все их желания.

Несмотря на неусыпные заботы деда о том, чтобы им было удобно и радостно, братья все время ощущали какое-то скрытое беспокойство; скоро они поняли, что не могут переносить разлуку со своим престарелым отцом и Рамой, который был самым дыханием их жизни. Они постоянно говорили между собой только о Дашаратхе и Рама. Тревога о здоровье и благополучии отца все время, помимо их воли, терзала их и лишала душевного покоя.

Пока братья отдавались этим чувствам в Гириврадже, в Айодхье в жизни Дашаратхи не было такой минуты, когда бы он не тосковал о сыновьях. Без них он ощущал пустоту. Он без конца задавал себе вопрос:

«Зачем я только отпустил их от себя? О, как бы было хорошо, если бы я не согласился на их отъезд!»

Четверо сыновей были для Дашаратхи все равно что четыре руки. Теперь ему казалось, что две из них оторвались. Однажды Рама заметил, что отец погружен в мысли о разлуке с Бхаратой и Шатругной. Он подошел к нему, сел рядом и с такой нежностью стал говорить с ним, что Дашаратха почувствовал себя счастливым. Рама был необычайно ласков. Как бы грубо с ним ни говорили, он выказывал в ответ лишь мягкость и приветливость. Если другие причиняли ему боль или доставляли неприятности, он никогда не помнил зла. Он искал лишь случая, чтобы проявить доброту и услужить другим. Как только он находил время, он обсуждал со старыми монахами, почтенными браминами и мудрецами кодекс правильного поведения и моральных норм. Простыми и ясными словами он раскрывал тайны ведийской мысли и, как обыкновенный ученик, ставил перед пандитами вопросы, требующие разъяснения. Старцы и ученые, глубоко постигшие Веданту и философскую мудрость, приходили в восторг от тех суждений, которые высказывал Рама по сложным проблемам, им же самим поднятым. Они на тысячи ладов хвалили его ум и ученость.

Рама начинал разговор со своими подданными до того, как они сами были готовы обратиться к нему – так горяча была его любовь к ним. Он дружески расспрашивал об их благополучии и был полон симпатии к ним. Поэтому и подданные любили его как самого верного друга и дорогого родственника и уважали его за его искренний интерес к ним. Рама строго следовал жизненным правилам, диктуемым древней традицией, несмотря ни на какие неудобства и препятствия, с которыми ему приходилось сталкиваться. С кем бы он ни говорил, на лице у него всегда была чарующая улыбка, веселый огонек в глазах и неизменная мягкость в тоне и словах. Никто никогда не замечал ни малейших следов гнева, недовольства, отчаяния или ненависти на его лице.

Он воплощал собою сострадание и отзывчивость. Он всегда готов был прийти на помощь тем, кто подчинял свои желания долгу. Недостойные склонности, добычей которых легко становились члены царских семей, были ему глубоко чужды. Он не был жертвой дурных привычек – болтливости и праздности. Напротив, если кто-то демонстрировал перед ним силу своих доводов в споре, он никогда не позволял себе приводить более умные и веские аргументы и тем самым ставить собеседника на место. Он не был подвержен ни телесным недугам, ни душевному расстройству. Рама легко распознавал нужды людей, и еще до того, как они обращались с ними к правителю, он, получив позволение Дашаратхи и поставив в известность министров, откликнулся на

жалобы подданных и удовлетворял их просьбы. Дашаратха никогда ему в этом не препятствовал; наоборот, он с готовностью шел навстречу всем пожеланиям Рама. Рама обращал пристальное внимание на малейшие детали в управлении страной и принимал меры, чтобы запутанные дела и трудные проблемы, подобные уже решенным, не возникли вновь. И еще одно качество было присуще Рама: он никогда не заявлял заранее о своих планах или намерениях. Пока они окончательно не созрели и не оформились в его голове, никто о них не подозревал. Его недовольство, возмущение или чувство удовлетворения никогда не были беспочвенными. Приняв решение, он никогда не медлил; он не позволял себе отвлекаться на посторонние дела и никому не давал ввести себя в заблуждение. Обладая такими высочайшими достоинствами. Рама сиял во славе. Дашаратха приходил в восхищение, видя, каким праведным путем завоевывает Рама любовь и уважение народа. Он слышал от министров, жрецов и многих других людей о растущей популярности Рама, и это наполняло Дашаратху великой радостью.

Однажды ночью махараджа почувствовал жажду, ему захотелось выпить немного воды; он не стал беспокоить спящих цариц и сам налил себе в маленькую чашу воды из кувшина, стоящего у кровати. Когда он пил, он почувствовал, что в его руке нет твердости: пальцы дрожали! Больше он уже не смог заснуть. Множество мыслей пронеслось в его голове, и он осознал, что старость приводит к бессилию. Дашаратха решил, что не должен более управлять своим царством. Любая попытка властвовать над людьми, когда утрачена физическая мощь и ослабела воля, когда нет уверенности в собственных силах, может обернуться беспорядками и бедствием. Он считал минуты до наступления рассвета, чтобы сообщить о своем решении министрам. Наконец ночная тьма рассеялась и пришел день.

Окончив утренние омовения и совершив молитвенный обряд, он приказал придворным созвать министров, жрецов, предводителей каст и сословий во дворец для участия в специальном совете. Подчиняясь приказу царя, все, кого он пожелал видеть, сразу же собрались и стоя ожидали его появления. Дашаратха припал к ногам Васиштхи и рассказал ему о случае, который произошел ночью, и о том, какой поток мыслей он вызвал. Он сказал, что решил переложить бремя царской власти на Рама. Он просил, чтобы этот шаг не вызвал никаких возражений. Он хотел, чтобы для осуществления его плана все приготовления были сделаны как можно быстрее.

Главный министр Сумантра объявил о решении царя всем собравшимся – министрам, придворным, горожанам, браминам, жрецам и пандитам, которые приняли это известие с радостным одобрением. Они восклицали: «Субхам; Субхам!» (О, как прекрасно! На нас снизошло большое счастье!) Их возгласы и рукоплескания эхом отдавались в небесах. Васиштха поднялся со своего места и сказал: «Царь! Ничто не должно тебя тревожить. Рама, как никто другой, подходит для этой великой роли. Однако мы могли бы позволить себе несколько повременить с этим событием и отпраздновать его со всей торжественностью, пригласив всех тех, кого бы мы захотели здесь видеть. Я считаю, что следует подождать месяц или два, чтобы коронация Рама совершилась со всей грандиозностью и великолепием».

Но Дашаратха воскликнул: «Махатма! Знания твои беспредельны, ты – всеведущ. Когда царь теряет силу, он не заслуживает того, чтобы удерживать бразды правления в своих руках. Нет ничего хорошего, когда ослабевший к старости правитель продолжает с упорством держаться за свой трон. Это говорит о корысти, притаившейся в его сердце. Если бы я, понимая все это, оставался у власти, я изменил бы долгу, который столь ясно осознаю. Прости меня, но не пытайся отложить эту церемонию! Позволь мне объявить Рама Ювараджей (законным Престолонаследником) в течение последующих двух или трех дней». Так молил Дашаратха в великом смирении и с глубоким почтением.

Васиштха поднял Дашаратху с колен и благословил его. Он сказал: «О Царь! Женитьба Рама тоже совершилась так поспешно! Она упала с небес как Милость Божья! Народ твоей страны, твои подданные не имели возможности разделить радость этого, так

быстро происшедшего события. Если решение о Коронации и ее праздновании будет принято так же внезапно, это огорчит и обидит не только властителей многих стран на этой земле, но, более того, это будет источником большой печали для братьев – Бхараты и Шатругны. И Джанака, который стал теперь твоим родственником и другом, не сможет присутствовать при коронации. Я считаю поэтому, что ты должен серьезно обдумать все эти обстоятельства, прежде чем назначить точный день церемонии».

Поднялся главный министр и сказал: «Пусть простит меня достопочтенный наставник царской семьи! Решение царя оценили и приняли все присутствующие. Рамачандра, как говорит само его имя, подобен Луне, которая гонит палящий зной и сохраняет для всех покой и прохладу. Он утишает боль, вызванную ненавистью, злобой, жадностью и завистью. Не следует откладывать провозглашение Рамы Ювараджей по какой бы то ни было причине. О царь! Мы просим тебя уже сейчас отдать необходимые распоряжения. Я молю тебя об этом от имени всего твоего народа».

Поскольку царь и главный министр так настойчиво просили Васиштху, тот не мог более держаться своей позиции. Он сказал, что необходимо узнать, что сам народ думает об этом. Тогда Дашаратха встал и охватил единым взглядом всех собравшихся – министров, горожан, пандитов, священнослужителей и других участников большого совета. Все они шумно приветствовали благородное решение, и звук их голосов был подобен грому! Посреди этого всеобщего волнения один горожанин, принадлежавший высокому сословию, встал и воскликнул:

«Махараджа! Могущественные властители твоей династии заботились о нас, подданных, как о своих детях! Царство Кошала достигло процветания и мира благодаря любви и заботам потомков Икшваку. Твой старший сын Рама богат добродетелями, он свято верен идеалам справедливости и своим героизмом не уступает Царю Богов; кроме того, он наделен способностью управлять всеми тремя мирами. Это поистине счастье для нас, что ты выдвинул идею короновать его как Ювараджу. Не сомневайся в том, что для нас это – знак счастливой судьбы».

Поскольку горожанин говорил так от лица всех подданных государства, Дашаратха обратился к собравшимся: «Уважаемые члены большого совета! Я в течение всех этих лет управлял царством, идя путем, проложенным моими предками, и обеспечивал его благоденствие и процветание всеми доступными мне средствами, искренне желая принести пользу всему миру. Всю мою жизнь я провел под сенью белого балдахина, находящегося над моим тронem. Теперь я состарился. Я понял, что жизненные силы покинули мои члены. Этому ослабевшему телу нужно дать возможность отдохнуть. Я принял это решение. Управлять царством – трудная задача, ответственная миссия, требующая полного подчинения Дхарме, или Праведности. В ходе правления придерживаться Дхармы и не порывать с ней может только тот, кто постоянно и неотступно следует своей Садхане и кто способен осуществлять строгий контроль над чувствами. Я нес это бремя так долго, что полностью истощил свои силы. Если вы одобряете и поддерживаете мой план, я изложу вам его более подробно. Я никогда не стану действовать против вашего выбора и ваших желаний».

Не воспринимайте это как давление на вас, не думайте, что я навязываю вам свою волю, что это – царский указ, которому вы обязаны повиноваться. Я оставляю вам свободу выбора и суждений. В случае, если у вас возникнут другие, лучшие предложения, вы имеете полную возможность представить их нам для открытого и беспристрастного обсуждения. Поэтому посоветуйтесь между собой и доложите мне до наступления ночи, на чем вы порешили».

Еще до того, как Дашаратха закончил свое обращение, все собрание забеспокоилось и пришло в волнение, как стая павлинов под затянутым тучами небом, готовым разразиться грозным ливнем! Все громко выражали свое согласие, выкрикивая слова благодарности и радости: «Твое желание – это наше желание! Никакой другой дар нам не нужен! Вручи нам этот подарок! О, это поистине великое счастье! Замечательная удача!»

Юварадж Рамачандраджики! Джей! Джей! Дашаратха! Рама!» Шумные одобрителльные возгласы сотрясали небесный свод. Наблюдая всеобщее ликование подданных, Дашаратха почувствовал, что к его радости примешивается некоторое смущение и беспокойство.

Он стоял, пораженный этим стихийным и искренним взрывом преданности и любви. Овладев через некоторое время собой, Дашаратха устремил взор на собравшихся и начал говорить. «Члены совета! Для меня нет ничего важнее, чем принять ваши пожелания как выражение воли народа. Я без колебания короную Раму как Ювараджу. Но у меня появились некоторые сомнения. Сказав вам о них, я хочу, чтобы вы меня успокоили. Мне очень важно, чтобы я был удовлетворен правдивостью и непредвзятостью ваших оценок. Дело в том, что когда я готовился вынести на обсуждение совета предложение о коронации Рамы как Ювараджи, даже до того, как я заговорил об этом, вы заявили, что я должен короновать его без колебаний, ибо он обладает безграничными способностями управлять царством. Если смотреть фактам в глаза, становится ясным, что вас не во всем удовлетворяет мое правление, или вам кажется, что некоторые из моих законов направлены против ваших интересов и потребностей? Или, может быть, я пытался противостоять Дхарме? Или вы так жаждете коронации Рамы как Ювараджи из-за того, что сомневаетесь в моей способности руководить вами во имя вашего блага? Я призываю вас честно и безбоязненно указать мне на ошибки и пробелы, которые я допустил. Я буду лишь приветствовать это откровенное признание».

Сразу же поднялся один из предводителей сословий и ответил: «Способности и ум Рамы невозможно описать. Но ты, о царь, равен Богу Богов и наделен тем же божественным состраданием, что и Шанкара, и той же готовностью даровать подданным все, о чем они тебя просят. Ты подобен Вишну в своей способности защитить нас. Было бы низкой и подлой неблагодарностью оклеветать твое царствование. Те, кто могли бы сделать это – страшные грешники. Ты пришел к своему решению только потому, что желаешь нам добра и всей душой стремишься сделать нас счастливыми. Мы беспрекословно подчиняемся твоему приказу». При этих словах Дашаратха повернулся к верховному жрецу: «О величайший из браминов! Ты слышал выражение народной воли. Не откладывайте далее. Приготовьте все необходимые предметы и ритуальные принадлежности для церемонии коронации, – распорядился Дашаратха, охваченный нетерпеливым возбуждением. – Воздвигните, как то предписывают священные тексты, особое ограждение и высокий помост для сопутствующих обрядов и размещения предметов культа и отведите место для сооружения жертвенных алтарей».

Он упал к ногам святого наставника Васиштхи, прося его возглавить приготовления к церемонии. «Учитель! Присутствовать будут все, кто сможет это сделать. Не станем откладывать, ожидая тех, кто должен приехать издалека. Они разделят нашу радость, когда узнают, что Рама коронован. Не посчитай, что важной причиной для перенесения церемонии является необходимость пригласить правителя Кекайи или Джанаку и ожидание их прибытия. Дай соизволение совершить священный обряд коронации как можно раньше», – он просил и молил, склонясь перед Васиштхой с молитвенно сложенными ладонями.

«Махараджа! – ответил Васиштха. – У меня уже все готово; мы сможем начать, как только ты пожелаешь. Я распорядился, чтобы сто священных кувшинов, шкура тигра, закрытое жертвенное место со всеми его атрибутами, предметы для ритуального поклонения, перечисленные в священных книгах, травы и цветы, чтоб все это было приготовлено к рассвету завтрашнего дня. Я дал указания, чтобы все четыре рода вооруженного воинства были в лучшей форме, а также чтобы слон Шатрунджая, обладающий всеми Божественными приметами, упомянутыми в Шастрах, был украшен с особой пышностью; Белый балдахин царской власти и флаг царской династии будут внесены во дворец. Нами уже выбран благоприятный момент: церемония свершится завтра». Когда Васиштха объявил эту добрую весть, народ пришел в состояние экстаза, чувство благодарности переполняло сердца людей, и они ликовали от восторга.

Дороги были тщательно подметены и очищены, их разрисовали искусными и причудливыми узорами, такие же рисунки появились на стенах и фасадах домов, выходящих на улицу, всюду повесили гирлянды, над улицами появились празднично разукрашенные арки, были раскинута навесы и тенты. Каждый горожанин трудился, и каждый чувствовал себя счастливым. Весь город работал быстро и увлеченно. Брамины и знатные горожане распрощались с Дашаратхой и вышли из дворца, и это был настоящий поток веселого возбуждения и радостных голосов. Министры и Васиштха проследовали во внутренние залы дворца вместе с царем. Дашаратха послал за Рамой и, встретив его в зале для торжеств, стал объяснять ему все подробности церемониала и ритуала, связанные с коронацией. Царь напомнил ему, что он должен быть готов до рассвета, и описал те предварительные обряды, которые ему надлежало совершить. Лакшмана услышал новость; он бросился к Каушалье, матери, чтоб передать ей радостную весть и поделиться с ней своим восторгом. Она не могла скрыть своего счастья; она с нетерпением ожидала, когда Рама появится перед ней. Оставалось уже совсем мало времени. Весь город находился в напряженном ожидании и возбуждении. Жители деревень, расположенных за много миль, и даже тех, что находились в соседних государствах, узнали об этом очень скоро, ибо добрые вести распространяются с необычайной быстротой. И никто не ожидал соседа; едва только кто-то узнавал новость, он тотчас спешил в столицу. Людской поток заполнил все дороги, ведущие в Айодхью, и превратился в бурное море.

Рамачандра слушал подробные разъяснения Дашаратхи, но не отвечал ему, его чувства не могли уместиться в словах. Он не мог выразить тех мыслей, что пронеслись в его уме, и стоял молча. Тогда Дашаратха обратился к нему: «Сын! Почему не вижу я в тебе признаков радости? Ведь завтра ты будешь коронован как Ювараджа! Разве тебе не хочется стать Ювараджей? Или, может быть, я вижу на твоём лице выражение беспокойства и страха из-за того, что мы возлагаем на тебя бремя царствования?» Несмотря на долгие расспросы и ласковые призывы, Рама по-прежнему стоял перед царем молча будто язык его был связан. Наконец он сказал: «Отец! Я не пойму, отчего ты действуешь с такой поспешностью. Моих дорогих братьев – Бхараты и Шатругны – нет с нами. Дед – далеко отсюда и никак не сможет прибыть вовремя. Властелины других государств, царевичи, правители, подвластные тебе – всем им нельзя будет принять участие в коронации. Мне тяжело, когда я думаю о том, как сильно мы огорчим и разочаруем такое большое число людей. Трудно принять мысль о торжественном празднестве, когда столь многим будет причинена боль!» Прося простить его за эти чувства, Рама припал к ногам Дашаратхи.

На слова Рамы ответил Васиштха: «Рама! Все эти возражения уже высказывались нами. Не думай, что мы спокойно приняли волю царя. Мы обсудили все «за» и «против», мы выслушали мнение народа прежде, чем пришли к окончательному решению. Не поднимай вновь эти вопросы; уважь желание царя. Коронация и помазание должны свершиться завтра. Тебе надлежит еще принять несколько обетов. Ты не должен лежать на мягкой постели; тебе и Сите следует соблюдать строгий пост. Когда займется день, ты и Сита, умастив головы священными маслами, совершите ритуальные омовения. И именно в это время благодатная звезда Пушья, выбранная астрологами для священного ритуала, засияет на небе. А теперь – возвращайся в свой дворец и оставь всякие сомнения».

Как только наставник закончил свою речь, Рама припал к его ногам и, низко поклонившись отцу, проследовал в свой дворец, сопровождаемый Сумантрой, преданным министром. Теперь он уже не колебался. Он сообщил новость Сите и спешно направился в покои своей матери. Он склонился перед нею. Она бережно подняла его и, преисполненная радости, нежно приласкала. Она наказала ему передать в дар браминам, как знак благодарности, лучших коров, которых она держала для этого случая, и чьи рога она увила богатыми украшениями. Она велела ему раздать народу множество различных даров. Лакшмана и его мать, Сумитра, были здесь же. Каушалья усадила Раму рядом с собой и, вытирая текущие ручьями слезы радости, сказала: «Сын! Я долго ждала этого

бесценного дня, и мое страстное желание осуществилось. Я счастлива. Моя жизнь приобрела смысл. О самое дорогое мое сокровище! Мой золотой сын! С завтрашнего дня ты – Ювараджа! Живи долго! Правь царством! Пусть благоденствие народа всегда будет твоим идеалом; пусть твоё царствование будет счастливым и мирным и согласуется с требованиями справедливости и морали; храни незапятнанной свою честь и поддерживай добрую память и славу царей этой династии; добейся мощи и величия еще больших, чем те, которыми обладает твой отец. Когда ты достигнешь всего этого, я буду чувствовать, что жизнь осуществила мои надежды и что мои обеты, посты, бодрствования принесли плоды».

Каушалья, мать, ласкала Раму, гладила его кудри и произносила нежные слова благословения. Она давала ему много ценных советов, к одному из которых Рама отнесся с особым вниманием. Он шутливо обратился к Лакшмане, невинно поддразнивая его: «Брат! Скажи-ка, в каком царстве живет Раджьялакшми, мечтающая о таком красавце, как ты?» Лакшмана, вспыхнув, поспешно ответил: «Брат! Я не желаю вступать в брак ни с какой Раджьялакшми. Только в твоём царстве я буду чувствовать себя счастливым, выполняя любые ответственные обязанности, которые ты мне доверишь». С этими словами он припал к ногам Рамы!

Тот отвечал: «Лакшмана! Ты – мое дыхание. А потому половина ответственности в управлении государством ложится на тебя. Так что приготовься к тому, что тебе придется носить, как и мне, драгоценности и царственные одеяния. Ты возьмешь на себя половинную долю моего бремени, моего счастья, моей славы и успеха. Ты владеешь половиной доли во всем, что я есть, и во всем, чем я буду».

Когда Рама произносил эти слова, Сумитра лила слезы и благословляла Раму и Лакшману. Она сказала: «Рама! Любовь, которая соединяет тебя и Лакшману, приносит мне огромное счастье. Моему сыну не нужно более высокое положение, чем быть твоим слугой. Если он сможет навсегда сохранить твою любовь и привязанность, этого для него довольно». Услышав эти слова, Рама припал к ногам Сумитры и Каушальи и, поднявшись, направился в свой дворец. Лакшмана сделал то же и последовал за Рамой. В полночь Рама приступил к исполнению обетов ритуального поста. Он лег на циновку, сделанную из священной травы куша.

Глава 10 Два желания

Город наполнился звуками ведийских гимнов. В золотых кувшинах слуги принесли воду из священной реки Сарайю для ритуального омовения Рамы и Ситы. Пандиты возносили к небесам молитвенные песнопения, призывающие богов даровать благословение будущему Радже. Волшебная гармония мелодий проникала в самое сердце.

Мантара, служанка Кайкеи, возвращаясь вечером во дворец госпожи, заметила, что народ охвачен радостным возбуждением. Окликнув одного из прохожих, она узнала, что причина всеобщего ликования – приближающаяся коронация Рамачандры. Она увидела также снующих повсюду служанок из дворцов Каушальи и Сумитры, одетых в белоснежные сари и украшенных драгоценными жемчугами. Она была не в силах вынести это зрелище. По ее телу побежали жгучие мурашки, будто ее жалили тысячи скорпионов. Она помчалась во дворец Кайкеи и, обнаружив, что царица уже удалилась во внутренние покои, поспешила к двери опочивальни и пронзительно закричала: «Госпожа! Госпожа! Открой дверь! Неотложное дело! Твоя жизнь в смертельной опасности! Грядет великое потрясение!» Услышав этот нескончаемый и бессвязный поток возбужденных возгласов, царица немедленно открыла дверь и в ужасе воскликнула: «Что случилось? Какая беда с тобой стряслась? Обрушились дома? Что тебя так напугало и встревожило?» «Нет, со мной все в порядке! Но твоя жизнь вот-вот рухнет! Вскоре ты превратишься в нищенку,

измученную тяжкими заботами!» – так сказала Мантара. Обливаясь слезами, жестикулируя и гримасничая, она громко причитала, описывая царице ее жалкую участь.

Кайкеи не могла взять в толк, в чем причина паники, охватившей Мантару. «Махараджа здоров, не правда ли? А Рама, Лакшмана, Каушалья, Сумитра? С ними ничего не случилось? Если это так, и им не угрожает никакая опасность, мне не о чем беспокоиться. Чего я должна бояться? Если с кем-нибудь из них приключилась беда, скажи мне, Мантара! Скажи, не медля!» – царица повернула к себе лицо Мантары и, ласково взяв ее за подбородок, мягко, но настойчиво потребовала ответа. Мантара ответила: «Ничего страшного не произошло ни с кем из тех, о ком ты говоришь. Но они собираются... снести с плеч голову твоего сына!» – и она разразилась душераздирающими воплями. Кайкеи резко возразила: «Ты глубоко ошибаешься, Мантара! Махараджа – не тот человек, который на такое способен! То же самое относится и к Раме, и к Лакшмане, и к моим сестрам – Каушалье и Сумитре. Мои сестры любят моего сына больше, чем своих собственных детей. Твое утверждение говорит о том, что у тебя помутился рассудок, только и всего! Это неправда! Однако ты до сих пор не рассказала мне, что же на самом деле произошло. Успокойся и поведай обо всем по порядку».

Мантара ответила: «Что произошло? Завтра на рассвете Рамачандру венчают на царствование. Он станет Ювараджей'. Старшая царица, в порыве неудержимой радости, раздаст служанкам дорогие шелковые сари и жемчуга! Она велела Раме жертвовать браминам множество коров и горы золота! Все они поглощены приготовлениями к торжеству, а о тебе вовсе позабыли. Я не в силах терпеть эту несправедливость. Я не выдержу этого! Ты наслаждаешься и веселишься, не подозревая, что чаша твоей счастливой судьбы исчерпана до дна! Твое счастье ускользает от тебя! Твой муж и прочие царицы откровенно тобой пренебрегают! Еще немного – и ты превратишься в презренную служанку. Советую тебе быть бдительней, иначе тебе не избежать унижений! Открой глаза! Пора осознать все страшные последствия, которые принесет тебе эта коронация, и начинать действовать. Подумай о тех средствах, которые помогут тебе избежать нависшего над тобой несчастья; оно быстро надвигается!

Когда Рама станет Ювараджей, вся власть над державой окажется в руках Каушальи, запомни это! Ты будешь плясать под ее дудку, как и все остальные». Хитрая и коварная Мантара, искусно притворяясь, проливая горючие слезы, чтобы убедить Кайкеи. Царица, хотя и тронутая ее страстной привязанностью, отнюдь не была убеждена в правоте ее доводов. Она сказала: «Мантара! Что случилось с тобой? Или ты сошла с ума? Ты говоришь как безумная. То, что Рама станет Ювараджей – огромная удача для всей державы. Опомнись! Вот тебе мое ожерелье в подарок – прими его как знак благодарности за принесенную тобой добрую весть. Будь довольна, радуйся вместе со всеми! Венчание Рамы на царствование наполняет меня, возможно, даже большим ликованием, чем Каушалью. Поистине, я безгранично счастлива от этой новости. Рамачандра привязан ко мне сильнее, чем к собственной матери. Он относится ко мне с большим почтением. Я не желаю слышать слова, пятнающие это чистое любящее создание. У тебя помрачение ума; ты, похоже, лишилась рассудка». Так Кайкеи строго отчитывала Мантару.

Мантара прикинулась еще более обиженной и оскорбленной. Она изобразила крайнее возбуждение и закричала: «Я нахожусь в здравом уме, а вот твой, похоже, совсем ослабел! Ты пребываешь в беспечности и не способна разглядеть злую судьбу, поджидающую тебя. Ты слепо держишься за старую веру и былые привязанности. Я одна забочусь о тебе и беспокоюсь о твоём счастье и достоинстве. Все остальные притворяются и умело играют свою роль, обманывая тебя. В душе у них давно нет к тебе уважения. Махараджа равнодушен ко всем своим женам, кроме Каушальи – он безумно любит только старшую царицу! Из чистой любезности он, может быть, и говорит тебе иногда нежные слова, но на самом деле он не любит тебя! Ты должна это понять! Эти люди даже не известили тебя о своем решении; им не пришло в голову посоветоваться с тобой; они

игнорируют тебя и не имеют к тебе и капли уважения. Слышала ли ты хотя бы словечко о том, что они задумали? Сколько месяцев они, должно быть, уже обсуждают и вынашивают свои планы! Решение о таком важном событии, как коронация, не принимается внезапно; оно не падает неожиданно с неба на голову! Или я не права? Они давно все решили за твоей спиной – молча и тайно.

Главная зачинщица их заговора – Каушалья», – закончила Мантара. Кайкейи не могла больше сдерживаться. Она гневно вскричала: «Прекрати молоть чепуху, Мантара! Моя сестра не способна на ложь и интригу, она никогда не падет так низко. Ты слышишь меня – никогда! А Махараджа! Он еще более благороден и праведен, чем мои сестры. В нем нет и следа низости, ему неизвестно, что такое подлость и хитрые уловки! Скорее всего, они приняли решение о коронации внезапно, имея на то важные причины. Свадьба Рамы тоже была полной неожиданностью для всех, хотя обычно приготовления занимают многие месяцы, не так ли? Значит, и завтрашняя коронация вызвана какой-то срочной необходимостью, почему бы и нет? Я уверена, что махараджа сам сообщит мне причину, заставившую его принять это решение. Ты не удосужилась узнать правду. Ты дала волю воображению и оказалась во власти нелепых домыслов и необоснованных страхов и теперь сомневаешься в честности поступков невинных людей! Не пройдет и нескольких минут, как все прояснится; имей терпение», – так Кайкейи гневно увещевала свою служанку.

Мантара испугалась, что все ее коварные усилия пропадут даром. Она пустила в ход еще более нечестивые доводы: «Прекрасная госпожа! Задумайся поглубже над тем, что происходит. До моего слуха, когда я хожу по улицам среди народа, доходит многое! На самом деле эта коронация была задумана давно – много месяцев назад. По этой причине Бхарата и Шатругна были удалены из столицы. Все они предчувствовали, что присутствие братьев может вызвать осложнения. И их опасения были вполне обоснованы: когда принцы далеко, кто будет препятствовать коронации? Неужели ты не способна задать себе такой простой вопрос? Когда Дашаратха брал тебя в жены, он дал слово чести, что твой сын станет наследником престола; ты, возможно, забыла об этом, но я прекрасно помню. Царь боялся, что присутствие Бхараты в сложившейся ситуации может воскресить в памяти людей эту клятву, что послужит помехой в осуществлении их плана; поэтому они и отослали Бхарату с глаз долой – погостить во дворце у его деда. Когда коронация свершится, уже никто не сможет повернуть дело вспять. Чтобы проделать этот подлый трюк, они держали все это в тайне от тебя долгое время; пораскинь умом, и ты поймешь, что во всем этом кроется злой и коварный расчет; такие мысли даже не приходят в твою наивную голову – тебе кажется, что «все то золото, что блестит». Они воспользовались твоей глупостью и простодушием. В твоей безрассудной страсти к Рама ты заладила восторженно повторять: «Рама, Рама!» Оставим в покое других – с ними и так все ясно! Но твой драгоценный Рама, которого ты так обожаешь – поделился ли он с тобой своей радостью, поспешил ли к тебе, чтобы сообщить о счастливой судьбе, его ожидающей?»

Так вероломная Мантара, используя множество хитроумных доводов, омрачала и отравляла ядом своего искусного коварства чистый и незащищенный ум Кайкейи.

«Во всей этой огромной столице Айодхье найдется ли хоть один человек, кто защитит нас и позаботится о нас? Кто здесь считается с тобой и обращается с тобой так, как ты этого заслуживаешь? Они все объединились против тебя. Ты для них – посторонняя, чужестранка. Они в любой момент могут просто вышвырнуть тебя из Айодхьи – они не остановятся даже перед такой низостью. Махараджа – искусный обманщик и умелый притворщик; входя в твои покои, он говорит нежные и ласковые слова, чтобы удовлетворить свои прихоти, и, добившись своего, удаляется, довольный и торжествующий. Ты не понимаешь, что во всем потакая ему, ты лишаешь себя того высокого положения, которого заслуживаешь! Госпожа! Тебе следует помнить, что царями движет не любовь, а только вождение. Твой отец прекрасно знал об этом и поэтому долго не соглашался отдать тебя в жены этому старому волоките. Только после

долгих пререканий и переговоров, после вмешательства мудреца Гарги твой отец уступил, и сгорающий от страстного нетерпения престарелый правитель вынужден был принять все его условия. Теперь все условия позабыты! Все клятвы и обещания горят ярким пламенем! Твой сын подло обманут! А они спокойно веселятся, забавляясь своей коварной игрой. Стоило уехать твоему сыну, они тут же начали действовать. Зачем устраивать такую спешку? Специально для того, чтобы никто из независимых правителей за пределами царства не смог присутствовать на коронации. Их недалекий ум выдает их с головой! Совершено предательство, продуманное и злонамеренное!

На коронацию обычно приглашаются все цари и правители соседних государств. Они вынуждены были бы пригласить твоего отца! И он бы во всеуслышание объявил о тех обещаниях, которые давал ему Дашаратха! В этом и состоит их план – немедленно провести коронацию, не ставя никого в известность, а когда дело будет сделано, уже ничего нельзя будет изменить! Именно с этой целью они тайно вынашивали свой хитрый замысел! Я должна тебя предостеречь: будь начеку! Если ты сейчас не вмешаешься, то тебя ждет участь бездомной собаки. Поэтому не медли! Поразмысли над тем, как найти способ, чтобы предотвратить коронацию». Мантара раздувала страсти, пылая гневом и ненавистью. И, наконец, Кайкейи поддалась на ее уловки! Она сказала: «Я слушаю тебя, и каждый твой новый довод кажется мне убедительнее предыдущего. Похоже, ты права! Действительно, нельзя терять ни минуты! Что же мне делать? Скажи мне, и я последую твоему совету».

Когда своими словами Кайкейи ясно дала понять Мантаре, что ее нечестивая тактика сломила волю царицы, горбунья чуть не лопнула от гордости и торжества. Ее дальнейшие речи звучали тверже и увереннее. «Госпожа! Нет нужды тратить время на лишние раздумья. Надежное и сильное оружие, с помощью которого ты завоеуешь победу, уже у тебя в руках. Вспомни тот день, когда махараджа, в знак благодарности за помощь, оказанную тобой в минуту смертельной опасности, пообещал исполнить два твоих любых желания. Тогда ты не нуждалась ни в чем, но попросила сохранить за собой право потребовать награду, когда возникнет необходимость. Сегодня пришел твой час, и это обещание сослужит тебе неоценимую службу. Ты можешь попросить исполнить клятву сейчас, не так ли?» Слова Мантары звучали столь ясно и выразительно, что Кайкейи подняла голову и с изумлением посмотрела на служанку, будто видела ее впервые. Она сказала: «О Мантара! Как ты умна! С виду ты – безобразная горбунья, но твои находчивость и сообразительность просто восхитительны! Природа обделила тебя красотой, но возместила сполна этот недостаток выдающимся достоинством ума. Скажи, что я должна просить, и каким образом мне добиться от царя выполнения обещанного?»

Мантара отвечала: «О госпожа! Первое, что ты должна потребовать от Дашаратхи – это чтобы твой сын был помазан на царство и провозглашен Ювараджей. Второе – необходимо, чтобы Рама был изгнан за пределы державы». Кайкейи выслушала ответ служанки, прозвучавший без малейшей запинки, словно он давно вертелся у нее на языке, и погрузилась в глубокое раздумье. Очнувшись, она произнесла: «Мантара! Возможно, это справедливо – требовать, чтобы был коронован мой сын. Но мой ум не может смириться с тем, что Рама должен покинуть Айодхью. Сама мысль об этом причиняет мне нестерпимую боль». Обессиленная, она упала в кресло. Мантара увидела, что нужно действовать быстро и продолжила атаку: «Госпожа! Сейчас не время давать волю чувствам и впадать в малодушие. Промедление в данном случае недопустимо – оно превратит амброзию в смертельный яд! Ты должна быть сильной, иначе мы не добьемся успеха! Для чудовищного зла, которое они причинили тебе, это – недостаточное наказание. Если ты считаешь, что твой сын должен стать царем, а ты достойна титула царицы-матери, делай так, как я говорю! Иначе я приму яд и расстанусь с жизнью! Пока я жива, я не смогу вынести твоих страданий!» Мантара громко завывала и запричитала, чтобы Кайкейи убедилась, насколько сильна и бескорыстна ее любовь и привязанность.

Старуха нянчила Кайкейи с самого рождения, она растила и ласкала ее, заботясь о ней и не отходя от нее ни на шаг все эти годы. Царица относилась к горбунье с нежностью и признательностью; она больше не спорила с ней, наоборот, видя, как глубоко ее горе, она принялась утешать и жалеть ее! Она говорила: «Мантара, успокойся! Я поступлю так, как ты пожелаешь, лишь бы ты была довольна. Скажи, что мне делать теперь?»

Мантара ответила: «Не думаешь ли ты, что, предложив отослать Раму в лес за пределы царства, я не взвесила все причины и последствия? Я пришла к этому выводу после долгих размышлений». Поскольку Кайкейи была наивна и чиста, как дитя, во всех вопросах, касающихся законов государства, Мантара продолжала: «В законе говорится, что полное и беспрепятственное право на власть и собственность царь, вступающий на престол, получает только после двенадцати лет правления, не причиняющего вреда и ущерба подданным. Поэтому надежнее всего, если изгнание продлится не менее четырнадцати лет; когда Рама вернется, у него не будет возможности претендовать на трон; полноправным властелином царства останется твой сын». Мантара заметила, что Кайкейи покорно согласилась со всеми ее доводами: царица была готова требовать от царя исполнения своих желаний. Служанка поспешно произнесла: «Госпожа! Умоляю тебя, не медли! Посмотри на себя! Если царь сейчас придет и увидит тебя такой, как ты есть – тебе не удастся настоять на своем! Ты должна изобразить негодование и бешенство! Разбросай подушки, скомкай простыни и покрывала, сними свои жемчуга и драгоценности и раскидай их по углам; распусти свои косы – пусть твои волосы будут растрепаны и неубраны; действуй так, будто ты решила расстаться с жизнью! Ступай в Дом гнева – туда, куда устремляются царицы, охваченные горем и яростью, – чтобы тот, кто обнаружит их там, лежащими на голой земле, проникся жалостью и состраданием! Ты не можешь в таком виде – раздетая и разукрашенная – явиться к царю со своими просьбами. Притворись, что ты в ужасном отчаянии и только исполнение желаний спасет тебя от гибели. Только это подействует на него и он вынужден будет принять все твои условия. Наберись мужества! Вставай! Сделай первый шаг на пути своей борьбы!»

Кайкейи, убеждаемая и понукаемая Мантарой, послушно доверилась ей и, в точности выполнив все ее наущения, удалилась в Дом гнева и принялась громко стенать и причитать, оплакивая свою жалкую судьбу и нависшие над ней несчастья. Мантара засемила вслед за царицей и после того, как двери Дома гнева захлопнулись за ней, повалилась на землю снаружи, как будто не имея понятия о том, чем вызван столь буйный припадок гнева ее госпожи.

В это время Дашаратха закончил все приготовления к церемонии коронации и, выйдя из торжественного зала, почувствовал, что прежде чем направиться в покои Каушалы, он должен сообщить радостную весть царице Кайкейи; он поспешил к ней во дворец. Служанки, неподвижно выстроившиеся вдоль всего прохода, показались царю расстроенными и встревоженными. Дашаратха подивился про себя, что они, должно быть, еще не слышали счастливую новость: иначе их лица были бы озарены радостью! Он пожалел их в душе, что им до сих пор не известно о предстоящей коронации Рамы. Он проследовал прямо в опочивальню, где надеялся увидеть царицу.

В глаза ему сразу бросились рассыпанные жемчуга, неубранное ложе, валяющиеся на полу груды одежд и украшений. В спальне царил полный разгром и беспорядок. Дашаратха был крайне изумлен и устремился в соседние покои искать царицу. Тогда одна из служанок-привратниц сообщила ему: «Махараджа! Ее Величество Кайкейи Деви находится сейчас в Доме гнева!» Услышав это, царь пришел в сильнейшее расстройство; открыв двери обители скорби, он обнаружил там царицу, распростертую на земле в кромешной тьме, стонущую и рыдающую. Он воскликнул: «Кайка! Что за страшная картина! Чем ты так разгневана? Кто причинил тебе эту боль? Скажи мне, и я сейчас же уничтожу этих злодеев! Я готов на все, лишь бы ты была счастлива! Скажи мне только, чего ты хочешь – я исполню любое твоё желание! Твоя радость – это моя радость. Разве ты не знаешь, что ты – самое ценное и дорогое, что у меня есть? Иди ко мне, не мучь меня

больше». С этими словами царь склонился к ней и сел с ней рядом; он гладил ее по голове; он говорил ей нежные слова утешения; он снова и снова спрашивал о причине ее горя и скорби.

Кайкейи содрогалась в приступе неудержимой ярости; она скрежетала зубами от злости и, когда царь попытался приласкать ее, грубо отшвырнула его руки. Она гневно прокричала: «Хватит с меня лжи и притворства! Я так долго верила тебе, тем самым подвергая себя все большим унижениям! Теперь я не доверяю ни единому твоему слову! Я до сих пор не в силах осознать, что ты оказался способен на лицемерную игру! Или это наказание мне за слепую веру в тебя? Иди, отправляйся к своим любимцам, к своим избранникам – зачем ты сидишь здесь рядом со мною? В одном месте ты хранишь то, что у тебя на уме, а язык свой приносишь в другое место! Пусть твой лживый язык находится там же, где твои мысли! Отныне я не намерена внимать твоим притворным речам. Не причиняй мне еще большей боли, возвращайся туда, откуда пришел. Какое дело тебе до того, что случится со мною? Лучше умереть царицей, чем остаток дней тянуть лямку рабыни. Этот день – последний день моей жизни».

Дашаратха ничего не понял из этого бесконечного потока жалоб, прерываемых всхлипываниями и рыданиями. Он пришел в еще большее смущение, он был потрясен от изумления и испуга. Он придвинулся к царице, снова пытаясь утешить ее и смягчить ее боль. «Каика! – умолял он. – Что означают твои речи? Я не понимаю тебя. Я никогда не говорю лживых и лицемерных слов, потому что не умею их говорить. Моя мысль всегда в согласии с моим языком – так было и будет всегда; там, где моя любовь – там мои нежные и ласковые слова; мои мысли никогда не искажаются словом; то, что у меня на уме, то и на языке – мой язык просто не может вести себя по-другому! Я не понимаю, как могло случиться, что ты, зная меня столько лет, сомневаешься во мне и в моей искренности! Я умоляю тебя, не продлевай мою пытку, расскажи мне откровенно, что случилось с тобой, что принесло тебе эти страдания и муки? Скажи мне, что произошло! Чем вызвано твое плачевное состояние? В чем причина твоего ужасного отчаяния?»

Дашаратха долгое время жалобно молил и уговаривал ее, но все напрасно! Царица грубо отталкивала его, резко и безжалостно высмеивала все его слова, не обращая никакого внимания на его ласковые увещания и настойчивые попытки выведать правду. Она делала вид, что его слова просто перестали представлять для нее какую-либо ценность. Дашаратха был ранен в самое сердце. Не зная, что делать дальше, он позвал Мантару. Она живо устремилась внутрь темных покоев, пронзительно крича и зывая о помощи. Искусно играя свою роль, она бросилась в ноги царю, рыдая и завывая: «О царь! Помоги ей! Спаси мою госпожу!»

Махараджа был воплощением чистоты и невинности; сам неспособный к двуличию, он не мог даже подозревать о комедии, которая перед ним разыгрывалась. Он боялся, что с его возлюбленной царицей произошло страшное несчастье, и от этого она сделалась столь упрямой и неумолимой. Поэтому он вновь велел Мантаре рассказать ему в точности обо всем, что случилось. Горбунья ответила: «Махараджа! Что мне сказать тебе? Я не имею ни малейшего представления о том, что стряслось с госпожой. Она никому не открыла причину того, что ее так рассердило. Неожиданно для всех, она выбежала из опочивальни и бросилась в Дом гнева. Заметив это, я побежала за нею следом. Я просила и умоляла ее на все лады поделиться со мной своим горем, но она упорно молчала. Она не доверилась даже тебе, так что же говорить обо мне, жалкой старой горбунье? Я видела, что она страдает от безумного отчаяния, это зрелище было невыносимо; я не в силах была дольше на это смотреть! Я боялась, что с нею случится непоправимое, и с надеждой ждала твоего прихода. Если ты не успокоишь ее страдающий ум и не вернешь ей былую радость, ее состояние может стать угрожающим! Она мучается слишком сильно и слишком долго. С каждой минутой ей становится все хуже. Теперь я оставляю тебя с ней».

Перед тем как удалиться из Дома гнева, Мантара сказала: «Царь! Постарайся как можно скорее обнаружить причину ее горя! Умоляю, найди нужные средства, чтобы

привести ее в чувство!» Слова Мантары, ничего не прояснившие, только усилили тревогу царя; вне себя от смутения, он склонился над распростертой на голой земле безутешной царицей и сказал: «Кайка! Отчего ты держишь меня во мраке?» Он бережно приподнял ее голову и положил к себе на колени; он продолжал уговаривать ее нежно и ласково, чтобы она открыла ему причину своей мучительной скорби. Прошло некоторое время, и Кайкейи, нарушив свое молчание, наконец заговорила. «Махараджа! Помнишь ли ты тот далекий день, когда во время великой битвы между Богами и асурами ты пообещал исполнить два моих желания?» Дашаратха почувствовал огромное облегчение. Он сказал: «О Кайка! Зачем было терзать и мучить себя по такому ничтожному поводу? Я не забуду о дарах, обещанных тебе, пока в моей груди бьется сердце! Этот обет так же дорог мне, как дорога сама Кайка! Ты – дыхание моей жизни, и клятва, данная тебе – часть моего дыхания!

Царица! Кто-то причинил тебе вред? Или тяжелый недуг поразил тебя? Или нашелся злодей, который осмелился действовать наперекор твоей воле? Говори! Ради тебя я готов на все; пусть твои обидчики поплатятся жизнью, лишь бы ты снова стала счастлива! Не сомневайся в моей любви! О воплощение прелести! Ты не должна страдать! Разве тебе не известно, что все мое царство у твоих ног, и все, чем я владею, в твоём распоряжении? Все, что ты пожелаешь, будет доставлено тебе из любого уголка моей страны по одному мановению твоей руки, только бы это принесло тебе радость! Поведай мне, чем вызван твой страх, что повергло тебя в такую скорбь? Говори без колебаний, ничего не скрывая и не утаивая! Как солнце разгоняет мглу и туман, так и я рассею тоску и печаль, которые душат тебя!» Так Дашаратха услаждал слух царицы; он держал ее в нежных объятиях, пытаясь утешить и успокоить.

Кайкейи помнила о тех советах, которые давала ей Мантара; поэтому она решила, прежде чем высказать свои беспощадные просьбы добиться от Дашаратхи клятвенного обещания исполнить ее желания. Чтобы вынудить его дать клятву, она изобразила, что сгорает от страстной и неудержимой любви; она приникла к рукам царя, беззащитного перед ее очарованием, с давних пор плененного ее волшебной прелестью. Она сказала: «Господин мой! Меня никто не оскорбил и не обидел, и никто не нанес мне ни вреда, ни ущерба; я не жажду мести и не нуждаюсь ни в каких сокровищах и диковинах. Однако я должна признать, что то, к чему я стремлюсь так страстно, бесконечно важно для меня; это желание так давно взлелеяно в моей душе, что я могу сказать тебе о нем, если ты поклянешься самым дорогим, что у тебя есть, что исполнишь его!» На ее лице расцвела обворожительная улыбка; видя это, Дашаратха растаял от счастья и, улыбаясь в ответ, поближе придвинулся к Кайкейи, чтобы крепче обнять ее; он сказал: «О моя глупая неразумная царица! И ради такого пустяка ты устроила весь этот переполох, терзая себя и приведя в великое беспокойство других? Слушай, что я скажу тебе: на этом свете у меня есть два самых дорогих существа: среди женщин – это ты, а среди мужчин – это Рама. Вы оба – дыхание моей жизни; ты ведь это хорошо знаешь, не правда ли? Я не могу прожить и дня, чтобы не увидеть его и тебя. Поэтому я клянусь Рамой! Говори, что ты хочешь, и я немедленно исполню твое желание». Кайкейи возликовала: слова клятвы были произнесены, и, говоря их, Дашаратха смотрел ей прямо в глаза и держал ее руки в своих! Она поднялась с земли и выпрямилась; весь ее облик излучал потоки любви: она хотела, чтобы Дашаратха оценил, как благодарна она ему за его доброту и готовность выполнить любую ее просьбу.

Она спросила: «О царь! Ты поклялся Рамой; ты избрал его как свидетеля своей присяги; правильно ли это?» Она продолжала, отрезая ему все пути к отступлению: «Господин! Ты – приверженец Истины; ты – высочайший среди праведников! Ты наделен безграничным могуществом, силой и славой! В твоей памяти, должно быть, живы события великой битвы между Богами и демонами; и все же позволь мне напомнить об одном из них. В тот день, когда разбушевавшийся демон Самбара пролил море крови, безжалостно уничтожая все на своем пути, ты отчаянно сражался, чтобы сокрушить его. Ты знаешь,

какая участь ожидала тебя, если бы не моя преданная неусыпная забота. Не смыкая глаз, выхаживая и оберегая тебя дни и ночи, я вернула тебя к жизни. Ты оценил мою самоотверженность и сказал: «Каика! Ты вырвала меня из когтей смерти! Я в неоплатном долгу перед тобой! Чем мне отблагодарить тебя? Пусть наградой будет исполнение любых двух твоих желаний! Так я смогу выразить тебе свою бесконечную признательность». Ты пожелал, чтобы я сразу сказала, о чем я мечтаю больше всего на свете! Но я была так счастлива, что ты вернулся ко мне из царства смерти, что считала это самым дорогим и бесценным даром! Тогда я ответила тебе: «Повелитель мой! У меня нет желаний! Мне не о чем просить тебя! Позволь мне отложить свои просьбы до времени, когда в них возникнет необходимость; а пока что сохрани свое обещание в памяти», – так я говорила тебе. Мой ответ чрезвычайно обрадовал тебя! Ты был восхищен, что я добровольно отрекаюсь от даров, и торжественно объявил, что твое обещание останется в силе до самой твоей смерти, и я смогу потребовать награду в любой момент, без всяких препятствий и ограничений. Все эти подробности, надеюсь, свежи в твоей памяти? Ты – величайший в мире монарх. Ты верен данному тобой слову. Поэтому исполни сейчас мои желания, право на которые ты сохранил для меня. Сделай меня счастливой! Я не требую ничего нового. Я только хочу получить то, что мне законно принадлежит. Мне нет нужды напоминать тебе, какой это низкий грех – отбирать подаренные сокровища и отказываться вручить обещанные дары. Если ты скажешь сейчас, что отрекаешься от своей клятвы, для меня это будет страшным оскорблением, равносильным измене и предательству. Я не вынесу унижения и разочарования; в этом случае для меня будет более достойным выходом уйти из жизни, чем нести бремя поражения и бесчестия. Если муж не способен сдерживать слово, данное собственной жене, то может ли у его подданных быть уверенность в будущем и надежда на исполнение их чаяний? Может ли правитель, который опускается до того, что предаёт свою жену, пользуясь ее доверием, чтобы потом обмануть ее, выглядеть в глазах подчиненных надежным защитником и благодетелем? В законах праотца человечества Ману говорится, что такие неблагодарные люди, уклоняющиеся от истины, не достойны звания монархов. Зачем я вновь и вновь повторяю одно и то же и привожу эти бесчисленные доводы? Если мои желания не будут сегодня исполнены, на рассвете Кайкеи не будет среди живых!»

Высказав все это, она вновь разразилась стонами и рыданиями. Этот очередной бурный взрыв притворного горя и отчаяния окончательно сразил Дашаратху; он ощутил слабость и полную беспомощность; как беззащитный олень, привлеченный обманными призывными кличками охотников, попадает в расставленные сети, так Дашаратха, опутанный сетями любви, не в силах оторвать взор от содрогающегося в рыданиях тела обожаемой царицы, попался в капкан ее чар и превратился в безумца, лишённого собственной воли. Он стиснул ее руки, иступленно повторяя слова клятвы: «Я исполню все, что ты пожелаешь».

В тот момент, когда слова торжественного обета слетели с уст царя, стенания прекратились, и Кайкеи устремила на Дашаратху ясный взор своих прекрасных широко раскрытых глаз. Некоторое время она внимательно изучала его лицо, а потом сказала: «О царь! Сегодня я наконец оценила твою бесконечную доброту и честность. Я поняла, что ты не способен нарушить данного обещания». Она принялась горячо превозносить достоинства Дашаратхи. Царь, охваченный любовным трепетом, наслаждался ее сладкими хвалебными речами; он торопил ее, сгорая от нетерпения: «Каика! Зачем ты медлишь? Проси! Проси все, что пожелаешь!» Кайкеи колебалась, внезапно утратив решительность; наконец, запинаясь, она произнесла: «Отмени назначенную на завтра коронацию Рама; вместо него пусть будет венчан на царствование мой сын, Бхарата – это мое первое требование. Рама, простоволосый и облаченный в оленью шкуру и одежды отшельника из бересты, должен покинуть Айодхью и удалиться на четырнадцать лет в джунгли Дандака, чтобы стать лесным жителем. Это мое второе желание. Бхарата будет полноправным престолонаследником, и никто не сможет этому воспрепятствовать! Рама

должен быть немедленно отправлен в джунгли, причем, чтобы произошло это на моих глазах! Исполни эти два желания и сохрани незапятнанными честь и достоинство своего рода, в противном случае приготовься к тому, что Кайкейи осталось жить лишь считанные мгновенья!» Сказав это, она выпрямилась и застыла, став похожей на демоницу, и диким и неподвижным взором уставилась в одну точку.

Дашаратхе показалось, что тысячи тяжелых стрел пронзили его и пригвоздили к стене. Или это только сон? Кто требует от него такие дары – Кайкейи или кровожадное чудовище? Или все это – страшное наваждение, порождение больного ума? Игра скованного тяжелым недугом рассудка? Он не мог этого понять и поэтому вскричал: «Кайка! Ты здесь, со мной? Или ты оборотень, принявший облик Кайки? Скажи мне сначала, кто ты». Он умолк, ибо его язык не повиновался ему; утратив контроль над своим телом, он дрожал и трясся, еле держась на ногах, не в силах выговорить слова, которые хотел сказать. Он безвольно раскачивался из стороны в сторону, будто помешанный, и его бессмысленный взгляд блуждал по сторонам.

Когда его глаза остановились на Кайкейи, он внезапно очнулся, и его взор вспыхнул от ярости. «Подлая женщина! Какова твоя цель? Ты задумала искоренить весь царский род? Какой вред причинил тебе мой дорогой сын Рама? Он любит тебя больше, чем собственную мать. Как твое сердце может смириться с тем, что Рама будет изгнан в темный дремучий лес? Я долгие годы относился к тебе как к богине, как к любимой принцессе, но оказалось, что ты – ядовитая кобра! Ты, как змея, пригелась в моем доме, а я, наивный, и не подозревал об этом! Как могла проникнуть в твою голову эта греховная мысль – ведь Раму, который для меня дороже собственного дыхания, обожают и превозносят все живые существа! Если это необходимо, я могу отказаться от царства, от своей жизни, но только не от Рамы! Ты жаждешь, чтобы твой сын был провозглашен наследником престола. Пусть будет так! Я готов немедленно удалиться в лес с Каушалей, Сумитрой, со всеми, кто захочет пойти со мной, и возьму с собой Раму. Но я никогда не допущу, чтобы Рама, в полном одиночестве, был выдворен в джунгли! Это невозможно. Расстанься с этой жестокой греховной мыслью. Забудь о ненависти к Рама, которую ты взрастила в себе! Каика! Признайся мне откровенно: ты и в самом деле хочешь, чтобы все это произошло? Или это просто уловка, чтобы проверить, насколько глубоки мои чувства к твоему сыну, Бхарате? Если это так, ты смело можешь требовать коронации Бхараты. Но какой смысл настаивать на изгнании Рамы? Это желание трудно объяснить и невозможно удовлетворить! Каика! Рама – первенец, старший сын! Он – сокровищница всех добродетелей; годы его правления принесут невиданную славу и процветание державе. Ты сама часто говорила мне, что мечтаешь о наступлении золотой и счастливой поры, когда Рама будет венчан на царство, и наша жизнь станет похожей на прекрасный сон. А теперь ты требуешь, чтобы тот же Рама был изгнан в лес? Какой скрытый смысл заключен в твоей просьбе? Или это злая шутка, которую ты сыграла со мной? Если это просто шутка, к чему те страшные сцены в Доме гнева? Зачем каталась ты в иступлении по твердому холодному полу? Всякая шутка имеет границы, за пределами которых она превращается в жестокость и бессердечие! Я отказываюсь понимать твое поведение, даже если это была невинная игра. Я никогда не соглашусь разлучиться с Рамой! Кайка! Все эти годы ты вела себя как разумная женщина! Но теперь твой ум исказился и порождает дурные и нечистые идеи. Порочность ума – предвестник деградации и разрушения личности. Ты знаешь, что вставать на пути добра – тягчайший грех. Но добро и истина от этого не пострадают! Злые и темные козни лишь оттенят красоту Истины, и она воссияет еще ярче! Только на первых порах может показаться, что зло неистребимо и с ним трудно бороться!

Твои нечестивые планы чреватые несчастьями и бедствиями для всей династии Икшваку. Но до сих пор ни единым словом или мыслью ты не выражала своего недовольства и не упоминала о том, что задумала такое кощунственное действие. Невозможно поверить, что ты – чистая и безгрешная Кайка – просишь меня сегодня исполнить твои ужасные желания. Ты всегда страшилась хоть в чем-то, даже в самой

малости, нарушить нравственный закон! Ты всегда стремилась завоевать Милость Божию каждым своим словом, действием, каждой мыслью! Куда подевались твоя боязнь совершить хоть малейший грех, твой страх перед несправедностью? Куда исчезла твоя преданность Богу, которая помогала тебе ни на шаг не отступить от пути добра и справедливости?

Какую выгоду ты ищешь для себя, требуя изгнать Раму в лес на долгие четырнадцать лет? У него нежное и неокрепшее тело – как лепесток только что распутившегося цветка; какая радость смотреть на него! Он невыразимо прекрасен! Какую пользу извлечешь ты из того, что приговоришь его к невыносимым страданиям и мукам? В этом дворце много тысяч служанок и придворных. Может ли хоть один из них в чем-нибудь упрекнуть Раму, обвинить его хотя бы в одной совершенной ошибке? Что говорить об обитателях дворца? Найдешь ли ты во всей столице хоть одного человека, который мог бы сказать худое слово о Рама? Он ищет тех, кто слаб и немощен, и спасает их от бедствий и нищеты, обеспечивая их всем необходимым для жизни; он дает кров бродягам и бездомным; он полон любви и сострадания к людям, и они превозносят его как Бога. То, что ты питаешь ненависть к моему сыну – благородному и любящему созданию, ранит меня до глубины души; я не нахожу слов, чтобы описать твою дьявольскую жестокость.

Есть немало людей, использующих рабский труд своих подданных и преследующих в жизни лишь собственные эгоистические интересы; в наши дни таких демонов, увы, становится все больше. Но в твоих глазах, возможно, из-за грехов, совершенных тобой в прошлом, совсем не они заслуживают наказания! Совсем не их следует обрекать на изгнание! Ты считаешь дурными тех, кто пытается облегчить тяготы бедняков, помочь униженным, тех, кто, вникая в их заботы и нужды, приносит им утешение и освобождение от рабского гнета.

Любой житель царства Айодхья получает наслаждение просто оттого, что слушает, какими достоинствами обладает Рама, и с таким же восторгом и удовольствием рассказывает о них другим. Когда простые люди – землепашцы и крестьяне, изнуренные тяжкими работами в полях, распевают песни, восхваляющие красоту и благородство Рамы, их труд кажется им более легким! Когда я узнал об этом, то был безмерно счастлив! Как может твое сердце примириться с тем, чтобы этому ангелу, чья душа полна милосердия, был вынесен столь мучительный приговор? Сегодня вечером, когда перед многочисленным собранием из мудрецов, старейшин, министров, знатных горожан, пандитов, выдающихся государственных деятелей я объявил о своем предложении – короновать Раму, ни один из них не выразил своего недовольства или несогласия. Наоборот, они на все лады превозносили Раму и в один голос заявили, что считают великой наградой, полученной ими за добро, содеянное в прошлых жизнях, то, что заслужили такого прекрасного Правителя, покорившего высочайшие вершины духа и разума, обуздавшего свои чувства, полного самоотречения и стойкой приверженности истине, правителя, в котором воплотились идеалы бескорыстного служения людям. Они приветствовали счастливую весть радостными возгласами «Джей! Джей!» И его ты стремишься отослать в лес – любимца, избранника моего народа и сокровище моего сердца? Что бы ты ни говорила, но этому не бывать! Я не допущу изгнания Рамы! И слушай, что я скажу тебе: завтра утром Рама будет коронован! Я не намерен отменять церемонию!» Так Дашаратха ответил Кайке, и его последние слова звучали гордо и уверенно.

Услышав это, Кайка пришла в страшную ярость и выкрикнула: «Махараджа! Ты забыл, что минуту назад клялся всеми святыми, что выполнишь мои желания! А теперь ты отрекаешься от своего слова! Так кто же из нас двоих – ты или я – повергает в пучину позора и бесчестия славную династию Икшваку?! Подумай об этом! Главной гордостью твоего рода всегда считалась верность данному слову, и никто из его сынов еще не отступал от этого закона! Ты собираешься запятнать безупречную репутацию рода; не взвесив предусмотрительно все «за» и «против», ты легкомысленно пообещал исполнить

любые мои желания! Если и произошла ошибка, то имя ей – твоя собственная беспечность! Моей вины здесь нет. Ты посулил награду, а затем поклялся вручить мне ее сегодня. Таким образом, ты дважды дал мне слово! Вспомни о своей чести, о своем высоком положении, о своем царском достоинстве, а потом наберись смелости отказаться от своих клятв!

Возможно, это привычное дело для иных правителей – унижать и наказывать слабых и действовать вопреки торжественно данному слову. Однако смогут ли они после этого уважать самих себя? Того, кто обманывает женщину и нарушает свои клятвы, можно назвать лишь первобытным дикарем и тираном, но не правителем, несущим свободу своим подданным. Когда царь превращается в жестокого тирана, то возмущенный народ поднимает восстание, и царство становится обителью демонов!

Все эти годы ты стремился завоевать признание народа и обрести добрую славу; не спорю, тебе это удалось! Позор, который ты навлечешь на свою голову, нарушив данное слово, – на твоей совести, не на моей! Вспомни, как царствовали великие правители древности. Осознай, какая дурная слава ждет царя, действующего наперекор своим клятвенным обетам! Ты вступаешь на страшный путь зла и бесчестия! Берегись! Ты близок к тому, чтобы нарушить законы Дхармы. Если бы твой ум соответствовал твоему высокому званию, ты бы сообразил, что следует вначале поинтересоваться, что за дары я буду требовать у тебя, а потом уже раздавать обещания! Ты лишен прозорливости; зачарованный моими речами, ты дважды поклялся, что исполнишь мои желания. А теперь, когда я прошу отдать то, что мне принадлежит, ты готов предать меня! Подумай, какую непоправимую ошибку ты совершаешь. Каким глупцом тыставляешь себя! Ты обвиняешь меня в недопустимой жестокости, в том, что я забыла свой страх перед несправедностью, свою преданность Богу. Что же можно сказать о тебе? Тебя превозносят как Дхармавратху (стойкого приверженца Истины – в слове, мысли и действии) и как Дайва-Саману (Богоравного); какое прозвище заслужишь ты после того, как возьмешь назад свои слова? Ты сам с легкостью можешь вынести себе приговор. По-настоящему умен не тот, кто выискивает и порицает ошибки и недостатки других; человек, обладающий истинно глубоким и благородным умом, сосредоточен на собственных ошибках и бдительно следит за тем, чтобы допущенные промахи не столкнули его на путь греха и бесчестия. Цари и правители должны быть особенно умны: народ считает их всезнающими. Если ты не способен к строгой и трезвой самооценке, а идешь на поводу личных интересов, какое право ты имеешь обвинять других в эгоизме и скудоумии? Ты посулил награду? Это правда. Ты поклялся, что выполнишь обещание? Это правда. Ты нарушил клятву и отказался от данного слова. И это тоже правда. Ты не будешь отрицать, что все эти три факта – неопровержимая истина? Ты потерял голову от страстной любви к собственной жене; твоя безграничная привязанность к сыну лишает тебя разума и воли; в результате все твои клятвы летят по ветру! Я не преступница; это ты нарушаешь закон. Любовь к сыну – естественное чувство для каждой матери. Любая мать стремится к тому, чтобы ее сын обладал наивысшей властью и могуществом и мечтает видеть его монархом державы. Это природный инстинкт, и ее кровный долг – сделать все для того, чтобы этому никто не смог воспрепятствовать! Совершенно естественно и то, что, предвидя все возможные помехи, я заранее позаботилась о том, чтобы моя мечта осуществилась. Я всего лишь выполняю свой материнский долг, предназначенный мне Природой, запомни это! В моем поведении нет ничего порочного или предосудительного.

Когда Раму провозгласят наследником престола, его мать, Каушалья, станет царицей-матерью – Раджаматхой. Мой сын будет стоять со скрещенными руками, ожидая приказов Рамы, готовый исполнить его малейшее пожелание. Он станет бегать у него на посылках и кидаться в ноги Рамы, чтобы смиренно доложить о выполнении порученного задания. И вполне возможно, еще и получит выговор за допущенную ошибку. Нет! Я не намерена быть свидетельницей подобных сцен; мне легче умереть, чем сносить такие унижения! Лучше выпить яд прямо сейчас, чем видеть своего сына жалким рабом! Я

торжественно клянусь именем моего сына Бхараты, которого ценю как собственное дыхание, что непременно сделаю это! Я буду довольна только тогда, когда Рама покинет Айодхью и отправится в изгнание».

Произнеся эти страшные и бесчувственные слова, Кайкеи вновь рухнула на землю и в припадке неудержимой скорби разразилась душераздирающими стонами и рыданиями.

Дашаратха в отчаянии рвал на себе волосы. Он воскликнул: «Кайка! Кто надоумил тебя, что твое чудовищное требование принесет тебе пользу? Или в тебя вселился злой дух и принудил тебя высказать свои желания? Что за нелепое безумие – короновать Бхарату и отправить Раму в лес? Почему ты не хочешь добра мне – твоему мужу, Бхарате – твоему сыну и всему царству Айодхья? Забудь о своем желании – оно чревато великими бедствиями! Подумай о последствиях! Величайший позор и бесчестье обрушатся не только на меня, они ожидают нас троих – и тебя, и твоего сына. Это будет означать крушение и гибель всего царства и послужит причиной множества трагедий. Опомнись, неразумная женщина! Разве сама ты веришь в то, что Бхарата согласится надеть царскую корону, даже если я исполню твою просьбу? Бхарата – верный слуга. Дхармы; он умен и благороден и является образцом честности. Он не допустит изгнания Рамы и отвергнет все свои права на престол. Не только он, все жители Айодхьи – простолюдины, горожане, придворные, министры, правители, подвластные мне, союзники, мудрецы – все они будут против тебя. Как сможешь ты стать счастливой, если стольких людей сделаешь несчастными?»

Представь себе ситуацию, которая может возникнуть по твоей вине! Решение о коронации принято и единодушно одобрено мудрецами и старейшинами. Сегодня вечером перед огромной толпой горожан я провозгласил, что утром состоится торжественная церемония коронации Рамы. Если я начну действовать в полном противоречии со своим решением, всенародно объявленном, люди сочтут меня жалким трусом, при одном виде врага в панике бегущим с поля боя. Уже завершены все приготовления к восхождению Рамы на престол. Все знают о предстоящем грандиозном празднестве; весь город готовится к торжеству, и улицы уже полнятся радостными толпами людей, чьи лица сияют в предвкушении счастливого события. Если сейчас я выйду и сообщу народу, что передумал и вместо коронации решил отправить Раму в джунгли, ответом мне будет презрительный смех; они скажут: посмотрите на этого безумца! За одну-единственную ночь он умудрился назначить коронацию, отменить коронацию и приговорить наследника престола к изгнанию! Каким образом объясню я им смысл моих действий – всей этой огромной толпе, которую собрал несколько часов назад, чтобы объявить о венчании Рамы на царство? Представь, как сурово я буду осужден и осмеян народом, который признает, что их царь впал в слабоумие. Я правил царством долгие годы и заслужил любовь и поклонение подданных как стойкий приверженец Дхармы, как воплощение высоких добродетелей, как непобедимый герой в сражениях – доблестный и отважный. Смогу ли я вынести это бесчестье и допустить, чтобы народ стал свидетелем моего падения и помрачения ума?» Дашаратха продолжал убеждать царицу, что если поступит согласно ее желанию, то навсегда осквернит свое доброе имя и запятнает безупречную репутацию древнего рода. Однако Кайкеи вела себя так, как будто в нее вселился беспощадный демон разрушения. Она откровенно издевалась над Махараджей, грубо отменяя все его доводы и делая вид, что его слова для нее – просто пустые, ничего не значащие звуки. Она отказывалась идти на уступки и упорно стояла на своем. Наоборот, с каждой минутой ее злобная алчность усиливалась, и она еще крепче сжимала тиски, в которые попался Дашаратха. Не желая внимать его мольбам и просьбам, она твердила только об одном – что своим отказом выполнить обещание он обрекает ее на смерть. Тогда Махараджа сказал: «Кайка! Пойми, если случится так, что Рама отправится в изгнание, наступит конец моей жизни. Мне нет нужды говорить тебе, что произойдет с Каушалей. Она умрет от горя в тот момент, когда узнает об этом. А Сита? Для нее это будет смертельным ударом; она не может прожить и секунды вдали от Рамы. А

Лакшмана? Вынесет ли он, что Рама, великий герой, образец мудрости и совершенства, приговорен к изгнанию? Его душа тут же расстанется с телом. Так можно продолжать до бесконечности. Ни один человек не сможет остаться равнодушным, и ты знаешь, что все, что я говорю – чистая правда. Все царство погрузится во мрак, страдая от бесконечных несчастий и бедствий. И ты не слепа, чтобы не предвидеть эту череду страшных напастей. Поэтому я не могу понять, отчего ты так стремишься к ожидающей тебя печальной вдовой участи. О грешная, падшая душа! Ты заворожила меня своими чарами! Я подставил собственное горло под удар золотого меча, околдованный его блистающей красотой! Я выпил чашу молока, не зная, что оно отравлено ядом! Ты расставила мне ловушки, пользуясь своей неотразимой прелестью. Ты задумала искоренить весь мой род. Позор на мою голову! Каким глупцом я оказался! Этот сын был дарован мне Божьей Милостью. Я совершил великую ядзну, предписанную Ведами, и в награду боги ниспослали мне Раму. Неужели мне суждено променять его счастье и будущее на ничтожные утехы и наслаждения плотской любви? Совместимо ли это с честью великого царя Дашаратхи? Я стану всеобщим посмешищем, и последний из моих подданных с полным правом сможет забросать меня камнями. О Боже! И эта судьба уготована Дашаратхе в конце его пути? Я позволил набросить себе на шею шелковую шаль, не подозревая, что это петля, которая задушит меня! Оказывается, я был соблазнен Богиней Смерти и забавлялся с нею все эти годы. О горе мне! Я играл со Смертью, лаская ее и сжимая в своих объятиях! Я относился к ней как к своей избраннице, возлюбленной и верной подруге. Несомненно, это наказание за тяготеющие надо мной грехи прошлого. Как иначе можно объяснить, что ради того, чтобы делить с женщиной любовное ложе, отец отправляет сына в изгнание – в лес, полный страшных опасностей!

О! Как темен ум человеческий! Как странны и извилисты бывают пути его мысли! Несмотря ни на что, я не в силах поверить тебе. Кайка! Опомнись! Выбрось из головы свою навязчивую идею! Рама никогда не станет действовать наперекор моему слову. Ему достаточно одного намека на то, что здесь происходит – и в тот же момент он будет готов отправиться в путь! Он не задаст ни единого вопроса! Он не любопытствует, зачем тебе понадобилось срочно изгонять его в джунгли! Он совершенен в своей добродетели. Что говорить о Рама? Ни один из моих сыновей не способен послушаться моего приказа. Вообрази, как возмутится Бхарата, прослышав о твоём гнусном плане. Он почувствует отвращение к тебе и, несмотря на то, что ты – его мать, будет способен на непредсказуемые поступки. Он может решиться на самый ужасный для тебя шаг – поспежит сам удалиться в лес, уговорив Раму принять царскую корону. Рама дорог ему как сама жизнь, как пять животворных потоков, слитых воедино. Он будет препятствовать осуществлению твоей заветной мечты. Бхарата – образец благородства и порядочности. Я поражаюсь, как твой рассудок мог помрачиться до такой степени, что ты не в состоянии предугадать образ мыслей собственного сына. Каика! Недобрые помыслы – предвестники саморазрушения, так говорится в Писаниях. Желание, овладевшее твоим умом, неминуемо приведет тебя к гибели, запомни это! Ты покрываешь несмыслимым позором славное имя великой династии Икшваку; ты повергаешь множество людей в бездонную пучину страданий и обрекаешь их на верную смерть; можно ли загубить столько человеческих жизней ради одной бессмысленной прихоти? Какая надежда на счастье может быть у тебя, если ты совершаешь такое страшное преступление?

Если даже ты достигнешь цели, испытаешь ли ты Ананду? Каким словом можно назвать удовольствие, которое получишь ты от своей победы? О, какой стыд! Лишь существа демонической породы способны на этот мрачнейший из грехов – радоваться несчастьям других! Чистый и святой человек стремится принести людям радость, старается сделать их счастливыми! Ты – царица, ты – принцесса благородной крови и, несмотря на это, ты отказываешься признавать очевидные истины. Ты – позор для своего царского рода. И последнее, что я скажу тебе. В Рама – вся моя жизнь. Я не смогу прожить без него и дня. Моя жизнь закончится, она лишится смысла. Мой Рама не

разочарует тебя. Даже если он не услышит приказа, повелевающего ему скрыться в лесу, из моих уст, он все равно уйдет. Когда ему станет известно о моей клятве и твоём желании, он не допустит, чтобы по его вине мое слово было нарушено; он не унижится ни до споров, ни до промедлений. Знай, в тот момент, когда весть о его уходе достигнет моих ушей, я испущу последний вздох. Вероятнее всего. Раму будут сопровождать Лакшмана, Сита и Каушалья. Каушалья не сможет жить в разлуке с Рамой. Смысл существования Лакшманы – следовать по стопам Рамы. Урмила, возможно, не пожелает расстаться с Лакшманой. Никого не останется здесь, кто сможет совершить похоронный обряд над этим старым телом, и пройдет немало дней, прежде чем Бхарата и Шатругна вернутся из царства Кекайя. Все это время это мертвое тело будет лежать здесь, без надлежащих обрядов и церемоний. Возможно, мой народ проклянет меня за то, что я пал так низко, вступив на путь зла, и вышвырнет мое тело, как падаль, на растерзание воронам и стервятникам, как не заслуживающее более достойного уничтожения. Может быть, этого не произойдет, и мои подданные, забальзамировав труп, дождутся возвращения Бхараты. Бхарата никогда не согласится принять престол и надеть царскую корону. И поэтому у него не будет прав распоряжаться этим телом и совершить похоронный обряд. Кайка! Пообещай мне хотя бы, что ты позволишь Бхарате провести погребальную церемонию! Я уверен, что ты не откажешь мне в моей просьбе – ведь ты так жаждешь погрузиться в волны Ананды, став, наконец, счастливой вдовой! Скажи, на что ты надеешься? О подлое вероломное создание! Теперь я вижу, ты превратилась в демона! Ты истребляешь и низвергаешь в преисподнюю весь клан Рагху, весь царский род! Что это – проявление твоей низкой природы? Или таинственный Промысел Божий, овладевший твоим умом и заставляющий тебя действовать таким непостижимым и странным образом? Я не в силах разгадать эту тайну».

Пока Дашаратха продолжал терзать себя подобными мыслями, миновала середина ночи. Он тяжело стонал, будто человек, пораженный тяжелым недугом. Он страдал от невыносимой душевной муки.

Махараджа решил на последнее средство и попытался воззвать к добрым чувствам Кайкеи, убаюывая ее льстивыми уговорами. Чтобы склонить ее согласиться на коронацию Рамы, он, пустив в ход все свое красноречие, принялся превозносить и восхвалять ее достоинства. «О царица! Ты всегда была дорога мне как собственное дыхание. Ты была воплощением благочестия и процветания. Ты любила меня всем сердцем, заботилась обо мне и оберегала меня. Давай же проведем остаток своих дней в мире, забудем о тех различиях между нами, которые ведут к ссорам и рождают непонимание; пусть будут спокойными годы, отпущенные нам Богом! О моя прекрасная принцесса! Мне осталось немного. Всю свою жизнь я был известен как стойкий приверженец Истины и заслужил этим поклонение своего народа. Перед многотысячной толпой подданных я поклялся, что Рама будет коронован завтра утром как Престолонаследник. Подумай, как они будут презирать меня, если церемония не состоится! Подумай о тех оскорблениях, которые падут на мою голову! Ты спасла меня от смерти в тот день, во время битвы между богами и демонами. Почему же сейчас ты бросаешь меня в беде, когда мои страдания гораздо мучительнее? Это жестоко и несправедливо. Я готов все царство Айодхью положить к твоим ногам! Коронуй Раму завтра сама, своими собственными руками! Бхарата будет счастлив, если ты сделаешь это! Не только он – министры, мудрецы, святые старцы, пандиты, горожане – весь народ будет благодарен тебе, оценив твою доброту! Ты навеки прославишь свое имя! Если же ты встанешь на пути Рамы и будешь препятствовать коронации, весь мир сурово обвинит и покарает тебя! Даже Бхарата может отречься от тебя, осудив твои действия! Твоя жестокая причуда погубит тебя, а царский род покроет позором. Ты станешь мишенью для непристойных насмешек, и любое ничтожество будет бросать оскорбления тебе в лицо! Подумай над тем, что тебя ожидает! Не лучше ли завоевать всеобщую любовь и славу? Прекрати строить свои козни, не губи Раму! Пусть твои руки завтра утром увенчают его голову царской короной!»

Дашаратха пытался внушить Кайкейи, какую радость она испытает, совершив столь благородный поступок; тщательно подбирая слова, он рисовал ей заманчивую картину триумфа и славы; он надеялся, что ее привлечет возможность быть удостоенной великой чести – собственноручно короновать наследника престола. Однако Кайкейи грубо перебила его, сказав: «Царь! Твои слова звучат нелепо и бессмысленно; ты пытаешься увильнуть от клятвенного обещания; чтобы скрыть свой грех, ты выкручиваешься, плетя красивые небылицы! Нет! Никакие твои уловки не заставят меня изменить свое решение! Или не тобою было сказано: «Я исполню два твоих желания, проси, что хочешь?» А теперь вместо обещанных даров ты преподносишь мне пышный букет из жалких вздохов и стенаний? Это тебе не к лицу. Не я, а ты своим поведением подрываешь честь и репутацию рода. Я не несу никакой ответственности за твоё плачевное состояние. Вспомни изречения великих последователей Дхармы. «Сатъя – Парама Дхарма» (Истина есть высший Принцип Праведности). Мое требование получить обещанное основано на законе Дхармы. И ты не отступил от ее законов, произнеся: «Твои желания будут исполнены». Несмотря на это, ты пытаешься свалить всю вину на меня, будто бы я толкаю тебя на несправедный путь; будто бы я собираюсь совершить непростительный грех; будто бы я стремлюсь обесчестить твоё доброе имя. Ты глубоко заблуждаешься, и твои обвинения в высшей степени несправедливы.

Я не совершаю ничего дурного или предосудительного; ты легкомысленно дал торжественную клятву, не подумав ни о прошлом, ни о будущем; когда пришло время вернуть свой долг, ты внезапно впал в смятение и панику. Не я, а ты допускаешь ошибку! Великие грешники именно те, кто раздают обещания, а потом отказываются от своих слов! Действуй так, как велит тебе данная клятва; тогда сама Истина, от которой ты не отступишь, смочет все грехи. Или ты забыл уроки прошлого? Ты не помнишь, как царь Шиби кормил орла, преследовавшего голубку, кусками мяса, отрезанными со своего собственного тела только потому, что не мог нарушить данную орлу клятву? Великий и могущественный правитель древности – царь Аларка – пообещал в награду любой дар, какой у него попросят, и, верный своему слову, вырвал свои глаза и отдал их брамину! Посмотри на океан! Он владыка всех рек; однако, связанный своим обетом, он не выходит из берегов, чтобы затопить весь мир! Зачем приводить тебе тысячи примеров? Для всех живых существ, для всех людей Истина – высочайший закон и высочайший идеал. Истина есть Брахман. Истина – Изначальный Звук. Истина – это Дхарма. Это – то единственное, что не подвержено изменению. Величайшие цари мира, подобные тебе, не должны предпочитать тленное Нетленному, Неразрушимому. Не отрекайся от данного слова, и твои слава и доброе имя навсегда останутся с тобой. Только так тебе следует поступать. Не поддавайся мирской и иллюзорной привязанности к сыну, обманчивому очарованию женщин; не отвергай идеалов истинной власти, не пренебрегай царскими обязанностями; не оскверняй позорным пятном светлую династию Икшваку!

Оставь все свои сомнения! Призови к себе Раму и скажи ему, чтобы он собирался в дорогу; распорядись, чтобы послали за Бхаратой и он был доставлен сюда из царства Кекайя как можно скорее. Вели своим министрам без промедления взяться за дело! Посмотри! Небо на востоке светлеет! Мои желания должны быть исполнены до того, как наступит рассвет. Только тогда я буду довольна, а все твои возражения и жалобы бесполезны. Если же ты по-прежнему непреклонен и не намерен отменять коронацию, то предупреждаю тебя: я расстанусь с жизнью на глазах у всего многолюдного сборища. Это – моя клятва, и я от нее не отступлюсь!»

Дашаратха смотрел на Кайкейи – грозящую и свирепую, полную злобы и бешенства; он не мог подавить гнева, бушующего в его груди, но и не имел больше сил бороться и выразить его. Он был подобен царю Бали, который пообещал отдать Богу Вишну, явившемуся в облике карлика Ваманы, клочок земли длиною в три шага, а затем обнаружил, что не может исполнить своего обещания. Первым своим шагом Вамана измерил всю Землю, вторым шагом Он охватил все Небо и предстал перед Бали, требуя

третью часть того, что Ему было даровано. Дашаратха страшился проклятия, которое нависнет над ним, если он нарушит закон Дхармы. Его взор затуманился от сомнений и отчаяния. Его голова отяжелела и поникла. Обессиленный, он упал на пол – там, где стоял. Собрав остатки мужества, он выкрикнул: «О грешная женщина! Если Рама не будет коронован, моя смерть неминуема. Ты станешь вдовой и сможешь свободно править этим царством – так, как тебе вздумается». Его гнев рвался наружу, и он продолжал: «О горе мне! Рама! Неужели я дойду до того, что по собственной воле отправлю тебя в изгнание? Нет, этому не бывать. Лучше мне расстаться с жизнью. Я не смогу прожить и мгновения в разлуке с тобой. О злобная порочная демоница! Как могла ты взрастить в своей душе этот гнусный план – отослать в дремучие дикие джунгли моего нежного ласкового Раму? Проклятая фурия! Ты превратилась в чудовище!» Произнеся эти слова, Дашаратха вскоре замер, лишившись чувств.

Ночь таяла в первых лучах рассвета. Звуки музыки девяти священных инструментов возвестили о наступлении радостного дня. Улицы сияли и благоухали свежестью, умытые потоками розовой воды. Воздух наполнился ароматами курений и праздничным гомоном толпы. Все пространство было насыщено надеждой и восторженным возбуждением. На небосклоне сияло благодатное созвездие Пушьи. Святой Васиштха с группой браминов прошествовал к берегу реки Сарайю и вернулся оттуда с освященной водою, необходимой для обрядов коронации. Он следовал по главной дороге, идущей ко дворцу, где уже собрались горожане, чтобы взглянуть на сокровенные предметы культа. Дворцовые стражи, отесняя толпу, проторяли путь мудрецам. Наконец группа достигла главных ворот, богато украшенных, и скрылась во дворце.

В этот ранний час обширные покои дворца были уже заполнены жрецами, правителями, подвластными царю, предводителями различных народностей царства, старейшинами. Они спешили занять предназначенные им места. Мощным эхом отдавались в небесах божественные звуки ведийских гимнов, распеваемых браминами. Между тем Васиштха подозревал Сумантру, главного министра, и велел ему: «Ступай! Торжественный час, назначенный для церемонии, приближается! Предстоит сотворить еще множество предварительных ритуалов; иди к Махарадже и скажи ему, что срочно требуется его присутствие. Передай ему, что Васиштха ждет его прибытия».

Сумантра, издавна пользовавшийся всеобщим доверием, имел право на беспрепятственный доступ во все внутренние покои царских дворцов, поэтому он поспешил в опочивальню царицы Кайкеи, надеясь найти там Дашаратху. Войдя в залу, где находилось царственное ложе, Сумантра был поражен тем, что открылось его взору. Ужас сковал его, когда он увидел, что Махараджа лежит на голом полу! Он ощутил дрожь в ногах и в его мозгу пронеслась мысль: «Не обманывают ли меня мои глаза?» Он приблизился к царю и промолвил: «Царь! Это утро ты должен встречать ликованием – как море, вздымающееся в экстазе навстречу восходящей Луне! Я не могу понять, отчего ты лежишь здесь, распростертый на полу! Назначенный час уже близок. Великие мудрецы, познавшие таинства Вед, уже собрались в торжественном зале, готовые начать церемонию! Поднимись! Надень свои парадные одежды и украшения и, сопровождаемый царицами, прошествуй во дворец во всем блеске своего великолепия! Меня послал к тебе святой Васиштха, повелев мне сопровождать тебя на пути в тронный зал!»

Дашаратха, внимающий настоятельным просьбам министра, не смог сдержать своего горя и отчаяния. Он разразился громкими рыданиями и проговорил, с трудом произнося слова, ибо слезы душили его: «Сумантра! Твоя доброта и преданность разрывают мое сердце!» Сумантра, потрясенный, застыл на месте, не в силах ступить и шагу ни вперед, ни назад. Его пронзил страх, и он замер, будто прикованный к полу. Прижав руки к груди, он взмолился: «Махараджа! Что с тобой происходит? В тот час, когда высшее блаженство должно переполнять тебя, ты предаешься скорби и проливаешь горячие слезы? В чем причина твоего отчаяния? Я не в силах это понять».

Сумантра стоял, беспомощный, терзаемый тревогой и мрачными предчувствиями. Тогда вмешалась Кайкейи и сказала: «О лучший из министров! Махараджа провел бессонную ночь, беспокоясь о судьбе Рамы. Если ты немедленно отправишься к Рама и приведешь его сюда, все прояснится и тайна раскроется. Это мой приказ; тебе следует подчиниться и как можно скорее доставить Раму ко мне во дворец». Сумантра, ни секунды не сомневаясь в том, что приказ царицы выражает волю Махараджи, устремился во дворец Рамы.

Когда колесница главного министра мчала его по городу, сотни тысяч подданных, заполонивших улицы, приветствовали его радостными возгласами: они были уверены, что Сумантра спешит, чтобы доставить Раму в торжественный зал для коронации. Он видел веселые лица, сияющие от праздничного возбуждения; люди боялись лишиться моргнуть глазом, чтобы не пропустить ни единого мгновения из происходящих исторических событий. Наконец, Сумантра достиг дворца Принца. Спеша к воротам, он видел множество придворных и служанок, выстроившихся вдоль всего прохода, державших в руках огромные чаши и блюда с роскошными дарами – шелками, парчой, жемчугами, драгоценными камнями, гирляндами и букетами цветов, благовониями и сладостями. Это зрелище радовало взор, но Сумантра даже не остановился, чтобы взглянуть на них. Когда он поспешно взбегал по ступеням дворца, он ощутил, что празднеству недостает чего-то самого существенного и единственно ценного; он был не на шутку встревожен и озабочен. Радость, владевшая им с самого утра, сменилась глубокой печалью. Главный министр имел полное право входить в любые внутренние покои огромного семиярусного здания. Его никто не останавливал дворцовые стражи и слуги не задавали вопросов. Как рыба, бесшумно и свободно скользящая в глубинах полноводной реки, так верный Сумантра, никем не задерживаемый, минуя бесконечные коридоры, галереи и залы, стремился, гонимый тревогой, в светлые покои Рамы.

Глава 11 Вместе с Лакшманой

Сумантра увидел, что внутри дворца уже собрались близкие друзья Рамы, готовые сопровождать его в зал для торжеств. С сияющими лицами, облаченные в роскошные праздничные одежды, они ждали его появления. Министр проследовал мимо них вглубь дворца, проникнув в его внутренние покои. Там он нашел Раму, сидящего на золотом ложе; все пространство вокруг него было озарено Божественным светом. Рядом с ним стояла Сита и нежно обмахивала его опахалом. Он сиял, как Луна со своей звездой-спутницей, Читрой.

Сумантра очень спешил, он не мог позволить себе ни минуты промедления, поэтому, едва переступив порог, он тотчас заговорил: «Рама! Мать Кайкейи и твой отец потребовали, чтобы я срочно доставил тебя во дворец этой царицы; с этой целью они послали меня сюда, и я очень торопился, чтобы передать тебе их просьбу». Как только Рама услышал слова Сумантры, он повернулся к Сите и сказал: «Сита! Я уверен, что возникло какое-то препятствие, другой причины быть не может. Я заранее знал об этом, но хранил молчание и на все отвечал согласием, чтобы мой отец мог чувствовать себя счастливым; к приказам отца следует относиться с почтением, чтобы не причинять ему боль». Рама невозмутимо продолжал в том же духе, и Сумантра, похолодев, ощутил, как сердце бешено заколотилось в его груди. Он попытался связать слова Рамы и ужасную картину, увиденную им во дворце Кайкейи – лежащего на полу и стонущего Дашаратху. Теперь он был почти убежден, что препятствие, о котором говорил Рама, на самом деле существует.

Однако Сита прервала Раму и сказала: «Мой Господин! О чем ты толкуешь? Ты не должен говорить так в столь важный и ответственный момент. Каково бы ни было

препятствие, любые слова отца заслуживают уважения. Если он доволен, то довольны и мы. Ради него мы должны быть готовы отказаться и от власти и от всех своих прав. Не задерживайся ни на минуту, ступай немедленно. Мы будем счастливы в любом случае – независимо от того, произойдет сегодня коронация или нет. Мать Кайкеи питает к тебе особую привязанность. Любые приказы и повеления, исходящие от нее, пойдут нам только во благо – в этом не может быть сомнений. Нет такого другого человека на земле, кто бы так страстно радел за наш покой и заботился о нашем благополучии. Когда такой Отец и такая Мать шлют тебе весть, чтобы ты поспешил предстать пред их очами, мы должны быть безмерно счастливы!» С этими словами Сита проводила Раму до главного выхода из зала и пожелала ему удачи.

Рама ответил ей: «Сита! Ты думаешь, я не знаю обо всем, что случилось? Для меня нет разницы между днями минувшими, днями, в которых мы живем сейчас, и теми, что ждут нас в будущем. Каждый день я встречаю с одинаковой радостью. Чтобы поддержать добрую репутацию отца, я готов совершить все, что угодно, и отправиться, куда угодно. Я поистине счастлив, что ты разделяешь мои чувства и поддерживаешь мои решения». Рама вышел из дворца, сопровождаемый Сумантрой. Когда они взошли на колесницу, ждущую на дороге перед главными воротами, народ разразился громкими возгласами: «Джей! Джей! Рамачандра Прабху ки Джей!» Звонким эхом откликнулись небеса на ликующие звуки их голосов.

Сумантра объявил собравшимся: «Рамачандра не поедет отсюда прямо в торжественный зал. Колесница отвезет его сначала во дворец, где находится царь. Поэтому расступитесь и освободите путь, чтобы не мешать ей мчаться как можно быстрее. Рама вернется спустя несколько минут, ждите его здесь». Так Сумантра объяснил народу причину спешки и что есть мочи погнал лошадей. Когда Божественная колесница Рамы неслась по улицам города, могучие герои приветствовали его мощными криками, подобными торжествующему рыку льва. Придворные и уличные певцы хором возносили в его честь хвалебные гимны. Музыканты разом заиграли на своих инструментах, и отовсюду полилась волшебная музыка. Воздух сотрясался от оглушительных возгласов: «Джей! Джей!», издаваемых многотолпами, выстроившимися по обе стороны дороги. Женщины в своих самых красивых одеждах, сверкающие драгоценностями, сгрудились на террасах домов и свешивались из окон, чтобы не упустить возможности помахать горящими светильниками, когда Рама будет проезжать мимо.

Когда колесница приблизилась ко дворцу, народ осыпал Раму дождем цветочных лепестков. Вверх взмылось пламя тысяч ритуальных светильников. Люди не сводили глаз с Принца, пока он не скрылся из виду. Незабываемая картина – Рама в колеснице – наполнила их души наслаждением и восторгом; она запечатлелась в их сердцах, и они сами превратились в изваяния, неподвижно застывшие в безмолвном созерцании Божественного образа, возникшего у них внутри.

Колесница въехала на территорию дворца Дашаратхи, именуемого Вардхамана, величественного и грандиозного, вздымающегося к небу, как сама гора Кайлас. Она миновала три внутренних двора, каждый из которых охранялся бдительными лучниками: Здесь Рама велел остановить коней и, сойдя с колесницы, весь последующий путь проделал пешком. Миновав еще два прямоугольных двора, предшествующих входу во дворцы царя и цариц, он попросил своих спутников и даже Лакшману не сопровождать его далее. Рама знал о том, чему вскоре было суждено произойти! Несмотря на это, он действовал, как обыкновенный смертный – так же естественно, как повел бы себя любой другой при подобных обстоятельствах. Наконец Рама достиг покоев цариц и, переступив порог опочивальни Кайкеи, увидел Дашаратху, ничком распростертого на постели. Его волосы были растрепаны, на нем были измятые одежды «вчерашнего дня». Он выглядел так, будто позабыл о всяких приличиях и правилах достойного поведения. Рама был

ошеломлен зрелищем, представшим его взору. Возле царского ложа, рядом с лежащим Дашаратхой, стояла царица Кайкейи.

Лицо правителя было бледным и измученным; он жалобно стонал и всхлипывал. Он поднял голову, и глаза его остановились на Раме. Язык не повиновался ему, и он не смог произнести тех слов, что рвались с его губ. Слезы потоками хлынули из его глаз. Он еще раз попытался заговорить, но не смог издать ни одного членораздельного звука. За всю свою жизнь Рама ни разу не наблюдал и не переживал столь ужасающей сцены. Его охватило великое беспокойство, он бросился к отцу и обнял его ноги. «Отец, скажи мне, отчего ты так жалобно стонешь? Что вызвало такие страдания? Я попытаюсь вернуть тебе радость, я сделаю для этого все, что в моих силах! Я готов посвятить всю свою жизнь тому, чтобы к тебе вернулась Ананда. Умоляю, скажи, в чем причина твоего горя, только не плачь,» – умолял Рама.

В ответ Дашаратха воскликнул: «Рама!» – и, неспособный продолжать, вновь разразился потоками слез, после чего впал в беспамятство; Рама удалось привести его в чувство, и он вновь попытался утешить отца, но тот погрузился в еще более глубокую пучину отчаяния и не смог успокоиться. Тогда Рама, собрав все свое мужество, решился воззвать к чести и царскому достоинству Дашаратхи. Он сказал: «Отец! Что все это значит? Ты должен подавать пример молодым – таким, как я, вселяя в них уверенность и силу. Одно это – уже достаточный повод, чтобы чувствовать себя счастливым! Вместо этого ты рыдаешь и стонешь и заставляешь нас содрогаться от ужаса. Нет! Это неправильно! Это ли есть Дхарма? Это ли есть праведный путь – целиком отдаваться горю? До сегодняшнего дня, даже когда ты был сердит и озабочен, одного моего появления было достаточно, чтобы все следы тревоги исчезли с твоего лица и оно вновь озарилось сиянием Ананды. Стоило тебе призвать меня, и мир и покой вновь воцарялись в твоей душе, не правда ли? Как могло произойти, что чем дольше ты смотришь на меня, тем сильнее страдаешь? Это причиняет мне невыносимую боль. Прошу тебя, назови причину этой странной перемены и успокой меня. Почему ты молчишь? Или, может быть, от меня срочно что-то требуется – тогда скажи мне об этом, и я в точности исполню любой твой приказ. Если ты укажешь мне на мои ошибки, я постараюсь немедленно исправить их. Не предавайся отчаянию, не сомневайся и не раздумывай. Твоя власть надо мной так же безгранична, как и твоя любовь, поэтому я подчинюсь беспрекословно любому твоему приказу. Отец! То, что ты позволил горю безраздельно завладеть своей волей – дурное предзнаменование. Это недобрый знак для всех нас – для тебя, для меня и для будущего нашей державы!»

Рама обернулся к Кайкейи и, сложив руки на груди, взмолился: «Мать! Виноват ли я в совершении какого-либо зла? Если нет, назови мне имя отвратительного грешника, который поверг отца в такую скорбь. Всякий раз, стоило отцу завидеть меня, он манил меня к себе, прижимал к груди и ласкал со всей нежностью. Сейчас он избегает смотреть мне в лицо. Скажи, что случилось? Он не может произнести ни единого слова; он отворачивается от меня, он не желает смотреть на меня! Если все-таки я невольно совершил преступление и вина лежит на мне, я готов вытерпеть любое наказание, чтобы искупить ее. Может быть, отец стал жертвой тяжелого недуга, страшной болезни, поразившей его? Или до него дошли плохие вести от моих братьев, Бхараты и Шатругны? Ведь с ними все в порядке, не так ли? Надеюсь, что обе царицы – мать Каушалья и мать Сумитра, находятся в добром здравии? Я вне себя от отчаяния, ибо не могу понять причину терзающей отца муки! Я сделаю все, что в моих силах, чего бы это ни стоило – лишь бы только радость вернулась к нему! Склонив голову в почтении и преданности, я выполню любой его приказ, даже самый суровый. Отец – источник и причина жизни каждого существа, рожденного в этом мире. Собственный отец для всех нас – единственный живой видимый Бог. Для меня нет цели выше и достойнее, чем сделать его счастливым. Прошу, прояви сострадание: поведай мне о том, что произошло. Мать! Может быть, твое самолюбие было чем-то уязвлено, и с твоих губ невольно сорвались

резкие слова, направленные против отца? Может быть, это мать Каушалья огорчила отца, поступив наперекор его воле? Нет, Каушалья никогда бы не позволила себе такого поведения. Или Сумитра? Но я уверен, что она не могла сделать этого! Она тем более не способна на такие поступки. И если даже кто-то из вас троих повел себя так неразумно, отец не впал бы по этой причине в столь отчаянное и жалкое состояние. Чтобы вызвать такое глубокое горе, должна существовать очень серьезная причина! Если отец упорно отказывается назвать ее, прошу тебя, расскажи мне о ней, успокой меня, рассей мою тревогу».

Кайкейи смотрела на Раму, истово и страстно взывающего к ней, и последние следы милосердия и сдержанности покинули ее. Она не пожалела своего супруга и не посчиталась с тем, что нанесет Дашаратхе еще более глубокую рану, произнеся свои слова, чреватые страшными бедствиями. Она не потрудилась задуматься хотя бы на мгновение, стоит ли вообще произносить их, или ей лучше промолчать. Во имя мимолетного настоящего она пренебрегла надвигающимся грозным будущим. Она отеклась от заветов любви, позабыла о собственной чести и материнском достоинстве.

Она заговорила: «Рама! Слушай! Много лет назад, во время битвы между Дэвами и асурами твой отец был ранен смертоносной демонической стрелой и страдал от невыносимой боли. Я выходила его, и к нему вернулись здоровье и счастье. Он оценил мою жертву и в награду за преданное служение пообещал исполнить два моих самых заветных желания. В тот миг я жаждала только одного – его выздоровления и победы, поэтому я ответила: «Мне не нужны сейчас никакие дары; я попрошу тебя исполнить мои желания позже, если в этом возникнет необходимость». Тогда твой отец дал мне клятву: «Прекрасно! Да будет так! Знай, что стоит тебе захотеть, и ты можешь попросить обо всем, что пожелаешь; будь уверена в том, что я выполню свое обещание, и твои мечты сбудутся. Я не связываю тебя ни временем, ни обстоятельствами. В любое время ты вольна потребовать любые дары – и ты получишь их».

Ты знаешь, что потомки Икшваку еще никогда не отступались от данного ими слова. Полагаясь на эту общеизвестную истину, я попросила твоего отца исполнить мои желания сегодня: во-первых, чтобы вместо тебя был коронован мой сын, Бхарата, а во-вторых, чтобы ты был отправлен в джунгли Дандака на четырнадцать лет. Вот причина, по которой он устроил столь страшный переполох. К чему далее обсуждать эту тему? Я не намерена ни менять свои требования, ни отказываться от них. Если твой отец – стойкий приверженец Истины, и если ты тоже считаешь себя верным Ее слугой, докажи это! Ты должен немедленно отправиться в леса Дандака, облачившись в одежды из коры и оленьих шкур, со связанными в пучки спутанными волосами, как подобает лесному отшельнику. Ты должен оставаться там в течение четырнадцати лет. Поскольку царь дышит тобою и не может прожить без тебя и дня, он не может примириться с мыслью о твоём изгнании и отказывается говорить тебе об этом. В этом вся причина его горя. Рама! Здесь не произошло никаких других несчастий! На нас не обрушилось стихийное бедствие! Совершенно бессмысленно делать из мухи слона и такое пустяковое событие раздувать до масштабов всемирной катастрофы. Рама! Только одно может спасти твоего отца от совершения греха – если ты, его любимец, его божество, на которое он молится, возьмешь на себя исполнение обета, который он сам не способен исполнить. Иначе, если вы оба – тот, кто клялся, и сын того, кто клялся, пренебрежете данным словом, твой отец будет навеки опозорен и ввергнут в пучину бесчестия. Все это тебе хорошо известно».

Рама выслушал эти бессердечные слова, сказанные с нарочитой жестокостью, не проявив ни малейших признаков волнения или беспокойства. Когда он отвечал ей, на его губах играла безмятежная улыбка: «О нет! По этой причине отец не должен страдать!» Он склонил голову в знак согласия с требованиями, которые предъявляла Кайкейи. Однако Дашаратха, внимавший их беседе, почувствовал, будто его сердце режут острым ножом. Он забился и застонал, терзаемый тячайшей мукой. Рама сказал, повернувшись к Кайкейи: «Мать! Все произойдет так, как ты задумала. Я покорно возлагаю на свои плечи

бремя клятвы, данной отцом. Мне не хватает только одного: я хочу, чтоб отец с любовью прижал меня к груди, как он всегда делал это прежде, и ласковыми и нежными словами благословил меня. Но даже если он скажет мне, что я недостойн такой награды и не заслуживаю его благословения – я смирюсь с этим без упреков и возражений и приму с одинаковыми радостью и удовлетворением. Ибо отец желает мне только добра. Он всегда благословлял меня, заботясь об укреплении и совершенствовании моего духа. Он – великий провидец. Для меня он не только отец, но и наставник, ведущий по высшему духовному пути. Может ли быть у меня долг более важный и ответственный, чем приносить радость тому, кто для меня одновременно и отец, и учитель? Это – моя священная обязанность, это и есть моя Дхарма. Четырнадцать лет изгнания будут для меня источником безграничной Ананды. Всю свою жизнь – не только четырнадцать лет – я готов провести в лесу, если такова будет воля отца. Почему же он не решался сказать мне ранее о дарах, обещанных тебе? Только это огорчает меня. Отказывался ли я хоть один раз подчиниться его приказу? Не есть ли это самый высший и почетный акт признательности – посвятить служению отцу это тело, им дарованное? Рама – не противник, а слуга и опора каждого слова отца. Пожертвовать отцу свое тело для меня – высшее блаженство; я не из тех, кого нужно лишний раз просить об этом.

Мать, отчего ты ни разу и словом не обмолвилась о том, что Бхарата должен быть помазан на царствование? Между мной и моим братом нет никакой разницы; почему ты сочла, что она существует? Мы, четверо братьев, никогда не чувствовали, что в чем-то отличаемся друг от друга. И еще одно: почему ты говоришь: «Это – приказ твоего отца?» Разве я хоть раз ослушался твоего приказа? Нет, такого не случилось никогда! Я без малейших колебаний подчинялся вашей воле, независимо от того, исходила она от тебя или от отца. Я покидаю Айодхью сегодня же и отправляюсь в леса! Мать! Распорядись, чтобы самых надежных гонцов тотчас снарядили и послали к деду Бхараты и Шатругны. Будет лучше, если Бхарата вернется как можно быстрее. Если начало моего изгнания совпадет с днем коронации Бхараты, это облегчит физические страдания отца, успокоит его ум и притупит боль разлуки. Тогда и ты будешь вполне довольна! Кто знает, как могут повернуться дальнейшие события?»

Кайкеи слушала Раму и чувствовала, как ее наполняет Ананда. Однако к ее восторгу примешивалось некоторое беспокойство. Она боялась того, что может случиться, если Бхарата вернется в город раньше, чем его покинет Рама. Поразмыслив, она решила, что будет надежнее настоять на том, чтобы Рама отправился в путь немедленно, не дожидаясь прибытия Бхараты. Поэтому она сказала: «Рама! Мне не составит труда отдать распоряжение о скорейшем снаряжении гонцов в царство Кекайя. Но я не вижу причины, по которой тебе следует оставаться в Айодхье до возвращения моего сына. Если ты окончательно решил стать лесным отшельником, к чему откладывать день твоего ухода? Не забывай: чем раньше ты уйдешь, тем раньше сможешь вернуться. Желательно, чтобы ты был готов пуститься в путь прямо сейчас!»

Твой отец наверняка хотел бы сам сказать тебе об этом, но сейчас он не способен отчетливо выразить свою волю. Я уверена, что сердце подсказывает ему, что он должен отдать этот приказ, но он слишком сильно любит тебя, и чувство стыда мешает ему. Он не может набраться мудрости и поведать тебе о своей клятве – в этом причина его отчаяния. От этого – вся его скорбь и печаль. Чем скорее ты покинешь Айодхью, тем скорее он оправится от боли, терзающей его. Я боюсь, что пока ты здесь, он не притронется к пище и не пожелает совершить омовения. Поэтому, если ты мечтаешь о том, чтобы он снова стал счастлив, чем скорее ты уйдешь, тем лучше».

Беспощадные слова Кайкеи разрывали на части сердце несчастного Дашаратхи, безвольно распростертого на ложе; он затрясся в приступе иступленной ярости: «Будь ты проклята, бесстыжая ведьма!» Он повернулся к Рама и, вскрикнув: «Рама! Рама!» – вновь лишился чувств. Рама сел на постель и положил голову отца к себе на колени; он гладил его лоб и с любовью и нежностью утешал и успокаивал его. Затем он сказал, обратившись

к Кайкейи: «Мать! Я не из тех, кто отравлен жаждой власти и одержим мирской гордыней; я не стремлюсь подчинить себе людей и утвердиться в роли правителя державы. Мне больше подходит жизнь лесного отшельника, мое самое страстное желание – это укреплять и поддерживать Дхарму. Кроме этого у меня есть только одна святая обязанность – забота о счастье и благополучии моего высокочтимого отца. Чтобы осуществить эти три цели, я готов на любые испытания. Для сына не может быть долга выше и благороднее, чем служение отцу. Мать! Поскольку отец не смог внятно изъяснить мне свою волю, то твои слова я принимаю как выражение его приказа. Этого мне вполне достаточно! Кроме того, ты говорила в его присутствии. Он слышал все, что ты сказала, и, тем не менее, не пытался ни возразить тебе, ни противоречить. Поэтому я заключаю, что твои слова – это, в сущности, его слова. Мне остается подчиниться приказу и уйти в назначенный час.

Мать! У меня к тебе есть небольшая просьба, которая, я надеюсь, тебя не затруднит. Когда бразды правления перейдут в руки Бхараты, проследи за тем, чтобы он беспрекословно следовал наказам отца и приносил ему своими действиями радость и удовлетворение. Для меня, для Бхараты, как, впрочем, и для любого сына, нет обета более святого и плодотворного, чем забота о счастье и довольстве отца. Служение отцу – это сама Санатана Дхарма – извечный долг каждого сына».

С этими словами Рама простерся на полу и коснулся ног матери Кайкейи. Дашаратха скорчился от мучительной судороги, прошедшей по его телу, как будто Дхарма, воплощенная в сыне, и проявленное им невозмутимое спокойствие еще сильнее всколыхнули его отцовскую любовь и безмерно усугубили скорбь и отчаяние. Убедившись в том, что Рама не останется в Айодхье, он утратил всякий контроль над собой, позабыв и о приличиях, и о своем высоком сане. Он выкрикнул: «Рама!» и повалился с постели на твердый пол спальни. Обитательницы зенаны (женской половины дворца), услышав этот глухой и тяжелый звук падения, были потрясены и испуганы. Они громко запричитали, оплакивая горестный ход событий. Рама понял, что ему ничего не остается, как уйти как можно скорее. Он склонился перед отцом, коснувшись его ног, и быстро вышел из опочивальни.

Лакшмана, стоявший все это время за дверью комнаты, уже знал обо всем, что произошло внутри. Его лицо было мокрым от слез, он кипел от ярости к Кайкейи и сердился на отца. Он счел неуместным давать волю своим чувствам и молчаливо последовал за Рамой с низко склоненной головой, опущенным взором и руками, смиренно сложенными на груди. Лицо Рамы, только что потерявшего царство и приговоренного к изгнанию, напротив, излучало сияние; так сияет луна за густыми черными тучами, безразличная к темной завесе, окутавшей землю. Его облик не утратил своего великолепия, ибо как триумф, так и бесславие он принимал с одинаковой безмятежностью. Он вел себя как опытный йог и не позволял тревоге и раздражению проникать в свои мысли, слова и поступки. Он шел, будто у него не было ни малейшей причины для беспокойства. Сумантра, однако, догадывался, что за стенами дворца произошли события, влекущие за собой грозные перемены. Мрачные предчувствия вскоре сменились уверенностью. Его сердце сжалось, когда он увидел Лакшману. Страх Сумантры усилился, когда, в добавление к этому, Рама резким движением отстранил от себя белый балдахин, который все это время держал над ним один из слуг. Он заявил, что больше не нуждается ни в каких церемониальных опахалах и отныне не намерен пользоваться своей серебряной колесницей. Услышав это, Сумантра совсем упал духом и ощутил резкую слабость во всем теле. Оправдались его наихудшие опасения.

Рама не промолвил ни единого слова ни тем, кто сопровождал его, ни толпившимся на улицах горожанам; сам он не был опечален, но знал, как огорчится народ, когда узнает недобрые вести. Если бы он заговорил, он мог бы сказать только правду, и его слова послужили бы источником всеобщей скорби. Несмотря на это, все те, кто наблюдал, как он пешком возвращается в свой дворец, догадались, что произошло непоправимое.

Рама не направился сразу же в покои Ситы. Его путь лежал ко дворцу Каушалы. Дворец царицы, украшенный флагами и гирляндами, блистал великолепным праздничным убранством. Все женщины – обитательницы дворца, служанки и придворные, прослышав о приближении Рамы и Лакшманы, держа в руках сосуды с горящими светильниками, выстроились вдоль прохода, приготовившись приветствовать братьев. Старые и преданные стражи, охраняющие главный вход, издали завидев принцев, застыли в торжественных позах и хором провозгласили: «Победа! Победа! Да сопутствует вам Победа!» – после чего склонились в низких смиренных поклонах. Когда Рама вступил во второй внутренний двор, брамины, собравшиеся там, осыпали его благословениями. Они пересекли третий внутренний двор, и при виде их юные девушки, находящиеся в услужении у Каушалы, бросились вглубь дворца, чтобы сообщить Ее Величеству радостное известие о появлении Рамы и его младшего брата. Они сами были в восторге от того, что принцы явились во дворец. По обе стороны длинной галереи, ведущей к покоям Каушалы, стояли служанки со светильниками в руках. Они размахивали ими круговыми движениями, как того требовал священный ритуал, чтобы рассеять действие дурного глаза и в знак приветствия, сулящего радость и процветание.

Каушалья бодрствовала всю ночь, готовясь достойно встретить утро торжественного дня. С первыми предрассветными лучами она приступила к сотворению молитвенных обрядов поклонения. В то время, когда объявили о прибытии Рамы, седовласые жрецы-брамины возносили хвалу Богу Огня, нараспев читая ведийские гимны. Мать Каушалья пребывала в приподнятом настроении, предвкушая зрелище долгожданной коронации сына. Исполненная радости, она совершила несколько праздничных ритуалов и раздала народу множество даров. Она не смыкала глаз и соблюдала строгий пост. Ее пищей была Ананда, и она светилась ею, щедро делясь со всеми. Царица выбежала навстречу Рама и заключила его в свои объятия; она ласкала его, перебирая его кудри; взяв его за руку, она повлекла его за собою в храмовые покои, где провела все утро. Она не подозревала о происшедших роковых событиях. Безгрешная и чистая душою, облаченная в белоснежное сари – символ святости, со священным шелковым шнурком, повязанным на запястье, она целиком отдалась благодарному служению Богам. Глядя в лицо Рамы, она заметила, что оно светится изнутри каким-то новым, особенно прекрасным, духовным светом. Она не могла сдержать захлестнувшую ее сердце Ананду. «Сын! – сказала она. – Все твои царственные предки были мудрецами – Раджаришами. Они были мощными столпами Истины и Добродетели, Махатмами, достигшими величия духа. Пусть и твоя жизнь будет такой же долгой и прекрасной! Пусть добрая слава о твоём царствовании разлетится по всему свету! Сын! Следуй идеалам Праведности, которых свято держались все потомки династии Икшваку! Никогда не пренебрегай ими, даже если твой ум будет затуманен тревогой и смятением! Не забывай о них ни на мгновение, не позволяй себе отступить от истины даже в самой мелочи!» С этими словами Каушалья, в знак своего материнского благословения, положила на голову Рамы несколько зерен риса. Она придвинула к нему золотое сиденье и сказала: «Сын! Ты бодрствовал всю ночь, соблюдая ритуальный обет, не так ли? Я знаю, что, следуя предписанным правилам, ты ничего не ел со вчерашнего дня. Ты, должно быть, чувствуешь себя утомленным. Сядь и отдохни немного, съешь несколько фруктов!» Она подала Рама золотое блюдо с фруктами, которые заранее приготовила для него.

Рама блаженствовал, купаясь в лучах любви и Ананды, исходящих от матери. Он не представлял, как сможет рассказать ей обо всем, что случилось. Чтобы доставить ей удовольствие, он сел на предложенный ею золотой стул и взял в руки один из плодов, лежащих на блюде. После этого он произнес: «Мать! Отныне я не буду прикасаться к золоту. Я не смогу сидеть на золотом стуле. Я жду твоего благословения на долгий путь, ибо я должен отправиться в изгнание в джунгли Дандака. Я пришел попрощаться с тобой». Смысл слов, сказанных Рамой, остался непонятным Каушалье. Она быстро ответила: «Сын! Остались считанные минуты до того, как ты будешь провозглашен царем,

а ты толкуешь о каких-то лесах Дандака! Ты приводишь меня в недоумение, и я затрудняюсь понять, что означают твои слова». Ей пришло в голову, что Рама просто решил пошутить, и она сказала: «Сын! В такой торжественный час ты не должен, даже в шутку, упоминать о дурном. Прошу тебя, не делай этого, мое любимое сокровище!» Она собрала с тарелки горсточку сладкого риса, сваренного в молоке, и положила ее на язык Рама! Лакшмана смотрел на царицу, полную любви и Ананды, и, помимо его воли, его глаза наполнились слезами.

Каушалья заметила это и, повернувшись к Лакшмане, с беспокойством спросила: «Лакшмана! Отчего ты так печален?» Она поспешила к нему, чтобы приласкать, но Лакшмана не мог больше сдерживать свое горе. Он зарыдал громко и безутешно. Царица замерла, потрясенная – она не знала, отчего так громко плачет Лакшмана. Слова Рама и отчаяние Лакшманы чрезвычайно встревожили ее. Рама, между тем, продолжал: «Мать! Если ты пообещаешь мне, что не будешь сильно горевать, то я все расскажу тебе, – и он крепко сжал ее руки в своих. – Существует нечто, что способно ниспослать вечную и нерушимую славу тебе, мне, нашей семье и всему нашему роду. Поэтому ты не должна впадать в беспокойство и поддаваться сомнениям и скорби. Осознай то, что я скажу тебе, и прими это с гордостью и любовью. Разве не доставляло тебе радость то, что я всегда был послушен воле отца? Он принял решение короновать моего брата, Бхарату. Он решил также отослать меня, облаченного в одежды лесного отшельника, в джунгли Дандака на четырнадцать лет. Я подчинился его приказу и пришел сюда, чтобы попрощаться с тобой».

Услышав это, Каушалья, как подкошенная, упала на пол, пронзительно вскрикнув: «Рама! Что происходит? Мое нежное дитя, моего любимого сына изгоняют в дремучий лес? Какое преступление совершил мой Рама, чем заслужил такую участь? Может ли это быть правдой? Или весь этот бессмысленный бред исходит из моего собственного мозга, ослабленного голодом и бессонной ночью? «

Пока она разговаривала так сама с собой, пытаясь успокоиться и объяснить себе смысл случившегося, вести о событиях, происшедших во дворце Кайкеи, распространились по зенане, и отовсюду послышались горестные возгласы и жалобные причитания служанок и работниц. Женщины кричали: «Рама! Рама! Не покидай нас!» Многочисленные группы людей, потрясенные нежданной вестью, уже стекались ко дворцу Каушальи. Сама она пребывала в полной растерянности, охваченная тоской и страхом. Причина несчастья оставалась для нее неразгаданной тайной. Сраженная тревогой и отчаянием, она не могла подняться с пола. Однако царица стремилась понять, чем вызвана всеобщая скорбь. Она притянула Раму к себе, прижала его к своим коленям и сказала, глядя его кудрявую голову: «Сын! Что все это значит? Я не верю своим ушам! О чем плачут люди? Я не могу долее выносить эту неизвестность». Рама ответил ей: «Отец исполнил два желания Кайкеи, не смея нарушить клятву, данную ей много лет назад». Он объяснил Каушалье, в чем состояли эти два желания: «Первое из них: коронован и помазан на царствование должен быть Бхарата, а второе – я должен отправиться в четырнадцатилетнее изгнание в леса Дандака».

Когда Рама поведал обо всем Каушалье, стараясь убедить ее, что все сказанное им есть чистейшая правда, она воскликнула: «Рама! Неужели Кайкеи и в самом деле потребовала такие дары? Кайкеи питала к тебе безграничную любовь и привязанность. Я уверена, что никогда ранее подобные мысли даже не приходили ей в голову! Хорошо, оставим это. Если даже допустить, что она это сделала, то только для того, чтобы испытать царя! Зачем из-за такого пустяка поднимать панику и устраивать всеобщее смятение? Но если она действительно потребовала такие дары, твой отец никогда в жизни не согласился бы исполнить ее желания! Я отказываюсь верить в это. Разве способен Дашаратха, который с трудом выносит и минутную разлуку с тобой, отправить тебя в леса на четырнадцать лет! Это невозможно, и твои слова повергают меня в сильное недоумение».

Рама видел, что мать сомневается в истинности происшедших событий. Он снова нежно взял ее за руки и взмолился: «Мать! Поверь моим словам! Отец уже давно пообещал Кайкейи исполнить любые два ее желания; теперь же, когда она потребовала обещанное, он не считал возможным нарушить данное слово и отступить от торжественного клятвенного обета. Однако его сердце не может смириться с предстоящей долгой разлукой, и он не в силах произнести слова приказа. Поэтому он страдает от тяжкого душевного расстройства. Я не смог вынести этого мучительного зрелища. Я только что был во дворце у Кайкейи. От потрясения отец лишился чувств; его терзает невыносимая боль. Все это – правда! Поверь мне, я не настолько жесток, чтобы из-за какого-то смехотворного пустяка ввергать тебя в столь сильную тревогу. Я покорился приказу отца и пришел к тебе, чтобы получить твое благословение».

С этими словами Рама упал к ногам матери. Каушалья нежно подняла его. Она сказала: «Рама! Как странно ведут себя люди! Каким безжалостным варваром нужно быть, чтобы высказать такие ужасающие просьбы! Может ли у человеческого существа зародиться мысль изгнать тебя в джунгли на четырнадцать лет за несколько минут до начала церемонии коронации? Неужели всю жизнь мне суждено страдать? Я обрела сына, заслужив этот дар соблюдением бесчисленных постов и обетов. Увидев твое прелестное личико, я позабыла о долгих годах мучительного ожидания. У меня нет других желаний; я не прошу иных даров: мне достаточно, чтобы мой сын был рядом, вместе со мною! И меня хотят лишиться и этой единственной радости? Для того ли я произвела на свет сына, чтобы его вышвырнули в дремучий лес? Какая мать позволит отправить свое дитя в дикие джунгли? О горе мне! Какой страшный грех совершила я в прошлом? В какой из моих предыдущих жизней разлучила я мать с любимым сыном? С того самого дня, когда ты начал постигать мудрость Вед, источником моего постоянного счастья была мысль о том, что день твоей коронации становится ближе и ближе! Неужели моей самой заветной мечте не суждено сбыться? Неужели рухнули и рассыпались в прах все мои надежды? Неужели все обеты, бдения, ритуалы и обряды, которые я совершала с таким истовым тщанием и верой, молясь о твоём счастливом будущем, оказались напрасными? О, как велики, должно быть, мои грехи! Почему мое сердце не разбилось в тот момент, когда я услышала страшную весть? Боюсь, теперь мне придется услышать и вынести множество известий, надрывающих душу! Смерть не приходит мне на помощь. Мое сердце, несмотря на тяжкий удар, продолжает биться. Увы, даже смерть не является ранее назначенного часа. Для меня этот час настал, а я все еще жива; смерть не внимает моей мольбе и оттягивает момент избавления от мук. Даже у Ямы нет ко мне ни капли сострадания. Боги сочли меня недостойной даже царства Смерти. О Рама! Отчего обрушилось на нас это несчастье!» Она стенала и плакала, пока не впала в беспамятство. Очнувшись, она забилась на полу, прижав ладонь к сердцу. Рама не мог спокойно наблюдать эту сцену. Оглушительные вопли служанок, столпившихся вокруг, поражали его слух, словно раскаты грома.

Он не вымолвил ни единого слова. Он сел на пол рядом с матерью, нежно глядя ее по голове, пытаясь утешить. Он стряхивал пыль и грязь с ее одежды. Рама был подобен нерушимой скале, вздымающейся из глубин океана, безразличной к яростно бушующим вокруг гигантским волнам. Он пребывал вне пределов досягаемости горя и радости, неподвластный ни волнам скорби, ни всплескам восторга. Он был одинаково спокоен, как сейчас, будучи приговоренным к четырнадцатилетнему изгнанию, так и полчаса назад, готовясь прошеествовать в зал для торжеств, чтобы надеть корону правителя великой державы.

Каушалья прекрасно знала, что Рама не способен пренебречь своим долгом. Ей было хорошо известно, что он не нарушит данного слова и не отступит ни под каким предлогом с пути, указанного отцом. Она была твердо уверена, что никакие ее уговоры и жалобы не заставят его повернуть вспять. Поэтому она прекратила попытки уговорить Раму отказаться от своего решения. «Сын! – сказала она. – Бесполезно искать виновных, если

человеку предназначено судьбой лицом к лицу столкнуться с несчастьями и бедами. Это пустая трата слов и времени. Все, что происходит с нами, идет нам во благо! Никто не может противиться воле Божьей. Но в этом дворце, в этом городе я не смогу быть счастливой. Я счастлива только рядом с Рамой. Поэтому я иду с тобой! Возьми меня с собой!» Она попыталась встать на ноги. Служанки бросились ей на помощь, и она села на полу, опираясь на стену. Они старались говорить тихо и мягко, чтобы вновь не взволновать ее.

Лакшмана видел, как страдает Каушалья. Ее слова разрывали ему сердце, и он не смог сдержать своих чувств. Он кипел от гнева и негодования. Прижав руки к груди, он воскликнул: «О высокочтимая мать! Я не допущу, чтобы это случилось! Неужели Рама должен отправиться в изгнание, подчиняясь ничтожному капризу неразумной женщины? Я не вынесу этого! Отец уже очень стар и поэтому ум его ослабел. Он попался в сети чувственных переживаний и стал рабом коварного очарования Кайкейи; он жалок в своей зависимости от женской прихоти; он утратил способность отвечать за последствия своих поступков. Слепленный страстью, он может отдать самый нелепый приказ! Подобным приказам мы не обязаны подчиняться. Царь впал в состояние слабоумия и не может отличить реальное от призрачного, преходящее от истинно ценного. Если правитель, безрассудно привязанный к женщине, отдает приказы, исходя из ее воли, ими смело можно пренебречь! Какое преступление совершил Рама, чтобы обрекать его на изгнание? Даже самый злейший враг Рамы (если он имел хотя бы одного врага), даже самый бессердечный варвар, избывающий наказание за злодеяния прошлого, не смог бы указать на него пальцем и обвинить хоть в малейшей погрешности в поступках и поведении. Никакой царь в этом мире не посмеет отправить в изгнание человека столь безупречно невинного, столь чистого в своих помыслах, обладающего такой святостью! Рама тверд и непреклонен на пути к цели; он овладел своими чувствами; он чтит достоинство своих противников и относится к ним с уважением. Ни один нормальный отец не прогонит в джунгли такого сына! Тем более, если это отец, известный своей преданностью Дхарме, герой, исполненный святых идеалов, приверженец Добра и Истины во всех их проявлениях. Мог ли столь праведный царь отдать этот приказ? Совершенно очевидно, что Дашаратха либо безумен, либо ослеплен страстью. Мы не должны принимать во внимание повеления подобного правителя. Слова царя, который ведет себя, как лунатик или как неразумное дитя, не заслуживают никакого уважения. Позабыв о нравственных законах государства, пренебрегая общеизвестными мудрыми истинами, с легкостью отрекаясь от отцовского долга, он потерял голову и отдался во власть безумных причуд и капризов. Должны ли мы придавать значение его словам? Я не согласен с тем, что следует считаться с его волей!»

Лакшмана повернулся к Раме и, благоговейно сжимая его руки, сказал: «Рама! Прости мне мои слова! Захвати силой власть над царством до того, как новость распространится повсюду и народу станет известно о происшедших событиях! Я буду на твоей стороне, и мой лук будет со мною! Если кто-нибудь в этой столице посмеет выступить против тебя, его ждет стрела, пущенная из моего лука! Хотя я уверен, что такого человека не найдется ни в Айодхье, ни в каком другом месте на этой земле! Но если противодействие все же возникнет, великий город превратится в безлюдную пустыню! Тому порукой мои меткие стрелы! К чему тысячу раз твердить об одном и том же? Если Бхарата поднимется против тебя или кто-то возьмет его сторону, я уничтожу врага, я разобью его в пух и прах! Я ни перед чем не остановлюсь. Я схвачу и брошу в темницу даже Дашаратху, если ему вздумается упорствовать в этой борьбе и выступать в защиту Кайкейи!»

Лакшмана продолжал свою страстную речь, и взгляд Рамы, устремленный на него, становился все более суровым. Он резко перебил брата, остановив неудержимый поток его чувств. Он сказал строго и непреклонно: «Лакшмана! Ты переходишь всяческие границы. Никто не может запретить мне поступать так, как я задумал, и вставать на пути

принятых мною решений! Мне не удастся избежать изгнания. Тобою движет любовь и стремление предотвратить разлуку со мной. Смирись и сдержи свои чувства. Только смирение спасет тебя от возбуждения и страха. Будь терпелив. Не впадай в панику. Выбрось из своего сердца ненависть к отцу и к своему брату Бхарате. Они оба чисты и безгрешны. Мать Кайкейи в высшей степени благородна. Она заслуживает глубокого уважения и преклонения. Мы не вправе осуждать ее желания. Она любила меня, ласкала и лелеяла, нянчилась и играла со мной, получая при этом радость большую, чем воспитывая своего собственного сына, Бхарату. Если сейчас мать требует от отца исполнить ее желания – желания, противоречащие всем понятиям о морали, нет сомнений в том, что во всем этом кроется глубокий смысл. Это осуществление Божественного плана, а не простые причуды человеческого характера. Успокойся, оставь свой страх и забудь о ненависти. Мы будем ждать, что за всем этим последует», – так Рама увещевал Лакшману.

Выслушав эти слова, Лакшмана бросился в ноги Рама и воскликнул: «Рама! На каком основании, согласно какому закону получит Бхарата царскую корону, которая должна быть твоей? Кто иной, как не старший сын, заслужил это право? Заботясь об отце, ты подчиняешься бессмысленному, несправедливому приказу. Я никогда не примирюсь с этим, что бы ты ни говорил в свое оправдание». Обращаясь к Каушалье, Лакшмана продолжал: «Высокочитимая мать! Ты знаешь, что я действительно глубоко предан Рама. Более того, я готов поклясться, что не смогу существовать вдали от Рама ни единой минуты. Если Рама откажется от царства и отправится в лес, я последую за ним. Я буду идти за ним по пятам, я стану его тенью. Если он не разрешит мне сделать это, то мне останется единственная радость – прыгнуть в пылающий огонь. Никто другой мне не нужен, и только его приказам я намерен повиноваться. Мать! Мне невыносимо видеть тебя страдающей! Он твой сын; он мой Рамачандра. Может ли кто-нибудь существовать вдали от своего дыхания?»

Слушая Лакшману, Каушалья немного успокоилась. Она ласково погладила его по голове и сказала: «Твоя любовь приносит мне большое облегчение. Твои слова придадут мне сил. Такие братья, как вы, – большая редкость. Весь мир относится с глубоким почтением к матерям, подарившим ему таких детей, считая их святыми; однако теперь меня терзает мысль, что я – великая грешница. Рама не отступится от своего решения. Изгнание – его неизбежная участь. Мне нужно только одно – чтобы ты взял с собой и меня», – жалобно взмолилась она.

Рама взглянул на Лакшману и сказал: «Брат! Я знаю, насколько сильна твоя любовь ко мне. Мне хорошо известны и твой героизм, и твоя доблесть, и твое мужество. Мать страдает так тяжело, ибо она неспособна сейчас осознать истину и понять всю ценность умения владеть собой. Кроме того, ее горе вполне естественно, ведь я – ее родное дитя. Пойми хотя бы ты: Дхарма, или путь Праведности – основа всей нашей жизни. А Дхарма будет прочной, если не разрушится фундамент Истины, на котором она покоится.

«Сатья и Дхарма неразрывно связаны между собой. Одна не может существовать без другой. Истина – это Праведность; Праведность – это Истина. Действуя согласно воле отца, я не изменяю ни Сатье (Истине), ни Дхарме (Праведности). Тот, кто решил вступить на путь добродетели, никогда не нарушит слова, данного матери, отцу или святому наставнику. Поэтому я не поступлю наперекор воле отца. Мое решение окончательно. Приказ исходил не от Кайкейи; она только передала мне то, что хотел сказать отец. Она говорила в его присутствии, и я сделал то единственное, что от меня требовалось: склонил голову в знак согласия и повиновения. Если бы Кайкейи не выражала волю отца, излагая мне свои требования, он мог бы воспротивиться ее желаниям и заявить об этом, не так ли? Однако он не сделал этого; он не произнес ни единого слова, а только жалобно стонал и всхлипывал; по этой причине мне стало понятно, что Кайкейи говорила устами отца. Я не намерен отказываться от данного ему обещания. Для меня невозможно брать назад свои слова. Не позволяй своему разуму опускаться до образа мыслей кшатриев, которые способны лишь на то, чтобы наводить на людей ужас. Осознай мою правоту и забудь о

жестокости и насилии». Рама обнял за плечи Лакшману, который совсем сник от горя и негодования, и попытался облегчить его горе ласковыми словами, полными любви и нежности. Затем, повернувшись к матери, Каушалю, он произнес: «Прошу тебя, не препятствуй моему решению и не принуждай меня нарушать клятву. Что бы ни случилось с каждым из вас, мне все равно не избежать изгнания. Простись со мной с любовью; благослови принятый мною обет и мой дальнейший путь». Он упал к ногам матери, моля ее дать позволение отправиться в дорогу.

Каушалю вновь захлестнула волна отчаяния и мучительной скорби. Она прижала Раму к груди и громко зарыдала. Видя, как она страдает, Рама тоже не смог сдержать своих чувств. Он обнял ее ноги и с волнением проговорил: «Мать! Мои слова – это наивысшая правда. Послушай меня. Ничего страшного не произойдет со мной, пока я буду находиться в лесу. Все эти четырнадцать лет меня не покинут безмятежное счастье и радость. Я вернусь и вновь упаду к твоим ногам. Сбудутся все твои мечты и надежды. Мать! Это приказ Дашаратхи! Это приказ, которому не только я, но и все остальные – ты, Лакшмана, Сумитра и Бхарата должны подчиниться беспрекословно! Таков древний закон, такова Санатана Дхарма.

Мать! Прости меня за то, что я осмелюсь высказать еще одну просьбу. Чтобы не пропали даром приготовления к моей коронации, сделанные тобой и многими другими, используйте их с такой же радостью и энтузиазмом для коронации Бхараты. Отец поручил мне править лесным царством, и это лучшее из решений, ибо, согласно высшей Дхарме, каждый должен исполнить предназначенный ему долг. Избегать своего долга потому, что он кажется трудным и невыполнимым, значит создавать различия между мной и Бхаратой. То, что тебе следует сделать – это благословить нас обоих и пожелать каждому из нас успешно справиться с возложенной на него ответственностью».

Каушалю внимала словам Рамы, но они не помогли ей пересилить скорбь, охватившую ее. Она тяжело стонала от горя. «О сын мой! Отец растил и воспитывал тебя и был счастлив видеть, как ты становишься высоким и сильным. Он заслужил твое уважение и послушание. Но разве я не достойна уважения? Разве мне ты не должен подчиняться? Ты прекрасно знаешь, что жена – это половина мужа. Муж – это правая половина жены. Если каждый из нас – часть другого, то я – это половина Дашаратхи, или я не права? Поэтому жену и называют Ардханги – половиной тела мужа. Когда ты говоришь, что исполняешь волю Дашаратхи, эта воля исходит лишь из одной его половины. Эта воля не есть порождение Дашаратхи как целого. Она будет иметь вес только тогда, когда и вторая половина согласится с ней! Если же я не согласна, то она не имеет цены как приказ, не терпящий возражений. Ты знаешь, в чем заключается смысл и важность Дхармы во всех ее проявлениях. Поэтому и то, о чем я говорю, должно быть тебе хорошо известно. Без согласия матери никакой долг не считается обязательным и не заслуживает того, чтобы именоваться Дхармой. К наказам матери следует относиться с большим вниманием, чем к наказам отца! Этот долг еще более важен. Ибо именно мать, а не отец взрастила и выкормила тебя, не отходя от тебя ни на шаг, пока ты был ребенком и подростком! Если бы мать не носила дитя девять месяцев под сердцем, как оно могло бы появиться на свет? Теперь ты бросаешь свою мать в пламя скорби и заявляешь: «Это воля отца, и я исполню ее любой ценой». Я считаю, что ты поступаешь неправильно! Для матери нет сокровища дороже, чем ее собственный сын. Для таких матерей, как я, сын – это сама жизнь. Если сын пренебрегает мною и считает волю отца наивысшим законом, какой смысл добиваться мне милости богов, чтобы вкушать после смерти Божественный нектар? Мне лучше тогда жить в аду! Любой ад мне покажется раем, если мой сын будет рядом!

Рама! Что мне делать здесь без тебя? За всю свою жизнь я не испытала ни единого счастливого мгновения. С самого рождения я была связана суровыми запретами, налагаемыми моими родителями. Затем настала пора беспокойного ожидания: какой муж мне достанется, какой у него будет характер и как он будет относиться ко мне? Наконец, я

стала женой твоего отца. Последовали долгие годы мучительных терзаний, ибо я оставалась бездетной. Потом я страдала от раздоров с новыми женами твоего отца. В моей постоянной борьбе не было и дня передышки! В награду за неведомую мне заслугу в моих прошлых жизнях боги даровали мне сына. И вот теперь на меня обрушилась эта беда: я должна расстаться с тобой! Была ли я когда-нибудь счастлива? Моя жизнь превратилась в сплошной поток горя, и я несусь по течению, неспособная выплыть на берег; я тону без всякой надежды на спасение. Ты был единственной веточкой, за которую я могла уцепиться, чтобы не погибнуть. Что случится со мной, если и ее отнимут у меня? Если я буду находиться вдали от твоего отца, он не будет испытывать боли разлуки. Единственный источник его Ананды – это Кайкейи, он не нуждается ни в каком другом. Поэтому, вместо того чтобы влачить здесь жалкое и бессмысленное существование и, в конце концов, зачахнуть и испустить дух, я предпочитаю глядеть в прелестное лицо моего обожаемого сына. Чтобы поддерживать в себе жизнь, мне достаточно и этой радости; я могу обойтись без пищи и воды, живя в лесу». Хотя Рама и чувствовал, что в ее словах есть некая доля истины, он был тверд в своем стремлении подчиниться наказу отца и сдержать свое обещание, не изменив долгу.

Тут в их спор вмешался Лакшмана и сказал: «Брат! Слово матери – это высочайшая истина. Мать заслуживает большего преклонения, чем отец. В священных текстах сказано: «Матр Дево Бхава, Питр Дево Бхава», и тем самым отдается предпочтение матери, а отцу отводится второе место. Там говорится: «Чти, как Бога, мать свою», а затем следует изречение «Чти, как Бога, отца своего». Ты поступаешь неправильно, столь упорно держась за свое мнение и причиняя так много горя своей матери».

Но Рама резко прервал рассуждения Лакшманы. Он сказал: «Брат! Ты встал на защиту матери, чей ум затуманен страданием, вызванным излишней привязанностью к своему отпрыску! Осознай, наконец, всю важность приказа отца – с ним связано будущее нашей державы, от него зависят благополучие всего мира и всего человечества! Ты до сих пор не понял, каковы истинное значение и глубинный смысл этого повеления. Только Дхарма может обеспечить достижение трех целей человеческой жизни – процветания, счастья и освобождения. Надеюсь, ты не сомневаешься в этом и не собираешься оспаривать верность этой истины. Когда человек посвящает свою деятельность стяжанию богатств, весь мир питает к нему ненависть. Если вся человеческая жизнь сводится к эгоистическому стремлению удовлетворить свои желания – мир отвергает его с презрением. Поэтому наши действия должны строго соответствовать Дхарме. Лакшмана! И это еще не все. Дашаратха – наш отец, наш наставник и наш державный правитель. Он вправе отдать любой приказ, будучи движим своим желанием, или внезапной вспышкой гнева, или находясь во власти любви и привязанности – причина нас не касается! От нас требуется лишь повиновение, и никакое противодействие не может быть оправдано.

Идти против воли отца могут сыновья, погрязшие во грехе; я не из их числа. Каков бы ни был приказ отца – я склоню голову в знак покорности и благоговения. Я вижу, что ты полон сомнений и готов возразить мне! Если отец, ослепленный вожделением, неспособный охватить своим ослабевшим разумом разницу между вечным и преходящим, стремящийся к удовлетворению собственных прихотей, запутавшийся в сети коварных уловок и интриг, пытается нанести вред собственному сыну, ты спросишь, обязан ли ты доверять такому отцу и подчиняться его приказам? Ты должен делать это без малейшего колебания! Он может быть глупцом или жестоким тираном, но ты – его сын! А если это так, то каково бы ни было его положение, твое всегда неизмеримо ниже! Отсюда следует выводить все наши права и обязанности. В лучшем случае сын имеет право, опираясь на свое мнение, попытаться разъяснить отцу то, что кажется тому непонятным, и развеять его тревогу и смущение. Но он не смеет послушаться отца, объявляя его приказ нелепым и бессмысленным.

Постарайся осознать то, что я сказал. Дашаратха – чрезвычайно одаренная личность, он великий воин, доблестный герой и всегда был столпом праведности. Он готов испытать

мучительные страдания, чтобы сдержать данное слово! Он не околдован чарами Кайкейи, он не ослеплен вожделением! Он движим единственным высшим стремлением – не изменить клятве, остаться верным торжественному обещанию. Он сказал ей когда-то, что исполнит любые ее желания, каковы бы они ни были, даже если это будет грозить ему неминуемой бедой! Я никогда не склонюсь к мнению, что отец одурманен низкой страстью. Он глубоко несчастен оттого, что не может избежать последствий своего поступка, и его сердце не хочет мириться с неизбежностью моего изгнания.

Лакшмана! Отец – стойкий приверженец Дхармы, более стойкий, чем кто-либо из его царственных предков. Слава о нем прогремела по всему свету, отзываясь мощным эхом в самых затаенных уголках трех миров! Не будет ли это дурным примером для всего человечества, если царица, причем царица, которую все считают святой, оставит его в одиночестве и пустится вслед за сыном в дальний путь? Жизнь коротка; отпущенный нам срок недолог. Недопустимо осквернять свою репутацию такими несправедливыми действиями; это не приведет к добру ни тебя, ни меня».

Рама склонился к матери и умоляюще произнес: «Мать!» – но, прежде чем он смог продолжить, он увидел, что Каушалья застыла в оцепенении, пораженная ужасом. Она внезапно осознала, что все ее усилия изменить решение Рама абсолютно бесполезны. Она поняла, что ей не избежать исполнения материнского долга – позволить ему уйти и благословить его на прощание. Она почувствовала, что своими жалобными мольбами лишь причиняет Рама еще более сильную боль.

Лакшмана тем временем окончательно расстроился; его глаза распухли и покраснели; он перестал понимать, где находится и кто его окружает; его губы пересохли, а язык одеревенел. Он стоял с низко опущенной головой, устремив взор в одну точку, и слезы неудержимым потоком струились по его щекам. Рама глядел на него и чувствовал, что не может покинуть брата, находящегося в таком плачевном состоянии. Он боялся, что тот наложит на себя руки, если останется один, или из мести причинит вред другим. «И ответственность за содеянное им ляжет, разумеется, на мои плечи», – так думал Рама.

Он решил испытать Лакшману и обратился к нему с такими словами: «Брат! Гнев, пылающий в душе – все равно что возкурение фимиама в честь наступающих орд наших грехов. Погаси его! Ты впал в отчаяние от того, что твой Рама смертельно обижен и опозорен. Но Сатья и Дхарма – пути истины и справедливости – не ведают ни славы, ни бесчестья. Они не стремятся к первому и не прячутся от второго. Будь смелым! Наполни свое сердце отвагой. Остайся здесь и служи отцу, посвяти свои дни достижению высочайшей жизненной цели».

Когда до Лакшманы дошел смысл благословения старшего брата, он вздрогнул всем телом и мгновенно обрел дар речи. Он вскричал: «Брат! Когда Рама, дыхание моей жизни, уйдет в лес, кому здесь сможет пригодиться эта грубая и инертная материальная оболочка, называемая телом? У этого Лакшманы нет желания служить никому, кроме Рама. Ты дорожишь своей Дхармой и своим чувством долга; у меня тоже есть чувство долга, и я в равной степени дорожу им! Поэтому я последую за тобой. У меня нет потребности ждать чьих-то приказов! Я не желаю иметь ничего общего с людьми, идущими на поводу капризов Кайкейи. Если меня и вынудят остаться с ними, я не намерен обращать внимание ни на ее приказы, ни на болтовню ее прислужников! Никто на этом свете, кроме Рама, не имеет права командовать мною и указывать мне, как я должен поступать и действовать. Поэтому – здесь и сейчас – я тоже облачусь в одежды из коры, как то подобает лесному отшельнику, завяжу в спутанные пучки свои волосы и приготовлюсь сопровождать тебя». С этими словами он сорвал с себя украшения и царские знаки отличия, которые надел, собираясь прошесть с Рамой в зал для торжеств. Он с отвращением отшвырнул драгоценности и нарядные шелковые одежды; со звоном разлетелись по углам комнаты ожерелья и серьги! Он впал в сильное возбуждение, готовый в любую минуту двинуться в путь. Сердце Рама смягчилось при виде этого взрыва искренней любви и преданности. Он подошел к Лакшмане и, положив ему руку на

плечо, сказал мягко и ласково: «Я безгранично счастлив, что у меня есть такой брат, как ты! Это щедрый подарок судьбы. Если ты пойдешь со мной, мать Каушалья будет чувствовать себя гораздо спокойнее. Она дрожит от страха, что я не справлюсь с грозящими мне в лесу опасностями и не уверена, вернусь ли я через четырнадцать лет целым и невредимым. Скажи, чтобы она оставила свои сомнения. Подойди к ней и утешь ее... Мы провели здесь, споря, уже много часов, а отец, должно быть, еще сильнее страдает от тревоги и неизвестности. А Кайкейи наверняка мучается от подозрений, что я раздумал покинуть Айодхью! Поэтому мне нужно поторопиться, чтобы сообщить обо всем Сите, а затем отправиться во дворец Кайкейи и попрощаться с отцом. А тебе, Лакшмана, следует пойти и испросить позволения сопровождать меня у матери Сумитры».

С этими словами Рама, как того требовал обычай, обошел вокруг Каушальи и смиренно простерся у ее ног. При виде этого служанки и работницы, а также прочие обитательницы зенаны, в один голос завывали и запричитали, как будто на них обрушился всемирный потоп! Но Каушалья, собрав все свое мужество, притянула к себе Раму, покорно стоящего в ожидании благословения. Она обняла его, погладила по голове и, положив руки ему на плечи, произнесла: «Сын! Рама! Ты – несокрушимый защитник Дхармы! Ты – несравненный герой! У тебя нет причин бояться жизни в лесу. Ты принял решение отправиться в изгнание; для меня оказалось невозможным уговорить тебя изменить свое намерение. Да сопутствует тебе удача! Стремись к своему идеалу, осуществляй свое страстное желание – во всем подчиняться воле отца. Оплати свой священный сыновний долг, действуя согласно его повелению. У меня есть только одно желание – увидеть твое успешное возвращение в Айодхью! В этот день я, наконец, смогу стать счастливой. Рама! Воля судьбы воистину непостижима. Никому не суждено изменить ее, даже тем, кто обладает великим могуществом. Дхарма, ради которой ты покидаешь нас, будет, несомненно, охранять тебя в изгнании и не даст сбиться с пути. Рама! Как бы было хорошо, если бы эти четырнадцать лет пролетели как одно мгновение, и я видела тебя сейчас уже вернувшимся, а не уходящим! Увы! Прости мне мое безумие! Сын! Как мне выразить словами свое благословение? Должна ли я сказать: «Пусть четырнадцать лет пройдут как четырнадцать дней – нет, нет! Как четырнадцать взмахов ресниц! Возвращайся скорей, возвращайся живым! Стань великим царем! О жемчужина династии Рагху! О мой любимейший сын! Богиня Дхармы будет защищать тебя все эти годы, ибо ты отправляешься в леса, чтобы умилостивить ее. Она – твой самый сильный и самый надежный страж. Все четырнадцать лет я буду истово взывать к милости богов, умоляя их хранить тебя от бед и несчастий. В награду за преданность твоего служения матери, отцу, святому наставнику тебе будут дарованы долгая жизнь, здоровье и счастье! Твоя верность Истине сделает тебя неуязвимым. Горы, реки, звери и птицы, колючие заросли и гигантские муравьи будут поклоняться тебе с благоговением и, чуткие к твоим нуждам, постараются угодить тебе и доставить удовольствие! Даже обитающие в джунглях демоны-ракшасы, беспощадные и свирепые ко всем без разбору, покорятся тебе, ибо сердце твое полно любви и умиротворения, и падут к твоим ногам, провозгласив тебя своим Властелином».

Каушалья благословляла Раму, стараясь подавить отчаяние, переполнявшее ее, и придать своему лицу выражение спокойствия и уверенности. Она вдохнула нежный аромат его пышных волос и, притянув к себе, крепко сжала его в своих объятиях. Она поцеловала его в обе щеки; ее губы дрожали, когда она произносила прощальные слова напутствия: «Рама! Возвращайся целым и невредимым! Счастливого пути! « Рама знал как велика та любовь, которую она дарила ему вместе со своим благословением. Он несколько раз коснулся ног матери с благоговейной преданностью и сказал: «Мать! Не нужно горевать! Не нужно отказывать себе в пище и сне и подрывать свое здоровье. Всегда, в любую минуту, вспоминай обо мне с радостью и легким сердцем. Твои думы обо мне обеспечат мне безопасность и успех. Когда ты горюешь здесь, как я могу быть

счастлив там? Если ты хочешь, чтобы я был счастлив там, ты должна быть счастлива здесь! Отсюда ты будешь посылать мне благословения, идущие из глубины сердца». Моля об этом, он ушел. Он не хотел покидать ее, но он должен был исполнить свой долг. Рама вышел на царскую дорогу и начал свой путь – босой, проходя через толпы горожан, заполнивших улицы. Люди были потрясены при виде этого блистательного Символа Истины и Добродетели. До горожан дошли доносящиеся по улицам слухи, что Рама удаляется в леса. Но они не могли представить себе, что это может быть правдой. Они молились, чтобы это было не так. Но теперь, когда они увидели его, идущего босиком, сердца их дрогнули. Радостное возбуждение, которое они испытали при известии о коронации, утонуло в глубинах горя. Лица, которые светились радостью, потускнели, увяли, стали поблекшими и серыми. Рама не поднял головы и ни на кого не взглянул. Он направлялся в покои Ситы.

Глава 12

Сита настаивает и побеждает

Сита не сводила глаз с главного входа во дворец, так как ей не терпелось узнать, что случилось в покоях Кайкейи и почему до сих пор не вернулся Рама, хотя благоприятный час, назначенный для коронации, уже приближался. Она сотворила завершающие ритуалы, знаменующие окончание ее бдения и поста, и держала наготове блюдо с сандаловой пастой, цветы, злаки и другие предметы, необходимые для церемонии, чтобы сразу, без промедления, сопровождать своего Господина в зал коронации. Ее сердце сильно билось в ожидании Рамы. Служанки и приближенные, стоявшие вокруг нее, были полны восторга оттого, что настал час триумфа. Прелестные девушки держали в руках ярко горящие светильники, чтобы размахивать ими при появлении Рамы. В этот празднично украшенный и блистающий непередаваемым великолепием зал внезапно вошел Рама – с опущенной головой, босой, лишенный всех царственных атрибутов. О его появлении никто не объявил.

Все были потрясены. Сита бросилась к своему Повелителю. Она не могла поверить своим глазам. Она затрепетала всем телом, словно лист на ветру. «Господин! Что это означает? Почему ты так выглядишь? Ты говорил, что этот день посвящен Брихаспати, наставнику богов, ты говорил, что это очень благоприятный день, день звезды Пушья, и что именно в этот день ты будешь коронован как Ювараджа, наследный принц царства. Как же объяснить, что никто не держит над твоей божественно прекрасной головой белый царственный балдахин с его сверкающими на солнце жемчужинами, с его многогранными узорами из драгоценных камней и золота? Где роскошные опахала с их искрящимся серебристо-белым оперением, сияющим, как лунный свет? Отчего они не сопровождают тебя сегодня? Почему молчат придворные музыканты и певцы не поют тебе хвалу в тот час, когда ты собираешься в зал коронации? О Властелин! Может ли это быть, что брамины, знатоки ведийской мудрости, не помазали тебя медом и простоквашей? А министры, а цари, подвластные державе, а предводители и вожди различных общин и сословий – почему они не прошествовали за тобою, как того требует древний обычай? А величественный царский слон Шатрунджайя, движущаяся горная вершина, который тяжело ступает по земле и которого люди по ошибке принимают за густое синее облако, проплывающее над дорогой, ведь он должен показаться первым, предваряя твое появление. Разве это не так?»

На Раму лился этот нескончаемый дождь вопросов, и он не мог решить, как ему ответить на них. Это был не тот случай, когда все можно объяснить в нескольких словах. А потому Рама, попросив Ситу следовать за ним, прошел в один из внутренних залов дворца. Он сказал:

«Сита! Высокочитимый отец повелел, чтобы именно в этот благоприятный день я отправился в лес, в изгнание. И его волю надлежит неукоснительно выполнять». Сита услышала эти слова, но не могла поверить, что это может быть правдой. Она спросила: «Господин! Какое преступление ты совершил, что заслужил такое наказание – изгнание в леса? Дашаратха – воплощение Справедливости, Дхарматма. Он никогда не отдаст подобного приказа без законного на то основания! Какова же настоящая причина, каков же истинный смысл этого решения, повелевающего тебе уйти в леса?»

Рама улыбнулся, услышав этот вопрос, и ответил: «Сита, много лет назад отец пообещал Кайкейи исполнить два ее желания. Но она не высказывала их и до сегодняшнего дня не требовала их выполнения. Но именно сегодня она потребовала от отца, чтобы он вручил ей обещанные дары. Ее желания таковы: во-первых, Бхарата должен быть коронован как Ювараджа, и во-вторых, я должен уйти в леса и оставаться там в течение четырнадцати лет отшельником со спутанными волосами, в одежде из шкур и древесной коры. Отец – истинный праведник. Он никогда не нарушит данного им слова. Поэтому он склонил голову перед Дхармой и дал согласие. Я непременно должен был увидеть тебя до того, как уйти. Ты родилась в высокочитимой семье, принадлежащей древнему роду. Ты знаешь и ценишь все нравственные законы и цели. Махараджа Джанака, хранитель сокровенных тайн высочайшей морали – твой отец. Ты также твердо идешь по пути Дхармы. Я должен удалиться в лес сегодня же. Дашаратха вручает свое царство, унаследованное им от многих поколений предков, Бхарате. Отныне он – правитель этой державы. Сразу же после коронации он придет к тебе за благословением. Не превозноси меня перед моим братом, не показывай и следа печали и недовольства из-за того, что я отослан в леса. Не выказывай ему пренебрежения и не смотри на него свысока. Цари ценят только тех, кто боготворит их и служит им. Поэтому не восхваляй меня и не порицай его. Он брат обоим нам, мне – родной, тебе – нареченный, и, значит, вы соединены родственными узами. Но Бхарата также и державный монарх – твой и мой. И поэтому отдай ему должное уважение. И ни словом, ни делом не выражай перед ним досаду или подавленность. Прекраснейшая из жен! Следуй наставлениям не только Бхараты, но и старого отца, Дашаратхи. Служи и матери, Каушалье, которая страдает от невыносимой боли, расставаясь со мной. Постарайся сделать все возможное, чтобы рассеять ее горе. Двум другим матерям, Кайкейи и Сумитре, тебе также следует повиноваться и выказывать им расположение. Сита! Бхарата и Шатругна так же дороги и близки мне, как мое дыхание. Обращайся с ними, как со своими родными братьями и храни их так, как если бы они были твоими сыновьями. О пленительная дева! Не покидай эту страну, не возвращайся обратно в Митхилу из-за того, что меня здесь не будет. Оставайся в Айодхье, утешь мать и отца и не позволяй горю и отчаянию завладеть их сердцами. Помоги им обрести покой, мужество, умиротворение; окружи их любовью и заботой».

Пока Рама перечислял обязанности, которые должна нести Сита, она не могла сдерживать смеха! Но она ощутила и чувство стыда, внимая его бесчисленным доводам. Больше она не могла молчать. «Рама! Ты сын Дашаратхи. Я никогда до сих пор не слышала, чтобы с твоих уст слетали слова, менее достойные твоего высокого происхождения. Каждый, кто бы он ни был – мать, сын, брат, сестра, невестка – должен получать свою долю счастья и горя в зависимости от того, сколько добра или зла он совершил. Но у жены – свое, особое назначение, плохое или хорошее. И это означает, что она разделяет с мужем все то доброе или дурное, за что он несет ответственность. Ей принадлежит часть его радости или его горя. Поэтому, если царь Дашаратха приказал тебе уйти в леса, он отдал этот приказ и мне. Женщину могут вскормить и воспитать ее мать и отец; ее может почитать ее сын, за ней могут ухаживать няньки и служанки. Но никто из них не может стать ее защитником и покровителем. Те пустячки, безделки и игрушки, с помощью которых ты пытаешься отвлечь меня, служат лишь для того, чтобы смешить и изумлять меня! В годы, предшествующие моему замужеству, отец учил меня тем

обязанностям, которым я должна следовать. Я не настолько темна и невежественна, чтобы стремиться к власти и славе. И более того, позволь мне сказать тебе, что я не держусь фанатично за любую мысль только потому, что она – моя. И тебе совсем не нужно указывать мне на мои обязанности, ибо они мне хорошо известны. Только в том случае, если я решила бы остаться здесь, ты должен был бы наставлять меня, как мне следует себя вести и каким образом служить твоим родителям, братьям, невесткам и повелителю страны. Но если я – с тобой, какой смысл и какая нужда брать мне на себя заботу о других? Я уйду с тобой с великой радостью. Уже давно во мне зрело желание провести несколько лет в лесах. И сейчас выдался случай это желание осуществить – вместе с моим Повелителем! Я не стану слушать, если ты будешь настаивать, чтобы я не выражала своего мнения по этому важнейшему вопросу. И не сердись на меня за то, что я не повинуюсь тебе. Несправедливо и неверно с твоей стороны бросать меня здесь подобно тому, как выплескивают воду из чашки, отпив из нее только один глоток! Поверь мне! Я не останусь в Айодхье ни на минуту. Ты возьмешь меня с собой».

С этими словами Сита упала к ногам Рама и крепко обхватила их. «Я несколько не горюю, что ты не коронован. Коронован ты или нет, ты мне бесконечно дорог. Где находишься ты, там и есть мое царство. Там – мои сокровища, там – моя слава», – молила она. Рама стал говорить ей, что лесная жизнь связана с опасностями и страхами. Лес полон диких зверей, одичавших грабителей, разбойников и демонов-разрушителей. Придется встречаться с бурными лесными потоками, пробираться сквозь густую чащу колючего кустарника. Он сказал, что она не привыкла проделывать пешком долгий путь и поэтому будет испытывать огромную усталость. Он описывал и другие ужасы и потрясения, которые ей предстоит там пережить, но Ситу все это ничуть не трогало. Она ответила: «Господин! Какими бы дикими ни были звери, каким густым и устрашающим ни был бы лес, разве смогут они причинить мне вред или нанести мне увечье, если ты будешь рядом со мной? Я с легкостью смогу ходить по лесным тропам, мне это не составит труда. Я буду еще счастливей, если ты попросишь меня идти впереди и прокладывать тебе путь. Я буду подбирать острые камни и колючки и отбрасывать их в сторону, чтобы ты не поранил себе ноги и чтобы путь твой был легок. Позволь мне быть с тобой, оказывать тебе услуги и чувствовать себя счастливой. Здесь, во дворце Айодхьи, живя в зенане, я не имела возможности служить тебе. Я горевала и чувствовала себя несчастной оттого, что все заботы о тебе несли приближенные и слуги. В лесу не будет ни придворных, ни прислужников! И я буду счастлива, если возьму на себя все заботы о тебе. Это – мой лучший, счастливейший удел! Сделай мою жизнь осмысленной и достойной. Господин! Дай мне эту славную возможность!» Она молила его на тысячи ладов, прося о милости и справедливости. Рама был тронут и почувствовал сострадание. Он сказал ей: «Сита! Ты не сможешь быть счастливой, живя в лесу, ты будешь страдать и очень скоро это поймешь». И он стал распространяться об ужасах джунглей и о тяжелых испытаниях, с которыми каждый там неизбежно столкнется. Но Сита твердо стояла на своем. «Рама, я не буду препятствием для соблюдения твоих обетов. Из твоих слов я поняла, что ты что-то утаиваешь от меня, какое-то важное обстоятельство, которое тебе не хотелось бы раскрывать передо мной. Но знай, что я вместе с тобой буду следовать обетам воздержания, возлагаемым на того, кто вступил на путь Брахмачарьи. Я так же, как ты, стану питаться кореньями и фруктами. Я так же откажусь от душистых мазей и благовоний; мы будем вдыхать лишь ароматы лесных цветов. Ты – потомок династии Икшваку, которая спасла миллионы людей от опасностей и бед. Неужели ты не сможешь уберечь от них меня? Я не причиню тебе беспокойства, из-за меня у тебя не будет никаких тревог. Господин! Я не могу не следовать за тобой! Я лягу и буду спать у твоих ног, и это принесет мне полное блаженство. Рама! Я никого не знаю, кроме тебя, и никого никогда не признаю! Ни одной минуты я не проведу без тебя. Пойми же, если ты будешь упорствовать в своем решении и удалишься, оставив меня в Айодхье, Сита сделает последний вздох еще до того, как ты достигнешь леса. И это – правда».

Из глаз Ситы лились потоки слез, когда она произносила эти слова. Рама попытался успокоить ее. Он сказал: «О Сита! Ты глубоко привержена Дхарме. Но для тебя было бы лучше всего проявлять здесь свои высокие нравственные качества. Ты не можешь поступать так, как диктует тебе твоя воля. Ты не вольна вести себя, повинуюсь лишь своим желаниям. Твоя Дхарма – действовать, согласуясь только с моим словом. Поэтому расстанься с этой мыслью! Я говорю это для твоей же пользы. Оберегать тебя в лесу будет для меня слишком большим бременем. Потоки, низвергающиеся с горных вершин, дикие звери, притаившиеся в пещерах, львы и тигры, бродящие на воле среди холмов и долин – со всем этим придется бороться. Придется переходить вброд внезапно разлившиеся реки, прыгать вниз с огромных валунов и скал. Представь эти трудности, которые я вынужден красочно описывать, чтобы убедить тебя остаться. У тебя будут спутанные волосы и одежда из древесной коры. Мы, мужчины, должны будем отправляться к реке или озеру, чтобы совершать вечерние обряды поклонения, а кто в это время будет оберегать тебя от бед, которые могут случиться? Какая бы тебя ни подстерегала опасность, мы не сможем прервать ритуал. Ты знаешь, как строги и непреложны правила их совершения. И ежедневно мы будем вынуждены оставлять тебя совсем одну. Страшно представить, что может произойти».

Рама старался нарисовать Сите ужасающие картины лесной жизни, но на Ситу это не производило ни малейшего впечатления. Она сказала: «Рама! Зачем ты мне все это рассказываешь, словно я простолюдника из глухой деревни или невежественная глупая женщина, не имеющая никакого понятия о мудрости Шастр? Я прекрасно знаю, какой доблестью и каким искусством ты обладаешь. Для тебя нет ничего невозможного на земле и во всех четырнадцати мирах! И когда ты со мной, что может напугать меня? Пусть дикий зверь набросится на меня, пусть я даже паду его жертвой, я буду счастлива умереть у тебя на глазах, а не где-нибудь далеко от тебя! Я умру счастливой. Мне не нужна эта жизнь, если мне суждено быть вдали от тебя. Ты сказал, что я не вольна делать то, что я хочу. Полностью ли ты осознал смысл этих своих слов? Или ты хотел лишь испытать меня? Я не могу до конца этого понять. Я – половина тебя, и мое право – называть себя твоей половиной. У тебя тоже есть это право. И это – истинная правда. Ни я, ни ты не являемся полностью свободными. Я имею столько же прав на тебя, сколько ты – на меня. Но сейчас я не защищаю свои права. Я стремлюсь быть рядом с тобой и никогда с тобой не разлучаться. И мои слова вытекают из этого моего страстного желания».

Выслушав Ситу, выказывающую столь твердую решимость. Рама продолжал: «Сита! Ты запуталась в хитросплетениях законов и прав. Когда я уйду в джунгли, престарелые родители будут стенать и плакать обо мне. Как раз тогда ты и сможешь успокоить и утешить их ласковыми и нежными словами. Это – твой долг. Ты должна строить свое поведение согласно необходимости. Будь с ними, служи им; этим ты доставишь мне радость и блаженство». Рама говорил неумолимым тоном так, как будто его решение было окончательным. Но Сита только улыбалась в ответ. Она сказала: «Когда сын повергает своих родителей, взрастивших его, в глубокую скорбь и уходит, держась медвежьей хваткой за свое непреклонное решение, когда тот же сын, которого они так горячо любят, бросает все и удаляется в лес, какую обязанность может взять на себя невестка, которая, оставив свой родной дом, вошла в эту чужую семью? Почему она должна утешать и успокаивать тех, кого покинул их собственный сын? Подумай над этим хоть немного! Ты настаивал, как ты сказал, чтобы твоя мать осталась здесь и служила твоему отцу, хотя она выплакала все глаза и молила, чтобы ей было позволено следовать за тобою в леса. Ты сказал ей, что ее долг служения супругу превыше всего. Ты посчитал, что на династию Икшваку ляжет позор, если царица покинет своего господина, с которым ее связывают узы брака, из-за любви к сыну, которого она носила под сердцем и подарила миру. Это моральное правило непреходящей ценности ты пространно излагал ей. Но когда речь зашла обо мне, ты круто меняешь это правило, выворачивая наизнанку свои слова, и начинаешь внушать мне, что мой главный долг – служить твоим родителям, а не своему

мужу. Подумай над этим! Какой же совет – верный? Муж для жены – это Бог, и это правило установлено не только для Каушалы. Это назначение и путь каждой женщины во всем мире, без исключения. Ты, похоже, забыл эту истину, так как она не согласуется с твоими сегодняшними намерениями. Ты не способен объяснить, каким образом нравственный закон, обязательный для Каушалы, не распространяется на меня.

Как бы ты ни спорил, что бы ты ни доказывал, я не отступлю! Я буду идти за тобой шаг за шагом, ступая по следам твоих ног. Ты волен убить меня за неповиновение твоему приказу, но я настаиваю на том, что никогда не смогу жить без тебя. Рамачандра! Как только ты заговорил об изгнании в леса, меня захлестнула волна радости, ибо я вспомнила случай, происшедший со мною в детстве. Моя мать, посадив меня на колени, погрузилась в раздумье о моей судьбе после замужества и с беспокойством размышляла о том, будет ли мой муж морально стоек и наделен лучшими качествами. Она гладила мои волосы, уйдя в свои мысли. В это время вошла служанка и объявила матери, что какая-то женщина, по виду – отшельница, желает поговорить с ней. Мать сняла меня с колен, бережно посадила на пол и пошла навстречу женщине. Она склонилась к ногам святой и велела мне сделать то же. Я повиновалась. Женщина пристально осмотрела меня с головы до ног и сказала: «Мать! Твое дитя проведет долгие годы в лесу вместе со своим мужем». На это мать со смехом ответила: «Ей еще далеко до замужества, а ты говоришь, что она проведет жизнь в лесу!» Однако, та не умолкла, но пояснила: «После замужества! Ей придется некоторое время жить вместе с мужем в лесу!» И она тотчас же ушла. С тех самых пор вплоть до сегодняшнего дня я с волнением ждала момента, когда я уйду в леса и буду жить там вместе с моим Повелителем». Сита упала к его ногам и, рыдая, обратила к нему свои мольбы.

Рама был глубоко растроган. «Сита! Кому же, как не тебе, могу я признаться в еще одной тайной причине, по которой я упорно отказываю тебе? Послушай меня! Ты молода. В лесу есть много монастырей, в которых живут отшельники, монахи и мудрецы. Мне придется постоянно посещать их, чтобы служить им и выражать им почтение. Цари и царевичи, когда они выезжают в лес на охоту, также могут появиться в этих обителях. И если их взгляд упадет на тебя, неизбежно возникнут осложнения и конфликты. Я же, пребывая в состоянии строгой аскезы, не буду иметь права вступить с ними в бой. По крайней мере по этой причине ты должна остаться в Айодхье».

Но у Ситы были свои доводы, чтобы опровергнуть слова Рама. Она сказала: «Рама! Ты несправедлив, когда пытаешься обмануть меня, плетя небылицы, словно обыкновенный смертный, принадлежащий к низшему сословию. Когда ты со мной, посмеет ли Сам Повелитель богов взглянуть на меня? А если посмеет – не превратится ли он в тот же миг в пепел? Нет, это не повод, по которому ты должен оставить меня здесь. Наоборот, ты не можешь уйти от ответственности и долга в этом случае. Позволь и мне сказать нечто подобное: если тебя не будет со мной, какова будет моя судьба? Я останусь одна в Айодхье, и случаи того же рода, которые ты только что описал, могут произойти и здесь! Или – еще: я буду страдать от тайной зависти, не в силах переносить супружеское счастье других! Не оставляй меня одну, возьми с собой! И пусть наша слава распространится на все времена и по всему миру! И позволь мне прибавить: ты дорог всем как Рамачандра, Рама, прекрасный как Месяц. Я же – Сита, что значит – прохлада, лунный свет, дарующий прохладу. Как же это возможно: Луна – в лесу, а ее прохладные освежающие лучи – в Айодхье? Где Луна, там и ее свет! Они не могут быть разделены – никогда! Эти двое всегда должны быть вместе и никогда – в разлуке! Если же им выпадет доля расстаться, это будет знаком того, что приближается нечто противоестественное, катастрофическое, что грядет трагедия, которая потрясет весь мир. Или же это может произойти во имя того, чтобы уничтожить зло и спасти от гибели добро – и тогда это уже будет эпохальное событие! Но пока подобного потрясения нет, наша разлука невозможна. И этого не случится!» Сита, воплощенная Богиня-Мать, произносила эти слова твердым голосом, исключаящим возражения.

«Сита! Тебе придется спать на твердой каменистой земле, носить одежды, сделанные из шкур и древесной коры, питаться кореньями и клубнями. И даже эту пищу нелегко будет добывать каждый день! Она доступна не во всякое время года. В неблагоприятный сезон ты будешь голодать по нескольку дней! Лес наводнен демоническими ордами, у которых в запасе миллион всевозможных уловок и хитростей и которые с наслаждением поедают человеческую плоть. О! Невозможно описать все тяготы жизни в лесу! Ты не вынесешь этих ужасов и мучений. Если ты будешь сопровождать меня в изгнании, люди осудят меня и осыплют оскорблениями. Может ли Божественный Лебедь, привыкший вкушать святую воду Манаса-Шаровар (Озера Разума), выжить, если будет пить соленую морскую воду? Может ли кукушка, резвящаяся в саду, полном манговых деревьев с нежными бархатистыми листьями, быть счастливой и беспечной на клочке пожухлой травы? Подумай обо всем этом! Мне бы так хотелось, чтобы ты осталась дома!»

Сита слушала эти слова Рама, такие нежные и сладостные, но она стояла, устремив взгляд в землю, и слезы текли по ее щекам. Она была как колонна, неподвижная и застывшая, и слезы струились прямо на пол. Рама не мог переносить зрелища ее страданий. Сита не находила больше слов, чтобы ответить на доводы Рама. Но все-таки она сумела подавить свои чувства и унять свою боль. Она сказала: «О Властелин моей жизни! Ты есть сокровищница всего доброго и благородного. Если я разлучусь с тобой, райская жизнь покажется мне страшным адом. Родители, братья, сестры, сыновья, родители мужа, наставники, родственники – все они могут быть великими хранителями добра, но для женщины ее муж – единственный источник силы, радости и удачи. Он один может одарить ее счастьем и восторгом. У нее нет никого, кроме мужа, кто бы наставлял и оберегал ее; он – ее защита, ее главная опора. Господин! Когда муж далеко от нее, жена во всем будет находить источник горести и печали: в своем собственном теле, в доме, в городе, в царстве, в богатстве и изобилии, окружающем ее. Они не принесут радости ее потрясенной душе. Сладость покажется горечью, удовольствие обернется болезнью. Все радости, о которых я мечтаю, сосредоточены в тебе. Ничто не сравнится с ощущаемым мною экстазом, когда я устремляю взгляд на твое лицо, которое сияет так ярко и умиротворяюще, как полная луна осенью. Когда я буду с тобой в лесу, птицы и звери станут мне родными и близкими. Лес превратится в город, который я полюблю. Рубище, сделанное из коры, будет для меня шелковым одеянием. Монастырская обитель под тростниковой крышей будет для меня таким же прекрасным домом, как небесный дворец. Духи и покровители леса, лесные божества станут моими родителями. И я стану почитать их с тем же благоговением. Когда я с тобой, пучок травы и пригоршня цветочных лепестков сделают мягкой мою постель. Даже Бог любви не может желать большего. А клубни, коренья и плоды, о которых ты говоришь, покажутся такими же животворными и сладкими, как сам Божественный нектар! Горные вершины будут радовать меня так же, как башни Айодхьи. Я буду спускаться по одному склону и карабкаться вверх по другому так же весело, как пробегаю вниз и вверх по лестницам здесь, во дворце. Это будет так же легко и приятно.

Я буду каждый день трепетать от восторга при виде твоих Лотосных Стоп. К тому же я обрету счастливую возможность служить тебе всегда и во всем. Как смогу я переносить страдания, если потеряю этот драгоценный дар? О Сокровищница Милосердия! Не оставляй меня здесь, возьми меня с собой! По правде, мне не надо было бы так назойливо докучать тебе мольбами, поскольку ты пребываешь во всех живых существах и знаешь обо всем, что они чувствуют и думают. И ты глубоко не прав, что причиняешь мне такую боль, зная, как жаждет мое сердце быть с тобой! Я сломлена, несчастна. Ты обладаешь всеми благородными качествами, почему же ты так немилосерден ко мне? Разве смогу я прожить четырнадцать лет, разлученная с тобою? Даже десять мгновений мне невозможно пробыть без тебя. Услышь мою мольбу, выкажи мне хоть немного сочувствия. Когда я с тобой, разве осмелится кто-то причинить мне вред или напасть на меня? Конечно же нет! Никто не осмелится даже взглянуть на меня! Посмеет ли шакал или заяц открыть глаза и

посмотреть на льва? Я – вовсе не хрупкая и изнеженная принцесса. Сказать правду, это ты есть воплощенная нежность. Моя Мать – Земля, и потому я обладаю и правом, и силой уверенно ступать по ней. Воистину, быть счастливым – твоя доля в жизни, моя же участь – страдать и терпеть. А если такова реальность, почему же ты искажаешь очевидные факты и обрекаешь меня на разочарование? Так поступать нельзя. Я говорю со всей решительностью, что я могу с легкостью справляться с тяготами и трудностями, которые не под силу даже тебе! Тебе хорошо известно, что я подняла и сдвинула с места ларь с Луком Шивы, который ни один царь, гордый своей мощью, не мог поднять. Меня удивляет, что ты сомневаешься в моих возможностях. Моя сила и мое искусство не уступают твоим! Итак, дай свое согласие и устрой так, чтобы мы ушли вместе в великой радости».

С этими словами Сита низко поклонилась Рама и упала к его ногам. Рама почувствовал, что дальше уже нельзя противиться ее желаниям. Он решил уступить. «Сита! – сказал он. – Не надо больше горевать, не давай волю своей печали. Исполняя твое желание, я возьму тебя с собой. Закончи как можно быстрее все сборы и приготовления перед уходом в лес!» Услышав эти сладостные слова, произнесенные Рамачандрой, Сита пришла в восторг, ее охватила беспредельная радость. Она сказала: «Приготовления? Какие же нужны сборы для того, чтобы жить в лесу? Я готова уйти тотчас же, потому что единственное, в чем я нуждаюсь – ты. Ничего больше мне не нужно». С этими словами она взяла Раму за руку, готовая двинуться в путь. Рама сказал: «Сита! Ты должна понять, что покидаешь Айодхью на целых четырнадцать лет. А потому – пойди и освободи попугаев и других птиц, которых ты растила с такой любовью и заботой. А коровы, за которыми ты ухаживала? Отдай их браминам, чтобы они могли заботиться о них. Раздай людям свои вещи и одежду – колесницы и все другое, что было в твоём распоряжении, иначе все это со временем придет в негодность. Пусть люди найдут им применение». Как только эти пожелания были высказаны, Сита бросилась к клеткам и, обращаясь к каждой любимой птичке, ласково сказала им: «Летите! Устремитесь, как и мы, в прекрасные леса!» Она сама открыла клетки и выпустила их на волю. Потом она пошла в коровье стойло. Она накормила коров вкусной пищей и поговорила с браминами, получившими их в качестве дара. Ее прелестное лицо сияло счастьем. Те, кто наблюдал, как она раздает дары, почувствовали, что их сердца наполняются печалью из-за неизбежной разлуки. Они пролили потоки слез, тронутые щедростью ее сердца и более всего тем, с какой ликующей радостью готовилась она сопровождать своего мужа в изгнание, в леса. Перо поэта не могло бы описать ее экстаз.

Тем временем к ним присоединился Лакшмана. Попрощавшись с его матерью, все трое покинули дворцовые покои.

Глава 13

Уход в изгнание

Тысячи людей собрались на квадратной площади перед царским дворцом. Их горе было безмерным. В это время министр вошел во дворец и помог подняться царю, который, потеряв сознание, лежал на полу. Он попытался усадить его и передал ему известие о том, что пришли Сита, Рама и Лакшмана и что они желают его видеть. Рама успел уже подойти к отцу и обратился к нему со словами утешения и любви. Когда Дашаратха увидел Ситу и Лакшману, его горю не было предела. Он крепко обнял Раму и упал на пол. Волнение перехватило ему горло; он прижал руки к груди и пытался унять агонию. У Ситы и Лакшманы не было сил смотреть на страдающего царя.

Лакшмана увидел Кайкейи, стоящую тут же с видом победительницы; его глаза от ярости налились кровью, взгляд стал острым, как кинжал; он готов был убить ее на месте. Но он сдержал свой гнев, охладил свои чувства, когда увидел безоблачно спокойное лицо

Рама. Кайкейи тем временем сказала: «Рама! Ты ввергаешь своего отца в глубокую печаль. Чем скорее ты удалишься и достигнешь леса, тем скорее твой отец оправится от волнения. Не медли больше! Склонись перед отцом и уходи!» Эти слова, полностью лишённые элементарной доброты и порядочности, окончательно разбили сердце Дашаратхи. Он вдруг закричал: «Демоница! Злобный дух! Какие жестокие и беспощадные слова ты произнесла!» И он упал без чувств. Как раз в эту минуту Сита, Рама и Лакшмана припали к его ногам. Рама сказал: «Отец! Благослови нас и разреши нам уйти. Сейчас время больше подходит для того, чтобы радоваться, чем тосковать и печалиться. Чрезмерная привязанность может привести к дурным последствиям». Рама умолял отца быть мужественнее и преодолеть манию, превращающую его любовь в безумие. Рама обнял ноги отца и опустился на колени, лаская и успокаивая его.

Дашаратха открыл глаза и посмотрел долгим взглядом на своего любимого сына. Он с трудом приподнялся и, держа руки Рама в своих, сказал: «О, мой возлюбленный сын! Прислушайся к моим словам. Ты обладаешь проницательностью и умением владеть собой. Ты знаешь, что такое истина. И ты безусловно должен совершать только справедливые поступки. Но разве справедливо то, что происходит сейчас, когда один человек делает неверный шаг, от последствий которого страдает другой? Игра судьбы непредсказуема, и эту загадку не разрешить». Царь, чистый сердцем и полный любви, стал приводить довод за доводом, чтобы уговорить Раму отказаться от решения уйти в лес.

Дашаратха, отец, знал Раму как величайшего защитника законов морали, как строгого приверженца этих нравственных законов, искусного в защите и оправдании своих действий и не боящегося последствий своих решений. Дашаратха прочел по лицу Рама, стоящего перед ним, что тот был уже готов оставить его и отправиться в изгнание. Когда Дашаратха увидел, что Сита стоит рядом, он подозвал ее поближе. Она опустилась перед ним на колени, и он, нежно глядя ее по голове, стал описывать ей трудности лесной жизни. Он сказал, что для нее лучше всего было бы остаться здесь – с родителями мужа или с ее собственными родителями. Слова Дашаратхи, страдающего от непереносимых мук, доходили до Ситы сквозь его стоны. Он скрежетал зубами, когда его взгляд падал на Кайкейи; внутри у него все кипело, и, дрожа от негодования, он не в силах был подавить свое горе.

Сита упала к его ногам и сказала: «Почтенный отец! Моя душа стремится только к одному – служить Рама. Это счастье ждет меня в лесу. Я не могу остаться здесь и утратить эту драгоценную возможность. Служение собственным родителям или родителям мужа не может дать жене той же отрады и того удовлетворения, которое дает ей служение мужу. Нет счастья большего, чем это. Не уговаривай меня и не выдвигай доводы против моего ухода. Дай мне свое благословение и отправь меня вместе с Рамачандрой». Дашаратха прекрасно понимал и высоко ценил стремление Ситы не разлучаться с Рамой. С искренним восхищением превозносил он ее добродетели – в назидание стоящей перед ним Кайкейи. Тем временем жены царских министров и царских наставников, бывшие в зале, окружили Ситу и в свою очередь стали расписывать жизненные трудности, ожидающие ее в лесу. Супруга придворного наставника нашла более умный и тонкий ход, чтобы разубедить ее. Она сказала: «Сита! Ты не обязана покидать царство и уходить в изгнание в лес. Твоя обязанность – остаться здесь и утешать родителей твоего мужа, которые погрузились в глубокую скорбь. Ты ведь – половина Рама, разве не так? И эта половина должна остаться здесь, чтобы облегчить горе, вызванное уходом другой половины. Более того: поскольку ты – половина старшего сына, наследника трона, у тебя есть право управлять царством. Рама удалится в лес и будет жить там, почитая слово своего отца, а ты останешься здесь и будешь царствовать, поддерживая славу Рама и доставляя радость его родителям. Как жена Рама ты должна сделать этот правильный шаг; это твое законное право и твой долг». Эти слова были произнесены так ласково и нежно, как будто это был шепот осенних лунных лучей, услышанный птицами чакравака. Но у Ситы эти слова

вызвали головокружение и она пошатнулась. Она была так потрясена, что не могла произнести ни звука в ответ.

Во время этой паузы Кайкейи достала одежды из бересты и четки из дерева туласи. Держа их перед Рамой, она сказала: «Царю ты так же дорог, как его собственная жизнь. Но он навлекает на себя вечный позор, не позволяя тебе уйти. Его привязанность к тебе нарушает правильный ход событий. Он никогда, ни при каких обстоятельствах, не произнесет слова «Отправляйся в лес». Бесполезно ждать его согласия и разрешения.

Поэтому решайся на что-нибудь одно: или ты навлекаешь позор и бесчестие на династию Икшваку и остаешься царствовать, или ты удаляешься в лес, завоевывая тем самым вечную славу этой династии. Решай и действуй!»

Рама был рад, что она это сказала. Но в сердце Дашаратхи ее слова вонзились как острые гвозди, вбиваемые тяжелым молотком. «Увы! Какая жестокая у меня судьба! И я должен продолжать жить, услышав эти чудовищные слова!» – воскликнул он и упал на пол в глубоком обмороке. Едва придя в себя, он вспомнил речь, только что произнесенную Кайкейи, и снова потерял сознание. Рама невыносимо было видеть, как беспомощен его отец в сложившейся ситуации. Он чувствовал, что должен принять условия Кайкейи и уйти, и чем скорее он это сделает, тем будет лучше для всех.

Он взял в руки грубое древесное полотнище, принесенное мачехой, и обмотал его вокруг своих бедер, другое, такое же, он передал Сите. Она стояла, держа его в руках и склонив голову в замешательстве, поскольку не знала, как нужно правильно в него облачаться. Оно казалось ей слишком коротким. Рама, который уже оделся в эту одежду, подошел к Сите и что-то тихо сказал ей. Ей было совестно признаться, что она не знает, как носить эти древесные полотнища, которые жены лесных отшельников так ловко и красиво обматывают вокруг своего тела. Она тихонько прошептала Рама: «Эта одежда совсем не похожа на ту, которую мы носили, к тому же она слишком коротка и узка». Рама успокоил ее, вселив в нее уверенность и мужество; он отвел Ситу в сторону и сам обвязал жесткую материю вокруг тела Ситы, поясня при этом, как ей следует делать это впредь. Наблюдая эту сцену, жены отшельников и другие женщины, жившие при дворце, проливали слезы умиления и сочувствия.

В этот момент в зале появился Васиштха, царский наставник. Ему было достаточно одного взгляда, чтобы понять, что происходит. Он был ошеломлен. Он решил выступить против царицы Кайкейи и заявил, что Сита совсем не обязана носить одежду из лыка. Он напомнил, что Кайкейи высказала только два желания и именно их и потребовала исполнить: о коронации Бхараты и об изгнании Рамы в лес; поэтому Сита может уйти в лес в убранстве царевны и со всеми необходимыми атрибутами, которые обеспечат ей удобное пребывание в лесу.

Рама тут же размотал берестяное полотнище, которое обвязал поверх сари Ситы. Но Сита подошла к Васиштхе и упала к его ногам. Она сказала: «Учитель! Я надела эту одежду совсем не потому, что таково было желание матери Кайкейи. Разве могу я не следовать за моим Повелителем? Разве будет справедливо и разве больше будет ко мне доверия, если я, живя в лесу, разоденусь в дорогие шелковые платья и увешаю себя драгоценностями, в то время как мой Господин будет носить одежду отшельника? Для преданной долгу и верной жены такое поведение будет верхом нелепости, разве не так? Поэтому позволь мне облачиться в эти одежды, чтоб я могла держаться правил поведения жены и исполнять свой долг».

Приверженность праведности, которая проявилась в этой мольбе, тронула мужественного старца до слез. Срывающимся от волнения голосом он сказал: «Сита! Этот ход мыслей так естественен для тебя, ведь ты – воплощение добродетели. Но у царей и правителей существуют свои причины и правила, которые следует уважать как тебе, так и другим. Извращенный и злобный мозг твоей мачехи Кайкейи не хочет этого понять, поэтому я должен выступить здесь с разъяснениями и предостережениями. Как известно, твой муж сегодня должен был быть коронован как правитель этого царства. Хотя это

событие не состоялось из-за ряда обстоятельств, включая и клятвы, данные много лет назад, я должен сказать, что короновать Бхарату вместо Рама – значит идти против древних законов государства. Только старший сын имеет право на трон, никто другой этого права не имеет. Если он в силу каких-то причин отказывается от этого права по своей собственной воле, как это он сделал сейчас, ты, Сита, как другая половина его личности, имеешь право управлять государством; никто третий не может взять на себя эту обязанность».

Когда Васиштха принялся излагать правила политической этики, Кайкейи была явно напугана. Но она не могла не знать, что Сита не стремится обладать царскими привилегиями и властью. И, действительно, как подробно Васиштха ни останавливался на ее правах и полномочиях, Сита не обращала на это никакого внимания. Вместо великолепного одеяния царицы она жаждала надеть на себя берестяную одежду отшельницы. Жена царского наставника почувствовала, что Сита никогда не откажется от своего решения, и поэтому она и другие женщины взяли полотнище и вновь обмотали его вокруг ее тела.

Тем временем Лакшмана тоже надел на себя лесную одежду, такую же, как и Рама. Рама решил, что дальше медлить нельзя. Все трое благоговейно простерлись ниц перед Дашаратхой, который упал в обморок, когда увидел своих сыновей в облике лесных аскетов. Они склонились и перед Кайкейи, стоявшей рядом, затем они пали к ногам мудрого Васиштхи и его супруги. И они начали свой путь в лес.

Собравшиеся у дворцовых ворот жители Айодхьи, увидев, как они идут в одежде отшельников, разразились горькими слезами. Многие были настолько потрясены, что падали без чувств. Другие в полном отчаянии рвали на себе волосы. При выходе из дворцовых ворот Рама еще раз простерся перед старым Васиштхой, после чего сказал несколько слов народу, призывая его сохранять спокойствие и придерживаться добродетели. Он сказал, что неожиданный поворот событий не должен ввергать людей в скорбь, что он вернется в Айодхью после четырнадцатилетнего пребывания в лесу и что решение об его изгнании принесет благо и им, и ему самому, и всему миру.

Затем он раздал бедным щедрые дары, а браминов наделил домами, золотом, землями и коровами с тем, чтобы они без всяких ограничений могли совершать ритуальные обряды и жертвоприношения. Он обратился к мудрецу с просьбой бдительно следить за своевременным сотворением ведийских церемоний и яджн. Он встал перед ним, молитвенно сложив ладони, и сказал: «Святой мудрец и наставник! Для всех этих людей, для всего народа, а также для моих родителей ты являешься истинным отцом. Дай совет царю, убеди его, чтобы он управлял народом так, как если бы это были его собственные дети». Когда люди услышали, как он еще и еще раз повторял свои мольбы во имя их блага, они почувствовали, что их сердца разрываются от печали. Одни били себя в грудь, кляня самих себя за то, что утратили счастье жить под властью такого царевича, как Рама. Другие накликали беды на свои головы. Третьи катались по земле и громко стонали.

Рама, между тем, вновь обратился к толпе горожан. Стоя со сложенными ладонями, он сказал: «Мой дорогой народ! Я ценю вас так же, как собственную жизнь. Наш высший властитель посылает меня в джунгли, чтобы я хранил и оберегал от зла его лесные уголья. Не питайте к нему за это никакой враждебности. Заботьтесь о нем и всегда молитесь за него, выполняйте его волю, сделайте его счастливым и будьте счастливы сами. Ваша любовь ко мне не должна внушать вам неприязнь к нему. Никогда не пожелайте ему зла. Только те из вас дороги мне, кто будет трудиться на благо царя после моего ухода в лес. По-настоящему преданы мне только те из вас, кто сделает то, чего я больше всего хочу. Исполните это мое желание, внемлите моим словам, сделайте меня счастливым! Мой дорогой народ! Моя мать Каушалья, разлученная со мной, погрузится в горестную печаль. Каждая мать в подобной ситуации будет страдать от невыносимой боли. И я молю вас,

разумных и полных сочувствия, сделать все возможное, чтобы успокоить ее и уменьшить ее горе».

Затем он попросил министра Сумантру подойти к нему. «О Сумантра, – сказал он, – прошу тебя – отправляйся к отцу! Успокой его и утешь – это главное, что ты должен сейчас сделать». Сумантра был охвачен скорбью и слезы текли по его щекам. Он не мог овладеть собой и плакал навзрыд. Другие министры, так же, как и их помощники, всячески старались успокоить его и придать ему бодрости. Все они были настолько опечалены, что больше не могли оставаться здесь. Они направились во дворец, чтобы выполнить просьбу Рамы. Весь город погрузился в глубокое и необъятное море отчаяния.

Тем временем Дашаратха оправился от обморока и обрел способность понимать, что происходит вокруг. Он жалобно повторял: «Рама! Рама!» – и сделал попытку встать. Но его горе было так тяжело, что он снова упал на пол. Когда же он все-таки поднялся, то попытался сделать несколько шагов, но не смог сдвинуться, а только споткнулся на ровном месте.

В эту минуту в зал вошел Сумантра. Он попытался поддержать Дашаратху и успокоить его. Но, испытывая самые страшные приступы боли, потрясающие его, мог ли он принести успокоение своему господину? Однако он помнил настоятельную просьбу Рамы и поэтому, исполненный чувства долга, подавил скорбь, которая переполняла его сердце и сел рядом с царем, хотя слезы все еще текли ручьями из его глаз. Он долго еще не мог произнести ни слова.

Дашаратха открыл глаза и увидел возле себя Сумантру. Воскликая в величайшей горести: «Рама! Рама!», он упал на колени старого министра и разразился рыданиями. Он приподнялся и простонал: «Сумантра! Рама ушел в лес, а жизнь все еще не покинула мое тело! Зачем моя жизнь цепляется за тело, что она выигрывает от этого?» Потом, став немного спокойнее, он сказал: «Слушай меня! Спешите за Рамой! Возьмите самую быструю колесницу и поезжайте за ним вслед. Моя невестка совсем не переносит палящего солнца, ее ноги – эти лепестки лотоса – покроются ожогами и волдырями! Поспешите! Садитесь в колесницу! Быстрее!»

Глава 14 На пути в лес

«Сумантра! – сказал Дашаратха. – Мой Рамачандра – несокрушимый герой; он не повернет назад. Никто не сможет ни пошатнуть, ни отменить принятое им решение. Все попытки изменить его окажутся напрасными; наши усилия вызовут лишь его огорчение. Кроме того, Рама – непоколебимый приверженец Истины. Не медлите! Хотя и недолго снарядить колесницу в дорогу, вы можете упустить их след! Мои подданные не вынесут этого зрелища – Рама, пешком бредущий по улицам царской столицы. Ступай, ступай быстрее!»

Царь торопил министра и продолжал в волнении: «Захвати с собой в колесницу несколько корзин с едой и какое-нибудь оружие и передай все это им. Сумантра! Еще об одном я забыл сказать тебе. Проси и умоляй их всеми силами и не забудь упомянуть, что это я просил тебя об этом, чтобы они велели Сите вернуться в Айодхью. Возьми их в свою колесницу, чтобы часть пути до леса они проделали с тобой. Войди в лес вместе с ними, и если Сита испугается при виде диких джунглей, и ты заметишь это, немедленно обратись к Рама за советом и уговори Ситу, нежную принцессу Митхилы, возвратиться в Айодхью, постаравшись внушить ей, что это также и мое желание. Скажи ей, что если она не согласится остаться в Айодхье, царь распорядится отправить ее обратно к отцу, Джанаке!» Дашаратха снова и снова повторял эти слова и, разбередив свое горе страшными картинками, которые они вызвали в его воображении, впал в беспамятство и повалился на пол.

Быстро придя в себя, он приподнялся и воскликнул в отчаянии:

«Сумантра! К чему тратить время на пустые слова? Доставь ко мне сейчас же моего Раму, Лакшману и Ситу, чтобы я мог еще раз взглянуть на них! Наберись решимости и сделай это, чтобы я снова смог стать счастливым!» Опомнившись, он жалобно взмолился: «Езжай быстрее, не медли, сядь в колесницу и догони их; довези их до того места, дальше которого для колесницы уже не будет пути. Возможно, ваше путешествие продлится три или четыре дня, и тогда останови коней и дай всем троим сойти. Не спускай с них глаз, пока они не скроются из виду, прежде чем поспешить ко мне назад с известиями, чтобы я мог удостовериться, что они находятся в безопасности и в добром здравии. Теперь же ступай! Почему ты все еще стоишь передо мною? Ступай живее!» Дашаратха в нетерпении торопил министра.

Простершись у ног царя в знак подчинения его приказу, Сумантра удалился и, снарядив колесницу, пустился в путь. Вскоре он догнал Ситу, Раму и Лакшману, пешком пробиравшихся по улицам города; он передал им повеление Дашаратхи и, усадив их рядом с собой, тронул поводья; колесница двинулась по направлению к лесу. По обе стороны царской дороги толпились жители Айодхьи, плачущие и стенающие, и Сумантра пытался убедить их успокоиться и сдерживать свои чувства. Они миновали пределы города и продолжали свой путь. Обитатели столицы, покинув свои дома, бежали вслед за колесницей Сумантры, слившись в единую людскую массу, охваченную горем и паникой. От тысяч бегущих по дороге ног поднимались тучи черной пыли, заволакивающей небо. Уже невозможно было различить ни земли, ни дорожной колеи, а лишь сплошное море человеческого отчаяния и безумия. Старики, женщины, юноши, взрослые сильные мужчины, брамины – все кричали в один голос, срывающийся на рыдающий вопль: «Рама! Рама! Возьми нас с собой! Не покидай нас!» Улицы Айодхьи были мертвы и пусты, город погрузился в молчание, словно скованный глубоким сном. На крыши домов, придавив их своей тяжестью, пала густая тьма. Те, кто был слишком слаб, чтобы устремиться вдогонку за Рамой, неподвижно стояли на дороге, безжизненные и утратившие надежду. Некоторые остались за дверями, наглухо запертыми изнутри, и предавались в одиночестве мучительной скорби, скорчившись на полу, отказавшись от воды и пищи с того мгновения, как Рама покинул столицу. Некоторые ожидали наступления ночи, уповая на то, что Рама вернется, движимый жалостью и состраданием к своему любимому народу.

А в это время Дашаратха сам взобрался на колесницу! Он громко вскричал: «Рама! Рама! Сумантра! Сумантра! Остановитесь! Я должен хотя бы один раз взглянуть на сокровище моей любви!» Он что есть мочи гнал лошадей и мчался быстрее и быстрее. Однако путь ему преградило огромное людское море, захлестнувшее дорогу и отделявшее колесницу царя от колесницы Рамы. Многие были настолько измучены, что, обессиленные, падали прямо в дорожную пыль. Видя, что мимо них несется царская колесница, влекомая быстрыми конями, они поднимали головы в надежде, что это Рама возвращается к ним; они пытались встать и остановить ее, чтобы взглянуть на Раму, своего возлюбленного Принца. Но заслышав доносящиеся из нее горестные возгласы Дашаратхи, они, рыдая, вновь погружались в отчаяние; они расступались, пропуская колесницу царя, и умоляюще кричали ей вслед: «О царь! Скорее! Езжай скорее и верни нам нашего Рамачандру!»

Дашаратха увидел колесницу Рамы, мелькающую на дороге среди песчаных дюн, простирающихся за пределами города, и громко закричал: «Сумантра! Сумантра! Остановись! Попридержи поводья!», а своему вознице велел гнать, что было сил. Сумантра оглянулся, услышав крик, и увидел, что их настигает царская колесница. Он сказал Рама:

«Рамачандра! Позади нас твой отец Дашаратха; мне кажется, что нам надо остановиться и выяснить, каковы будут его распоряжения». Рама тоже увидел догонявшую их колесницу отца и необъятные толпы людей, движущихся позади них по дороге. Он знал, что стоит ему сейчас остановиться, и люди, охваченные неудержимым

отчаянием, окружают его со всех сторон, и даже те, кто, изнуренные погоней, повалились на обочины, поднимутся и побегут из последних сил, гонимые надеждой. Он знал, что не имеет права вселять в их сердца эту надежду, заведомо бесплодную, и проявлять тем самым еще большую жестокость к своему народу. Кроме того, это могло нарушить уже принятый им обет. Если подданные станут свидетелями жалостных причитаний Дашаратхи, он утратит в их глазах всякое уважение. Все эти рассуждения с быстротой молнии пронеслись в голове Рама, и, приняв решение, он велел Сумантре, своему вознице, не останавливать колесницу. Он сказал ему, что будет лучше, если они помчатся вперед как можно быстрее! Услышав это, Сумантра вскричал, молитвенно сложив руки на груди: «Рама! Мне было приказано пробить с тобою не больше четырех дней. После этого я вынужден буду возвратиться в Айодхью, не так ли? Я предстану перед Дашаратхой, и он непременно сурово осудит меня за то, что я не остановил колесницу, послушавшись его приказа. Что скажу я ему в ответ? О Рама! Позволь мне быть рядом с тобою все годы твоего изгнания! Если ты разрешишь мне сопровождать тебя, я смогу быть счастливым, считая, что жизнь моя прожита не напрасно. Если ты согласен, я не остановлю лошадей; я буду гнать их так, что мы помчимся быстрее ветра. Я смиренно ожидаю твоего приказа».

Рама обдумал сказанное Сумантрой, разом охватив умом значение всех его доводов. Он ответил ему: «Сумантра! Тот, кто повелел тебе взойти на колесницу и взять нас с собою, чтобы сократить долгий путь до леса – твой властитель, правитель державы! Тот, кто сейчас преследует нас, рыдая, и упрасивает тебя остановиться – Дашаратха. Ты должен слушаться только своего владыку, повиноваться только приказу правителя, а не командам Дашаратхи. Ты – министр державы, главный помощник царя, а не личный слуга человека по имени Дашаратха. Между нами, как между отцом и сыном, существуют кровные узы любви и привязанности. Однако его власть как державного правителя распространяется в равной мере как на меня, так и на тебя. Твоя верность ему не должна уступать моей. Тебе следует исполнять свой долг. Это будет самое правильное, поверь мне». И Рама велел ему гнать лошадей побыстрее, не пытаясь остановить колесницу.

Сумантра жадно впитал нектар высшей морали, который Рама соизволил преподнести ему. Дашаратха, увидев, что Рама не пожелал остановиться, велел вознице повернуть назад и двинулся обратно в Айодхью, громко стона и проклиная свою судьбу. Жители города, однако, несмотря на усталость и физическое истощение, продолжали преследовать колесницу, влекомые единым стремлением – не расставаться с обожаемым Рамой. Многие из них, готовые пожертвовать ради него своей жизнью и погибнуть, обессилев от погони за ним, тащились из последних сил, измученные и выдохшиеся, преданно плетясь по следу колесницы, в которой сидел их обожаемый Рама. Рама видел этих несчастных, гонимых страстной любовью, заставляющей их из последних сил бежать за ним вслед; его душа исполнилась сострадания. Он остановил колесницу и обратился к людям с ласковыми и нежными словами, от которых затрепетали их сердца. Он старался раскрыть перед ними всю глубину тех нравственных законов, следуя которым он вынужден оставить Айодхью. Он умолял их вернуться домой.

Подданные отвечали ему, что разлука с ним принесет невыносимые страдания и муки, и они не смогут оставаться и минуты в Айодхье, которую покинул их любимый Рама; они готовы умереть в лесу, нежели жить в опустевшей столице. На разные голоса они твердили одно и то же, а какой-то юноша провозгласил, что город, из которого исчезло Божество Дхармы, для них более ужасен, чем дикие джунгли, и что они не могут жить в столь зловещем месте. Они сказали ему, что отныне столица царства – это лес, в котором поселится Рама. «Не беспокойся оттого, что мы изнурены и измучены. Исполни свою клятву, следуй своему долгу, поступай согласно своему решению; мы тоже будем блюсти свой обет. Для тебя самый священный долг – склониться в смирении перед волей отца; у нас также есть священный долг, и мы храним его в наших сердцах – подчиниться в благоговении воле Рама, Атма Рама, нашего Господина, которого мы почитаем, как

единственного Властелина. Мы не дрогнем в нашей решимости! Мы не вернемся назад! Только смерть сможет нам помешать!» – так говорили люди, рыдая и обливаясь слезами отчаяния. Сердце Рамы, полное милосердия, дрогнуло, когда он услышал эти слова любви и верности. Из глаз Ситы ручьями текли слезы. Лакшмана с болью наблюдал этот бурный взрыв преданности, исторгнутый из сердец простых, обыкновенных жителей царства. Он подумал о Кайкейи, своей мачехе, которая не испытывала к Рама и тысячной доли подобных чувств, и от гнева его глаза налились кровью, а язык присох к гортани. Он опустил на землю и сел, понунив голову от тяжелых и мрачных мыслей.

Рама чувствовал, что для блага людей он обязан любыми способами настоять на их возвращении домой. Он утешал их, участливо говорил с ними, напоминал о тех священных обрядах и ритуалах, которые им надлежит совершать каждый день, и о неблагоприятных последствиях их несоблюдения. Он описывал ужасы лесной жизни и те тяжелые испытания, с которыми им неизбежно придется столкнуться. Он убеждал их, что лучшее, что они могут сделать – это вернуться домой и неукоснительно творить молитвенные обряды поклонения, и тогда четырнадцать лет пролетят для них спокойно и незаметно; этим они помогут ему провести годы изгнания в мире и радости и вернуться в Айодхью в назначенный срок полным силы и бодрости.

Однако собравшимся вокруг него юным сыновьям браминов его доводы не показались убедительными! Рама терпеливо продолжал уговаривать их: «Ваши престарелые родители нуждаются в вас, им необходимо ваше преданное служение; недопустимо оставлять их одних безо всякой помощи». Но юноши отвечали ему: «Наши старые родители настолько удручены и ослаблены горем, что не могли бежать вдогонку за тобой до самого леса; они шли, пока им хватало сил, а потом повернули назад, излив потоками слез свои душевные муки. Но они наказали нас следовать за тобою и оставаться рядом с тобой; это они послали нас к тебе, говоря: «Мы слишком немощны, а вы молоды и сильны. Ступайте, служите Рама от нашего имени!» Эти старые люди вдвойне несчастны, они страдают оттого, что ты покинул Айодхью и что нас больше нет рядом. Но они обрадуются, узнав, что их сыновья ушли вместе с Рамой, что сыновьям выпало счастье, которого сами они лишены. Хотя бы по этой причине ты должен взять нас с собой и осчастливить наших старых родителей». С мольбами и рыданиями они упали к ногам Рамы.

Рама был потрясен столь искренним изъявлением любви и поклонения. Его охватил блаженный трепет при соприкосновении с этим духом полного самоотречения, исходившим от юношей, возможно, более глубоким и благородным, чем его собственное отречение от трона. К его радости примешивалась гордость за своих подданных, сумевших превзойти его в благочестивой преданности родителям. Пока длились все споры, мольбы и страстные признания, землю окутал вечерний сумрак. Рама предложил людям совершить вечерние омовения и отдохнуть, чтобы не возвращаться назад впотьмах.

Желая подбодрить их собственным примером, он искупался в реке Тамасе, близ которой лежал их путь, отведал кореньев и фруктов и прилег на землю, закрыв глаза. Народ, весь день следовавший за ним по пятам, был настолько изнурен и обессилен, что после легкой трапезы все до единого погрузились в глубокий сон.

Рама знал, что когда они проснутся, то возобновят свои уговоры и мольбы; поэтому он разбудил Сумантру и велел ему запрягать лошадей и немедленно трогаться в путь, не производя при этом ни малейшего шороха, и вести колесницу так, чтобы невозможно было распознать, куда ведет ее след. Сумантра понял, что другого выхода нет; он правил колесницей, искусно запутывая следы. Ему даже удалось создать некое впечатление, будто он развернул коней назад, чтобы доставить Раму в Айодхью. Он виртуозно справился с заданием Рамы, после чего колесница бесшумно умчалась по направлению к лесу.

Наступил рассвет нового дня. Открыв глаза, жители Айодхьи осмотрелись кругом и увидели, что царская колесница исчезла; ее не было и в помине! Они не увидели ни Раму,

ни Ситу, ни Лакшману! Их пронзил мучительный ужас, они разбудили всех спящих и бросились искать отпечатки колес, оставленные на земле. В панике разбежались они в разные стороны, пытаясь проследить путь колесницы. Один из них сказал: «Братья! Рама увидел, как мы измучены, и что мы мгновенно уснули, истощив все свои силы; поэтому он и уехал один и не взял нас с собою». Они принялись упрекать друг друга, что позволили себе выказать признаки утомления, чем побудили Раму покинуть их. Другие занимались самоуничтожением, низводя себя до жалкого уровня, недостойного даже глупой рыбы. «Рыба, выброшенная на берег, погибает, а мы все еще живы, хотя Рама, дыханье нашей жизни, ушел от нас». Они рвали на себе волосы, проклинали самих себя и горестно вопрошали:

«Мы сами навлекли на себя разлуку с самым дорогим для нас Существом. Что нам остается, как не призвать к себе Смерть, чтобы она покончила со страданиями?» Но вскоре они осознали, что поскольку их истинное «Я», их Атма – это Рама, то насильственное саморазрушение, или Атма-Хатья, для них невысказано. Это греховный акт, не достойный ни похвалы, ни награды. Самоубийство оправдано лишь в том случае, когда самой судьбой тебе предназначено погибнуть от собственной руки! Ухватившись за эту мысль, люди призывали других к истовой молитве, чтобы судьба даровала им возможность такого конца.

Одолеваемые противоречиями и сомнениями, они затеяли жаркий спор. Им не терпелось решить поскорее, каковы должны быть их дальнейшие действия. В разгаре дискуссии кто-то сообщил, что наконец найдены четкие следы, оставленные колесами. От этой новости люди воспряли духом, ибо следы указывали на то, что колесница проследовала в Айодхью! Народ толпой устремился назад по дороге, но следы вскоре затерялись и полностью скрылись из виду. Их будто бы стерли с дороги! Теперь понять, что случилось на самом деле, было невозможно. В умах людей царил путаница и неразбериха, и, разочарованные, они вернулись в столицу.

Многие утешали себя мыслью, что Рама непременно вернется во дворец, ибо он был свидетелем их плачевного и беспомощного состояния, и его сердце, полное сострадания, не позволит ему бросить их, убитых горем, на произвол судьбы. Они говорили: «Рама вернется! Не пройдет двух или трех дней, и он снова будет с нами!» Женщины, в надежде умиловить богов, чтобы те побудили Раму не оставлять своих подданных, приняли суровые обеты поста и воздержания и без усталости совершали обряды поклонения.

Злая судьба поджидала жителей Айодхьи, подобная той, что грозит птицам чакравака, выющим свои крошечные гнезда в цветках лотоса: когда солнце скрыто за густыми тучами, бутоны не распускаются, лишены тепла и света.

В то время как жители Айодхьи страдали от горя и отчаяния. Сита, Рама и Лакшмана вместе со своим возницей – Сумантрой достигли окрестностей города Шрингиверы. Рама издали заметил реку Гангу и велел немедленно остановить колесницу. Он сошел на землю и простерся ниц на берегу священного потока; его примеру последовали Сита и Лакшмана; к ним присоединился и Сумантра. Рама рассказал им, что Ганга – это источник благополучия и процветания, которыми дышат окружающие их просторы. Ганга дарует всем существам высшее блаженство, изливая на них неиссякаемую духовную благодать. Они решили искупаться в божественных водах.

Рама велел Лакшмане поискать безопасное место, где Сита могла бы без труда сойти с берега и окунуться в священную воду. Здесь, вблизи диких джунглей, берег реки был размытым и болотистым; Лакшмана выбрал место посуше и соорудил настил из камней и обломков скал, чтобы Сите было легче спуститься к воде и выбраться на берег после совершения омовений. Затем он обратился к Сите, своей Госпоже, со смиренной просьбой – использовать при купании эту маленькую пристань. Осторожно ступая по камням, она приблизилась к воде и, прежде чем войти в нее, низко поклонилась великой богине Ганге. Лакшмана тем временем отправился в джунгли в поисках съедобных плодов, чтобы Рама

и Сита смогли подкрепиться после купания. Вернувшись, он почтительно преподнес им собранные дары леса и разделил с ними скромную трапезу.

Скоро они заметили, что неподалеку от них на берегу собралась группа лодочников. Их внимание привлекли царская колесница и облик пришельцев, выдававший их высокое происхождение. Они решили, что знатные особы прибыли сюда на прогулку и расположились на берегу, чтобы устроить пикник. Они поспешили к правителю города, Гухе, и доложили, что к ним пожаловали высокородные гости, принадлежащие к царскому семейству. Гуха отправил гонца, чтобы точно разузнать, кто они такие и что привело их сюда, в леса на берег Ганги.

Гонец принес удивительную весть: их глухие края посетили не кто иные, как сыновья царя Дашаратхи, а принцесса – сама Сита, и сопровождает их главный царский министр Сумантра. Предвкушая момент наивысшего восторга, Гуха ощутил, что не вправе наслаждаться им в одиночестве. Он немедленно созвал своих родных и близких, друзей и приближенных и сообщил им, что величайший из царевичей. Рама вместе с женой и братом находятся на берегу Ганги. Он велел принести побольше сочных фруктов и красивых цветов, и вся процессия в благоговейном почтении двинулась в сторону Ганги. Гуха сложил свои подношения к ногам царственных гостей и простерся перед Рамой в низком поклоне. Его примеру последовала многочисленная свита.

Увидев, какую огромную радость доставило этим людям его появление, Рама подозвал к себе Гуху и завел с ним беседу. Он с интересом расспрашивал царского наместника о жизни его народа, о счастье и благополучии жителей города. Он выразил уверенность, что под предводительством Гухи вся община процветает и здравствует. Гуха отвечал Рама: «О Владыка! Рамачандра! Припав к твоим ногам, мы испытали безграничную Ананду. Мы получили этот подарок судьбы в награду за наши добрые дела, за все хорошее, что совершили в прошлых жизнях. Как иначе можно объяснить то, что мы, проводящие свои дни в этой недостижимой глуши, удостоились твоего визита и Даршана твоих Лотосных Стоп? Теперь, когда твоя Нога коснулась этой земли, край наш расцветет богатством и изобилием, на него снизойдут мир и покой! Нет сомнений, что отныне эта земля сказочно преобразится».

Лакшмана, Сита и Сумантра с волнением наблюдали этот искренний поток радости, они видели чистые слезы Ананды, льющиеся из глаз людей, и были поражены их преданностью, смирением и мудростью. Гуха, вождь городской общины, обхватил руками ноги Рамы и произнес:

«Господин! Все, что ты видишь вокруг, принадлежит тебе! Все богатство природы, вся земля, доверенное мне право власти, мои подданные – все это твое! Мои приближенные ждут твоих приказов, они в твоём полном распоряжении, готовые услужить тебе, чуткие к любым твоим нуждам. Я – твой покорный слуга. Позволь мне оставаться им впредь, прими все, что я возлагаю к твоим стопам и достойным посещением наш город».

Выслушав смиренную просьбу Гухи, Рама улыбнулся и ответил:

«Гуха! Я ценю твою бесконечную преданность и чистоту твоего сердца. Но послушай меня! Я нахожусь в изгнании, подчиняясь приказу отца, и, как лесной скиталец, вынужден носить одежды отшельника. Мне не подобает вступать в пределы города или другого поселения. Я не должен притрагиваться к пище, не предназначенной для отшельников, следующих обету сурового воздержания. Мне придется жить в соответствии с правилами, предписанными аскетам, строго соблюдающим законы Тапаса. По этим причинам я не смогу исполнить желание, которое ты высказал».

Великая скорбь охватила Гуху, когда он услышал признание Рамы. Недоуменный ропот прошел по многолюдной толпе собравшихся на берегу жителей Шрингиверы. Они взволнованно перешептывались, пораженные божественным очарованием Рамы, Ситы и Лакшманы. Им не верилось, что родители этих двух прекрасных братьев и юной принцессы, похожей на небесную деву, смогли отправить таких детей в изгнание. Кто-то

из людей возмущенно воскликнул: «И как только мог повернуться их язык, чтобы вынести подобный приговор?» Другой человек возразил ему: «Успокойся, не будь глупцом! Их родители совершили благой поступок! Если бы они не обрекли их на изгнание, разве могли бы мы сейчас любоваться их Божественной красотой? Наши глаза наслаждаются, и сегодняшний день превратился в великий праздник!» Эти слова наполнили сердца людей благодарностью и восторгом. В толпе, состоящей из представителей разных сословий и народностей Нишады, послышались восхищенные возгласы. Люди превозносили с благоговением красоту и благородство царственных гостей, преклоняясь перед совершенством их черт и мягким, сияющим очарованием.

Правитель Гуха был безмерно опечален оттого, что судьба лишила его возможности приветствовать Раму в столице Нишады, Шрингивере. Вождь был уверен в том, что стоит Рама посмотреть на город, бросить на него хотя бы издали один-единственный взгляд, и на столицу снизойдет благословение, навеки обеспечив ей мир и процветание. Поэтому он попросил Раму посмотреть на город от подножья гигантского дерева Симсупа, которое росло неподалеку, широко раскинув пышную густую крону. Вместе с Рамой они приблизились к дереву. Гуха почувствовал огромную радость, убедившись в том, что взгляд Рамы охватил столицу. Рама тоже был счастлив, увидев красивый город, простершийся вдали. Сгущались сумерки, и Рама, позволив жителям Нишады коснуться своих ног, предложил им разойтись по домам.

После этого он приступил к совершению священных вечерних ритуалов. Гуха тем временем собрал большие охапки шелковистой травы и мягких листьев и приготовил из них удобные постели. Он послал своих приближенных в лес за свежими плодами, кореньями и сладкими фруктами, наказав завернуть их в большие листья, чтобы преподнести редким гостям. Отведав предложенное им угощение, Сита, Рама, Лакшмана и Сумантра прилегли на свои подстилки, чтобы отдохнуть.

Сита крепко уснула на мягком травянистом ложе. Лакшмана сел в ногах у Рамы, намереваясь нежно массировать его ступни, чтобы снять усталость и напряжение. Рама знал, что Лакшмана, без сна и покоя, будет продолжать свое преданное служение, пока не убедится, что он уснул. Он хотел дать брату возможность отдохнуть и поэтому притворился, что погрузился в глубокий сон. Лакшмана, побоявшись, что своими прикосновениями разбудит Раму, бесшумно отодвинулся в сторону. Он уселся на землю, приняв особую «позу героя», которая позволяет человеку, сидящему в ней, пристально следить за происходящим вокруг: спереди, сзади, справа и слева, чтобы не упустить крадущегося из леса дикого зверя, притаившегося в кустах коварного демона или любое другое злокозненное существо, способное потревожить сон Рамы; он был весь внимание – надежный и бдительный страж.

Тогда и Гуха, наблюдавший за Лакшманой, приказал своим верным помощникам охранять место, где отдыхал Рама, и позаботиться о том, чтобы ничто не нарушило его покой. Сам он повесил на плечо колчан со стрелами и, держа наготове свой лук, сел рядом с Лакшманой, стремясь разделить с ним ночное бдение.

Глаза его были полны слез. Горестно сложив ладони, он обратился к Лакшмане: «Лакшмана! Мне известно, что дворец царя Дашаратхи не уступает по своему величию и грандиозности небесной обители самого Царя богов, Индры. В этом дворце все прекрасно и восхитительно! Он благоухает свежестью и тонкими ароматами; мягкие воздушные перины, изящные светильники, инкрустированные драгоценными камнями, сливаясь с пышным великолепием, создают покой и уют. Накинутые на ложа покрывала, подушки из нежного пуха легче и белее, чем пена на свежем молоке. А теперь Сита и Рама, привыкшие к роскоши и изысканным удобствам, спят, сморенные усталостью, на этих жалких подстилках из травы, у них нет даже одеяла, чтобы укрыться, а вместо подушек – охапки листьев! Это зрелище причиняет мне мучительную боль! Там, в Айодхье, о Рама заботились отец и мать, слуги и придворные стояли наготове, стремясь услужить ему и

исполнить любое желание. Сита и Рама, до вчерашнего дня окруженные царскими почестями, теперь вынуждены лежать на голой земле! Мое сердце разрывается от горя!

Сита – любимая дочь известного всему миру царя Джанаки, и эта нежная принцесса спит на горстке сухой травы! Что за странный поворот судьбы! Разве Сита и Рама приспособлены для жизни в лесу? Увы! Мои страдания лишний раз доказывают, что несмотря ни на что, нам не избежать последствий своих поступков!

Кайкейи – дочь правителя царства Кекайя. Кто бы мог подумать, что она способна совершить столь чудовищный грех! У этой юной четы сейчас такое время, что ничто не должно мешать их безоблачному счастью! Недопустимо обрекать их на подобную тяжкую участь! Такую судьбу не пожелаешь даже самому злейшему врагу.

Принцессу Кекайи можно уподобить острому мечу, разрубившему на части самые корни великого древа Солнечной династии! Ее корысть и жадность навлекли беду на весь мир! О! Будь прокляты мои глаза, обреченные смотреть на эту душераздирающую сцену! Каким низменным грехам предавался я в прошлом, что заслужил это наказание? Чья счастливая жизнь не давала мне покоя, заставляя мои глаза наливаться кровью от зависти? За что обречен я видеть моего возлюбленного Раму поверженным и бесславленным?»

Так горевал Гуха и, пытаясь сдержать рвущиеся из горла рыдания и стоны, плотно сжал зубы и низко опустил голову, борясь с невыразимым отчаянием. Глядя на него, пришел в уныние и Лакшмана. Он постарался, однако, овладеть собой и, набравшись смелости, заговорил:

«О, славный вождь Нишады! Ни один человек не способен сделать другого счастливым или несчастным. Воля отдельной личности не может распоряжаться нашей судьбой, назначая, быть ей злой или безоблачной. Равно как не дано человеку быть абсолютно счастливым или полностью несчастным. Каждый из нас приходит в этот мир с определенной целью, соответствующей его возможностям, которые зависят от достигнутого в прошлых жизнях или от Воли Всевышнего. Наша жизнь – это путь к предназначенной цели, и на этом пути люди могут лишь казаться счастливыми или несчастными, не более того. Во снах нищий видит себя царем, а царь превращается в нищего. Просыпаясь, оба убеждают, что радость и беда быстротечны и иллюзорны. Так же и весь мир нереален, он не больше, чем сон и иллюзия. Окружающий мир – это всего лишь Митья. Ты скорбишь, видя Раму в столь плачевном состоянии, но сам Рама выше горя и радости. Он – вне пределов их досягаемости. Чувства радости и печали, которые ты приписываешь Рама, на самом деле есть отражение твоего собственного несовершенного ума. Рама может лишь казаться несчастным или счастливым, и каждый воспринимает это посвоему, ссылаясь на свою судьбу, злую или добрую, которая досталась ему в результате похвальных или дурных деяний в прошлых жизнях». Слушая Лакшману, Гуха немного успокоился и попытался усмирить гнев на Кайкейи, бушующий в его сердце. Он понял, что бесполезно проклинать других и взваливать на них вину за содеянное зло.

«Люди живут, погруженные в сон иллюзии, – продолжал Лакшмана. – Все они грезят наяву, замороженные бесконечной чередой сновидений. Так проводят ночь, которую они считают своей «жизнью», большинство людей. Лишь только истинные йоги – люди, сумевшие обуздать свои эмоции – бодрствуют в ночи жизни, не позволяя обманным сновидениям затуманить их сознание. Этих людей не привлекает мир со всеми его соблазнами. Они отказались от чувственных наслаждений и привязанностей. Люди, не достигшие этой высокой стадии, не вправе называть себя «пробужденными». Только познавшие мудрость и открывшие высшую реальность способны сбросить оковы иллюзии, и тогда любовь их сердец сосредоточится на Лотосных Стопах Шри Рама». Под воздействием возвышенных речей Лакшманы мысли Гухи устремились в другое русло. Он приободрился и почувствовал умиротворение. Они провели остаток ночи, предаваясь восторженному восхвалению божественной сущности Рама и скрытых в нем сверхъестественной мощи и красоты.

Тем временем наступил рассвет; верные стражи не отходили от Рамы, и в то время, как один удалился к реке для омовения, другой продолжал бдительно охранять его сон. Вскоре Рама пошевелился и, протерев глаза, сел и огляделся кругом. Он разбудил Ситу, и они оба отправились к берегу Ганги. После купания и свершения утренних ритуалов они вернулись к месту ночлега, где их поджидали Гуха и Лакшмана. Рама попросил брата принести немного млечного сока священного фикусового дерева, баньяна. Лакшмана безропотно удалился в ближайший лес и довольно скоро вернулся, держа в руках чашу, свернутую из листа, полную сока. Рама смочил древесным молочком свои кудри, и они превратились в бесформенную копну, похожую на ворох грубой пакли. Таково было правило, предписанное лесным отшельникам.

Сумантра с ужасом наблюдал эту сцену и, не выдержав, разразился рыданиями. Его потрясло, что эта голова, вместо того чтобы быть увенчанной драгоценной короной, покрылась пучками спутанных безжизненных волос! Он жалобно сетовал, что ему пришлось стать свидетелем этой трагической перемены. Его сердце сжалось от горя. Он произнес:

«Я больше не могу оставаться с тобой в лесу; мое дальнейшее пребывание здесь невозможно. Я в точности выполнил приказ царя. Теперь судьба повелевает мне расстаться с тобой. Царь наказал мне довести тебя в колеснице до леса и доставить к берегу священной реки; после этого мне следует покинуть тебя и вернуться во дворец. Мой долг был сообщить тебе об этом, теперь твоя очередь распорядиться, что мне делать дальше». Сумантра говорил, смиренно стоя перед Рамой с горестно склоненной головой, не пытаясь сдержать слез, ручьями текущих из глаз.

«Не горюй так сильно, – сказал Рама, – подчинение приказам царя – наш общий долг, как твой, так и мой. Я счастлив, что тебе удалось справиться со своей задачей и осуществить желание царя. Теперь настала моя очередь приступить к своим священным обязанностям. С величайшим почтением я исполню все его приказания, не отступая от долга ни в малейшей детали. Не сомневайся и не медли, возвращайся в Айодхью. Мои родители сгорают от тревоги и нетерпения, ожидая твоего появления. Они стремятся услышать от тебя подробный рассказ о нашем путешествии. Поэтому запрягай лошадей и как можно быстрее отправляйся в обратный путь».

Сумантра представил себе то мрачное место, куда ему предстояло вернуться. Он жалобно взмолился: «О Рамачандра! Не допусти, чтобы Айодхья осиротела! Царю будет трудно держать себя в руках, когда тебя не будет рядом. Бхарата сочтет невозможным принять бразды правления». Сумантра упал на колени перед Рамой, не в силах справиться с отчаянием. Рама поднял его и, обняв за плечи, попытался утешить:

«Сумантра! Нет справедливости выше, чем Истина. Этот известный принцип заложен в Ведах, его провозглашают Пураны и древний Эпос. Самой судьбой мне предназначено следовать этому наивысшему закону справедливости. Мне выпала поистине счастливая доля! Если я упущу эту возможность, пройду мимо собственной судьбы, то навлеку вечный позор на себя и на всю нашу династию, и во всех трех мирах отзовется дурная слава о ней! Огонь бесчестья, пожирающий праведников, куда мучительней, чем миллионы смертей и погребальных костров. Ступай и пади к ногам моего отца, чтобы прояснить ему мое предназначение и передать мою радость. Сохраняя бдительность и своим рассказом обо мне, Сите и Лакшмане не причиняй ему боли и беспокойства».

Гуха и его спутники внимали словам Рамы с нескрываемым волнением. Они сами не заметили, как из их глаз потекли слезы. Лакшману вновь охватил приступ скорби; не сдержавшись, он произнес гневные и резкие слова в адрес тех, кого считал виновным в происшедшей драме.

Рама, заметив его состояние, тотчас прервал его. Он повернулся к министру Сумантре и сказал: «Сумантра! Лакшмана ведет себя, как неразумный подросток. Не придавай значения его словам. Не передавай их отцу. Он пребывает в смятении и страдает

оттого, что слишком сильно любит меня, а кроме того, беспокоится, как Сита преодолеет ожидающие ее невзгоды. Он позволил себе эти горькие упреки, ибо у него сложилось ошибочное мнение о тех, кто отправил меня в изгнание. По своей природе Лакшмана наделен высочайшими добродетелями,» – и Рама принялся перечислять многочисленные достоинства своего брата.

Сумантра поднял голову, решившись передать Раме просьбу царя о Сите, принцессе Митхилы. Он сказал: «Господин! Джанаки – хрупкое и нежное создание. Она не вынесет суровых условий лесной жизни. Необходимо предложить ей вернуться в город и убедить ее, что этот поступок будет самым правильным. Жителям Айодхьи она дорога, как вдыхаемый воздух. Вся держава поклоняется ей как Богине процветания. Если Айодхья лишится своей принцессы, город задохнется, словно рыба на дне высохшего пруда! Позволь ей уехать со мною, и пусть она сама решит, где ей лучше жить – в родной Митхиле или с твоими родителями. Перед моим отъездом царь Дашаратха не уставал снова и снова повторять эту просьбу, и я в точности передаю тебе его слова. Когда через четырнадцать лет ты вернешься в Айодхью из изгнания, Джанаки будет доставлена в нашу столицу из Митхилы». Пока Сумантра настойчиво излагал свою просьбу. Рама сделал знак Сите, призывая ее прислушаться к мольбам и уговорам министра.

Когда Сумантра замолчал, Рама обратился к Сите: «Сита! Ты явственно слышала просьбу, которую передал тебе мой отец. Возвращайся домой и помоги моим родителям хотя бы частично преодолеть боль, терзающую их после разлуки со мной. Они оба уже слишком слабы, чтобы справиться с бедой, постигшей их. Поэтому я согласен с Сумантрой и считаю, что тебе необходимо вернуться в Айодхью». Рама привел множество доводов, чтобы убедить Ситу принять предложение его отца.

Но Сита ответила: «Мой Господин! Ты всеведущ; тебе отлично известны непреложные законы поведения, предписанные различным группам нашего общества. Мне незачем напоминать тебе о них. Прошу тебя, выдели мне несколько минут и выслушай меня. Тень неотделима от предмета, отбрасывающего ее. Может ли она отклониться в сторону? Солнечные лучи не могут существовать отдельно от Солнца. Лунный свет неотделим от Луны. Также и Сита, словно тень, всюду следует за Рамачандрой и не в силах покинуть Его, как не может померкнуть свет, излучаемый Рамой-Луной».

Она повернулась к Сумантре и сказала: «Сумантра! Я глубоко почитаю тебя, не меньше, чем Дашаратху и своего родного отца. Я знаю, что ты желаешь мне только добра. Но сейчас ты должен понять: я не нуждаюсь ни в каком другом прибежище, кроме Лотосных Стоп моего Повелителя. То, что невестка, вошедшая в чужую семью, никогда не сможет заменить сына, покинувшего своих близких – общеизвестная истина. Бессмысленно убеждать меня в том, что мое возвращение поможет родителям забыть свое горе и притупит боль разлуки. Что касается роскоши и удобств, которые ожидают меня во дворце моего отца Джанаки, то я достаточно насладилась ими в детстве! Когда моего Господина не будет рядом, все это пышное убранство покажется мне тусклым и безжизненным, словно пучок сухой травы! У меня нет иного пути, кроме того, что выбрал мой Повелитель. Поэтому постарайся понять меня правильно и согласишься со мной; оставь свои попытки вернуть меня в Айодхью. Забудь об этом! Передай мой низкий поклон родителям Рамы и убедил их, что у них нет причин для беспокойства. Скажи им, что Сита счастлива, в тысячу раз счастливее, чем была в Айодхье или Митхиле. Здесь, в лесу, я рядом с Владыкой моего сердца, с величайшим из героев, вместе с его братом Лакшманой – отважным и доблестным воином; я не одержима страхом, меня не мучают ни тревога, ни сомнения, и моя радость не знает границ! Скажи им, что я не чувствую никакой усталости после нашего путешествия. Скажи, что я безмерно счастлива и считаю, что наше изгнание – щедрый подарок судьбы».

Сумантра слушал Ситу, и сердце его разрывалось от отчаяния, смешанного с восхищением и восторгом; он не смел поднять глаза, чтобы взглянуть ей в лицо, ее слова

проникали в самую душу, и он был настолько потрясен и тронут, что не нашел в себе сил возразить ей. Он преклонялся перед ее чистотой и добродетелью, перед ее непреклонной волей. Он молчаливо оплакивал горькую судьбу Айодхьи, лишенной источника вдохновения, обреченной на разлуку с этой удивительной женщиной, наделенной высочайшими духовными качествами.

Тогда он снова воззвал к Рама: «Рама! Прошу тебя внять моей мольбе! Позволь мне остаться с тобой в лесу и преданно служить тебе все четырнадцать лет». Рама ответил: «Сумантра! Ты сведущ в законах государства и знаком с правилами морали. Ты являешься министром царя Дашаратхи, а не моим подчиненным. Не я, а царь велел тебе возвратиться во дворец; как могу я разрешить тебе остаться? Даже имея я это право, мне кажется, тебе не пристало находиться вдали от царя в это тяжелое для него время. Ты – правая рука правителя державы. Тебе не следует предаваться своей собственной Ананде, пытаешься уклониться от прямых обязанностей. Возвращайся к нему, возвращайся немедленно, и пусть твои кони мчатся быстрее! Чем скорее ты отправишься в путь, тем скорее мои родители приободряются и обретут надежду, получив утешительные вести. Это успокоит как их, так и меня». Рама продолжал настаивать, терпеливо уговаривая Сумантру с помощью многочисленных примеров и доводов. Осознав, что все его усилия бесполезны, Сумантра, громко стелая и всхлипывая, простерся у ног Ситы, Рамы и Лакшманы; тяжелой поступью он побрел к колеснице, с трудом отрывая ноги от земли; его душа, его тело – все его существо яростно сопротивлялось уходу. Рама взял министра за руку и, доведя до колесницы, помог ему взобраться в нее. Он тепло попрощался с Сумантрой, после чего подошел к коням, запряженным в колесницу, и прошептал им на ухо ласковые слова, побуждая их развернуться и тронуться в обратный путь.

Сумантра направил царскую колесницу в сторону Айодхьи, но кони отказывались повиноваться вознице! Не желая расставаться с Рамой, они норовили повернуть назад. Как ни понукал их Сумантра, колесница почти не сдвинулась с места! Коня упирались копытами в землю, протестуя ржали и то и дело останавливались, чтобы, вытянув шеи, еще раз взглянуть на Раму.

Сидящий в колеснице Сумантра тоже не мог оторвать взора от Рамы; не в силах совладать со своим горем, он обливался слезами, которые не пытался остановить. Он низко опустил голову, не желая, чтобы люди видели его слабость и отчаяние.

Жалкое состояние Сумантры так сильно подействовало на Гуху, что он, почувствовав мучительную боль в сердце, осел на землю и, весь дрожа, прислонился головой к стволу дерева. После того, как царская колесница скрылась из виду, унося престарелого министра в Айодхью, Рама в сопровождении Ситы и Лакшманы удалился на берег Ганги.

Гуха тем временем предавался грустным мыслям: «Если даже бессловесные животные не могут перенести разлуку с Рамой, как можно измерить глубину страданий, на которые обречены его родители, с любовью взрастившие и воспитавшие сына и возлагавшие на него все свои надежды? Что должны чувствовать подданные царства, которые боготворили Его и поклонялись Ему с верой и преданностью? Увы! Страшно представить, какая боль терзает сердце царицы Каушалы!» Скорбь, словно языки пламени, опаляла душу правителя Нишады. Очнувшись, он обнаружил, что Рама, Сита и Лакшмана направляются к берегу Ганги; он вскочил и поспешил им вслед. Выяснив, что они собираются перебираться на другой берег, он окликнул лодочника, находящегося неподалеку, и велел ему подогнать лодку к небольшому причалу. Услышав приказ своего правителя, лодочник тут же забрался в лодку и усиленно заработал веслами; через несколько минут он достиг места переправы, где все трое уже стояли в ожидании.

Гуха отозвал лодочника в сторону и попросил как следует почистить лодку и приготовить удобные места для принца Айодхьи, сына царя Дашаратхи, его супруги и брата, чтобы они могли переплыть священную Гангу на своем пути в лес, где они намереваются провести несколько лет. От других жителей Нишады лодочник уже слышал

грустную историю об изгнании в лес наследного принца Айодхьи; поэтому он не заставил себя ждать, и вскоре лодка была готова для переправы. Однако одна навязчивая идея не давала ему покоя, и он решил во что бы то ни стало развеять свои опасения. Ему была известна история о том, как Рама, прикоснувшись ногой к каменной глыбе, обратил ее в женщину из плоти и крови; ему не терпелось убедиться в том, что он видит перед собой того самого Раму! Он решился задать этот вопрос Гухе. Гуха сказал:

«Милый человек, ты обладаешь завидной памятью! Я очень рад, что ты не забыл эту удивительную историю, случившуюся много лет назад, и что ты и мне напомнил о ней!» Он повернулся к Рама и торжественно воскликнул: «Рама! Послушай меня! Этот простой человек, принадлежащий к нашей общине, этот бедный лодочник хранит в своем сердце, как драгоценное сокровище, веру в твоё могущество! Он только что оживил в моей памяти совершенное тобой чудо – избавление от проклятья, превратившего в камень святую Ахалью, супругу мудреца Гаутамы. Мои подданные были сильно огорчены, узнав, какая страшная участь постигла эту безгрешную женщину. А как они ликовали, прослышав о твоей Божественной силе, освободившей ее! Как я счастлив, что моему народу известна твоя высшая, неземная сущность!» Гуха впал в радостное возбуждение, рассказывая Рама об искренней вере и преданности простого лодочника.

Рама тем временем подошел к воде, собираясь сесть в лодку; но лодочник, молитвенно сложив руки на груди, встал перед Рамой, преграждая ему путь, и проговорил: «Рамачандра! Сегодня я понял, что не напрасно прожил свою жизнь, дождавшись самого счастливого ее мгновения! Своими глазами я увидел того Раму, о котором слышал так давно! То, что мне выпала редчайшая возможность переправить тебя, твою супругу и брата в своей лодке через Гангу – награда за неведомые мне добрые деяния, совершенные во всех прошлых жизнях. Не откажи мне в одной милости прежде, чем я отвезу тебя на другой берег: позволь мне окропить голову водой, освященной прикосновением твоих ног». Гуха не подозревал, насколько глубока преданность этого простого человека, скромного лодочника. Он был крайне изумлен, услышав о его смиренной просьбе, и почувствовал восхищение и гордость за своих подданных. Он сказал: «Послушай, брат! Пусть Рама сначала займет свое место в лодке, и тогда ты омоешь его ноги водой из Ганги, зачерпнутой кувшином. Ты причинишь неудобство Рама и нарушишь приличия, если станешь мыть ему ноги, когда он находится на берегу». Гуха упрекнул лодочника в излишней назойливости и наивности.

Однако лодочник не сдавался и упорно стоял на своем! Он взмолился: «Господин! В Твоих руках все богатства мира, я же безнадежно беден. Я и мои близкие существуем на жалкую выручку, которую мне удастся наскрести, переправляя людей через реку. Этой горстки монет часто не хватает, чтобы прокормить мою маленькую семью. Как смогу я жить дальше, если лишусь и этого ничтожного заработка? Пожалуйста, пойми меня правильно и не суди слишком строго! Позволь обмыть Твои ноги, прежде чем Ты ступишь в мою лодку».

Рама уже догадался о причине столь странной настойчивости лодочника. Он улыбнулся и спросил, обращаясь к Сите: «Ты поняла, чего так боится этот человек?» Гуха, однако, был совсем сбит с толку, его возмутило поведение лодочника. Он сказал ему: «Послушай-ка, любезный! Что ты заладил повторять одно и то же? Мне не ясно, каким образом сумма заработка, необходимая тебе для содержания семьи, связана с твоим священным долгом перевезти Раму через Гангу, чтобы он смог побыстрее оказаться в лесу, где собирается провести свое изгнание? Или за эту привычную работу ты вознамерился получить от Рама большое вознаграждение? Если это так, ты только обнаруживаешь свою непомерную жадность! Ты говоришь, что на заработанные деньги не можешь прокормить семью, в таком случае, как правитель городской общины, я могу повисить тебе жалование! Но выбрось из головы мысль просить об этом Рамачандру! А теперь займись своим делом – садись за весла!» Гуха рассердился на лодочника за его упрямство.

Тогда лодочник признался в том, что слышал от людей о сверхъестественной силе, таящейся в прикосновении ног Рамы. «Люди говорят, что стоит Его ноге ступить на камень, и тот превращается в женщину! Моя лодка выложена изнутри плоскими обломками скал. Если каждый из них станет женщиной, то Господин поручит мне заботу о них, ибо они появятся из кусков моей собственной лодки! Как справлюсь я с этим тяжким бременем, как прокормлю лишние рты? Но если я обмою Его ноги перед тем, как они ступят в лодку, мне нечего бояться! Кроме того, если я окроплю святой водой свою голову, мне простятся содеянные грехи». Слова бедняка сильно озадачили Гуху. Но лицо Рамы озарилось сияющей улыбкой и он приветливо сказал, поманив к себе лодочника:

«Добрый человек! Подойди, обмой мои ноги!» – и он поставил ступню прямо на ладони лодочника! Простодушный малый был вне себя от счастья. Он благоговейно обхватил руками ногу Рамы и с величайшим тщанием совершил омовение обеих ступней, не забыв облить священной водой Ганги все места между пальцами! Собранной водой он обрызгал свою голову и окропил все части своей лодки, чтобы защитить ее от действия зловредных и пагубных сил. Он выглядел чрезвычайно довольным, что ему удалось осуществить свой план.

Он подал руку Рама, когда тот, перешагнув за борт, ступил ногой на дно лодки. Рама, в свою очередь, крепко взяв за руку Ситу, помог ей забраться в лодку и занять свое место. Лакшману он усадил рядом с собою на одну из поперечных перекладин, служивших сиденьями. Плавно покачиваясь на волнах под умиротворяющий плеск весел, они обсуждали преданность и детскую наивность лодочника и беседовали с Гухой о житье-бытье в его маленьком государстве. Время пролетело так быстро, что они не заметили, как оказались на другом берегу. Рама сделал вид, что ему стыдно за свою нищету, за то, что у него нет ни единого каури (раковина, заменяющая деньги.), который он мог бы предложить лодочнику в благодарность за труд. Сита почувствовала, чем озабочен ее Господин. Она незаметно сняла с пальца кольцо и вложила его в ладонь Рамы. Рама окликнул лодочника и сказал: «Возьми это кольцо в награду за свою работу!» Но тот упал в ноги Рамы и воскликнул: «Рама! Сегодня я уже получил от тебя наилучший из даров. Все мои грехи обратились во прах. Я освобожден от страшного круговорота смертей и рождений. Все муки, которые я выстрадал в предыдущих воплощениях, наконец обернулись мне во благо: мой Бог благословил меня! Не только я, но все мои предки и потомки избавлены от последствий грехов этим благословением. О мой Господин! Мне достаточно того, что я заслужил и что добился твоей милости. И когда ты будешь возвращаться, о мой Повелитель, прошу тебя, иди тем же путем, не отнимай у меня возможность еще раз послужить тебе! Это будет наградой, о которой я не смел и мечтать». Он простерся на земле перед Рамой, проливая потоки благодарных слез.

Рама и Лакшмана успокаивали лодочника, пытаясь умерить его экстаз. Они уговаривали его не отказываться от вознаграждения. Но тот решительно сопротивлялся. Он воскликнул: «Я приму от тебя эти чаевые, если ты скажешь мне, сколько ты заработал на том, что переправлял бесчисленные поколения моего рода и миллиарды моих собратьев через необъятный и грозно бушующий океан Самсары, чье стремительное течение, словно вечное Колесо Перемен, увлекает в свои глубины все живые существа. Удостоившись чести служить тебе, я испытал высшее блаженство; прошу, не принуждай меня, не заставляй брать плату за редкую удачу, выпавшую на мою долю». Рама был тронут этими искренними словами, он почувствовал, что обидит лодочника, если будет продолжать настаивать. Он щедро благословил его и позволил удалиться.

После этого Рама и Лакшмана, сложив на берегу луки и стрелы поверх снятой одежды, отправились к реке купаться. Когда они вышли на берег, их примеру последовала Сита. Она окунулась в священные воды, а после купания вознесла молитвы Богине Ганге и поклялась, что вернется сюда, проведя со своим Повелителем четырнадцать лет, полных счастья и радости, и окропит святой водой свою голову в знак благодарности богам за завершение их изгнания.

Рама позвал к себе Гуху и сказал ему: «Добрый друг! Я слишком долго пользовался твоими услугами и злоупотреблял твоим временем. Теперь тебе следует вернуться в свой город». Лицо Гухи печально вытянулось, когда он услышал это пожелание. Из глаз тотчас брызнули слезы. Прижав руки к груди, он взмолился: «Рама! Прошу тебя, выслушай меня! Мне знакомы все тайные тропы джунглей; я смогу быть тебе полезен на первых порах и считаю, что должен сопровождать тебя некоторое время. Я жажду сослужить тебе эту службу, пожалуйста, не отказывай мне!» Рама с радостью принял предложение Гухи, оценив его любовь и преданность. Он взял его с собой, и все четверо пустились в путь. Время близилось к вечеру, и они решили немного передохнуть в прохладной тени большого дерева.

Гуха и Лакшмана бросились убирать камни и ветки, расчищая место под деревом, где будут отдыхать Рама и Сита. Сочные плоды, в изобилии висящие на дереве, клонились вниз, готовые упасть, словно стремились очутиться в руках у Божественных пришельцев; казалось, что от восторга и радости они созрели на глазах и наливались сладким соком. Гуха и Лакшмана сорвали несколько штук и на больших листьях преподнесли их Рама и Сите. Но Рама спросил брата: «Лакшмана, можем ли мы съесть эти фрукты до того, как совершим вечерние ритуалы?» И они отправились к Прайягу, месту слияния священных рек, находящемуся неподалеку. Перед купанием и молитвой они вдоволь насладились волшебным зрелищем; на обратном пути Рама рассказывал им о чудодейственных свойствах этой природной святыни. Он сказал, что вода, образуемая при слиянии рек, обладает такой очистительной силой, что способна избавить человека от всех грехов, отягчающих его душу.

Глава 15 Среди святых обителей

Рама и Сита, сопровождаемые Гухой и Лакшманой, продолжали свой путь по лесу и вскоре достигли святой обители Бхарадваджи. Мудрец появился на пороге монастыря и поспешил навстречу гостям с приветствиями, словно давно готовился к благословению святым Даршаном. Рама склонился перед ним в почтительном поклоне и, когда Бхарадваджа, заключив его в нежные объятия, пригласил всех четверых посетить обитель, с радостью согласился. Мудрец расстелил на полу подстилки и усадил гостей на положенные каждому из них места, как того требовали обычай и устав монастыря.

Он осведомился о здоровье и благополучии прибывших, а затем объявил, что осуществилось, наконец, его самое сокровенное желание! Он велел ученикам принести фрукты и коренья и разложил их перед гостями, предлагая разделить с ним трапезу. С благодарностью приняв гостеприимное служение хозяина и послушников, путники провели ночь в монастыре.

Когда наступил рассвет, Рама, предложив мудрецу составить ему компанию, проследовал к Прайягу, слиянию трех рек. Бхарадваджа сказал: «Послушай меня, о мой Господин! Я выбрал это место для моей обители, долгие годы предаваясь суровой аскезе, ибо знал, что именно здесь обрету Даршан, к которому давно стремился. Чтобы испытать блаженство от твоего Даршана, я соблюдал строгие обеты и совершал ведийские яджны и ягьи. Я без усталости возносил молитвенные песнопения, повторяя божественные имена и предавался созерцанию Божественной Формы в надежде добиться великой награды – говорить с Тобой и видеть Тебя. Теперь я вознагражден сполна – вы, все трое, явили мне свой Даршан. У меня нет других желаний. Я не нуждаюсь больше ни в пище, ни в ритуальных омовениях. Зачем уподобляться глупцу, продолжающему поглощать целебные снадобья, когда болезнь уже прошла? Я свободен от рокового недуга перерождений. Я узрел Бога».

Гуха был ошеломлен, видя, как мудрый старец, трепеща от экстаза, обливается слезами благоговения. Он подумал: «О, какая невиданная удача выпала на мою долю!» Он ликовал от радости. Однако Рама не выказывал своей Божественной природы и вел себя как обыкновенный смертный с присущими ему слабостями и несовершенством. В то время, как Бхарадваджа восторженно восхвалял Вселенский Принцип, воплощенный в Рама, Он спокойно внимал его речам, как будто это не имело к нему ни малейшего отношения! Он ответил отшельнику: «О почтеннейший среди мудрецов! Все те, кто удостоились твоего гостеприимства, уже по одной этой причине заслуживают поклонения. Лишь тот, кто наделен мудростью и добродетелью, может ступить под священные своды твоей обители!» Все жители монастыря – ученики, подвижники, мудрецы и монахи, слышавшие беседу Рама и Бхарадваджи, исполнились изумления и радости.

После купания в очистительных водах Прайяга Рама покинул святое подворье и вместе с Ситой, Лакшманой и Гухой углубился в лесную чащу. Бхарадваджа сопровождал их некоторое время вдоль берега реки, а затем, прощаясь, с любовью прижал Раму к груди, пожелав всем доброго и счастливого путешествия. Рама испросил благословения мудреца и сказал ему: «Учитель! Укажи нам, в каком направлении нам следует теперь двигаться». Мудрец, засмеявшись, ответил: «Господин! Тебе известны любые пути во всех трех мирах, не правда ли? Ты выказываешь смирение, играя роль простого человека. Но если ты спрашиваешь, мой долг ответить тебе, воспользовавшись своими скромными познаниями и знакомством с этими глухими краями». Произнеся эти слова, он обратился к четырем послушникам, следовавшим за ними, с просьбой указать Рама путь, ведущий к ближайшему монастырскому подворью. Юные монахи пришли в восторг от того, что им выпал случай путешествовать какое-то время вместе с Рамой. Они почувствовали, что им воздается по заслугам, накопленным в прошлых жизнях. Они пошли вперед, указывая путникам верную тропу. За ними следовали Рама с Ситой, затем – Лакшмана, а замыкал шествие Гуха. Еле заметная тропа через густой лес вывела их к берегу реки Ямуны, где проводники без малейшего желания вынуждены были распрощаться с Рамой. Сита, Рама и Лакшмана были благодарны ученикам за оказанную им услугу; они от всего сердца благословили их, дав позволение вернуться в обитель. Все четверо приблизились к знаменитой реке, собираясь искупаться в священных водах. Жители прибрежных деревень, между тем, уже заметили пришельцев и, привлеченные их необыкновенной красотой и благородным очарованием, собрались в отдалении, томимые любопытством. Им не терпелось узнать, как зовут этих чудесных гостей, кто они такие и откуда пришли. Однако робость и стеснительность мешали им задавать вопросы. Стоя на почтительном расстоянии, они изумленно перешептывались.

Сита, Рама и Лакшмана искупались в реке, не вступая в беседу с местными жителями. Выйдя на берег, Рама подозвал к себе Гуху и сказал: «Дорогой брат! Ты уже проделал с нами немалый путь; тебе не следует тратить на нас так много времени. Не забывай о своем долге перед подданными. Ты должен вернуться домой и вновь приступить к своим обязанностям правителя общины». С этими словами Рама благословил его на обратный путь. Гуха почувствовал, что возражать бесполезно. Он только простонал жалобно: «Кто способен добровольно расстаться с обретенным волшебным сокровищем, исполняющим все желания? Как я несчастлив, что вынужден сделать это!» Однако он не посмел идти наперекор воли Рама. Он простерся на земле у ног всех троих и посыпал свою голову дорожной пылью, на которую ступали их ноги. После этого с величайшей неохотой он удалился.

Распрощавшись с Гухой, Рама, Сита и Лакшмана продолжали свой путь. Вскоре их взору открылся город, сияющий и великолепный, по красоте едва ли уступающий самому городу Нагов. По мере приближения свет, озаряющий небо над крышами домов, становился все ослепительней, и они изумлялись этому чуду. Вблизи город оказался еще более прекрасным и величественным и они замерли в восхищении, наслаждаясь

представшим зрелищем. Вступив в живописные окрестности, они подумали, что не иначе как небесный город Амаравати, обитель богов, спустился на землю посреди лесной глуши, а его жители – не простые люди, а боги. Трепеща от восторга, они сели под деревом, укрывшись в прохладной тени ветвей и предались созерцанию, не в силах оторвать глаз от пленительной картины. Вокруг них собралась толпа горожан, которые, в свою очередь, стремились выяснить, не снизошли ли с небес чудесные гости! Люди взволнованно переговаривались между собой, решив, что к ним пожаловали трое Бессмертных из обители богов! Чтобы сообщить собратьям добрые вести о ниспосланном им благословении в лице трех Божественных существ, они поспешили в город, на бегу рассказывая прохожим о происшедшем чуде. Узнавшие новость мчались навстречу гостям, опережая друг друга, стремясь оказаться первыми, чтобы услужить им. Кто-то ставил перед ними кувшин с молоком, кто-то раскладывал фрукты. Горожане обступили их тесным кругом, боясь шелохнуться, широко раскрыв глаза от изумления. Ни у кого не было желания возвращаться назад. Они стояли неподвижно, не в силах сдвинуться с места.

Один из горожан, набравшись смелости, вышел вперед и заговорил:

«Почтенные господа! Ваше неотразимое обаяние и лучезарный облик заставляют предположить, что вы – принцы благородных царских кровей. Но вы путешествуете пешком по опасным тропам диких джунглей в сопровождении юной госпожи. Вы карабкаетесь по скалам и переправляетесь через реки. Вы – лесные странники, не боящиеся невзгод и лишений, а, если это так, то вы – такие же простые люди, как мы, жители города. Но мы не можем понять, как вам удалось добраться сюда через лес, в котором обитают свирепые львы и бродят стада диких слонов. Тем более, что вместе с вами – хрупкая дева, воплощение прелести и неземной красоты. Неужели у вас нет родных и близких, преданных друзей, желающих вам добра? Если они есть, как могли они позволить вам пуститься в столь опасное путешествие?» Любопытный горожанин засыпал Рама вопросами, пытаясь выяснить причину и цель их скитаний.

Поскольку Рама молчал, то от толпы отделилась одна из женщин и обратилась к нему с такими словами: «О Принц! Умоляю тебя, выслушай мою смиренную просьбу. Я женщина, и поэтому с трудом решилась высказать ее, боясь показаться излишне назойливой. Прошу, не гневайся на меня! Мы простые люди и не умеем произносить замысловатые речи. Ваш облик, прекрасный и пленительный, озарен изнутри волшебным светом, напоминающим блеск изумрудов и чистого золота. Один из вас имеет цвет лица, как у облака, готового разразиться ливнем, другой же сияет ослепительной белизной. В вашей красоте словно слилось очарование миллионов богов любви, вселившихся в человеческие тела! Кроме того, мы жаждем узнать, какие узы связывают вас с этой нежной девой? Своей изысканной прелестью она похожа на Богиню любви, Радхи Деви. Она так скромна и смиренна, что, глядя на нее, мы, обыкновенные женщины, чувствуем себя пристыженными. Милостиво просим вас, скажите, кто вы такие и что привело вас сюда?»

Собравшийся народ сгорал от любопытства, и, слушая их настойчивые и горячие мольбы, Рама и Лакшмана пришли в веселое расположение духа и тихонько посмеивались. Тогда, обращаясь к женщинам, заговорила Сита: «Сестры! Этого юного героя с золотистой кожей, прямодушного и честного, зовут Лакшмана. Он младший брат моего Господина. А Тот, чей темно-голубой Лик озарен изумрудным блеском, чьи глаза, похожие на лепестки лотоса, способны покорить и околдовать весь мир, чьи руки, держащие лук, крепки и длинны, – тут она повернулась к Рама, – Он и есть мой Повелитель, дыхание моей жизни». Произнеся эти слова, Сита наклонила голову и в смущении опустила взор. Какая-то молоденькая девушка воскликнула: «Госпожа! Ты забыла назвать нам свое имя!» Сита ответила без малейшего колебания: «Мое имя – Сита. Мой отец – Джанака, поэтому иногда меня называют Джанаки». Женщины изумленно переглядывались, с сочувствием и уважением глядя на Ситу. Они окружили ее, в один

голос выражая пожелания счастливого и доброго пути и осыпая щедрыми благословениями. Они говорили ей: «Будьте так же счастливы, как Бог Шива и Богиня Парвати, живите так же долго, как Солнце и Луна, и, пока Мир покоится на священном капюшоне спящего змея Адишеша, пусть ничто не омрачает ваше счастье и любовь!»

Рама также завел беседу с мужчинами, сообщив им, что они странствуют с целью приобщиться к величию и красоте лесной природы и что путешествие приносит им огромную пользу и удовольствие, поэтому они не испытывают усталости и не страдают от отсутствия необходимых удобств.

После этого, с почтением попросив позволения продолжать путь, все трое направились в сторону леса. Опечаленным горожанам ничего не оставалось, как разбрестись по домам. Сита, Рама и Лакшмана шли по лесной тропе, негромко переговариваясь о прекрасном городе и его обитателях, с улыбкой вспоминая их вопросы и простодушную речь, их искреннее сочувствие и доброжелательность, любовь и радость, которыми светились их глаза. Взглянув на Ситу, Рама заметил на ее лице признаки утомления и предложил отдохнуть в тени большого дерева. От шумящего неподалеку горного потока веяло прохладой. Лакшмана скрылся в джунглях, чтобы собрать фруктов и выкопать съедобные корни, и все трое, усталые и проголодавшиеся, отведали их с большим удовольствием. Они провели там ночь, крепко уснув на душистых ложах из листьев и травы.

На рассвете, после купания и утренней молитвы, они снова тронулись в путь. Местность становилась все глуше и мрачнее, казалось, они попали в самое сердце диких непроходимых джунглей. Вздыхавшие вверх крутые скалистые склоны, сомкнувшаяся вокруг сплошная темная стена гигантских деревьев и густых зарослей, оглушительный рокот бурных потоков рождали ощущение смутного страха и затаившейся угрозы.

Внезапно в просвете между деревьев их взору открылся цветущий сад, с любовью и заботой возвращенный на крошечном клочке ухоженной земли. Посреди сада возвышалось небольшое каменное здание, поражающее глаз совершенством своих очертаний. Это был святой ашрам мудреца Вальмики. Своей задней стеною монастырь прижался к высокой скале, а боковая стена нависала над пропастью, на дне которой, в глубоком ущелье, рокотала горная стремнина. Ашрам был сказочно красив и издали напоминал жемчужину, сияющую на зеленом ковре. Картина была настолько умиротворяющей, что Сита сразу успокоилась, почувствовав огромное облегчение.

Услышав от учеников, что к ним пожаловали трое гостей, Вальмики поспешил к дверям и появился на пороге обители. Сита, Рама и Лакшмана в благоговении пали к ногам великого святого. Мудрец, раскрыв нежные объятия, приветствовал их столь тепло и радушно, словно знал всю жизнь. Он пригласил их во внутренние покои обители и велел приготовить удобное сидение для Рамы, которого боготворил и ценил, как собственное дыхание, а также для Ситы и Лакшманы. Он послал учеников за фруктами, ягодами и корнями и разложил угощение перед гостями. Отдавая дань уважения старцу, они отведали яства и выразили свою признательность. Мудрец сел напротив, не сводя глаз с Рамы, утоляя жажду своего сердца, мучившую его столь долгие годы. Он трепетал от восторга и упоения, переполнявших его.

Рама, между тем, обратился к Вальмики со словами, в которых звучало глубочайшее смирение: «О достойнейший среди мудрецов! Ты сведущ в тайнах прошлого, настоящего и будущего всех трех миров, поэтому ты должен видеть причину моего пребывания в лесу так же отчетливо, как эту ягоду, лежащую на моей ладони. Несмотря на это, я чувствую, что было бы неправильным уклоняться от обычая и пренебрегать своим долгом, поэтому я расскажу тебе, почему я оказался здесь вместе с женой и братом». И Он поведал о том, как царица Кайкейи, памятуя о давнишних обещаниях Дашаратхи, потребовала коронования Бхараты как наследника престола и изгнания Рамы в леса.

Мудрец слушал эту грустную историю, но его лицо то и дело озарялось радостной улыбкой. Он сказал: «Рама! Как недавно ты выполнил их желания, так сейчас ты

осуществил и мою заветную мечту! Не напрасно предавался я суровому покаянию, не напрасно истязал свою плоть, соблюдая строжайшие посты, стремясь к постижению высот духа. Я хотел бы выразить сердечную признательность Кайкейи и поделиться с нею тем блаженством, которое испытываю сейчас».

Вальмики закрыл глаза и погрузился в молчание, пытаясь овладеть своими чувствами и унять восторженные эмоции, бушующие в его сердце. Его глаза наполнились слезами – то были слезы Ананды, и из-под опущенных ресниц они скатывались по его щекам большими сверкающими каплями.

Рама нарушил тишину и сказал: «Мы хотели спросить у тебя совета, в каком месте нам лучше всего поселиться. Укажи нам такое место, где мы могли бы жить, никому не мешая и не тревожа лесных отшельников и монахов в их уединенных обителях. Мы построим там хижину из бамбука и листьев и проведем в ней некоторое время».

Эти искренние слова, сказанные от чистого сердца, глубоко взволновали мудреца. Он ответил: «О Рама! Сегодня на меня снизошло благословение! Ты – победное знамя, символ вечной славы династии Рагху. Зачем же ты говоришь мне такие слова? В Тебе заключена сила Великого Стража, охраняющего путь, указанный Ведами. Ты – Единственный, кто способен уберечь его от разрушения и зла. Сита – Твоя Майя, неотъемлемая часть твоего существа, заставляющая людей верить в реальность Творения. Согласно Твоей Воле, она создает, хранит и разрушает сменяющие друг друга видимые миры. Лакшмана же – основа основ материального мира, живого и неживого, «тысячеглавый змей», изначальный Шеша-Наг, поддерживающий Вселенную. Выполняя просьбу богов, вы воплотились в человеческих телах и явились на Землю, чтобы восстановить Справедливость и Истину. Я знаю, что очень скоро вы сокрушите все демонические силы и избавите Мир от зла. Вы защитите добро и милосердие. Рама! Ты – вечный свидетель драмы под названием «Видимый Мир». Вселенная – сцена, а Ты – Зритель спектакля. Даже боги не способны постичь Твою сущность и Твое величие. Может ли Твоя тайна открыться простому смертному? Даже те, кто Твоей милостью «познали» высшую мудрость, способны лишь смутно догадываться об истине и могуществе, скрытых в Тебе. Вы приняли человеческий облик, чтобы обеспечить мир и безопасность богам и праведникам; по этой причине Вы говорите и ведете себя как простые смертные. Но только слепец сможет поверить, что Вы – обычные люди среди толп себе подобных! Мы – всего лишь куклы-марионетки, привязанные к нитям, которые Ты держишь в своих руках. Кто мы такие, чтобы указывать Тебе, как поступать, чтобы советовать, какое место в лесу тебе следует выбрать? Рама! Не надеешься ли Ты нас, умудренных аскетов, ввести в заблуждение своими речами? О, Ты – Непревзойденный Актер! Ты безупречно играешь свою роль! Но разве я не знаю, что Ты – Режиссер Вселенской Мистерии? Я не понимаю, почему Ты предлагаешь мне выбрать место для твоего лесного жилища? Какое право я имею указывать Тебе, в какую сторону идти и где остановиться? Есть ли такой уголок во всей Вселенной, где бы Ты не находился всегда? Сначала ответь на этот вопрос, а потом уж я скажу Тебе, куда идти и где строить бамбуковую хижину». Вальмики говорил, ни на миг не отрывая глаз от прекрасного лица Рамы; он пребывал на вершине блаженства, и поток слез, льющийся прямо из сердца, таял у него на губах.

Рама молча слушал почтенного мудреца, и в Его душе царили покой и добродушное веселье. Вальмики снова заговорил, тихо и проникновенно, со светлой улыбкой, озарявшей его счастливое лицо: «По своему опыту я знаю, что Ты живешь в сердцах своих преданных. И я укажу Тебе то лучшее место, где Ты можешь поселиться, приняв этот неуловимый облик. Слушай! Ты можешь взять туда с собою и Ситу, и Лакшману. Выбирай тех, чьи уши, словно океан, благодарно вбирают струящиеся потоки сказаний о Твоих подвигах и всегда счастливы слышать рассказы о Твоих Божественных словах и деяниях; тех, чьи языки не устают повторять Твое имя и наслаждаются его упоительной сладостью; тех, чьи губы без усталости возносят Тебе хвалу и шепчут слова, произнесенные

Тобой, ощущая их нежность и очистительный аромат; тех, чей взгляд, словно птица Чатака, вспархивающая навстречу первому солнечному лучу, стремится к Твоему Лику цвета изумрудно-лилового облака; выбирай тех, кто посвятил свою жизнь ожиданию встречи с Тобой, кто ищет Тебя повсюду, а найдя, впадает в высшее блаженство от Твоего присутствия. Рама! Оставайся здесь с Ситой и Лакшманой!

Рама! если ты не возражаешь, я могу продолжить. Послушай меня! Пребудь навеки в сердце человека, умеющего прощать грехи других и любить людей за все хорошее, что в них есть, который пробирается по пути жизни, сохраняя нравственность и честность, не отступает от законов праведного поведения и доказывает мыслью, словом и делом, как тверда его вера в то, что Вселенная – Твое Творение, и в Твоем теле заключен весь видимый и осязаемый мир.

Но поскольку сейчас Ты временно принял человеческую форму и явился сюда якобы затем, чтобы исполнить волю родителей, Твои вопросы соответствуют Твоей роли, и, соблюдая правила игры, я отважусь ответить Тебе. Ты можешь поселиться на горе Читракута. Это самое благоприятное и удобное место изо всех, что мне известны. Оно издавна считается святым, а окружающая природа чарующе прекрасна. Все пространство словно пронизано любовью и покоем. Вокруг мирно бродят львы и слоны, позабыв о своей вражде и свирепости. Огибая подножье горы, несет свои воды знаменитая река Мандакини, воспетая в Ведах. Неподалеку находятся ашрамы таких почтенных мудрецов, как Атри, и, посетив их, ты сможешь превратить их обители в вечные святыни. Пусть падет Твое благословение на этот волшебный край и на дорогу моему сердцу божественную реку».

Рама без колебаний внял совету мудреца. Как только Вальмики указал им путь к пику Читракута, все трое, испросив, согласно традиции, позволения удалиться, покинули горный ашрам. Идти пришлось недолго: вскоре они оказались на берегу Мандакини и с наслаждением окунулись в священные воды, совершив ритуальные церемонии, предписанные Ведами. Они немного отдохнули в тени дерева, съели несколько фруктов, а потом долго бродили по густой мягкой траве, восхищаясь ее пышной зеленью и любуясь красотой окружающего пейзажа.

Затем Рама сказал Лакшмане: «Лакшмана! Я затрудняюсь выбрать точное место, где мы могли бы построить бамбуковую хижину, крытую соломой. Я не могу с уверенностью сказать, какое именно место окажется наиболее удобным и подходящим для будущего жилища. Сделай милость, возьми на себя этот труд».

Стоило Рама произнести эти обыкновенные слова, как Лакшмана рухнул на землю у ног Рама, будто его внезапно пронзила острая боль. Он с тоскою вскричал: «Какое зло я сотворил, что ты так обращаешься со мной? За какой грех ты так сурово наказываешь меня? Или ты испытываешь меня, желая лишний раз убедиться в моей преданности? Или, может быть, ты решил подшутить надо мною и выставить на посмешище?» Сникший от скорби, он стоял перед Рамой, горестно склонив голову, дрожа от волнения и страха.

Рама был очень удивлен его поведением. Он привлек к себе брата и нежно прижал к своей груди. Он сказал: «Лакшмана! Я не понимаю, отчего ты так расстроился? Я не могу догадаться о причине, которая могла вызвать такое отчаяние. Прошу тебя, расскажи скорее, что случилось, не усугубляй мою тревогу и недоумение».

Лакшмана не замедлил с ответом. Он сказал: «Брат! Я сложил к Твоим ногам все, что имел. У меня нет больше личного мнения о том, что – хорошо, а что – плохо. Если что-то по душе Тебе, то, значит, это по душе и мне. И Ты знаешь, что это чистая правда! Но несмотря на это. Ты только что предложил мне выбрать любое место, какое мне понравится, чтобы построить для Тебя хижину! Мое сердце чуть не разорвалось от боли, когда я услышал Твой приказ поступать как мне вздумается. Укажи мне, где должно быть Твое жилище, и я в точности исполню твою волю. Прояви милосердие и не говори больше со мною в таком тоне; благослови меня, приняв мою жертву; все, что я считал своим, отныне принадлежит Тебе – моя воля, мой разум, мой ум, мои чувства, мое тело – все это

я возложил к Твоим стопам, предавшись Тебе целиком, без остатка. Я верный раб, неотступно следующий за Тобой в надежде услужить и оказаться полезным. Командуй и приказывай, не сомневаясь в моей покорности и повиновении, и любое Твое желание будет исполнено».

Рама пытался утешить и успокоить брата, столь жалобно взывающего к милосердию и сочувствию. Он говорил ему: «Лакшмана! К чему так сильно волноваться из-за такого пустяка? Не принимай это так близко к сердцу. Поверь мне, я глубоко ценю твою преданность и не предполагал, что столь обычная просьба вызовет такую бурю эмоций. Я высказал ее случайно, не подумав, и у меня и в мыслях не было обидеть тебя! Не грусти! Оставим это! Пойдем со мной, и я сам найду место, где будет стоять наша хижина». Позвав Ситу, Рама вместе с нею двинулся вперед по лесной тропе, а за ними последовал Лакшмана. Вскоре все трое вышли на поляну, откуда открывался вид на северный берег Мандакини, песчаный и светлый. Русло реки, спускаясь вниз по склону горы, изгибалось дугой словно гигантский лук, и казалось, что его держит сам пик Читракута, похожий на несокрушимого героя-великана, а стрелы – это Власть над чувствами. Обуздание ума, Милосердие, Самоотречение и т.д., мишень же, в которую они нацелены – это темные орды грехов. Так Рама разъяснил своим спутникам тайный смысл величественного зрелища, после чего добавил: «Этот герой никогда не сдастся врагу!» Он сказал, что хижина должна быть построена в том месте, откуда лучше всего видна волшебная картина.

Лакшмана предложил Рама и Сите отдохнуть под деревом, а сам, не мешкая, принялся за работу. Он подыскивал стволы и жерди, связывал стебли лиан и скручивал длинные древесные волокна, чтобы сплести веревки. Он хотел, чтобы хижина получилась достаточно просторной и крепкой и, наметив ее размеры, выкопал ямы в земле и прочно укрепил в них угловые столбы. Он работал быстро и уверенно, желая как можно скорее соорудить достойное пристанище для своих Хозяев. Когда Рама и Сита, отдохнув, пришли посмотреть, как идут дела, они обнаружили, что их будущий дом растет на глазах и являет собой настоящий шедевр гармонии и красоты, обещая превратиться в уютное и удобное жилище.

Рама захотел хоть в чем-то помочь Лакшмане, который, сидя на крыше, связывал толстые пучки соломы. Он подавал ему наверх куски заранее приготовленной самодельной веревки, и Лакшмана закреплял на плотном соломенном настиле связки сухой травы, затыкая щели и делая крышу более прочной и непроницаемой. Сита также пожелала принять участие в работе: она отрывала длинные широкие листья от веток, принесенных Лакшманой, и целыми охапками складывала их в руки Рама, а тот подавал их брату.

Солнце еще не зашло, а дом был уже готов к приему жильцов. Рама не мог оторвать глаз от творения Лакшманы: маленький домик выглядел на редкость уютным и привлекательным. Он без устали расхваливал Лакшману, превознося перед Ситой его мастерство и преданность. Сита была в восторге от нового жилища, объявив, что никогда в жизни не видела более чудесной хижины и что давно мечтала жить именно в такой обители! Она сказала Рама, что исполнилось ее заветное желание, которое она лелеяла с самого детства.

Тем временем Лакшмана спустился с крыши и обошел вокруг дома, желая убедиться, все ли в порядке и можно ли считать работу законченной. После этого, с позволения Рама, он удалился к берегу Мандакини, чтобы искупаться. Вскоре к реке отправились и Рама с Ситой. Возвратившись в хижину, все трое с удовольствием отведали фруктов, собранных Лакшманой утром и крепко уснули на полу своего нового дома.

Не прошло и дня, как весть о том, что Сита, Рама и Лакшмана поселились на горе Читракута, распространилась среди обитающих в этих краях лесных отшельников, и целые процессии паломников – монахов, их друзей и учеников, устремились к заветной хижине, чтобы, насладившись святым Даршаном, вновь удалиться в свои приюты. Рама

беседовал с гостями, спрашивая об их здоровье, об успехах на их духовном поприще, а также заботливо осведомлялся, нет ли у них каких-либо трудностей. Рама заверил их, что если сможет быть им чем-нибудь полезен, то всегда вместе с братом готов прийти на помощь.

Однако отшельники в один голос отвечали Рама, что теперь ничто не омрачает их жизнь и они ни в чем не испытывают нужды. Они говорили ему: «Рама! Одного взгляда на Тебя достаточно, чтобы избавиться от всех тревог и неприятностей. У нас больше нет трудностей и отныне их не будет никогда! Твоей милостью мы надежно защищены от невзгод». Они не отрывали взора от Рама, зачарованные его неземным обаянием. Рама, в свою очередь, с радостью принимал гостей и был ласков и приветлив с лесными аскетами. Их сердца, годами томимые духовной жаждой, наполнялись долгожданным покоем и умиротворением. Упиваясь лучезарным Ликом, наслаждаясь Божественным Присутствием, они ощущали, как на них нисходят мир и благодать.

Рама – сама Всеобъемлющая Любовь! С Его приходом все обитатели леса почувствовали себя счастливыми. Он часами беседовал с ними, и на душе у них теплело, таяли их иссушенные сердца, истосковавшие по Любви. Ко всем, кто приходил к Нему – будь то охотники, аскеты или странники – Он был одинаково внимателен и заботлив и всем давал советы, соответствующие их возможностям и устремлениям. Уходя от Него, люди чувствовали себя духовно обогащенными, и их отношение к жизни менялось, поднимаясь на более высокий уровень. Возвращаясь в свои дома и лесные обители, они не уставали благодарить судьбу, восхищаясь добродетелями Рама, превознося Его доброту и милосердие. Вся природа откликнулась на прибытие Рама, и лес, в котором Он поселился, засиял радостью и волшебной красотой. Воздух был насыщен успокоительной прохладой; все кругом радовало глаз, наполняя душу восторгом. Члены монашеских общин, рассеянных по лесу, позабыли о том, что такое страх и тревога, в их садах росли и распускались цветы Ананды. Даже беспощадные охотничьи племена, обитающие в диких джунглях, приобщились под влиянием Рама к нравственному закону, став впоследствии гордостью и украшением человеческой расы. Горные громады Виндхьянского хребта были опечалены тем, что их обошла счастливая судьба. Почему Рама поселился не на их склонах, а выбрал гору Читракута? И не только Виндхьянский хребет – все окружающие горы чувствовали себя обездоленными оттого, что Рама не удостоил их своим пребыванием.

Осуществилась заветная мечта Лакшманы – постоянно созерцать Лotosные Стопы Ситы и Рама, упиваясь любовью, которой они щедро одаривали его. Он позабыл обо всем, что связывало его с прошлой жизнью и погрузился в наивысший духовный экстаз, Сат-Чит-Ананду. Его отречение было настолько глубоким, что никто из его родных и близких – ни мать, Сумитра Деви, ни жена Урмила – не возникал перед его внутренним взором ни во сне, ни наяву. Сита, как и Лакшмана, никогда не вспоминала о своих родных и о городах Митхила и Айодхья. Ее память не воскрешала их образы даже на долю секунды. Ее взор и ее внимание были сосредоточены на Лotosных Стопах Шри Рамачандры. Это был истинный праздник для ее очей; она с благоговением наблюдала, как неиссякаемый поток мудрецов стремится к Рама за советом и помощью. Время для нее летело незаметно, и она потеряла счет дням. Как птица Чакора, наслаждаясь лунным светом, самозабвенно купается и трепещет в его прохладных лучах, так и Сита, трепеща от восторга, не сводила глаз с обожаемого Лика Рама. Настолько притягательна была для нее маленькая хижина из бамбука и листьев, что она позабыла и о дворце в Митхиле, где провела детство и девичество, и о дворце в Айодхье, где жила как царская невестка. Скромный лесной домик казался ей самой роскошной и уютной обителью, какую она когда-либо видела в своей жизни.

Время от времени Рама услаждал их слух рассказами о древних героях, воспетых в пуранических легендах и о подвигах великих подвижников, познавших тайны духа на пути сурового покаяния и аскетизма. Сита и Лакшмана жадно внимали Его речам, ловя

каждое слово. В истории Рама нередко вплетались воспоминания о покинутых родителях, страдающих от боли разлуки. В такие минуты глаза Ситы наполнялись слезами; при мысли о Каушалье и Дашаратхе она горько плакала, представляя себе безутешную от горя царицу-мать. Но рядом с нею был ее Рама, Лев среди людей, и при взгляде на Него слезы мгновенно высыхали и печаль исчезала бесследно. Тревоге и грусти не было места здесь, в лесу, где находился Рама, ибо она понимала, что все, происходящее в мире – не более как Лила (Вселенская Игра) ее Господина. Ничто не могло омрачить ее безоблачного счастья. Рама и Лакшмана берегли ее, как зеницу ока, бдительно охраняя ее покой и следя за тем, чтобы ни малейшее волнение или страх не взбудоражили ее душу. Все трое были спокойны и радостны, забыв о тоске и печали. Их жизнь на горе Читракута текла счастливо и безмятежно.

Глава 16 Мрак над Айодхьей

Тем временем правитель Нишады, сопровождавший Раму на пути в лес, возвращался в свое царство. На берегу Ганги он увидел колесницу, в которой сидел министр Сумантра. Невдалеке паслись лошади, поводьями привязанные к стволу тенистого дерева. Сумантра сидел совсем один, он безутешно плакал и стонал. Сам Гуха не мог более сдерживать свою скорбь. Он воскликнул: «Рама!» и, бросившись к Сумантре, обнял старика, и они оба зарыдали, будучи не в состоянии выразить свою муку словами. Прижавшись друг к другу, они прислонились к дереву, но не смогли удержаться на ногах и упали наземь, как будто сами были деревьями, срубленными топором. Они оплакивали судьбу Ситы, Рама и Лакшмана и посылали проклятья Кайкейи – виновнице всех бедствий.

Лошади перестали щипать траву и отказались пить воду. Слезы текли у них из глаз. Как только они услышали, что Сумантра и Гуха произносят имена Ситы, Рама и Лакшмана, они подняли головы и стали всматриваться вдаль в надежде хотя бы на мгновение увидеть тех, кого они любили с такой силой, с какою любят только близкие люди, разлученные друг с другом. Сумантра видел горе, терзающее животных, и от этого его боль становилась еще сильнее.

Прошло, наверное, несколько часов в этих разрывающих сердце страданиях. Гуха, понимая, что дальше так продолжаться не может, собрал все свое мужество и попытался взять себя в руки. Он обратился к Сумантре с такими словами: «О министр! Ты обладаешь глубоким умом, твердыми моральными устоями, ты – тот, кто видит подлинную сущность вещей за их внешними, преходящими очертаниями. Судьба играет порой в странные игры, и нужно приучить себя мириться с этим. Поднимись! Возвращайся в Айодхью! Передай вести Каушалье и Сумитре, которые жаждут увидеть тебя и услышать твой рассказ». Он насильно поднял Сумантру с земли, усадил его в колесницу и запряг в нее лошадей, отвязав их от дерева.

Сумантра осознавал, что то, на чем настаивает Гуха – правильно. Движимый порывом слепой отваги, он взнуздal лошадей, заставляя их тронуться с места, но его тело утратило силу из-за горестных переживаний, вызванных разлукой с Рамой. Поэтому, несмотря на все старания, ему не удавалось управлять колесницей, как прежде. Его качало из стороны в сторону, и он не мог удержаться на месте, то и дело соскальзывая вниз и вновь карабкаясь на сиденье. А лошади? Они не желали двигаться вперед! Они все время пытались повернуть обратно и вытягивали шеи, чтобы увидеть дорогу, ведущую назад.

Сумантра клял себя и свою судьбу. «Горе мне! – повторял он, – пусть закончится на этом моя несчастная жизнь. Мое тело все равно должно когда-то обратиться в прах, а чем умирать от болезни или от стихийного бедствия, гораздо лучше, если смерть придет от невыносимой боли из-за разлуки с Рамой. Это придало бы смысл всей прожитой мною жизни; это сделало бы мою славу вечной, а завоевание посмертной славы – достаточная

награда за все жизненные невзгоды. Нет, Сумантра, – сказал он сам себе, – будь у тебя счастливый удел, ты бы не расстался с Рамой; а поскольку тебя преследуют неудачи, что тебе еще остается, как не смириться и продолжать жить? Что пользы изнурять и корить себя?» Сумантра продолжал нещадно осыпать себя упреками.

Он снова завел разговор с самим собой. «Какими глазами посмотрю я на жителей Айодхьи? Когда они спросят меня, где Рама, что я им отвечу? Когда они спросят меня: «Как ты мог уехать, оставив Раму в джунглях?» – что я смогу сказать им? Разве не буду я охвачен стыдом и скорбью? О, мое сердце превратилось в камень! И почему оно не разорвалось на части от всего, что я пережил?» Ему была отвратительна собственная низость, и он заламывал руки в отчаянии. Он решил, что не должен въезжать в город при свете дня, когда улицы заполнены людьми. Ему казалось, что будет менее унижительно въехать в город ночью, когда все разойдутся по домам и улягутся спать.

Но внутренний голос возразил ему: «О чем ты думаешь? Могут ли жители Айодхьи спать? Нет, нет, конечно, не могут. Только из-за своей глупости и невежества мог я вообразить, что они спят по ночам. Они все время бодрствуют, ожидая возвращения Рамы или хотя бы любых вестей о нем! Поэтому мне все равно не избежать унижения, появлюсь ли я в городе ночью или днем. Для меня, который оказался недостойным милости Рамы, эта злосчастная судьба – заслуженная кара. Лучшее, что я могу сделать – пройти через все унижения и принять бремя позора». Итак, Сумантра продолжал свой путь – медленно, с остановками, все время задавая самому себе вопросы и пытаясь ответить на них.

Но вот он достиг берега реки Тамасы. Здесь он решил провести несколько часов, чтобы отпустить лошадей пощипать траву, а самому подготовиться к въезду в город после наступления ночи, когда люди не будут уже ходить по улицам, а будут лежать в своих постелях. Наконец колесница, миновав главные ворота, тихо и медленно двинулась по главной улице города.

Сумантра принял все меры предосторожности, чтобы колеса и копыта не издавали шума; колесница двигалась, как улитка. Но кто мог сдерживать нетерпение лошадей? Кто мог заставить их замолчать? Они узнали улицы, по которым они везли Раму, они громко жаловались на свою участь: ведь их дорогой Рама был далеко, очень-очень далеко.

Жители города услышали это жалостное ржание, их слух был настроен на то, чтобы воспринять этот горестный крик, они передавали друг другу, что Сумантра вернулся с пустой колесницей; они выбежали из домов и встали по обе стороны дороги, чтобы увидеть печальное зрелище.

Сумантра низко опустил голову, когда заметил, что на улицах собрались толпы людей. Они же, глядя на его плачевный вид, догадались, что Рама не вернулся. И они падали в обморок там же, где стояли. Многие плакали навзрыд. Во дворцах цариц услышали душераздирающее ржание лошадей и тут же послали служанок узнать, что случилось; те поспешили к Сумантре и засыпали его вопросами. Он же сидел, подавленный и павший духом, как немой, который не способен ответить ни на какие вопросы. Он сидел неподвижно, как сломанная колонна, словно он был глухой, который и не мог слышать, о чем его с таким нетерпением спрашивали.

По его поведению служанки поняли, что Рама отверг все просьбы и мольбы о возвращении. Они жалобно причитали: «О министр! Ты вернулся один и оставил Ситу в этом ужасном лесу?» – и из их груди вырывались горестные стоны.

Одна служанка оказалась смелее других. Она сказала Сумантре, что Каушалья приказала ему сразу же проследовать во дворец, где она ждет его.

Во дворце Сумантра нашел царя, распростертого на полу, истощенного бессонницей и голодом, в измятой и грязной одежде. Сумантра подавил волну своей собственной скорби и, проговорив слова «Джей, джей», которые по традиции полагалось произносить первыми при встрече с царем, встал рядом с ним, трясаясь с головы до ног. Узнав его голос, Дашаратха быстро приподнялся и плачущим голосом спросил:

«Сумантра! Где мой Рама?»

Сумантра обнял царя, и тот уцепился за него, как утопающий, который хватается за соломинку. Видя, как они оба рыдают от невыносимого горя, Каушалья пришла в отчаяние, она едва могла дышать, она с трудом хватала воздух губами и мучительно задыхалась от душевной боли. Служанки, видя это, громко заголосили, оплакивая тяжелую участь, которая постигла всех, и делали все возможное, чтобы успокоить царицу и восстановить ее силы.

В это время Дашаратха немного оправился, он велел Сумантре сесть перед ним и спросил его: «Сумантра! Расскажи мне о Сите и Раме, расскажи мне все. Как Лакшмана? Увы, нежная Сита, должно быть, очень устала и измучилась. Где они теперь? Говори же!» Увидев, что Сумантра медлит с ответом, он потряс его за плечи и стал молить еще жалостнее.

Сумантре было очень стыдно посмотреть в глаза царю, он уперся взглядом в пол и, продолжая проливать слезы, не мог сказать ни слова. Дашаратха, горько рыдая, воскликнул: «О Рама! Дыхание жизни все еще теплится в этом дряхлом теле, несмотря на то, что такой сын, как ты, покинул меня! В мире нет грешника отвратительнее меня. Сумантра! Где же теперь Сита, Рама и Лакшмана? Отвези меня сейчас же к тому месту, где ты их оставил. Сделай это для меня, выполни мое желание! Не увидев их, я не смогу больше жить ни минуты!»

И как человек вконец отчаявшийся и ослепленный горем, он закричал: «Рама! О Рама! Позволь мне увидеть тебя хотя бы еще раз! Неужели ты отнимешь у меня возможность видеть тебя?»

Служанки, толпившиеся у дверей зала, где он лежал, не спали и не ели несколько дней – так они страдали, видя муки царя. Сумантра сказал: «О державный правитель! Раджадхираджа! Ты – очень мудр, ты сотворен из крепкого материала, ты – несокрушимый герой, твои познания глубоки, твое происхождение – божественное. Ты всегда служил аскетам и святым. Ты знаешь, что, подобно тому, как ночь сменяется днем, а день – ночью, так и богатство и нищета, счастье и несчастье, близость и разлука следуют друг за другом с неотвратимой неизбежностью. Только глупцы не чувствуют ног под собой от радости, когда счастье улыбается им, только невежды сразу приходят в уныние и падают духом, когда их настигает беда. Такие умные и ученые люди, как ты, не должны поддаваться воздействию ни того, ни другого. Они должны быть полны невозмутимости и самообладания, что бы ни случилось. У меня нет права советовать тебе принять случившееся мужественно и смело, ибо ты, как никто другой, знаешь цену мужеству и храбрости. О благодетель мира! Внемли моим мольбам. Не горюй так сильно. Сейчас я опишу тебе подробности моего путешествия с ними. Очень прошу: выслушай спокойно». Каушалья при этих словах попыталась подняться с помощью служанок, она оперлась на них и приготовилась слушать рассказ Сумантры.

Сумантра заговорил: «О господин! В первый день мы проделали путь до реки Тамасы. Сита, Рама и Лакшмана выкупались в реке и, испив воды, отдохнули под тенистым деревом. На следующий день мы достигли реки Ганги. Отовсюду уже надвигалась темнота. Я остановил колесницу по приказу Рама. Все трое окунулись в священные воды и уснули на песчаном берегу. Когда наступил рассвет. Рама попросил Лакшману принести ему млечный сок баньяна, и когда тот вернулся с чашей из листьев в руках, Рама смочил соком свои волосы, и они превратились в копну из спутанных прядей. К этому времени друг Рама, правитель Нишады, велел пригнать к берегу лодку. Сита первой вошла в нее, за ней – Рама, а вслед за ними, выполняя наказ Рама, сел в лодку Лакшмана – с луком и стрелами. До того, как войти в лодку, Лакшмана подошел ко мне и попросил передать родителям, что он шлет им низкие поклоны, выражает свое почтение и просит их благословения. Он также наказал мне просить тебя держаться разумно и храбро».

Сумантра продолжал свой рассказ. Теперь он поведал о том, что просил передать Рама в Айодхью. «Господин, – обратился Сумантра к Дашаратхе, – Рама сказал: «Передай

мое почтение наставнику. Убеди моего отца не страдать из-за случившегося». После этого Рама попросил меня приблизиться к нему и обязал меня сделать следующее: «Собери всех: министров, жителей Айодхьи, членов царской семьи и объяви им мой главный завет: только те из них дороги мне, кто сделает жизнь моего отца счастливой». Рама сказал: «По прибытии Бхараты передай ему мои благословения и убеди его взять на себя бремя правления царством, не отступая от справедливости, сохраняя единство и обеспечивая благосостояние народа с помощью таких методов, в которых проявляется чистота помыслов, слов и деяний. Скажи Бхарате, что я желаю ему служить родителям с такой любовью, чтобы они забыли свое горе от разлуки со мной» .

Пока Рама излагал свои пожелания, подошла Сита и попросила меня передать тебе, что, находясь рядом с Рамой, она чувствует себя счастливой и ничего другого ей не нужно. Она хотела, чтобы я передал тебе и царице Каушалье, что она склоняется перед вами ниц, просит не тревожиться о ней и уверяет вас, что она безмерно счастлива со своим Повелителем и мечтает, чтобы вы всегда посылали ей свои благословения. Она также просила передать вам пожелания здоровья и благополучия.

В это время лодочник, поняв, что Рама не желает больше медлить с отплытием, взялся за весла. И лодка с Рамой, Ситой и Лакшманой отчалила от берега. Я смотрел на удаляющуюся лодку и сердце мое словно окаменело. Я, должно быть, долго простоял на берегу реки. Но волей-неволей мне пришлось возвращаться сюда, в Айодхью, чтобы принести вам весточку от Рамы. По правде говоря, я хотел бы лучше утонуть в Ганге. Я почувствовал себя очень несчастным. Однако я должен был продолжать жить ради того, чтобы передать вам послание Рамы. Нынешняя Айодхья, в которой нет больше Рамы, кажется мне заброшенной, покинутой и полной страхов, как будто это не столица, а дикие джунгли».

Слушая слова Сумантры и нежные, любящие послания от Рамы и Ситы, Дашаратха не мог преодолеть волнения. Он не мог забыть всего того, что случилось. Он упал без чувств.

Дыхание царя стало прерывистым, словно у рыбы, изо всех сил пытающейся выскочить из липкой грязи, в которую она упала. Видя этот приступ удушья, царицы издали душераздирающие вопли. Слова бессильны описать эту сцену отчаяния и горя. При виде такой скорби даже сама скорбь не могла бы сдержаться. Муки цариц, предсмертная агония царя, горе придворных и слуг вызвали смятение и ужас во всем городе. Жители столицы метались, как птицы в лесу, напуганные внезапным ударом грома в полночь.

Подобно тому, как цветок лотоса, сорванный и вынутый из воды, быстро увядает, так и душа царя быстро покидала свою телесную оболочку. Слова уже больше не срывались с его губ, язык стал сухим, чувства и реакции притупились. Каушалья не спускала с него глаз, понимая, что близится закат светила Солнечной династии.

Она собралась с силами и, придвинувшись к нему, положила голову своего господина к себе на колени. Она старалась, чтобы он услышал слова, которые могли утешить и успокоить его. Она сказала:

«Повелитель! Сита, Рама и Лакшмана скоро вернутся и увидятся с тобой. Прислушайся к моим словам, не падай духом, наберись мужества!» Когда она с глубоким состраданием прошептала ему на ухо эти слова, Дашаратха открыл глаза и отчетливо и внятно проговорил: «Каушалья! Где мой Рама? Покажи мне, покажи мне, где он? Отведи меня к нему. Моей нежной и ласковой невестки нет со мной? А Лакшмана, где он? Я не вижу его здесь».

Дашаратха уронил голову набок, более не в силах держать ее прямо. Груз горя был слишком тяжел. Спустя несколько минут царь вспомнил о проклятии, которое навлек на него слепой отшельник, отец Шраваны. Царь с трудом приподнялся и слабым голосом стал рассказывать Каушалье эту давнюю историю.

«Каушалья! Как-то раз мне случилось отправиться в лес на охоту. Множество воинов и охотников следовали за мной. За весь день мы не смогли встретить ни одного дикого зверя, но я знал, что нельзя возвращаться в Айодхью с пустыми руками, безо всякой добычи. Мы вошли в лес ночью и стали ждать удачи. Рассвет уже готов был пробиться через окутавший нас мрак на берегу большого озера, как вдруг я заметил какое-то движение у кромки воды и услышал, как кто-то шуршит в прибрежных кустах.

Мне стало ясно, что это – крупный лесной зверь и что если я, воспользовавшись своим умением стрелять в направлении звука, пущу стрелу, то непременно убью его. Я так и сделал – натянул лук и выпустил острую и меткую стрелу прямо в цель. Ее полет был стремительным и яростным, и она поразила зверя на бегу. Но тут же я услышал крики боли «А-а», несущиеся с того места, где зверь упал. Я вместе с воинами бросился туда и – о ужас! – я обнаружил, что убил не зверя. Это был юный сын отшельника. Я наклонился к нему и умолял его простить мне эту трагическую ошибку. Сын отшельника сказал мне: «Царь! Не предавайся скорби! Исполни просьбу, которую я сейчас выскажу тебе. Ее исполнение будет достаточной платой за грех, совершенный тобой. Мое имя – Шравана. Мои отец и мать – оба слепые. Я проводил все мои дни в служении им, и это служение давало мне полное счастье. Боги вознаградили меня – они ниспослали мне мудрость и я познал Высшую Реальность. Мои родители сейчас страдают от мучительной жажды. Я пришел к озеру, чтобы набрать для них воды. Ты выстрелил в меня, приняв меня за лесного зверя. Кто может избежать велений судьбы? Теперь я нахожусь в таком состоянии, что не смогу отнести воду моим родителям. Поэтому возьми этот кувшин с водой и отнеси его им. Иди к северу, пока не подойдешь к одинокой тростниковой хижине, и после того как родители утолят жажду, скажи им о том, что случилось со мной. Не говори им ничего обо мне до того, как они напьются воды». Произнеся эти слова, он дал мне в руки кувшин и умер.

Каушалья! О, как глубоко волновала этого юношу судьба родителей! Его несколько не трогала его собственная жизнь, которая так быстро покидала его. Он не сказал мне ни одного грубого слова; те нежные, ласковые и любящие слова, которые он произносил, до сих пор эхом отдаются в моих ушах. При последнем дыхании он повторил священный звук, Пранаву – Ом, Ом, Ом – ясно, отчетливо, три раза. Видя это и наблюдая его спокойную, мужественную смерть, я решил, что должен немедленно, во искупление моего греха, исполнить его последнюю волю. Я поспешил к хижине, которую он мне описал, и отдал кувшин в руки его родителей, не произнеся при этом ни единого слова. Но они стали задавать вопросы: «Сын! Почему ты так долго отсутствовал? Что тебя задержало?» Они протягивали вперед руки и размахивали ими, чтобы дотронуться до него и ощутить его присутствие. Я немного отступил назад. Тогда они, эти старые слепые супруги, тревожно воскликнули:

«Сын! Отчего ты сегодня не разговариваешь с нами? Мы не прикоснемся к воде, которую ты принес, пока ты не заговоришь с нами и не ответишь на наши вопросы!» Я распорядился, чтобы воины шли вслед за мной и несли тело Шраваны к хижине. Как раз в это время они пришли с его трупом. Я положил тело так, чтобы до него могла дотронуться мать. Она горько зарыдала над ним. Спустя некоторое время, сдержав свою скорбь, она сказала: «Царь! Теперь, когда наш сын оставил нас, нам незачем продолжать наше существование. Мы уже старые; кто будет служить нам и охранять нас? Убей нас так же, как ты убил его. Или возведи погребальный костер, чтобы мы могли принести себя в жертву вместе с нашим сыном». Я опустил голову, соглашаясь исполнить их волю. Я собрал сухих дров и возвел костер. На него положили тело Шраваны. Слепые родители прислонились к нему и, применив магическую силу йоги, сотворили огонь внутри своих тел и совершили самосожжение.

До того как принести себя в жертву, они обратились ко мне, чтобы произнести несколько слов. Их святое пророчество сегодня сбылось». Здесь Дашаратха прервал свой рассказ, чтобы передохнуть и унять охватившее его волнение. Каушалья утешала его,

стремилась принести успокоение его разгоряченному уму. Она спросила: «Господин! Что же сказали слепые родители? Скажи мне! Я должна знать!» Дашаратха некоторое время молчал, а потом ответил: «Каушалья! Что могу я сказать? Как могу я повторить эти слова? Эти старые люди, муж и жена, так мне сказали: «Ты окончишь свою жизнь так же, как мы кончаем свою – из-за невыносимой боли от разлуки с твоим сыном». И они испустили дух, охваченные пламенем.

В то время у меня еще не было сына, и я не представлял, как может осуществиться это предсказание. Я думал про себя, может ли в их словах заключаться правда? Но я также знал, что слова, исходящие от старого мудреца, не могут оказаться неправдой. И это означало, что у меня будет сын, с которым мне придется расстаться. Ты помнишь, как мы с тобой горевали, что у нас не было детей. Я чувствовал, что это проклятье несло в себе и благословение. Я молился, чтобы оно подтвердилось, и даже если мне суждено будет расстаться с сыновьями, я должен их иметь. Я не мог раскрыть тебе эту тайну раньше. Теперь я понимаю, что слова святого отшельника заключали в себе истинную правду. Мучительная боль от разлуки с Рамой привела меня к смерти. Я воскресил в памяти трагедию Шраваны. Мои силы и мое мужество исчерпаны. Больше мне их не восстановить».

Дашаратха уходил в иной мир, и перед его внутренним взором проносились события прошедшей жизни. Он трижды воскликнул: «Рама! Рама! Рама!», – и откинулся назад, упав на колени Каушальи. Каушалья, заметив резкую перемену, которая с ним произошла, пронзительно закричала. Придворные и служанки столпились вокруг. Они увидели, что царь больше не дышит. Город превратился в долину слез, в озеро, переполненное скорбью. Толпы людей потекли во дворец. Улицы представляли собой быстро движущийся поток рыдающего народа. Люди посылали проклятия Кайкеи, ибо они знали, что город лишился своих «Глаз» из-за ее коварных интриг.

Васиштха, царский наставник, вошел в зал, где лежало тело царя. Он дал необходимые советы и постарался смягчить скорбь цариц. Он успокаивал Каушалью и Сумитру, напоминая им об их ушедших предках, которые также не могли избежать смерти, несмотря на все свое могущество и величие. Поскольку в городе не было никого, кто мог бы взять на себя главные обязанности при погребальном обряде, тело царя, по распоряжению Васиштхи, было погружено в масло, чтобы предохранить его от разложения. Васиштха призвал гонца и сказал ему: «Спеши! Быстрее поезжай к Бхарате; не говори ему ни слова о смерти царя, но скажи ему только одно: наставник просит, чтобы он и его брат немедленно вернулись в столицу». Гонец припал к ногам наставника и попрощался с министром, после чего пустился в долгий путь на быстроходной колеснице.

С тех пор, как Айодхья погрузилась в скорбь, Бхарату стали одолевать различные предчувствия, проявлявшиеся в виде зловещих снов. Он пробуждался от этих снов среди ночи, полный ужаса и смятения. Много ночей Бхарата и вовсе не мог сомкнуть глаз. Он сидел на постели, словно ожидая, что вот-вот разразится страшное несчастье. Он боялся, что недобрые вести уже мчатся к нему навстречу. Он выходил еще до рассвета и после раннего омовения совершал различные обряды и церемонии для того, чтобы умилостивить богов и отвести ожидаемое бедствие. Он подолгу сидел в храмовых покоях, молясь об облегчении души. Но несмотря на все это, его преследовал необъяснимый тайный страх.

Сны настойчиво посещали его в течение четырнадцати дней. Они истощили его силы, и его вера и мужество были на исходе. Между тем гонец из Айодхьи на пятнадцатый день своего долгого пути достиг, наконец, столицы Кекайи, где находился Бхарата. Когда Бхарату сообщили о его появлении у главного входа во дворец, он приказал немедленно привести гонца к нему, чтобы узнать, с какими вестями он прибыл.

Гонец простерся ниц перед Бхаратой и сообщил, что он и его брат без малейшего промедления должны отправиться в Айодхью по распоряжению наставника. Бхарата осведомился о благополучии народа Айодхьи и забросал гонца многими вопросами. Тот

ответил, что не имеет полномочий докладывать о чем-то особом, кроме того, что наставник просит его вернуться как можно скорее. Именно это он обязан им сообщить и ничего другого сказать не может.

Бхарата знал, что перед членами царской семьи гонцы произносят обычно лишь несколько слов, а царственные особы, в свою очередь, не должны вести с ними долгих разговоров. Этикет требовал, чтобы подобная беседа продолжалась не более, чем несколько минут. Гонец знал это правило дисциплины, поэтому он быстро поднялся и покинул зал.

Бхарата в ту же минуту прошел во внутренние покои и попрощался со своим дядей; вместе с братом Шатругной он вскочил в ожидавшую их колесницу и велел вознице мчаться вперед как можно быстрее. Как стрела, выпущенная из мощного лука, неслась колесница по горным тропам, холмам и лесным дорогам. С той же быстротой, с какой мчалась колесница, хлынули волны скорби, переполнявшие сердце Бхараты. Он не мог объяснить, откуда она исходит. Какая-то необъяснимая тоска охватила его. Бхарата не желал останавливаться в пути ни на одну минуту – даже для того, чтобы утолить жажду глотком воды.

Шатругна видел, что брата снедают чувства тревоги и беспокойства; он несколько раз просил его сделать остановку, чтобы подкрепиться едой и питьем, но Бхарата не обращал на это никакого внимания и упорно молчал. К тому же на пути они столкнулись с дурными предзнаменованиями. Стаи черных ворон преследовали колесницу, кружа над нею и хрипло каркая, предвещая несчастье. Заунывно и зловеще выли собаки. Эти знаки беды нарушили спокойствие, которое так долго поддерживал в себе Шатругна. Когда они подъехали к воротам города Айодхьи и взглянули вверх, их страх усилился. Гирлянды манговых листьев не обновлялись уже много дней; засохшие листья висели над жалобно скрипящими воротами, они бились на ветру, как будто кто-то скрежетал зубами от злобы и тоски. Отчего свежие зеленые листья не обрамляют, как всегда, ворота столицы? Что случилось с городом? Почему всюду царит запустение, этот верный признак беды? Братья поняли, что на столицу обрушилось несчастье.

Они миновали ворота и двинулись дальше. У въезда в город находились царские конюшни и стойла для слонов. Когда Бхарата взглянул на них, его сердце дрогнуло, и он потерял самообладание. Он увидел, что животные застыли в полной неподвижности, опустив головы, а глаза их полны слез. А конюхи и погонщики слонов склонились под таким тяжким грузом горя, что не могут поднять головы. Когда братья поехали дальше по городу, они заметили, что двери домов по обе стороны улицы заперты, словно их обитатели сговорились никого к себе не пускать. Дороги были не подметены и грязны. Несколько горожан, появившихся на улице, отвели взгляд, заметив колесницу. Узнав Бхарату, они заплакали.

Знаменитый алмазный базар был закрыт, так же как и все лавки вокруг него. Бхарата, от ужаса потерявший дар речи, не мог спросить у редких прохожих, отчего пелена мрака окутала город. Его ошеломили столь неожиданные для него признаки бедствия. Колесница подъехала к царскому дворцу. Стражники встретили их молча, без всяких проявлений радости, без традиционных криков «Джей, джей»; они стояли согнувшись и производили впечатление немых; они не могли поднять глаз, залитых слезами. Братья теперь уже были убеждены, что невиданные несчастья обрушились на город. Они сошли с колесницы и побежали во дворец.

Кайкейи увидела, что приехал ее сын; она вышла навстречу и приветствовала его с великой радостью. Служанки же, которые последовали за ней, горестно вздыхали. Бхарата посмотрел на их лица и остановился, словно прикованный к месту, не в силах произнести ни слова. Но Кайкейи сама начала разговор. Она сказала: «Сын! Как чувствует себя твой дядя?» Бхарата в ответ произнес какие-то невнятные слова и бросился к матери, спеша задать мучившие его вопросы: «Как отец? Как мой старший брат? Как мой другой брат? Как мои тетушки-царицы?»

Тут Кайкейи словно онемела. Глаза служанок, которые стояли рядом, наполнились слезами. Бхарата понял, что от него скрывают какое-то страшное известие. Он спросил: «Мать! Где мой отец?» При этих словах служанки разразились рыданиями. Посмотрев на них, Кайкейи почувствовала, что дольше медлить нельзя; она тоже заплакала, сыграв роль женщины, сраженной горем. Бхарата никак не мог сам разгадать тайну. Он стал молить мать объяснить ему, что произошло и почему все кругом так сильно горюют. Кайкейи на это ответила: «Сын! Что мне сказать? Я была счастлива, что с помощью Мантары смогла достигнуть всего, о чем мечтала. Но с самых первых шагов мои усилия пошли прахом. Мой замысел, как видно, показался негодным богам. Царь, твой горячо любимый отец, ушел на Небеса». Кайкейи громко заплакала. Как только эти слова дошли до слуха Бхараты, он упал и покатился по полу, как слониха, услышавшая рык льва. Падая, он вскричал: «Увы, отец!» Подобно тому как молния, попав в дерево, валит его наземь, так и Шатругна, сраженный, упал на пол. Их горе нельзя описать, оно было беспредельно. Бхарата сел, сжав голову обеими руками и заплакал навзрыд. Он закричал: «Отец! Мы не стояли над твоим смертным ложем и не слышали твоего последнего дыхания. О, мы – великие грешники! Из четырех сыновей только двое удостоились чести попрощаться с тобой! Бхарата и Шатругна – худшие и самые несчастные из твоих сыновей. В последние минуты ты поговорил бы с нами, сказал бы нам ласковые, добрые слова. Ты дал бы нам свои бесценные благословения и жизненные напутствия. Мы должны быть благодарны Рама за то, что он был с тобой. Ты ведь сказал ему все, что хотел передать нам. Брат! Поднимись! Иди со мной! Мы пойдем к Рама и узнаем, какое послание передал нам отец. Мать! Скажи нам, где сейчас Рама». Бхарата уже готов был идти, он лишь ждал ответа матери.

Кайкейи сказала: «Сын! Если бы Рама был здесь, твой отец не умер бы, разве ты этого не понимаешь? Разве ты не знаешь, что Рама нет в городе?» Эти слова были как жгучий яд, пролитый на открытую рану. Этот новый удар поразил Бхарату. Он спросил: «Мать! Рама – мое дыхание. Куда же он ушел?» Бхарата был на грани беспамятства, и ответ последовал очень быстро. Кайкейи сказала: «Куда ушел? Ты спрашиваешь, куда он удалился? Хорошо, я скажу. В лес». «Если и так, – прервал ее Бхарата, – то почему же Рама, уйдя в лес, до сих пор не вернулся?»

Кайкейи спокойно проговорила, тщательно взвешивая каждое слово: «Сын! Это долгая история, и у нас сейчас нет времени обсуждать ее. Неотложная твоя обязанность – заняться приготовлениями к погребальному обряду». Бхарата понял, что мать пытается скрыть от него какую-то тягостную и неприятную тайну. Он спросил, где находятся Сита и Лакшмана. Мать ответила: «Они оба последовали за Рамой в лес. Они вернутся в столицу только по истечении четырнадцати лет. Таково было решение твоего отца». Кайкейи объявила это твердым и невозмутимым тоном.

Она увидела, что эта новость привела Бхарату в состояние крайней сокрушенности и отчаяния. Поэтому она подзвала сына к себе и, глядя его по голове, стала утешать. Она сказала: «Сын! Не надо так горевать об отце. Он при жизни отдавал себя целиком похвальным и праведным деяниям и оттого его душа достигла Небес. Твой долг сына – следовать идеалам, которые он внушал тебе, завоевать такую же славу благородными делами и счастливо управлять царством. Приумножь его славу и известность путем мудрого и справедливого правления и поддержи величие его династии». Кайкейи продолжала в том же духе, пытаясь успокоить боль, терзающую сердце сына.

Однако ее слова пронзали сердце Бхараты, словно острые кинжалы. Каждое из них отдавалось в его мозгу, как удар тяжелого молота. Слушая ее, Шатругна почувствовал, что его тело горит, как в огне. Но он не издал ни звука, сохраняя внешнее спокойствие. Бхарата же внезапно вскочил, движимый стремлением узнать правду, ибо понял, что мать обманывает его, пытаясь скрыть истину, таящуюся за ее туманными и непонятными речами. Он схватил за руку Шатругну и выбежал вон из комнаты. Через несколько секунд он стоял на пороге покоев Каушалы, старшей царицы, матери Рама.

И какая ужасная картина открылась его взору! Каушалья, распростертая на полу в измятых и запыленных одеждах, громко стенала: «О мой повелитель! Мой господин! О Рама! Рама!» Вокруг нее толпились, обезумевшие от горя и страха служанки, пытались успокоить ее и облегчить ее страдания. Бхарата, не в силах вынести этого зрелища, воскликнул: «Мать! Мать!» – и упал к ногам Каушальи. Здесь же, вместе со старшей царицей, была и Сумитра. При виде Бхараты и Шатругны обе они, вскрикнув, внезапно лишились чувств. Придя в себя, они прижались друг к другу, будто скованные единой мучительной болью и громко зарыдали; эта сцена была способна растопить даже каменное сердце! Оба брата склонились к их ногам под тяжестью невыносимой скорби.

Бхарата обхватил ноги Каушальи и жалобно взмолился: «Мать! Отведи меня к телу отца, скажи, почему он покинул нас. Объясни, зачем ушли в лес Рама и Лакшмана, взяв с собою Ситу? Все это для меня остается тайной; спаси меня от мучений, скажи мне правду». Каушалья нежно обняла его и ответила: «Сын мой! Твое возвращение облегчило мою боль. Увидев тебя, я почувствовала, что меньше страдаю от разлуки с любимым Рамой. Ты так же дорог мне, как Рама; я всегда любила тебя так же, как его». Но проговорив эти слова, она не смогла сдержать стонов и рыданий и горестно возопила: «О Рама! Как смогу я прожить без тебя четырнадцать лет, зная, что ты находишься в изгнании, в дремучем лесу? Или ты решил и меня повергнуть во прах, как своего отца, обрекая на гибель от невыносимых страданий? О горе мне! За что эти несчастья обрушились на меня?» Ее горькие слова еще больше растрожили Бхарату. Его воображение рисовало ему самые страшные трагедии и беды, разразившиеся в его отсутствие, ибо он до сих пор не ведал правды. Он снова взмолился: «Мать! Не скрывай от меня того, что случилось! Скажи мне, почему Рама ушел в леса и что было причиной смерти отца; открой мне правду, освободи меня от мрака неведения».

Каушалья по своей природе была честна и прямодушна, и сердце ее было добрым и полным милосердия. Она искренне обрадовалась Бхарате, как будто бы к ней вернулся сам Рама! Она нежно прижала его к груди, вытерла слезы и сказала: «Сын! Бхарата! Будь мужественным! Не горюй о прошлом, это бессмысленно. Бывают времена, когда Судьба неблагоприятна к нам, и тогда происходят события, кажущиеся странными и невероятными. Бесполезно обвинять кого-то в злых умыслах и взваливать на его плечи все бремя ответственности. В том, что случилось, нет ничьей вины! Такова отныне моя судьба: нести этот тяжелый груз скорби. Это моя доля, и мне ее не избежать. Но ты еще так молод! Ты похож на восходящее солнце в час рассвета. Не забывай об этом!

Мой горячо любимый Рама, повинувшись воле отца, надел одежды из древесной коры, собрал спутанные волосы в пучок и теперь скитается по диким джунглям. Сита, которая не может жить без него ни минуты, теперь с ним, в платье из такой же грубой коры. Лакшмана пытался помешать Рама уйти в лес, но его усилия были бесполезны. Тогда он заявил, что для него Айодхья без Рамы – все равно что джунгли, и последовал за Рамой в лес. Все это произошло на моих глазах. О! Какая же у меня грешная душа, что я все еще живу на свете!

Я не могла пойти с ними, и вот теперь они далеко, а жизнь все еще не покинула меня! Как мне описать мое жалкое состояние? Мое сердце, видно, высечено из твердого камня! О Рама! У тебя такое нежное сердце! Ты, должно быть, так страдаешь, что рожден мною! И почему же ты должен страдать? Увы, Рама! Сколько еще мучений тебе предстоит перенести, питаюсь одними дикими плодами и кореньями, пробираясь сквозь глухие, наводящие ужас заросли джунглей!» Она громко застонала и упала на пол в беспомощности.

Бхарата все видел и слышал все слова, произнесенные Каушальей, но загадка все так же оставалась неразгаданной. Он метался в страхе и смятении, но так и не мог проникнуть в тайну. В это время министр Сумантра известил Бхарату о том, что царский наставник, мудрец Васиштха, просит его прийти к нему. Сумантра залился слезами, когда увидел братьев. Он прижал Бхарату к груди, и братья тоже не могли совладать со своим горем.

Бхарата надеялся, что Сумантра, наконец, прольет свет на тайну, нависшую над трагическими событиями в столице. Он всяческими способами пытался навести Сумантру на разговор о случившемся, но Сумантра не был расположен говорить об этом. Он был уверен, что царицы уже рассказали Бхарате и Шатругне о том, что произошло, до того, как он пришел во дворец.

Все вместе они отправились к Васиштхе. Бхарата и Шатругна упали к ногам наставника и громко и безутешно зарыдали. Он поднял их с любовью и состраданием и, утешая их, преподавал им нравственные и философские уроки, стремясь к тому, чтобы они не падали духом. «Мы слишком долго ждали, больше откладывать уже невозможно,» – сказал он и обязал Бхарату подготовиться к совершению погребального обряда. Бхарата, пребывая в замешательстве, долго не мог собраться с мыслями и, наконец, обратился к Васиштхе с мольбой: «Учитель! Ведь это долг, который должен выполнить старший сын, а из нас четверых старший – Рама. Ты же предлагаешь мне совершить этот ритуал. Разве ты считаешь, что это справедливо? Ты считаешь, что это правильно? Ты сохранял тело в течение многих дней, сохрани его еще два или три дня. Мы, Шатругна и я, последуем туда, где сейчас находится Рама, и привезем его в Айодхью. Просим тебя дать нам разрешение сделать это».

Васиштха ответил: «Сын! Ты очень наивен! Рама не захочет вернуться раньше установленного срока. Он верен однажды данному слову. Как бы ты его ни умолял, Рама вступит в Айодхью только через четырнадцать лет. Поэтому оставь свой план, соверши погребение своего отца, после чего ты сможешь делать все, что пожелаешь». Васиштха еще долго говорил в том же духе, чтобы убедить Бхарату в бесплодности и тщетности его намерений.

Бхарата понял, что ему придется повиноваться наставнику. И он согласился. Тело отца обмыли, и предписанные Ведами ритуалы, которые предшествовали кремации, были совершены. После этого Бхарата, побуждаемый внезапно охватившей его непреодолимой острой тоской, бросился к царицам в их покои и, упав к ногам Каушалы и Сумитры, взмолился: «Матери! Нет! Нет! Вы должны отказаться от принесения себя в жертву на погребальном костре отца. Если вы попытаетесь сделать это, я откажусь совершать над его телом последние поминальные обряды».

Ему удалось получить от них обещание, что они не сделают этого. Обе они были очень растроганы его любовью и вниманием. И им ничего не оставалось, как уступить его просьбам. Они сказали: «Сын! Мы будем поступать согласно твоим желаниям».

Тело подняли и положили на погребальный костер из сандала, сложенный на берегу реки Сарайю. Бхарата сотворил последний обряд с исключительной тщательностью и точностью, проявив такое глубокое знание Вед, которое в тысячу раз превосходило то, что мог предвидеть и ожидать Васиштха. Как того требовали законы Вед, он раздал, во славу Имени отца, шестнадцать видов щедрых даров. Он одарил людей коровами, землей, золотом, монетами, домами, одеждой, пищей, лошадьми, слонами и другими ценностями. Получившие их повсюду превозносили его великодушие, щедрость и верность сыновнему долгу.

Но правители, подвластные царю, пандиты, придворные жрецы да и простой народ не могли примириться с отсутствием Рамы. Скорбь терзала их сердца и непрерывно вызывала приступы боли. Они знали, что были беспомощны, что у них не было надежды. Рама никогда не нарушит данного им слова. Он не вернется назад, какие бы блага ни сулило ему возвращение. Он не появится в Айодхье до того, как пройдет долгих четырнадцать лет. Они должны были принять это как неизбежность. И они пытались закалять свои сердца, чтобы переносить страдания и продолжать жить, ожидая его возвращения и надеясь обрести радость, когда подойдет к концу срок изгнания.

Тем временем Васиштха, царский наставник, пригласил на большой совет подвластных правителей, подчиненных царей, министров, старейшин и монахов, мудрых и ученых людей царства и вождей общин и сословий. Прежде всего он призвал их

следовать Дхармашастре – Кодексу нравственных законов, относящихся к обязанностям и долгу правителей. Затем он подробно изложил весь ход событий, начиная от козней, которые плела Кайкейи, и кончая тем днем, когда Рама удалился в леса. После этого Васиштха остановился на высоких достоинствах покойного царя – его преданности Истине, его приверженности высшим нормам поведения, силе его духа, его царском величии и его неизменном следовании ведийским предписаниям, которое сделало его столь щедрым покровителем множества грандиозных яджн и других жертвенных и церемониальных обрядов. Васиштха продолжал свою речь, поведав собравшимся о желании царя отпраздновать коронацию Рамы и о препятствиях, которые встали на его пути и которые привели к изгнанию Рамы и к смерти царя, не перенесшего разлуки с горячо любимым сыном.

Бхарату и Шатругну, которые до сих пор не знали о том, как развивались в столице эти трагические события, только что описанные Васиштхой, теперь переполняли и гнев, и скорбь, и чувство стыда. Они опустили головы, их сердца затопило раскаяние. Потoki слез потекли по их щекам. Люди, собравшиеся вокруг них, едва решались взглянуть в их сторону. Даже Васиштха вытирал глаза, которые все время наполнялись слезами. Зал погрузился во мрак и уныние. Молчание воцарилось на большом совете, все сидели, как каменные истуканы.

Бхарата и Шатругна больше не в силах были слушать рассказ Васиштхи, их охватило чувство негодования из-за низкого и бесчестного поведения Кайкейи. Бхарата проклинал себя за то, что был рожден такой матерью; он так стыдился последствий своих собственных злых дел, совершенных в предыдущих жизнях, что не мог поднять головы и встретиться с кем-нибудь взглядом. Братьям хотелось как можно быстрее покинуть зал и уйти куда глаза глядят.

Васиштха понимал их состояние, он подошел к Бхарате со словами утешения и совета. «Сын, – сказал он, – нет никакой пользы оплакивать прошлое. Что случилось, то случилось. Сейчас мы должны думать о том, что нам предстоит сделать. Твоему отцу во всем сопутствовала удача. Зачем же так скорбеть о нем? Послушай меня и склони голову перед его последним заветом. Он доверил тебе право управлять царством. Тебе нужно оправдать его доверие и уважить его волю. Твой отец согласился разлучиться с Рамой, поскольку он не мог принудить себя нарушить данное им слово. Он расстался с жизнью из-за безмерной привязанности и любви к Рама. Он умер, чтобы сдержать свое обещание – в этом нет сомнения. Он знал, что исполнение обещания есть ценность большая, чем сама жизнь. Вот почему он готов был скорее встретить Смерть лицом к лицу, чем взять назад свое слово. И – пойми! – Рама ушел в изгнание в леса вместе с Ситой во имя того, чтобы отец остался верен своему слову.

Слава царского рода Икшваку заключена в том, что каждый, кто к нему принадлежит, пожертвует всем ради верности однажды данной клятве. Это величие, к которому причастен и ты. И тебе следует ныне действовать в согласии с решением отца и принять на себя всю ответственность в управлении государством. Пусть все благоприятствует твоим начинаниям. Пусть успех будет сопутствовать тебе во всех твоих делах. Я рискнул дать тебе совет только потому, что люблю тебя и сочувствую тебе, а иначе я не взвалил бы на твои плечи такую тяжелую ношу. Я знаю, что ты сможешь поддержать славу доброго имени твоего отца. У тебя есть способность управлять, есть искусство и мужество, необходимые для того, чтоб нести этот груз. Без колебаний и сомнений прими бремя царствования».

Васиштха погладил Бхарату по плечу и благословил его. Бхарата выслушал его мудрые и добрые советы и, когда наставник завершил свою речь, быстро встал со своего места и припал к его ногам. Ему трудно было говорить, так как он пребывал в безутешной горе, его губы дрожали, в горле пересохло. Слова едва слетали у него с языка. Он сказал: «Учитель! И ты говоришь, что проявляешь ко мне любовь и сочувствие? Нет! На самом деле ты не чувствуешь ко мне ни сострадания, ни любви. Если бы ты сочувствовал мне,

ты никогда бы не согласился возложить на меня это бремя. Ты приговорил меня к этому наказанию без малейшего сожаления. Страну, которая отправила в джунгли святейшего и чистейшего из людей; страну, которая обрекла все население на многие годы нескончаемых слез; страну, которая потеряла законного и наиболее достойного правителя; страну, которая навлекла великое бесчестье на всю правящую династию – род Икшваку; страну, которая довела до мук вдовства матерей Каушалю и Сумитру; страну, которая дошла до полного упадка – эту страну ты доверяешь сейчас мне!

Увы! Это – следствие грехов, которые я совершил, это – следствие того, что я – несчастнейшее существо, вышедшее из чрева Кайкеи – этого воплощения жестокости и ненависти! Вместо того, чтобы выносить мне этот суровый приговор, прикажи мне отправиться к Рама и приумножь тем самым свои святые заслуги. Только расчищая путь перед ними, чтобы их ногам было мягче ступать по земле, только посвятив себя этому служению, смогу я сделать свою жизнь достойной и спасти себя. Я не могу больше оставаться здесь ни единой минуты».

Бхарата упал к ногам Васиштни, прося разрешения уйти в лес вслед за Рамой. Тогда поднялись министры державы и, молитвенно сложив руки, сказали: «Повелитель! Подобное состояние дел не может больше продолжаться: в стране нет правителя. И ты не можешь уклониться от ответственности, которую наставник возлагает на тебя. После возвращения Рамы ты волен будешь действовать по своему усмотрению, но сейчас мы просим тебя внять нашим мольбам. Защити царство и обеспечь благополучие народа. Возьми бразды правления в свои руки».

Бхарата ничего не ответил на эти настойчивые просьбы. Ему хотелось сейчас только одного – пойти к Каушалю и побыть с ней хотя бы недолго. Васиштва с готовностью дал на это согласие. Бхарата и Шатругна вышли из зала совета и направились прямо ко дворцу Каушалю. Они упали к ее ногам, и Бхарата сказал ей: «Мать! Умоляю тебя простить несчастного Бхарату, который стал причиной всех бедствий, поскольку рожден из чрева злобной и порочной женщины – Кайкеи. Этот проклятый Бхарата – источник всех несчастий нашего царства. Дай мне позволение удалиться в лес. Я не могу ходить по этому городу и оставаться в нем в то время, как мой Господин и Учитель – Рама покинул его из-за меня. Это царство принадлежит по праву старшему сыну, а я, это ничтожнейшее из существ, не имею на него никаких прав. Мне не нужно это бремя, я не смогу нести его. Благослови меня, чтобы я смог уйти тотчас же». Бхарата, полный отчаяния, стоял и ждал.

Каушалю собралась с силами и начала утешать Бхарату. Она сказала: «Бхарата! Прими во внимание обстоятельства и умерь свое горе. Сейчас не время для колебаний. Рама сейчас далеко, он в самом сердце диких джунглей, твой отец – на Небесах. Твои матери, твои родные и близкие, твои друзья и доброжелатели, твои подданные – все погружены в глубокую печаль. Все сейчас смотрят на тебя с надеждой, как на свою единственную поддержку и защиту. Пойми! Все эти события произошли потому, что наступили неблагоприятные времена, и потому люди стали совершать нечестные, извращенные и страшные поступки; обрети мужество и прими правильное решение. Повинуйся воле Гуру Васиштни, отнесись внимательно к прошениям народа. Сделай то, о чем просят тебя министры».

Каушалю ласково держала его руки в своих, пока пыталась убедить его взять на себя обязанности правителя царства. Ее слова тронули Бхарату своей удивительной мягкостью и нежностью, как будто к его пылающему сердцу приложили прохладную сандаловую пасту. Они обволакивали его уши, лаская и услаждая слух, ибо Каушалю не произнесла ни одного слова, которое бы осуждало его мать, вызвавшую эту роковую череду бедствий; у нее не было и тени сомнения в верности и преданности Бхараты. Бхарата был счастлив слышать ее слова и почувствовал огромное облегчение. Он был восхищен безграничной широтой ее души, ее искренней любовью к нему. Даже в сказочном сне он не мог представить себе, что Каушалю будет относиться к нему подобным образом, щедро одаривая его любовью и нежностью, к нему, сыну другой царицы, младшей жены ее

супруга, в то время как ее собственный сын изгнан в леса на четырнадцать лет! «Какая бездонная пропасть разделяет этих двух женщин, – думал Бхарата, – Каушалю и его родную мать, Кайкейи! Ее глубина не поддается никакому измерению». Он понял, что в Каушалье воплотилась та высшая и совершенная Форма Любви, которая способна наполнять сердца людей подлинным счастьем.

Он молитвенно сложил руки на груди и осмелился возразить ей:

«Мать! Твои слова, полные любви и нежности, исцеляют мое сердце, изнывающее от тоски, словно ласковый дождь из прохладной розовой воды! Но может быть, ты принимаешь меня за Раму? Увы, я не похож на Раму, безгрешного и чистого. Я Бхарата, порожденный Кайкейи, а значит, порочен по своей природе, унаследованной от нее. Я ничтожество, которому неведом стыд. Я – враг Рамы. Ты по ошибке перепутала нас и поэтому так добра и ласкова со мной. Твое сердце так истомилось по Рама, что ты обращаешься с другими так, как будто перед тобою – сам Рама. Я говорю правду, мать! Послушай меня и отнесись к моим словам серьезно.

Мать! Только тот, кто безупречен в своей праведности, имеет право властвовать над людьми. Если же власть будет отдана в руки таким, как я, бесчестным и хитрым, обладающим сомнительными наклонностями и извращенным умом, земля превратится в подобие преисподней! Недалекие авантюристы, тщеславные и самоуверенные, алчные хищники, жаждущие пышной славы и роскоши, стремящиеся к удовлетворению личных потребностей, ничтожества, пораженные врожденным недугом зависти, не заслуживают права распоряжаться судьбами людей. Они наносят вред интересам народа, которым они управляют. Они подрывают основы праведности. Они ведут страну к упадку. Лишь тот, кто избирает путь добродетели и истины, заслуживает право управлять другими людьми. Я знаю только одного такого человека, это – Рама. Никто другой не достоин этого. Поэтому я уйду тотчас же, я обниму колени Рамы и буду умолять его вернуться со мной в Айодхью. Прошу твоего разрешения, благослови меня как можно скорее». Бхарата простерся перед Каушалей и ждал ответа.

Слова Бхараты до слез растрогали Каушалю. Она сказала: «Сын! Как похож ты на Раму своими чувствами и движениями души! Глядя на тебя, мне легче переносить боль от разлуки с ним. Но если ты тоже уйдешь в лес, что же будет с нами? Если ты считаешь свой уход неизбежным, возьми и меня с собой. С кем же мне коротать мои дни в Айодхье? Потеряв мужа, разлучившись с сыном, несмотря на страдания от этих утрат, вдова все еще не может расстаться с жизнью. Пойди, получи разрешение от Гуру Васиштхи и мы удалимся в лес, чтобы провести хотя бы еще немного времени с Ситой, Рамой и Лакшманой. Тогда я смогу умереть спокойно». Пока она это говорила, Бхарата почувствовал, что его душа обретает некоторое утешение и покой. Он пал к ногам Каушалы и Сумитры, а, поднявшись, отправился ко дворцу Кайкейи.

Бхарата шел первым, за ним – Шатругна. Их переполняли горечь и негодование, оттого что Кайкейи, слепо доверившись Мантаре, стала виновницей всеобщей великой смуты. Они изо всех сил старались подавить гнев, который клокотал у них внутри. Наконец они вошли во дворец. У самого входа они увидели Мантару, празднично разодетую и увешанную драгоценностями, которая поджидала их. Шатругна не мог вытерпеть этого зрелища. Он схватил ее за волосы, пригнул к полу и стал наносить ей удар за ударом! Горбунья отчаянно закричала: «Ай! Ай!» Когда ее вопли достигли ушей Кайкейи, та бросилась на помощь и принялась грубо бранить Шатругну за его поступок.

При виде этой сцены Бхарата, не в силах более сдерживать свое возмущение, дал волю своим чувствам и закричал на Кайкейи: «Стыд и позор! Ты самая страшная из грешниц! Ты поверила словам этой гнусной женщины и совершила презренный поступок! Когда ее мерзкие науськивания дошли до твоего сердца, как оно не разорвалось на куски? Как мог твой язык выговорить эти ядовитые просьбы? Как он не сгорел, не превратился в пепел, когда высказывал эти губительные желания? Как смеешь ты жить в этом дворце и смотреть людям в глаза? Разве тебе не стыдно расхаживать по этим покоям? Увы! Как мог

царь поверить словам такого злобного существа, как ты? Ослепленный страстью и вожделием, он согласился променять сына на жену! Тайный план, который ты вынашивала, был низок и чреват напастями. Ты осквернила чистое сердце царя, ты опалила царство огнем, ты разрушила династию и ее славу, ты принесла вечное бесчестие царскому роду Рагху. Твое порочное и полное яда сердце способствовало всему этому развалу. Признать тебя матерью было бы ужасным грехом. Как могла ты подумать, что, когда ты причинишь вред другим, твой сын может достичь благоденствия и успеха? Разве дети других родителей не так же дороги им, как твои – тебе? Женщины, которые плетут злые козни против чужих детей, навлекают тем самым зло на своих собственных отпрысков. Как же ты смогла пренебречь этой великой истиной? Это, должно быть, связано с грехами, совершенными тобой в предыдущих жизнях. Нет. Все это связано со мной. А иначе почему же чистый, верный, незапятнанный Рама, мой возлюбленный брат, и его Божественная супруга Сита, венец целомудрия и доброты, должны скитаться по страшным лесам? О, какая жестокость! Как это ужасно! Будь ты проклята! Уже одно то, что мне приходится разговаривать с такой подлой грешницей, свидетельствует о грехах, совершенных мною в прошлых жизнях. О, мне хотелось бы знать, какое чудовищное зло я совершил, если заслужил это наказание, этот позор – появиться на свет из твоего чрева! Все грешники тянутся к себе подобным! Всех их связывает единая нить. Что может быть у них общего с добрыми людьми, занятыми полезными и богоугодными делами?

Эта Солнечная династия так же свята и чиста, как Божественный Лебедь, на котором нет ни единого пятнышка. Надо сказать правду – ты подобна своей матери; она убила своего мужа, чтобы удовлетворить свое тщеславие. Ты также убила своего мужа, чтобы исполнить свои эгоистические желания. Возможно ли, чтобы младший сын стал править государством, обойдя старшего сына, в полном противоречии с установленным законом древнего царского рода?

У тебя не сейчас родилась эта роковая мысль, она с самого начала, как сорняк, таилась и проросла в тебе, иначе как могла она внезапно превратиться в огромное древо зла? Наделенная такой низменной натурой, ты бы лучше задушила меня насмерть при рождении и тем самым спасла бы меня и все это царство от великих бедствий. Но какой смысл теперь оплакивать прошлое? Увы! Твоего ума хватило на то, чтоб срубить ствол, а после поливать водой безжизненные ветви. Твои жалкие мыслительные способности побудили тебя спасти жизнь рыб, бросив их в высохший пруд! И теперь я даже не знаю – плакать мне или смеяться над твоей примитивной глупостью.

Вместо того, чтобы тратить время на разговоры с тобой, я предпочитаю тотчас же устремиться вслед за Рамой и, пав перед ним ниц, умолять его вернуться в Айодхью вместе со мною. Если же он отвергнет мою просьбу, я намерен остаться с ним, как это сделал Лакшмана, и обрести свое счастье в преданном служении. Я не желаю больше смотреть на твое лицо».

Произнеся эти слова, Бхарата повернулся к ней спиной и вместе с Шатругной покинул покои Кайкеи. Царица предалась мучительным раздумьям о совершенной ею роковой ошибке. Она оплакивала вызванный ею горестный ход событий; она поняла, что любые замыслы, бесчестные и порочные по своей природе, могут принести только временную радость и неизбежно прокладывают путь ко всеобщему краху. Она почувствовала, что ей нет спасения; у нее не было слов, чтобы выразить свою скорбь и раскаяние; лишившись дара речи, она окаменела, застыв от ужаса.

Кайкеи ощутила непреодолимое отвращение к Мантаре и с восхищением и гордостью думала о благородстве и праведности Рамы. Она склонила голову от стыда за совершенный ею грех.

Глава 17

Братья встречаются

Выйдя из дворца Кайкейи, Бхарата и Шатругна поспешили назад в зал большого совета, где министры, старейшины и царский наставник с нетерпением ожидали их возвращения. Все стремились узнать, к какому решению пришли братья, и сидели в молчании, готовые внимательно выслушать то, что собирается сообщить им Бхарата.

А Бхарата, между тем, упал к ногам Васишты и провозгласил: «Я буду честен и правдив с тобою; прошу, поверь в искренность моих слов и намерений, ибо я не хочу ничего утаивать от тебя. Я полностью открываю тебе свое сердце. Ты знаешь, что как металл, добываемый из руды, тяжелее, чем сама руда, так и последствия тяжелее и горше причины. Рожденный из чрева жестокосердной Кайкейи, воистину, сам я наделен сердцем, высеченным из твердого камня! А как же иначе можно объяснить, что я все еще жив, несмотря на то, что Рама так далеко от меня? Кайкейи изгнала в джунгли Раму и Ситу, а своего супруга отправила на тот свет; она ввергла это огромное царство в пучину смятения и скорби и навлекла вечный позор на родного сына. И после всего этого ты хочешь, чтобы я правил державой, приумножая и продлевая свое бесчестье? Смогу ли я хотя бы одно мгновение быть счастлив, завладев тем, на что не имею права? Разве не будут мои подданные с презрением насмехаться надо мною, если я воссяду на Львиный трон как державный правитель в то время как Рама скитается по джунглям?

Мое царствование нанесет народу непоправимый вред, ибо само мое водворение на престоле будет актом безнравственности и несправедности. Кто обязан уважать и чтить узурпатора и слушаться его приказов? Я не имею права бороться с несправедливостью и беззаконием! Как смогу я наказывать зло и наставлять грешников на путь истинный, если сам взвалю на себя бремя тягчайшего греха, завладев трон, который мне не предназначен? При первой же возможности люди укажут на меня пальцем, уличая в обмане, хотя, возможно, какое-то короткое время и будут повиноваться мне из страха перед наказанием, которому я могу подвергнуть их, пользуясь неограниченной властью.

Порочный и злобный замысел моей матери стал для меня источником мучительной и тягостной тоски. Я не могу оставаться здесь ни минуты, здесь, где нет Рамы и Ситы. Я хотел лишь поведать тебе о моих невыносимых страданиях; только взгляд на Раму остудит мое пылающее сердце и исцелит от страшных мук. Никакие объяснения и советы, никакие утешительные слова не принесут мне облегчения и не избавят от мучительной боли. Каушалья и Сумитра уже дали мне позволение уйти. Я решил завтра на рассвете отправиться в путь к тому месту, где сейчас находится Рама. Мои грехи, как бы многочисленны они ни были, обратятся во прах в то самое мгновение, когда перед моим взором предстанет Рама. Даже если Рама не пожелает говорить со мной и видеть меня, я буду счастлив только от одной возможности насладиться его Даршаном и последую за ним по пятам на расстоянии, прячась за деревьями. Я обращаюсь к вам – собравшимся здесь мудрецам и старейшинам! Благословите меня, молитесь за меня, чтобы я мог очиститься от скверны, обретя Даршан Рамы! Министры! Прошу вас дать мне позволение пуститься в путь, чтобы найти Раму! Я раб своего Господина, я слуга Рамы! Для всех нас Он – единственный Повелитель!»

Никто из собравшихся на большом совете – ни министры, ни правители, подчиненные державе, ни вожди общин и предводители каст не посмели подать голос, чтобы возразить Бхарате. Они осознали всю глубину его раскаяния. Они поняли, что Бхарата безгрешен и чист сердцем и не желает быть связан цепями интриг, которыми пыталась сковать его мать, Кайкейи.

Вождь городских старейшин поднялся со своего места и сказал:

«Господин! Мы тоже пойдем с тобою. Так же, как и ты, мы страдаем от невыносимой тоски после разлуки с Рамой. Нас не заботит, что станет с нами после

того, как исполнится наше единственное желание – обрести Даршан Рамы». Он высказывал свою просьбу, выражая сокровенную мечту всех, кто собрался в зале.

Люди всем сердцем откликнулись на предложение вождя старейшин и повскакали со своих мест, умоляя Бхарату взять их с собою к Раме. Не прошло и нескольких минут, как новость разлетелась по всей столице, достигнув самых глухих и потаенных ее закоулков. Мужчины, женщины, дети – все жители города, молодые и старые, тут же начали собираться в дорогу! Кто осмелился бы их отговаривать? В огромной столице Айодхьи не нашлось ни одного такого жестокого и бессердечного человека, который бы пытался препятствовать собрату совершить паломничество к Даршану Рамы. Матери, Каушалья и Сумитра, тоже приготовились отправиться в путь вместе со своими служанками.

В это время Кайкейи, мучимая раскаянием и угрызениями совести из-за своих грехов и ошибок, отправила с посланием гонца к Каушалье. Она умоляла позволить ей сопровождать цариц. Она страстно молила Каушалью предоставить ей возможность просить прощения у Рамы и присоединиться к остальным в их попытках убедить Раму вернуться в Айодхью. Каушалья, чистая и безгрешная душой, не колебалась и доли секунды; ее ума не могла коснуться несправедливая мысль. Она тут же послала ответную весточку Кайкейи, где выражала свое полное согласие и одобрение.

Бхарате сообщили, что вся Айодхья собралась в дорогу! Он попросил министров оставить хотя бы несколько человек, которые охраняли бы столицу, не допуская ее погружения во мрак безысходности. Следуя его пожеланию, в городе, наряду со стариками и детьми, было оставлено несколько стражей. Задолго до восхода солнца перед каждым домом уже стояла телега или повозка, готовая принять ездовых и пуститься в дорогу с первыми утренними лучами. Все, что могло двигаться на колесах, было приспособлено и обновлено. За ночь были собраны и уложены запасы еды и питья для всей огромной людской массы. Мужчины и женщины Айодхьи, как птицы чакраваки, с нетерпением торопили наступление рассвета, чтобы побыстрее устремиться к возлюбленному Рама. Для жителей города это была ночь страстного ожидания; они трепетали от экстаза, предвкушая обретение святого Даршана.

Поднялась вся мощная царская армия, состоящая из четырех родов воинства: боевых колесниц, слонов, пехоты и конницы – и выстроилась в боевом порядке, готовая выступить в поход. Министр Сумантра дал указание браминам, знающим Веды, беспрерывно распевать во все время шествия особо благоприятные ведийские гимны; он попросил их также взять с собою все культовые атрибуты для свершения ритуалов поклонения Огню. Точно к назначенному часу, заранее вычисленному астрологами, к царскому дворцу была доставлена передовая колесница для Бхараты и Шатругны, а вслед за нею – дорожный паланкин царицы Каушальи. Бхарата дал знак, что все могут занимать предназначенные им места и трогаться в путь. Сам же он, велел вознице взнуздывать лошадей и ехать вперед, не взошел на колесницу; вместе с Шатругной, босой, он пошел с нею рядом.

Люди решили, что братья будут передвигаться таким образом лишь некоторое время, на небольшом расстоянии. Но вскоре выяснилось, что Бхарата не намерен пользоваться колесницей, какой бы долгий путь ему ни предстояло проделать. Каушалья не могла выносить этого зрелища; она вскричала: «Сын! Я не в силах смотреть, как ты идешь пешком! Прошу тебя, сядь в колесницу хотя бы ненадолго!» – на что Бхарата ответил ей: «Мать! Сделав это, я лишь утяжелою бремя своих грехов. Может ли сравниться такое крошечное неудобство с теми страданиями, которые испытывают Рама и Сита, пробираясь босиком по колючим зарослям джунглей? Для меня, их слуги, было бы верхом несправедности ехать по ровной дороге в колеснице, в то время как они ходят по лесу! Прости меня за то, что я не повинуюсь твоему приказу; позволь мне и дальше передвигаться пешком».

В это время царский наставник Васиштха, следовавший в своей колеснице вместе с супругой Арундати и издали наблюдавший эту сцену, велел остановить коней и

предложил Бхарате взойти на его колесницу хотя бы в качестве возничего. Но Бхарата был непреклонен. Он сказал:

«Я – слуга Рамы и могу управлять только Его колесницей. До тех пор, пока я не заслужу права быть Его возничим, я не взойду ни на какую колесницу и не притронусь ни к каким поводьям. Это мой клятвенный обет». Васиштха отказался от дальнейших уговоров; он был глубоко и искренне растроган той любовью и поклонением, которые проявлял Бхарата по отношению к Раме.

К вечеру первого дня пути они достигли берега реки Тамасы. Вечер следующего дня застал их на берегу реки Гоматхи. Тамаса – приток реки Горги, а река Гоматхи – приток Ганги. Сгущались сумерки, и было дано указание остановить колесницы. Для женщин, стариков и детей раскинули навесы. Министр Сумантра велел воинам раздать людям еду, соблюдая очередность и проявляя уважение к званию и положению. На протяжении всего путешествия его участники с радостью и величайшим тщанием выполняли возложенные на них обязанности. Каждый внимательно следил за тем, чтобы никто не испытывал неудобств и трудностей.

Продолжив путь с рассветом и проведя в дороге весь день, с наступлением темноты они достигли города Шрингиверапурам. Правитель Нишады заметил приближающуюся к городу огромную процессию и мощную армию,двигающуюся в боевом порядке. Он почувствовал сильное беспокойство, недоумевая, зачем Бхарата направляется в лес в сопровождении армии в полном составе. Какова цель его похода? Гуха попытался разрешить эту загадку. Он строил различные предположения о причинах невиданного действия, взвешивая все «за» и «против». Он рассуждал сам с собою: «Когда все дерево ядовито, то созревший на нем плод неизбежно будет ядовит». Придя к такому выводу, он сделал все возможное, чтобы расстроить планы Бхараты. Он приказал своим подчиненным утопить все лодки в глубинах Ганги, чтобы помешать принцу перебраться на другой берег. Он повелел своим воинам пустить в ход все средства для предотвращения переправы процессии через Гангу, даже если для этого придется пожертвовать жизнью.

После этого вождь Нишады, держа наготове лук и стрелы, встал впереди своего войска, полный решимости защищать возлюбленного Раму и, если понадобится, отдать ради него свою жизнь, несмотря на то, что огромная армия Бхараты во много раз превосходила его собственные силы.

Он призвал своих воинов и всех членов общины приготовиться к неминуемой схватке. Сам же он решил выступить навстречу Бхарате, чтобы точно выяснить, с какой целью тот пожаловал сюда – как враг, как друг или как проходящий мимо странник, соблюдающий нейтралитет, о намерениях которого не стоит беспокоиться. Принимая во внимание царственное происхождение Бхараты как принца правящей династии, Гуха подготовил богатые подношения, состоящие из цветов, фруктов, а также мяса и рыбы.

Он рассчитывал распознать таким образом подлинную сущность Бхараты, пронаблюдав, как тот отнесется к предложенным ему дарам.

Если он предпочтет плоды и корни, являющиеся саттвической пищей, значит, он пришел как друг. Мясо убитых животных – пища, соответствующая гуне Раджас; употребляющие ее люди «стоят на полпути» и, не будучи ни друзьями, ни противниками, занимают нейтральную позицию. Враг обнаружит себя по жадному стремлению вкусить рыбу, ибо в ней сосредоточены свойства гуны Тамас.

Захватив с собою дары, Гуха, вождь Нишады, последовал навстречу Бхарате. Однако с первых же шагов ему сопутствовали добрые знамения! Его взгляд упал на мудреца Васиштху. Гуха бросился вперед и пал к его ногам, назвав свое имя. Наставник сразу догадался, что перед ним – друг и почитатель Рамы; он благословил вождя и, подозревая в себе Бхарату, представил ему Гуху, как друга Рамы.

Как только Бхарата услышал эти слова, он заключил Гуху в нежные объятия и засыпал его вопросами о его здоровье и благополучии, а затем стал упрашивать Гуху

поведать о своей встрече с Рамой. Когда Гуха упомянул о том, что Рама провел ночь здесь, на берегу Ганги, Бхарата выразил страстное желание узнать обо всех подробностях этой ночи; его глаза и уши изнывали от жажды вкусить сладостный нектар повествования.

Правитель Нишады был преисполнен благоговения и почтения к Рама; он показал Бхарате маленький тростниковый шалаш, который он соорудил, чтобы Рама, Сита и Лакшмана смогли преклонить головы и немного отдохнуть; он пересказал свою ночную беседу с Лакшманой. Слушая Гуху, Бхарата и Шатругна не могли остановить поток слез, бегущий по их щекам; они не в силах были сдержать нахлынувшие волны скорби. Наблюдая за поведением братьев, Гуха убедился в том, что они испытывают к Рама искренние братские чувства и что в них нет и следа враждебности. Напротив, он был поражен их преданностью и глубиной самоотречения.

Бхарата внимательно осмотрел хижины, предназначенные для Рама, Ситы и Лакшманы на случай их появления; он выразил пожелание, чтобы следили с особым вниманием за их сохранностью. Следуя наставлениям Васишты, Бхарата совершил ритуальное омовение в реке Ганге. После этого он попросил Гуху показать ему место, где Рама провел ночь. Указывая на горстку сухой травы дарбха, разносимую ветром, Гуха сказал: «Здесь отдыхали Рама и Сита той ночью, на этом ложе из сухой травы». Бхарата и Шатругна простерлись ниц перед освященным местом. Бхарата жалобно простонал: «Увы! Мой Господин привык спать на мягкой шелковой постели, как же он мог уснуть на твердой земле! Увы! Как могла Сита, Божественная Мать, выдержать эти испытания?» Охваченный горем, Бхарата долго не мог отойти от священного ночлега.

Поднявшись на ноги, он попросил Гуху показать ему все места, которые удостоили своим посещением Рама, Сита и Лакшмана, превратив их в вечные святыни. Гуха отвел его к дереву Ашока, в тени которого все трое сидели некоторое время, вкушая скромное угощение из фруктов и кореньев. И здесь братья в благоговении простерлись на земле, зная, что эта земля благословенна.

Так Бхарата и Шатругна шли вслед за Гухой по следам Рама и Ситы, перемещаясь от одной святыни к другой и испытывая при этом невыразимые страдания. То смирение, почтение и преданность, которые они выказывали, глубоко растрогали правителя Нишады. Бхарата не мог сдержать своего отчаяния, когда представлял себе, с какими трудностями вынуждена мириться Сита – Сита, не кто иная, как сама Богиня Махалакшми, нежно любимая дочь царя Джанаки, невестка царя Дашаратхи, супруга Всемогущего Рама. Бхарата поведал Гухе о том, что жители Айодхьи не могли оставаться в столице после того, как Божественная Чета – Рама и Сита – покинули ее; им казалось, что Айодхья превратилась в глухие джунгли с тех пор, как лишилась Рама; он рассказал и о том, как тяжело ему было видеть людей страдающими и осиротевшими и понял, что отныне Айодхья там, где находится Рама. Поэтому, объяснял Бхарата, он отправился в путь вместе со своими близкими и всеми обитателями столицы в надежде удостоиться Божественного Присутствия Рама.

Теперь Гуха ясно представлял себе сложившуюся ситуацию и оставил все подозрения, которые зародились у него при виде Бхараты, шествующего во главе огромной вооруженной армии из четырех родов воинства – пехоты, конницы, боевых слонов и колесниц. Он открыл принцу свое сердце, умоляя простить его за те сомнения, которые сложились в его уме по поводу честности намерений Бхараты. Бхарата в ответ сказал Гухе, что его страх вполне обоснован, и он не совершил ничего дурного. Ибо истина заключается в том, что он и в самом деле злобный и порочный варвар! «Именно из-за меня Рама был вынужден удалиться в изгнание, – сказал он, – и за одно это преступление я заслуживаю смертного приговора; тот, кто убьет меня, не совершит греха». Бхарата застонал, продолжая безжалостно осыпать себя проклятиями. Видя его мучения, Гуха с удвоенной силой обратил к нему свои мольбы о прощении.

Весть о том, что Бхарата прибыл на берег Ганги, разлетелась по всему городу Шрингиверапуре, столице Нишады. Группы подданных Гухи поспешили к реке, чтобы

приветствовать брата Рама. Они любовались красотой и величественной осанкой обоих принцев; они восхваляли их от всего сердца и в почтении простирались у их ног. Упреки и обвинения сыпались в адрес царицы Кайкейи; люди порицали даже Бога Судьбы Брахму за проявленную жестокость; они превозносили Рама и пели ему хвалу на все лады. Жители города – мужчины, женщины, дети – в один голос умоляли Бхарату и Шатругну вернуть назад в Айодхью Рама, Ситу и Лакшману.

Бхарата был потрясен при виде всеобъемлющего горя, охватившего народ от разлуки с Рамой! По его лицу текли слезы. «Моя единственная цель – молить Рама о возвращении; будут ли услышаны мои мольбы, зависит только от Милости Рама. Я не более, чем раб; кто я такой чтобы принуждать к чему-либо Рама? Присоедините ваши молитвы к моей; просите от всего сердца, чтобы Рама вернулся в Айодхью. Я уверен, что его сердце смягчится при виде нашего горя. Умолять его – наш долг. Пусть ваши мольбы помогут мне преуспеть в моей задаче! Рама явился в этот мир, чтобы спасти его от зла, и он не сможет отвергнуть страстные людские молитвы». Бхарата успокаивал и утешал жителей Нишады и всех других, собравшихся вокруг, находя верные и доступные слова, соответствовавшие их нуждам и возможностям. Тем временем на землю опустилась ночная тьма, и Бхарата попросил вождя Нишады предложить своим подданным разойтись по домам. Братья отведали фруктов, принесенных Гухой, и провели бессонную ночь в беседах о Рама и Его немеркнущей славе.

Когда небо на востоке посветлело, возвещая о наступлении нового дня, Бхарата обратился к министру с просьбой разбудить спящих; вдвоем с Шатругной они искупались в священной Ганге; вскоре завершили свои омовения и царицы. Каждый уже был готов продолжать путешествие. По распоряжению Гухи за ночь были сооружены плоты и паромы для переправы через реку огромной массы людей, а также колесниц, лошадей и слонов, входящих в состав воинства, сопровождающего Бхарату. Переправа через Гангу была осуществлена быстро, слаженно и беспрепятственно. Убедившись в том, что вся процессия успешно перебралась на другой берег, Гуха, не мешкая, углубился в джунгли, указывая Бхарате верный путь. За Бхаратой следовала группа браминов и жрецов во главе с наставником Васиштхой, за ними колыхалось людское море жителей Айодхьи, и замыкали шествие вооруженные отряды армии. Продвигаясь вперед в таком порядке, во второй половине дня Бхарата приблизился к слиянию рек Ганги и Ямуны, священному Прайягу. Бхарата еще никогда в своей жизни не проделывал пешком столь долгий путь; его израненные ступни болели и пылали, словно в огне. Несмотря на это, он продолжал идти, преодолевая боль, с благодарностью принимая ее как воздаяние за муки, испытываемые Рамой. Он не замечал собственной боли, полностью сосредоточившись на том, какие тяжкие испытания приходится в этот момент преодолевать Рама.

Прайяг известен также как Тривени, ибо в нем сливаются воды трех священных рек – Ганги, Ямуны и Сарасвати, превращая его в тройную святыню. Они искупались в прославленном потоке, сотворив предписанные обряды. Монахи, отшельники, аскеты, мудрецы, обитающие вблизи Прайяга, были счастливы предоставленной им возможностью насладиться обликом Бхараты. Они переговаривались между собою: «О! Вокруг его головы сияет такая же аура, как у Рама! Кажется, что братья почти ничем не отличаются друг от друга!» Каждый, кто видел Бхарату, не мог отвести от него глаз, боясь упустить хоть одно мгновение восторга и радости.

Весть о прибытии братьев Рама в сопровождении царского воинства в полном составе, вместе с царицами и министрами, дошла до обитателей ашрама Бхарадваджи. Мудрец послал к Бхарате своих учеников с приглашением посетить его ашрам вместе со своими друзьями и близкими. Расценивая это предложение как приказ, Бхарата направился к ашраму. Братья простерлись перед главою монашеских общин. Бхарадваджа поднял их с колен за плечи и с теплотой и любовью прижал к груди. Он преподнес им прохладные освежающие напитки. От внимательного взгляда мудреца не укрылось то, что Бхарата сидит, низко опустив голову от стыда, в страхе перед тем, что его вина в изгнании

Рама будет неизбежно обнаружена после нескольких заданных ему вопросов. Бхарадвадже была известна причина его молчания и мучительного беспокойства. Он сказал: «Бхарата! Тебе нечего опасаться: я знаю обо всем, что случилось. Никто не может предугадать или изменить путь, предназначенный Судьбой. К чему терзать свою душу, вспоминая о желаниях Кайкеи? В том, что она сделала это, нет ни малейшей ее вины. Сама Божественная Воля побудила ее высказать именно такие желания. Я знаю, что Кайкеи любит Раму как свое собственное дыхание; поэтому причину, направившую ее мысль по такому руслу, следует искать не в области человеческих взаимоотношений, но только в осуществлении некоего Высшего Плана. Если судить Кайкеи по земным меркам, она безусловно окажется виновной в свершении зла. Если исходить из мудрых законов Вед, придется признать, что совершила ошибку сама Богиня Сарасвати, управляющая нашей речью! Знай – то, что случилось, не противоречит Воле Всевышнего.

Бхарата! Весь мир будет восторженно прославлять тебя, вознося в твою честь вечную хвалу! Благодаря тебе мудрость Вед воссияет обновленным светом, ибо такие как ты являются живым примером их святого учения, на деле демонстрируя его мощь и величие. Не сомневайся в себе! Одно то, что отец доверяет царство своему сыну, говорит о том, что сын заслуживает права управлять им. Тебе передал престол и корону ярый приверженец Истины – сам царь Дашаратха, наделенный великой душой, и наказал тебе действовать согласно Дхарме, предписанной монархам.

Изгнание Рама в лес повлекло за собою череду бедствий. Это событие повергло весь мир в пучину скорби. Теперь твоя мать отчаянно раскаивается в совершенном ею поступке; ты же как был, так и остался безгрешным и незапятнанным. Никакая скверна не коснется тебя, если ты станешь править царством как наследник престола. И поверь мне, Рама будет счастлив узнать, что бразды правления державой находятся в надежных руках.

Я должен сказать тебе, что миссия, которую ты несешь сейчас, чрезвычайно похвальна. Твоя цель в высшей степени высока и достойна! Ибо преданность Лотосным Стопам Рама – источник духовного богатства и всеобщего процветания. Я смело могу заявить тебе, что никто не сравнится с тобой в благородстве и добродетели. Ты младший брат Рама, горячо им любимый, и ты доказал, что заслуживаешь этой любви! На пути в лес Рама освятил своим присутствием мой ашрам. В тот вечер до глубокой ночи Рама говорил со мною исключительно о тебе и твоих достоинствах. Утром я сопровождал всех троих к Прайягу для совершения священных обрядов омовения, и даже во время купания они не переставали вспоминать о тебе! Рама был очень опечален, что не смог повидаться с тобой до того, как покинул Айодхью. Невозможно измерить любовь, которую Рама испытывает к тебе!

Кроме того, Рама всегда стремится утешить и защитить тех, кто ищет прибежища у его Ног. Весь мир для него – родная семья, все люди ему – родные братья и сестры! Я верю, что в твоём человеческом облике воплотилось не что иное, как «любовь и привязанность» Рама! И то, что тебе сейчас кажется грехом, пятнающим твое имя, для меня – великий урок, достойный пример, источник вдохновения. Бхарата! Ты не должен поддаваться унынию и грусти. Ты обладаешь сокровищем, исполняющим все желания. Зачем же жаловаться, что ты несчастен? Это неправильно! Даршан Ситы, Рама и Лакшманы – поистине та драгоценная жемчужина, узреть которую стремятся все жаждущие познать вершины духа. Мне выпало это счастье. Я любовался святым Даршаном. Я мог говорить с ними! Они были совсем рядом, и я мог дотронуться до них! Я удостоился радостной и почетной роли быть их «хозяином», принимать их «у себя»! И похоже, что Судьба продолжает проявлять благосклонность ко мне: она подарила мне и твой Даршан! Восторг переполняет мое сердце. Я чувствую, что на мне лежит Божья Благодать. Ради спасения праведников и аскетов, живущих в лесах, Рама удалился в изгнание, ради того, чтобы сбылись наши заветные мечты и укрепились наши Святыни! Теперь мы все под его благословением!»

Таковыми словами Бхарадваджа, великий мудрец, превозносил на все лады Бхарату, восхваляя его высокие достоинства и добродетели. Он продолжал свою речь, и по щекам почтенного старца текли слезы. Мысли Бхараты и Шатругны были сосредоточены только на Раме и на его неиссякающей Преме. Они чувствовали, что им выпало невиданное счастье – быть его братьями, но к их радости мгновенно примешивалась горечь при мысли о том, что они разлучены с этим живым Воплощением Любви. И вновь их сердца сжались от мучительной боли, и они погрузились в безысходное отчаяние и скорбь. Бхарата пал в ноги святому и сказал дрожащим от горя голосом: «Учитель! Тебе известно прошлое, настоящее и будущее. Все, что ты говоришь – истинная правда. Ты познал Высшую Мудрость. В твоём присутствии можно говорить только правду. Рама знакомы все пути человеческой мысли, и он знает о причинах охватившей людские умы тревоги. Я не скорблю больше о том зле, что совершила моя мать. Я не боюсь, что люди сурово осудят меня как виновника разразившейся трагедии. Я не стану отчаиваться, даже если узнаю, что не заслужил места на Небесах.

Мой отец завоевал всеобщую известность; он уже мертв, но слава о нем продолжает греметь по всему свету. Он испустил свой последний слабый вздох, когда его возлюбленный Рама вместе с Лакшманой и Ситой покинул его. Он не смог вынести этого страшного удара. Он ушел на Небеса и сейчас бессмысленно оплакивать его. Но Сита, Рама и Лакшмана бродят по лесу босые, облаченные в грубые платья отшельников; они сидят на подстилках из травы куша; они укрываются в шалашах из соломы и листьев; солнце нещадно палит их кожу, дождь проливается прямо на их головы; им нечем укрыться, и они дрожат от холода. Живя в лесу, они вынуждены переносить страдания, которые даже трудно вообразить! Все это так, не правда ли? А теперь скажи мне, разве не я – единственная причина всех бедствий? Эта печальная истина терзает меня и днем и ночью, не давая ни минуты покоя. Мой желудок отказывается принимать пищу; сон не приходит ко мне, не желает смежить мои веки. Мысль о порочном уме моей матери, как острый кинжал, вновь и вновь вонзается в мое сердце. Коварные сети, сплетенные ею в мечтах о моем водворении на престоле, обернулись ловушкой, в которой мне суждено погибнуть. Боль, грызущая меня изнутри, не утихнет, несмотря на все старания. Ничто не может исцелить ее. Она пройдет только тогда, когда Рама вернется в Айодхью. Нет никакого другого лекарства, способного избавить меня от мук».

Собравшиеся вокруг монахи с радостью и восхищением внимали словам принца. Бхарадваджа сказал ему: «Сын! Не горюй так сильно! Я уверен, что в тот момент, когда твой взгляд упадет на Лotosные Стопы Рама, бремя скорби, терзающей тебя, рассеется и исчезнет». Аскеты всеми доступными способами принялись утешать и успокаивать Бхарату. Бхарадваджа тем временем кликнул одного из учеников и велел ему принести кореньев, овощей и фруктов, чтобы преподнести их Бхарате и Шатругне. Он также приказал юношам позаботиться о том, чтобы было приготовлено достаточно еды для министров, придворных и слуг, а также для остальных жителей Айодхьи – для всех тех, кто безропотно сносил тяготы пути, гонимый единым стремлением – обрести Даршан

Рама, для тех, чьи сердца изнывали от горя разлуки с возлюбленным Владыкой.

Ученик безупречно справился со своей задачей, и вскоре обильное угощение было с почтением предложено всем гостям, посетившим ашрам. Принцев – Бхарату и Шатругну, министров и придворных, пандитов и браминов приветствовали столь торжественно, будто наступил великий праздник. Разнообразные яства и атрибуты, необходимые для церемонии, появлялись в избытке, как по волшебству, созданные при помощи таинственной магической силы аскетов. Великолепие двух сияющих тронов, предназначенных для Бхараты и Шатругны, не поддавалось никакому описанию. Бхарата был ошеломлен.

Однако, не только братья, но и все остальные жители Айодхьи, приглашенные в ашрам, смотрели на эту роскошь и изобилие как на пустое излишество! Они не привлекали их и не приносили ни малейшей радости! Курящиеся благовония, пышные

букеты ароматных цветов, сочные фрукты и соблазнительные кушанья вызывали у них только ужас и недоумение.

Когда все было готово, мудрец пригласил гостей в особый зал для торжеств, где должно было состояться пиршество. Изысканное убранство являло собою шедевр красоты. Царскому наставнику и его супруге было предложено занять специальные высокие сиденья. В зале появились и царицы, укутанные шальями и охраняемые множеством слуг, и хотя их сердца томилась от тоски, они подчинились воле мудреца. В это время ясноликие ученики Бхарадваджи внесли в зал Бхарату и Шатругну со всеми почестями и церемониями, принятыми уставом знаменитой обители. Юные аскеты стояли по обе стороны прохода, обмахивая принцев опахалами из хвостов яков и нараспев читая священные гимны. Братьев пронесли в паланкинах к двум величественным тронам, но как только принцы оказались рядом с ними, оба пали ниц и низко склонили головы к полу, застыв в позах почтительного повиновения. Затем они взяли опахала из рук молодых послушников и, став по обе стороны Львиных тронов, принялись обмахивать пустые сиденья! Они поклонялись тронам в благоговении, вместо того чтобы сесть на них! Все присутствующие были потрясены этим проявлением смирения и покорности по отношению к пустующим царским тронам.

Мудрец, тем не менее, предложил братьям взойти на возвышение, но Бхарата и Шатругна, пав к его ногам, взмолились: «Учитель! Эти троны принадлежат не нам, а Сите и Рама. Мы не имеем права сидеть на них. Под сводами твоей священной обители только двое – Богиня Лакшми и Нараяна достойны того, чтобы занять места на Львиных тронах. Мы лишь их слуги. Позволь же нам послужить им!» Услышав это, монахи и все собравшиеся в зале затрепетали от радостного одобрения. Они прославляли преданность и глубокое почтение братьев по отношению к Рама. Слезы восторга хлынули из их глаз. Аскеты были поражены стойкостью их веры.

Братья поднесли к тронам блюда с тончайшими кушаньями, предложенными гостям, вызывая в своем сознании пленительные образы Ситы и Рамы, сидящих на этих тронах; через некоторое время они взяли по маленькой горсточке жертвенного угощения и, благоговейно приложив его к своим векам, отведали освященной пищи. Брамины, старейшины, министры, слуги – все жители Айодхьи умоляли Бхарадваджу простить их за то, что они не могут принять участие в трапезе, ибо, преисполненные скорби от разлуки с Рамой, не получают удовольствия от пищи. Они вынуждены отказаться от угощения, поскольку чувствуют, что ничего, кроме Даршана Рамы, не принесет им радости и удовлетворения. Это тот изысканный пир, попасть на который они так стремятся. Они говорили, что погружены во мрак отчаяния, столь неизмеримый, сколь неизмеримо высокое гостеприимство, оказанное им мудрецом. Они сказали, что так одержимы нетерпением увидеть Раму, что не могут и помышлять о еде. Мудрецу ничего не оставалось, как уступить их желанию; он не хотел насильно принуждать их участвовать в пиршестве.

С первыми чуть заметными признаками рассвета каждый был готов продолжать путь по лесу. Они простерлись перед мудрецом, чтобы получить его благословение и позволение покинуть ашрам. Впереди всех шли послушники монастыря, указывающие дорогу, прямо за ними следовали колесницы и паланкины. Бхарата шел позади, держа руку на плече вождя Нишады, Гухи. Он выглядел как само олицетворение братской любви и преданности. На нем не было обуви, и ничто не защищало его ступни от острых камней и колючек. Никто не держал над его головой балдахин, спасающий от палящего зноя. Он не позволил слугам нести его, так же как отказался от предлагаемых ему сандалий. Однако, казалось, сама Земля проявляет благосклонность к нему, становясь мягкой и нежной там, где ступает его нога. Ласковый ветер овеивал его прохладными дуновениями, стремясь облегчить его путь. Солнце скрылось за тучей, пряча от Бхараты свои жаркие лучи.

В наступающих сумерках процессия приблизилась к берегу реки Ямуны. Многие видели, как за ночные часы несметное количество лодок и плотов причалило к берегу. Как только наступил рассвет, вся огромная масса людей была одновременно переправлена на другой берег! После купания они продолжили путь, не забыв склониться перед священной рекой в почтительных и благодарных поклонах.

Бхарата и Шатругна, сняв наряды, теперь пробирались по лесу в скромных одеждах лесных отшельников. Вместе с ними, лелея в своих сердцах образы Ситы и Рамы, шли друзья и близкие принцев, а также министры со своими помощниками и приближенными. Жители окрестных деревень, мимо которых они проходили, замирали от страха и изумления при виде странного зрелища – несметных толп, продвигающихся по лесу. Заметив двух братьев, женщины, идущие к реке за водой, застывали как вкопанные, не смея моргнуть глазом. Они гадали, кто это такие, и в конце концов пришли к выводу, что те же самые братья – Рама и Лакшмана вновь идут тем же путем, только на этот раз без Ситы, но в сопровождении вооруженной армии: боевых колесниц, слонов, лошадей и отрядов пеших воинов. Женщины недоумевали – куда же подевалась Сита? Они жадно искали ее глазами, надеясь найти среди необъятного людского моря, но, разочарованные, тревожно и печально перешептывались.

«В тот день, когда мы увидели Раму и Лакшману, братья сияли великолепием своей молодости, неотразимого обаяния, ума и добродетели. У этих же двоих лица словно затуманены облаком грусти – значит, перед нами кто-то другой, а вовсе не Рама и Лакшмана», – так рассуждала одна из женщин. Их разговор, услышанный одним из осведомителей, состоящих при свите царя, был передан Бхарате.

Тем временем до женщин дошел слух, что двое юношей – братья Рамы, и они направляются к Рамае, чтобы обрести его Даршан. Одна из женщин, будучи недалекой по своей природе, пришла в ярость. Она воскликнула: «Посмотрите на эту особу! Отец доверил ему править царством вместо Рамае, а он шествует во главе огромной вооруженной армии, якобы с намерением получить Даршан Рамае! Или он совсем потерял совесть?»

Однако другая деревенская женщина перебила ее. Она сказала:

«Сестра, не говори так! Дети, рожденные из чресел царя Дашаратхи, не могут быть жестокосердны. Скорее всего он идет к Рамае вместе с многочисленными отрядами царской армии для того, чтобы с мольбой пасть к Его ногам и уговорить вернуться в Айодхью, а затем доставить в столицу со всеми царскими почестями».

Третья женщина присоединилась к такому истолкованию происходящего. Она сказала: «Да, да. Кто может знать все потаенные убежища на земле, где прячется та или другая змея? Никто не может проникнуть в душу и помыслы другого. Как мы можем судить о мотивах и чувствах, побуждающих людей к действию? Как знать – возможно, они высоки и благородны. Но Рама – стойкий приверженец Истины. Кто бы ни взывал к нему, умоляя вернуться, он не появится в Айодхье раньше, чем через четырнадцать лет, пока полностью не истечет срок его изгнания. Таково мое глубокое убеждение», – такими словами выражала она свои возвышенные чувства.

Царские осведомители в точности передавали беседы деревенских женщин своему господину Бхарате, а также Шатругне. Братья были рады и приятно удивлены, что эти простые бесхитростные женщины, жительницы отдаленных глухих деревень, так искренне и глубоко осознали величие Рамае. Они продолжали идти вперед под звуки восторженных реплик толпы о добродетелях Рамае, а также о своем собственном смирении и братской преданности. Ни на одно мгновение они не переставали думать о Рамае.

На своем пути они все чаще встречали браминов, аскетов, монахов, отшельников и других божьих людей. Братья с радостью отмечали, что все обитатели леса поглощены одной приятной заботой – превозносить Раму и его неземные достоинства. При встрече со странниками Бхарата низко склонялся перед ними и спрашивал, откуда они держат путь.

Он с трепетом ожидал их ответа, пребывая в страстном нетерпении, наблюдая, как святые подвижники пытаются сдерживать переполняющие их волны блаженства и совладать со своим голосом, чтобы произнести, наконец, заветные слова. Когда они говорили, что совершали паломничество к Даршану Ситы, Рама и Лакшманы, оба брата падали на землю, простираясь у их ног, а подымаясь, проливали потоки радостных слез.

Они восклицали: «О, какое счастье выпало на вашу долю! Скажите нам, скажите скорее, далеко ли они? Где нам их найти?»

Братья интересовались также здоровьем и благополучием лесных отшельников. Узнав от них, что им придется преодолеть еще некоторый путь, они решили устроить ночлег в том месте, где их застала ночь.

Когда рассвело, они обнаружили, что находятся совсем недалеко от горы Читракута и, горя нетерпением увидеть Раму, Лакшману и Ситу, Божественную Мать, устремились вперед с удвоенной скоростью. Около полудня до их слуха донеслось ласковое журчание реки Мандакини, и пик Читракута внезапно открылся их взору во всей своей красе.

В тот момент, когда жители Айодхьи и оба брата ясно увидели перед собой гору, все они простерлись на земле в благоговейном поклоне. Поднявшись, они ощутили невиданный прилив бодрости и поспешили вперед. Даже самые слабые и измученные, отчаявшиеся преодолеть остаток пути, вдруг обрели второе дыхание, обнаружив недюжинный запас энергии. Они бежали, не замечая усталости, не чуя под собой ног. Босые слуги, несущие паланкины, чьи израненные ступни пылали и кровоточили, бросились вперед, выкрикивая: «Джей! Джей! Рама! Рама!», и от этих возгласов по их телу разливались потоки свежих сил.

В эту ночь, задолго до наступления рассвета, Рама внезапно проснулся. Он поделился с Ситой, что в последнее время образ отца все чаще и чаще всплывает в его сознании. На это Сита ответила ему:

«Господин! Ты знаешь о том, что меня давно не посещают сновидения; но этой ночью я видела удивительный сон! Я даже не могу сказать с уверенностью, было ли это сном или явью! Мне снились Бхарата и Шатругна, бледные и слабые, обессиленные от разлуки с тобою; мне снилось, что они, найдя невозможным оставаться в столице, в которой нет тебя, ни единой минуты, идут сюда, к нам, не только со всеми жителями Айодхьи, но и царицами Каушалей, Сумитрой и Кайкейи». Глаза Ситы наполнились слезами, когда она описывала Рама свое ночное видение.

Рама окликнул Лакшману и сказал ему: «Брат, ты слышал, что рассказала мне Сита? Все это не предвещает добрых вестей, ибо Сите явились во сне все, кроме отца; я же видел только его одного, в полном одиночестве, безо всякой связи со всеми остальными. Это беспокоит меня, как верный знак беды. Вставайте! Нам лучше всего немедленно совершить омовение в реке!» И все трое, тотчас поднявшись, поспешили к берегу Мандакини.

Внезапно небо потемнело от взметнувшейся из зарослей джунглей стаи птиц; с севера напозало огромное густое облако пыли; из леса, обезумев от ужаса, выбегали дикие звери и неслись в панике, не разбирая дороги. При виде этих необыкновенных явлений Лакшмана взобрался на высокое дерево, чтобы выяснить, что происходит.

Он увидел надвигающуюся на них огромную армию в полном составе из пехоты, конницы, боевых слонов и колесниц и понял, что во главе армии стоит царь. Он тотчас же описал Рама открывшуюся ему картину. Рама воскликнул, что это сон Ситы, обернувшийся явью! Он решил, что всем троим нужно, как можно быстрее, возвратиться в Парнашалу – их соломенную хижину.

Тем временем бхилы, кираты и представители других племен, обитающие в джунглях, мчались к жилищу Рама, чтобы предупредить его о приближении огромного воинства, выступающего в боевом порядке, и о том, что над царской колесницей его вождя развевается знамя с изображением священного дерева баньян. Теперь Сита, Рама и Лакшмана были полностью уверены в том, что к ним пожаловал не кто иной, как Бхарата.

У них не было в этом никаких сомнений. В тот же миг Лакшмана затрясся в приступе ярости. Он негодовал, зачем было снаряжать в поход целую армию, совершая паломничество к святому Даршану Рама. Не иначе, как эта подлая женщина, его мать, навела Бхарату на эту мысль и, похоже, он внял ее гнусному совету и собирается теперь напасть на одинокого безоружного Раму, захватив его в лесном убежище, чтобы быть уверенным в том, что он не вернется в Айодхью и не отнимет бразды правления. Такие страшные подозрения мучили Лакшману. Он был пожираем пламенем гнева, бушующим внутри него. Его глаза превратились в горящие угли. Его слова звучали резко и беспощадно, как удары острых кинжалов. Рама, увидев, что брат преобразился на глазах, сказал ему: «Лакшмана! Будь терпелив! Успокойся, умерь свое возбуждение. Бхарата стоек в своей добродетели. Его любовь неизмерима. Блеском своей красоты он озаряет весь царский род Икшваку, сияя, как цветущий лотос на поверхности озера. Не позволяй себе возводить напрасную клевету на это чистое, безгрешное и святое создание». Рама удалось унять возмущение Лакшманы, разъяснив ему истинную природу помыслов и поступков Бхараты. Вскоре они получили весточку и от самого Бхараты, принесенную одним из лесных жителей, подтверждающую, что он, его брат Шатругна и все те, кто их сопровождает, пришли сюда в надежде обрести Даршан Рама. Рама был рад услышать эту добрую весть. Как глубокие озера поздней осенью, его лотосные глаза наполнились влагой.

Все эти события происходили в то время, когда Рама, Сита и Лакшмана поспешно возвращались в свою хижину после наскоро совершенных омовений. Бхарата заметил их в тот момент, когда они были уже на пороге своего тростникового жилища. Боль пронзила его; вне себя от отчаяния, он горестно вскричал: «Рама!» – и, упав к ногам брата, разразился громкими рыданиями. Лакшмана увидел, какие страдания испытывает Бхарата от разлуки с ними; он понял, насколько был неправ в оценке его намерений! Он ощутил мучительные угрызания совести; от стыда и скорби он низко склонил голову и горько заплакал, присоединившись к Бхарате и Шатругне.

Рама поднял с колен всех троих братьев и принялся успокаивать их, пытаясь облегчить их горе. Пока братья стояли, обнявшись, к хижине приблизились царицы – Каушалья, Сумитра и Кайкейи, министры, царский наставник Васиштха, пандиты, старейшины и предводители воинства. Когда они увидели Раму, их сердца затрепетали от радости, смешанной с великой скорбью. Острая боль, охватившая их при виде Рама в грубых одеждах отшельника у порога маленькой низкой хижины, затмила и пересилила радость, вспыхнувшую было в их сердцах при взгляде на возлюбленного принца. Они стенали и плакали, проливая слезы горя и благодарности. Крик: «Рама! Рама!» исторгся из глубин их израненных сердец. Эхом прогремев в небесах, он был слышен далеко вокруг.

Рама говорил им нежные и ласковые слова, призывая их сдерживать свои чувства; затем он устремился навстречу матерям, потрясенный их несчастным и удрученным видом. Он сразу понял, какое бедствие обрушилось на них, но быстро пришел в себя, восстановив внутренний покой и равновесие. Он подозвал к себе Лакшману и рассказал ему о случившемся. Он чувствовал, что Лакшмане необходимо знать все подробности происшедшей беды, поэтому он обратился к Сумантре, верному царскому министру, с просьбой поведать обо всем брату и прояснить ситуацию, сложившуюся в Айодхье после их ухода. Услышав это, Сумантра упал на землю, не в силах справиться с горем. Пытаясь подняться, он простонал, рыдая и всхлипывая: «Лакшмана! О, где теперь наш Дашаратха! Он не смог пережить разлуку с Рамой, Ситой и тобою и обратился во прах, сгорев в пламени тоски и скорби. Айодхья превратилась в дикие джунгли. Куда ни падает взгляд, повсюду одно лишь горе; единственные звуки, которые можно услышать – жалобные рыдания и стоны. Не только люди – животные и птицы расставались с жизнью после того, как вы покинули город. Те, кто еще дышат, живут одной надеждой на ваше возвращение». Услышав эти признания Сумантры, Лакшмана застыл, как каменный истукан, не в силах вымолвить ни слова.

Ничего не ответив Сумантре, он подошел к Раме и проговорил, запинаясь: «Я не мог вообразить даже в самом страшном сне, что разразятся такие невиданные бедствия. Нас не было рядом с отцом в последние минуты его жизни». Рама утешал его, говоря, что бессмысленно оплакивать то, что безвозвратно ушло в прошлое: «Физические тела так же временны и недолговечны, как пена на волнах океана; пузырьки лопаются и сливаются с водой; так и тело неизбежно исчезнет – не сегодня, так завтра». Он напоминал Лакшмане о вечных законах и непреходящих нравственных истинах, пока, наконец, оба брата не направились к реке для совершения ритуалов, предписанных Ведами при известии о смерти отца или другого родственника.

В это время Сита приблизилась к царицам и коснулась их ног. Она пала ниц перед супругой царского наставника. Она тепло приветствовала жительниц Айодхьи и несколькими добрыми и заботливыми фразами избавила их от неловкости и напряжения, в которых они пребывали. Увидев Ситу, царицы тяжело застонали. Не могли сдержать слез и рыданий и женщины, пришедшие из Айодхьи; глядя на свою прелестную юную принцессу, облаченную в грубое платье отшельницы, они почувствовали, что их сердца разрываются от горя. Узнав о том, что царь Дашаратха покинул свое тело, Сита, вновь и вновь обнимая ноги матерей, восклицала: «Увы! Какая горькая доля выпала нам! Царь распрощался с жизнью оттого, что не вынес разлуки с нами!» Сита чувствовала, что известие о смерти Дашаратхи поразило ее сердце, как удар грома. Вместе с царицами она долго оплакивала судьбу, принесшую тяжкую утрату. В этот день никто не притрагивался ни к воде, ни к пище. Весь день и всю ночь люди предавались скорби.

Когда возшло солнце, Васиштха велел Раме совершить поминальные обряды, связанные с кончиной отца. Церемонии были проведены в строгом соответствии с предписаниями Шастр. Сокровенную Мантру, освящающую воду: «Пусть Божественные струи Ганги, Ямуны, Годавари, Сарасвати, Нармады, Синдху и Ковери сольются в этом кувшине и освятят воду, находящуюся внутри», – произносил сам Рама, благословив тем самым весь священный обряд, сделав его заведомо плодотворным.

После окончания всех церемоний наставник Васиштха, министры, царицы, жители Айодхьи провели вместе с Рамой, Лакшманой и Ситой два дня. К вечеру второго дня Рама подошел к наставнику и сказал:

«Учитель! Все эти люди, все горожане и придворные страдают от неудобств и лишений, пьют одну лишь воду и живут на скудной пище из стеблей и кореньев. Глядя на матерей, на Бхарату и Шатругну, я ощущаю каждое мгновение как целое столетие. Лучше всего вам всем вернуться в город. Царь ушел на Небеса; покинув столицу, вы теряете здесь драгоценное время; ты знаешь, что мне не подобает вторично настаивать на необходимости вашего ухода; поэтому, прошу тебя, действуй сам – так, как ты сочтешь нужным и полезным». С этими словами Рама склонился к ногам Васиштхи.

Васиштха ответил: «Рама! Зачем ты говоришь так? Или ты не понимаешь, как счастливы и довольны эти люди, как благодарны они судьбе за то, что могут наслаждаться твоим очарованием?»

Когда горожане услышали о том, что Рама предлагает им вернуться назад, в столицу, они заметались в страхе и отчаянии, словно лодки, попавшие в бурю посреди открытого океана. Однако когда они убедились, что от имени всего народа к Милости Рама взывает сам мудрец Васиштха, буря улеглась, и они вновь отдались безмятежному течению, плывя как парусники, подгоняемые ласковым попутным ветром. Их умы упорно отвергали мысль о возвращении; они не хотели отказываться от счастливой возможности трижды в день окунаться в священные воды Мандакини, вкушать простую, но сладостную пищу из фруктов и плодов, добытых в лесу их собственными руками, а главное – услаждать свой взор образами Рама, Ситы и Лакшманы, а свой слух – изысканными и поучительными речами Рама.

Сита была полностью поглощена заботами о царицах-матерях, предугадывая каждое их желание и всегда готовая услужить им. Она утешала и успокаивала их, она

рассказывала им, как она счастлива, проводя свои дни в лесу, ни в чем не нуждаясь, заставляя матерей изумляться ее мужеству и выносливости. Их радовала мысль, что она может быть так счастлива, находясь в столь суровых условиях. Им становилось легче справляться со своей собственной печалью, видя, как Сита стойко переносит невзгоды.

Ночью Бхарата ни на мгновение не сомкнул глаз, так же как днем не притронулся к пище. В то время как все остальные были счастливы, любуясь Ликом Рама, Бхарата и Шатругна, глядя на это лицо, изнывали и чахли от тоски. Они больше не могли выносить таких мучений и направились к наставнику Васиштхе. Братья пали к его ногам и взмолились, чтобы тот попытался настоять на возвращении Рама в Айодхью. Они страстно упрашивали мудреца вступить за них, всеми возможными способами выражая свое отчаяние. Наставник, как никто другой, прекрасно знал, как велика вера Рама в высокие идеалы, как безошибочно его чувство правды, как непоколебимо его стремление следовать воле отца. Но он был так тронут горем Бхараты, что решил сделать все от него зависящее, чтобы уговорить Раму вернуться.

Васиштха призвал к себе Раму и сказал: «Рама! Прислушайся к мольбам Бхараты. Поступи согласно желаниям добрых людей, интересам народа, согласно принципам государственной этики и указаниям Вед». Рама понял, что не что иное, как глубокая привязанность и сочувствие к Бхарате побудили наставника произнести такие слова; он знал, что Бхарата никогда не отступит от пути праведности, что он всем сердцем стремится подчиниться его воле и следовать ей в слове, мысли и действии; что он всегда будет идти по его стопам и приложит все усилия, чтобы он процветал и благоденствовал. Рама был счастлив сознавать это. Поэтому в ответ на предложение наставника своим мягким и сладостным голосом он произнес несколько фраз, полных скрытого смысла: «Учитель! Тебя я призываю в свидетели и Ногами моего Отца клянусь в правдивости моих слов. Позволь же сказать тебе следующее:

«Никто так не дорог мне, как мой брат Лакшмана. Никто в этом мире не любит так сильно своего брата, как я люблю Бхарату; поистине счастлив тот, кто всю жизнь благоговейно припадает к ногам своего наставника; ты полон любви и сострадания к Бхарате, и это его великое благо и сокровище. Он мой младший брат, и мне не следует превозносить его достоинства в его присутствии. Я считаю, что Бхарата должен сам высказать свое мнение». После этих слов Рама поклонился наставнику и сел на свое место.

Васиштха повернулся к Бхарате, ибо знал, что не может сам ответить Рама. Он понимал, что теперь Бхарата должен выступить в роли «наставника». Он сказал ему: «Оставь свою нерешительность и свои сомнения; Рама – твой старший брат и глубина его сострадания неизмерима. Раскрой ему свое сердце, поведай ему обо всем, что накопилось в твоей душе». Услышав эти слова Васиштхи, Бхарата почувствовал, что мудрецу уже известны намерения Рама; ему показалось, что оба настроены к нему благосклонно и готовы исполнить его желание. Он обрадовался и немного приободрился.

Бхарата неподвижно стоял перед ними. Слезы текли из его покрасневших глаз, сияющих, словно лепестки лотоса. «Досточтимый мудрец уже сказал Рама то, что нужно было сказать. Что же остается мне добавить к просьбе, которую он выразил от моего имени? Я хорошо знаю характер моего Рама. Он не держит зла даже на тех, кто поступает дурно. Его любовь ко мне неизмерима, я не стану этого отрицать. Чувство стыда сковывает мои уста, когда я стою перед ним. Но моя любовь столь велика, что я наслаждаюсь уже тем, что могу смотреть на него и не в силах насмотреться; мои глаза стремятся к нему, сколько бы я ни любовался им. Видимо, Бог был разгневан моей любовью к Рама; он не смог стерпеть, что брат боготворит брата. Он наслал на нас это бедствие, используя мою мать как орудие для осуществления своего Плана. Я знаю, что эти слова не делают мне чести и не прибавляют уважения. Сваливая всю вину на собственную мать, я не докажу свою невиновность и свое превосходство. Если кто-то объявляет себя невиновным, разве снимают эти слова с него бремя греха? Я не считаю

возможным сделать такое признание, ибо сомневаюсь, что моя мать настолько безвольна и что я сам достаточно хорош и умен. Я отнюдь не уверен в этом. Рождаются ли жемчужины в раковинах улиток, кишаших в стоячих прудах? Зачем винить других в своих горестях и бедах? Мое несчастье необъятно, как океан. Я знаю, что все эти трагедии – расплата за накопившиеся грехи. Я пытался найти выход из этого отчаянного положения, я повсюду искал пути спасения. Теперь я понял, что есть только один выход, единственный, и никакой другой. Мой духовный наставник – великий мудрец Васиштха; мои полновластные повелители – Рама и Сита. Поэтому я уверен, что со мной не произойдет ничего дурного. Господин! Я не хочу ничего другого! Рама! Исполни лишь одно желание твоего преданного слуги! Рама, Лакшмана, Бхарата и Шатругна – все мы – дети царя Дашаратхи, рожденные из его чресел. Поэтому все четверо в равной степени обязаны подчиняться приказам отца. Наш отец всех своих сыновей любил одинаково. Не существует таких правил и ограничений, предписывающих подчиняться воле отца только одному сыну – тому или другому. До сих пор ты один нес на себе бремя ответственности и сыновнего долга. Теперь наша очередь сменить тебя в твоём изгнании; Сита, Рама и Лакшмана должны вернуться в Айодхью, а мы останемся здесь, в лесу и пробудем в изгнании до тех пор, пока не истечет положенный срок. Будь милостив, ниспошли нам этот дар и благослови нас». Произнеся это, Бхарата упал к ногам Рамы.

Слушая мольбу Бхараты, Васиштха проливал слезы радости. Но Раму ничуть не тронули доводы брата. Он сказал: «Бхарата! Я не считаю, что твои умозаключения вески и обоснованны, как бы тебе этого ни хотелось. Было бы неправильным поступить так, как ты предлагаешь. Проси меня о чем-нибудь другом». Бхарата ответил: «В таком случае, брат, позволь нам вместе с Шатругной остаться здесь с тобой и служить тебе, как это делал до сих пор Лакшмана. Такая святая жизнь для нас – предел мечтаний». И даже эту просьбу Бхараты отверг Рама. Он сказал:

«Бхарата! Как для меня, так и для тебя, воля отца – непреложный закон; мы должны в смирении преклонить перед нею свои головы и выполнять ее безропотно и беспрекословно. Самый благоприятный путь для нас: мне – исполнять то, что предписано мне, а тебе – то, что предназначено именно тебе. Давай не будем попусту тратить драгоценное время в этих бессмысленных разговорах и ввергать в еще большее отчаяние людей, пришедших сюда издалека, лелея заведомо бесплодную надежду. Возвращайся в Айодхью, которую они с радостью были готовы! доверить тебе, и правь мудро и справедливо. Я же останусь здесь, выполняя порученную мне миссию, и буду охранять и беречь лесное царство, доверенное мне, не отступая от законов праведности». Ни Бхарата, ни кто-либо другой из присутствующих не нашел достаточно убедительных доводов, чтобы возразить на это решительное заявление Рамы. Они вынуждены были согласиться, что этот путь – самый правильный.

Бхарата был вне себя от горя. Он тоскливо вскричал: «Кого еще, как не меня, мог повергнуть Бог в такую невыносимую муку, меня, кому выпало быть сыном женщины, посчитавшей Раму, Ситу и Лакшману своими врагами? Да, Брат! Я слышал, что ты шел к лесу босиком, и ничто не защищало твои Ноги от камней и колючих шипов. Известие об этом пронзило мое сердце, как острые пики; несмотря на это, я продолжаю жить! Во мне причина всех бедствий, но как великий грешник, я все еще жив; иначе я давно бы уже распрощался с этим телом. Дыхание упорно теплится в нем даже после того, как Гуха заподозрил меня в предательстве и приготовился дать мне отпор в сражении, став во главе своего войска! Увы! Мое сердце тверже алмаза – вот отчего оно до сих пор не разбито, несмотря на страшные удары судьбы.

Я спокойно наблюдаю со стороны трагедию, разразившуюся по моей вине; судьба так немилосердна ко мне, что я способен выдерживать бремя такой великой скорби. Смертельная отравка, кипящая в сердце моей матери, заставит всех змей и скорпионов со стыдом отречься от пальмы первенства! Разве может позволить Бог мне, сыну такой матери, избежать последствий порочного бремени?» Бхарата предался такому

беспощадному самобичеванию, что горожане, царицы, мудрецы и все прочие свидетели его горя, его покаяния, его смирения, его преданности и братской любви были поражены в самое сердце, словно бутоны лотоса, внезапно брошенные на лед. Чтобы спасти Бхарату от тоски и уныния, они напоминали ему разнообразные эпизоды из Пуран.

Затем к Бхарате обратился Рама. Он сказал: «Брат! Почему ты позволяешь отчаянию завладеть собой? Твоя скорбь напрасна. Нельзя избежать того, что суждено. Повсюду, во все времена тебе будут поклоняться благочестивые люди и праведники. Жалкая и несчастливая участь, как на земле, так и в других мирах, ожидает лишь тех, кто отвернется от тебя, приписывая тебе неблагоприятные и низкие качества. Ты обвиняешь собственную мать? Но такое преступление может быть совершено лишь теми неудачниками, кто не воспитывался в обществе достойных и добродетельных, кто не припадал к ногам мудрого наставника. Бхарата! Твое имя люди запомнят навеки и, вызывая его в своей памяти, смогут избавиться от всех своих грехов с помощью могучей силы, скрытой в нем! Ты обретишь добрую славу и известность в этом мире и вкусишь блаженство на Небесах. Твое царствование и твои идеалы будут оплотом и защитой всему человечеству! Бхарата! Невозможно подавить или спрятать живущие в сердце любовь или ненависть. Как ни стараться держать их в темнице, они неизбежно проявят себя и вырвутся наружу. Я хорошо знаю твою природу. Ради торжества Истины отец отпустил меня сюда и не в силах вынести разлуки с тем, кого так любил, покинул этот мир. Для таких сыновей, как ты и как я, было бы недопустимо пренебречь последним словом горячо любившего нас отца. Поэтому ты не должен больше сомневаться. Скажи мне все, что хотел сказать, спроси обо всем, что ты хочешь узнать, а затем решился принять на себя ответственность за то, что тебе поручено. Для тебя это самый правильный путь». Рама произнес эти слова твердо и непреклонно.

После этого Бхарата уже не мог говорить о своих сокровенных желаниях. И все же он осмелился высказать еще одну, последнюю, просьбу:

«Рама! Я не хочу управлять царством, в котором нет тебя, которое покрыло себя позором, позволив отправить тебя в изгнание. Я не люблю больше эту страну. Я никогда не пойду наперекор твоей воле, твоему приказу. Ни в какие времена я не сделаю этого. Я буду считать себя благословенным, если удостоюсь хоть одного твоего любящего взгляда, в котором не мелькнет ни досада, ни гнев. До сей поры тебе служил Лакшмана; отправь его в Айодхью вместе с Шатругной и разреши мне занять его место у твоих Ног.

Это обоим из нас принесет заслуженную славу. Лакшмана – знаток всех тонкостей ведения государственных дел; он чувствует себя свободным во всех сферах власти и сможет стать мудрым правителем державы, принеся утешение душе покойного отца. Внемли моей мольбе, позволь мне остаться с тобой; не отказывай мне в моей просьбе, не прогоняй меня, не лишай своего Присутствия» – умоляя слезно и жалостно, Бхарата припал к ногам Рама.

«Или же, – продолжал он, – вернись в Айодхью с Ситой, а мы трое останемся здесь. Мы будем жить, в точности выполняя все твои наказания. Если же ты взгромождишь на мои плечи бремя царствования, я не вынесу его тяжести и погибну. Оставь меня у своих ног, взвали на меня этот сладостный груз, в тысячу раз более тяжелый, чем власть над державой – и я понесу его с радостью и восторженным рвением. У меня нет ни знаний, ни навыков, касающихся управления страной; я не силен в моральных уставах и кодексах; ты знаешь, что тот, кто повержен горем, скудеет умом и далек от мудрости. Сам стыд покраснеет от стыда при виде слуги, дерзющего своему хозяину и уличающего его в некомпетентности и нехватке знаний. Не обрекай меня на этот позор! Рама! Под твоим пристальным и внимательным взором я открываю тебе свое сердце и делюсь самыми сокровенными чувствами. Я забочусь только о благе человечества. Позволь великодушно каждому из нас выбрать наиболее подходящий путь; не сомневайся в чистоте наших намерений; ниспосли свою Милость и удостой нас своих повелений; мы склоним головы в знак повиновения и исполним их без малейшего колебания».

Эти слова Бхараты вызвали волну радости и ликования, всколыхнувшую людское море. Сердца людей таяли от сочувствия и благодарности. Народ восхвалял на все лады стойкую веру и великую любовь

Бхараты. Люди были глубоко тронуты столь искренним проявлением его преданности Рама. Все воскликнули в один голос, взмолившись:

«Рама! Повелитель! Внемли молитве Бхараты! Царь Дашаратха покинул нас, и вместе с ним померкли тысячелетняя слава и счастье народа Айодхьи! Весь мир осиротел. Как брошенное беспризорное дитя, в отчаянии рыдает Айодхья; как верная чистая женщина, покинутая своим господином, оплакивает она свою горькую участь!»

... Но где же была все это время Кайкейи – несчастная одинокая царица? Она стояла здесь, посреди толпы, и ее сердце грызла скорбь, словно зубы диких зверей. Она судорожно перебирала в уме слова, способные объяснить ее роковые ошибки; она постоянно искала общества Рама, чтобы с глазу на глаз молить его о прощении, но такая возможность ей до сих пор не представлялась. Ей было стыдно глядеть в лицо Рама. Она с ужасом думала, как могла она, так горячо любящая Раму, обречь его на все лишения и муки, которые она наблюдала теперь своими глазами. Рама был ей дороже дыхания! Поэтому она чувствовала, что по собственной воле никогда не смогла бы причинить ему вред; она рассуждала, что не иначе как некая Злобная Сила вселилась в нее, послужив причиной разразившихся трагических событий. Но она была уверена, что мир никогда не простит ее, несмотря на все ее утверждения о невиновности и непричастности ко злу. Раздираемая сомнениями и дурными предчувствиями, Кайкейи не находила в себе сил и смелости приблизиться к Рама, так же как не могла отойти от него и оторвать от него взгляд, томимая надеждой облегчить перед ним свою душу. Она стояла неподалеку, слабая и дрожащая, полная страха и нерешительности.

Рама заметил ее жалкое состояние и, выбрав подходящий момент, подошел к ней с намерением пасть к ее ногам и выказать ей свое смирение.

Кайкейи только и ждала этого момента. Она упала на землю, обхватив ноги Рама и вскричала: «Дитя мое! Ты намного моложе меня; ты мой сын. Но вместе с тем Ты – Владыка всего мира благодаря твоей несравненной мудрости и добродетели, и я не поступаю неверно, обнимая твои ноги. Вернись! Царствуй в Айодхье! Прости мне мой грех. Только это избавит меня от позора, который я навлекла на свою голову. Если это невозможно, разреши Бхарате остаться здесь и быть рабом у твоих Ног; удостой его этой милости. Это позволит мне спокойно дожидаться смертного часа, ибо теперь, когда мои желания исполнились, я не хочу больше жить. Я вне себя от ужаса, что стремилась к осуществлению плана, который не зародился бы в уме самой злобной и порочной демоницы. Разве та, что высказывала эти страшные просьбы, была дочерью правителя царства Кекайя? Или злой гений овладел мною, заставив произнести те слова? Или сказалось пагубное воздействие светившей над моей головой несчастливой звезды? Увы! Я не знаю этого! Я не могу ничего сказать!» Она зарыдала в отчаянии, судорожно сжимая ноги Рама.

Рама был до слез тронут ее горем. Он говорил ей слова утешения, ласковые и полные нежности. Он сказал: «Мать! Ты не сделала ничего дурного, и в случившемся нет ни капли твоей вины. Людская толпа словно стая ворон; они готовы громко каркать до хрипоты, беспорядочно и беспричинно. Люди не пытаются дознаться до истины; в своем невежестве они болтают попусту, доверяя бессмысленному вздору. Желания, высказанные тобой, не были изъявлением твоей собственной свободной воли с осознанием возможных последствий. Все, что случилось, произошло только потому, что я этого захотел! Ты оказала мне большую услугу, облегчив осуществление задачи, ради которой я воплотился в человеческом теле и которую давно поставил перед собою! Ты сослужила мне хорошую службу! Мать! Я глубоко раскаиваюсь, что откладывал так долго этот разговор, доведя тебя до отчаяния, вместо того чтобы сразу, с самого начала, выразить тебе благодарность за помощь, которую ты оказала в предназначенном мне

действе. Не переживай о том, что случилось! Горюя так сильно, ты бросаешь тень на мою миссию, и удача может отвернуться от меня. Благослови меня. Мать! Излей на меня свою любовь. Мать! Благослови меня!» – так молил Рама, падая в ноги Кайкейи.

Когда Рама произнес эти слова, у Кайкейи немного отлегло от сердца. Обе другие царицы, Каушалья и Сумитра, слышали их беседу и, осознав, что Кайкейи была не чем иным, как безвольным орудием Божественной Воли, принялись всячески утешать и успокаивать свою сестру. Однако, несмотря на сказанное Рамой, Кайкейи продолжала упорствовать в своем желании и молила Раму взойти на престол и воцариться в Айодхье вместе с Ситой, как державный Правитель, а Лакшмане, Бхарате и Шатругне позволить служить Ему в качестве верных подданных при Его дворе. Она говорила, что проведет остаток жизни, пока смерть не придет за нею, наслаждаясь отблесками Его славы. Она вновь и вновь повторяла свою просьбу, настаивая на исполнении своей мечты.

Так прошло четыре дня и четыре ночи, проведенных в лесу жителями Айодхьи – в беспрестанных мольбах, уговорах, советах, разъяснениях, убеждениях, рыданиях и стогах и в попытках утешения. Все были одержимы одной-единственной идеей, овладевшей их сердцами – уговорить Раму вернуться в Айодхью. В конце концов Рама был вынужден приказать Васиштхе, царскому наставнику, и Бхарате собираться в дорогу вместе с царицами и жителями города. Весть об этом приказе повергла людей в отчаяние; они говорили, что то место, где находится Рама, для них столь же восхитительно, как миллион небесных обителей, вместе взятых, и они отказывались трогаться в обратный путь. Люди говорили, что только несчастные, позабытые Богом, могут повернуться спиной к лесу, в котором поселился Рама. Они говорили: «О, какая счастливая судьба ожидала бы нас здесь! Купание в священных водах Мандакини, утоление голода сладчайшими дарами леса, упоение Даршанами Ситы и Рамы, наполняющими сердца восторгом! Что еще можно назвать раем? Какого другого счастья можно пожелать?»

Они без конца обсуждали все это между собою и решили, что должны во что бы то ни стало уговорить Раму вернуться вместе с ними, если им самим все равно суждено возвратиться назад. Каждый из них выражал свои заветные чаяния словами, пронизанными нежной любовью. Один мудрый старый брамин высказал всеобщую мысль: «Если бы мы были достойны счастливой судьбы, великой награды – пребывать рядом с Рамой в лесу, вкушая Благодать и Покой Его Божественного Присутствия, он безусловно согласился бы оставить нас здесь. Но если мы не заслужили этого и нам воздается за грехи, то злой рок, тяготеющий над нами, не смягчит сердце Рамы, и Он прогонит нас назад в Айодхью. Кто еще ниспошлет нам милость, как не Рама? Если мы не можем проводить свои дни вблизи Рамы, какая разница, где мы станем коротать их? Вдали от Рамы мы всего лишь живые мертвецы». Когда старец умолк, народ откликнулся на его слова возгласами одобрения: «Правда! Истинная правда! То, что ты говоришь – абсолютная истина».

Когда царь Дашаратха покинул этот мир, наставник царской династии Васиштха отправил гонца к Джанаке, чтобы оповестить его о печальном событии. Сразу после получения известия Джанака вместе с царицей Сунаяной отправились в Айодхью, чтобы выразить свои соболезнования. Там они узнали обо всем, что случилось. Когда в столицу прибыл Бхарата и решил двинуться к горе Читракута вместе с матерями, наставником и другими жителями города, Джанака и царица Сунаяна присоединились к паломникам. Теперь они ожидали счастливого случая встретиться с Рамой и Ситой.

Пока же мать Ситы велела своей служанке узнать, где находятся царицы, и поспешила к ним, чтобы выразить свое почтение. Это был одиннадцатый день новолуния месяца Джесхта. В этот день все четыре царицы встретились в лесу. Царица Каушалья приветствовала Суаяну с должными почестями и, выказывая ей глубокое уважение, пригласила ее сесть. Супруги Дашаратхи впервые увидели супругу Джанакки.

Царице Суаяне хватило одного лишь взгляда на цариц Айодхьи – Каушалью, Сумитру и Кайкейи, чтобы почувствовать, что даже тот, чье сердце тверже алмаза,

смягчится и дрогнет перед их ласковой и любящей речью, мягкими манерами и полной искреннего сочувствия доброжелательностью. Сунаяна отметила про себя, что все три царицы слабы и истощены, а головы их склоняются под тяжестью скорби. Их глаза были опущены, а печальные взоры устремлены вниз, на землю под ногами. Все они проливали горькие слезы. Они наперебой превозносили добродетели и исключительные достоинства Ситы и Рамы, но это не помогало им справиться с горем.

Царица Сунаяна долго молчала, не в силах найти нужных слов. Наконец она произнесла: «Мать Каушалья! Какой смысл так горевать сейчас, когда все уже позади? Само Провидение направляет события по этому странному, окольному пути. Чтобы отделить сливки от молока, используют мутовку из алмаза! Мы слышали об Амрите, Божественном Нектаре, дарующем бессмертие, но никогда не видали его. Однако нам выпала доля следить за действием сильнейшего яда, не уступающего ему по мощи. Нашему зрению доступны вороны, аисты, стервятники, совы, но созерцание Небесного Лебеда, скользящего по глади МанасаШаровара, вне пределов нашего восприятия. Царицы! Игра судьбы кажется нам полной нелепостей и противоречий. Ее капризы так же непредсказуемы, как буйные игры детей!» Этими словами Сунаяна попыталась облегчить горе цариц, но сама не могла удержаться от слез.

Тогда заговорила Каушалья. Она сказала: «Сунаяна! То, что случилось, нельзя приписывать ошибке одного, конкретного, человека. Счастье и несчастье, удача и потеря – все это последствия Кармы – наших собственных деяний, слов и мыслей. Или не было провозглашено древними: Авасьям анубоктавьям критам Карма субхасубхам, что значит, какова бы ни была наша прошлая Карма – плохая или хорошая, волей-неволей нам суждено ее принять, а ее последствия – выстрадать и пережить. Только Богу ведомы тернистые пути Кармы; в соответствии с нашими прошлыми делами мы пожинаем заслуженные плоды, ниспосланные Богом. Каждый из нас отмечен печатью Божьей Воли. О, царица Митхилы! Мы скованы цепями иллюзии, мы поддаемся напрасной тоске и скорби. Почему забывает Бог о наших заслугах и добрых делах, накопленных в предыдущих жизнях, повергая нас в скорбь и отчаяние? Почему ради нас нельзя хоть один раз нарушить это суровое правило причины и следствия, властвующее над миром со дня его основания? О, какие безумные надежды!» Каушалья умолкла, тяжело вздыхая, прервав свою тщетную попытку успокоить плачущую Сунаяну.

Тогда царица Митхилы сказала ей в ответ: «Матери! Вам выпала поистине счастливая судьба, ибо редкий правитель смог бы завоевать такую славу святыми и праведными делами, какой добился царь Дашаратха. Вы – супруги благороднейшего из монархов. Вы – матери Рамы, Самого Воплощения Дхармы, Самой Любви, родившейся в человеческом теле, чье сердце вмещает сострадание ко всем живым существам. Вы завоевали немеркнущую славу во всем мире. Каушалья! Твои слова – истинная правда. Счастье и горе – два кувшина с водой, привязанные к палке, перекинутой через плечо. Чтобы достичь равновесия, нужно заполнить оба кувшина. Не хлебнув горя, разве сможем мы распознать вкус счастья? На сукхааллабхьятхе сукхам – из счастья не родится счастье, не так ли?» Каушалья произнесла сквозь рыдания, голосом, прерывающимся от горя: «Если Сита, Рама и Лакшмана останутся в лесу, нам не миновать еще более тяжких бедствий. Я знаю, что Бхарата не способен пережить разлуку с Рамой. Мне тяжелее смотреть на Бхарату, чем на Ситу, Раму и Лакшману. Когда я думаю о Бхарате, мною овладевает страх». Сумитра и Кайкейи подтвердили, что чувствуют то же самое. Они все были обеспокоены состоянием Бхараты.

Вслед за тем заговорила Сумитра. Она сказала: «Мать! Твоими благословениями и добрыми пожеланиями наши сыновья и невестки чисты, как сама Ганга. До сих пор Бхарата никогда ничего не просил у Рамы, утверждая, что имеет на это право, как его брат. Теперь же он, следуя духу саттвы и не отступая от высокой праведности, умоляет Раму исполнить его желания. Даже сама Богиня речи, Сарасвати затруднилась бы описать все достоинства Бхараты – смирение, великодушие, братскую преданность, стойкость

веры, его мужество и негибамую твердость этого мужества – все то, что отличает Бхарату как великую личность. Можно ли вычерпать океан раковиной улитки? Во все времена, в любых обстоятельствах Бхарата останется ярчайшим светочем царской династии Рагху, только люди, увы, до сих пор не могут этого понять! Прежде чем назначить цену драгоценной жемчужине, нужно определить ее истинные качества; неподдельность и чистота золота испытываются на пробном камне. Не будем заранее отчаиваться, думая о Бхарате! Наш разум слишком затуманен горем и искажен обманной пеленою родственных чувств!» Произнеся эти мудрые слова утешения, Сумитра вытерла слезы.

Слушая цариц Айодхьи, царица Митхилы, Сунаяна, рассуждала про себя: «Царицы Айодхьи поистине велики душою, и никто не сравнится с ними в благородстве и честности. Они не выделяют и не превозносят своих собственных детей, что обычно склонны делать все матери; они восхищаются достоинствами детей других жен! Это так не похоже на повадки обыкновенных мирских женщин! Как высоко они ценят и как пылко расхваливают детей своего супруга, рожденных другими женами! Эти царицы, не делающие различия между своими сыновьями и сыновьями другой царицы, являют собой идеал Женщины, Матери, Жены, Хранительницы семейной Святыни! О! Какая необъятная широта души! Какое чистое и безошибочное чутье природы истинной любви!»

Каушалья собралась с силами и обратилась к Сунаяне с такими словами: «Царица Митхилы! Ты супруга царя Джанаки – океана мудрости. Кто осмелится давать тебе советы? Наши слова могут показаться тебе невежественным детским лепетом. И все же, я умоляю тебя: при первой же возможности, когда царь Джанака будет готов выслушать тебя, передай ему мои слова: «Убеди Раму, чтобы он согласился еще какое-то время не прогонять от себя Бхарату. Поскольку Лакшмана уже провел много дней в Его присутствии, пусть Лакшмана будет отправлен в Айодхью и займется там неотложными государственными делами, а Шатругна станет его верным помощником в управлении царством». Если бы только Рама согласился, все остальные трудности немедленно разрешились бы сами собой. Ничто не внушает мне столь сильного беспокойства, как положение Бхараты. Его привязанность и любовь к Рама бесконечно глубоки и почти болезненны. Царь ушел от нас; Рама не вернется из леса; если разлука с Рамой окажется непосильной для Бхараты, это может привести к его гибели. Тогда погибнет все царство, превратившись в огромное мертвое тело. Мое сердце разрывается от ужаса, когда я представляю себе такое будущее и грозящие нам страшные бедствия». Каушалья крепко сжала в своих руках руки царицы Сунаяны, умоляя ее взять на себя эту миссию и попытаться таким образом повлиять на исход событий, возвратив людям утраченную Ананду.

Сунаяна была глубоко тронута любовью, сияющей в сердце Каушальи, и ее приверженностью пути праведности. Она ответила: «Мать! Смирение и добродетель – твои врожденные достоинства. Они – естественные проявления твоего благородства и доброты и неотделимы от тебя как дым от огня или зеленые луга от горных холмов. Я не сомневаюсь, что царь Джанака всегда готов услужить тебе словом, делом и мыслью. Он всегда стремится помочь другим. Но может ли простой светильник воссиять ярче Солнца? Рама отправился в леса, выполняя поручение богов. Как только он завершит свою миссию, он непременно вернется в Айодхью и станет полновластным Правителем державы. Его могущество и сила обеспечат осуществление самых заветных желаний всех живущих на земле – как людей, так и существ более низкой или более высокой природы. Эта истина была предсказана еще в давние времена мудрецом Яджнавалкьей. Подлинность его пророчества не может быть опровергнута».

С этими словами Сунаяна пала к ногам царицы Каушальи. Покинув ее временное лесное жилище, она, прежде чем пуститься в обратный путь, направилась к хижине, где в этот момент находилась Сита. Когда она вошла внутрь и увидела Ситу, ее сердце сжалось

от тоски и скорби. Она не могла сдержать слез; она бросилась к дочери и схватила ее за руки. Сита утешала свою мать, как только могла; она призывала ее к мужеству и вере; она низко поклонилась матери. Сунаяна во все глаза смотрела на свою дочь, стоящую перед ней в одеждах отшельницы, и ей показалось, что она видит Парвати, супругу Шивы в те дни, когда Бог предавался суровому Тапасу. Потрясенная этим зрелищем, мать не могла удержаться от вопроса: «Дитя! Ты и в самом деле моя Сита, или ты – Парвати?» Она не спускала с Ситы долгого и пристального взгляда, изучая ее с головы до ног, и ее охватило радостное изумление.

В конце концов она произнесла: «О Сита! Благодаря тебе священные узы навеки связали две семьи – семью твоих родителей и семью родителей Рама. Твоя слава достигнет самых дальних пределов! Ее светлый поток, словно полноводная река, будет струиться меж двух берегов, меж двух царских династий – Митхилы и Айодхьи. Три святыни проходит на своем пути Ганга – это Харидвар, Прайяг и третья, Сагарасангаму – место, где она сливается с морем. Пусть поток твоей чистой славы вольется в каждую из них, превратив в благословенные храмы».

Услышав эти слова, в которых звучала истина, вырвавшиеся из самого сердца любящей матери, Сита вспыхнула и опустила голову, словно сгорая от стыда. Она сказала: «Мать! Зачем ты так говоришь? Эти слова неуместны. Как можно сравнивать меня со священной Гангой?» Сита поспешно простерлась на земле, обратив свой поклон к Богине Ганге и моля ее о прощении.

Сунаяна обняла свою дочь и с любовью погладила по голове, ласково перебирая волосы. «Сита! Твои высочайшие добродетели – идеальный пример, к которому должны стремиться все женщины, преданные семье и своему супругу». Сита мягко прервала ее, проговорив: «Мать! Проводя так много времени с тобой, я упускаю драгоценное время для служения Рама. Поэтому позволь мне вернуться к нему». Мать понимала, на что были направлены все помыслы и желания дочери, и почувствовала, что не должна быть помехой и задерживать ее. Она снова горячо обняла и приласкала Ситу и наконец сказала ей, прощаясь: «Дитя мое! Делай так, как ты хочешь! Ступай и продолжай служить Рама». Сита обняла ее ноги и поспешно удалилась.

Сунаяна погрузилась в раздумья о благоговейной преданности Ситы своему супругу и о прочих достоинствах своей дочери. Она не сводила глаз с Ситы до тех пор, пока та не скрылась из виду. Царица долго стояла не шелохнувшись, смотря ей вслед и не переставая восхищаться ею. Она очнулась от приятного забытья только тогда, когда служанка, подойдя к ней совсем близко, окликнула ее: «Госпожа! Сита уже давно ушла; нам лучше вернуться теперь в наше жилище». Сунаяна вздрогнула и внезапно разразилась горькими рыданиями; вслед за служанкой она медленно и неохотно побрела к отведенной ей хижине.

К этому времени Солнце зашло за горы; с наступлением сумерек Рама и Лакшмана, Бхарата и Шатругна отправились к реке для совершения священных церемоний – омовений и ритуальных вечерних обрядов поклонения Богам. Их сопровождали пандиты, члены касты браминов и многие другие горожане. Возвратившись с берега реки, они отведали фруктов и кореньев и улеглись на травяные подстилки под деревьями в отведенных для каждой группы местах. На рассвете, сотворив утренние молитвенные обряды, весь народ собрался у тростниковой хижины Рама. Рама вышел из хижины, сияя своей волшебной чарующей улыбкой и прошел сквозь густую толпу горожан, не забывая приветливо спросить каждого о его здоровье и благополучии.

Когда Рама приблизился к Бхарате, тот упал к Его ногам. Он сказал:

«Господин! Я давно лелею в душе мечту, но не решался обмолвиться о ней в твоём присутствии, скованный стыдом и страхом». Рама потрепал по голове своего любимого брата, говоря при этом: «Почему же ты до сих пор молчал? Не стесняйся, говори, в чем дело». Бхарата ответил:

«Брат! Я страстно желаю увидеть все святые обители, все места на берегу, где совершаются священные омовения, глубокие ущелья в густом лесу, бродящих по тропам джунглей диких зверей, озера и горные потоки, водопады, шумящие вокруг пика Читракута. Теперь вся природа вокруг превратилась в Святилище от прикосновения твоих Лотосных Стоп. Все жители Айодхьи горят от нетерпения совершить паломничество к этим Божественным местам».

Рама ответил: «Бхарата! Твое желание чрезвычайно похвально. Ты можешь свободно путешествовать по окрестностям с милостивого разрешения мудреца Атри». Бхарата возликовал, услышав эти добрые слова Рама. Он упал к ногам мудреца, склонился перед Рамой и, не мешкая, углубился в лесную чащу. На своем пути вместе с Шатругной и жителями Айодхьи он посетил множество монастырей и лесных обителей и приобрелся к другим святыням близ горы Читракута.

По дороге ему встретился источник, бьющий из самого сердца горы. В его струях были слиты воедино воды всех священных озер и рек. Бхарата с благоговением окропил родниковой водой свою голову. Он простерся ниц перед этим средоточием святости. Он очистил маленькое озерцо воды, вынув из него палые листья и убрав со дна скопившиеся там землю и камни. Этот источник известен всему миру и почитаем по сей день как Бхаратакупа или Источник Бхараты.

Глава 18

Сандалии на царском троне

На шестой день пребывания в лесу Бхарата, сразу после утренних обрядов, омовений и церемоний поклонения Заре, призвал своего брата Шатругну, своих друзей, спутников и сопровождающих. Он ждал благоприятного момента, чтобы обратиться к Рама, и когда этот случай представился, быстро поднялся со своего места, собрал все свое мужество и припал к ногам Рама. Затем, стоя перед ним со сложенными ладонями, Бхарата заговорил: «О Знак Благодати на царственном челе рода Икшваку! Ты исполнил все мои желания. Ради меня ты решился обречь себя на бесчисленные невзгоды. Ты подвергаешься из-за меня всевозможным опасностям. Господин! Я жду твоих приказаний! В течение четырнадцати лет я буду служить тебе в твоём царстве и буду ждать твоего возвращения. Укажи мне путь, по которому я должен идти, чтобы вновь любоваться Твоими Лотосными Стопами, когда закончится срок изгнания! Научи меня мужеству, в котором я так нуждаюсь, чтобы пережить эти четырнадцать лет разлуки с тобой. Рама! Твои подданные, члены твоей семьи, народ, живущий в твоём огромном царстве, брамины, пандиты – все они стойки духом и ревностны в своей вере в тебя. Их привязывает к тебе чувство благоговейной преданности. Только твоя любовь к ним поддерживает их, помогает перенести боль разлуки. Я не стремлюсь даже к достижению самореализации, если ради этого мне придется расстаться с тобой. Тебе известны сокровенные помыслы и чувства преданных тебе, их самые заветные желания. Ты можешь указать мне цель и вести меня к ней – как сейчас, так и в будущем. Это убеждение поддерживает меня и дает мне силы жить. Благодаря этому убеждению я избавился от страданий и мук и теперь выбрасываю их, как бесполезный пучок ссохшейся травы. До последнего времени я позволял себе выставлять перед тобою свои горести, которые томили и отягощали мою душу. С моей стороны это было непозволительной слабостью. Без колебаний вынеси мне порицание за эту мою вину».

Внимая Бхарате, все присутствующие приветствовали его речь и выражали ему свое одобрение. Подобно тому, как Хамса, Божественный Лебедь, умеет отделять молоко от воды и пить только чистое молоко, так и Бхарата, постигали они, отделил Истину от неправды и сумел выразить одну лишь Истину.

Рама, полный сочувствия к тем, кто страдает, слушал эти слова брата, льющие из чистого сердца. И, сообразуясь со временем, местом и обстоятельствами, он так ответил Бхарате: «Брат! И для тебя, живущего дома, и для нас, живущих в лесу, существует Единый, тот, кто, оберегая и храня, заботится обо всех. В твоей же мирской, каждодневной жизни у тебя есть наставник Васиштха и царь Джанака – твои земные хранители и защитники. Никакие беды не коснутся нас – ни тебя, ни меня – даже в наших снах. Этого никогда не случится. Высочайший наш долг – следовать заветам отца; одно это может принести нам благо, о котором мы так мечтаем; только это может обеспечить нам долгую славу. Это путь, одобренный Ведами. Веды учат нас, что тот, кто следует велениям наставника, отца и матери, и идет по этому пути, являет собой благородный пример для всех.

Никогда не забывай об этой истине, не замыкайся в горестях. Возьми на себя бремя власти и правь царством в течение четырнадцати лет, в согласии со своими идеалами справедливости и высокой нравственности. Царь – это лицо государства. Рот поглощает пищу и питье и тем самым дает силу и активность всем частям тела. Царь питает и поддерживает каждую клеточку огромного тела своего народа. Ум включает в себя все – как пристрастия, так и предубеждения. И царь также есть вместилище всех действий, шагов и движений в сфере управления страной». Рама разъяснил Бхарате многие принципы государственной этики. Но Бхарата был слишком взволнован, чтобы, выслушав слова Рама, обрести душевный покой. Матери, учителя, министры стояли в оцепенении, поскольку их целиком поглотили мысли о приближении часа расставания. Внезапно Рама, проявляя безграничное великодушие, развязал свои сандалии и отдал их Бхарате. И Бхарата благоговейно принял их в свои ладони и осторожно положил себе на голову. Слезы потекли из его глаз, как реки-близнецы – Ганга и Ямуна.

Бхарата не мог выразить свою радость словами: «Это – не просто «сандалии», которые «носил» Океан Милосердия! Это – хранители жизни и благополучия всего человечества. Это – ларцы, содержащие драгоценные сокровища братской любви Рама. Это – защитные ворота крепости, которая охраняет царственную славу Радху-клана. Это – две руки, которые совершают только добрые дела. Это – два всевидящих ока Вселенной. Это – живые символы Ситы и Рама, которые отныне всегда будут с нами».

Так превозносил «сандалии» Бхарата. И он стал танцевать вокруг них в порыве чистой радости и благодарности. Все присутствующие упали к ногам Рама и признали величие его милости.

Бхарата простерся перед Рама и попросил у него разрешения на возвращение в Айодхью. Рама одобрил тот душевный порыв, с которым Бхарата приветствовал «сандалии». Он привлек к себе брата и крепко, с любовью и восторгом, обнял его. Шатругна также пал к ногам Рама. Рама с чувством обнял его и дал ему целый ряд наставлений о том, как править царством и нести обязанности, которые будут на него возложены. Он сказал ему: «Считай, что Бхарата – это сам Рама. Будь для него опорой и помогай ему установить в царстве мирную и благополучную жизнь».

Затем Бхарата и Шатругна выразили свою братскую любовь Лакшмане, они обняли его и сказали: «Брат! Ты поистине очень счастлив! Во всем мире нет никого счастливее тебя. Тебе выпала самая большая удача». Они превозносили его от всего сердца и попросили у него позволения отбыть в Айодхью. Лакшмана подозвал их ближе и сказал им, что «сандалии» Рама есть источник всяческой Благодати, и поэтому они, получившие их в дар, должны чувствовать себя счастливее, чем кто-либо другой. Он посоветовал им действовать так, чтобы быть достойными этого дара и заслужить навсегда Милость Рама. «Это отныне ваш главный долг!» – напомнил он им.

После этого братья подошли туда, где находилась Сита, и упали к ее ногам. Глядя на нее, они не смогли скрыть своей печали и разрыдались. Она терпеливо утешала их, ласково и нежно. «Может ли быть что-либо в этом мире ценнее святого облачения Рама, способного защитить каждое живое существо? Вы поистине благословенны.

Четырнадцать лет пронесутся, как четырнадцать мгновений, и все царство будет встречать Раму с улыбкой довольства и мира. Терпеливо и преданно управляйте страной. Не отступайте ни на шаг от тех указаний, которые он вам дал. Строго соблюдая их, вы сможете сохранить плоды ваших стараний и трудов».

Затем братья, Бхарата и Шатругна, направились прямо к царю Джанаке и в великом почтении упали к его ногам. «Господин! Ты так глубоко сочувствовал нам, что приехал в Айодхью, услышав о смерти нашего отца и об изгнании Рамы в лес. Ты своими глазами видел наше горе и утешал нас в течение всех этих трагических дней. Ты дал нам важный совет – очнуться, собраться с силами. Исполняя свое заветное желание, ты обрек себя на все эти трудности и волнения и приехал сюда, в джунгли. Ты поделился с нами наше горе и принял живое участие в том, чтобы вместе с нами постараться уговорить Раму вернуться. Когда наши молитвы оказались бесплодными, ты утешал нас и учил стойко переносить разочарование и душевную боль. Ты наградил нас своим благословением. И мы выражаем тебе благоговейную признательность. Что еще можем мы сказать или сделать? Твои благословения – самые действенные и необходимые нам средства для восстановления сил». Джанака слушал эти слова, произнесенные двумя братьями столь искренне и звучащие столь благодарно. Он оценил их чувства, их характер и поведение. Он привлек их к себе и с нежностью приласкал.

Он сказал: «Сыновья! Желаю вам идти по пути, проложенному Рамой, и добиться тем самым его Милости. Я направляюсь в Митхилу прямо отсюда». Министры, правители, подвластные державе, брамины, мудрецы, аскеты и другие, приехавшие вместе с братьями, подходили один за другим к Рама, Лакшмане и Сите, преклоняя перед ними колени. Они попрощались с ними и обратили свои взоры в сторону дома. Но на душе у них было тяжело. Сита, Рама и Лакшмана подошли к месту, где находились матери, и упали к их ногам. Утешая их, они сказали: «Не беспокойтесь ни о чем. Спокойно занимайтесь своими делами и обязанностями. Всегда будьте верны тем заповедям и идеалам, которые завещал всем нам отец». Они сказали, что сами они проведут в мире и счастье эти четырнадцать лет, которые пронесутся, как четырнадцать мгновений и с великой радостью вернуться в Айодхью. Эти слова подняли дух цариц.

Рама, Сита и Лакшмана упали к ногам Кайкеи и сказали ей, что она не несет никакой ответственности за изгнание Рамы в лес, и что как раньше, так и сейчас, она достойна их почитания. Она совсем не хотела сделать ничего дурного, сказали они. И они уверили ее, что всегда будут молиться за нее. Они просили ее ни в коей мере не волноваться за них, пока они будут жить в лесу. Они придали ей мужества, чтобы она смогла перенести тяжкий гнет раскаяния и угрызений совести. «Бхарата говорил тогда с тобой необдуманно и дерзко, в порыве бессмысленной злобы, поскольку он пережил внезапно два потрясения – смерть отца и изгнание брата. Его кровь вскипела, его ярость была направлена против той, кто, как он вообразил, была виновницей всех бед. Его даже не остановило то, что ты – его мать!» Рама, Сита и Лакшмана просили ее не обвинять за это Бхарату; они умоляли ее простить Бхарате его несдержанность.

Когда Рама говорил эти слова, Кайкеи охватил стыд при воспоминании об ее порочном поступке. Она не могла взглянуть в лицо Рама. И она подумала про себя: «Увы! Ведь именно я навлекла столько горя и страданий на сына, наделенного отзывчивым сердцем и душой, полной добродетелей, на сына, который есть чистое золото. Разве не по моей вине он обречен проводить долгие годы в этих ужасных джунглях? О, какое черное дело я совершила! Но по своей ли собственной воле? Или сам Рама хотел пустить события по этому руслу, а я была лишь слепым орудием? Но какова бы ни была правда, я все равно виновна и мне нет спасения; я совершила страшный грех».

Кайкеи охватило отчаяние из-за необратимости прошлого. Она крепко сжала руки Ситы и молила ее о прощении. Она сказала: «Нет! Нет! Было бы несправедливо, если бы ты простила грешницу, принесшую нестерпимые муки такой чистой и нежной женщине». Она еще долго жаловалась на свою несчастную долю. Каждый приехавший из Айодхьи

постарался не упустить возможности попрощаться с Ситой, Рамой и Лакшманой, после чего все стали приводить в порядок свои колесницы.

Сита, Рама и Лакшмана подходили к каждой колеснице и утешали и успокаивали каждого, кто в ней сидел, убеждая их ехать домой. Сита, Рама и Лакшмана упали к ногам наставника и попросили у него прощения за то, что доставили ему и его супруге столько беспокойства; они выразили сожаление, что не смогли послужить им так, как бы им хотелось и как они того достойны. Затем они попросили у Учителя позволения остаться в лесу.

Святой Васиштха, будучи истинным Брахмаджняни и Махариши, был способен понять сокровенные чувства Ситы, Рамы и Лакшманы. Он высоко ценил преданность и смирение братьев и Ситы и их строгую приверженность Дхарме. Васиштха и его супруга так глубоко чтити добродетели, воплощенные в Рамае, что с трудом нашли в себе силы расстаться с ним. Самое жестокое сердце смягчилось бы при виде их троих, стоящих у края лесной дороги в одеждах отшельников со сложенными ладонями и говорящих «прощай» каждой проходящей колеснице и людям, сидящим в них. Васиштха и его супруга Арундати были глубоко тронуты их великодушием и состраданием.

Тут Рама увидел вождя Нишады. Тот стоял перед ним с людьми, сопровождавшими его. Рама подошел и, протянув к нему руки, обнял – еще горячее, чем обнимал и прижимал к груди собственного брата. Он утешал Гуху, просил успокоиться, убеждал принять разлуку спокойно и мудро. Гуха понимал, что уже ничто не поможет повернуть вспять ход событий; он упал к ногам Рамы и, поднявшись, с тяжелым сердцем побрел к своей колеснице. Но взгляд его был еще долго прикован к Рамае, пока наконец его прекрасный образ совсем не исчез из вида.

Сита, Рама и Лакшмана стояли под развесистым деревом до тех пор, пока жители царства Нишады не удалились. В это время царь Джанака со своими подданными также приготовился к отъезду в Митхилу. Рама и Лакшмана простерлись перед ним и его женой. Сита упала к ногам своих родителей. Они обняли ее и приласкали с нежностью и любовью. Они сказали: «Дочь! Твоя отважная решимость и твоя преданность мужу принесут нам вечную славу. Благодаря тебе наша семья и клан сделались священными. Мы должны были принять великий клятвенный обет и пройти через суровейшую аскезу, чтобы ты появилась в нашем роду». Они превозносили ее на все лады и выражали свою радость и восхищение. Они заверили ее: «Сита! Ты не будешь ни в чем нуждаться! Рама – это дыхание твоей жизни. Мы знаем, что пока ты живешь под его сенью, никто не сможет нанести тебе вред. Тем не менее, поскольку вы оба – ты и Рама – воплотились в различных земных сущностях – мужской и женской, перед вами время от времени могут возникать и осложнения, и трудности. Но их надо воспринимать лишь как неизбежную игру судьбы, как проносящиеся в небе облака». И Джанака указал на многие ведийские истины, приносящие удовлетворение и покой. После чего он, как и другие, покинул лесную обитель и выехал на дорогу, которая выводила из леса.

Сита, Рама и Лакшмана стояли в тени дерева, пока люди из Айодхьи и Митхилы не скрылись из вида. Тогда они возвратились в свою тростниковую хижину. Рама стал говорить с горячим одобрением о вере и преданности, проявленных Бхаратой и Шатругной, об их беспримерной любви и самоотверженности, о глубокой привязанности подданных царства. Сита и Лакшмана слушали его со вниманием, и каждое его слово находило отклик в их душе. У них было тяжело на сердце из-за того, что все уехали, им хотелось, чтоб они остались здесь дольше. Часто во время разговора они вспоминали о смерти Дашаратхи, и слезы текли у них по щекам – они знали, как горячо он любил их. Рама видел их горе, но его лицо озарилось улыбкой. Он заговорил о тайнах жизни и о ключе к их разгадке. Так закончили они этот полный событиями день – в молчании лесного уединения.

Тем временем поток людей – аскеты, мудрецы, брамины, братья Бхарата и Шатругна, царицы Каушалья, Кайкейи и Сумитра, министры и вся масса горожан, миновав границу

леса, устремился к населенным местам близ Айодхьи. Они не могли подавить в себе горестного чувства, которое становилось все тяжелее и тяжелее по мере того, как они удалялись от джунглей и приближались к городу. Они проводили время, делясь друг с другом впечатлениями от событий последних пяти дней, проведенных вместе с Рамой. Они восхищались идеалами, которые он воплощает и олицетворяет, его любовью, состраданием и добротой. Они нигде не делали привала – ни для еды, ни для сна, поскольку не чувствовали ни голода, ни потребности в отдыхе. Боль расставания подавила и свела на нет все менее значительные ощущения.

На второй день пути, сами не заметив того, они оказались на берегу священной Ганги. Вождь Нишады велел пригнать лодки, чтобы переправить их на другой берег, и приготовил обильную трапезу как для усталого простого люда, так и для известных при дворе персон. Но никто не откликнулся на его гостеприимство, так как боль расставания с Ситой, Рамой и Лакшманой легла тяжелым грузом на сердце каждого. Не желая огорчать Гуху и ранить его, они сидели за предложенным угощением, но едва прикасались к еде, а, поднося ее ко рту, лишь делали вид, что съедали ее. Даже лошади не хотели есть. Они попросту отказывались от корма. Васиштха, царский наставник, заметил это и сказал:

«Взгляните! Рама присутствует во всем, Он – Атма, которая находится повсюду. Он есть Ум, он есть Сознание, которыми отмечено каждое Живое Существо».

У них не было никакого желания сворачивать с дороги, чтобы тратить лишние часы на отдых. Бхарата решил ехать прямо в Айодхью – безо всяких остановок. Он мечтал как можно скорее предоставить взору горожан, томящихся в Айодхье, священные сандалии Рамы и подарить им тем самым немного покоя и мужества. На четвертый день пути они перебрались через реки Гоматхи и Сарайю и достигли окраин Айодхьи.

Старики, дети и женщины Айодхьи, которые не смогли присоединиться к огромному потоку людей, направившихся к святому месту, выбранному Рамой для своей хижины, теперь ждали их счастливого возвращения, завершения их миссии, заключавшейся в том, чтобы убедить Раму взять бразды правления в свои руки. Их глаза чуть не ослепли от чрезмерного напряжения и усталости. Когда они слышали отдаленный стук копыт и колес, то высыпали на улицы и, заглядывая в проезжающие повозки, спрашивали: «Где наш Господин?» Но когда поднявшаяся пыль сгущалась в сумрак, они возвращались в свои дома и проводили ночь в радостной надежде увидеть своего возлюбленного Раму с первым лучом зари. На следующее утро их ждало огромное разочарование, которое, однако, смешалось с чувством удовлетворения, ибо они узнали, что Рама, хотя и не вернулся в столицу из леса, но послал вместо себя Сандалии, которые Он носил и в которых заключена Его мощь и сила.

Тем временем Бхарата пригласил царского наставника и министров двора и обсудил с ними различные государственные дела. Он доверил им право исполнять свой долг. Затем он позвал к себе Шатругну и возложил на него обязанность заботиться о царицах-матерях и утешать их. Он созвал на Совет браминов и пандитов и, стоя перед ними со сложенными ладонями, заверил их, что готов исполнить любые их просьбы – как большие, так и малые, ибо он знает, что они будут наилучшим образом защищать интересы народа. Он хотел бы, чтобы они, не колеблясь, немедленно высказали ему свои требования.

Он собрал также жителей Айодхьи, предводителей каст, народностей и сословий со всех краев царства и рассказал им обо всем, что произошло в столице и в тех местах, где Рама живет в изгнании. Он кратко изложил им суть бесед, которые он вел с Рамой, и призвал их благоговеино почитать Сандалии Рамы в течение четырнадцати лет, пока Рама отсутствует, принимая их как подлинный образ самого Рамы. «Они будут охранять всех нас, они – наше спасение и источник жизни, – сказал он. – Полностью доверяя тому, что Сандалии управляют нами, мы будем жить, заключив Раму в свои сердца; после своего возвращения он будет управлять нами непосредственно, давая нам радость своим реальным Присутствием. Наш долг с этого самого момента – ждать этого счастливого дня с молитвой в сердце».

Затем он выбрал благоприятное время для возложения на трон Священных Сандалий, ибо он знал, что это будет радостью для всего населения страны – для царского наставника, пандитов, аскетов, жрецов, министров и придворных, для вождей племен и простых горожан. Он проследил, чтоб приготовления к празднованию этого события были сделаны на самом высоком уровне.

В этот день он простерся ниц перед матерями – Каушалей, Сумитрой и Кайкейи, а затем направился к трону, неся на голове Сандалии

Рамы. Попросив благословения у Васишти и получив разрешение от него и всех собравшихся, он возложил Сандалии на трон, выражая им благоговейную преданность. Он безбоязненно передал все свои полномочия под их опеку.

Позднее этот стойкий приверженец Дхармы, этот несравненный герой – Бхарата удалился в деревню Нандиграма, где находилась тростниковая хижина, готовая принять его. Его волосы были завязаны в узел, как у Рамы с Лакшманой, его одежды, как и у братьев, были сделаны из древесной коры. Он жил в пещере, специально вырытой в земле. Его пища и одежда были такими же, как у аскетов в лесу, его действия, мысли и слова были так же чисты, просты и возвышенны.

Бхарата отказался от роскошной жизни в Айодхье, которую сам Властитель Неба Индра всячески расхваливал, считая недостижимой даже для самого себя; он оставил богатую жизнь царского дворца, которой завидовал даже Кубера, Бог богатства. Он был счастлив в этой маленькой деревушке, внутри этой хижины, сделанной из листьев тростника, без общения с другими людьми. Он дал клятву, что ни разу не посмотрит в глаза другому, пока Рама не вернется из изгнания. Его мысль была сосредоточена на Рама и на дне и часе его возвращения из леса. Его тело слабело с каждым днем. Но духовная красота с течением времени проступала на его лице все ярче и ярче. Его преданность Рама росла все сильнее и сильнее. Он превратился в чистый дух, который достиг совершенства. На небесном своде его сердца блистали звезды в сияющих Галактиках, освещая его чувства и эмоции, спокойные, как Океан Молока – тихий, глубокий и чистый.

Глава 19

Джунгли Дандака

В то время, как Бхарата проводил свои дни в деревне Нандиграма, погружившись в постоянную медитацию о Рама, далеко от него, на лесистых склонах пика Читракута, Сита, Рама и Лакшмана восторженно превозносили его великую самоотверженность и глубокое чувство преданности. Все трое были счастливы в своей тихой лесной обители. Однажды некий глупец по имени Джаянтха вознамерился испытать доблесть Рама – затея столь же безрассудная и губительная, как попытка муравья измерить глубину океана!

Из чистого озорства и вредности он превратился в ворону и, приблизившись к Сите, которая, сидя рядом с Рамой, любовалась красотой окружающей природы, больно клюнул ее в ступню, да так сильно, что из ранки тотчас же брызнула кровь! Увидев струйку крови, текущую по нежной ноге Ситы, Рама схватил пучок сухой травы и швырнул его в ворону. Рама никогда бы не причинил вреда тому, кто не совершил ничего дурного. Однако когда это неизбежно и неотвратимо, Раху (Раху – обезглавленный богом Вишну демон, голова которого блуждает по небу, иногда заглатывая Луну и Солнце) заглатывает даже Луну на небосводе, не правда ли? Так же поступил и Рама. Он и пальцем не тронет невинного! Но этот пучок сухой травы вспыхнул ярким пламенем и устремился к Джаянтхе. Когда тот, спасаясь от обжигающих сполохов, в страхе помчался прочь, грозный огненный вихрь неотступно преследовал его, куда бы он ни полетел. Отчаявшаяся и до смерти перепуганная ворона утратила свой колдовской облик, и Джаянтха бросился в ноги Рама, моля о пощаде. Бог Индра узнал, что Джаянтха – а это был его собственный сын – оказался преступником, и, сокрушаясь от его наглости и непочтительности,

присоединился к покаянным мольбам. Джаянтха распластался на земле перед Рамой, взывая к его милости. Он сказал: «Я последний глупец! Я не ведал, что творил, и не сознавал всей низости и нелепости своего поступка. Спаси меня от своего гнева, избавь меня от этого страшного огня!» Рама сжалился над несчастным созданием, столь жалким и пристыженным. Он сделал невидящим один его глаз и отослал его, отныне одноглазого, прочь от себя. Он погасил огненный сноп, и тот вновь обратился в пучок сухой травы. Джаянтха был чрезвычайно признателен Рама за то, что ограничился таким пустяковым наказанием за чудовищный грех, им содеянный; он поселился на склоне горы Читракута, неподалеку от хижины Ситы, Рамы и Лакшманы и жил там долгое время.

Однажды, на десятый день месяца Маргасира, Рама велел Джаянтхе покинуть свое жилище и удалиться в сторону юга. В этот день Сита, Рама и Лакшмана, также оставив свою лесную обитель на горе Читракута, пустились в путь и вскоре приблизились к монастырю великого мудреца Атри. Мудрец был заранее оповещен учениками о намерении Рамы посетить его ашрам. Поэтому он устремился по лесной тропе навстречу гостям, чтобы приветствовать Раму, Ситу и Лакшману. Святой старец, преисполненный восторга от этого знака Благодати, проливал потоки радостных слез и объявил, что достиг наконец своей наивысшей жизненной цели. Он говорил, что его многолетнее подвижничество принесло свои счастливые плоды. В тот день мудрец Атри созвал своих учеников и приготовил высокое сидение для Рамы во главе собрания всех жителей ашрама. Супруга святого Анасуйя взяла на себя заботу о Сите и проводила ее к месту собрания. Мудрец провозгласил о наступлении долгожданного священного момента, раскрыв присутствующим тайну воплощения Рамы и описав Божественные силы и великое могущество, заключенные в Сите, Рама и Лакшмане. Анасуйя превозносила достоинства Ситы, как пример идеала, к которому должны стремиться все женщины, преданные священному долгу. Затем заговорила сама Сита. Она сказала, что каждый человек, каждое живое существо, всякое божье создание содержит в себе женское начало, неотъемлемое от его естества; она сказала, что хотя в мирской жизни люди, разделенные на два пола, играют женские и мужские роли, в основе всего живого лежит принцип женственности, и он неизбежно проявляется всякий раз, когда речь идет о силе, эмоциях, чувствах и пристрастиях индивидуума. Она сказала, что ее Господин Рама – есть Единый и Единственный Мужской Принцип во всей Вселенной. В нем, говорила Сита, нет и следа раздвоенности, ему неведомы понятия «твое и мое», чувства горя и радости. Он самолицетворение бесстрашия, он есть воплощение силы. Пуруша или Вечная Мужественность вступила в брак с Пракрити, с Вечной Женственностью. Хотя природа и представляется нам множественной и разнообразной, на самом деле ей присуща Цельность и Неразделимое Единство. Так Сита раскрывала Анасуйе, супруге мудреца Атри, сущность Принципа Рамы.

Незаметно пролетели счастливые часы, проведенные Ситой, Рамой и Лакшманой в ашраме святого Атри. Множество бесценных советов, облегчивших их дальнейший жизненный путь, получили от всех троих ученики и постоянные обитатели ашрама. Затем, попрощавшись с мудрецом, Сита, Рама и Лакшмана возобновили свой путь по джунглям. Провожая гостей, ашрамиты проливали слезы печали. Несмотря на непреодолимое желание сопровождать Раму в дальнейших странствованиях по лесу, они вынуждены были остаться в ашраме и возобновить уединенную жизнь, которой они посвятили себя. Им оставалось лишь наблюдать в отчаянии и грусти, как удаляется Владыка Их Сердец.

Джунгли то и дело оглашались свирепым рычанием диких зверей, бродящих вокруг в поисках добычи. Множество разнообразных птиц с ярким оперением заливались на все голоса в чаще ветвей. У каждой из них была своя неповторимая красота и особенная мелодия песни; их неумолчные трели, щебетание и свист лились с деревьев как бальзам. Пробираясь по этим таинственным дебрям, полным величия и очарован! я, путники внезапно увидели мелькнувший среди деревьев маленький монастырь с живописным храмом в центре подворья. Лакшмана бросился вперед, стремясь очистить путь, прорубая

тропинку в непроходимых зарослях колючих кустов. Он срезал густые лианы с огромными шипами, которые оплетали деревья и, смыкаясь над головами, норовили уцепиться за волосы и одежды. Теперь Рама и Сита могли беспрепятственно проделать весь путь к монастырю. Приблизившись к подворью, они увидели перед собою чудесный сад, полный цветущих и плодоносящих деревьев, с любовью возделанный и заботливо ухоженный. Прекрасные пышные кроны блистали красотой и свежестью. Ветви клонились к земле под тяжестью сочных спелых плодов. Сита пришла в восторг, тотчас позабыв об усталости. Она полностью погрузилась в очарование райского уголка и упивалась нахлынувшей на нее радостью. Она тихо ступала вслед за Рамой, впитывая волшебную красоту окружающей природы. Когда послушники заметили их приближение, то стремглав помчались к наставнику. Он поспешил вперед к главным воротам, чтобы приветствовать Ситу, Раму и Лакшману. Его глаза сияли слезами радости. Гостям было оказано должное гостеприимство; их провели во внутренние покои и предложили освежающее холодное питье. Все трое с большой радостью откликнулись на заботу и внимание ашрамитов и с удовольствием приняли участие в скромной трапезе. На закате они совершили омовения и сотворили вечерние молитвенные ритуалы. Рама говорил с послушниками о тех идеалах воспитания и поведения, которых должны придерживаться садхаки. Он разрешил им задавать любые вопросы по поводу своих сомнений и трудностей, а также касающиеся запутанных, «темных» мест в святых писаниях.

Ученики с воодушевлением откликнулись на его призыв. Ответы Рамы звучали убедительно и ясно, он подбирал простые и подходящие слова. В тот вечер затерянный в лесах монастырь превратился для его обитателей в Небесный Приют! С восторгом и восхищением они говорили друг другу, что Присутствие Рамы – это духовный опыт столь же богатый и возвышенный, как общение с Богом на Небесах! На рассвете Рама, Сита и Лакшмана искупались и совершили утренние обряды поклонения Заре и, несмотря на жалобные мольбы ашрамитов, вновь тронулись в путь. Они объяснили обитателям монастыря, что не следует препятствовать исполнению клятвенных обетов и раз и навсегда принятых решений: все трое уже давно решили не оставаться ни в одной священной обители долее, чем на одну ночь.

Когда они возобновили свой путь и углубились в джунгли, внезапно из кустов выскочил устрашающий, наводящий ужас демон-людоед Вирадха и бросился прямо на них! Увидев монстра, Сита испугалась, ее пронзил инстинктивный страх, но мужество быстро вернулось к ней, ибо она знала, что когда рядом с нею Лев-Рама, всегда готовый защитить ее, ей нечего бояться какой-то жалкой «хромой лисицы», кем бы она не прикидывалась. «Пусть себе рычит и вопит сколько вздумается», – так Сита успокаивала себя. Она скрылась за спиной Рамы и оттуда наблюдала за происходящим. Лакшмана натянул тетиву и пустил стрелу прямо в чудовище. Он посылал их одну за другой и осыпал оборотня целым ливнем своих острых и метких стрел. Вирадха, получивший множество ран, превратился в огненное исчадие ярости, в грозное воплощение смерти и уничтожения и с воем бросился на Лакшману. Рама наблюдал за поединком и увидел, что в этой схватке силы Лакшманы начинают постепенно иссякать. Тогда он натянул тетиву своего несокрушимого лука, наложил стрелу с полумесяцем на древке и выпустил ее в великана. От этого удара со звоном разлетелся на куски мощный трезубец демоналюдоеда, которым тот грозно размахивал, а затем голова чудовища слетела с плеч! В этот момент из упавшего на землю мертвого тела поднялась сияющая божественная фигура!

Вирадха родился на земле в облике великана-людоеда в результате проклятья, наложенного на него его божественным повелителем Куберой. В былые времена он принадлежал к сонму небесных духов, гандхарвов, прислуживающих Кубере. Позже Кубера сжалился над ним, объявив, что его демонический путь завершится в тот самый момент, когда он примет смерть от стрелы, пущенной рукою Рамы. Освободившись от чар, он снова сможет примкнуть к гандхарвам, вернувшись в обитель Куберы. И вот

заново рожденный гандхарва пал к ногам своего спасителя, вознося ему высочайшую хвалу, после чего умчался в свое вечное небесное жилище.

Рама совершил погребение гигантского тела бывшего демона, сотворив над ним подобающие случаю предписанные Ведами ритуалы. Когда обряд был завершен, на то место, где упокоилось тело чудовища, внезапно обрушился ливень, как будто боги, тронутые состраданием, проявленным Рамой, пролили обильные слезы радости. Все трое возобновили путь и вскоре оказались у знаменитого монастыря мудреца Сарабханги. В то время как Рама приближался к ашраму, аскеты и монахи с беспокойством обсуждали участвовавшие опустошительные набеги царя демонов Раваны и его прислужников. Когда в самый разгар беседы перед ними внезапно предстали Рама, Сита и Лакшмана, они тут же осознали значение и великий смысл их прихода, поняв, что со страхами и тревогами скоро будет покончено. Когда мудрец Сарабханга увидел божественно прекрасную фигуру Рамы, он не мог поверить своим глазам. На секунду у него даже появилось сомнение, не сон ли это, не чудесное ли видение, не один ли из тех таинственных образов, которые появляются перед глазами в результате долгого опыта медитации. Но вскоре он осознал реальность своей счастливой судьбы; его долгожданная мечта осуществилась, и мягкие волны блаженства захлестнули его; он понял, что суровый аскетизм и отречение наконец вознаграждены, и он благословлен райским плодом, обрести который стремился всю жизнь. Гостям было оказано щедрое гостеприимство.

Сарабханга от всего сердца превозносил Раму. Он говорил: «Рама! Ты – Небесный Лебедь, таинственно скользящий по водной глади озер, наполняющих умы мудрецов. О! Сегодня я узрел воочию Высшую Цель Бытия. Рама! Я не изучал для этого никаких специальных духовных дисциплин. Только один-единственный путь подарил мне возможность увидеть тебя – это путь Любви. Теперь мои глаза узрели тебя, и отныне они не жаждут иного зрелища. Я знаю, что однажды ты дал слово исполнять желания мудрецов и аскетов. Рама! Сейчас ты можешь доказать верность своему слову. У меня есть сокровенное желание. Пусть твой образ, самый прекрасный и пленительный из всех, остается со мной до тех пор, пока я не сделаю своего последнего вздоха. Я хочу покинуть это тело в тот момент, когда мой взор будет устремлен на тебя», – такова была последняя воля святого старца.

За несколько минут был воздвигнут погребальный костер, и Сарабханга, просветленный и безмятежный, взошел на него. Его сияющий взор был устремлен на Раму. Вспыхнул и запылал огонь, но веки мудреца не дрогнули, и взгляд оставался ясным и светлым. С образами Рамы, Ситы и Лакшманы, запечатленными в сердце, Сарабханга обратил свое тело в горсть пепла. В спокойных голубых водах его сердца отражался темно-синий облик Рамы, которому он оставался предан до самого конца своей земной жизни. Его душа влилась в океан Единого, который открылся перед ним.

Хотя поначалу ашрамиты горевали об уходе своего хозяина и наставника, очень скоро они осознали, что судьба подарила старцу редчайшее благословение. Сам Бог в человеческом обличье снизошел к нему и во всем великолепии своего могущества и славы излил на него свою благодать. Они чувствовали, что и они испили из этой дарственной чаши Милости. Они преклонялись перед Рамой и пели ему восторженную хвалу. Они провозглашали: «Слава! Слава! Победа! Победа!» и с признательностью и благоговением посыпали свои головы пеплом, оставшимся от тела их Святого наставника.

Известие о самосожжении Сарабханги скоро достигло ушей монахов и аскетов, живущих в окрестных святых обителях. Они падали Рама в ноги и превозносили его, восхищаясь его милосердным деянием. «Господин! Какая счастливая доля выпала Сарабханге! В этих краях многие мудрецы пали жертвой кровожадной свирепости полчищ демонов-ракшасов. Но Сарабханга был благословлен самим Богом. Он предал себя в руки Всевышнего, пожертвовав свое тело и свою жизнь. Повелитель! Спаси нас от хищных и ненасытных врагов. Избавь нас от набегов демонических орд, чтобы мы могли спокойно и уверенно идти по избранному пути, совершенствуя духовный опыт. А

совершив свой подвиг, о Господин, ниспошли нам дар, обрести который мы все стремимся: твое вечное Присутствие перед внутренним взором». Такими словами молили Раму лесные отшельники. В это время один из аскетов, мудрец Сутхикшана, выступил вперед и простерся ниц перед Рамой. Он был учеником знаменитого Агастья. Он ни с кем не мог сравниться в своей непревзойденной преданности, и его сердце было насыщено и переполнено любовью к Рама. Он был тверд в своей вере, что Бога можно постичь только через любовь. Своим духовным взором он мог представить себе только одну-единственную Божественную форму – образ Рамы. И вот сейчас он неотрывно глядел на живого Раму, боясь моргнуть глазом, чтобы не упустить и доли секунды драгоценного времени. При виде Рамы его сердце растаяло, погрузившись в восторг преклонения.

Он воскликнул: «Господин! Не пришел ли ты в эти глухие далекие края для того, чтобы благословить меня? Ведь ты не запретишь мне слиться с Океаном Любви, который есть ты? Снизойдя на землю в этом видимом обличье, ты ведь не будешь настаивать, чтобы я, как прежде, поклонялся Бесформенному Абсолюту? Нет! Я люблю только эту Форму и только это Имя. Я не желаю знать никаких обрядов и ритуалов. Я знаю только одно: тебя, Воплощение Любви, можно постичь только через Любовь. Жажда этого постижения – мое единственное накопленное достояние. Только этому посвящал я свой аскетизм и свое отречение. Скажи мне, разве этого не достаточно? О Спаситель от рабских цепей смертей и рождений! Не существует более действенной формы поклонения Богу, чем служение ему Любовью, не правда ли? Петь хвалу Твоей Славе, медитировать о ней и испытывать при этом невыразимое блаженство – что еще может доставить большую радость?» Так говорил Сутхикшана, кружась и танцуя в экстазе, не осознавая, что он делает и где находится; слезы струились по его щекам, и тем, кто не ведал о внутреннем источнике его радости, он мог бы показаться безумцем. Рама видел, чего жаждет мудрец и к чему он так близок; он притянул его к себе и обнял своими нежными любящими руками. Он сказал ему тихие и ласковые слова, чтобы помочь ему выйти из транса и вернуться к действительности. В тот момент, когда руки Рамы коснулись подвижника, великий мудрец впал в состояние наивысшего экстаза – самадхи. Он застыл, словно изваяние, недвижимый и бесчувственный ко всему. Рама вывел его из этого состояния; очнувшись, Сутхикшана бросился к ногам Рамы и замер, распластавшись на земле. Он поднял руки над головой и, соединив ладони в знак поклонения, выразил свою радость, излив ее в восторженных фразах: «О Господин! Ты – грозный пожар, сжигающий непроходимые джунгли иллюзии, в которых блуждает человек, потеряв сам себя. Ты – сияющий солнечный шар, под лучами которого раскрываются, цветя и благоухая, лотосные сердца праведников. Ты – царь зверей, явившийся, чтобы уничтожить все племя демонических слонов. Ты – ястреб, преследующий птицу, порхающую в нашей жизни между рождением и смертью, вызывая бесконечную череду горя и радости. Владыка! Твои глаза прекрасны, как лотосы; мои глаза не способны охватить целиком всю сияющую красоту Твоей великолепной формы. Ты – Луна, что проливает прохладный свет, зачаровывая пару птиц Чакора – глаза Ситы. Ты безмятежно скользишь, как Небесный Лебедь, по тихой глади озер, сияющих в сердцах мудрецов. Ты – птица Гаруда, добыча которой – змеи, гнездящиеся в умах неверующих и сомневающихся. Одного Твоего мимолетного взгляда достаточно, чтобы исчезли жестокость и коварство, смятение и невежество». В подобных возвышенных выражениях он продолжал восхвалять Раму, испытывая огромную радость, что ему представилась такая возможность. Широко открытыми глазами он неотрывно глядел на своего Повелителя, чтобы этот образ навсегда запечатлелся в его в сердце. Его покинуло чувство времени, он не ощущал нужд и потребностей тела. Его веки ни разу не дрогнули, пока глаза восторженно упивались красотой и славой Рамы.

Рама наблюдал за ним некоторое время, а потом, бережно взяв за плечи, поднял с колен. Он сказал: «Сутхикшана! Ты наделен сполна всеми мыслимыми добродетелями. Я решил благословить тебя, исполнив любое твое желание». Мудрец ответил, не потратив и доли секунды на размышление: «О Друг и Брат всех отчаявшихся! Вот мое желание:

пребудь вовеки в глубинах моего сердца вместе с Ситой и Лакшманой». Рама проговорил: «Да будет так!» После этого, взяв с собою мудреца как сопровождающего, все трое двинулись вперед к ашраму Агастья.

Пройдя небольшой путь, они услышали журчание текущей неподалеку реки. Идя на звук струящейся воды, они вышли на берег и увидели вздымающийся над потоком высокий горный пик. У его подножья на берегу был разбит цветущий сад, похожий на лотос, что сияет белизною в центре пруда. Посреди сада, на ковре из благоухающих цветов, стоял чудесный монастырь Агастья.

Слова бессильны описать изысканную прелесть этого тихого уголка. Сита, Рама и Лакшмана стояли некоторое время, не шелохнувшись, потрясенные его чарующим великолепием. Атмосфера была насыщена духовностью. Заклятые враги в дикой природе, все виды животных, обитающих здесь: земные, водные, свирепые хищники и их жертвы – все звери и птицы жили здесь вместе, играя и свободно соперничая, позабыв вражду и страх. Путники увидели множество монахов и аскетов, сидящих на берегу реки и погруженных в медитацию.

Когда они приблизились к ашраму, Сутхикшана бросился вперед, чтобы сообщить весть хозяину. Припав к его ногам, он провозгласил:

«О великий учитель! О воплощение милосердия! Принц Айодхьи, сам Хранитель Вселенной пришел в наш ашрам вместе с Ситой и Лакшманой. То самое Существо, узнать и лицезреть которое ты стремился на протяжении долгих лет своих духовных исканий, потеряв счет дням и ночам, теперь здесь, рядом с тобою. О! Какой великий день настал! Какая невиданно счастливая судьба!» Сутхикшана снова погрузился в забытие, отдавшись безмерному экстазу.

Услышав это, Агастья вскочил со своего сиденья и почти бегом устремился к выходу. Он узрел всех троих, направлявшихся прямо к нему; из его глаз тотчас же хлынули слезы. Он побежал навстречу, выкрикивая: «Мой Бог! Мой Господин!» Он сжал Раму в объятиях и не мог представить, как сможет отпустить его. Он крепко обхватил Раму руками, прильнув к нему, словно лиана, обвивающая древесный ствол.

Агастья не пытался сдерживать радость, которая была фонтаном из его ликующего сердца, когда он ввел Раму, Ситу и Лакшману вовнутрь монастыря. Он пригласил их расположиться и отдохнуть на возвышенных сиденьях. Он велел принести фруктов, сладких плодов и кореньев и предложил им отведать их. Затем он стал расспрашивать их о подробностях проделанного путешествия и, пока Рама отвечал на его вопросы, слушал, закрыв глаза, с лицом, мокрым от слез, с наслаждением внимая каждому слову. С его губ не сходила счастливая блаженная улыбка. Наконец он заговорил: «О Владыка! Я убежден, что нет человека счастливее меня. Бог, сам Нараяна, пришел ко мне. Он находится в моем ашраме. Правда ли это? Или это только сон? Нет. Я ясно вижу, что это реальная действительность». Он выражал свою радость потоком преданных и благодарных слов.

Рама сказал святому: «О царь среди аскетов! Мне нечего скрывать от тебя. Тебе отлично известна причина, побудившая меня оказаться здесь, в лесу. Укажи мне и наставь меня, как сокрушить демоническое отродье, как уничтожить ракшасов, вредящих и препятствующих святому подвижничеству мудрецов и монахов, как защитить и уберечь от опасности преданных слуг Всевышнего; я буду действовать, следуя твоему совету; я жду твоих указаний. В холодный сезон хемантха лотосы съеживаются и умирают. Приближается время упадка и гибели царства ракшасов. «

Услышав такие слова Рамы, Агастья улыбнулся. Он ответил:

«Господин! Ты обладаешь всеведением. Я не знаю, отчего Ты обращаешься ко мне за советом. Я не способен различить – то ли Ты благословляешь меня, то ли испытываешь. Но все же, благодаря исходящей от тебя Милости и, благодаря Даршану (лицезрению), Спаршану (прикосновению), и Самбхашану (Твоей речи), которыми Ты соизволил благословить меня, я смогу охватить смысл Твоих вопросов, и это тоже будет проявлением Твоей Милости. Майя, являющаяся Твоим созданием и Твоей игрушкой –

рабыня, лежащая у Твоих ног и не спускающая с Тебя глаз, чтобы, уловив еле заметное движение Твоей брови, броситься выполнять Твои приказы. Наделенная подаренными Тобою мастерством и умением. Майя сотворяет все существа, живущие как на земле, так и на небе.

Твоя Майя непобедима. Она вечно тревожит и беспокоит все живые существа, которые падают жертвами ее тонких уловок. Эта истина известна каждому. Твоя Майя, как гигантский фикус, разрослась и распространилась повсюду; небесные тела, планетные шары – плоды этого дерева, а живые существа и весь «неживой» мир – это личинки и гусеницы, копошащиеся внутри его плодов. Внешне фрукт кажется нам привлекательным; но стоит надрезать его и обнажить сердцевину, мы увидим сотни клубков извивающихся червей.

Те, кто привязан к внешнему миру и его временным сокровищам, в сущности, боятся Тебя, поскольку Ты, выступая в своей Ипостаси Времени, безжалостно сокрушаешь все их планы. Сам Космос – лишь временное обличье твоей Сущности. Рама! Все три мира преклоняются перед Тобой. Ты просишь моих советов и указаний, как сделал бы обычный человек; Ты превозносишь меня, как это подобает простому смертному. Это вызывает у меня лишь смех! Отныне я свободен от забот и желаний. Единственное, о чем я мечтаю, чтобы Ты находился здесь вместе с Ситой и Лакшманой. Только об этом даре я прошу Тебя. Я предпочитаю поклоняться этой Твоей Форме, живой и реальной, чем абстрактному, лишенному атрибутов Принципу. Это то, во что я верил и чему учил. Это мой идеал, моя избранная цель, мое устремление.

Ниспошли же мне этот дар. Пусть это будет Твоей игрой, Твоим развлечением – возвышать своих слуг, а Самому удаляться в тень, прикидываясь несведущим и неосведомленным. Но не надо превозносить меня! Не проси меня давать Тебе указания! Мой долг – принимать Твою Волю, соглашаться с ней и следовать по Твоим стопам. Отец! Не пытайся вводить меня в заблуждение Своей Майей, не позволяй ей потакать моему эгоизму, избрав меня мишенью для Своих игр».

На это Рама ответил святому: «О досточтимый мудрец! Эта местность хорошо знакома тебе; какой вред в том, если ты сможешь мне выбрать подходящее место для жилища? Мне кажется, любой был бы вправе ожидать от тебя дельного совета, не правда ли?» Агастья ответил: «Повелитель! Поскольку Ты приказываешь мне, я подчиняюсь безоговорочно и отвечу Тебе. Совсем недалеко отсюда несет свои воды священная Годавари. На протяжении многих столетий струится среди холмов и джунглей ее поток, свободный и полноводный. Со всех сторон ее окружает Дандакаранья; если Ты освятишь этот край своим Присутствием. Ты подаришь счастье, покой и довольство всем мудрецам и монахам, проживающим в округе. Ибо этот район джунглей и правитель, его охраняющий, уже давно находятся во власти проклятья, и поэтому все его жители пребывают в печали».

Услышав это. Рама прервал рассказ мудреца. Он сказал: «Учитель! Я вижу, что Сита жаждет узнать историю этого заклęcia. Поведай нам подробно обо всем, что случилось!» Агастья распознал смысл просьбы Рама и поэтому обратился к Нему с такими словами: «О Режиссер этой вечной драмы! Однажды, в давние времена, на весь край Панчавати обрушился свирепый голод. Все обитающие там монахи и аскеты устремились к монастырю мудреца Гаутамы, ища защиту за его стенами. Он дал им все, в чем они нуждались, используя магическую силу, обретенную им в результате многолетней аскетической практики. Когда угроза голода миновала, отшельники решили возвратиться в свои прежние пристанища.

Однако в их ряды закрались предатели, замышляющие против Гаутамы низкие козни, вознамерившиеся запятнать его доброе имя. Они привели к ашраму издыхающую корову, которая находилась уже в предсмертной агонии, и, втолкнув ее в монастырский сад, поставили прямо среди прекрасных, с любовью возвращенных цветов. Гаутама увидел, что корова собирается сорвать и изжевать один из цветков редкой красоты и попытался

прогнать ее из сада. Но при первом же легком толчке корова испустила дух! Зловредные монахи, только и ожидавшие этого момента, немедленно обвинили святого в свершении тягчайшего греха «Го-хатъя» (убийство священной коровы)! Они заклеили его как отверженного и вероотступника. Гаутама решил выяснить, отчего издохла корова: от его толчка или просто избыв положенный ей земной срок. Он погрузился в глубокую медитацию, ища ответ на этот жизненно важный для него вопрос. Вскоре ему открылось, что все происшедшее было не более, чем западней, подстроенной хитрыми монахами. Ему стала отвратительна их подлая природа. Он произнес: «Пусть этот лес, оскверненный столь низменными созданиями, станет отныне недоступным добру и святости. Пусть он станет прибежищем для демонов-ракшасов».

Другой случай усилил действие наложенного заклęcia. Правитель этого лесного края Данда посягнул на честь дочери своего собственного наставника, Бхригу. Бхригу выслушал трагическую историю, рассказанную дочерью и, пребывая на вершине гнева, обрушил на всю окружающую местность огромную тучу грязи и пыли. Цветущий край скрылся под толстым безжизненным слоем скользкой глины и с течением времени одичал и зарос бурьяном, превратившись в дикие непроходимые джунгли. С тех пор эти места зовутся Дандакаранья в память о злосчастном вожде, покрывшем позором свое имя. Рама! Жемчужина, венчающая корону династии Рагху! Я уверен, что когда Ты поселишься в этом лесу, ракшасы будут уничтожены и проклятье падет. Там снова обоснуются монахи и садхаки; они вновь построят там свои жилища и ничто не помешает их продвижению по духовному пути. Это очистительное действие принесет пользу всему человечеству. Я хочу сказать Тебе, что и мудрец, наславший проклятье, почувствует себя счастливым, ибо он пребывает в печали, пожиная плоды своего гнева».

Когда Агастья завершил свое повествование об истории Дандакараньи. Рама сказал: «Хорошо. Да будет так. Я поселюсь именно там». Он попрощался с мудрецом и вместе с Ситой и Лакшманой направил свои стопы к джунглям Дандака. Перед самым их уходом Агастья принес и протянул Рама несколько боевых орудий, наделенных Божественной мощью, которые достались ему в награду за долгий и суровый аскетизм. Он передал волшебное оружие в руки Рама, говоря, что больше не желает пользоваться им; теперь появился его истинный владелец, который заслужил полное право применить его по назначению, преследуя священную цель. «Рама! – заявил он, – Ты – мой защитник, моя сила, моя доблесть. Это оружие больше не будет служить мне, отныне оно будет подчиняться только Твоей Воле. Ты – мое прибежище, моя крепость, непроницаемый щит на моей груди».

Стоило Сите, Рама и Лакшмане вступить под густую завесу зловещих джунглей Дандака, сухие и голые деревья затрепетали биением жизни, и на их ветвях, ласково шелестя, начали распускаться нежные молодые листочки. Слабые и сморщенные лианы, поникшие стелющиеся лозы и ползучие стебли внезапно налились живительным соком, обрели упругость и силу; прямо на глазах на свежих побегах набухали почки ароматных цветов. Лес спешил облачиться в чарующее зеленое покрывало, сплошь пестрящее многоцветным цветочным узором. Путники пробирались по лесу по направлению к Панчавати, тому месту, где хотели остановиться и которое посоветовал им выбрать для постоянного жилища святой Агастья.

В Панчавати они встретили вождя Орлиного племени, старого Джатаю. С давних пор он был верным другом Дашаратхи, сопровождал царя в его грандиозных ратных походах по трем мирам в защиту Небожителей. Рама поведал Джатаю грустную весть о смерти Дашаратхи и постарался смягчить его печаль и боль от тяжелой утраты. Рама рассказал гордой птице и о себе, и о Сите и Лакшмане, и о других своих братьях. Путники решили соорудить тростниковую хижину на берегу Годавари. Джатаю оказался преданным и надежным другом, и с его помощью они быстро освоились в незнакомом краю. Той ночью они крепко и безмятежно уснули под сенью большого дерева.

Глава 20

Панчавати

Рама выразил желание поселиться на некоторое время в Панчавати, на берегу Годавари. Поэтому наутро, полулежа в прохладной тени раскидистого дерева, он подзвал к себе брата и сказал ему: «Лакшмана! Братец! Выбери живописное и удобное место где-нибудь неподалеку и построй там уютную маленькую хижину, чудесную, как ты умеешь».

И вновь Лакшмана содрогнулся от этого приказа как от внезапного удара острого кинжала. Он не мог перенести такой боли! Он бросился в ноги Рама и закричал в отчаянии: «Скажи, за какое преступление ты наказываешь меня, отдавая столь жестокий приказ?» Сита и Рама замерли, изумленные его поведением. Рама сказал: «Лакшмана! Я не могу понять, отчего ты вдруг так огорчился. Слышал ли ты хоть раз, чтобы с моего языка сорвалось хоть одно грубое слово? Неужели я превратился в безумца, способного произносить резкие, неприятные слова, обращенные к тебе или к кому-нибудь другому? Ты чуток и внимателен к любым моим нуждам и желаниям и служишь мне так преданно, будто я – твое собственное дыхание. Могу ли я быть безжалостен и бессердечен к тебе? Твое горе бессмысленно, ты в чем-то ошибаешься. В конце концов, что такого особенного я сказал тебе только что? Я произнес однуединственную фразу: выбери место по своему вкусу и построй там хижину для нас троих. Или это не так?»

Слыша это, Лакшмана зажал ладонями уши и тоскливо запротестовал: «Рама! Рама! Я не в силах слушать слова, которые ты говоришь». Рама был удивлен этим отчаянным жестом. Лакшмана же, молитвенно сложив руки, жалобно простонал: «Повелитель! Во мне нет того, кто мог бы сказать «я». Мое единственное сокровище, мое единственное достояние – это Сита и Рама. У меня нет собственных желаний, у меня нет собственной воли. Мое желание, моя воля – это желание Рама, воля Рама, приказ Рама. Повиновение – мое желание, моя воля. Я раб и стремлюсь только к этому и ничему другому. Как же мои уши могут вынести слова, предлагающие мне выбрать место для хижины, исходя из моих желаний и вкусов? Как будто у меня есть способность и возможность выбирать! Имея личные наклонности и пристрастия, мог бы я быть полноценным и достойным слугою Рама? Смог бы я заслужить это право, несущее мне наслаждение и радость? Нет! Это означало бы, что я не стою того, чтобы жить на земле, ибо жизнь моя превратилась бы в тяжкий груз стыда и позора». Лакшмана стоял, рыдая во весь голос, не в силах подавить горе. Видя, как опечален брат, Рама проникся к нему сочувствием. Он утешал его теплыми и добрыми словами: «Лакшмана! Ты наделен святым и чистым сердцем. В моих словах не было ничего, кроме обыкновенного житейского смысла, поэтому ты зря вообразил, что твоему брату неизвестно, как глубоко и сокровенно твое чувство самоотречения. Не надо грустить».

Рама одарил Лакшману сиянием своей улыбки и продолжал: «Брат! Мне доставляют огромную радость чистота твоей преданности и искренность твоего служения. Все твои намерения возвышенны и невинны. Я обещаю не огорчать тебя больше подобными просьбами! Я говорил с тобой на обыкновенном человеческом языке; не принимай эти будничные слова так близко к сердцу. Пойдем же! Выберем вместе нужное место!» И он двинулся вперед, призывая Лакшману следовать за ним. Через некоторое время он остановился и сказал: «Смотри, Лакшмана! Построй здесь нашу Парнашалу!»

Услышав эти слова, Лакшмана ликующе воскликнул: «О! Теперь я чувствую, что воистину благословен! Мой долг – повиноваться таким приказам, а не упражняться в собственной воле и потакать личным пристрастиям». Он с благодарностью обнял ноги брата; счастливый и довольный, он поднялся с колен и тут же приступил к выполнению задания: принялся собирать ветки и прутья для постройки будущего дома.

Сита и Рама лишний раз убедились, насколько чутко и ранимо сердце Лакшманы, как тонок и чувствителен его интеллект. С восторгом и восхищением обсуждали они

между собою глубину его веры и самоотверженности. Сита не раз признавалась в том, что она чувствует себя намного счастливее, живя в лесу, чем во дворце Айодхьи, еще и потому, что их сопровождает такой преданный слуга Рама, как его брат Лакшмана.

Когда Сита и Рама увидели хижину, сооруженную Лакшманой, то были очарованы ее красотой, удобством, пленительной простотой очертаний и волшебной прелестью лесного уголка, который она осветила и украсила. Сита первой вошла внутрь и была поражена мастерством и безупречным вкусом ее нареченного брата. Все было продумано до мельчайших деталей, и Сита горячо расхваливала Лакшману, с такой невероятной быстротой построившего новое уютное жилище.

Все трое безмятежно и счастливо проводили свои дни в тростниковой хижине. Новость о том, что Шри Рама выбрал Панчавати местом своего обитания и поселился там в маленьком домике из бамбука и листьев, таком же, в каком живут все лесные отшельники, быстро распространилась повсюду; по лесным тропинкам потянулись к нему группы аскетов, стремясь выразить почтение и преклонение. Монахи приходили к нему вместе с учениками и, упиваясь Даршаном, имели великое счастье говорить с Рамой и внимать его речам, обращенным к ним. После этого они удалялись, несмотря на огромное желание остаться навсегда, превознося Раму на обратном пути к своим лесным приютам.

Во множестве приходили и такие, кого мучили сомнения и неразрешимые вопросы, ответы на которые они жаждали услышать от Рама.

Они надеялись раскрыть для себя смысл труднодоступных мест в священных текстах, осознать и уяснить значение законов морали и сущность таинства ведийских ритуалов. Другие взывали к Рама, умоляя просветить их: верен ли избранный ими путь и приносят ли пользу их подвижничество и неустанная духовная практика. Поскольку Рама – Владыка и Хранитель всех Дхарм, и в нем сосредоточено исчерпывающее знание священных текстов, все жаждущие получали полное удовлетворение его ответами и мягкими наставлениями. Каждый приходивший исполнялся довольством и благодатью.

Когда речь идет о вопросах и ответах, желательно ясно представлять себе, какие вообще существуют типы и категории вопросов. Все вопросы можно разделить, в сущности, на четыре группы: 1) незначительные (тривиальные) 2) недалекие, грубого плана 3) распространенные и имеющие смысл («сносные») 4) достойные, похвальные. Вопросы, имеющие целью запутать собеседника, ввергнуть его в противоречие, а затем унижить, нанести поражение в споре – тривиальны. Вопросы, выставляемые для того, чтобы продемонстрировать свой ум и словесное мастерство – недалекие, низкого плана. Вопросы, действительно обнаруживающие незаурядный интеллектуальный багаж и способность к здравому размышлению – осмысленны и допустимы. Вопросы, задаваемые из искреннего, страстного желания рассеять свои сомнения – достойны похвалы и принадлежат к высшему разряду. Очевидно, что мудрецы, монахи и аскеты стремились к Рама, чтобы задать ему именно такие вопросы, относящиеся к четвертому типу.

При виде прибывающих паломников Рама и Лакшмана испытывали огромную радость. Аскеты и подвижники буквально трепетали от восхищения и благодарности, слушая, как просто и доступно проповедует Рама великие идеалы писаний и Шастр, и как свободно слетает с его уст сама истина, порою столь трудно различимая среди запутанных постулатов и предписаний. Они не могли сдержать восторга и разражались победными, ликующими возгласами: «О Высочайший Повелитель! – восклицали они, – О Всеведущий, кто ясно видит прошлое, настоящее и будущее! Кто еще может быть нашим Владыкой и Освободителем? Ты пребываешь в сердцах мудрецов; мы сохраним твой образ в самых их глубинах, отдаваясь покаянию и отречению! Какая счастливая судьба! Исполнились наши заветные желания!» С величайшей неохотой покидая Место Божественного Присутствия, они проливали реки слез, в которых потоки радости сливались с потоками печали.

Некоторые из паломников устроились под деревьями неподалеку от хижины Рама, не намереваясь возвращаться в свои лесные обители. Они собирали плоды и корни и не

сводили глаз со входа в хижину, боясь упустить возможность Даршана. Когда Рама появлялся на пороге и выходил прогуляться, они любовались незабываемым зрелищем, прячась за кустами и деревьями. Таким образом они проводили свои дни, довольные и счастливые.

Рама покорила сердца всех, кто удостоился Его Присутствия; некоторые в своей фанатичной преданности доходили почти до безумия; они чувствовали, что созерцание Его Лица и повторение Его Имени – та единственная духовная практика, в которой они отныне нуждаются. Со всеми, кто собирался вокруг него. Рама день и ночь беседовал о законах Дхармы, раскрывал им тайные пути духовного знания.

Часто он призывал к себе Лакшману и, приглашая сесть рядом, говорил ему: «Брат! Как мог бы я, оставшись в Айодхье, выполнять столь священную миссию? Как мог бы я, сидя на царском троне, разыгрывать дальнейшие сцены Рамаяны? Первые шаги уже сделаны, и ничто не сможет повернуть события вспять. Забота о благочестии и добре, защита праведников, сокрушение зла и несправедливости, мешающих воцарению мира и благополучия на земле, наставление людей на истинный путь добрых и чистых деяний – вот цель, ради которой я явился в мир». Так Рама беседовал с братом, делаясь с ним своими размышлениями о назначении и смысле своего воплощения на земле в человеческом облике.

Время от времени Рама поручал Лакшмане важную роль «вестника» и «глашатая» своего учения, направленного на возвышение человеческой природы и наставлял брата, напоминая ему об идеалах морали и путях самосовершенствования. Однажды он говорил ему так: «Лакшмана! Привязанность к телу, стремление непременно завладеть чем бы то ни было, эгоизм, порождающий конфликт «мое» и «твое», личные пристрастия, прилепляющие индивидуума к собственной жене, детям и имуществу – все это последствия изначальной иллюзии. Майи. Она лежит в основе всего, ее сила таинственна и удивительна. Майя господствует над живой и неживой природой, над всеми существами и созданиями. Каждая из десяти индрий (пять воспринимающих чувств и пять чувств, побуждающих к действию) имеет свое главенствующее божество, и Майя, постигая и пронизывая объективный мир, верховодит над божествами индрий, получая при этом огромное удовольствие. Каждое мгновение, любая крошечная частичка этого удовольствия – творение и игра самой Майи, и поэтому они иллюзорны, мимолетны и поверхностны.

Майя существует в двух формах. Одна из них называется Видьямайя, а другая – Авидьямайя. Та Майя, что зовется Авидья (незнание, невежество), коварна и зла: она увлекает в пучины несчастий. Плененные ею захватываются вихрем бездонного водоворота, попадая в безумную круговерть горя и радости. Майя, получившая имя Видья, сотворила мироздание, следуя воле ее Господина – Бога, ибо ее природе не присуща собственная воля. Только в Присутствии Бога она может создать Космос (Прапанчу), искусно сплетая его из трех нитей-сущностей. Три нити – это сатва, раджас и тамас, каждая из которых, либо в отдельности, либо в одной из бесчисленных комбинаций, характеризует любое живое существо: сатва – являясь проявлением уравновешенной и совершенной природы, раджас – сангвинического или эмоционального темперамента, тамас – инертной, косной природы. Истинно мудрый или джняни, тот, кто постиг Реальность – это личность, освободившаяся от прав и обязанностей, накладываемых кастовым обществом, общественным положением и возрастом, и живущая в постоянном осознании того, что все окружающее есть единый Брахман. Ему открылось, что в мире нет ни множественности, ни различий: все есть Единый {Сарвам кхалу идам Брахма; На иха наанаа астхи кинхана}. Он знает, что весь Космос состоит из Брахмана.

О Лакшмана! Ты должен знать, что Божественная Троица (Брахма, Вишну и Рудра) – не более, чем отражения единого Брахмана, проявленные как три атрибута, три нити, его

составляющие – сатва, раджас и тамас. Аспект раджаса олицетворяет Брахма, аспект сатвы – Вишну, а аспект тамаса известен под именем Рудры, Шивы или Ишвары. Весь Космос, включая наш мир – это проявление Единого Брахмана либо через один из его атрибутов, тот или другой, либо через комбинацию этих трех ипостасей. Поэтому мудрый, минуя три гуны, три видимых аспекта, устремится к их Источнику в Едином. Только он заслуживает имя Вайраги – монах, отрешенный, ибо ему не присуща рага, то есть чувства пристрастия и антипатии».

Иногда Рама, призывая Ситу и Лакшману сесть с ним рядом, объяснял им, что пока индивидуальная душа – Джива не поймет ясно и отчетливо природу своего сродства с Майей и с Высшим Брахманом, она никогда не достигнет освобождения и не сольется с Единым; ей суждено оставаться отдельным, частным индивидуумом, закованным в цепи иллюзии в узкой темнице имен и форм. «Но, – говорил Рама, – в то самое мгновение, когда личность постигнет и осознает, что она лишь отражение Всевышнего и что различие между ней и Всевышним не имеет отношения к Истине, Майя исчезнет, рассеется, как туман в лучах восходящего солнца. Открывший это есть подлинный Атма-Джняни, ибо Всевышний – это Парам-атма, а индивидуум – тот же Парам-атма, видимый как образ «тело-имя-форма», или Упадхи.

Действуй согласно правилам, диктуемым выпавшим тебе при рождении высоким предназначением, слушайся зова, посланного тебе свыше (свадхарма) – тогда ты достигнешь отречения. Занимайся йогой – упорным поиском Единения с Всевышним – и тогда ты обрешь джняну. Эта джняна – последняя и высшая ступень духовного совершенствования. Она ведет к Осуществлению. Поклонение Всевышнему с величайшей любовью – это бхакти, или преданность. Я изолью на преданного мне свою благодать, его бхакти обеспечит ему счастье и процветание. Бхакти исходит из самого сердца, стихийно, самопроизвольно. Она не зависит от внешних посторонних предметов и окружающих людей. Чистая бхакти также способна ниспослать джняну человеку, посвятившему себя Всевышнему. Радость, которую дарит человеку бхакти – неповторима и неизмерима. Что же побуждает человека вступить на путь бхакти[^]. Для этого нужна милосердная помощь праведного и благочестивого мудреца или любой другой, нашедшей себя, реализованной души. Это самый быстрый путь, ведущий человека ко мне». Слушая эти речи Рама, Сита и Лакшмана забывали, где находятся и что происходит вокруг. Сам Рама, целиком отдаваясь рассказу о пленительном богатстве духовного знания, казался полностью отрешенным от действительности. Долгие часы и дни проводили они, погружившись в себя, исследуя и созерцая вечный источник внутреннего восторга.

Как-то раз Лакшмана, размышляя об этих высоких истинах, совершал свой обычный обход ближайших джунглей в окрестностях хижины, чтобы убедиться, что ничто не угрожает покою Рама и Ситы. Он заметил, что рядом с мощным стволом огромного дерева пробивается нежный росток лимона. Он решил пересадить деревце поближе к хижине, чтобы, ухаживая за ним, помочь ему расти свободно и быстро. Поэтому он принялся внимательно и осторожно выкапывать корни растения, стараясь не причинить ему вреда. В это время из густых зарослей внезапно выпрыгнула злобная и коварная Шурпанакха, сестра Раваны!

Стоило ее взгляду остановиться на Лакшмане, как она была ослеплена и зачарована сиянием красоты и великолепия, которым светился весь его облик. От этого невиданного зрелища она застыла как вкопанная. В мгновение ока она изменила свой вид, превратившись в прелестную соблазнительную деву и кокетливой и дразнящей поступью приблизилась к Лакшмане. Однако Лакшмана не обратил на нее никакого внимания; равнодушный к неожиданному появлению незнакомки, он продолжал свою работу. Шурпанакха не могла вынести такого пренебрежения. Она подошла совсем близко к Лакшмане и произнесла сладким умоляющим голосом: «Господин! Почему повергаешь ты меня в отчаяние? Остуди мой страстный пыл, погляди на меня, сделай меня счастливой». Но Лакшмана не реагировал на ее жаркие призывы; он слышал ее слова, но

только посмеивался про себя над ее бесстыжей назойливостью и продолжал бережно выкапывать растение. Шурпанакха потеряла терпение; она бросилась к Лакшмане с намерением заключить его в объятия, но Лакшмана проворно увернулся и, намереваясь дать ей шуточный совет, проговорил: «Госпожа! Я – лишь слуга Шри Рама. Я его раб и не являюсь свободным человеком. Что бы я ни делал – даже самую пустячную работу – я делаю только по Его Приказанию». С любопытством прислушиваясь к словам Лакшманы, Рама и Сита вышли из хижины в сад, чтобы выяснить, с кем он ведет беседу. Заметив Шурпанакху, Рама тут же догадался, что перед ним ракшаси, обернувшаяся девой. Он приготовился к любым неожиданностям. Шурпанакха тем временем обрушила на Лакшману поток грубой брани, обзывая его жалким трусом и негодяем и издевательски хохотала над его бесчувственным и недостойным поведением. Она до сих пор не заметила Раму, и ее злоба и негодование были направлены на одного Лакшману. Сменив тон, она вновь пустилась в жалкие уговоры: «О Прекраснейший! Женись на мне и стань счастливым! Я принесу тебе наслаждение и стану твоей верной служанкой». Лакшмана попытался урезонить ее такими словами:

«Красавица! Я – раб; если я возьму тебя в жены, тебе придется жить как рабыне». И, продолжая свой шуточный розыгрыш, сказал: «Послушай! Взгляни на моего хозяина. Раму; если ты возьмешь его в мужья, я стану твоим рабом». Шурпанакха, не заподозрив подвоха, поняла слова Лакшманы буквально, рассудив, что этот план совсем не дурен. Она устремилась к хижине, на которую указывал Лакшмана, и что же она увидела?! Перед хижинкой, весело смеясь над нею, стояли двое: женщина редкой красоты, а рядом с нею – воплощение мужского совершенства и великолепия!

Шурпанакху охватил приступ неистовой страсти; она кинулась к Рама и возопила, рыдая: «О Бог любви! Бог красоты! Я хочу быть твоею!» Рама решил проучить потерявшую стыд ракшаси, а заодно, оказавшись в столь смехотворной ситуации, немного поразвлечься. Он сказал, посмеиваясь: «О, прекрасная дева! Я не могу жениться на тебе, потому что связан законом единобрачия; здесь со мною моя супруга. Мой брат Лакшмана тоже, правда, женат, но его подруга далеко отсюда. Взяв его в мужья, ты осуществишь свою мечту; вы прекрасно подходите друг к другу – пойдите к нему». Услышав это, ракшаси вновь бросилась к Лакшмане и возобновила свои уговоры. Она сказала: «Твой брат согласен на нашу свадьбу; не медли больше, сделай меня своею!» Ее голос звучал умоляюще и нежно. Лакшмана, осознавая чудовищную нелепость ее просьбы, еще больше развеселился. Он продолжал игру и вновь послал ее к Рама, а Рама, в свою очередь, назад к Лакшмане. Так происходило несколько раз, и, в конце концов, доведенная до безумия ослепившей ее страстью, Шурпанакха внезапно вновь обрела свой настоящий демонический облик! Ее извращенный ум подсказывал ей, что только Сита стоит на пути ее страсти, только она мешает ей удовлетворить вожделение, и если бы Сита исчезла. Рама непременно женился бы на ней, поддавшись соблазну и ее настойчивым уговорам. Поэтому она обрушилась на Ситу, намереваясь загрызть и проглотить ее, не скрывая более своей подлинной демонической природы. Лакшмана застыл и весь напрягся, не сводя глаз с лица Рама, чтобы уловить его приказ. Рама понял, что демоница-ракшаси зашла слишком далеко, и необходимо пресечь ее злобную выходку. Он знал, что не следует орудовать топором там, где достаточно острых ногтей, поэтому он поднял руку и, смотря на Лакшману, показал ему четыре пальца.

Лакшмана мгновенно ухватил смысл приказа Рама. Показывая четыре пальца, то есть цифру 4, Рама имел в виду четыре Веды, вместе взятые, известные как Шрути, что по-другому означает «Услышанное», а иначе – «Ухо». Лакшмана, обладая острым и бдительным умом, смог без труда осознать значение этого еле уловимого жеста Рама. Рука Рама была поднята вверх, к небу. Небо или Акаша есть пятый элемент стихий, характеризующийся одним свойством – звуком. Звук есть символ Брахмана, известный как Сабда Брахман или Бог. Бог пребывает на небесах, а рука, поднятая кверху, указывает на небо. На санскрите «небо» называется «наака», но у этого слова есть и другое значение

– «нос»! Стоило Раме сделать эти два легких быстрых движения, как Лакшмана бросился к демонице-ракшаси с обнаженным мечом; он повалил ее на землю и, выкрикнув, что ее наглость и бесстыдство заслуживают наказания, одним махом отсек ей кончик носа и оба уха! Шурпанакха разразилась таким душераздирающим воплем, что весь лес содрогнулся и затрепетал. Страшная в своем обличье демона-людоеда, она пронзительно кричала: «Где справедливость? Как мог ты так жестоко изуродовать женщину, пришедшую к тебе? Я приведу сюда моего брата Равану и потребую возмездия за это кровавое преступление!» Продолжая громко кричать, она умчалась в лес.

Она устремилась прямо к вождям демонов джунглей Дандака, Кхаре и Душане, и возопила: «Как можете вы спокойно смотреть на эти страшные увечья, как можете переносить оскорбление, нанесенное вашей сестре? С какой целью вы сидите здесь и упражняетесь в своей мощи и отваге? Пусть лучше вся ваша сила сгорит дотла! Где ваша мужская статья? Или вы уже позабыли о ней? Стыд и позор вашей пустой похвальбе о доблести и героизме!» Братья не понимали, что случилось, и кто так безжалостно изувечил их сестру. Они спрашивали: «Сестра! Кто совершил это злодейство? Скажи нам! Мы отомстим врагу, используя все наше могущество».

Тут Шурпанакха смогла наконец связно рассказать всю историю. Начала она с того, что принялась расписывать неземную красоту и пленительное очарование Рамы и Лакшманы. Услышав эти пространные излияния, Кхара и Душана пришли в бешенство и закричали: «Зачем ты тратишь свое и наше время на бессмысленные и ненужные вступления?! Говори прямо, кто оскорбил тебя? Кто изуродовал твое лицо?» Тогда она рассказала им все, что случилось в лесу.

Кхара и Душана были чрезвычайно разгневаны, видя плачевное состояние сестры, лишенной ушей и носа; они собрали войско из четырнадцати тысяч демонов-великанов и спешно выступили по направлению к хижине Рамы и Лакшманы – братьев, так жестоко наказавших их сестру. Воины-людоеды были столь свирепы и неукротимы, что даже в мечтах невозможно было представить их поражение; еще никому не удавалось победить их в бою. Как крылатые горы, наводящие ужас, мчались они по долинам, и земля сотрясалась под их ногами. Каждый из них был вооружен до зубов множеством смертоносных орудий.

Безухая, безногая вдова Шурпанакха, с лицом, истекающим кровью, неслась впереди грозного воинства, горя жаждой мести. Она вела его за собой, указывая путь к мирному зеленому саду, затерянному среди джунглей, где она встретила братьев.

Однако ею же самой с первых шагов был предначертан неблагоприятный исход грядущей схватки. Она сама являлась дурным предзнаменованием, сулящим поражение ее страшному войску. Все три самые зловещие приметы: вдовство, уродство и лицо, залитое кровью, несла с собою Шурпанакха. Ракшасам было невдомек, что удача в ратном походе сопутствует лишь тем, кто считается с приметами и знаменами; они решительно двигались к полю битвы, полагаясь только на свою физическую мощь, боевое оснащение и нечестивую стратегию. По этой причине они были обречены на поражение при столкновении с божественным могуществом и несокрушимой силой Дхармы.

Ибо кто способен противостоять мощи закона Дхармы и Милости Божьей? Ракшасы не ведали о том, что существует Праведность и Божественность. Всю свою энергию и все свое мастерство они вкладывали лишь в преумножение физической силы. Гордые своим непобедимым оружием, гигантскими мускулами, своей свирепостью, полагаясь на коварство и хитрость, неслись они по лесу, трубя в боевые рога, рыча как львы, ревя как дикие слоны, громогласно похваляясь прошлыми победами и бешено скача и крутясь в дикой пляске. Они не подозревали, что их воинственный выпад сравним с нападением воробья на ястреба!

Шурпанакха издала указала братьям на хижину Рамы. Чтобы ярость чудовищ дошла до высшей точки, все войско взорвалось боевым кличем: «Поймать, схватить, уничтожить!» – и устремилось вперед. Приблизившись к хижине, Кхара и Душана

бросили вызов Раме: «Выходи, худший из злодеев и несчастливцев! Это ты осмелился изувечить нашу сестру? Теперь попробуй, если тебе это удастся, спасти свою жизнь!»

Рама давно знал об их наступлении; он заранее велел Лакшмане отвести Ситу в пещеру и охранять ее там. «Не тревожься обо мне ни единой минуты. Со мной никогда не случится ничего дурного», – так успокоил он Лакшману. Лакшмана, уверенный в могуществе Рамы, подчинился беспрекословно. У него не было и тени сомнений по поводу победы Рамы. Он проводил Ситу в пещеру и, когда она укрылась в ней, встал на страже с луком на плече на случай появления непрошенных гостей.

Рама стоял у входа в хижину и его лицо освещала улыбка. В руках он держал свой Лук Коданду с туго натянутой тетивой и был готов принять поединок. Легким и мягким движением провел он по своим густым спутанным волосам, и демоны увидели ослепительные вспышки миллионов языков пламени, озаривших огненной короной голову Рамы. Его руки казались им клубками гигантских многоголовых змей. Как лев, не сводя сверкающего свирепого взора со слона, обнажает клыки, предвкушая победу, которая ему обеспечена, так Лев Рама, ужасный и неприступный, стоял перед горсткой испуганных демонов. В общей суматохе еще раздавались отдельные возгласы: «Это он изуродовал Шурпанакху! Держите его! Хватайте его! Убейте его!» – но никто не посмел выйти вперед и привести в исполнение эти приказы. На все лады понукаемые и подбадриваемые вожаками, великаны застыли как вкопанные, и ни один из них не смог набраться мужества, чтобы приблизиться к Рама.

Когда джунгли Дандака огласились воплями и проклятиями бегущих чудовищ, лесные животные в панике бросились врассыпную в поисках укрытий. Некоторые из них в ужасе вбегали в пещеру, где скрывалась Сита. Жалея их, дрожащих от страха, Лакшмана не препятствовал им и впускал внутрь, чтобы они могли прийти в себя и немного успокоиться. Он ласково приветствовал всех обитателей джунглей, искавших защиту в пещере, ибо видел, что они были на грани безумия.

Демоны-великаны, обступившие Рама, были настолько потрясены его красотой, что могли только стоять как истуканы, в изумлении тараща глаза на невиданное прежде зрелище ослепительного великолепия; многие уже упивались нектаром восхваления его могущества, других охватил восторг признания и восхищения, но всех объединяло одно – они уже были прикованы к Рама узами Любви и Поклонения. Никто из них не хотел и не мог поднять на него ни оружие, ни взор, полный вражды и гнева!

Ко всеобщему восторгу присоединилась и сама Шурпанакха! Она сказала Кхаре и Душане, которые, вне себя от изумления, стояли рядом с нею: «Братья! Что за несравненную красоту мы видим перед собой? Никогда прежде в моей жизни я не встречала подобного очарования, подобной грации, такой чистейшей гармонии, такого физического совершенства. Не убивай его! Схвати его и подари мне таким, как он есть!»

Оба брата тоже были околдованы Рамой. Они отвечали ей: «Сестра! И наши глаза никогда не упивались таким воплощением красоты. Чем ближе мы подступаем к нему, тем сильнее он притягивает нас к себе, тем более очаровывает своим обаянием. Мы не чувствуем к нему ни капли гнева или ненависти. Чем дольше мы смотрим на него, тем полнее радость, кипящая у нас внутри! Возможно, это то самое чувство, которое мудрецы, обитающие в этом лесу, зовут анандой!»

Кхара не захотел разговаривать с Рамой с глазу на глаз; он послал к нему гонца, чтобы выяснить, кто он таков, каково его имя, откуда и зачем он явился и с какой целью поселился в лесу. Посланец подошел к

Рама и, исполняя приказ вождя, задал ему эти вопросы. Наблюдая за поведением своих противников, Рама улыбнулся. Он проговорил:

«Слушай, воин! Я принадлежу к касте кшатриев и, как и твой хозяин, пришел в этот лес поохотиться на диких зверей. Я не боюсь даже самого Бога Смерти. Передай своему вождю, что если ему угодно, пусть попробует вызвать меня на бой и выиграть битву. В противном случае вам следует немедленно отправляться назад, домой и избежать тем

самым неминуемой гибели. Я не стану убивать тех, кто бежит с поля боя». Это заявление Рама было слово в слово передано гонцом Кхаре и Душане. Тогда братья, разом схватившись за оружие – за свои копыя, боевые топоры, булавы, луки и стрелы – издали оглушительный боевой клич, громом прогремевший в небесах, и на Раму обрушился шквал тяжелых копий и стрел, но от одной стрелы, пущенной из Его лука, они все разлетелись на мелкие куски! Рама посылал одну за другой свои стрелы, и каждая из них производила переполох и панику, разражаясь в толпе демонов огненной вспышкой молнии. Великаны в ужасе бежали от этого смертоносного натиска, крича: «О Мать! Отец! О горе нам! Спасите! Спасите!», – обезумев от боли, страха и отчаяния.

Видя, что их грозная рать спасается бегством, Кхара, Душана и их младший брат Тришира закричали что было сил: «Ракшасы! Не бегите с поля битвы! Те, кто попытается бежать, будут убиты на месте нашими собственными воинами!» Услышав это, демоны-великаны, пустившиеся было наутек, поразмыслив, решили: «Пусть будет так! Лучше погибнуть от руки Рама и в его Присутствии, чем принять смерть от кого-то другого, вдали от него!»

Они вернулись в свои ряды и двинулись к месту, где стоял Рама. У них не было ни малейшего желания продолжать сражение. Они были настолько зачарованы неземной красотой и сияющим великолепием Рама, что впали в восторженный транс и замерли, не спуская глаз с его Божественной фигуры.

Рама, однако, в этот момент выпустил стрелу Саммохану, обладающую волшебным свойством вводить в заблуждение врага и спутывать все его планы. В результате ее действия каждый воин видит в своем ближайшем соратнике злейшего врага, которого обязан уничтожить. Побуждаемые приказом Кхары и Душаны убить Раму, ракшасы набрасывались друг на друга, выкрикивая: «Рама здесь! Вот Рама!», и в великом ликовании от легкой победы, убивали своих братьев-демонов. Все поле битвы было покрыто изрубленными на куски телами чудовищ-людоедов. Реки крови текли по джунглям. Отовсюду слетались огромные стаи ворон и стервятников и кружились над кровавыми тушами, предвкушая невиданное пиршество. Четырнадцать тысяч демонов-великанов пали в тот день в бою с одним-единственным воином! Ни один из них не остался в живых! Падая на землю, сраженные рукою сородича, они кричали, умирая: «Рама! Рама!» Вместе со своими верными оруженосцами погибли в сражении и оба брата – Кхара и Душана. Мудрецы и аскеты, следившие за грандиозной сценой самоуничтожения, убедились в непревзойденной доблести Рама. С облегчением и радостью они осознали, что близится час крушения Раваны, и ему суждено принять смерть от руки этого великого несравненного героя. Они были тверды в своей вере, что Рама – это само Всемогущее Провидение, чья сила и воля сотрут с лица земли все демоническое отродье ракшасов и подарят мир и процветание человечеству.

Когда улеглись свирепые страсти битвы. Сита и Лакшмана приблизились к Рама и простерлись у его ног. Рама нежно поднял брата с колен и поведал ему о злосчастной участи четырнадцатитысячного воинства и его вождей, которая решилась в ходе сражения, длившегося не более получаса. Он был счастлив и радостен, с улыбкой описывая им подробности схватки и перемежал рассказ веселыми шутками. Между тем глаза Ситы с тревогой блуждали по телу Рама, стремясь убедиться в том, что он сам цел и невредим, и что на нем нет ни единой царапины. На следующий день к ашраму Рама в Панчавати потянулись процессии аскетов, мудрецов и их учеников, прослышавших об уничтожении несметного демонического воинства рукою одного-единственного человека – принца из Айодхьи. Они превозносили Раму, его отвагу и искусство великого лучника. Те из них, кто обладал даром предвидения будущих событий, смиренно склонялись перед Рамой и говорили ему: «О Господин! Ты должен быть настороже и проявить бдительность в грядущие дни. Ракшасы пренебрегают всеми запретами и правилами, касающимися чести и справедливости. Причинять вред всем без исключения – для них привычное будничное занятие. Высшая цель для них – удовлетворение личных нечестивых

потребностей. Их не заботит, какие средства при этом используются. В руках их старшего брата Раваны сосредоточены неограниченная власть и могущество. Его воинство в миллионы раз превосходит то, с которым тебе пришлось столкнуться. Это исчадь злобы и ненависти – его сестра – наверняка уже мчится к нему, чтобы пожаловаться на свою участь. Нет сомнения в том, что Равана придет в ярость и пожелает отомстить за сестру и расправиться с обидчиками, изуродовавшими ее». Так предостерегали мудрецы Рама и Лакшману, рассказывая все то, что им было известно о Раване. Рама слушал их, и на его лице играла, как всегда, безмятежная улыбка. Он ответил им: «Да, да, конечно. Я знаю все то, о чем вы поведали мне. Именно с этой целью я и появился здесь». Он задумчиво склонил голову, как бы заглядывая в будущее, с нетерпением ожидая счастливого момента встречи с Раваной. Однако он не сказал больше ни слова, и никто не догадался о том, что ему ведомо все, чему суждено произойти.

Он обратил свой взор к Лакшмане и с лукавой улыбкой в глазах сказал ему: «Ты все слышал, не правда ли?» Повернувшись к обступившим его мудрецам, он проговорил: «Прошу вас, будьте терпеливы и ни о чем не тревожьтесь. Я готов противостоять всем испытаниям». Почтенные старцы почувствовали облегчение; их успокоило полное уверенности обещание Рама; он вселил в них надежду и мужество. Рама позволил им разойтись по своим обителям, убедив их возобновить свои занятия и духовную практику и пребывать в покое и мире, не страшась нападков демонических орд.

Как и предсказывали мудрецы, Шурпанакха не теряла времени, чтобы, как можно скорее, предстать перед своим братом Раваной, сопроводив свое появление громкими воплями и рыданиями. Услышав пронзительные крики, ракшасы, обитающие на Ланке, до смерти перепугались, решив, что на их земли обрушилось неслыханное бедствие; они в страхе выбегали на улицы и, собираясь группами, в тревоге гадали, что могло случиться. Шурпанакха без предупреждения вторглась в торжественный приемный зал, где на троне восседал Равана, царь ракшасов, и с порога разразилась потоком брани, произведя смутнение и беспокойство среди присутствующих.

Ее облик был чудовищен; все тело было в подтеках спекшейся крови; гневные слова источали яд. Равана понял, что кто-то нанес сестре жесточайшую обиду. Он был потрясен ее состоянием. Он грозно прорычал со своего трона: «Сестра! Немедленно расскажи, что произошло с тобой!»

Шурпанакха воскликнула: «Брат! Если ты – истинный ракшаса, если те сверхчеловеческие силы, доставшиеся тебе в награду за долгие годы аскетизма, не пустая болтовня, тогда – вставай! Вставай и иди, ибо настал момент применить твою доблесть, твою храбрость и твой героизм! Поднимись и опомнись! Не допусти, чтобы разразились несчастья, подступающие к тебе, пока ты сидишь здесь, одурманенный хмельным зельем!

Тебе невдомек, что стряслось в Панчавати, тебе нет дела до того, кто явился туда, что он задумал и какова его цель. В лесу Дандака поселились принцы, полные решимости истребить весь род ракшасов! От их руки пали в бою целые лакхи воинов-людоедов! Они разрубили на куски твоих братьев – Кхару и Душану! Не моргнув глазом, они уничтожили многотысячную рать демонов-чудовищ, набросившихся на них! О! Их героизм недоступен описанию. А их неземная красота! О!» Тут Шурпанакха словно онемела и погрузилась в молчаливое созерцание великолепия, околдовавшего ее. Услышав этот рассказ, Равана впал в неистовое бешенство. Он скрежетал зубами; он яростно колотил себя по ляжкам, будто был готов тотчас же ринуться в драку с дерзким противником. «Как?! Неужели эти подлые злодеи убили Кхару и Душану? Возможно, им неизвестно МОЕ имя, и что за братьями стою Я как несокрушимая опора! Они, наверное, не подозревают о моей мощи и о страшной мести, на которую я способен!»

Равана продолжал громогласно похваляться перед собравшимися своими победами и подвигами. Шурпанакха грубо перебила его словами: «О гора свирепости и злобы! Пока твой заклятый враг пляшет победный танец у тебя на голове, ты восседаешь здесь как последний трус, восхваляя сам себя и свою неуязвимость! Достойно ли это правителя,

сидящего на царском троне? Или тебе не известно, что саньясина (отрешенного) предают его же ученики, царей свергают его же подручные-министры, мудрость гибнет от жажды признания и славы, а чувство стыда разрушается непомерным пьянством? Слушай, брат! Не следует относиться с пренебрежением к врагу, болезни, огню, змеенышу на земле только потому, что они кажутся тебе ничтожными и незначительными. Когда они разрастутся до гигантских размеров, то нанесут непоправимый вред! Поэтому ты должен спешить! Не сомневайся и не медли!»

Эти слова Шурпанакхи влили в уши Раваны яд ненависти. В это время находящийся тут же другой брат Раваны, Кумбакарна, ехидно ухмыляясь, осведомился: «Сестра! Кто же отсек тебе нос и уши?» Она ответила, громко стеля: «О горе мне! Увы! Этот гнусный поступок был совершен ими – двумя принцами!»

Равана попытался успокоить ее, а затем спросил: «Сестра! Твой нос находился на лице; уши – по обе стороны лица; не так просто отсечь их разом одним ударом. Мне это кажется удивительным. Скажи мне, может быть, ты крепко спала, и в это время они подкрались к тебе и отрезали нос и уши?» Все прочие также недоумевали, как могло случиться такое с грозной Шурпанакхой. Тогда сестра Раваны ответила: «Брат! Когда эти нежные ласковые руки коснулись меня, я не только перестала ощущать свое собственное тело, нет, я вообще позабыла о том, где я нахожусь и что происходит. Когда мои глаза упивались прелестью этих прекрасных лиц, я не осознавала, что и зачем они делают. Облик принцев настолько заморозил меня, что я не помнила себя и не видела ничего вокруг. Как могу я описать тот блаженный экстаз, в который я впала, внимая их речам? О чем бы ни зашел разговор, на их лицах играли радостные улыбки; им просто неведома иная манера общения. Даже мужские сердца были пленены их обаянием! Поистине они – волшебные посланники самого Бога любви. Никогда прежде не видела я подобной красоты! Будь проклято все племя ракшасов вместе с нашей удалью, нашими коварными кознями, безобразными лицами и уродливыми телами! Все мы отвратительны! Тебе стоит лишь один раз взглянуть на них, и ты поклянешься, что я права! Ведь твои братья, Кхара и Душана, погибли на поле брани, отказавшись сражаться с ними! Я слышала их жалобные протесты: «Как можем мы чувствовать вражду к этим воплощениям благочестия и совершенной красоты? Как можем мы нападать на них?»

Придворные и министры, во множестве собравшиеся в зале, слушали этот рассказ с восхищением и трепетом. Слова Шурпанакхи смутили даже Равану. В образе Рамы, нарисованном сестрой, было нечто такое, что Равана, мысленно представляя его, ощущал великий покой и радостное умиротворение. Он почувствовал, что в глубине его души зреет непреодолимое желание собственными глазами увидеть это олицетворение Божественной Прелести, вселяющее восторг и вдохновение. Он сам не заметил, что пока слушал сестру, гнев, клокотавший внутри, незаметно улегся и исчез. Успокоившись, Равана решил выяснить, что же на самом деле произошло в Панчавати.

Поэтому он обратился к Шурпанакхе с вопросом: «Сестра! Скажи мне, эти двое братьев живут в Панчавати совсем одни? Кто еще находится рядом с ними? Есть ли у них спутники, друзья, придворные и слуги?» Шурпанакха ответила: «Нет! При них нет ни грозных телохранителей, ни свиты, ни воинов, ни близких. У старшего из братьев есть женщина невиданной красоты. Она даже более прекрасна, чем сами принцы, она – сама Богиня любви в человеческом обличье. Два брата вместе с этой женщиной поселились в Панчавати в маленькой хижине. Они спокойно разгуливают по лесным тропам, полянам и долинам, не испытывая ни малейшего страха. Должна признаться, что я не подозревала о существовании столь совершенной женской красоты; никто не сравнится с нею – ни на земле, ни на небе».

Глава 21

Коварный злодей

Равана слушал Шурпанакху, и его захлестывала волна низменной страсти и похотливого вождения, превратившая в конце концов царя ракшасов в жалкого раба собственного губительного безрассудства. Как змея, меняющая шкуру, стряхнул он с себя вспыхнувшую было ненависть к Рама и Лакшмане и принялся лихорадочно обдумывать план, как ему выкрасть Ситу у принцев. Охваченный нетерпеливым возбуждением, он весь ушел в напряженные думы, не зная ни сна, ни отдыха, не чувствуя ни голода, ни жажды. Роковая идея полностью завладела его воображением. Единственным существом, которое внимало рассказам Шурпанакхи о красоте и великолепии братьев – Рама и Лакшманы – с искренней радостью в сердце и со слезами на глазах, был Вибхишана. Он запечатлел божественно прекрасные образы в храме своего сердца и жаждал только одного – удостоиться их Присутствия и пасть к их ногам. «Примут ли они меня? Не прогонят ли? Смогу ли я быть спасен, заслужив их благословение?» – вот вопросы, которые задавал он себе без конца. Вибхишана рассуждал сам с собою: «Нет сомнений в том, что природа их божественна. Они появились на земле в человеческом обличье, чтобы истребить порочное племя ракшасов». Он мысленно готов был пожертвовать им все, что имел, включая самого себя. С этого дня Вибхишана жил, погрузившись в постоянную медитацию об их сияющей славе.

Равана низвергся с высот йогической мудрости, которые он покорил в своих предыдущих жизнях, и теперь влачил существование ракшасы; но в тайниках его сердца жила искренняя и великая преданность Богу. Он не утратил постигнутой истины о Вселенском Абсолюте, Нараяне, и сохранил ее в глубинах своего сознания. Ему был известен и тот факт, что Рама – это сам Нараяна, явившийся в мир в человеческом теле, чтобы ниспослать богам радость и покой и истребить на корню все ростки демонической злобы и низости. Но несмотря на это, поскольку не было для него другого пути приблизиться к Нараяне, он вынужден был приумножать и копить в себе бессмысленную злобу и жестокую ненависть, чтобы вынудить Раму уничтожить его! Это был избранный им путь преданности, путь, без сомнения, бесславный и неразумный. Но его главной, сокровенной целью оставалось пересечение Океана смертей и рождений, пусть ценою такого извращенного самоотречения, и предание себя в конце этого пути в руки Нараяны.

Равана, чье тело развивалось и вскармливало в среде ракшасов и чей ум постоянно подкреплялся и поддерживался демоническими силами и пристрастиями, все чаще пренебрегал тем божественным, что крылось в его душе и побуждало слиться с Божественным Рамой. Он все более полагался на могущество демонической природы ракшасов и пробуждал в себе все более зловещие силы и возможности. Божественные и демонические грани его личности попеременно вспыхивали и гасли, превращая в постоянную борьбу каждое мгновение его жизни. В конце концов ему удалось убедить себя, что двое братьев – не более, чем обыкновенные принцы благородных кровей, и он задумал убить их обоих и похитить женщину, к которой чувствовал непреодолимое влечение. Он пообещал сестре, что отомстит таким образом за нанесенное ей оскорбление. Он объявил, что общее собрание закончено и велел своим прислужникам доставить ко входу во дворец царскую колесницу, снаряженную для путешествия. Равана взошел на колесницу, не взяв с собою никого из подданных и быстро умчался на ней к берегу моря, где находилось жилище Маричи. Найдя Маричу и усевшись с ним рядом, Равана поведал ему обо всем, что случилось. Он призвал Маричу содействовать ему в осуществлении своего плана. Однако Марича возразил, что однажды уже испытал на себе могущество обоих братьев – Рама и Лакшманы. Он пытался убедить Равану, что они вовсе не обыкновенные принцы, и всячески отговаривал его от дикой и безумной затеи. Он долго и терпеливо спорил с Раваной, надеясь переубедить его. Однако ослепившая

Равану страсть сделала его невменяемым к доводам рассудка и морали. Поэтому он пригрозил Мариче, что сурово накажет его, если тот не подчинится его воле. Марича рассудил про себя, что лучше уж ему погибнуть от руки Рама, чем пасть жертвой ракшасы, коим являлся Равана. Он согласился принять условия Раваны и с тяжелым сердцем приготовился сыграть уготованную ему роль в коварной игре.

Вместе с Маричей Равана устремился на своей колеснице в джунгли Дандака. Во время пути он разъяснял своему сообщнику подробности задуманного плана. Он повелел Мариче с помощью таинственных демонических сил превратиться в прекрасного золотого оленя и игривой и грациозной поступью приблизиться к хижине, где обитали Сита, Рама и Лакшмана. Марича был вынужден повиноваться, ибо не видел иного способа избежать страшного гнева Раваны. Равана втолковывал ему:

«Рама попытается поймать тебя; он будет гнаться за тобою, и ты должен увести его как можно дальше в лес; оттуда ты громко возопишь голосом Рама, полным отчаяния и предсмертной муки: «О Сита! О Лакшмана!» Завершив свои наставления, Равана сошел с колесницы. Спрятав ее в лесу, оба ракшасы пешком направились к обители Рама.

Пока плелись эти сети, Рама и Сита, сидящие в своей хижине в Панчавати, внезапно почувствовали, что час исполнения их миссии близится. Рама отослал Лакшману собирать коренья и фрукты для дневной трапезы и, отметив, что благоприятный момент настал, сказал Сите:

«Друг мой! Тебе известно все. Мы оба знаем, зачем появились на земле и какова наша цель. Теперь эта цель зовет нас; мы призваны к действию, и оба должны быть серьезны и бдительны. Твоя природа в высшей степени благородна. Твои добродетели святы. Мы обрели эти человеческие тела, пройдя предписанные высшим законом огненные ритуалы. Мое тело возникло из жертвенного пламени как дар алтарю самого бога Агни. Твое тело поднялось из земли, которую бороздил священный плуг, чтобы освятить ее для сооружения огненного алтаря великой Яджны. Наши тела рождены огнем и хранимы жаром огня. Поэтому, Сита, предай огню, как надежному хранителю, свои Божественные свойства и неземное великолепие и после этого действуй так, как обыкновенное создание из плоти и крови. Я тоже буду вести себя как простой смертный, изображая скорбь и тревогу, боль разлуки с тобой и муки одиночества. Только такое поведение будет оценено и запомнится миром, который считает нас обыкновенными людьми. Наши действия будут восприняты как естественная реакция на земные события. Запомни, что каждый наш шаг, каждое движение должно послужить высочайшим примером для жителей Земли; мы обязаны продемонстрировать идеальные взаимоотношения между верными супругами, строго соответствующие принципам праведности и справедливости. Все наши действия должны быть нанизаны на золотые путеводные нити, начертанные Шастрами, священными текстами, чтобы послужить простым людям примером для подражания и источником вдохновения, чтобы побудить их следовать в своей дальнейшей жизни бесценным идеалам. Нам суждено разыграть эту драму до полного ее завершения, до последнего акта, в котором произойдет крушение Раваны и вместе с ним всего племени ракшасов.

Теперь приготовься вручить свое Божественное сияние во владение бога огня, Агни, и превратиться на время в обыкновенную женщину, скованную цепями иллюзии. Майи. Ибо без побудительной причины не будет и результата. Мы должны добиться цели – уничтожения Раваны и демонического отродья ракшасов. Нам необходимо использовать повод, толчок к действию, стимул для дальнейшего неотвратимого хода событий. Основной изъян в натуре Раваны – неумеренная похоть и вожделение. Этот порок нам следует безжалостно высветить перед всем человечеством. Поэтому мы должны быть готовы разыграть ситуацию, в которой он похищает тебя, снедаемый страстью. Тогда мир осознает, что его «преданность и приверженность» Богу далеки от чистоты и возвышенности, ибо какова цена преданности, оскверненной жадой чувственных наслаждений и нечестивыми помыслами? Всякие действия и поступки, порожденные

сознанием, лишенным чистоты, заведомо порочны; «преданность» Богу, замутненная похотью, отвратительна, как нечистоты; эти истины должны быть преподаны миру как важный и полезный урок.

Для той же пользы человечества мы должны напомнить миру еще один непреложный закон: всякая духовная садхана, суровый аскетизм, любые религиозные обряды и ритуалы, совершаемые с целью обрести сверхчеловеческие силы и возможности, не только бессмысленны и ничтожны, но и вредны. Наш герой Равана должен выступить как предостережение миру: как бы ни был прилежен человек в соблюдении священных обрядов и церемоний, если он при этом не может преодолеть своих демонических пристрастий и склонностей, результат будет один – все его «благочестивые» действия будут не только бесплодны, но и нечестивы.

Над всем тем, что я сказал тебе, Сита, довлеет и господствует неотвратимое пророчество, смысл которого мы должны себе ясно представлять. Над Раваной с давних пор тяготеет проклятье, и он осведомлен о тех способах, которые помогут ему избежать его роковых последствий. (1 По-видимому, имеется в виду «дар-проклятье» Брахмы, который сделал Равану неуязвимым для богов и людей, но предсказал ему возможную смерть от руки Бога, воплощенного в образе человека. Равана знал и еще об одной угрозе, предреченной Богами – если он возьмет женщину силой, его голова разлетится на тысячу частей.) Поэтому мы не должны препятствовать выполнению его плана. Это и послужит толчком к его стремительному падению. Сегодня или завтра нам придется разлучиться друг с другом. На самом деле, ничто не сможет разлучить нас, ибо мы есть неразделимая, единая сущность. Но мы должны разыграть эту разлуку, чтобы обеспечить успех нашей мистерии. Теперь ступай и предай свою Божественную форму в священное хранилище Агни. Лакшмана вернется с минуты на минуту с фруктами и кореньями. А Равана, со своим искаженным разумом, уже готов выступить на сцену.

Еще одну истину я должен раскрыть перед тобою. Тебе предназначено сыграть свою роль в истреблении ракшасов. Хотя со стороны и будет казаться, что ты находишься в плену у Раваны под его неусыпным надзором, но поскольку твоя сила, неизменная и вечная, сохранится в Огне, именно тебе суждено обратить Ланку в пепел, восстав из Огня, в котором до времени покоится твоя сущность. Ланка будет сожжена дотла, но не самим Огнем, а тобою в образе Огня. А Рама должен уничтожить Равану – такова божественная Воля, такова Истина, которую я провозглашаю тебе. Эту тайну также не следует сообщать Лакшмане. Он наш помощник, он – орудие нашей победы. Когда миссия будет завершена и придет время возвращения в Айодхью, я вновь приму тебя из Огня, в котором ты будешь пребывать; этот акт нашего воссоединения я также превращу в бесценный урок для всего человечества. Итак, наша драма начинается!» – так сказал Рама. После этого. Сита и Рама, обсудив детали дальнейших действий, спокойно уселись, ожидая вестников Раваны, который уже вступил в игру.

С этого момента все поступки и слова, все поведение Ситы и Рама: муки расставания, приступы волнения и беспокойства, горестные стоны и душевные страдания – были искусной игрой двух гениальных актеров в ими же созданной драме. Могли ли быть подлинными чувства Рама и Ситы, неотделимых друг от друга по своей природе? Их действия преследовали одну лишь цель: явить глазам зрителей – всему человечеству – редчайший и драгоценный пример.

В это время в хижину вошел Лакшмана. Его руки были полны фруктов и прочих съедобных даров леса. Вместе они совершили свою простую трапезу и выпили холодной прозрачной речной воды. Затем они сели на пороге своего жилища, любясь красотой леса, далеких холмов и долин и негодуя на жестоких ракшасов, оскверняющих покой джунглей. С восторгом говорили они о святости и гармонии лесной жизни, а неподалеку от их обители Равана и Марича обсуждали, каким образом им проникнуть в хижину и осуществить свою гнусную затею. Мариче были отвратительны нетерпеливое возбуждение и упрямство Раваны, но ему не хватало мужества отказаться от соучастия в

преступлении. Он не желал принимать смерть от руки злобного и порочного ракшасы, поэтому он примирился с ролью, отведенной ему Раваной и согласился действовать по его наущению. Он изменил свой облик, превратившись в сказочно прекрасного золотистого оленя. Равана не сомневался, что такое удивительное животное привлечет внимание Ситы и Рама. Марича же тайно предавался сладостным мыслям: «О! Какой необыкновенный день ожидает меня! Через несколько мгновений я удостоюсь великой благодати – лицезрения троих самых прекрасных существ на земле. Взгляд самой Ситы упадет на меня. А затем, о, сам Рама будет преследовать меня, держа в руках свой лук и стрелы! Какой я счастливеец! Я – раб, которому подобает ступать по следу, оставленному ногою Рама; но сегодня мой Хозяин будет идти по моим следам! Конечно, я знаю, что втянут в самое ужасное и низкое из злодеяний! Но меня принудили к этому силой, я поступаю так не по своей воле – у меня не было другого выбора и поэтому я свободен от греха. Какой бы тяжкий грех я ни совершил, в тот миг, когда в мое тело вонзится стрела Рама, пущенная его рукою, мое колдовское обличье исчезнет. Это поистине счастливая судьба! Кто осмелился бы мечтать о таком конце, и есть ли еще избранные, заслужившие такую награду? И не только эта редкая удача выпадет мне! При моем последнем вздохе мои глаза будут устремлены на Раму! Прямо передо мною будет сиять Его Божественная Красота, мои уста будут наслаждаться сладчайшим Именем! О! Какой смысл обрела наконец моя жизнь! В целом свете нет никого счастливее меня!»

Упиваясь такими блаженными мыслями, Марича медленно приближался к хижине. Всеведущий Рама и всеведущая Сита спокойно ожидали его появления. Они увидели оленя, боязливой и робкой поступью вышедшего на поляну и замершего в нерешительности. Некоторое время он стоял, не шелохнувшись, не сводя глаз с Ситы и Рама. Затем, словно испугавшись, несколькими грациозными прыжками он скрылся в зарослях лиан, но то и дело выглядывал оттуда, трепеща от любопытства. Сита, Рама и Лакшмана пришли в восторг от его красоты и шаловливой повадки. Заметив его блистающую, как золото, шкуру, они решили, что перед ними животное какой-то особенной редкой породы, и восхищались его волшебным очарованием. Сита сказала: «Если бы здесь со мною всегда был этот олень, какими счастливыми стали бы мои дни! Когда вы оба заняты своими важными делами, я могла бы безмятежно играть с этим ласковым ручным зверем. Пожалуйста, поймайте для меня этого маленького веселого оленя! Неужели вы не согласитесь исполнить такое невинное желание? Тогда я не буду скучать в одиночестве, я стану заботиться о нем и любоваться его резвыми играми!» Сита просила и умоляла, изображая непреодолимое желание заполучить сказочное животное.

Рисунок 5 Рама, Сита и Лакшмана обсуждают золотого оленя

Тогда Лакшмана, поднявшись со своего места, сказал ей: «Госпожа! Я поймаю для тебя этого оленя». Но Рама остановил его. Он знал, что золотой олень готов отдаться только в его собственные руки. Поскольку Лакшмана не подозревал, что перед ним разыгрывается вступление к первому акту драмы, Рама проговорил: «Лакшмана! Это животное нужно поймать, не поранив его и не причинив ему ни малейшего вреда. Поэтому я сам попробую догнать его и привести сюда. Мне хочется самому исполнить желание Ситы». При этих словах Лакшмана мгновенно умолк и сел, безропотно подчинившись приказу Рама.

А Рама между тем продолжал, желая скрыть от Лакшманы, что им обоим, ему и Сите, известен дальнейший ход событий: «Лакшмана! Эти джунгли – постоянное прибежище ракшасов. Не забывай о том, что случилось два дня назад, когда их вожаки, Кхара и Душана, напали на нас. Их родичи и прислужники, объединив свои силы, в любой момент могут снова броситься в атаку. Поэтому тебе необходимо держать наготове лук и стрелы и с величайшей бдительностью следить за всем, что происходит вокруг. Не спускай глаз с Ситы, будь ей надежным стражем! Ни при каких условиях не оставляй ее одну! Этот олень может ускользнуть от меня и увести за собою далеко в джунгли. Я должен поймать его живым и, возможно, на это уйдет немало времени. Если в мое отсутствие Сите будет угрожать какая-то опасность, я надеюсь, что ты в полной мере проявишь свой ум и свою отвагу, чтобы защитить ее».

Рама осторожно подкрался к кустам, где прятался таинственный олень, после чего быстро скрылся из виду. Золотой олень, бросившись бежать от Рама, смотрел не вперед, а назад, вытягивая шею, чтобы ни на секунду не оторвать взгляд от своего преследователя! Рама радовался, наблюдая за его поведением. Он знал, что олень – не кто иной, как демон Марича, глубоко преданный ему, постигший и осознавший Принцип Рама и Могущество Рама. Поэтому Рама тоже не сводил глаз с оленя и с огромным интересом следил за его повадкой. В какой-то момент зверь очутился совсем близко от Рама, но, совершив резкий прыжок в сторону, попытался увлечь его за собой на более дальнее расстояние. Рама, казалось, получал удовольствие от этой погони, от дразнящих уловок своей жертвы. Но вот настал миг, когда, натянув тетиву, он прицелился и пустил в золотого оленя свою меткую стрелу.

Когда роковая стрела поразила его, Марича громко вскричал: «О Сита! О Лакшмана!» голосом, исполненным мучительной боли и в предсмертной агонии упал на землю. Этот пронзительный крик услышали Сита и Лакшмана. Не успел звук достичь слуха Лакшманы, как Сита сказала тревожно: «Лакшмана! Ты слышишь? Это голос твоего брата. Он зовет тебя на помощь. Беги, беги немедленно, не то будет поздно! Эти ракшасы – великие мастера на колдовские трюки и перевоплощения. Они способны на страшные злодеяния, меняя свой облик и скрывая свою истинную природу». Сита требовала, чтобы Лакшмана, как можно быстрее, отправился к тому месту, откуда донесся зов о помощи.

Лакшмана, обладая острым и глубоким умом, мог мгновенно оценивать ситуацию и делать правильные выводы. Кроме того, он беспрекословно подчинялся приказам брата, и эти приказы были ему дороже собственного дыхания. Поэтому он сказал Сите: «Госпожа! С Рамой никогда не случится беды. Самый коварный из ракшасов не сможет причинить ему вреда. Ты же видела, как в мгновение ока он уничтожил тысячные полчища этих грозных ракшасов! Не беспокойся ни о чем! Наберись мужества и терпения. Рама скоро вернется в хижину, как всегда, бодрый и невредимый».

Тут вновь издали послышался отчаянный крик Рама: «Сита! Лакшмана!», и Ситой овладели еще большие испуг и волнение. Она воскликнула: «Лакшмана! Что с тобой? Отчего ты так бессердечен? Каковы твои тайные намерения? Ступай же! Поторопись и избавь своего брата от нависшей над ним опасности. Помоги ему! Иди!» Сита всячески демонстрировала свою тревогу и страх и делала все возможное, чтобы заставить Лакшману покинуть ее.

Разумеется, Сите было прекрасно известно, что Рама не угрожает никакая опасность. Но ей во что бы то ни стало нужно было «заложить основу» для дальнейших событий. Поэтому она изображала простую женщину, смертельно перепуганную криками мужа. Лакшмана убеждал ее всеми доступными способами; он жалобно умолял ее не вынуждать его идти наперекор воли Рама. Видя, что все его доводы и мольбы бесполезны, он в конце концов решительно заявил: «Мать! Воля Рама – моя жизнь. Это сокровище драгоценно мне как дыхание. Разве ты не слышала, что Рама велел мне ни на миг не оставлять тебя одну, лишив защиты? Поэтому я и шагу не ступлю отсюда, что бы ни случилось».

Сите было необходимо отослать Лакшману, чтобы «освободить» Раване путь к хижине. Таков был план, созданный Рамой, имеющий целью уничтожение Раваны и всего отродья ракшасов. Сита, как и Лакшмана, была обязана выполнить приказ Рамы, и она продолжала настаивать на своем, вынужденно применяя резкие и обидные слова, которые могли бы подействовать на Лакшману.

Лакшмана крепко зажал уши руками; он не мог выносить таких несправедливых обвинений и грубых нападок. Он взмолился: «Мать! Я вытерплю любой, самый страшный гнев, который ты обрушишь на меня». Но когда Сита, окончательно выйдя из себя, пригрозила Лакшмане, что сама отправится в джунгли искать Раму, если этого не сделает Лакшмана, тот понял, что у него нет выбора. Его терпение иссякло. Он не мог допустить, чтобы Сита в одиночестве бродила по лесу в поисках Рамы и спасала его от опасности. Поэтому с тяжелым сердцем он покинул хижину и удалился в джунгли.

Перед уходом он попросил Ситу оставаться внутри обители, крепко заперев двери, и ни под каким предлогом не выходить наружу. Он убеждал ее соблюдать осторожность и бдительность. Затем он вышел из хижины, не имея на это ни желания, ни сил! Он обошел вокруг нее, взывая к лесным духам и умоляя их хранить и беречь Ситу. Он начертал четыре магических круга, произнес над ними могущественную мантру-заклинание и попросил Ситу не переступать их ни при каких обстоятельствах, не поддаваясь ни уговорам, ни требованиям.

Лакшмана был личностью, наделенной высочайшими добродетелями; он разрывался между двумя прямо противоположными приказами, ни одним из которых он не мог пренебречь. Его терзания и муки были невыносимы. Он был вынужден действовать наперекор воли Рамы; ему пришлось оставить Ситу одну безо всякой защиты. Его сердце трепетало от ужаса. Он шел вперед, но ноги отказывались нести его; на каждом шагу он оборачивался, с тоскою глядя на хижину, где осталась Сита.

Тем временем Равана, с нетерпением ожидавший этого момента, был занят преображением своего одеяния и облика. Его внешность стала подобна риши; но его устремления, несмотря на врожденную мощь и способность устрашать богов и демонов одним звуком своего имени, были низменны и трусливы, как у вороватого пса. Боязливо осмотревшись вокруг, он, крадучись, с отчаянно бьющимся сердцем, приблизился к хижине. Когда он попытался открыть дверь, магические линии, начертанные Лакшманой, угрожающе вспыхнули языками пламени. Равана испугался, что его план может провалиться и что ему придется столкнуться с еще худшими напастями. Поэтому он не посмел преступить черту и прокричал: «Хозяйка обители! Не откажи мне в подавании!»

Сита услышала крик; она знала, что это был Равана. Она взяла несколько фруктов и кореньев, отворила дверь и встала на пороге. Но Равана не отважился приблизиться к ней, чтобы принять дары из ее рук. Он сказал: «Я не должен подходить близко ни к какой обители: это мой священный обет». Он хотел, чтобы Сита положила подавание прямо ему в ладони. Сита ответила: «Но я не могу преступить линию, начертанную моим братом. Подойди же, почтенный мудрец! Прими от меня эти дары!» Но самозванец, прикидывающийся нищенствующим монахом, твердил свое: «Госпожа! Я не пересеку запретную черту и не смогу принять через нее подавание. Таково правило аскетов, подобных мне. Выйди же! Подай мне эти плоды! Я голоден! Я очень голоден!» Он так хорошо играл свою роль, так тяжело вздыхал и так выразительно жестикулировал, что Сита решила преступить черту, чтобы из рук в руки вручить ему подавание.

Все дальнейшее произошло в доли секунды. Стоило Сите оказаться за пределами магического круга, Равана крепко схватил ее и вместе с нею вскочил в ожидающую неподалеку летающую колесницу. Не обращая внимания на ее громкие причитания, он с бешеной скоростью помчался вперед. Сита закричала в отчаянии: «О Рама! О Лакшмана! Спасите меня от этого злобного чудовища!» Отшельники и прочие обитатели леса в окрестностях Панчавати слышали этот крик, но были бессильны спасти ту, что была похищена. Поблекла и пожелтела яркая зелень леса, когда пронесся над ним этот голос,

полный мучительной боли. «О Рама! О Мой Повелитель! Спаси меня! Спаси! Спаси меня от этого злобного чудовища!» – многоголосым эхом звенел в лесу этот крик, и все живое застывало в оцепенении, пораженное ужасом.

Сидя в колеснице Раваны, летящей как ветер, Сита осыпала ее владельца жестокими упреками: «Равана! Собственными руками ты прокладываешь путь к своей гибели! По своей воле ты навсегда стираешь с лица земли все свое царство, всех своих подданных, всю свою династию. Сейчас ты торжествуя смеешься, совершая это злодейство, но придет день, и тебе придется платить за свой грех со слезами на глазах. Жалкое ничтожество! Как мог ты, долгие годы предававшийся аскезе, опуститься до такого отвратительного поступка?!» – такими словами пыталась Сита вразумить и предостеречь Равану; она также неустанно взывала к Рама и Лакшмане, умоляя освободить ее.

Вождь орлиного племени Джатайю услышал жалобные крики, доносящиеся из колесницы. Он узнал голос Ситы. Он понял, что Сита пленена и похищена Раваной. Джатайю сетовал на свою старость и дряхлость, сделавшую его слишком слабым, чтобы сразиться с Раваной, злодеем, уносящим ее в свое логово. Но он почувствовал, что, несмотря ни на что, должен попытаться помешать ему. Он знал, что нет поступка благороднее, чем спасение женщины из хищных когтей негодяя, разлучившего ее с господином и повелителем. Он решил пожертвовать жизнью, если это потребуется, применить всю свою силу и сноровку ради священного акта служения – вызволения Ситы из демонических объятий Раваны. Кружась над колесницей, Джатайю кричал: «О Сита! Оставь свой страх! Я уничтожу этого жестокого злодея и освобожу тебя! Я верну тебя Рама». В стремительном полете он бросался вниз, наперерез колеснице и поражал Равану ударами своего острого клюва, отчего тот истекал кровью. Он хлестал колесницу своими огромными крыльями, пытаясь остановить ее, и создал поток встречного ураганного ветра, чтобы снизить ее скорость.

Но даже в борьбе и полете, держась в воздухе на слабеющих крыльях, он давал Раване бесценные советы, призывая одуматься, пока не будет слишком поздно. «Равана! Этот шаг не приведет тебя к добру! Отпусти Ситу и отправляйся домой с миром! Иначе ты и все твоё племя будут сожжены дотла гневом Рама, как мотыльки, летящие в огонь. Твоя спесь обернется для тебя крахом. Похищение чужой жены – тягчайший из грехов. Только тот, чье сердце изъедено пороком, жаждет овладеть чужой женой и пускается в путь, чтобы похитить ее! Только грубое животное, хуже трусливого пса или хитрой лисы, может пасть так низко. Ты ведешь себя как слепой безумец, не ведающий, что ждет его впереди! Подумай, существует ли деяние более варварское, чем то, на которое ты решился? О! Какими грехами были отягощены твои родители, породившие такого сына, как ты? Твой разум помутился, ибо ты полагаешься на свою физическую мощь, на свои несметные богатства и на неограниченную власть над подданными! Но запомни: все это сгорит в жарком пламени, обратившись в горсть пепла. В единый миг рассеется твое могущество, дарованное тебе в награду за годы покаяния. Остался бы ты сам в покое и бездействии, если бы твои сородичи-ракшасы похищали твоих жен и помогали их любви? Тот, кто чтит и уважает женщину, независимо от того, чья она жена – своя или чужая, никогда бы не навлек такой позор на свою голову!»

Джатайю кружил над колесницей, выкрикивая эти золотые мудрые слова. Слушая царя орлов, Сита испытывала огромное облегчение. Ее утешали и успокаивали эти речи, так безупречно и точно отражавшие истину.

Отважному Джатайю удалось остановить колесницу и вызвать Равану на поединок; демон успел помочь Сите спуститься и положить ее под деревом. Однако древние годы безжалостно брали свое; у орла не было сил для долгой схватки, и вскоре он почувствовал, что близок к поражению. Но во время жестокой битвы он сбил царскую корону с головы Раваны и когтями вырвал ключья его волос! Он клевал его так свирепо и беспощадно, что демон стал похож на огромную тушу, истекающую кровью. Своим острым клювом и мощными крыльями он нанес Раване такие страшные раны, что

несколько поубавил его спесь и высокомерие! Тогда, в приступе отчаянной ярости, Равана выхватил свой грозный кривой меч и одним ударом отрубил крылья Джатаю. Беспомощная птица, как камень, упала на землю. Для орлов крылья все равно что дыхание жизни. В смертной муке Джатаю выкрикнул имя Рама и затих, поверженный и недвижимый. Жизнь еще теплилась в его теле. Он думал: «Я дрался из последних сил во Имя своего Господина, но борьба не принесла успеха. И в этом проявилась воля Рама! Должно быть, все, что случилось, было задумано Рамой ради конечной цели – принести пользу всему человечеству. Если это не так и не будь на то Его воли, мог ли кто-нибудь похитить Ситу? Теперь я буду молиться только об одном: чтобы мое дыхание не прервалось до того мига, как я встречу Его и расскажу Ему о происшедшем. Это будет моей последней и главной целью в жизни». Джатаю закрыл глаза и погрузился в молитву.

Рисунок 6 Равана отрубает Джатаю крылья

Тем временем Равана, схватив Ситу, вновь усадил ее в колесницу и с огромной скоростью понесся вперед, дрожа от испытанного потрясения. Джатаю видел, как стремительно он скрылся и слышал крики Ситы о помощи. Он был вне себя от горя, что бессилён остановить его; он лежал на земле, весь мокрый от слез; его душа стремилась к

Рама, а язык еле слышно шептал Его Имя. «Когда смерть подкрадывается совсем близко, когда несчастье в двух шагах, события становятся непредсказуемы, но они несут в себе тайный смысл и дают бесценные уроки. Вся природа переворачивается вверх дном! Именно потому, что грядет близкий конец Раваны, и все его отродье будет сметено с лица земли, он и ведет себя так странно, действуя, как последний безумец». Открыв для себя эту истину, Джатайю напряг свою волю, чтобы удержать ускользающую из его тела жизнь до появления Рамы.

Убив демона-оборотня, превратившегося в Золотого оленя, Рама возвращался в Панчавати, пробираясь сквозь заросли джунглей. Он размышлял о том, что сюжет его истории, должно быть, уже завязался в лесной обители в его отсутствие, как требовала того Божественная Воля. «Пройдет еще немало времени, пока людям будет дано понять, что все происходящее подчинено Божественному Промыслу, и есть не что иное, как исполнение мною изобретенного Плана; поэтому мне следует и дальше вести себя, как обыкновенному смертному» – так рассуждал про себя Рама. На полпути к хижине он заметил идущего навстречу Лакшману и решил, что еще не время сообщать ему о тайной цели, ради которой разыгрывается трагедия. Поэтому он возмущенно воскликнул:

«Лакшмана! Брат! Ты не послушался меня и пренебрег моим наказом! Ты ушел из хижины, бросив Ситу в одиночестве! Как мог ты поступить так? Она совсем беззащитна, а ты бродишь по лесу так далеко от нее! Увы! Или ты не видел собственными глазами, как жестоко и беспощадно все демоническое племя ракшасов? Как же осмелился ты покинуть ее? О горе мне! Страшно подумать, что могло случиться с нею! Я боюсь, что стряслась неслыханная беда. Я чувствую, что Ситы уже нет там, в нашей тихой обители. О! Что же нам делать? Что ждет нас впереди?»

Услышав эти жалобные и тревожные слова, Лакшмана упал к ногам Рамы и произнес дрожащим голосом: «Брат! Ты знаешь меня, как самого себя. В любое мгновение я готов положить к твоим ногам свою жизнь, свое дыхание. Мог ли я даже помыслить о том, чтобы ослушаться твоего приказа? Однако сегодня это случилось. Силу, принудившую меня к неповиновению, вселила в меня сама моя Судьба. Что мне оставалось делать? Этот душераздирающий вопль, вырвавшийся из глотки злосчастного оленя-оборотня, донесся до нашей обители. Стоило Сите услышать его, как она принялась убеждать меня всеми возможными способами, чтобы я поспешил тебе на помощь. Мне известно, на какие хитрые уловки способны ракшасы, и я припал к ее ногам, моля простить за отказ исполнить ее просьбу. Я говорил ей: «Никто не может причинить Рама вреда. Ему не угрожает никакая опасность. Эти крики – всего лишь коварные козни ракшасов». В этот миг снова послышался вопль отчаяния. Тогда последнее мужество покинуло ее. Этот демон кричал голосом, неотличимым от твоего! Она словно обезумела, позабыв о своей истинной сущности! Отбросив все понятия о добронравии, о родстве, о семейных узах, она произносила слова, которые не должны быть произносимы или услышаны. Я не мог этого вынести! Поэтому я велел ей принять все меры предосторожности, а со своей стороны сделал все, чтобы оградить ее от опасности. После этого я покинул хижину. Я с радостью приму любое наказание, которому ты подвергнешь меня; я пройду через все испытания, чтобы искупить свою вину».

С этими словами Лакшмана простерся у ног Рамы. Рама ответил ему: «Лакшмана! Ты не должен был оставлять ее одну, какова бы ни была причина. Я предчувствую, что Ситы не окажется в обители, когда мы придем туда. Достойны ли мы будем того, чтобы зваться героями, если, отлучившись ненадолго в лес, не способны защитить Ситу от нападения ракшасов? Посмеешь ли ты посмотреть людям в глаза, когда завтра они скажут, что Рама не уберег свою жену от несчастья и позора и позволил демонам похитить ее? Сможешь ли ты спокойно выслушать эти обвинения? О! Как смогу я пережить эту трагедию?» Рама стонал и сокрушался от терзавшей его душевной муки, словно простой мирянин, убитый горем. Он побежал к хижине, чтобы убедиться, что страшные опасения подтвердились.

Как и предвидел Рама, в обители никого не оказалось. Изображая безысходное отчаяние, Рама оплакивал исчезновение Ситы. Лакшмана, сраженный горем, упал на пол там, где стоял. Зная, что является виновником несчастья, он приготовился расстаться с жизнью, но быстро опомнился, осознав, что Рама, потеряв Ситу, будет обречен на еще большие страдания и муки, если и его брат покинет этот мир, лишив се бя жизни. Он представлял себе, как Рама после его смерти будет блуждать по лесу в тоске и одиночестве и некому будет накормить и напоить его. Лакшмана не мог смотреть на горе Рамы и пережить утрату Ситы. Он лишился дара речи и был не в силах шевельнуть языком, чтобы вымолвить хоть одно слово утешения и сочувствия. Отрешившись от невыносимой для него действительности, он погрузился в глубокие раздумья, восстанавливая в памяти все события, произошедшие за этот день. И вскоре он пришел к выводу, что разразившаяся «беда» есть результат Божественной Воли Рамы! Он вновь осознал то, что ему было всегда известно: его брат – не простой смертный; теперь он был уверен, что перед ним разыгрывались сцены драмы, последний акт которой принесет человечеству мир, покой и процветание. Ибо Тот, кто с радостью осушал все слезы людского горя, Тот, кто всегда был Хранителем Мира, Тот, в ком до сих пор никто не замечал и следа печали, сейчас скорбит и стенает как обыкновенный человек, разлученный со своей женой! Охватив эту истину просветленным умом, Лакшмана с великим облегчением понял, что все это – игра, задуманная и управляемая Рамой! Лакшмана прекрасно знал о несравненной добродетели Ситы. То, что женщина такой безупречной чистоты столкнулась с подобной напастью, могло объясняться только одной ролью, отведенной ей Рамой в его земной мистерии. Ни одно существо в целом свете не пошевелит и пальцем, не будь на то воли Рамы! Но Рама снизошел на землю в человеческом обличье, намереваясь, подавая драгоценный пример, вести за собою человека путем разума, справедливости, нравственности, добродетели, искренности, отречения, преданности и смирения. Лакшмана осознал, что в этом и состоит смысл игры, задуманной Рамой и Ситой. Он понял, что и он сам – не более чем актер, чей долг – сыграть предназначенную роль со всем совершенством, на которое он способен.

Приободрившись от этих мыслей, Лакшмана приблизился к Рама и припал к его ногам. Он сказал: «Брат! Я знаю, что ты – Режиссер Вселенской Драмы. Ты можешь все и знаешь обо всем. Все происходящее – лишь исполнение твоей воли. Все события были заранее известны тебе. Я не сомневаюсь в этом, я в это твердо верю. Я верю в то, что череда разыгранных сцен приведет к намеченной тобою цели – миру на земле и истреблению ракшасов. Мой разум подсказывает мне эту истину и призывает меня к стойкости в этой вере. Такова, должно быть, Правда, скрывающаяся за актерской маской. Умоляю, скажи мне сам эту Правду и успокой мой ум».

Рама ответил с улыбкой: «Лакшмана! Ты – часть моего существа; разве могу я что-то скрывать от тебя? Ты сам постиг истину. Я воплотился на Земле, чтобы укрепить и поддержать Дхарму (Праведность). Для этого я должен явить миру множество примеров праведных и неправедных действий. Плачущего ребенка необходимо утешить, чтобы он стал безмятежен и весел, и для этого есть множество способов: ласковые уговоры, игры, песенки и цветные погремушки, мягкая колыбель. Мать должна проявить незаурядную изобретательность, чтобы успокоить младенца и напоить его молоком, в котором он нуждается. В сущности, ее главная цель – накормить ребенка. Но, посуди сам, насколько полезны и необходимы сами по себе эти усилия матери: терпеливое укачивание, нежные колыбельные песни, игрушки и ласковые слова, шаловливые игры и прибаутки. Но они же помогают ей утолить голод своего дитя и прекратить его горестный плач. И для этой цели они тоже незаменимы. Все эти уловки и выдумки, вместе взятые, нужны для того, чтобы накормить всех голодных и успокоить всех страждущих. Теперь ты понимаешь, брат, что я, как Мать всей Вселенной, изобретаю всевозможные способы и игры, чтобы восстановить праведность и уничтожить зло. Заранее наметив ход игры, я поставил перед собою двойную цель: избавление людей от страданий и обретение ими счастья и

блаженства; все происходящие события – не пустая забава. Простой народ строит свое поведение, ориентируясь на идеалы, которые внушаются ему. Как Вождь и наставник, я обязан наглядно продемонстрировать людям живой пример идеального поведения. Я не вправе считать себя истинным Владыкой и Учителем, пока не внушу им на практике великие истины, мною же созданные и проповедуемые. Когда появляются «вожди» и «учителя», недостойные зваться таковыми, и захватывают власть, Праведность приходит в упадок, а неправедность буйно разрастается, как невыполотый сорняк. Поэтому, брат, запомни: тот, кто имеет власть и авторитет Учителя и Вождя, должен нести людям высокие истины прежде всего путем собственного примера; он обязан помочь им осознать идеалы, которые провозглашает, активно и искренне претворяя их в жизнь. Это единственный путь заслужить Милость Бога и благодарность народа.

Сита знает о той роли, которую играет. Эти два тела – мое и Ситы – ощущают радость соединения и боль расставания только как тела. Боль и удовольствие, слезы и стенания – иллюзорны и нереальны. Переживать эти чувства и считаться с другими нормами человеческой жизни вынуждает меня принятая Инкарнация – воплощение в человеческом облике. Я открываю тебе тайну моей Реальности; имей в виду, что и ты должен будешь участвовать в действии, и по мере того, как история будет разворачиваться, играть свою роль в соответствии с временем, обстоятельствами, местом, случаем и зрителем. Эта Божественная Мистерия – за пределами понимания большинства людей. Итак, ты должен хранить молчание и действовать согласно правилам игры. Мы обязаны сосредоточить все внимание на миссии, с которой мы явились».

После этого Откровения они немедленно включились в поиски Ситы. Они оба во время этих поисков играли свои роли искренне, увлеченно и правдиво. Не только братья, но и Сита проявила высокое мастерство и благородство и действовала с той же стойкостью и искренностью, невзирая на то, что стражники-ракшасы, охраняющие место ее плена – ашоковую рощу, безжалостно запугивали ее и угрожали ей. Она не дрогнула и не сдалась, она храбро отстаивала свою решимость спастись и сохранить чистоту. Она свято хранила свою клятву Рама.

Драма, разыгрываемая между двумя враждующими силами, выдвигает перед каждым семьянином и каждым членом общества высочайшие идеалы праведного поведения. Она показывает отцам, матерям, вдовам, мужьям, братьям и друзьям примеры наилучшего поведения, которое ожидается от них, а именно: как каждый из них должен следовать своему обещанию, своему долгу и идти по пути добродетели. Рамайна утверждает идеалы для всех жизненных отношений и предлагает способы для реализации высочайших целей человеческой жизни. Нигде более не найти такого разнообразия и такого количества моральных сентенций и применения их на практике. Текст Рамаины вобрал в себя руководство по праведному поведению во всех ситуациях и во всех условиях; он учит, как оправдать рождение человека, как осуществлять управление государством, как регулировать реакции людей и как создавать законы, которые могут контролировать и совершенствовать их устремления. Достаточно было бы внимательно изучить Рамайну и применять ее в каждодневной жизни, чтобы человечество смогло обрести мир и добиться процветания во всех сферах жизни.

Рама и Лакшмана должны были узнать, каким образом исчезла Сита, почему и когда это случилось, где она может находиться сейчас. Чтобы найти ответы на эти вопросы, они, вооружившись, покинули обитель. Они тщательно осмотрели каждый водоем и каждый холм в окрестностях Панчавати, но никаких следов не обнаружили. Пробираясь по джунглям, они увидели сломанные ветки деревьев, лежащие на дороге. Были и другие свидетельства борьбы, которая здесь происходила. Рама привлек к ним внимание брата. Он сказал: «Здесь, похоже, была битва», – и осмотрелся вокруг, чтобы понять, кто с кем сражался. Он обнаружил орла, поистине царственного вида, который лежал на земле и, задыхаясь, ловил клювом воздух. И хотя глаза его были закрыты, он с благоговением повторял любимое имя «Рама, Рама». Братья подошли к птице и ласково погладили ее по

голове и перьям. Когда рука Рамы благословила царя орлов нежным прикосновением, тот ощутил прилив сил. Он приоткрыл глаза, посмотрел вокруг себя и увидел прекрасный Лик Рамы, который мог бы пленить все три мира. Его захлестнули сразу два чувства – радость и боль. Раненая птица была не в состоянии ни сдвинуться с места, ни повернуться в сторону. Но увидев Раму, орел собрал остатки сил и немного прополз вперед. Приподняв голову, он склонил ее у ног Рамы. Рама положил его голову на свое колено и, нежно глядя умирающего орла, пытался пробудить его память и вдохнуть в тело немного жизни.

Джатайю сказал слабым голосом: «Господин! Когда злобный Равана, подчинившись преступным целям, презрев честность и справедливость, отбросив все, что приобрел годами аскетизма, увозил Мать Ситу на колеснице через лес, словно пес, убегающий украдкой, или лиса, хитро петляющая на ходу, Мать всех Миров, Дочь Джанаки, громко стенала «Рама, Рама», и от ее крика все джунгли погрузились в мрачное оцепенение. Я услышал этот стон, но не знал, от кого он исходит. Я подлетел ближе и, к великому моему изумлению и великой горести, увидел, что в беде была Мать Сита! Разве мог я оставаться спокойным? Старый и одряхлевший, я произнес твое Имя и обрел тем самым силы и храбрость, чтобы ринуться в бой. Я налетел на него так яростно, что из его тела брызнула кровь. Он положил Ситу в тени под деревом и со всей свирепостью бросился на меня. Он выхватил свой меч и рассек мои крылья на куски. Я ничего не мог сделать, чтобы остановить колесницу, на которой он увозил Ситу. Я лежал здесь, оплакивая свое поражение и ожидая твоего прихода. Я чувствую себя очень несчастным, что не мог спасти Ситу, хотя и видел, как ее увозил этот злодей». Джатайю плакал в отчаянии, когда произносил эти слова.

Рама, проявляя огромный интерес и волнуясь, обратился к Джатайю:

«О Предводитель орлов! Я никогда не забуду о твоей помощи. Доброе дело, которое ты совершил, принесет тебе благо в другом мире. Не отчаивайся!» Говоря это, он протер израненные крылья своими спутанными волосами, а Лакшмана принес немного воды, чтобы утолить жажду орла и облегчить его страдания. Рама вливал воду – капля за каплей в клюв орла. Джатайю пришел в восторг от такого счастья, и его глаза засияли в экстазе. Он сказал: «Рама! Я даже счастливее твоего отца, потому что ему не выпало счастье пить воду из твоих рук, когда он покидал этот мир. Я же смог сделать мой последний глоток из твоих золотых рук! Я смог отдохнуть на твоих коленях! Я смог пить нектар из твоих ладоней! И делая последний вздох, я смог усладить свой взгляд видом твоего прекрасного, как лотос, Лица. Я уверен, что в ином мире я соединюсь с тобой. О! Поистине я благословен!» После этого он сказал слабеющим голосом: «Рама! Этот ужасный демон понесся к югу. Вполне может быть, что он уже достиг Ланки. Поэтому отправляйся прямо на Ланку, уничтожь этого злодея и увези Ситу с собой». Джатайю больше не мог говорить. Он еще раз вскрикнул: «Рама!», – и испустил дух. Рама позволил живому дыханию Джатайю слиться с Ним. Он совершил погребение тела птицы и прощальное омовение. После этих обрядов он двинулся к югу, мысленно рисуя себе южные страны и те места, где находилась Сита.

На пути их подкараулила демоница Аджа-Мукхи. Их красота пригвоздила ее к месту. Она сказала себе: «О! Какие прекрасные тела! Какое совершенство! Какое пиршество для глаз! Я должна соединиться с ними и вкушать наслаждение!» Решившись на это, она схватила Лакшману за руку и прижалась к нему. Лакшмане стало ясно, что она страдает «недугом Шурпанакхи» и не заслуживает ничего, кроме презрения. Он отсек ей конечности, преподав жестокий урок. Джунгли, через которые они пробирались, были такими же жуткими, как и демоны, попадавшие им на пути. Лес кишел дикими зверями, они угрожающе рычали, ревели, завывали. Даже самое стойкое сердце задрожало бы при этом от страха. Когда братья пересекали лес, перед ними вдруг появился демон Кабандха – бесформенная, перекореженная масса; он преградил им путь и потряс лес чудовищным хохотом. Он попытался схватить Раму и Лакшману, но Рама не дал ему этого сделать и убил его. Он был безголовым чудовищем, с руками невероятной длины, со ртом

посередине живота! Он был грозой этого леса, пожирающим все, что только могли захватить его лапы. Убив его, Рама избавил обитателей леса от страшнейшего врага.

Перед самой смертью Кабандха понял, кто был его противник: он узнал Раму. И он сказал: «Учитель! Ты только что освободил меня от пут проклятья, которое обрекло меня на эту шутовскую и жестокую роль. Мои грехи искупаются тем, что я увидел тебя». Падая к ногам Рамы, Кабандха сказал: «Твоя миссия закончится успешно, на пути у тебя не будет ни промедления, ни препятствий. Ты одержишь триумфальную победу над силами зла».

Рама, чье щедрое сердце любило всех, покинул это место и пешком двинулся вперед со своим единственным спутником – братом. Вскоре они увидели старую женщину, согнувшуюся в три погибели; она не могла держать голову прямо, зрение ее совсем ослабло, руки дрожали. Она приблизилась к ним, неся на голове корзину с фруктами! Она увидела прекрасных братьев и догадалась, что это – те двое, которых с таким волнением и восторгом описывали лесные риши. Поставив корзину на землю, она остановилась на дороге и стала шептать: «Рама, Рама», – с благодарностью и почтением. Лакшмана подумал, что перед ними – перевоплотившийся коварный ракшаса, который появился, чтобы навредить им. Но Рама знал, что брат ошибался. Он велел ему сесть под дерево, стоявшее рядом с ветхой обителью, где жила старуха Сабари. Она же увидела глаза, подобные лепесткам лотоса, кольца волос на лбу, прекрасные гибкие руки, достигающие колен, и темно-голубое лицо Рамы. Больше она не могла сдерживать своего восторга, не могла скрыть своего обожания. Она бросилась к ним и упала к ногам обоих. Она спросила: «Откуда вы пришли? Как вас зовут?» Рама ответил со спокойной улыбкой: «Мать! Мы пришли из Айодхьи и поселились в лесу; мое имя – Рама, а это брат мой – Лакшмана». Сабари воскликнула: «Господин! Я долго лелеяла мечту – и она осуществилась. Я ждала Твоего прихода дни и ночи, в поисках Тебя я вглядывалась вдаль, пока глаза мои не стали мутными и безжизненными. Но я наконец добилась успеха, мое страстное желание удовлетворено. Мой пост и бодрствование принесли плоды.

О! Я вознаграждена! И это – благодаря Милости моего Гуру и таинственному Промыслу Божьему». Она поднесла корзину к Рама. Рама спросил ее: «Мать! Ты говорила о Гуру – кто же он, твой Гуру?»

Она ответила: «Его имя – Матханга риши. Ведь женщин не берут ученицами в монастыри, поэтому я слушала его уроки, спрятавшись за деревьями и кустами. Я служила моему Гуру и другим риши тем, что убирала шипы и колючки с тропинок, ведущих к рекам, где они совершали омовения. Для этого я катилась по земле, собирая их на себя, так как мне нужно было сделать это рано, до рассвета. Я также убирала острые камни, чтобы они не повредили ноги. Я питалась плодами и кореньями, как и другие ученики. Я служила моим учителям, незамеченная ими, и проводила дни в глубине джунглей. Матханга – Махатма, которому были известны мои духовные устремления, однажды сказал мне: «Мать! Твое тело уже состарилось. Если ты будешь так сильно напрягаться, то скоро истощишь свои силы. Поэтому – приходи, живи в обители и отдыхай». К этому времени риши принял решение покинуть свое тело. Он призвал меня и сказал: «Сабари! Труд, к которому я был призван, окончен, и теперь я намерен оставить это тело. Ты же останешься жить в этом монастыре. Пройдет немного времени, и Рама появится в лесу. Пригласи его войти в нашу обитель и окажи ему хотя бы маленькую услугу. Пусть монастырь будет освящен прикосновением его ног». Я изо всех сил противилась его решению, я говорила Гуру, что без него никогда не буду счастлива в этом монастыре. Я умоляла его взять меня с собою – через смерть – туда, куда уйдет он. Но мой Гуру не склонен был уступать моим желаниям. Он повторил, что я должна жить здесь и ждать прихода Рамы и что я не могу уйти от ответственности и лишиться себя, кроме того, великой радости. С того дня я нахожусь здесь, простирая руки, чтобы приветствовать тебя, вглядываясь в горизонт и неся на себе тяжесть этого одряхлевшего тела для того, чтобы жить – и увидеть тебя и послужить тебе. О Рама! О Господин! О Сострадающий

несчастливым! О Обитающий в сердцах риши! Желание моего Гуру исполнилось. Обитель – в нескольких шагах отсюда, будь милостив и освяти ее, переступив ее порог». Сабари упала к ногам Рама и молила его откликнуться на последнюю просьбу ее Гуру.

Рама, конечно же, был счастлив, встретив в старой женщине такую преданность и самоотверженность. Он был самым воплощением стихийно изливающейся любви. Он встал и вместе со своим братом Лакшманой направился к монастырской обители и зашел в нее. Сабари захватил поток радости. Этот поток прорвал все преграды и вырвался наружу, приведя Сабари в состояние экстатического восторга. Эта жемчужина среди женщин была до того мгновения так слаба, что едва могла сделать несколько шагов, теперь же в ней проснулась сила тысячи слонов! Она бодро зашагала к реке и в считанные минуты вернулась с прозрачной прохладной водой – удивительно сладкой на вкус. Она тщательно выбрала из корзины несколько фруктов, показавшихся ей самыми сочными и спелыми, и предложила их братьям. Пока они ели, она, счастливая, смотрела с благодарностью на их прекрасные лица, а когда они завершили трапезу, омыла их ноги и окропила свою голову каплями воды, освященной их прикосновением. Она сказала: «Господин! Больше желаний у меня нет. Для чего мне теперь жить? Я жила до нынешнего дня только ради одной минуты счастья – обрести Даршан Рама. И я обрела этот Даршан! Теперь освободи меня, позволь предать Твоим Лотосным Стопам мою жизнь, мое дыхание. Я слышала, как неустанно превозносили твою славу мудрецы и святые. Сегодня я сама увидела ее, и я полна благодарности и радости». Рама с удовольствием ел плоды, которые поднесла ему Сабари с такой преданностью. Вкушая их, он сказал:

«Мать! Эти фрукты так же сладки, как твое сердце. Право же, это не те фрукты, что растут на деревьях. Дикие плоды джунглей совсем не так сладки, как эти. Они и не могут быть такими. Это же – фрукты, растущие на святом древе жизни, на ветвях чистого духа, в солнечном сиянии любви». Рама ел плоды, не переставая расхваливать их вкус.

Лакшмана был счастлив, видя Рама в приподнятом настроении, ведь Рама уже давно не ел с таким удовольствием. Лакшмане все время приходилось убеждать его съесть хотя бы немного, он упрашивал его, уговаривал, умолял, но, даже когда плоды были очищены, нарезаны и разложены перед ним, Рама, удрученный разлукой с Ситой, несмотря на все усилия Лакшманы, съедал иногда лишь половину плода. Лакшману постоянно беспокоило, что Рама ест такую малость. Сегодня Сабари дала ему фруктов, которые спелыми упали с деревьев; она обычно вытирала с них пыль, мыла их и хранила для Рама несколько дней, но так как он не приходил, она съедала их сама как освященную пищу, подаренную ей самим Рама. Каждый день бродила она по лесу в поисках сладких плодов, которые могла бы положить перед Рама. И сегодня фрукты были насыщены ее любовью и смирением, а потому стали вдвойне притягательными. Лакшмана понимал, что в этом и есть причина удовольствия, с которым вкушал их Рама. Он был полон восторга, его восхищала преданность Сабари, так щедро вознагражденная. Рама оценил божественную радость, переполнявшую старую Сабари. Она была результатом долгих лет духовных исканий и практики отшельницы.

Сабари, стоя со сложенными руками перед Рама, сказала:

«Господин! Я принадлежу к низшей касте; я темна и невежественна, мой интеллект не искушен; я – низшая из низших. Как смогу я превозносить тебя или описать твою Славу? Я не сильна в красивых речах; я не развивала свой разум. Я не предавалась суровой аскезе, необходимой, чтобы постичь Божество. Я нахожусь на самой низкой ступени духовной Садханы. Моя единственная сила – любовь к Богу. У меня нет другой поддержки». Она взывала к состраданию Рама, прося выполнить ее желание. «Твоя милость беспредельна», – сказала она. Рама внимательно слушал ее. Он взял ее за подбородок и посмотрел прямо в глаза. Он проговорил: «Мать! Преданность – это главное, что мне нужно, все остальное – второстепенно. Я не придаю никакого значения таким вещам, как ученость, ум, положение в обществе, социальный престиж, каста. В моих глазах они не имеют никакой цены. Больше, чем магические силы, приобретенные

духовными занятиями и аскезой, я ценю сладость преданности, наполненной любовью. Я ищу только это. Человек, в котором нет любви, так же бесплоден, как облако без влаги, как деревья-пустоцветы, как корова, не дающая молока. Он всегда далек от Бога и никогда не заслужит его милости. Сабари! Я хотел бы, чтобы из девяти путей, существующих для проявления преданности, человек оставался верен хотя бы одному. Я обнаружил, что ты следовала до конца всеми девятью путями! Поэтому я не вижу никого другого, кто был бы выше тебя в духовных достижениях. Я поистине ликую, наблюдая за тобой, ибо ты выказала преданность такую чистую, стойкую и самоотверженную, которая есть Сама Любовь, исходящая из сердца и щедро льющаяся повсюду, охватывая все живые существа. Ты никогда никого не оклеветала, даже во сне. Вот что сделало твою душу такой чистой. Твой ум не расцветает, сталкиваясь с «добром» и не увядает, когда приходит «зло». Ты поистине благословенна».

Сабари жадно вслушивалась в эти утешительные слова Рамы. Она сказала: «Рама! Нет другого пути для преданного, кроме как стремиться доставить радость Божеству, так ведь? Я не мечтаю ни о чем другом. Сегодня мой Отец, мой Бог, Владыка моей жизни, Господин всех миров, Создатель всего явился передо мной! Чем мне измерить мое счастье, о Повелитель Ситы, дочери Джанаки?» Как только она упомянула имя Ситы, братья вернулись к печальной действительности. Рама сказал ей:

«Увы, Сабари, все это время ты держала нас в приподнятом настроении, заставив позабыть тревогу и одаривая радостью, теперь же внезапно погрузила нас в скорбь». Сабари почувствовала угрызения совести, она подняла голову в испуге и произнесла с мольбой: «Господин! Почему ты говоришь так? Прости мне мою оплошность!» И она упала к ногам Рамы.

Рама спросил ее: «Сабари! Знаешь ли ты что-нибудь о Сите? Слышала ли о ней?» Сабари ответила: «Знаю ли я? Знаю ли я о Сите? Нет такой женщины, которая, зная о Принципе Рамы, не знала бы о Принципе Ситы, Жемчужины среди женщин, Венце добродетели, Свете женственности! О! Какое ей выпало счастье! Она – сама тень моего Рама! Рама! Я должна сказать тебе, что мой Гуру, риши Матханга, говорил мне о сущности Ситы. Конечно, ты все это знаешь сам. Но ведь ты спросил меня, знаю ли я о Сите, и я отвечу тебе. Рама затуманил иллюзией умы Мантары и Кайкейи для того, чтобы выполнить свою миссию – истребить племя ракшасов. Именно поэтому, как сказал мой Гуру, Сита, Рама и Лакшмана ушли в лес как изгнанники. Он сказал, что они посетят обитель, благословят аскетов и что Рама уничтожит демонов, осквернявших их ритуалы. Он сказал, что по плану, изобретенному Рамой, у Раваны, тесно связанного с кланом ракшасов, появится искушение сыграть роль в драме, главное действие которой будет происходить вокруг «похищения» Ситы! Он уверил меня, что Сита, похищенная Раваной – ложная Сита, а не реальная, истинная Мать. Он сказал, что Рама в поисках пропавшей Ситы придет в этот лес и что я получу от него награду, о которой не смела и мечтать. Мой Гуру также сказал мне, что Рама заключит союз с Сугривой, который укрылся от жестоких преследований своего старшего брата Вали в Горах Ришьямука, примыкающих к нашей обители. Рама осуществит поиски Ситы с помощью Сугривы. Рама! Ты управляешь Космической Мистерией, которая тобой и задумана. Акты этой Мистерии были известны моему Гуру, и он поведал мне о них. Твоя сцена – это весь Космос. Ты вершишь судьбами Вселенной, обеспечивая ей устойчивость и процветание. Все, что происходит, есть воплощение в действие твоей Воли; без нее ничего не случается – ни великое, ни малое.

Господин! Ты играешь в этой драме, как будто бы ничего не зная о своей роли в ней. Ты делаешь вид, что повержен горем из-за разлуки с Ситой! Только глупцы или те, кто не верят в реальность Атмы, могут принять это за истину; те же, кто знает о Божественном и его таинствах, те, в ком живет преданность, садхаки, стремящиеся познать Бога как свою собственную сущность, никогда не поверят, что это правда. Ты – Вершитель всего, что делается; никто, как бы силен он ни был, не сможет воспрепятствовать твоей Воле. Ты

управляешь действиями людей во всех событиях – как хороших, так и плохих; сами они не являются их авторами. Только невежественные люди могут думать, что они – исполнители своих желаний и дел. Рама! Прости мне мою дерзость. Я слишком много говорила в твоём присутствии». Сказав это, она упала к ногам Рамы. Силою внутреннего Огня йоги, который она зажгла в себе, её тело обратилось в пепел, а дыхание жизни слилось с сущностью Рамы, которого она боготворила.

Глава 22

Обретенный союзник

Итак, Рама и Лакшмана исполнили заветное желание Сабари, послав благословение её удаляющейся душе. Они продолжали свой путь, продвигаясь сквозь джунгли, точно два льва-близнеца, делясь друг с другом мыслями о беспредельной преданности и самоотверженности старой подвижницы. Они шли быстрым шагом и скоро достигли горной гряды Ришьямука. Здесь, среди гор, в пещере, Сугрива со своими министрами и придворными нашел себе убежище. Отсюда увидел Сугрива двух братьев, приближающихся к горному хребту, и был поражен их благородным видом и величавой осанкой. Их облик казался божественным. Сугрива всегда был начеку, когда видел чужих близ своего убежища, так как опасался, как бы его старший брат Вали, стремясь досадить ему, не заслал сюда вестников беды и смерти. Он пристально наблюдал за всеми подступами к своему окруженному скалами прибежищу. Его испугала поступь и величавость двух незнакомцев. Он должен был как можно скорее узнать, кто они такие и с какой целью пришли. Он призвал к себе Ханумана и сказал: «Могучий герой! Заметил ли ты этих двух лучезарных чужестранцев? Тотчас же иди и узнай, кто они такие, откуда пришли и что им нужно. Сообщи мне все сведения о них. Если окажется, что они подсланы Вали, дай мне сигнал: склони голову к груди. Так и условимся. Если это подтвердится, мы должны будем немедленно оставить эту гору и перебраться в другое место». Сугрива дал ему различные указания и распоряжения о том, как поступить в непредвиденных обстоятельствах. Хануман помчался навстречу незнакомцам; поравнявшись с ними, он склонился к их ногам с великим почтением. Он сказал: «О Сияющие! Вы возбудили во мне глубокий интерес и любопытство. Ваш пленительный облик вызвал во мне какое-то странное томление. Вы выглядите такими невинными и нежными! Поистине – вы не просто люди, я в этом убежден. Я подозреваю, что вы – Божественная пара Нара-Нараяна, сошедшая на землю. Прошу, скажите, почему вы появились в этих джунглях и почему никто не сопровождает вас и не служит вам?» Хануман задавал эти вопросы в великом смирении и почтении.

Рама оценил преданность и смирение Ханумана. На его лице заиграла улыбка, когда он ответил: «Мы сыновья царя Дашаратхи, правителя Айодхьи. Мы удалились в лес. Это мой брат Лакшмана. Мое имя – Рама. Моя жена также ушла со мною в лес. Но когда мы поселились в Панчавати, её похитил ракшаса в то время, когда мы с братом ненадолго покинули нашу хижину. И теперь мы в поисках её следов ходим по лесам, пытаюсь узнать, где она находится, чтобы отвоевать её у демонов». Рама говорил с Хануманом открыто и откровенно, ясно излагая факты, которые могли объяснить их появление в этой горной стране. Он сказал:

«Итак, я поведал тебе обо всем, что предшествовало нашему приходу сюда. Теперь я хотел бы также узнать и твою историю». Хануман понял, что оба брата – его Высшие Владыки, поэтому он снова упал к их ногам, чтобы выразить им свое почтение. Поднявшись и встав перед ними, он залился слезами радости и преданности и некоторое время не мог вымолвить ни слова. Наконец, набравшись храбрости и стоя перед ними со сложенными руками, он сказал дрогнувшим голосом: «Господин! Я – глупое и темное существо, вот почему я задавал вам вопросы. Простите мне мою глупость. О Монарх

Монархов! Ты просишь меня рассказать о моем прошлом и моем настоящем, как будто ты являешься простым смертным, судящим обо всем только на основании услышанного. Разве это правда? Я не мог понять, кто ты, ибо находился во власти иллюзии, которую ты сам же в нас поддерживаешь. Господин! Ты могуществен и непобедим. Как может слуга быть равным Господину и Учителю? Все живущие подчинены твоему замыслу и введены в заблуждение твоей стратегией и твоими планами. Я хотел бы сделать признание, которому мой Повелитель будет свидетелем: кроме поклонения моему Господину, мне не ведомо в жизни иное стремление. Когда слугу защищает его Хозяин, чего он может опасаться? Мощь Господина – щит для слуги». Произнося эти слова, Хануман принял свой реальный облик. Рама был полон восторга при виде Ханумана. Он обнял его. «Ты так же дорог мне, как Лакшмана». Он притянул его к себе и приласкал, глядя его по голове и нежно касаясь его лба и лица. Он сказал: «Хануман! Я изливаю свою любовь прежде всего на тех, кто служит мне и воспринимает это служение как высочайший путь к освобождению». На это Хануман ответил:

«Господин! Сугрива, предводитель племени ванаров, прошел через многие испытания из-за злобных преследований своего старшего брата Вали; он выдворен как изгнанник из своего царства в этот лес, где и нашел себе убежище. Он тоже является Твоим слугой. Он заслуживает Твоей любви и благословения. Обрати к нему свою Милость и избавь его от бесчестия, в котором он сейчас пребывает. У него есть возможности и силы для того, чтобы послать миллионы обезьян во все концы света на поиски Ситы. Он – царь обезьян. Он может добиться победы в этом начинании». Хануман подробно обрисовал многочисленные достоинства и способности Сугривы и убедил Раму искать его дружбы. Когда Рама решился на этот шаг, Хануман предложил перенести их на своих плечах прямо на вершину горного хребта, к месту, где находился Сугрива.

Сугрива пришел в восторг при виде Рамы и Лакшманы. Он понял, что заставило Раму пробираться через лес и прийти к нему. Оба они сострадали друг другу и смогли оценить тяжесть бед, которые на них обрушились. Они почувствовали, что их связывают общие узы товарищества. Сугрива пал к ногам Рамы и Лакшманы и с благоговением предложил им свое гостеприимство. Рама уверил Сугриву, что тому удалось умерить его страх и облегчить боль, ибо он предстал перед ним как воплощенное сострадание. Сугрива со своей стороны заверил его, что готов пожертвовать всем, даже собственной жизнью, ради служения Рама. Клятва в вечной дружбе была торжественно скреплена с помощью ритуального Огня. Ибо огонь в виде тепла и света присутствует в сердце каждого живого существа; Огонь, находящийся в глубинах Сознания, может выжечь любое непостоянство, любые колебания, способные повлиять на верность клятве. Поистине, Огонь, или Агни (Божественная лучезарная тонкая субстанция, которая есть сама суть огня), является главным элементом Рамаяны. Рама был рожден как животворный дар Бога Агни, возникший из пламени жертвенного алтаря. Сита обручилась с Рамой, и божественным свидетелем их союза был Агни. Ланка была разрушена с помощью Огня. Именно в Агни сохранялась реальная сущность Ситы, когда Равана увез ее на Ланку, чтобы вновь восстать из огня при ее освобождении, когда война с Раваной завершилась победой Рамы. Сокровенный смысл в том, что сердце Рамы полностью очищалось при каждом соприкосновении с Огнем. Ибо Рама – это символ джняны или Высшей Мудрости. Он также символ Наивысшей Морали. Таким образом, союз с Сугривой был утвержден и скреплен Агни, призванным быть его свидетелем. Лакшмана, стремясь углубить веру Сугривы и укрепить узы дружбы, поведал ему Правду о Рама и о миссии, с которой он явился в мир. |

Он рассказал ему также о Сите и ее Божественной природе. Она – дочь царя Митхилы, сказал он, и поэтому ее милости и благословения можно добиться только путем неутомимых духовных исканий, матханы и упорной садханы. Слушая Лакшману, Сугрива проливал слезы раскаяния. Он сказал Рама: «Учитель! Однажды, когда я был занят обсуждением дел со своими министрами и приближенными, я услышал с неба крик

«Рама! Рама!», доносившийся из колесницы Пушпака, которую мы увидели летящей по воздуху. Пока мы наблюдали это странное зрелище, из колесницы упал узелок, сделанный из обрывка одежды, как раз к тому месту, где мы стояли. Это был узелок с драгоценностями, и мы поэтому сохранили его в неприкосновенности. Вполне возможно, что ракшас по имени Равана увозил Ситу на небесной колеснице, поскольку нет такого беззакония и такого зла, какие Равана не мог бы сотворить». Сугрива заскрежетал зубами от ненависти к чудовищу, совершившему, как он подозревал, столь гнусное злодеяние. Рама попросил, чтобы принесли узелок с драгоценностями. Тогда сам Сугрива поднялся и, пройдя в пещеру, где он прятал его, принес узелок и положил перед Рамой. Драгоценности были завязаны в клочок ткани, оторванный от платья из древесного волокна, которое царица Кайкеи дала Сите, чтобы она могла носить его в изгнании, как подобает лесной отшельнице. Узнав этот клочок материи, Лакшмана заплакал. Увидев, как он сокрушается, Сугрива и Хануман очень опечалились. Рама развязал узелок и показал его содержимое Лакшмане для того, чтобы тот убедился в принадлежности этих вещей Сите. Лакшмана сказал, что все драгоценности он узнать не может, так как никогда не смел поднять глаз на Ситу. «Я видел только ножные браслеты, которые носила жена моего брата, поскольку я каждый день припадал к ее ногам. Да, вот эти браслеты она носила, я могу поклясться в этом. Когда она пробиралась через заросли джунглей, я обычно шел следом за нею – по ее стопам. Ты ведь знаешь, ты всегда шел впереди, я же – следовал за Ситой. Я шел, видя ее ноги, и я помню эти браслеты очень хорошо». Сугрива и Хануман с грустью смотрели на братьев, когда те, играя свои роли, пришли в глубокое волнение при виде драгоценностей, сброшенных Ситой. Сугрива больше не в силах был это выносить. Он воскликнул: «Господин! Не предавайся горю. Именно сегодня я разработаю план, как отыскать Ситу и как уничтожить злобного Равану. Я верну тебе Ситу и сделаю вас обоих счастливыми. Это – мое твердое слово, моя святая клятва».

Рама принял это обещание с глубоким удовлетворением. Он сказал:

«Расскажи мне во всех подробностях, почему ты живешь в лесу, а не в своей столице». И Сугрива ясно, точно и последовательно, словно нанизывал бусинки на шнурок, составляя гирлянду или ожерелье, описал, кто были его родители, как выглядела его настоящая царская обитель, каковы причины вражды, вспыхнувшей между ним и его старшим братом, и многое другое. Рама показалось, что история Сугривы была в чем-то похожа на его собственную, и особенно – изгнание из царства и разлука с женой. Он чувствовал, что Сугрива был честен и справедлив, а Вали заслуживал наказания за то, что украл жену брата – преступление, которое, согласно моральным нормам обезьяньего племени, никому не прощается.

Рама попросил Сугриву рассказать о его рождении. Сугрива ответил: «Да! Я хотел бы положить к твоим ногам хронику начал и судеб всего моего клана. Когда-то Брахма-Создатель сотворил обезьяну. Она обладала огромной мощью, но была своенравна, капризна и непоследовательна в своих действиях. Поэтому Брахма назвал ее Рукшараджа; когда пришло время определить место обитания Рукши, Брахма повелел: «Живи в лесу, здесь ты сможешь вести себя как захочешь, следуя своим прихотям. А когда на твоём пути встретится ракшас, настигни и убей его и спаси эту землю от его свирепых нашествий». Рукшараджа двинулся к югу, согласно предписаниям Брахмы. Однажды он приблизился к озеру, чтобы утолить жажду, и когда он наклонил свое лицо к поверхности прозрачной воды, то увидел свое отражение. Он страшно забеспокоился: враг прячется в озере, ожидая его появления! Рукша носился по берегу озера и жаждал схватить врага, когда тот вынырнет из воды. Сидящий в озере недруг ревел, когда ревел Рукша, и так же яростно скрежетал зубами, как и он сам. Он в точности повторял все его звуки и все его жесты. Не в силах больше сдерживаться, Рукша бросился в озеро, чтобы задушить своего соперника. Но этот прыжок превратил Рукшу в существо женского пола! Вне себя от изумления, обезьяна вышла на берег и, повернувшись к Солнцу, стала молить его о Милости. Она взывала и к Богу Индре – истово и страстно. Благодаря Милости Сурьи

(Бога Солнца) вскоре она родила сына, и это был я, Сугрива, а по Милости Индры, снизошедшей на нее, она родила второго сына – Вали, моего брата. Сразу после рождения сыновей она снова стала Рукшараджей! Рукша взял двух своих детей и обратился к Брахме за наставлениями. Он рассказал Брахме всю свою историю, и Бог, оценив все случившееся, вынес свое решение: «О Вали и Сугрива! Отправляйтесь в южные земли и обоснуйте в Кишкиндхе. Властелин всех Миров, Высочайший Повелитель Вселенной, Тот, кто известен под многими именами, явится в мир как Рама, как сын царя Дашаратхи из династии Рагху; Он уйдет в лес согласно воле своего отца; Он проявит себя во многих сверхчеловеческих деяниях, но будет вести себя как обыкновенный смертный. Во время своих странствий он прибудет в Кишкиндху, где вы поселитесь, и заключит дружбу с тобой, Сугрива! Ищите счастливого случая обрести его Даршан, услышать звук его голоса и коснуться его ног. И ваша жизнь станет благословенной».

Мы слушали голос Брахмы, обращенный к нам. Мы радовались будущему, которое нас ожидает. Мы не совершали ни йогической япы, ни аскетических бдений, ни ритуалов, ни священных жертв; все наши способности и достижения были прямым результатом той Милости, которую Брахма излил на нас в тот день. Когда его Голос умолк, мы, продолжая мысленно выражать ему свое поклонение, достигли Кишкиндхи. Мы уничтожали ракшасов, осквернявших здешние леса. Но однажды ракшас по имени Майави, сын Майи, выступил против нас, чтобы отомстить. Он напал на нас в полночь и совершил чудовищный погром. Мой старший брат не мог ни минуты терпеть наглость врага. Вали поднялся во весь свой рост и навалился на Майави всей своей тяжестью. И ракшас в страхе бежал. Он спрятался в пещере, и Вали преследовал его до конца. Я тоже участвовал в этой жаркой погоне за злобным ракшасом и мчался следом за Вали. Когда мой брат добежал до пещеры, где скрылся Майави, он приказал мне: «Брат! Я иду в эту пещеру, чтобы убить врага, а ты оставайся здесь и охраняй вход, чтобы он не убежал». Когда я спросил его, как долго мне тут оставаться, он ответил: «Не меньше пятнадцати дней и пятнадцати ночей. Все это время ты должен зорко следить за входом. Если я не появлюсь на шестнадцатый день, это будет означать, что он убил меня, и ты можешь вернуться домой». Я ждал и не отрывал глаз от пещеры целых тридцать дней; к этому времени из пещеры стал распространяться запах крови – и я был убежден, что это запах крови моего брата. Я боялся, что Майави мог выйти живым из пещеры, поэтому я загородил вход в нее огромным валуном и, понимая, что дальнейшее ожидание неразумно, вернулся домой. Я собрал своих верных друзей и доброжелателей и обсудил с ними дальнейшие шаги.

Мы знали, что если Майави убил грозного Вали, он мог стать для нас опаснейшим врагом, и мы поэтому пребывали в постоянном страхе.

Обитатели долины понимали, что в эти тяжелые времена, когда они со всех сторон окружены врагами, им нужен правитель. Они убеждали меня, поскольку Вали умер, занять его место. У меня не было намерения захватить власть, но они принудили меня к этому. Вскоре после этого, через два или три дня, в долину вернулся Вали: он убил Майави и избавил эти земли от подлого врага. Увидев меня в роли правителя, он пришел в неудержимую ярость. Он обвинил меня в том, что я загородил вход в пещеру валуном, чтобы помешать ему выйти оттуда живым, и что я намеренно добивался власти, которая на самом деле была навязана мне. И он решил жестоко отомстить мне за это. Он стал обращаться со мной, как с самым низким из низких и вменял мне в вину малейшую оплошность или ошибку. Он лишил меня всей власти и всех привилегий и взирал на меня, как если бы я был ничтожнейший раб в его доме. Он отобрал у меня мою жену. Однажды, желая покончить со мной, он яростно набросился на меня. Я не мог противостоять его силе. Поэтому я покинул Кишкиндху и нашел убежище здесь. Он настоял, чтобы все те, кто поддерживали меня и сочувствовали мне, ушли вслед за мной, и вскоре мои друзья и подданные присоединились ко мне в этих горах. Моя жена прилагала огромные усилия, чтобы вернуться ко мне, но как она ни старалась, он не разрешил ей уйти. Теперь он

считает ее своей собственной женой». Из глаз Сугривы текли слезы, пока он рассказывал свою печальную историю. Рама успокаивал его, сочувствуя его положению. Он снова уверил его, что будет охранять его и защищать от зла.

Сугрива сказал: «Я вынужден был поселиться на этой горе, поскольку это единственное место, куда мой мстительный брат Вали не может прийти: на нем лежит проклятье старого мудреца, которое не позволяет ему войти в эту местность. А иначе я давно бы погиб от его руки».

Рама спросил: «Друг! А как он навлек на себя это проклятье?» Сугрива объяснил: «Учитель! Дундубхи, брат Майави, был мощный герой. Не было равного ему в доблести и физической силе. Он с наслаждением вступал в единоборство с горами и морем – ему было радостно показать свою мощь! Но однажды, когда он торжествовал дерзкую победу, стоя у развалин горной вершины, которую он сокрушил, он услышал некий голос, обращенный к нему: «Не задирай так высоко свою голову! Берегись! На свете живет тот, кто мощней тебя. Он беззаботно ходит по берегам озера Пампа, провозглашая свое могущество и утверждая свою власть. Его имя – Вали». Когда эти слова достигли ушей Дундубхи, он превратил себя в чудовищного быка и бросился в Кишкиндху, где находится озеро Пампа. Он пропахивал землю своими рогами и прокладывал путь по горам и долам, с высокомерной гордостью выставляя напоказ свою неколебимую мощь. С каждым прыжком ярость его усиливалась, он повсюду распространял ужас. Когда он рыл землю своими рогами, огромные деревья, вырванные с корнем, падали на землю. Сердца трепетали от его свирепости. Пока он захватывал земли, подобно Раху, пытавшемуся проглотить Луну, Вали выследил и настиг его. Он навалился на него в ту же минуту, и два грозных врага стали биться за победу. Как дикие слоны с огромными бивнями сошлись они в смертельной схватке. Бой длился больше шести часов! Наконец, Вали нанес Дундубхи роковой удар, и тот, содрогаясь от боли, замертво рухнул на землю, как рухнет вершина горы во время сильного землетрясения. От мощного удара гигантские деревья повалились на землю. Вали был настолько возбужден своим успехом, что разорвал пополам мертвое тело своего противника и швырнул с огромной силой одну половину на юг, а другую на север. И вот истекающая кровью масса плоти и костей упала на обитель, заливая кровавым ливнем святую землю, осквернив аскетов, которые мирно предавались медитации и пению священных гимнов. Это была святая обитель великого мудреца Матханги. В тот момент он ушел к реке для ритуального омовения. Когда он вернулся, то увидел всюду потоки крови и сразу же наткнулся на разрубленную тушу ужасного чудовища. Он не смог сдержать своих чувств. Его ученики, желавшие совершить благословенный обряд омовения, оказались вместо этого омытыми кровью! Самообладание покинуло его; ему понадобилось лишь мгновение, чтобы понять, кто совершил это преступление. Его гнев вышел из-под контроля, и ему не удалось хладнокровно оценить происшедшее. Он произнес ужасное проклятье! «Если этот грешный и подлый Вали приблизится к этой горе или даже бросит взгляд на нее, пусть голова его расколется надвое». Таково было наказание, которому он подверг Вали. Напуганный этой угрозой, с тех пор Вали держится далеко отсюда; он не смеет приблизиться к этому месту или даже взглянуть на него. Ободренный этими обстоятельствами, я и живу здесь, как в заточении, лишенный жены, оторванный от родных и близких». Сугрива поведал Рама о своем трудном положении, ничего не утаивая.

Рама расстроил рассказ о злом поведении Вали, который так долго мучил Сугриву. Он не мог больше слушать о его ужасных поступках. Рама не терпел несправедливых действий. Его не могли привлечь описания порока. Он утешал Сугриву и уверял его, что Вали не уйдет от наказания за то, что полагается исключительно на физическую силу и мирскую власть, пренебрегая силой и властью, которые можно заслужить путем праведности и преданности Богу. Он поклялся, что с помощью одной-единственной стрелы повергнет Вали на землю и положит конец его порочной жизни,

даже если все четырнадцать миров будут противиться исполнению его клятвы. Он сказал: «Не обращай свой взгляд на того, кого не трогают страдания друга и не верь глупому бахвальству врага. Не выбирай друга только для того, чтобы добиться временного успеха или удовлетворить минутное желание, или дать увлечь себя недостойным поведением. Друзья должны искренне любить друг друга. Тот, чье сердце не наполнено любовью, чей ум не движим любовью, чье лицо не освещено любовью, может быть только плохим и неверным другом. Сердца таких ложных друзей нечисты и осквернены. Коварный слуга, жадная и злокозненная жена, скаредный муж и неверный друг – вот те, кто, словно пронзая нас шипами или копьями, вносят в жизнь страдания и боль. Поэтому, о Сугрива, не впадай в отчаяние. Я приду к тебе на помощь, отдав для этого все свои физические и умственные силы и свое Божественное Слово. Разве имеет значение, насколько силен Вали? Ты не ведаешь о своей собственной силе. Ты сбит с толку своей оценкой его мощи. В этом и есть причина твоих сомнений и страхов. Итак, ты, возможно, захочешь убедиться в моих способностях и моей силе прежде, чем обретишь мужество и веру. Можешь попросить у меня выполнения любой задачи, чтобы твоя вера в меня укрепилась. Я покажу тебе свою мощь и придам смелости твоему сердцу. Когда это свершится, я сражусь с Вали и одержу над ним победу».

Рама дружески похлопал по спине Сугриву, чтобы убедить его довериться ему и избавиться от страха и беспокойства. Сугрива жаждал увидеть доблесть Рама; он также хотел обрести опору для своей веры. Он сказал: «Рама! Когда-то я и мой брат задумали испытать нашу силу и ловкость, выбрав для этой цели стоящие в ряд семь гигантских пальмовых деревьев: нужно было свалить их одно за другим с помощью одной стрелы, которая прошла бы сквозь них. Я повалил только два, но мой брат Вали пронзил пять пальм, и они покатались по земле. Его способности достигли наивысшей меры. Чтобы победить Вали, нужно обладать еще большей мощью. Я жажду узнать, имеешь ли ты эту сверхсилу и сколько пальмовых деревьев повалишь ты одной стрелой».

Сугрива и его приближенные привели Рама к тому месту, где семь гигантских пальм, стоя в ряд, стремились к небу. Обезьяны попросили Рама попытаться пронзить их стрелой. Они говорили между собой, что поскольку эти чудовищные деревья в четыре или даже в пять раз мощнее тех пяти, которые повалил Вали, Рама можно будет признать достаточно сильным, если он повергнет на землю даже два или три этих гиганта. Взглянув на ряд деревьев, Рама улыбнулся и, подзвав к себе Сугриву, сказал ему: «Сугрива! Эти пальмы, на мой взгляд, совсем маленькие и слабосильные». И он выпустил стрелу из своего лука. Он свалил на землю все семь! Его стрела, на пути круша скалы, занесла все упавшие пальмы на высокую гору, которая виднелась вдалеке.

Сугрива был потрясен, его переполняли изумление и преданность. Он простерся у ног Рама, воскликнув: «Сотня Вали не могли бы достичь подобной победы. Я бесконечно счастлив. С той поры, как я удостоился твоей дружбы, в моей жизни нет больше опасений и тревог. У меня был один-единственный враг – Вали, но сегодня я приобрел стократного Вали, как самого сердечного друга! Прости мне мою ошибку. Мне стыдно, что мой жалкий умишко убедил меня испытать таким способом твою силу. О! Я поистине счастлив, что получил благословение на дружбу с Самим Богом – в твоём облике. История моих бедствий сегодня закончилась. В моем сердце проснулась надежда, что я отвоюю свою родную Кишкиндху. Я счастлив, что смогу снова жить спокойно со своей женой и детьми. Я только теряюсь в догадках: когда и как это сможет произойти – в течение минут, или часов, или дней. Конечно, все это зависит от воли Рама, от его Милости. Моя мечта исполнится в тот момент, когда этого захочет Рама».

Сугрива осознал, что один лишь Рама сможет помочь ему и на одного лишь Рама он может положиться. Он простерся у его ног и сказал:

«Рама! Твоя Воля и твое Сострадание – моя единственная защита. Когда намереваешься ты положить конец моим страданиям?» Поднявшись, Сугрива продолжал: «Рама! Послушай! Долгое время я называл Вали своим злейшим врагом и дрожал в

страхе перед ним. Теперь я считаю, что он – мой величайший благодетель. Из-за страха перед ним я поселился на этой горной гряде. Именно отсюда я мог увидеть Твое появление и встретить Тебя, и получить благословение на дружбу с Тобой! Поэтому выходит, что в Вали – коренная причина всех этих событий и он, действительно, – мой благодетель. Рама! Бывает, что во время сна мы с кем-то сражаемся, мы ненавидим врага всем своим существом, мы применяем все средства, чтобы уничтожить его. Но когда мы просыпаемся и поднимаемся с постели, мы чувствуем, что ненависть и борьба были ложными и бессмысленными. Твой Даршан пробудил меня ото сна. Я ненавидел Вали и видел в каждом его действии враждебный выпад против меня; я сражался с ним в силу своего невежества. Теперь, когда я увидел Тебя и имею счастье слушать Твои советы, я словно воспрянул ото сна, и мое сознание пробудилось. Прикосновение к Твоим священным стопам дало мне видение Истины. Моя давняя ненависть и зависть, жадность и эгоизм, моя враждебность к Вали и мои планы мщения – все это лишь истощало мои силы. У меня было только одно желание – найти подходящий момент для сведения счетов. Только упорный тапас и аскетизм помогли мне завоевать Твою Милость. Я обрел Тебя, и моя боль представляется мне как испытание аскета, а гнев обратился в любовь. Господин! Благослови меня! Ниспошли мне свою Милость! У меня нет больше желания завоевывать мое царство. Моя жена и дети идут по своему жизненному пути, начертанному для них судьбой. Что могу я сделать, чтобы изменить ход событий? Это больше не волнует меня. Мне довольно того, что Ты даровал мне радость служить Тебе и быть рядом с Тобой до конца моих дней».

Пока он изливал свою душу. Рама ласково гладил его по голове, а затем сказал: «Сын! В словах, которые ты произносишь, заключена правда. Царство и власть, радость и горе, злоба и тревога, собственность и привилегии, добро и зло – все это нити, из которых сотканы сны. Реальны лишь близость Бога и идея Бога, живущие в твоём сердце. Но помни, моя клятва, мое слово никогда не могут быть нарушены. Что бы ни случилось, я верну тебе царство, и тебе не удастся уйти от ответственности управлять им. Ты не сможешь избежать боя с Вали, который состоится завтра. Готовься к нему!»

Рама поднялся. Вместе с Лакшманой они двинулись вперед, вооруженные луками и стрелами. Сугрива шел рядом с ними. Хануман и другие приближенные остались в горном убежище. Сугрива во время пути выслушивал необходимые указания и, наконец, он получил приказ – дальше двигаться одному и бросить вызов Вали перед главными воротами города. Следуя этому приказу, данному Рамой, Сугрива, оказавшись у ворот города Кишкиндхи, закричал так яростно, что стены крепости зашатались и земля содрогнулась в ужасе. Как только этот призыв был услышан, Вали взметнулся со своего ложа словно кобра, на которую наступили ногой, и стремительно выбежал, чтобы сразиться с братом и обратить его в бегство. Он знал, что вызов на бой послал ему Сугрива.

Но тут Тара, жена Вали, обхватила его ноги руками и напомнила ему о словах, сказанных несколько дней назад его собственным сыном. Она сказала : «Господин! Братья, которые искали помощи Сугривы – не обыкновенные люди; они наделены невиданным могуществом. Сугрива, скрывавшийся все это время, пришел теперь сюда уверенный и храбрый. Он даже осмелился бросить тебе вызов. Он ни за что бы не рискнул ринуться в бой, если бы не знал обо всем наперед. Он наверняка получил доказательства их силы и добился обещания о помощи. Царевичи Рама и Лакшмана имеют Божественную Власть; крайне неблагоприятно вступать в битву с ними». Слушая ее страстные и настойчивые предостережения, Вали разразился язвительным смехом. «Трусливое существо! – сказал он. – Известно, что Рама обладает невозмутимостью и беспристрастностью. Если это правда, он будет оценивать нас двоих одинаковой меркой. К тому же я не причинил ему никакого вреда, не так ли? Но если Рама, несмотря на это, убьет меня, я буду считать, что не зря родился на свет и что вся моя жизнь прошла не напрасно!» Тара, с одной стороны, была счастлива выслушать подобное мнение, но, с

другой стороны, не могла ни на минуту смириться с мыслью о разлуке со своим господином. И потому она продолжала умолять его: «Господин! Несогласие жены – дурное предзнаменование; не принимай сгоряча вызов!» Но Вали не стал слушать ее мольбы. «Когда битва зовет, никто не обращает внимания на приметы. Или погибнет враг, или самому мне придет конец». С этими словами он оттолкнул Тару и в страшной ярости бросился к воротам крепости.

Он увидел там одного лишь Сугриву; он накинулся на него, и начался тяжелый кулачный бой, где оба наносили друг другу сокрушительные удары. Но Сугрива не мог вынести града яростных пинков и готов был обратиться в бегство. Вали так нещадно колотил его руками и ногами, что Сугрива, обезумев от нестерпимой боли, бросился бежать, оставив Вали победителем. Вали вернулся в крепость, в возбуждении похлопывая себя по бедрам. Рама и Лакшмана последовали за убегающим Сугривой. Когда они достигли горного убежища, Сугрива упал к ногам Рама. Его сердце переполняли чувства разочарования, отчаяния, боли и страха. Он сказал: «Господин! Я не понимаю, почему ты обрек меня на такое бесчестие. Я решился на риск, окрыленный огромной надеждой на то, что ты придешь мне на помощь. Я все время ждал, что твоя стрела пронзит Вали и покончит с ним. Но этого не случилось. Я не мог вынести тяжести его ударов и вынужден был позорно бежать с поля боя ради спасения жизни. Мой брат – мощный борец, не мне противостоят его натиску».

Рама, утешая его, сказал: «Сугрива, не огорчайся. Выслушай, почему так получилось. Вы двое настолько похожи, настолько неотличимы друг от друга, настолько одинаковы по повадкам и внешнему виду, что я не мог выбрать правильную цель». Эти слова имели глубокий скрытый смысл. Они означали, что Рама известна глубокая преданность Вали его Божественным Стопам. «Он тоже мой приверженец, он так же стремится получить мою Милость, как и ты». Но Сугрива не смог ухватить скрытый смысл этого признания. Он продолжал: «Зная так много, как же ты не различил, кто был Вали, а кто Сугрива? Я не могу поверить твоим словам. Я не понимаю причины, по которой ты не сумел этого сделать. Должно быть, ты хотел, чтобы мои возможности полностью раскрылись. Если это так, я обязан был понять это с самого начала. Я же был настолько уверен, что ты сразишь его, что слишком легкомысленно отнесся к битве, не вложив в нее все мои силы».

Рама привлек к себе павшего духом, отчаявшегося Сугриву и от всего сердца утешал его. Он провел своей Божественной рукой по телу Сугривы и боль мгновенно прошла. Раны и ушибы тотчас же исцелились. Сугрива был несказанно изумлен. Он воскликнул: «Рама! Твоей руке подвластно все, она содержит все; создание, сохранение, разрушение – все подчинено Твоей Воле. У меня нет больше никакого желания управлять государством. В сравнении с радостью, которую приносит Твоя Милость, другие радости ничего не значат». Рама не придавал значения его словам. Он сказал: «Сказанное тобой – лишь отражение мимолетных мыслей. Ты говоришь подобные вещи, когда мои сила и слава у тебя перед глазами. Для меня же твои слова не имеют большой ценности, ибо я гораздо больше ценю чувства, которые рождаются в сердце. Есть множество искренне преданных, которые забывают обо всем, когда испытывают на себе Высшее Могущество Божества и страстно верят, что нет ничего выше Бога. Но проходит время, их духовная жажда не утоляется, не приносит ощутимых плодов, и они предаются сомнениям даже относительно того, что сами испытали и увидели. В сердцах тех, чья вера слаба, Истина скрывается за пеленой и прячется за завесой. Я знаю, как это происходит, и оттого не придаю большого значения подобным изъявлениям чувств. Ты должен быть готов снова предстать перед твоим братом». Так Рама принудил Сугриву к вторичному единоборству с Вали.

У Сугривы не было никакого желания сражаться, но он был уверен, что на этот раз Рама сдержит свое обещание и убьет Вали. И он смело отправился на битву с верою в сердце. Рама собрал полевые цветы, сплел их в гирлянду и повесил ее на шею Сугриве. Рама рассуждал так:

Вали наверняка рассказал Таре, что для Рама все живые существа равны, все одинаковы, и что эта «похожесть» и помешала ему убить Вали. «Теперь же я повесил эту гирлянду цветов на его шею, чтобы показать, что моя любовь к Сугриве сильнее, и потому я с полным правом могу вести себя с Вали по-другому. Сугриву украшает особая гирлянда, показывающая, что он несет символ Божественной Любви. Для излияния любви не нужны никакие доводы; она не знает эгоистических побуждений».

Так Рама и Лакшмана, вселив в Сугриву мужество и героизм, убедили его вновь бросить вызов Вали у ворот Крепости. Сами они скрылись за ближайшим деревом. Когда Вали с жаром ринулся в бой и земля затряслась под тяжестью его ударов, Сугриву пронзил страх. Но Сугрива не сдавался врагу, молясь всем сердцем, чтобы Рама скорее пришел ему на помощь. Стремясь проявить все свои возможности и умение, Сугрива сражался изо всех сил. Когда силы начали иссякать и он почувствовал признаки изнеможения, он крикнул: «Рама!» И Рама, услышав этот призыв, считая своим первейшим долгом защиту своего преданного, натянул тетиву и пустил стрелу прямо в гордое сердце Вали. Вали беспомощно закрутился на месте, и, склонившись набок, плашмя упал на землю. В тот же момент Рама подошел к нему и удостоил Вали лицезрения своего Божественного Лица.

Сраженный роковой стрелой, Вали все же сумел приподняться и сесть: он был беспримерно силен и храбр! Со сложенными ладонями он задержал свой взгляд на этом лице, подобном голубому облаку, на этих прекрасных глазах, подобных лепесткам лотоса, и пролил потоки слез в экстазе счастья. Он не мог скрыть своей радости. Он воскликнул: «О Рама! Будучи Божественным воплощением красоты, будучи Самим Создателем Вселенной, зачем решился Ты на это странное и сомнительное представление? Стоило сказать Тебе хоть слово, а затем убить меня, и я был бы безмерно счастлив встретить смерть от Твоей руки. Разве отказался бы я положить к Твоим ногам все то, что положил Сугрива? Нет, нет. То, что Ты содеял, Ты содеял не без какой-то важной причины. Ибо Бог никогда бы не предпринял такого шага без должных оснований. Если смотреть со стороны, этот шаг может показаться противоречащим самой нашей идее Божества. Но если постигнуть его скрытый смысл станет очевидным, что этот поступок основан на Истине. Я знаю, что деяния Бога нельзя объяснить с общепринятой, земной точки зрения. Бог выше и за пределами трех природных гун, которые регулируют поведение человека и определяют его границы. Поэтому Его дела можно правильно понять тогда, когда смотришь на них с позиции, на которую не влияют ни чувства, ни страсти, ни предубеждение. Только в состоянии полной невозмутимости постигается то, что совершается при полнейшей невозмутимости и беспристрастности. Если вы привержены каким-то принципам и представлениям, вы будете в их духе рассматривать и те явления, которые не подходят под ваши ограниченные характеристики». Вали был наделен ясным умом и, продолжая свои рассуждения, он сказал: «Рама! Я знаю, каково Твое могущество и Твое мастерство. Ты можешь одной стрелой уничтожить не только какого-то Вали, но и всю Вселенную. Но Ты можешь и заново создать Вселенную. Тем не менее, я хотел бы узнать от Тебя, за какой мой грех Ты убил меня. Прошу, объясни мне ошибку, за которую я несу ответ. Ты явился на землю, чтобы восстановить Праведность – ведь это так? Какой же смысл и какова причина того, что Ты, как простой охотник, спрятался за деревом, чтобы убить меня?»

Рама, полный милосердия, сел рядом с умирающим Вали и сказал:

«Вали! Ты знаешь, что мои действия не вызваны эгоистическими мотивами. Отбрось ложную мысль, будто я искал и завоевал дружбу с Сугривой, чтобы узнать о местонахождении Ситы. Ты ведь сам только что сказал, что я принял человеческий облик ради восстановления Истины на земле. А теперь скажи, если бы я просто наблюдал зло и несправедливые и порочные мирские дела, как бы ты назвал это? Служением миру или равнодушием к нему? Праведностью или неправедностью? Жена брата, сестра и невестка – все эти слова приравнены к понятию «дочь». Бросить похотливый взгляд на одну из них

– значит быть отвратительным грешником. Тот, кто убивает такого грешника, сам остается незапятнанным.

Как несправедлив ты был, заподозрив, что Сугрива загородил вход в пещеру со злым намерением уничтожить тебя! Ты сказал, что выйдешь из пещеры самое позднее через пятнадцать дней и велел ждать тебя у входа в нее до конца этого срока. А он прождал тебя целый месяц! Он очень горевал, когда, почувствовав запах крови, подумал, что его брата убил кровожадный демон. Он не решился войти в пещеру, зная, что для свирепого ракшасы, погубившего Вали, Сугрива – не противник. Когда он заложил огромным валуном вход в пещеру, он тем самым хотел помешать чудовищу выбраться наружу. Он был уверен, что пещера станет для него вечной темницей. Жители города принуждали его принять правление – и он подчинился их требованиям. Какой же грех совершил Сугрива, поступая таким образом? Ты даже не удосужился его выслушать. Он всегда повиновался твоим распоряжениям и командам, потому что он любил тебя и благоговел перед тобой. Он строго следовал путем Правды. А ты взрастил в своем сердце ненависть к нему – безо всяких на то оснований. Твоя беспредельная гордыня загнала его в лес. Когда ты изгнал его, ты должен был позволить его жене уйти вместе с ним. Ты же вместо этого принудил ее стать твоей женой, ее, с которой ты обязан был обращаться как с собственной дочерью. Назовешь ты это грехом или нет? А ведь нет греха ужаснее этого. К тому же, ты занял место правителя этого царства. Ты должен защищать своих подданных и подавать им пример. Как смог бы ты наказать тех, кто совершил преступление, если и сам повинен в преступлениях? Каков царь, таковы и подданные – гласит народная мудрость. Люди становятся такими же, какими являются их правители. Поэтому то, что ты совершил, выглядит еще более предосудительным и низким. Разве это не так?»

Так Рама, проявляя свою безграничную любовь, прояснял Вали совершенные им грехи и преступления. Вали внимал ему и думал над тем, что услышал. В конце концов он осознал свои ошибки и сказал:

«Господин! Мне, видимо, не хватает ума, чтобы убедить тебя признать меня безгрешным. Но выслушай меня! На самом деле, я – вовсе не грешник. Будь я грешником, мог бы я быть сражен стрелой, пущенной рукою самого Бога, и мог бы я проводить последние мгновения жизни, глядя на Лик Божества и внимая Его сладостным речам?» Рама с великой радостью воспринял эти слова, в которых заключалась такая высокая мудрость, исходящая из самых глубин любви, преданности, восторга и самоотверженности. Рама пожелал показать всему миру, каким искренним было самоотречение Вали. Он сказал: «Вали! Я возвращаю тебя к жизни. Я освобождаю тебя от неизбежности старения и одряхления. Восстань! И обрети вновь свое тело!» Он положил руку на голову Вали. Но во время этого высочайшего благословения Вали прервал Раму и взмолился: «Океан Сострадания! Внемли моей мольбе! Как бы ни противились мы смерти в течение всей нашей жизни, в то мгновение, когда дыхание покидает нас, смерти избежать нельзя. В этот миг даже величайшие из святых не всегда находят в себе силы, чтобы умереть с Твоим Именем на устах. Мне выпало это величайшее счастье – в последние минуты жизни произносить Твое Имя, взирать на Твой Лик, касаться Твоих Ног и слышать Твое Слово. Если я потеряю эту возможность, кто знает, сколько мне придется ждать, чтобы обрести ее вновь? Продолжая дышать, совершу ли я что-либо великое? Нет. Я не хочу больше жить.

Господин! Даже Веды, Источник всякого Знания, говорят о Тебе: «Не это»; «Не это». Этим путем ведут они за собой мудрецов, пока те не воскликнут: «Это! Это!», и я только что овладел этой великой тайной. Неужели я упущу ее? Есть ли в мире такой глупец, который променял бы найденное им Божественное Древо Исполнения Желаний на дикорастущий сорняк? Этот Вали, рожденный высшей волею Самого Брахмы, наделенный могучим телом и острым умом и получивший известность благодаря этим качествам, может ли он отдаться искушению цепляться за тело, как если бы оно было истинной реальностью и ценностью? Нет. Если я поддамся на это, я навлеку на себя

вечный позор. К чему рассуждать? Если ты не удовлетворен собою, может ли что-либо иное удовлетворить тебя? Господин! Твой Лучезарный Облик и Твое Слово помогли мне преодолеть чувство раздвоенности и множественности. Я обрел видение Единого, свободное от всего другого. Смерть избавит меня от тяжкого груза последствий моих грехов. Позволь же исчезнуть телу, обремененному этим невыносимым грузом. Не допусти рождения нового тела, на плечи которого обрушится эта тяжесть!» Вали объявил о своей решимости расстаться с жизнью и призвал к себе сына. «Этот юноша порожден желанием грешной плоти. Но он силен, добродетелен, скромен и послушен. Я хотел бы, чтобы Ты заботился о нем, как о сыне, достойном Твоей Милости. Передаю его в Твои Руки». С этими словами он вложил руки сына в руки Рамы. Рама привлек к себе Ангаду, сына Вали, и благословил его с великой любовью. Удовлетворенный тем, что Рама принял его. Вали пролил слезы радости. Он устремил свой взгляд на Божественное Лицо Рамы. Его глаза медленно закрылись – в смерти. Разве станет слон обращать внимание на цветок, который выпал из гирлянды, украшающей его шею? Так и Вали безмятежно позволил своему дыханию отлететь от него.

Обитатели города на озере Пампа в глубокой печали собрались группами, как только пришла весть о кончине Вали. Его жена Тара прибыла в сопровождении своей свиты. Она упала на мертвое тело и лишилась чувств. Горестный вопль Тары был так пронзителен, что даже камни таяли в глубоком сочувствии. Когда сознание вернулось к ней, она взглянула на лицо своего господина и горько зарыдала. «Несмотря на мой протест и доводы, которые я приводила, чтобы остановить тебя, ты бросился навстречу своей судьбе. Жена должна быть неусыпна в своей заботе о безопасности и счастье своего господина. Никого так близко не затрагивает благополучие мужа, как его жену. Другие, как бы ни были они благородны, всегда вкладывают некую долю эгоизма, когда дают советы. Господин! Из-за злой воли Судьбы мой совет не возымел действия. Господин! Как смогу я оберегать и воспитывать нашего сына? Разве тот, кто убил тебя, откажется от попытки нанести вред твоему сыну? Кто будет теперь защищать нас? Как мог ты примириться с тем, что оставляешь нас и уходишь в другой мир? Ради чего мне теперь жить?»

Тут Тара обернулась к Рама и излила ему свою душу: «Ты отправил моего дорогого господина, мое дыхание, в иной мир. Неужели ты хочешь, чтобы мы, оставленные им, были брошены на милость чужим?»

Подобает ли тому, кто так благороден и так предан законам Праведности, проявлять гордыню и высокомерие? Достойно ли это героя? Если ты желаешь нашего благополучия, если ты хочешь облегчить нашу боль, тогда убей меня и моего сына; стрела, которая сразила могучего воина, не дрогнет перед слабой вдовой и подростком. Дай нам возможность соединиться с ним». Она упала к ногам Рама, рыдая в безутешной горе. Рама сказал: «Тара! Отчего ты так горько плачешь? Ты – героическая жена, тебе не подобает так вести себя, ведь этим ты порочишь свою честь. Успокойся. Соберись с силами. Тело – это временная оболочка, оно – презренно. Сам Вали смотрел на свое тело как на что-то низменное. Смерть тела, его распад могут произойти в любое время – этого нельзя избежать. Оно – лишь инструмент, благодаря которому достигается высшая цель. Если эту конечную цель не иметь перед собой и не стремиться с помощью тела достичь ее, тело можно рассматривать лишь как кусок угля, удел которого – сгореть в огне. Рыдать о теле Вали – неразумно, ибо тело – здесь, перед тобою. Или ты плачешь об Атме, которая была в этом теле? Но Атма – бессмертна, она не может ни умереть, ни разрушиться, ни исчезнуть, ни разложиться. Только те, кто не понимают идеи Атмы, страдают от иллюзии, будто тело – это они сами. Не поняв этого, даже самые ученые будут пребывать в заблуждении. Любовь к своему телу, отождествление его с истинным «Я» есть невежество и темнота. Знание же того, что Атма является вашей подлинной сущностью, есть мудрость. Обрести знание об Атме – это исключительная удача, это все равно что найти бриллиант в пыли. Атма – драгоценный камень в обрамлении массы плоти. Тело несет в

себе мочу и фекалии, дурные запахи и дурную кровь. Тело донимают язвы и паразиты. Его распад нельзя остановить, оно все равно когда-то умрет. Только те достижения, к которым можно прийти благодаря телу, являются его оправданием. Они – венец вашего существования. Твой муж одержал много героических и славных побед с помощью своего тела. Управляя этим царством, он проявлял заботу о своих слугах и приверженцах, как если бы они были его собственное дыхание. Он уничтожал ракшасов. Он был глубоко предан Богу. Но он нанес обиду и вред своему брату. Никакого другого греха, кроме этого, он не совершил. Его смерть от моей руки была наказанием за этот грех. Но тем самым, поверь мне, и этот грех ему прощен. И у тебя нет причин горевать».

Когда Тара услышала эти слова совета и утешения, ум ее прояснился, мудрость вновь пробудилась в ней, и она успокоилась. Рама сказал, что нужно поторопиться. Он попросил Тару вернуться в город и принять участие в похоронном обряде, который будет совершать Сугрива. Сугриве он дал совет отнестись к Ангаде с любовью и вниманием. Когда ритуальная церемония была окончена, он послал Лакшману в столицу и передал царский трон Сугриве. Хануман и другие приближенные пришли в город и, как друзья и последователи, помогали Сугриве успешно управлять страной. Как только Сугрива взял бразды правления в свои руки, он созвал старейшин и общинных вождей и приказал им предпринять необходимые шаги для поисков местонахождения Ситы. Сугрива не чувствовал себя счастливым, став правителем и приняв на себя почетное бремя ответственности. Наоборот, он выглядел печальным и подавленным, ибо явился причиной гибели своего брата. «Увы! Гнев приводит к совершению ужасающего греха, он рождает ненависть и убивает любовь. Позор мне! Как низко я пал, если позволил гневу и ненависти войти в мое сердце. И оно разрывается от боли, когда я вспоминаю слова благоговения, с которыми Вали обращался к Рама. Я никогда не думал, даже в своих снах, что Вали обладает такой глубокой преданностью и самоотверженностью. О! Его мудрость беспредельна. Его свирепый нрав не дал ей вовремя проявиться. Да. Гнев подавляет в нас божественное; похоть и ярость – причины всех наших бед». Хотя и подавленный этими мыслями, Сугрива, тем не менее, учился у Лакшманы искусству управлять государством. Он умолял Раму посетить город и благословить его и подданных, но Рама сказал, что должен жить в лесу и ни в один город войти не может. Иначе он выкажет неповиновение воле своего отца.

Сугрива собрал совет вождей и объявил, что поскольку наступила поздняя осень и надвигаются дожди, обезьяньим стаям трудно будет передвигаться в холод и непогоду. Поэтому он считает, что они должны взяться за поиски Ситы, когда минует сезон дождей. Он доложил об этом Рама и Лакшмане. Рама признал разумность его доводов и согласился с этим планом. Братья удалились на гору Ришьямука и нашли там пристанище.

Скоро начались дожди – такие сильные, что казалось, будто на каждую пядь земли проливались с неба полные кувшины воды. Лакшмане подчас было трудно раздобыть для пропитания даже плоды и коренья. Они не могли выходить из-под крыши обители. Солнце едва проглядывало. Рама проводил время, давая Лакшмане бесценные советы. «Лакшмана, – говорил он, – когда рождается дурной сын, кодекс морали бывает поколеблен. Когда начинает бушевать ураган, облака содрогаются в страхе. Общение с дурными людьми есть пролог к уничтожению мудрости. В обществе добрых людей мудрость расцветает». Так проводили они свои дни, рассуждая о вещах, касающихся мудрости – о том, как ее обрести и сохранить.

Глава 23

Успешные поиски

Дожди прекратились. Над миром занималась заря сезона Сарад. Земля сияла великолепием свежей зелени. Пышно разрасталась трава, и природа украшала свои

изумрудные ковры пестрым и красочным цветочным узором. Как жадность бессильна противостоять щедрости и великодушию, так и воды, отступая, таяли под светом взошедшей на небосклоне звезды Агастья. Рассудок становится светел и ясен, когда исчезают желание и иллюзия; так и реки вновь обрели чистоту и прозрачность. Рама сказал Лакшмане: «Брат! Я считаю, что пришла пора обратиться к Сугриве». Исполняя волю Рама, Лакшмана попросил Ханумана – ежедневного гостя обители – напомнить Сугриве о данном обещании. Хануман, всегда готовый услужить Рама с горячим рвением и искренностью, не замедлил передать Сугриве пожелание Рама. Сугрива собрал вожakov обезьяньих племен и возглавил приготовления к походу. Он вселил в своих подданных решимость и мужество, необходимые для удачного завершения возложенной на них миссии. Чтобы поиски увенчались успехом, он отправил несметные стаи обезьян во все концы света. Хануман был назначен Сугривой главою похода. Кувыркаясь и скача от возбуждения и восторга, полчища обезьян, ведомые Хануманом, выкрикнули в один голос «Джей!» – Сугриве и «Джей! Джей!» – Рама, Владыке и Господину, после чего устремились в разные стороны по тайным, им одним известным тропам джунглей, вдохновляемые Хануманом и важностью священной миссии.

Хануман со своим воинством отправился на Восток, Сушена и Мандава – на Север. Они обыскали горный хребет Гандамадану, пик Шумеру, Гору Арджуна, гряды Нилагири, не пропустив ни единой пещеры, и достигли берегов Северных морей. Подчиненные Ханумана были так же неутомимы в своих поисках; забыв о сне и пище, они готовы были пожертвовать жизнью ради Святых Стоп Рама. Они хотели только одного – добиться успеха в служении Рама. Все они, от первого до последнего, будь то вожак или слуга, были исполнены преданности и самоотречения. Без устали повторяя Имя Рама, они протискивались во все щели и закоулки, во все пещеры и убежища среди скал, карабкались на каждую гору, на каждый крутой утес, прочесывали все долины, бухты и берега рек, ибо могли проникнуть в места, недоступные для человека.

Однажды обезьяны оказались на берегу большого озера. Они заметили женщину, предававшуюся суровой аскезе, и простерлись ниц в почтении, не смея приблизиться к ней. Женщина открыла глаза и увидела стаю измученных, истощенных обезьян. Она сказала: «Обезьяны! Вы выглядите усталыми и голодными. Подкрепитесь этими фруктами», и она предложила им обильное угощение. Когда они окружили отшельницу, та попросила рассказать о цели их странствий. Сама же она поведала им, что совершает паломничество к священной обители Рама! «Послушайте мою историю, – сказала она. – Мое имя – Свайампрабха. Я дочь небесного гандхарва. Мою подругу, одну из апсар, зовут Хема. Когда я предавалась покаянию, передо мной явился Брахма и спросил меня, каково мое сокровенное желание. Он сказал, что я достойна награды, и он ниспошлет мне любой дар. Тогда я ответила: «Я хочу узреть Бога, спустившегося на землю в человеческом облике». Он произнес:

«Живи здесь в одиночестве. Придет время, и сюда прибудет стая могучих обезьян, и ты предложишь им отдохнуть и набраться сил. От них ты сможешь узнать о Рама – Боге в образе человека. Позже ты увидишь его собственными глазами». О! Я чувствую, что близится исполнение моей мечты. Два верных знака говорят мне об этом. Первый знак – это ваше появление. Второй знак – ваш рассказ о Рама и о месте, в котором он пребывает. И теперь я счастлива, будто бы уже обрела третий, заветный знак Благодати – Даршан Рама». Женщина испытывала безграничный восторг и проливали слезы счастья. Обезьяны были глубоко тронуты ее повестью и вместе с нею плакали от радости. Отшельница, между тем, закрыла глаза и погрузилась в глубокую медитацию. Через некоторое время она прервала молчание, провозгласив: «Обезьяны! Я вижу, как на острове, омываемом волнами океана, в прекрасном городе, в глубине цветущего сада, Сита, одна-одинешенька, горько оплакивает свою судьбу. Я уверена, что вы найдете ее. Не сомневайтесь в этом! Наберитесь терпения и мужества и продолжайте путь».

Обезьяны вновь пустились на поиски; почти утратив надежду и поддавшись печали, они сетовали: «Увы! Только две дайн остались до срока, назначенного нашим хозяином, Сугривой. А мы все еще не напали на след Ситы!» Ангада и другие вожаки жаловались на свою судьбу и были близки к отчаянию. Из их глаз катились слезы. Они остановились у берега моря, с грустью понимая, что никто из них не способен переплыть его, чтобы продолжить поиски. Они сгрудились на прибрежном песке, изнывая от тоски и разочарования. Старейший из вождей, Джамбавантха, как мог, утешал Ангаду: «К чему так сильно горевать? Мы сделали все, что было в наших силах, мы искали повсюду, ни на секунду не забывая о долге; ни единого мгновения не было затрачено впустую; пренебрегая голодом и жаждой, мы были неутомимы в нашем служении; дни и ночи, без сна и отдыха, мы обыскивали все уголки земли в поисках Ситы. Наш хозяин и правитель, Сугрива, не мог наблюдать наши действия, но, поверь мне, Рама ведом каждый наш шаг! Поэтому Рама знает, что нас не за что подвергать наказанию, а, значит, у нас нет причин бояться гнева Сугривы. Это задание Рамы, и мы должны исполнять его с именем Рамы на устах и с Образом Рамы в сердце».

В то время как Джамбавантха успокаивал и подбадривал Ангаду, на берегу, передвигаясь прыжками, появилась огромная старая птица. Это был орел, намеревавшийся совершить у моря поминальный обряд по своему брату и преподнести океану воду, освященную зернами кунжута. Обезьяны столпились вокруг незнакомца и гадали, не ракшаса ли это, изменивший свое обличье. Птица, однако, заговорила первой. Орел сказал: «Обезьяны! Мое имя Сампатхи. Джатайю был моим братом. Еще в молодости мы устроили состязание – кто сможет подлететь ближе к солнцу. Мой брат не вынес огнедышащего зноя солнечных лучей и повернул назад; моя же гордыня побудила меня лететь выше и выше, пока мои крылья, опаленные жаром, не сгорели дотла. Я низвергся с небесных высот и рухнул на землю, как камень. В таком жалком состоянии и обнаружил меня мудрец Чандрама, проходивший мимо. Он остановился, сел рядом и завел беседу, преподав мне бесценные уроки мудрости. С тех пор я избавился от гордости и спеси. Он сказал мне: «О царь птиц! Послушай мои слова. В наступающей Трета Юге Бог Нараяна воплотится в человеческом теле; Его супругу похитит Равана и унесет невесту куда. Целая армия ванаров – обезьян – устремится на ее поиски. Когда на своем пути ты встретишь этих посланников Бога, выполняющих священную миссию, ты можешь считать, что удостоился благодати и что твоя жизнь прожита не напрасно. Ты убедишься в этом сам, ибо в тот самый миг твои крылья вырастут и обретут новую силу. Твоим долгом будет сообщить ванарам о местонахождении Ситы!» Сегодня я пришел сюда, чтобы сотворить прощальные обряды по моему умершему брату Джатайю. Я увидел вас, и в моей памяти воскресли слова мудреца, произнесенные так много лет назад. И что же! Стоило мне вспомнить о них, я понял, что пророчество сбывается!» Тут обезьяны воскликнули в нетерпении: «Сампатхи! Отложим до лучших времен историю твоей жизни. Отпущенный нам срок близится к концу. Расскажи поскорее, как нам узнать, где находится Сита. Говори же, говори все, что ты знаешь о том, что случилось с ней!»

Сампатхи продолжал, не тратя время на излишние подробности: «О ванары! Однажды, когда меня терзали муки голода, я позвал своего сына Супарну и наказал ему: «Сын! Лети быстрее! Принеси мне какую-нибудь еду. Я стар, я голоден, мои крылья не служат мне более». Видя мою беспомощность, сын тотчас улетел в лес, но долго не возвращался. Негодование и досада, овладевшие мной, затмили даже муки голода! Наконец он появился, держа в когтях кусок оленины. От голода мой разум затуманился, и я позабыл о сдержанности. Я был разгневан его возмутительной задержкой и был готов произнести слова проклятья! Сын в страхе взмолился о пощаде, припав к моим ногам. Он сказал: «Отец! Я не потратил ни одной лишней секунды. Прошу тебя, выслушай, почему мое опоздание было неизбежно». Он положил мясо передо мной, и после того, как голод был утолен, я потребовал у него объяснений по поводу причины его промедления. Он сказал, что, летя по лесу, увидел чудовище с двадцатью руками и десятью головами, как

будто убегающее от кого-то в великой спешке и уносящее с собою женщину невиданной красоты. Она жалобно кричала и стонала. Мой сын понял, что это демон, и напал на него; женщина, сидящая в колеснице, выкрикивала одно лишь имя: «Рама! Рама! Рама!» С ее уст не слетали никакие другие слова. Его напрасные попытки остановить вора и спасти женщину и вызвали задержку. Когда я выслушал моего сына, то почувствовал нестерпимый стыд; я мучительно горевал, что утратил свои крылья и стал стар и немощен. Я подозревал, что чудовище – один из ракшасов, и спросил сына, в какую сторону уносил свою жертву десятиглавый демон. Тот ответил, что ракшаса двигался к югу. В тот же миг я воскликнул: «Увы! Это был никто иной, как Равана, а женщина – Божественная Мать, Сита! В этом нет сомнений! Злодей похитил ее и, как жалкий пес, как хитрая лиса, поспешил скрыться со своей добычей». Я скрежетал зубами от ярости. Что мог я еще сделать?» Так рассказал Сампатхи обо всем, что знал о случившемся. «С тех пор я ждал появления армии ванаров, помня о предсказании мудреца. Каждый день я встречал с надеждой, что наши пути пересекутся. Сегодня моя молитва была услышана! Моя жизнь обрела священный смысл».

Сампатхи провозгласил: «О ванары! Город на острове Ланка стоит на трехглавом холме на берегу океана; этот город полон цветущих садов и парков; в одном из них, в Ашокаване, находится плененная Сита и оплакивает свою судьбу. Она ждет вашего прибытия. Поэтому двигайтесь дальше на юг».

Ангада спросил орла, откуда ему известно, что именно в саду Ашокавана томится Сита. Сампатхи ответил, что острое зрение орла позволяет ему видеть на расстоянии более четырехсот йоджанов, и не будь он так стар, наверняка смог бы оказать им более существенную помощь. Главная трудность в том, как пересечь океан! Сампатхи сказал: «О ванары! Вы добьетесь успеха в задании, доверенном вам Рамой, если среди вас найдется хоть один, кто обладает достаточной силой и ловкостью, чтобы совершить прыжок длиной в сто йоджанов». Пока Сампатхи говорил эти слова, его крылья немного отросли и расправились. Он подпрыгнул и пролетел немного, а вскоре обнаружил, что может летать как прежде! Пророчество мудреца сбылось.

Сампатхи был потрясен этим чудом – своими новыми мощными крыльями. Он сказал: «О храбрые герои-ванары! Исполняя волю Рамы, вы проявили великий энтузиазм и упорство! Разыскивая Ситу, вы пренебрегали голодом и жаждой, не желая терять ни минуты! Вы выказали твердую веру и глубокую преданность, вы рисковали собственной жизнью, полностью отдавшись своей цели. Это Рама вселил в вас уверенность и силу. С вашей помощью Он вершит свое предназначение.

Ваш долг – погрузиться в мысли о Нем и молиться Ему от всего сердца. Тогда вы найдете Ситу и принесете полное удовлетворение Рама. Силою Его Милости вы сможете с легкостью перепрыгнуть океан, найти Ситу и наполнить радостью сердце Рамы. Радость, которую мы вселяем в сердце Бога, – вот единственная почетная цель нашей жизни; что можно сказать о живущих, не приносящих этот дар Божеству? Достойными могут зваться лишь те, кто держатся пути, начертанного Богом, и следуют его Воле в своих действиях; жизнь всех прочих бесполезна и пуста; они тратят ее на поглощение изысканной пищи и лишь отягощают землю своими телами». С этими словами Сампатхи взмахнул крыльями и улетел.

Ванары, следившие за полетом орла в высоте, были несказанно удивлены и обрадованы восстановлением его прежней силы. Они говорили друг другу, что с Именем Рамы можно достичь невозможного; как гласит пословица, Оно немое заставит говорить, а хромого – забраться на гору. Бескрылый Сампатхи обрел свои крылья и взмыл в небеса только благодаря Его Милости, заслуженной повторением Его Имени. Слова Сампатхи помогли ванарам правильно и разумно отнестись к ситуации. Каждый из вожаков старался трезво оценить свою силу и способность к прыжку. Тем временем Джамбавантха обратился к обезьяньему воинству: «Друзья! Мои древние годы взяли свое – у меня уже нет прежней силы и сноровки. Только радостное вдохновение от возможности выполнить

приказ Рамы, только мужество, черпаемое мною из Его Благословений, позволяло мне сопровождать вас и до сих пор находиться рядом с вами. Когда я был на вершине своего разума и своей силы, в расцвете зрелости и мужественности, Бог воплотился на земле как Вамана, явив миру свою Форму Тривикрама».

Услышав это, ванары собрались вокруг коронованного принца своего царства, Ангады. Они воскликнули: «О принц! Найди тот единственный выход, который спасет нас! Выбери того из нас, кто должен попытаться перепрыгнуть океан». Тогда Ангада собрал всех ванаров и сказал им, что хотел бы узнать о возможностях каждого из них в этом трудном деле. Первым поднялся Виката и заявил: «Я могу прыгнуть не дальше, чем на тридцать йоджанов». Нила объявил: «Принц! Я способен совершить прыжок длиной сорок йоджанов, но сомневаюсь, что смогу после этого пошевелить и пальцем». Следующим поднялся Дундхара и сказал, что без труда преодолеет расстояние в пятьдесят йоджанов. Нала вышел вперед и объявил, размахивая руками от возбуждения, что может прыгнуть на шестьдесят йоджанов. Выслушав, как обезьяны наперебой похваляются друг перед другом своей ловкостью и сноровкой, Ангада произнес: «Я знаю, что мог бы одним махом пересечь океан, но сомневаюсь, что мне хватит сил на обратный прыжок. Наша задача не только в том, чтобы достичь другого берега; тому, кто сделает это, придется сражаться с ракшасами, если возникнет необходимость. Эта борьба ослабит меня, и я не смогу вернуться назад. Я боюсь, что моих сил может не хватить на все три задачи».

Когда Ангада, впав в уныние, произнес эти слова, вожаки племен поднялись как один и провозгласили: «Принц! Ты – коронованный престолонаследник нашего царства. Неуместно рассуждать о том, способен ли ты совершить эту миссию. Было бы неправильным возлагать на тебя эту задачу; это противоречит законам, принятым в царских семьях. Ты должен поручить ее исполнение кому-либо из своих подданных. В твоём распоряжении миллионы обезьян, жаждущих услужить хозяину, тебе не следует и помышлять о том, чтобы самому взяться за этот труд». Джамбавантха предложил возобновить поиски достойного героя, и Ангада внимательно огляделся вокруг. Его взгляд остановился на Ханумане и он сказал: «О, сын Бога Ветра! Ты – верный слуга Рамы. Твоя преданность ему поистине безгранична. Ты был первым из нас, кто удостоился благословения обрести Даршан Рамы. Твой ум, твоя разумная тактика и дипломатия, твои высокие моральные качества помогли тебе связать узами дружбы Раму и нашего правителя Сугриву. А теперь ты хранишь молчание – в тот час, когда мы встретились с препятствием в исполнении миссии Рамы. Я затрудняюсь объяснить причину твоего молчания». Ангада продолжал превозносить достоинства Ханумана. Он сказал: «Не существует преграды, которой ты не мог бы успешно преодолеть. Ты силен и обладаешь глубоким умом. Ты – вместилище всевозможных добродетелей. Поднимись! Оцени свое мастерство, свои блестящие таланты и способности».

Рисунок 7 Хануман

Слова Ангады наполнили Ханумана небывалой силой. Он вострепнулся и, резко вскочив, воскликнул: «О ванары! Ждите здесь все вы, пока я не вернусь назад. Все эти дни вы неустанно сновали по горам и долам, холмам и долинам, пустыням и джунглям, не зная ни минуты покоя. Оставайтесь на берегу и подкрепляйте свои силы кореньями и фруктами, что найдете здесь. Я же, не теряя ни минуты, сейчас же перепрыгну океан, достигну Ланки, найду Ситу и вернусь обратно. Моя единственная задача – выполнять приказы Рамы. Что еще может сделать нашу жизнь достойной, как не завоевание Его Милости?»

С этими словами он воздел ввысь сложенные ладони, посылая прощальный привет огромной толпе обезьян. Он попрощался с Ангадой, коронованным принцем. Полчища обезьян повскакали со своих мест и издали ликующий клич: «Джей Рама! Победа Раме!» Хануман, сосредоточив свой взор на запечатленном в его сердце сияющем образе Рамы, взмыл высоко в небо и одним прыжком пересек океан. Сильнейший ураган, поднявшийся от мощного толчка и стремительного полета, вырвал с корнем деревья на холмах и унес их прочь. Гора, на которой стоял Хануман, пошатнулась и, не выдержав силы удара, погрузилась в море.

Видя, как мчится по небу Хануман, Океан подумал: «Этот Хануман – слуга Рамы; он летит по поручению Рамы. О! Какая удача выпала ему! У него есть и ум, и сила, необходимые для успешного завершения миссии Рамы. Он поистине самый верный почитатель Рамы!» Океан забурлил от всколыхнувшей его радости, когда Хануман пролетал над его водами. Подводный пик Майнака поднялся из морских глубин, желая услужить герою, выполняющему веление Рамы. Он сказал: «О сын Бога Ветра! Тебя изнурит прыжок на такое огромное расстояние. Прошу тебя, отдохни немного на моей вершине и подари мне счастливую возможность разделить с тобою служение, которому ты так предан». До Ханумана донеслась мольба Майнаки, но он не стал останавливаться. Он просто коснулся пика ногой, отдавая ему дань уважения, и помчался дальше, не снижая скорости. Он поклонился с благодарностью гостеприимному пику и прокричал ему на лету: «Майнака! Я спешу по поручению Рамы; пока я не исполню всего, я не могу помышлять ни об отдыхе, ни о еде, ни о питье. Я не должен делать на своем пути ни

одной остановки». Стоило ему пролететь еще немного, как змей-демон Сураса и чудовищная великанша Симхика внезапно предстали перед ним и попытались преградить ему путь, но Хануман одолел обоих в яростной схватке и благополучно достиг берега Ланки.

На острове он увидел множество садов и парков, сияющих в солнечном свете. Кругом царило непринужденное веселье, жители Ланки предавались развлечениям и утехам, и Хануман на мгновение позабыл, где он находится. Он восхищался разнообразием удивительных птиц с ярким оперением, пестрыми стаями порхающих с дерева на дерево. Хануман забрался на живописный холм, находящийся поблизости, и подумал: «Мой успех никак не связан с моей собственной ловкостью и силой; только с помощью Рама, благодаря его Милости и Благословениям, я смог преодолеть этот путь». С высоты холма он взирал на город, на его огромные роскошные здания, на длинные широкие улицы, утопающие в пышной зелени садов, и дивился, охваченный сомнениями и изумлением – не небесная ли обитель спустилась на Землю! Но по улицам маршировали могучие солдаты-ракшасы, расхаживали женщины-ракшасы, известные своим непревзойденным умением принимать любую форму и поражающие распушенностью своего поведения. За стенами дворцов слышались причитания и стоны наложниц, плененных Раваной и ждущих часа своего освобождения – то были красавицы из племени дэвов, нагов, гандхарвов, а также и простые смертные женщины. Хануман решил, что было бы неразумно появляться в гуще толпы ракшасов, наводняющих улицы, в своем истинном обличий. Он принял крошечную, почти невидимую глазу форму и вступил в город.

У самого входа в столицу, перед главными воротами Ланки, стояла на страже демоница по имени Ланкини. Ее целью было неотступно следить за тем, чтобы никакой чужестранец, каковы бы ни были его намерения, не смог проникнуть в город. Она заметила странную фигуру Ханумана, отважившегося проскользнуть в ворота, и угрожающе преградила ему путь. Она набросилась на него с вопросами: «Кто идет? Откуда ты явился? Кто ты таков? Никогда прежде не видели мы в наших краях подобных странных существ! Ты не мог придти сюда издалека, ибо Ланка со всех сторон окружена океаном. Или же ты ухитрился переплыть море? Как смог ты незамеченным прошмыгнуть мимо меня и войти в город? Стой! Ни шагу дальше!» Но Хануман не обращал никакого внимания на ее возмущенные окрики; он спокойно двигался дальше, как будто вовсе не слышал угроз, а его хвост волочился за ним по земле. Ланкини, придя в бешенство, окончательно рассвирепела. Она яростно прорывала: «Жалкий глупец! Разве мои слова не достигли твоих ушей?» Хануман игнорировал ее вопросы и предостережения; с улыбкой на лице он невозмутимо приближался к воротам. Ланкини завопила:

«Безобразный уродец! Я проглатываю всякого, кто не подчиняется моим приказам! Будь осторожен! От тебя не останется ни единой косточки!» Она ринулась вперед, чтобы поймать крошечную обезьяну, в которую превратился Хануман, когда пытался миновать ворота Ланки. Когда ракшасы нависла над ним всей своей громадой, Хануман выставил свой маленький кулачок и нанес ей могучий удар. Потеряв сознание от боли, она покатила по земле. Из ее пасти потоками хлынула кровь. Придя в себя и обезумев от ярости, она снова прыгнула, чтобы схватить Ханумана. Но получив еще один удар, она не вынесла его тяжести; демоница рухнула на землю и больше не смогла подняться. Сделав над собой невероятное усилие, она подняла голову и, попытавшись сесть, взмолилась, простирая руки: «О существо, обладающее удивительным обликом! Давным-давно Брахма – первый из божеств Великой Триады – наделил Равану множеством даров и перед тем, как покинуть его, внезапно обернулся и произнес: «Знай, что знаком твоего неминуемого крушения станет тот день, когда Страж ворот Ланки будет повержен ударом кулака маленькой обезьяны; с этих пор ты лишишься всей своей мощи. Этот случай послужит тебе предупреждением, что твоя смерть близка! Обезьяна проникнет в город по велению Бога, исполняющего на земле свою Миссию. Обезьяна на Ланке – предвестник

полного уничтожения ракшасов, помни об этом!» Ты – тот самый посланник, о котором говорил Брахма; как мне повезло, что мое тело удостоилось прикосновения твоей священной руки! О! Как нежен и приятен был этот удар!» С этими словами она бережно погладила то место, на которое пришелся могучий удар кулака Ханумана.

Тем временем Хануман, особо не прислушиваясь к ее словам, безразличный как к похвале, так и к оскорблениям, очутился внутри города Ланки, повторяя при каждом вдохе: «Рама, Рама, Рама!» Его терзала лишь одна забота: кто поможет ему найти путь туда, где томится Сита? Как узнает он Ситу, если встретит ее? Он принял неуловимую форму, чтобы остаться незамеченным и перемещался с дерева на дерево. Он сновал среди толп ракшасов, шнырял по шумным базарам и улицам, но никто не видел его. Внезапно его взору предстало здание, по своим очертаниям напоминавшее храм Хари (Вишну), чьим человеческим воплощением был Рама. Храм стоял посреди сада из деревьев Тулси. Над главным входом, искусно высеченное в камне, красовалось имя «Хари». Не было сомнений в том, что это был Божий храм, храм Вишну. Хануман был сильно удивлен! «Как на этих дверях оказалось имя Хари?» – недоумевал он. Он решил: это место должно быть святым.

Ханумана охватило любопытство: он забрался на крышу здания и наклонился к окну, чтобы поглядеть, что происходит внутри. Он увидел, как некто, поднимаясь с ложа и расправляя свои члены, произносит имя Хари. Хануман чрезвычайно обрадовался, когда этот звук достиг его ушей. Он сразу приободрился, обнаружив, что даже на Ланке есть существа, повторяющие имя Хари. Его страхи и опасения поубавились, и он почувствовал, что обрел больше мужества для дальнейших поисков Ситы. «Обитатель этого дома кажется мне доброжелательным и благочестивым. Возможно, он знает что-нибудь о местонахождении Ситы и его удастся склонить к содружеству и помощи, ибо оба мы – приверженцы одной и той же Формы Бога». Вдохновленный этой идеей, Хануман изменил свой облик, превратившись в жреца касты браминов и появился на пороге дома. Хотя Вибхишану, владельца обители, и одолели на миг сомнения по поводу истинной сущности пришельца, он решил, что кто бы тот ни был, он обязан оказать ему должные почести как брамину; поэтому, он поспешил навстречу гостю и простерся ниц перед Хануманом. «Учитель! Как оказался ты в этих краях? Откуда ты родом? Как мог ты пройти незамеченным по улицам города и избежать преследований ракшасов?» – спрашивал Ханумана Вибхишана. Он говорил о страшных злодеяниях, на которые были способны ракшасы, и превозносил отвагу и бесстрашие Ханумана. Хануман ответил: «Я – слуга Хари. Мое имя – Хануман. Я пришел сюда потому, что Рама послал меня». Не вдаваясь в излишние подробности, он описал Вибхишане исключительные достоинства и добродетели Рама. Хануман заметил, что во время его рассказа о Рама по щекам Вибхишаны текли обильные слезы. «О! Какой счастливый день! Какая великая удача выпала мне! Стоило мне подняться с постели, и я услышал эти великолепные слова, несущие покой и радость», – таким мыслям предавался Вибхишана.

Хануман оценил все происходящее как безграничную милость Рама. Он был поражен, что на Ланке, в краю ужаса, может обитать существо, погруженное в думы о Хари. Он спросил его: «Скажи мне, о достойный, как удалось тебе выжить здесь, в этом царстве порока и низости?» Вибхишана ответил: «Только благодаря милости Божьей! Мы живем, пока не пройдет срок, назначенный нам Господом – нам этого не избежать! Он – владыка объективного мира, и никому не дано ни изменить, ни преступить Его Закон. Как наш язык снует постоянно в пещере рта, полной острых зубов? Как удается ему избежать их укусов и оставаться целым и невредимым? Так же и я живу здесь. Впрочем, довольно обо мне; скажи мне, с какой целью ты послан сюда?» Хануман осознал, что перед ним – поистине добродетельное создание и что его помощь и содействие несомненно принесут добрые плоды. Прежде чем ответить на вопросы Вибхишаны, он множество раз повторил про себя с восторженной признательностью: Рам, Рам, Рам, Рам и мысленно испросил позволения раскрыть тайну своей миссии этому набожному и чистому сердцем жителю

Ланки. Он почувствовал, что не следует что-либо утаивать от Вибхишаны. Для начала он все же спросил: «Господин, как твое имя? Что ты делаешь здесь, на Ланке?» Тронутый смирением и вежливостью Ханумана, Вибхишана ответил: «Почтенный! Мне выпала в жизни несчастливая судьба – быть братом Раваны. Меня зовут Вибхишана. Мое положение плачевно и затруднительно, ибо я не могу произносить имя Хари так часто, как жаждет того мое сердце». Услышав эти слова, Хануман почувствовал, что его собственный ответ уже готов сорваться с губ. Не сдержавшись, он высоко подпрыгнул от радости и выпалил: «Я – посланец Рама. Я пришел, чтобы найти Ситу». В тот же миг Вибхишана упал к ногам Ханумана и воскликнул: «О Господин, где же сейчас мой Рама? С давних пор я мечтаю увидеть Его, но – увы – мои добродетели слишком скудны, чтобы я смог заслужить этот дар. Я – отродье демонического племени ракшасов. Может ли быть у меня шанс обрести Его Даршан? Для меня невозможна никакая Садхана; у меня нет достаточной свободы, чтобы предаваться покаю и совершать ритуалы. Я не заслужил права на достойную судьбу. Могу ли я надеяться на благословение Рама?» Сердце Ханумана растаяло от сочувствия и жалости, когда он услышал эти горестные слова.

Он принялся утешать Вибхишану. Он сказал: «Вибхишана! Рама заботит только то, что живет в нашем сердце; Ему безразличны родственные связи, религиозные убеждения или достижения на пути Садханы. Наибольшую радость Ему доставляют чувства и их чистота. Он благословит тебя за возвышенность твоих идеалов и за простоту и безгрешность твоей повседневной жизни. Он ниспошлет тебе Даршан, к которому ты так стремишься – поэтому не горюй больше! Взгляни хотя бы на меня, и ты получишь лучшее доказательство того, насколько велики Его сострадание и милость. Я всего лишь обезьяна; капризность и своенравие – отличительные черты моего племени; само слово «обезьяна» – синоним беспокойного, озорного и плутовского ума. Никто из нашего рода не удостоился быть воспетым в Шастрах! А что до премудростей аскетизма, я и представления не имею, что это значит! Я никогда не повторял прилежно, соблюдая правила и предписания, Божье Имя, так же как не совершал паломничество к священным рекам. Почему же я получил благословение Рама? Потому что Он ценит только любовь, одухотворяющую человека, и добрые чувства, зовущие к действию. Так же произойдет и с тобой! Он обратит внимание только на чистоту твоих помыслов. Будь уверен в этом и оставь свои сомнения».

Почувствовав облегчение от этих слов, Вибхишана в подробностях описал Хануману, как Сита была привезена на Ланку Раваной. Хануман отказался от предложенных ему питья и пищи, так как принял решение воздержаться и от того, и от другого до тех пор, пока не найдет Ситу и не передаст ей весточку от Рама. Ему не терпелось как можно быстрее продолжить поиски. Однако Вибхишана посоветовал ему передвигаться медленно и соблюдать все меры предосторожности, а также, перед тем, как уйти, узнать обо всех «сильных» и «слабых» местах царства Раваны. Он сам выступил в роли наставника, и Хануман получил некоторое представление о местных порядках. После этого, наконец, Вибхишана разрешил Хануману отправиться на поиски Ситы. Хануман был настолько счастлив услышать, что Сита и в самом деле оказалась на Ланке, что он позабыл спросить, где именно она находится! Ему удалось проскользнуть незамеченным во множество зданий, чтобы убедиться в том, нет ли внутри Ситы. Он увидел сотни женских тел, изнуренных бесконечной пляской и однообразной пошлостью изобилия и роскоши, в пьяном изнеможении повалившихся на ложа. Накрепко запомнив те исключительные достоинства и добродетели Ситы, которые описывал ему Рама, Хануман внимательно изучал каждую красавицу, но ни в одной из них не мог найти ничего общего с Ситой. Он был близок к отчаянию и, забравшись на вершину холма, погрузился в глубокое и долгое раздумье о своем положении. «Как могу я вернуться к Рама, не выполнив своего долга, не найдя Ситу и не успокоив ее? Лучше мне прямо отсюда броситься в море! Увы! Моя жизнь прожита напрасно! Позор на мою голову!» – так отчаянно ругал себя Хануман. Вдруг он увидел прекрасный ухоженный сад, сияющий вдалеке яркой свежей зеленью. Но когда он слез с холма, то понял, что, поскольку сад

находится в глубине долины, окруженной со всех сторон высокими домами, он не сможет найти его, передвигаясь по земле. Придя в сильное беспокойство и не зная, что делать дальше, он помчался к обители Вибхишаны и застал его за повторением имени Рама. Увидев Ханумана, Вибхишана поднялся и с дружеской и приветливой улыбкой приблизился к нему. Он спросил:

«Хануман! Видел ли ты Ситу?» Хануман выразил свое разочарование, и Вибхишана поспешил сообщить ему нужные сведения. «Хануман! В городе есть сад, который зовется Ашокавана. Там, в окружении грозных и могучих ракшасов, Равана держит в плену Ситу. Моя жена и дочь также находятся там и прислуживают ей». Вибхишана подробно объяснил Хануману дорогу, ведущую к саду и к тому месту в нем, где он найдет Ситу. Хануман скрылся в мгновение ока и через несколько минут уже был в саду Ашокавана. Его облик был непривычен для глаз ракшасов, и те, кто успел заметить его, подняли шум и крики и бросились ловить странное существо. Хануман почувствовал, что его вид привлекает всеобщее внимание и снова уменьшился до крошечных размеров. Почти невидимый, он скакал с ветки на ветку, прячась среди густой листвы, и скоро оказался в самом центре Ашокаваны.

Там он увидел женщину, худую и бледную, истощенную голодом и бессонными ночами. Свирепые ракшасы сидели на страже вокруг нее, угрожая и запугивая, пытаясь сломить ее волю и склонить к повиновению. Как раз в это время пышная процессия известила о своем появлении в саду барабанной дробью и громкими трубными раскатами. Хануман увидел, что шествие возглавляет царственная персона, роскошно разодетая и увешенная драгоценностями. Его сопровождали сотни служанок, несущих блюда, полные сокровищ, сластей, благовоний и тончайших шелков. Скрываясь за густой завесой ветвей, Хануман наблюдал всю сцену, сидя на верхушке ближайшего дерева. Несомненно, перед ним был Равана, в очередной раз явившийся к Сите с мольбами и уговорами, в надежде добиться ее любви. Он пытался вырвать у нее согласие, угрожая суровым наказанием в случае неповиновения. Хануман слышал, как Равана увещевал своих прислужников не церемониться с ней и подвергать ее мучениям и пыткам. На протяжении всей его тирады эта хрупкая слабая женщина ни разу не подняла глаз на Равану. Она произнесла лишь несколько фраз: «Глупец! Подлое и порочное существо! Только Рама имеет право прикасаться ко мне; ни у кого больше нет такого права! От разлуки с Ним мое тело сгорит в пламени скорби! Я никогда не отступлюсь от своего решения! Помни об этом и берегись!» Услышав эти выразительные слова, Хануман понял, что их могла произнести только Сита. На него сразу снизошли покой и умиротворение. Равана, между тем, разочарованный неудачей своего очередного натиска, пришел в еще большую ярость. Голосом, в котором клокотали крайнее раздражение и гнев, он предупредил Ситу, что дает ей последний срок – один месяц, с тем, чтобы она одумалась и покорилась. После этого, вместе со своей свитой из служанок, уносящих непринятые дары, он удалился. Когда процессия скрылась, Сита, подняв лицо к небу, воскликнула: «Рама! Неужели в твоём сердце нет места состраданию? Зачем обрек ты меня на эти мучения? Когда же наконец ты освободишь меня?» И она разразилась рыданиями.

Среди надзирательниц Ситы была некая ракшаси по имени Триджата; она, однако, была глубоко предана Лотосным Стопам Рама; будучи набожной и благочестивой, она сочетала в себе житейскую мудрость с изрядным духовным опытом. Триджата сказала, обращаясь к прочим ракшаси, охранявшим Ситу: «Подруги! Прошлой ночью я видела сон, который сейчас поведаю вам. Поверьте, мы должны служить Сите и почитать ее, чтобы добиться ее милости и благосклонности! Послушайте историю, которая открылась мне прошлой ночью! Обезьяна проникла на Ланку, пролила кровь многих ракшасов и устроила великий пожар в городе! Равана, лишенный всех своих одеяний, удирал на юг верхом на осле! Его голова была обрита наголо! Я ясно видела, что все его руки были отрублены. Вместо Раваны корону царя Ланки надел Вибхишана. Не было такого уголка на Ланке, где не звенело бы торжествующе имя Рама! Потом Рама освободил Ситу!

Сестры мои по племени ракшасов! Поверьте мне, я никогда прежде не видела снов! Со мной не случилось ничего подобного. И если уж я увидела сон, он непременно окажется вещим! Все произойдет именно так, как предсказывает мое сновидение, и не позже, чем через четыре или пять дней!» Женщины-ракшасы были поражены откровением, посетившим их соплеменницу. Они поспешили пасть к ногам Ситы, после чего приступили к ежедневным обязанностям.

Наблюдая за поведением Триджаты, Сита обратилась к ней со словами: «Триджата! Не иначе, как по воле самого Рама ты оказалась одной из ракшасы, охраняющих меня. Поистине, только потому, что на Ланке еще остались женщины, подобные тебе, такие невезучие создания, как я, могут отстоять свою честь и добродетель. Представь, какова бы была в противном случае участь таких пленниц. Ты ведь слышала, не правда ли, какие выражения употреблял сегодня Равана? Он дал мне месяц на размышление! Если до тех пор здесь не появится Рама, я, или, точнее сказать, мое тело, будет разрублено на куски и вышвырнуто на съедение воронам и хищникам! Будучи супругой Рама, я не в силах вынести, что это тело будет обречено на столь страшную и позорную судьбу! Прошу, помоги мне, подскажи, каким образом я смогу избавиться от него раньше!» Хануман, сидя над головой Ситы на ветке дерева, сжался от тоски и скорби, услышав эти преисполненные отчаяния слова Ситы. Триджата же, простершись у ног Ситы, принялась утешать ее: «Мать! Не теряй надежды. Рама – не из рода простых смертных. Его величие и могущество несравненны. То, чего ты боишься, никогда не случится! Не может быть сомнений в том, что Он спасет тебя! Очень скоро Он придет сюда и будет держать твою руку в своей! Наберись мужества». Успокоив Ситу ласковыми и нежными словами, Триджата удалилась к себе домой.

Воспользовавшись удачным моментом, Хануман спрыгнул на нижнюю ветку дерева, под которым сидела Сита, и бросил вниз кольцо Рама; оно сверкнуло, как вспыхнувший луч чистейшего света; Хануман же, в порыве блаженного экстаза, повторял восторженно: «Рама! Рама!» Сита застыла, пораженная, не веря своим глазам. «Правда ли то, что я вижу, или это всего лишь сон? Как это золотое кольцо, украшающее золотую руку моего Господина, могло очутиться на Ланке? Видение ли это или очередные трюки ракшасов? Нет, нет! Я не должна колебаться! Я возьму его в руки, даже если и в самом деле окажется, что оно принадлежит моему Господину. Было бы грехом отказаться от того, чтобы прикоснуться к нему!» С этими словами, Сита взяла кольцо, с трепетом положила его на ладонь и поднесла к глазам. По ее щекам заструились слезы благодарности. «Рама! Неужели через это кольцо ты даришь мне свой Даршан, радость своего присутствия?» – воскликнула она и подняла голову.

Она увидела маленькую обезьянку, сидящую на ветке и непрерывно повторяющую в благоговении: «Рама! Рама!» В ее памяти мгновенно возникли подробности чудесного сна Триджаты. Сита взволнованно вскричала: «О! Мне кажется, что счастливые дни не за горами. За долгие десять месяцев, что провела я здесь, на Ланке, я ни разу не слышала, чтобы кто-то произнес имя Рама. Сегодня я собственными глазами вижу существо, повторяющее это святое имя! И я получила кольцо моего возлюбленного Господина!» Сита не могла сдержать радостного возбуждения. Многие месяцы не разговаривавшая ни с кем, кроме ракшасов, она тотчас же обратилась к обезьяне, сидящей над нею: «О обезьяна! Кто ты? Откуда у тебя это кольцо?» Она не могла довериться полностью странному созданию, так как знала по опыту, на какие хитроумные трюки способны ракшасы. Сита забросала обезьянку множеством вопросов, чтобы убедиться в честности и искренности ее намерений. Прежде всего ей хотелось узнать, как чувствует себя Рама, и от одной мысли о том, что он живет совсем один, в лесу, из ее глаз брызнули слезы. Горе и радость одновременно переполняли ее. Хануман видел, как она взволнована; он не стал скрывать от нее, какую безграничную любовь и преданность испытывает он к Рама. Он рассказал ей историю Династии Рама, поведал о Его подвигах, а также и о своей жизни до того, как он встретил Раму. Слушая его рассказ, Сита почувствовала себя счастливой, как

если бы сам Рама возник перед нею; она представила себе, как Рама стоит рука об руку с ней в Айодхье и как счастливы они были в своих лесных пристанищах; от этих волнующих воспоминаний она забылась и лишилась чувств.

Придя в себя, она вспомнила, в каком опасном месте на самом деле находится, и спросила Ханумана: «О обезьяна! Я была рада услышать твой рассказ, но позволь задать тебе один вопрос: как удалось тебе проникнуть в этот город, охраняемый суровыми стражниками – ведь ты всего лишь маленькая беззащитная обезьянка? Как могло случиться, что тебя не схватили ракшасы, и как ты узнала, где я нахожусь, и пробралась сюда?» Хануман ответил: «Госпожа! Откуда мне взять силы и ловкость? Я – слуга Рамы, Его верный раб. Он побуждает меня делать то, что Он хочет и что Ему нравится. Не будь Его, я не прожил бы и мгновения. Я – лишь игрушка в Его руках. Я – кукла, привязанная к нитям, которые Он держит, у меня нет собственной воли». Хануман продолжал восторженно превозносить величие Рамы, демонстрируя свою горячую преданность и поклонение. Сита с восторгом внимала его речам.

Рама велел Хануману поведать Сите о нескольких эпизодах из их жизни, о которых знали только они двое. Он наставлял его при этом:

«Может случиться, что Сита не поверит твоим словам; у нее могут возникнуть сомнения в твоей искренности. В этом случае ты расскажешь ей об этих маленьких происшествиях, известных лишь ей и мне». Хануман решил, что подходящий момент настал, и заговорил: «Мать Сита! Рама просил напомнить тебе о том, как злобная ворона пыталась причинить тебе вред и как Он наказал демона, спасая тебя от его нападков». Услышав это, Сита громко зарыдала. Она воскликнула: «Хануман! Почему же Рама, который был всегда так добр ко мне, сейчас медлит, откладывая час моего освобождения от этой пытки? Рама – океан милосердия, но почему же Он проявляет такое бессердечие ко мне? Нет, нет! Я не права. Рама – воплощение сострадания. Он вынужден играть роль, заставляющую Его проявлять это мнимое жестокосердие, в этом все дело! Хануман! Я вижу, что ты – не обыкновенное существо, ибо Рама никогда бы не позволил себе столь тесную связь с обыкновенным смертным. Тем более, Он не мог доверить первому встречному свое кольцо! Какое великое счастье выпало тебе – быть Его посланником! Яви мне хотя бы на миг свой истинный облик и свою мощь!»

Тогда Хануман прыгнул на землю и встал перед Ситой, почтительно сложив руки. Когда Сита увидела, как он превращается на глазах в гигантскую, внушающую ужас обезьяну, у нее вновь мелькнуло подозрение, что она пала жертвой демонических козней; она закрыла глаза и в страхе отшатнулась. Увидев, как она испугана, и что ее страх вызван не исчезнувшими до конца подозрениями, Хануман сказал: «Госпожа! Я не Равана и не оборотень из его демонического отродья. Я – верный слуга Рамы, преданный его ослепительно великолепному святому телу. Он – само дыхание моей жизни, поверь мне, я говорю правду. Предполагая, что ты можешь усомниться в том, что я его подлинный посланник, Он снял со своего пальца это золотое кольцо и вложил его в мои ладони, поручив передать тебе. Я пришел не один, со мною вместе пришли Джамбаван, Нила, Ангада и тысячи других несравненных героев. Но только я один, милостью Рамы, смог пересечь океан. Все мои соплеменники остались на другом берегу. Джатайю и Сабари поведали нам о том, как унес тебя сюда этот отвратительный царь ракшасов. Встретившись три дня назад с Сампатхи, мы окончательно убедились в том, что Ланка – место твоего плена, и так обрадовались, будто ты уже предстала перед нашими глазами. Рама и Лакшмана ожидают моего возвращения, надеясь на хорошие вести. Если ты позволишь, я немедленно пущусь в обратный путь, чтобы как можно скорее передать им то, что я узнал о тебе!»

Сита взмолилась: «Хануман! Я не знаю, когда ты вернешься сюда и вернешься ли вообще. Прошу тебя, останься хотя бы на день, чтобы порадовать меня рассказами о Рама и Лакшмане». В этот момент появились ракшасы и столпились вокруг Ситы, намереваясь

продолжить исполнение возложенных на них обязанностей. Хануман уменьшился до крошечных размеров и скрылся в густой листве.

Сита сидела под деревом, размышляя о том, что поведал ей Хануман; от этих мыслей покой и блаженство снизошли на нее; она не спускала глаз с ветки дерева, где скрывалась маленькая обезьянка, посылая ей свое благословение. В тот день Сита не испытывала ни голода, ни жажды; она не прикоснулась к фруктам и напиткам, предложенным ей прислужницами-ракшаси. Возвышенное состояние, в котором она пребывала, тронуло доброе сердце Ханумана. Сита представлялась ему олицетворением чистого страдания и боли. Он слышал грубые и злобные окрики охранниц-ракшаси, окруживших Ситу, и в гневе скрежетал зубами, ибо не смел расправиться с ними так, как бы ему хотелось; он чувствовал, что может действовать лишь по приказу Ситы.

Через некоторое время к дереву, под которым сидела безутешная Сита, явилась жена Вибхишаны Сарама вместе с дочерью Триджатой. Обе с почтением осведомились о ее самочувствии. Заметив их дружелюбный настрой. Сита заговорила с ними о том, что сбилось вещее сновидение Триджаты – на Ланку действительно проникла обезьяна. Сарама и Триджата, потрясенные ее рассказом, пришли в крайнее возбуждение, они засыпали Ситу множеством вопросов, сгорая от нетерпения узнать обо всем в мельчайших подробностях. Сита украдкой указала им на ветку, где прятался Хануман, и позволила взглянуть на принесенное им кольцо Рама. Обе ракшаси впились в кольцо глазами, трепеща от восхищения. Хануман дожидался момента, когда Сита вновь останется одна, и вскоре ему представилась возможность заговорить с нею. Он спрыгнул на землю и торопливо зашептал: «Госпожа! Расстанься со своей тревогой и не горюй так сильно! Садись ко мне на спину, и я в мгновение ока перенесу тебя туда, где Рама и Лакшмана жаждут узнать новости о тебе!» Хануман страстно уговаривал Ситу принять его предложение, но Сита ответила: «Хануман! Я очень рада, что ты готов помочь мне! Я страдаю от тоски и невыносимой боли разлуки, и твои добрые слова для меня – словно спасительная лодка для тонущего в бушующих водах океана. Но разве тебе не известно, что я не должна прикасаться ни к кому другому, кроме своего Господина? Как же смогу я сесть на твою спину? Подумай об этом». Эти веские и решительные слова Ситы вонзились, словно иглы, в сердце Ханумана; он ощутил свою ничтожность и острый стыд за свою гордыню, побудившую его склонять Ситу к столь неблагочестивому действию.

Придя в себя и немного поразмыслив, он, однако, осмелился продолжить: «Мать! Разве я не сын тебе? Что плохого в том, если сын понесет на своих плечах свою собственную мать? Какие дурные последствия могут ожидать его в этом случае?» Хануман настаивал, подкрепляя свою идею новыми доводами. Сита в ответ возразила ему: «Хануман! Несомненно, для нас с тобою чувства матери и сына реальны и естественны, но, вообрази, что могут подумать все остальные? Мы обязаны принимать это во внимание. Своими поступками мы должны показывать идеальный пример всему человечеству. Непозволительно навлекать на себя осуждение и презрение простых смертных и выставлять себя на посмешище; ни у одного живого существа не должно возникнуть повода указать на нас пальцем! А кроме всего прочего, наши действия должны приносить удовлетворение в первую очередь нам самим! Когда я заранее знаю, что мое действие не принесет мне удовлетворения, я никогда не решусь совершить его! Даже если речь пойдет о моей жизни и смерти, я не приму ничью помощь!

«Не забывай и еще об одном, Хануман: мой Рама призван уничтожить этого низкого демона, терзающего меня; Он – единственное существо, несущее бремя ответственности за это деяние. Он должен сам прийти сюда, на эту Ланку, убить этого Равану и увести отсюда эту Ситу, держа ее руку в своей, то есть явить миру знаки истинного героизма, которые Он несет в себе, продемонстрировать подлинную доблесть и отвагу. Вспомни, как вел себя Равана: он явился как вор, прикрывшись фальшивой личиной, и украл меня у моего Господина. Но Рама – воплощение Справедливости, Он строго соблюдает законы праведного поведения. Он верен своему слову. Если по миру разлетится весть, что Рама

послал обезьяну, чтобы она тайком от Раваны освободила и унесла Ситу, Он счел бы это позором, порочащим его честь. Бегство отсюда тем способом, на котором ты настаиваешь, было бы равносильно предательству! Не следует опускаться до тайных уловок и пользоваться окольными путями. Мы обязаны беречь безупречное Имя Рама как собственное дыхание. Его добрая слава – божество, которому поклоняются наши сердца. Наш долг – сохранить ее чистоту в мыслях, словах и делах. Поэтому твое предложение и не принесло мне радости». Хануман восхищался ее непоколебимой добродетелью, стойкой приверженностью Стопам Своего Господина и возвышенностью идеалов, которые она проповедовала. Он превозносил ее всей душой и, как сокровища, складывал ее слова в своем сердце, чтобы в будущем черпать в них вдохновение. Он проговорил: «Мать! Прости меня! Только потому, что мои глаза увидели твои страдания и муки одиночества, терзающие тебя и Раму, решился я высказать эту идею, горя желанием, как можно скорее, унести тебя отсюда к Лотосным Стопам Твоего Господина. Прости мне мою ошибку», – Хануман вновь и вновь припадал к ногам Ситы в порыве раскаяния.

Чтобы успокоить и отвлечь его. Сита принялась расспрашивать Ханумана о благополучии Рама и Лакшманы, о том, как проходит их суровая лесная жизнь. Она отвечала сама себе: «Впрочем, к чему беспокоиться о них? Они способны выдержать любые трудности и испытания. У них хватает мужества, чтобы перенести разлуку с женщиной. Женщина всегда страдает сильнее, ибо для нее не может быть ничего ужаснее, чем жизнь в разлуке со своим Повелителем». Хануман ответил ей: «Мать! Конечно, не стоит сильно тревожиться о благополучии Рама и Лакшманы; однако их нельзя сравнивать с простыми смертными – это было бы неправильно. Увы, я знаю о том, что Раму ни на миг не покидает горестная мысль о разлуке с тобой! Он не чувствует ни голода, ни жажды! Он не притрагивается к питью и пище и лишь благодаря неусыпной заботе и любви Лакшманы выпивает глоток воды или съедает маленький кусочек плода. Я не помню, чтобы Рама хоть раз по собственной воле пригубил чашу с водой! Ты не должна думать, что они забыли тебя и хотя бы на секунду могут примириться с разлукой с тобой!

«Лакшмана проводит все свои дни, не спуская глаз с Рама; он бережет его, как зеницу ока; он – дыхание Дыхания Рама; он преисполнен скорби от разлуки с тобой и состраданием к горю брата; Лакшмана превратился в нерушимую скалу, равнодушную ко всему, что не касается Рама. Он – неисчерпаемый источник мужества и стойкости. Вот уже десять месяцев, как он полностью отказался от сна и пищи!» :

Когда Хануман описывал Сите то трагическое состояние, в котором находятся братья. Сита реагировала на его слова, как если бы она была на самом деле потрясена безграничной любовью и привязанностью Рама. Она повторяла снова и снова: «Да! Ты все говоришь мне о том, как страдают мужчины; откуда тебе знать, как может страдать женщина? Разве способен ты оценить всю глубину ее горя?» Сита делала вид, что не верит словам Ханумана. Она наблюдала за Хануманом, восхищаясь его силой и мудростью; ее память озарялась восторгом и радостью, когда она представляла себе встречу Ханумана с Рамой и их дружбу, навеки скрепленную узами любви и преданности. Она обрела наконец твердую веру в Ханумана и в святость его миссии.

Хануману, между тем, не давала покоя его идея, и он вновь принялся умолять Ситу принять его помощь: «Мать! – уговаривал он. – Зачем продлевать муки одиночества? К чему проводить дни в тоске и печали? Сядь на мою спину, и ты не успеешь оглянуться, как окажешься в Его присутствии». Сита поняла, что несмотря на все ее доводы о морали и чести, о законах как духовных, так и мирских, Хануман не с силах отказаться от своего замысла. Ей пришлось применить более действенный и решительный способ, чтобы раз и навсегда прекратить разговоры на эту тему. Она сказала: «Хануман! Можно ли считать тебя слугою Рама, безоговорочно подчиняющимся Его приказам?» Хануман ответил не колеблясь: «Да! Мне легче расстаться с жизнью, чем идти наперекор воле Рама или послушаться Его приказа». И для убедительности своего заявления он принялся страстно

бить себя кулаком в грудь. «Хорошо! Тогда послушай меня: какой приказ ты получил от Рама? Найти меня и при нести ему весть обо мне, или доставить меня к нему?» Хануман остолбенел, услышав этот вопрос. Он внезапно понял, насколько бессмысленны его мольбы. Он сказал: «Мать! Еще раз прости меня. До сих пор я не осознавал, каковы бы были последствия осуществления моего плана». С этого мгновения он больше не упоминал о своем предложении.

Глава 24 Ланка в огне

Хануман понимал, что ему не следует долее оставаться на Ланке. Он чувствовал, что будет лучше для всех, если он, как можно быстрее, сообщит Рама вести о Сите. Он попросил ее позволения удалиться. Она сказала: «Ступай! Счастливого и доброго пути! Скажи Рама, чтобы он приходил скорее и забрал меня с собою». Сита не могла сдерживать слез – надежды и печали. Хануман был глубоко тронут этой сценой прощания. Его доброе сердце исполнилось грустью и жалостью. Он утешал Ситу говоря: «Очень скоро, Госпожа, полчища ванаров под предводительством Рама окружают стены столицы Ланки. Рама сокрушит войско ракшасов, освободит тебя, и вы вернетесь в Айодхью».

Но Сита была безутешна. Она не была уверена в правоте Ханумана. «Хануман! О чем ты толкуешь? Может ли стая обезьян бороться с ракшасами и уничтожить тех, кто обладает несравненно большей мощью, непревзойденным мастерством в магических трюках и перевоплощениях? Способны ли два брата, Рама и Лакшмана, выстоять в схватке с этими демонами и одержать победу? Расправиться с демонами можно лишь в сказочном сне! Только моя смерть предотвратит этот неравный бой! Лучше уж мне поскорее сделать последний вздох и спасти ваши жизни, чем обрекать на верную гибель на поле битвы множество твоих сородичей!» – так в отчаянии сокрушалась Сита, но Хануман прервал ее словами: «Мать! Не надо плакать. Каждый воин обезьяньего племени – верный слуга Рама. Все мы свято верим в то, что Рама – наша сила и наше мужество. Звук Имени Рама нам дороже дыхания. У нас нет иного источника жизненных сил! Поэтому, даже если каждый из этих ракшасов станет в тысячу раз свирепее и коварнее, мы, обезьяны, с легкостью одержим победу! Мы сможем уничтожить их, несмотря на их злобность и хитрость! Ты сомневаешься в нашей мощи и ловкости, поскольку мы появляемся в привычном для постороннего глаза виде. Позволь показать тебе облик, который я принимаю, вступая в сражение!» Хануман преобразился, и, вздымаясь в небо, перед Ситой выросла огромная гора, сверкающая золотом. Сита была поражена этим зрелищем. Она вскричала: «О Хануман! Остановись! Остановись! Довольно! Будь осторожен! Если хоть один ракшаса заметит тебя, тебе, возможно, не удастся так скоро вернуться к Рама». Сита протестовала и умоляла Ханумана принять свой прежний вид. Устрашающая фигура, в которую обратился Хануман, мгновенно исчезла, и перед Ситой снова сидела безобидная обезьянка. Она припала к ногам Ситы и, попрощавшись с нею, тронулась в обратный путь. Однако горе Ситы и ее печальное лицо так глубоко запечатлелись в сердце Ханумана, что ноги с трудом несли его прочь.

Оставив Ситу в Ашокаване, Хануман вскоре обнаружил фруктовый сад и, сорвав несколько сочных плодов, утолил свой голод. Он выбирал самые спелые и сладкие плоды, отбрасывая зеленые и недозрелые. Его заметил охранник-ракшаса и попытался спугнуть обезьянку, но Хануман нанес ему мощный удар, и страж повалился на землю. Вскочив, он побежал жаловаться к ракшасе, возглавлявшему группу стражников в саду; тот в страхе помчался к предводителю охраны, а он, в свою очередь, к своему хозяину. Таким образом слухи об обезьяне, поднявшей шум в саду, достигли царственных ушей самого Раваны. Новость поразила Равану как предвестник надвигающейся беды. От потрясения и обиды он не смог сдержать своего гнева. Пламя его ярости вспыхнуло, вздымаясь до небес. Он

приказал нескольким сотням ракшасов схватить и обезвредить дерзкую обезьяну. Поскольку прислужники Раваны не преуспели в выполнении задания своего повелителя, он послал несколько тысяч опытных и до зубов вооруженных солдат-ракшасов в сад, где Хануман ожидал новой атаки. И даже это могучее воинство не смогло причинить обезьяне никакого вреда и принудить ее убраться вон из сада! Хануман отломал от дерева сухую ветку, на которой сидел, и при помощи этого хрупкого орудия, которым он размахивал вокруг себя, повторяя при этом «Рам, Рам», отразил весь поток острых пик и стрел, обрушившихся на него. Видя, что происходит, ракшасы недоумевали, что за существо явилось к ним. Не был ли это сам посланник богов? Или, может быть, глашатай грядущей гибели Ланки? Пристыженные герои вернулись в лагерь, отягощенные предчувствием беды. Они с трудом набрались храбрости, чтобы доложить о своем позорном поражении владыке, Раване. «Ты послал в атаку множество ракшасов, выбрав самых ловких и отважных среди них; но несмотря на это, мы не смогли поймать преступника. Стоило обезьяне зареветь всего лишь один раз, и сотни наших воинов испустили дух, сраженные ужасом! От его рева земля задрожала у нас под ногами! Этот рев громоподобным эхом отозвался в каждом доме! Видя беспомощность нашего воинства, мы решили обратиться к тебе и доложить, что мы столкнулись не с простым врагом, и все, что случилось, предвещает страшное бедствие». Таково было заявление предводителей, услышанное Раваной. Они ничего не утаили от него, изложив лишь суровые факты; и эти факты ясно говорили о том, что если обезьяна безнаказанно бродит по городу, всему царству угрожает опасность.

Услышав это, Равана послал в атаку своего любимого сына, Акшайя-кумару, во главе многотысячной армии отборных воинов-ракшасов. Но Хануман в мгновение ока справился с этой свирепой оравой, и Раване оставалось лишь оплакивать смерть горячо любимого сына. Сама земля Ланки содрогнулась от ужаса при известии о гибели принца и истреблении его войска. Люди в страхе шептались, что на Ланку пожаловала не простая обезьяна, что это – некое Божественное явление, настигшее Равану как страшное возмездие за похищение Ситы. Многие ракшасы возносили молитвы к Сите, от всего сердца умоляя ее освободить Ланку от обезьяны, ибо опасались, что это ее гнев принял форму страшного зверя. Равана призвал Меганаду и поручил ему уничтожить пришельца. В распоряжение воина была отдана мощная армия из нескольких тысяч ракшасов. Меганада взошел на колесницу и торжественно выступил в поход. Отряд маршировал по улицам, гремя доспехами, и небо и земля замерли, пораженные его мощью и грозной поступью. Воздух сотрясаясь от боевого клича. Все, кто видел их великолепие, остолбенели от изумления и восхищения.

Хануман наблюдал за приближением войска и слушал громовые раскаты труб, оставаясь абсолютно равнодушным. Он неподвижно сидел на маленькой ветке густого дерева и следил за маневрами ракшасов, пока те не подступили совсем близко. Со всех сторон на Ханумана посыпались тучи острых стрел. Издав оглушительный рев, он спрыгнул вниз и, вырвав с корнем гигантское дерево, принялся размахивать им, отражая сплошной ливень стрел, норовящих вонзиться в его тело. Стрелы отлетали назад с такой силой, что поражали самих же ракшасов, посылавших их, и истребляли несметное количество воинов, так что вскоре лишь единицы могли продолжать борьбу. Меганада был также пронзен стрелой; он покатылся по земле, истекая кровью. Тогда демон решился прибегнуть к священному оружию – стреле Брахмы, которую захватил с собою. Он знал, что Брахма, первое Божество Тримурти, предсказал Раване, что тот встретит свою смерть от руки человека и обезьяны. Меганада попытался предотвратить это бедствие. Брахмастра была выпущена из лука после чтения предписанных ритуальных мантр. Хануман испытывал великое почтение к оружию, освященному сокровенными мантрами и принадлежащему Брахме. Поэтому он не препятствовал полету стрелы, а вместо этого простерся перед нею в благоговении. Теперь для Меганады не составило труда схватить обезьяну и связать ее своей змеиной веревкой.

Ликующие ракшасы не замедлили сообщить Раване счастливые новости. Сотни тысяч любопытных заполнили улицы, чтобы поглазеть на связанную обезьяну. Хануман проявлял невозмутимость, не испытывая ни страха, ни тревоги; он спокойно шествовал впереди, привлекая внимание толпы обворожительной улыбкой. Наконец, процессия достигла тронного зала Раваны. Собравшиеся там министры и придворные были поражены откровенным равнодушием, которое проявил Хануман к роскошному убранству зала и его царственному великолепию – символам незыблемой власти. Равана громко расхохотался при виде нелепой фигуры обезьяны, но в тот же миг его пронзил страх предчувствия неминуемой гибели. Однако гнев пересилил все прочие эмоции, кипящие в сердце Раваны. Он крикнул: «Эй, ты! Обезьяна! Кто ты на самом деле?»

Чье могущество ты используешь и проявляешь, от чьего имени действуешь? Как посмел ты разорить наш парк и фруктовый сад? Даже будучи связанным, ты не испытываешь никакого стыда; ты глазеешь вокруг, высоко задирая голову! Говори! Отвечай на вопросы, ничего не утаивая!»

Подвергнутый такому допросу Хануман в ответ лишь добродушно рассмеялся. Он изъяснялся с Раваной при помощи слов и выражений, недоступных пониманию собравшихся в зале ракшасов. Но Равана, знаток ораторского искусства и возвышенного слога, отлично понимал его, и поэтому их беседа казалась слушателям мудрым диспутом двух интеллектуальных гигантов. Равана продемонстрировал Хануману несколько магических трюков, желая похвастаться своей неуязвимостью. Он всячески выказывал свою мощь и сверхъестественные способности. Но Хануман оставался невозмутимым. Он сказал: «Равана! Мне известно твое могущество. Я наслышан о том, что в сражении у тебя вырастает тысяча рук. Я знаю также о твоей знаменитой битве с Вали. Но что плохого я сделал тебе? Я был голоден. Я вырвал с корнем несколько деревьев – но таковы мои обезьяньи повадки. Прыгая по верхушкам деревьев, я попал в свою стихию, в свою природную среду. Кроме того, каждый из нас обладает желанием и инстинктом сохранить свою жизнь, защитить свое тело. Твои солдаты ужасно свирепы. Они напали на меня, и что же? В ответ я напал на них, и они погибли, не в силах выдержать отпора. Я старался изо всех сил сохранить свою жизнь. Стрела твоего сына вынудила меня сдаться и позволить связать себя, но я не собираюсь в ответ заманивать тебя в ловушку. Мое единственное стремление – выполнить волю моего Господина. Выслушай меня внимательно. Расстанься полностью со своей гордыней и жадной славой. Вспомни о величии своего клана, о древнем роде, к которому ты принадлежишь. Не забывай о том, что ты – правнук Брахмы. Ты – внук великого Пуласты. Ты – сын Вишравов. Откажись от иллюзорного стремления к накоплению роскоши и силы; приобщись к тем, кто преклоняется в своем сердце Разрушителю страха, к тем, кто предан Ему, Жемчужине в короне династии Икшваку, драгоценному сокровищу рода Рагху – Рама! Предайся Ему, найди прибежище у Его Ног! Само Время содрогается перед Ним в страхе. Враждебность к Нему не приведет тебя к добру. Слушай меня! Верни Ситу к Лotosным Стопам Рама и медитируй в благоговении на той Милости, которая исходит от этих Стоп. Обретя этой Милостью новые силы, навеки пребудь правителем царства Ланки. Пусть незапятнанная слава твоего деда, Пуласты, достигнет всех уголков земли и сияет так долго, как луна и солнце на небосклоне. Безупречное имя твоего клана не должно быть омрачено твоими несправедливыми делами! Расстанься с гордыней и иллюзией. О царь! Реки, берущие начало на горных вершинах, полноводны в сезон дождей и стремятся вниз в неистовом потоке, но не проходит и нескольких недель, и они превращаются в еле заметные ручейки. Твоя мощь и богатство вскоре иссякнут и испарятся. Преклонись перед Рамой, как перед источником силы и богатства, и тогда они сохранятся навеки, ибо Он – неисчерпаемый кладезь мира и процветания. Он всегда полон. Он не может ничего потерять, а ты только получишь неизмеримую пользу. О Равана! Я говорю с тобой с открытым сердцем, ничего не утаивая. Никто не спасет того несчастного, кто ослеплен ненавистью к Нему. Внемли моему совету».

Слова Ханумана звучали мягко и приветливо; они были полны мудрости и высокой морали. Однако Равана был не склонен прислушиваться к чьим-либо советам. Он крикнул: «Глупец! Как ты смеешь указывать мне? Стыдись, жалкий негодяй! Смерть подступила совсем близко к тебе, а иначе откуда у тебя хватило бы храбрости читать наставления в моем присутствии? Хватит болтать, закрой свой рот!» Но Хануман не подчинился. Он воскликнул: «Равана! Этими словами ты предрекаешь свою роковую судьбу. Увы! Ты обратился в безумца. Ты убедишься в правоте моих слов через некоторое время. Через несколько дней ты узнаешь, чья смерть стоит на пороге – твоя или моя!»

Когда Хануман, полный отваги и бесстрашия, произносил свои речи, не соблюдая ни приличий, ни правил этикета, Равану охватила неудержимая ярость. Он вскочил, изрыгая огонь, и, воинственно колотя себя по бедрам, взревел, приказывая своим прислужникам убить наглую обезьяну. Все бросились к тому месту, где стоял Хануман, связанный змеиными веревками. Как раз в этот момент в зал вошел Вибхишана, брат Раваны. Он простерся перед старшим братом и протестующе произнес: «Господин! Было бы неправильно убивать вражеского посланца. Раджадхарма не допускает таких действий. Накажи его каким-нибудь другим способом, но не приговаривай к смерти». Министры Раваны поддержали протест и заявили, что предложение Вибхишаны честно и благородно. Равана с презрением осмеял эти смехотворные идеи о правде и неправде, однако умерил свой пыл и сказал: «Хорошо. Подвергните его пытке и вышвырните вон». Ракшасы собрались в группу, принявшись обсуждать, какого рода истязания заслуживает Хануман. Они пришли к выводу, что основная гордость обезьяны – это ее хвост, и она всячески печется о том, чтобы не повредить его и сохранить длинным и сильным. Кому-то пришла в голову идея, что лучшим наказанием будет обмотать хвост длинными тряпками, обильно пропитать их маслом, чтобы оно стекало с хвоста, а потом поджечь их. Этот план встретил единодушное одобрение! Ракшасы ликовали, что их озарила столь блестящая мысль! По залу прошел одобрительный ропот: «Бесхвостая обезьяна поскачет к своему хозяину, чтобы отомстить за увечье. Тогда мы и посмотрим, насколько он отважен и могуществен».

Хануман наблюдал их оживление, слушал их заговорщицкий шепот и от души смеялся про себя. Когда они закончили обсуждение плана, он разразился громогласным хохотом. Ракшасы были разгневаны столь возмутительным поведением обезьяны. Они немедленно приступили к делу: были принесены куски материи, которыми они и принялись обматывать хвост Ханумана. Но чем больше они старались, чем обильнее обливали хвост маслом, тем длиннее становился этот хвост! Им понадобились горы тряпок и бочки масла. Весть о чуде разнеслась по всему городу, и толпы ракшасов – мужчин, женщин и детей – устремились к залу, чтобы поглядеть на чудесное явление. Процессию возглавляли группы музыкантов, собравшийся народ хлопал в ладоши, и Ханумана повели по улицам, а за ним тянулся длинный хвост, обвязанный тряпками и пропитанный маслом. Наконец, они достигли центральной площади Ланки. Там, посреди огромной толпы любопытных, к кончику хвоста Ханумана был поднесен горящий факел. Внезапно Хануман уменьшился до крошечных размеров, и веревки, крепко связывавшие его тело, ослабли и соскользнули. Теперь он мог принять свою настоящую форму и беспрепятственно передвигаться. Одним прыжком он вскочил на крышу золотого дворца и, выкрикивая «Рама! Рама!», заставил ракшасов разбежаться в ужасе, ибо, неведь откуда поднялся ураганный ветер и задул с бешеной силой. Хануман подпрыгнул вне себя от восторга и перекувырнулся в воздухе. Он скакал с одной крыши на другую, а огромный горящий хвост волочился за ним, становясь при этом все длиннее и длиннее. Огонь разгорался все яростнее, и улицы одна за другой вспыхивали ярким пламенем. Вскоре все дома и дворцы Ланки были охвачены страшным пожаром и рушились, рассыпаясь в пепел. Ракшасы в отчаянии мчались кто куда со своими женами и детьми, покидая горящие дома и заботясь лишь о спасении жизни. Во всеобщей панике и смятении весь домашний скот, а также лошади, мулы, слоны, вырвавшись из стойл и загонов, неслись, не

разбирая дороги, обезумев от ужаса и боли. Весь город содрогался от криков, душераздирающих воплей, стонов и причитаний: «О! Спасите нас! Уведите нас в безопасное место!» Отчаянные крики, издаваемые тысячами женщин и детей, громким эхом звенели в небесах.

Царица Мандодари слышала крики, доносившиеся с улиц города. Она собрала всех солдат, находящихся во дворце, и велела им позаботиться об убежище для женщин и детей. Ею овладел страх, и она дала волю горестным чувствам, которые ее терзали. «Увы! Глупое упрямство Раваны ведет к истреблению всего клана ракшасов; нам всем суждено погибнуть в этом пожаре. Сколько раз предостерегали мы Равану вместе с его братом Вибхишаной! Простирая руки, мы умоляли его. Но, как обычно говорят, когда смерть подступает, доводы рассудка отступают. Грядут его несчастливые дни, и потому он ведет себя так нелепо и бессмысленно». Куда бы ни падал взор царицы, повсюду плясали бешеные языки пламени. И среди этих огненных сполохов, то появляясь, то вновь исчезая, мелькала фигура Ханумана. Из каждого жилища доносились отчаянные вопли: «Хануман! Пощади нас! Не сжигай наши дома!» Мужчины и женщины, простирая руки, взывали к Хануману: «Пожалей хотя бы наших детей!» Жена Кумбакарны, младшего брата Раваны, бросилась вперед и взмолилась: «О посланец Рамы! Мой супруг погружен в глубокий сон; не поджигай наш дом, не допусти, чтобы он сгорел живьем внутри».

Жителям Ланки угрожали муки полного истребления. Весть о великом бедствии не замедлила долететь до Раваны. Он отдал приказ, чтобы солдаты-ракшасы, вооруженные мортирами и другим грозным оружием, окружили обезьяну. Но все те, кто приближался к Хануману, разбегались в панике, ибо он безжалостно хлестал их своим пылающим хвостом. Многие падали замертво от нестерпимого жара. Женщины причитали и возносили молитвы к тучам, чтобы они ниспослали дождь и прекратили распространение огня. При виде бедствия, обрушившегося на город, Мальяванта подумал: «Нет, никакой дождь не сможет погасить этот пожар, это разгоревшееся пламя гнева Ситы». Другие говорили: «Это гнев против Раваны, это проклятье в образе огня, через которое Раване суждено пройти, и это проклятье обратит весь город в груды пепла». Пожар бушевал, переметаясь с крыши на крышу, и не было никакой надежды, что он погаснет. Иногда Хануман делался совсем крошечным, иногда, наоборот, его фигура разрасталась до гигантских размеров, но масштабы разрушения не менялись в зависимости от формы, которую он принимал. Оглушительный шум и треск пожарища, грохот рушащихся стен были слышны отовсюду.

Рисунок 8 Хануман сжигает Ланку

До Ситы уже дошли вести о пожаре в городе; она подняла голову и долго всматривалась в огненное зарево. От вздымавшихся вверх клубов дыма почернело все небо над Ланкой. Сад Ашокавану захлестывали волны невыносимого жара. Сита без устали призывала бога Огня, умоляя его пощадить и оставить в живых Ханумана, истинного Бхакту Рамы. Поскольку молитва ее исходила из чистого сердца, полного сострадания, Хануман внезапно почувствовал облегчение – на него повеяло прохладой. Равану же терзали муки стыда, оттого что он не посчитался с предостережениями мудрецов, не внял их мудрым советам, а потворствовал неразумной и низкой затее, в

результате чего весь город и все царство в несколько мгновений были охвачены пламенем. Только два дома во всем городе Ланка пощадили огонь – это дом, где спал беспробудным сном Кумбакарна, и жилище Вибхишаны, высочайшего среди ракшасов, преданных Рама. Хануман, тем временем, прыгнул в море и окунул хвост в воду, чтобы погасить пламя. Затем он принял форму маленькой обезьянки и устремился к Ашокаване, где находилась Сита. Он простерся у ее ног и произнес: «Мать! Я поведаю Рама обо всем, что ты велела передать Ему. Дай мне какую-нибудь вещь в доказательство того, что я видел тебя».

Недолго думая, Сита вытащила из украшения в волосах маленький жемчужный гребень и вложила его в руку Ханумана. Хануман с благоговением устремил на него свой взор и, радостный и благодарный, вновь упал к ногам Ситы. Сита благословила его и сказала: «Хануман! Ты видел собственными глазами, на какую пытку обрек меня Равана, и мне ни к чему рассказывать тебе об этом. Скажи Господину, что Он должен ниспослать мне счастье своего Даршана; скажи Ему, что я неустанно молю Его об этом; скажи Ему и Лакшмане, что они должны захватить город не позже, чем истечет этот месяц. Хануман! Три дня я была счастлива, разговаривая с тобой о Рама. Мое сердце успокоилось, наполнившись живительной прохладой. Мне трудно представить, как я буду проводить здесь одна дни и ночи после того, как ты покинешь меня. Я стану словно рыба в высохшем пруду! Несомненно, Вездесущий Повелитель постоянно наблюдает за мной; но когда, о, когда же вновь смогу я любоваться Его Лотосными Очами?» Хануман старался изо всех сил вселить в Ситу надежду и бодрость, успокоить ее словами, полными уверенности и сочувствия; он молил ее, взывал к ней вновь и вновь, припадая к ее ногам; наконец, он пустился в обратный путь.

Прежде чем покинуть Ашоковую рощу, Хануман издал прощальный рев, от которого задрожала земля Ланки, а мужчины, женщины и дети затряслись от ужаса. После этого, не медля более ни секунды, он достиг берега моря; он наполнил свой ум мыслями о Рама, а своим внутренним взором представил Его облик, полный очарования; погрузившись в медитацию на Его имени и форме, он в мгновение ока перепрыгнул океан и оказался на другом берегу. То была ночь полнолуния месяца Картик. Словно волшебный бальзам на сердце, струился с неба прохладный свет луны; имя Рама вселяло восторг и силу – и Хануман победил! Обезьяны, стаями собравшиеся на берегу, возликовали, издали заметив появившуюся на горизонте фигуру Ханумана. Они скакали от радости, и их лица расцветали от восторга, светясь все большим блаженством по мере его приближения. Они торжествовали – миссия, возложенная на них Рамай, наконец исполнена!

Три долгих дня и три ночи ждали они его возвращения, и сердца их томились от отчаяния. Теперь же они украшали себя гирляндами из цветов и листьев! Они столпились на берегу и ринулись навстречу Хануману, чтобы прижать его к груди, когда его ноги коснутся прибрежного песка. Стоило ему приземлиться, они засыпали его вопросами о Сите, о том, что произошло на Ланке, сгорая от нетерпения узнать все в мельчайших подробностях. Хануман с радостью и готовностью поведал обо всем, что они жаждали услышать, после чего поспешил к Рама.

Обезьяны же гурьбой устремились к саду Мадхувана, чтобы отвесть растущих там в изобилии фруктов, помня об обещании, данном им Сугривой – вдоволь насладиться дарами сада, когда будет точно обнаружено место, где находится Сита. Стражи, охраняющие сад, пытались помешать вторжению несметных обезьяньих орд, но не смогли остановить ворвавшуюся внутрь стаю. Они в панике бросились к своему Господину, чтобы доложить, что оказались бессильными предотвратить опустошение сада Мадхувана. Когда Сугрива услышал об этом, он воскликнул: «О! Они победили! Они выполнили задание, порученное Рамой!» Он был чрезвычайно счастлив. Сугрива сказал стражникам: «Это торжество победы! Это праздник Ананды! Ступайте и не тревожьтесь ни о чем!» А, тем временем, обезьяны, группами возвращавшиеся из сада, склонялись у ног своего царя и повелителя. Сугрива, приветливо улыбаясь, говорил им: «Я уже знаю о

том, что цель вашего похода достигнута». Они отвечали ему: «Господин! Благодаря твоей милости и благим напутствиям мы преуспели в нашем начинании! Великий герой обеспечил нам победу! Он вдохнул в нас новую жизнь! Только благодаря ему мы живы, стоим сейчас перед тобой и говорим с тобой!» Они подробно рассказали Сугриве обо всем, что случилось на Ланке и о тех страданиях, которые испытывает Сита. Стоило Сугриве услышать эти слова, он внезапно вскочил и, воскликнув: «Мы не должны медлить ни единой минуты!», поспешил прямо к Раме. Заранее зная о приближении стаи обезьян, стремглав бегущих к ним с радостной вестью об успехе похода, Рама и Лакшмана уселись на огромный валун. Они наблюдали, как, подпрыгивая и танцуя от возбуждения, обезьяны склонялись к их ногам.

Прежде всего Рама осведомился об их здоровье и благополучии. Ему отвечал старейшина племени, Джабмаван. Он сказал: «Поистине благословен тот, кто заслужил Твою милость. В него вселяется мужество и великие достоинства. Такой герой прославится во всех трех мирах». И Джабмаван принялся на все лады восхвалять доблесть Ханумана. Хануман вышел вперед и простерся перед Рамой. Он подробно описал, как выглядит остров Ланка; проливая слезы сочувствия и радости, он рассказал Ему о Сите и вложил в Его руку маленький жемчужный гребень, который он нес через океан с величайшей осторожностью и заботой. Рама прижал Ханумана к груди. Он сказал: «О сын бога ветра! Расскажи мне все, что ты узнал о Сите, о ее чувствах и ее состоянии».

Хануман ответил: «О Повелитель моей жизни! Это невозможно описать. Сита совсем слаба и истощена, ибо почти не притрагивается к еде и не смыкает глаз. Она считает каждую минуту, моля приблизить мгновение твоего Даршана. Ее ум заполнен лишь одной мыслью – непрерывным повторением твоего имени. Она просила меня рассказать тебе об ее неустанных преданных мольбах. Она часто вспоминала Лакшману, каждый раз проливая при этом горькие слезы. Резкие и жестокие словесные нападки, которым подвергает ее Равана каждое утро и каждый вечер, когда он является к ней и говорит с нею, я слышал собственными ушами. Но Матери-Сите совершенно безразлична его грубая болтовня; она целиком растворилась в великой боли разлуки и в мыслях, сосредоточенных только на тебе. О Господин! Спаси Ситу прямо сейчас!» – вскричал Хануман и упал в ноги Рама. Выслушав Ханумана, Лакшмана вскочил и, кипя от гнева и жажды мщения, горестно застонал от жалости к Сите. Ужасная картина, представшая его внутреннему взору, словно огнем, опалила его истинную сущность. Он воскликнул взволнованно: «Брат! Ты не должен медлить! Спаси мою нареченную сестру!» Рама ответил с улыбкой: «Лакшмана! Не надо так спешить! Всему свое время. Сейчас время таково, что мы должны взвешивать каждый шаг! Не унывай от горя и не торжествуй от радости». Ласковыми и приветливыми словами Рама утешал Лакшману.

Затем он обратился к Хануману и попросил его подойти поближе. Он усадил его у своих ног. Он спросил его: «Хануман! Каковы порядки, которые Равана установил в царстве Ланка? Каким образом удалось тебе учинить пожар в городе?» Хануман произнес: «Нет ничего в мире, о чем бы тебе не было известно. Разве может обезьяна обладать невиданной мощью? Мы всего лишь животные, прыгающие с ветки на ветку! Способны ли мы одним прыжком пересечь океан? Как можем мы одолеть ракшасов? Откуда у нас силы для того, чтобы объять пламенем огромный город Ланку? Все это стало возможным только благодаря твоей Славе и Милости. Твое Имя, вселяющее доблесть и мужество, помогло нам совершить эти деяния! Сам по себе я абсолютно ни на что не способен. Твое кольцо, которое я сжимал в руке, охраняло меня и вело верным путем. О Господин! Как счастлива была Мать-Сита, увидев кольцо и положив его на свою ладонь! «Не сон ли это? Или оно действительно послано мне Рамой?» – она изумлялась и недоумевала, ее терзали сомнения, но в конце концов она укрепилась в своей вере, мой Повелитель! Ее горе, ее несказанная мука жарким пламенем разгорелись на Ланке и разрушили город ракшасов, а я тут ни при чем. Ты выбрал меня как свое орудие и с помощью этого орудия вершишь свои великие дела. Это – щедрое благословение, ниспосланное мне, ибо я знаю, как

велика твоя любовь к преданным. Господин! Нет ничего невозможного для того, кто завоевал твою милость».

Рама был очень рад услышать эти слова, пронизанные глубокой искренностью и смирением. Он повернулся к Лакшмане и проговорил:

«Брат! Ступай и распорядись о приготовлениях к походу». Сами Боги на небесах ликовали, пораженные сокрушительной мощью огромного воинства, которое готовилось к наступлению под предводительством Джамбавана и Сугривы. Воины-обезьяны, по очереди коснувшись ног Рама, издали триумфальный оглушительный рев. Рама благословил их всех единым взглядом, полным милосердия. Каждый воин казался крылатой горой! Прыгая от восторга, обезьянья армия выступила в поход. С первых же шагов ее приветствовали на пути добрые знамения. Сита, сидящая в Ашоковой чаще, почувствовала, что настал священный момент. Равану же, наоборот, одолевали зловещие предчувствия, навеянные грозными событиями на Ланке и множеством дурных примет. Джамбаван, а также прочие вожди обезьяньего племени, с корнем вырывали из земли гигантские деревья и размахивали ими как орудиями битвы; на своем пути они издавали столь мощные воинственные кличи, что земля сотрясалась под их ногами, а в небе раздавались раскаты грома. «Победа Повелителю Рамачандре!» Каждый ракшаса на Ланке дрожал от ужаса, тревожась о судьбе, которая ждет его впереди. Они страшились неминуемого бедствия и теперь были убеждены, что им не избежать гибели. Они осмеливались лишь шепотом делиться друг с другом своими страхами, ибо смертельно боялись гнева Раваны.

Все тревожные разговоры, шелестевшие меж испуганных ракшасов, группами собиравшихся на улицах города, неизбежно сводились к роковым напастьм, навлеченным на Ланку посланцем Рама. Пораженные ужасом, они восклицали: «Если слуга обладает столь неизмеримым героизмом, то какова будет мощь натиска, когда явится Хозяин!» Они представляли себе, что случится с Ланкой, когда в наступление пойдет сам Рама! Слухи о панике, овладевшей народом, донесли до ушей царицы Мандодари, жены Раваны, ее служанки. Ее ум исполнился опасений и тревоги. Она понимала, что страх жителей Ланки вполне обоснован и зиждется на реальном положении вещей. Она дождалась подходящего момента в настроении Раваны, чтобы поговорить с ним наедине. При первой же возможности Мандодари сказала ему: «Господин! Не стоит растить в своем сердце вражду против Вездесущего! Не твоими ли устами было сказано, что Рама – не простой смертный? Твое войско оказалось бессильным отомстить Ему за увечье, нанесенное твоей сестре, Шурпанакхе. Твоим солдатам не удалось не только причинить ему какой-либо вред, но и вызвать в нем хоть тень раскаяния. Теперь Рама ведет за собой миллионы несравненных героев-ванаров. Как смогут противостоять им воины-ракшасы, если они оказались неспособными связать и наказать даже его посланника, проникшего в наше царство? Неужели ты не видишь, что над нами нависла злая судьба? Если один слуга вызвал такой ужас и отчаяние, то каковы будут масштабы бедствия, учиненного миллионами таких, как он? Поэтому молю тебя – прислушайся к моему совету. Верни Ситу Рама; отправь ее назад под охраной Вибхишаны или своих министров. Сита, как и Рама – не обыкновенная женщина. Она беспримерно чиста и добродетельна; она – воплощение духовной энергии, рожденной высокой праведностью. Причинение вреда такому существу не приведет тебя к добру. Внемли моей просьбе! Верни Ситу Рама! Сделав это, ты принесешь благо не только себе, но и всем ракшасам. А иначе, как лягушки, заглатываемые змеей, все ракшасы будут уничтожены стрелами Рама. Расстанься со своей гордыней и упрямством. Отпусти Ситу к Лотосным Стопам Рама». С этой жалобной мольбой царица упала к ногам Раваны.

Равана, погрязший в невежестве, взглянул на Мандодари и разразился громким хохотом. Он ответил ей: «Позор тебе! Слабые женщины быстро сдаются, это заложено в самой вашей природе. Их слова, порождаемые страхом, способны обратить удачу в злой рок! Нет сомнений в том, что ракшасы расправятся с обезьянами, стоит тем подступить к

нашим стенам. Заслышав мое имя, Боги содрогаются от смертельного ужаса; почему же ты боишься стаи глупых животных, привыкших скакать с ветки на ветку? Устыдись своего страха! А теперь ступай и оставь меня!» После этих слов он гордо проследовал в тронный зал, являя собой воплощение наглости и спеси. Оставшись одна, Мандодари предалась отчаянию. «Увы! Великая трагедия уготована нам судьбой! Что принесет она мне? Страшно даже подумать об этом!» Подавленная горем и безнадежностью, не зная, что делать дальше, Мандодари поспешно скрылась в своих покоях и бросилась на ложе, не в силах справиться с тревожными мыслями.

Тем временем, в тронном зале Равана созвал своих министров и предложил им дать оценку создавшейся ситуации. «Вы знаете о катастрофе, происшедшей по вине посланца Рамы. Какие приготовления необходимо сделать сейчас? Каковы ваши предположения по поводу ближайшего будущего? Прошу вас быть полностью откровенными и без страха выражать свои мысли». Министры переглядывались, подавляя насмешливые улыбки, но ни один из них не отважился заговорить. Внезапно в тронный зал ворвался Кумбакарна, брат Раваны. Он пробудился от глубокого сна, в который был погружен долгие месяцы, поэтому только что узнал об огромном пожаре, бушевавшем в городе во время визита Ханумана. Он выкрикнул своему старшему брату: «Эй, братец! Ты хвалился тем, что нет героя, равного тебе, во всех трех мирах! Ты бросил вызов всему миру, и никто не осмеливался сразиться с тобой! А теперь я слышу, что ничтожная крошечная обезьянка проникла в город и сожгла его дотла! Стыд и позор тебе! Как позволил ты ей удрать отсюда живой?» С этими глумливыми словами он выбежал из зала и помчался к себе домой.

После вторжения Кумбакарны министр Атикайя поднялся со своего места и обратился к правителю: «Господин! Мы подчиняемся твоим приказам. Достаточно тебе бросить на нас лишь один милостивый взгляд, и мы сокрушим всех людей и обезьян и сотрем их с лица земли. К чему дальнейшие рассуждения?» И удовлетворенно хрюкнув, он занял свое место. Вслед за ним поднялся предводитель воинства Меганада, наделенный магической силой принимать любую форму, которую он пожелает. «Высший владыка! – произнес он, – твоя мощь и могущество известны всему миру. Даже боги подчиняются тебе. К чему гадать в твоём присутствии о судьбе, ожидающей обыкновенных людей? Кто, кроме тебя, может быть сильнее богов?» Его слова звучали гордо и напыщенно. К нему присоединились братья Кумба и Никумба, сыновья Кумбакарны, известные своей безбожностью и дерзким своеобразием. К общей хвалебной песне примкнули голоса Акампаны и других вождей воинства ракшасов. Несокрушимый Маходара то и дело вскакивал, возбужденно похлопывая себя по бедрам, демонстрируя готовность мгновенно ринуться в бой. В глубине души каждый из них испытывал страх, но никто не осмелился выразить его ни в словах, ни в выражении лица. В результате их цель была достигнута – они сумели ублажить Равану, и тот чувствовал себя довольным и гордым. Под конец совета поднялся один из ракшасов и попытался завладеть всеобщим вниманием. Он сказал:

«Правитель! Я приму обличье брамина, разыщу Раму и Лакшману и приглашу их разделить со мной трапезу. Когда они переступят порог моей обители, я свяжу им ноги и руки. Если ты одобряешь мой план, я не замедлю осуществить его».

Равана был чрезвычайно доволен своим министром. В этот момент в тронном зале появился Вибхишана. Взглянув на него, Равана осведомился: «Брат! Каково твое мнение обо всех этих людях и обезьянах?» Вибхишана ответил: «Всемилоостивый брат! Я постараюсь дать прямой и честный ответ без лицемерия и притворства. Молю тебя об одном – выслушай меня терпеливо и внимательно. Заранее прошу простить меня, о полновластный владыка! Если после смерти ты хочешь занять место среди достойных, если стремишься к незапятнанной славе при жизни, к процветанию и счастью в этом и иных мирах, ты должен преодолеть страстное желание овладеть прекрасной женщиной, которая тебе не принадлежит. Какая судьба ожидает живое существо, осмелившееся

встать на пути владыки четырнадцати миров и причинить Ему вред? Может ли надеяться выжить и пребывать в благоденствии тот, кто бросил Ему враждебный вызов? Жадность затмевает все достоинства личности. Вожделение и гнев – прямой путь к крушению. Рама – не обыкновенный смертный. Он – Смерть бога Смерти. Ему подчиняется Время. Он не подвержен ни слабости, ни недугу, ни желанию. Он не был рожден и потому бессмертен. Оставь свою ненависть к этому Божественному Существо и молись о том, чтобы заслужить место среди Его рабов. Верни Рама Его супругу и добейся Его милости! Я молю тебя об этом всеми силами своей души, я взываю к тебе, простершись у твоих ног!» Услышав речь Вибхишаны, Мальяванта, старый и преданный министр, закивал головой в знак согласия. Он поднялся и заговорил: «Повелитель! Слова, произнесенные твоим братом, правильны и справедливы. Вняв его предостережению, ты приумножишь свою славу».

Но Равана пришел в ярость от данного ими совета. Он гневно осудил их. Он закричал: «Вы оба глупцы! Знаете ли вы, чем вы занимались все последнее время? Вы превозносили моего врага! Вы не достойны присутствия в этом зале». Он приказал, чтобы их выпроводили вон. Мальяванта поспешно слез со своего почетного сиденья и направился к выходу; Вибхишана, сложив ладони и склонившись перед старшим братом, сказал свое последнее слово: «О царь! Веды и Шастры провозглашают, что в сердце каждого существа живут две противоположные натуры – добро и зло. Когда добро преобладает и его голосу внимают, как высшему авторитету, нас ждет радость, мир и благополучие. Когда преобладает зло и его голос становится решающим, нас ждут бесчисленные невзгоды и напасти. Сейчас зло в твоем сердце одержало победу над добродетелью, и ты осуждаешь как злейших врагов тех, кто дает тебе добрый совет и старается предотвратить злой рок. Сита – словно ночь разрушения для всех ракшасов. Ты же лишен сострадания к ней! Это голос зла, набравшего силу в твоем сердце. Умоляю, ниспошли мне этот дар: послушайся моего совета! Верни Ситу Рама! Я уверен, что за этот шаг ты будешь вознагражден вечным счастьем и благополучием».

Тут Равана внезапно вскочил со своего трона и взревел: «Глупец! Смерть бродит в двух шагах от тебя! Только благодаря моей милости ты до сих пор еще жив! Ты расцениваешь моих врагов как своих благодетелей. Я не могу понять, откуда появились в тебе такое уважение и доверие к ним? Есть ли хоть единое создание на земле, не укрощенное мощью моих рук? Ты поглощаешь пищу, которую я даю тебе, живешь в доме, подаренным мною, даже стоишь сейчас на моей земле – и осмеливаешься восхвалять моих врагов? Колючий кустарник, возвращенный, чтобы охранять крепость, теперь подрывает корнями основы ее стен! Ты слишком разросся, чтобы приносить пользу! Убирайся! Найди себе монастырь и учи там кого угодно законам добра и морали». С этими словами он пинком ноги отшвырнул от себя Вибхишану! Несмотря на боль и обиду, Вибхишана, обхватив ногу Раваны, продолжал свои мольбы:

«О царь! Рама исходит из самой Истины, поэтому и сбывается все то, что он задумал. Твое время истекает, так же, как и время твоих последователей. Я же собираюсь найти приют у ног Рама. Я сделал все возможное, чтобы спасти тебя. Мне не в чем раскаиваться, я не совершил ничего дурного». С этими словами Вибхишана покинул зал. Повторяя при каждом вздохе: «Рама! Рама!», задыхаясь от радости и восторга, он перелетел через море и приземлился на другом берегу. Заметившие его ванары приняли его за посланца Раваны и доложили о его прибытии своему повелителю, Сугриве. Вибхишане запретили переступать порог лагеря обезьяньего воинства. Новость о появлении Вибхишаны была тут же передана Рама, Господину: «О Рама! Сюда пожаловал брат Раваны с целью обрести твой Даршан».

Рама спросил Сугриву, который доложил ему о появлении Вибхишаны, что тот думает о случившемся. Сугрива ответил, что ему трудно судить об истинных планах и намерениях ракшасов, так как они в любое время по своей воле могут менять обличье, и поэтому их поступки непредсказуемы. «Я не знаю, зачем он появился среди нас. Но я

предполагаю, что его цель – посеять вражду между мной и Ангадой, сыном Вали. Мне кажется, что необходимо тотчас же связать его и не выпускать из лагеря как пленника». Рама ответил: «Друг мой! Твои слова верны. Ты говоришь в соответствии с указаниями, данными нам Шастрами по поводу того, как поступать с недостойными. Однако послушай, каков мой вечный обет! Его можно противопоставить твоему совету. Я дал обет брать под свою защиту всех, кто предан мне. Если даже это преданное существо из клана моих врагов, сделать для него исключение – не значит поступить неправильно. Я никогда не оставлю преданного, даже если он обременен тягчайшими грехами – уничтожением миллионов браминов! Возможно, он послан сюда по наущению Раваны с тайной целью посеять среди нас семена вражды и недоверия. Но даже если это так, должны ли мы бояться его? А если же он пришел к нам, спасаясь от гнева своего брата, в надежде найти прибежище у моих ног, я возьму его под свою защиту и буду охранять как дыхание жизни. Поэтому ступай и как можно скорее приведи его ко мне». Такой приказ отдал Рама Сугриве, и тот поспешил исполнить его.

К Вибхишхане был послан Хануман, и через несколько мгновений брат Раваны предстал перед Рамой. Стоило старому ракшасе увидеть прекрасное, как лотос, лицо Рамы, по его лицу потекли обильные слезы. Он с трудом удержался на ногах. «Господин! – слабым голосом вымолвил он и упал к ногам Рамы. – Спаси меня! Спаси! Я твой раб! О защитник богов! Я рожден в племени ракшасов. Я – младший брат Раваны, владыки всех ракшасов. Мое имя – Вибхишана. Рождение в этом недостойном роду – результат моих бесчисленных грехов, совершенных в предыдущих жизнях. Мой удел – косность и невежество. Я тяготел к тьме и мраку, как сова, ведущая ночную жизнь. Ты заботишься обо всех, кто предан Тебе и стремится завоевать Твою любовь и милость. Мне не у кого больше искать спасения».

Рама видел, с каким смирением и искренностью умоляет Вибхишана поверить ему и защитить его; его сердце наполнилось радостью. Он привлек ракшасу к своей груди и ласково обнял его, с великой любовью похлопывая по спине. Он обратился к нему с приветливыми словами:

«Мой дорогой Вибхишана! Не тревожься ни о чем! Мой Даршан, к которому ты стремился, уничтожил твою демоническую природу. Ты так же дорог и близок мне, как Лакшмана и Сугрива». Эти теплые слова растопили весь страх в сердце Вибхишаны. Рама сказал ему: «О правитель Ланки! Все ли твои друзья и последователи здоровы и бодры? Как проводил ты свои дни среди многих миллионов ракшасов? Как удалось тебе, находясь в столь враждебном окружении, в течение многих лет самозабвенно и преданно служить Богу?» Рама долго расспрашивал Вибхишану о трудном пути его подвижничества.

В конце беседы Вибхишана произнес: «О Царь династии Рагху! Вожделение, гнев и прочие проявления темных и злых сил атакуют наше сердце до тех пор, пока Ты не войдешь в него с луком и со стрелой в руке; познав Твою природу и волшебную красоту, душа избавляется от зла. Ненависть и мирские пристрастия гнездятся в темных сердцах тех, кому неведомы мудрость и свет. О Господин! Я удостоился исполнения заветной мечты в тот момент, когда мой взгляд упал на Твои Лотосные Стопы и я коснулся их лбом и руками. Мои страх и печаль исчезли! За всю жизнь я не сотворил ни единого доброго дела, но несмотря на это, Ты заключил меня в свои объятия! Какое невиданное счастье выпало мне!» Потoki слез струились из глаз Вибхишаны – то были слезы радости и благодарности.

Рама мягко прервал его и произнес: «Вибхишана! Ты наделен исключительными достоинствами! Не обладая ими, смог бы ты заслужить этот Даршан и возможность прикасаться ко мне, общаться со мною и беседовать со мной?» Услышав это, Вибхишана преисполнился ликования. Он восторженно припал к ногам Рамы. Рама сказал ему: «Ступай! Соверши омовение в священных водах и сразу же возвращайся назад». Подчинившись приказу, Вибхишана удалился к берегу моря. Рама попросил Ханумана принести ему кувшин, наполненный священной водой океана. Когда Вибхишана после

омовения вновь простерся у ног Рама, Рама зачерпнул ладонью воду из кувшина и, окропя ею голову Вибхишаны, провозгласил: «Этим ритуалом я посвящаю тебя в правители царства Ланка».

Вибхишана поднялся и сказал: «О Господин! К чему мне царство? Я буду счастлив, если заслужу место у твоих Лотосных Стоп!» Но Рама сказал: «Нет! Это твой долг, и ты не в праве избежать его». Вибхишана ответил: «Я склоняю голову в знак подчинения твоему приказу». И он сложил руки в смиренной молитве. Ванары столпились вокруг них, пораженные глубиной милосердия, которое излил Рама на существо, полностью предавшее себя Его Лотосным Стопам. Их сердца трепетали от блаженства.

Рама призвал вождей воинства ванаров и обратился к ним со словами: «Предводители! Возьмите с собой Вибхишану. Не относитесь к нему, как к постороннему, примите его, как своего друга. Он – мой слуга». Эти благословенные слова проникли в самое сердце Вибхишаны. Вскоре все удалились к берегу моря.

Глава 25

Мост

Рама глядел на море и размышлял, каким образом им удастся пересечь его. Ванары наперебой предлагали различные способы. В конце концов поднялся Вибхишана и обратился к Рама со словами: «Господин! Истоки происхождения Океана восходят к твоим праотцам – Сагаре и его сыновьям. Океан – семейный «наставник» твоего рода. Как только ты выразишь волю пересечь его, ванары с легкостью справятся с этой задачей».

Между тем Вибхишана заметил лазутчика, посланного Раваной; ванары связали его и привели к своему хозяину, Сугриве. Сугрива приказал отрубить ему нос и уши. Когда ванары уже приготовились привести приказ в исполнение, ракшаса, пытаясь вырваться, отчаянно завопил: «О ванары! Заклинаю вас Рамой! Не лишайте меня ушей и носа!» Его пронзительный крик услышал Лакшмана; он попросил привести к нему ракшасу и приветливо заговорил с ним. Лакшмана осудил ванаров за проявленную жестокость к гонцу Раваны. Он написал письмо и вручил его ракшасе со словами: «Отнеси это послание Раване и в точности повтори ему слова, которые я сейчас произнесу: «О разрушитель судеб своего собственного народа! Очисти свое сердце хотя бы сегодня и припади к ногам Рама! Рама простит тебя. Не допускай полного истребления ракшасов только ради потакания своим собственным прихотям. Знай, что у тебя нет иного способа избежать смерти, которая в противном случае для тебя неизбежна». С этим суровым и решительным напутствием ракшаса был отправлен к своему хозяину. Прислужник Раваны был вне себя от счастья, что ему удалось уйти живым; он воскликнул: «Слава владыке Рамачандре!» и прежде, чем пуститься в обратный путь, пал к ногам Рама.

Во дворце у Раваны он рассказал обо всех происшедших с ним событиях и с нескрываемым восторгом принялся описывать волшебную красоту Рама. Он передал Раване письмо, доверенное ему Лакшманой. Равана осведомился о том, удалось ли Вибхишане прижиться в лагере врага. «Будь он проклят! – выкрикнул Равана, – дни его сочтены. Очень скоро он станет добычей смерти. Он паразит, вскормленный на наших хлебах! Он сбежал с Ланки и присоединился к стану моего противника! Напасти будут преследовать его до самой смерти!» Он повернулся к гонцу-ракшасе и сказал: «Под этим предлогом ты пробрался во вражеский лагерь. Рассказал ли ты им о мощи нашего воинства и его несокрушимом напоре в сражении? Теперь поведай мне, что удалось тебе узнать об их силах и возможностях». Посланец-ракшаса, Шука, стоя перед тронном со сложенными на груди руками, ответил: «Повелитель! Я прошу тебя проявить немного милости и выслушать мои слова со спокойствием и терпением. В тот самый момент, когда твой брат заключил узы дружбы с Рамой, он был произведен Им в царственные правители Ланки. Узнав о том, что я приблизился к их лагерю как твой посланец, ванары схватили

меня и подвергли постыдным мучениям и издевательствам. Я заклинал их именем Рама прекратить эту пытку и взывал к Рама, умоляя спасти меня. Только это помогло мне избежать увечья и сохранить свой нос и уши. Будь у меня тысяча языков, я не смог бы описать могущество обезьяньего воинства. Это целый сонм героических бойцов! В их лагере – несметные толпы ванаров всех мастей, всех возрастов и племен, и все обладают могучей статью и силой. При виде их любой затрясется от ужаса; впрочем, достаточно лишь представить их или помыслить о них, чтобы застыть от страха и трепета. Вспомни, как могуч был тот единственный из ванаров, который убил твоего сына и сжег столицу дотла! И это результат того, что сила ванаров – отражение непревзойденного могущества самого Рама. Даже самый хилый юнец превращается, благодаря Рама, в устрашающее чудовище. Там множество знаменитых воинов-обезьян, и каждый из них наделен силой огромного стада диких слонов. Имена их предводителей: Двивида, Майнда, Нила, Нала, Ангада, Виката, Дадимука, Кешари, Кумуда, Даджа, Гавакша, Джамбавантха. Любой из них по мощи и мастерству не уступает обезьяньему вождю Сугриве. И с ними могут сравниться сотни тысяч других грозных воинов! Их несметные полчища не поддаются исчислению. Их ярость и свирепость способны сокрушить три мира – небо, землю и преисподню – и пустить их по ветру, как пучки соломы! О царь! Я слышал, что численность их воинства – восемнадцать Падм. И во главе каждой Падмы стоит доблестный вождь! И все до одного ванары, от мала до велика, не имеют и тени сомнения насчет своей победы, так же, как не испытывают ни малейшего беспокойства накануне ратного похода. Все они сжимают кулаки и напрягают мускулы, готовые наброситься на город, ожидая лишь знака Рама. Но до сих пор он не дал им этот знак.

«Они полны решимости, независимо от того, удастся ли им подчинить океан, построив мост из огромных камней, и преуспеть таким образом в своей задаче. Обезьяны скалят зубы и хищно скрежещут ими, рыча, что раздавят Равану и превратят его в мокрое место. Никто не может сдерживать страх, когда они издают свой ликующий рев или раздражаются воинственным кличем. Стоит им услышать имя «Равана», они приходят в такую ярость, что вырывают с корнями из земли огромные деревья и в бешенстве принимаются размахивать ими, демонстрируя свою ненависть. Они снуют и прыгают как безумные, поют и кричат, раскачиваясь на ветвях, горя от нетерпения уничтожить город. Вместе с ними – множество могучих медведей. И в довершение всего, этим воинством правит Рама, способный побороть миллионы «богов смертей». Сотням тысяч Адишеш с дарованными им тысячами голов и языков не удастся, не погрешив перед истиной, правдиво описать героизм и ратное искусство Рама. Он способен осушить океан с помощью единственной стрелы, выпущенной из своего лука».

В ответ на сообщение гонца-лазутчика Равана разразился издевательским хохотом. Он сказал: «Позор тебе! Ты развесил уши, слушая пустую болтовню обезьян, которыми Рама окружил себя, и хитрого труса, Вибхишаны, и теперь восхваляешь его на все лады. Это чистая бессмыслица – превозносить героизм и силу обыкновенных обезьян. Довольно! Закрой свой рот! Разве могут обезьяны быть сильными? В свое время я уже был достаточно наслышан о власти и могуществе их нынешнего вождя, Сугривы. Но что можно ожидать от этого труса Вибхишаны, сделавшегося теперь его министром? Разве может он способствовать победе, процветанию и могуществу Рама?»

Гонцу-ракшасе ничего не оставалось, как горько сокрушаться про себя и втайне оплакивать недостаток ума и неразумное поведение Раваны. Он приложил руки к груди и покорно опустил голову. Равана тем временем распечатал послание Лакшманы и, пробежав его глазами, вручил одному из министров. Он сказал: «Вы все похожи на птиц титхири, дрожащих от страха, что небо упадет на их неоперившихся птенцов. Бедные создания! Они прикрывают своих отпрысков головой, как капюшоном! Может ли небо упасть и придавить птицу? Могут ли эти отшельники-одиночки, эти монахи, погрязшие в ритуалах, пытающиеся запугать меня потоками пустых слов, достичь когда-либо успеха?» Шука, внимавший некоторое время бахвальству Раваны, решил прервать его словами:

«Господин! Все, что я сказал тебе – чистая правда. Прочитай вдумчиво и внимательно письмо Лакшманы, отбрось гордость и обиду и сделай верный шаг. Послушай меня! Избавься от вражды и неприязни, разросшихся в твоём сердце. У Рама нежное сердце, полное сострадания. Он – владыка над тремя мирами. Стоит тебе приблизиться к нему, и он возьмет тебя под свою защиту и оградит от зла. Он простит все твои грехи. Верни ему Ситу со смирением. Не пренебрегай моим советом». Слуга Раваны от всей души умолял своего господина не рваться навстречу неминуемой гибели.

Ракшаса изливал перед Раваной свои мольбы, и глаза царя наливались кровью от стыда и гнева. В конце концов он негодуяюще взревел:

«Что я слышу? Или ты считаешь меня преступником? Ты вообразил, глупец, что я послал тебя к врагу для того, чтобы ты падал к ногам этих детей джунглей, шутов и пустобрехов?» Он вскочил с трона и грубым пинком вышвырнул своего подданного вон из зала. Ракшаса Шука устремился к лагерю Рама, надеясь обрести там убежище. Ванары, заметившие его вторичное появление, жаждали расправы, однако, они сдержали свои эмоции, ожидая приказа Рама. Сугрива отвел Шуку к Рама. Тот простерся у его ног и подробно рассказал свою историю и постигшую его судьбу. Он молил Рама принять его, как был принят Вибхишана, и оставить под своей защитой. Рама, будучи живым воплощением милосердия, призвал к себе вождей племени ванаров и велел им приветствовать своего нового брата, Шуку. Преисполненный благодарности, Шука провозгласил, что достиг в своей жизни заветной цели.

После этого Рама приказал Лакшмане принести ему лук и стрелы и, когда это было сделано, произнес: «Надменные особы не заслуживают доброты; жестокие и злонамеренные существа не достойны ласки и нежности; скупца бесполезно учить высокой морали; самовлюбленные эгоисты не заслуживают доброго совета; погрязших в жадности нет смысла призывать к самоотречению; существа, сжигаемые гневом, не заслуживают призыва к покою и миру; безумцы, отдавшие во власть вождения, не достойны духовного знания; бессмысленно бросать зерно в почву, насыщенную солью. Так же и этот Океан, оставшийся глухим к дружеской просьбе, не заслуживает прощения». С этими словами Рама наложил стрелу на тетиву своего лука; увидев это, Лакшмана испугался, какими последствиями этот выстрел может грозить Океану. Сам Океан вскипел от ужаса, стоило Рама поднять к плечу свой лук и прицелиться. Жители глубин затрепетали от непереносимой муки. Жалобно застонали и завывали волны, словно пораженные ужасом. Одна за другой катились они к берегу, на котором стоял Рама, нежно лаская его ноги, словно моля о пощаде. Вдруг раздался голос, будто бы идущий с небес:

Рисунок 9 Океан предлагает Раме использовать его воды

«Господин! В твоём лагере есть два вождя, Нала и Нила, ставшие жертвой проклятья, навлеченного мудрецом. Это проклятье может теперь обернуться благословением. Настало время поведать эту историю». И сам Океан рассказал Раме подробности печального происшествия.

«В давние времена на берегу реки стояли приюты отшельников. Когда оба брата, Нала и Нила, были еще совсем молоды, они усвоили себе неразумную привычку прокрадываться тайком к обители в то время, когда мудрецы были погружены в глубокую медитацию. Они хватали святые иконы, называемые салиграммы, и швыряли их в быстрые

воды реки! Мудрецы, разгневанные таким богохульством, навлекли на дерзких юнцов проклятье. Они провозгласили: «Слушайте, подростки! Да будет отныне так, что все предметы, которые вы бросаете в воду, никогда не пойдут ко дну; они останутся на поверхности и будут всегда находиться в том месте, куда вы бросите их, как бы бурно и стремительно не было течение реки». Поэтому, согласно предсказанию, любая скала, брошенная в море их руками, никогда не утонет и не сдвинется с места; начертай свое Имя на горах и каменных плитах – твое Имя легче ветра, оно не обладает тяжестью. Тогда огромные горы и скалы, погруженные в мои воды, останутся на поверхности и образуют мост. С моей стороны я обещаю вам помощь и поддержку, ибо, если усилия направлены к поиску истины, природа должна служить тем, кто следует этим путем». Услышав слова Океана, Рама решил не выпускать в его воды свою стрелу; однако всякая стрела, уже наложенная на тетиву, должна найти свою цель; Рама повернулся и выстрелил в сторону далеких джунглей, которые обратились потом в сухую пустыню.

Рама призвал к себе вождей обезьяньих племен и предводителей воинства и повелел им приступить к сооружению Моста через Океан. Хануман проговорил: «Господин! Твое Имя – самый надежный мост, переправляющий человека через Океан жизни; может ли быть мост крепче и надежнее?» Джамбаван, старый вождь, сказал: «Господин! Твоя доблесть, как жаркое пламя, может осушить этот бездонный океан; но нет сомнений в том, что он вновь наполнится до краев слезами овдовевших женщин Ланки, которые прольются в грядущей битве с Раваной и его демоническим воинством».

Рама улыбнулся, услышав эти искренние слова своих подданных, полных верности и мужества. Джамбаван напомнил Нале и Ниле о вещих словах, произнесенных таинственным голосом – а то был голос самого Океана – о той пользе, которую могло сейчас принести проклятье, тяготевшее над ними с юных лет. Он велел им приступить к своей задаче – сбрасывать в море горы и холмы, валуны и скалы, утвердив в своем сердце Имя Рама. Герои-ванары бросились в разные стороны, чтобы возвратиться назад, неся на плечах и головах, словно игрушечные мячи, горы и скалы. Воины выстроились в одну длинную линию и передавали друг другу, перенося с плеча на плечо, свой тяжелый груз, громко и неустанно повторяя при этом Имя Рама. Время от времени они выдирали из земли огромные деревья и по цепочке переправляли их к берегу моря, где Нала и Нила, стоящие наготове, погружали их в море.

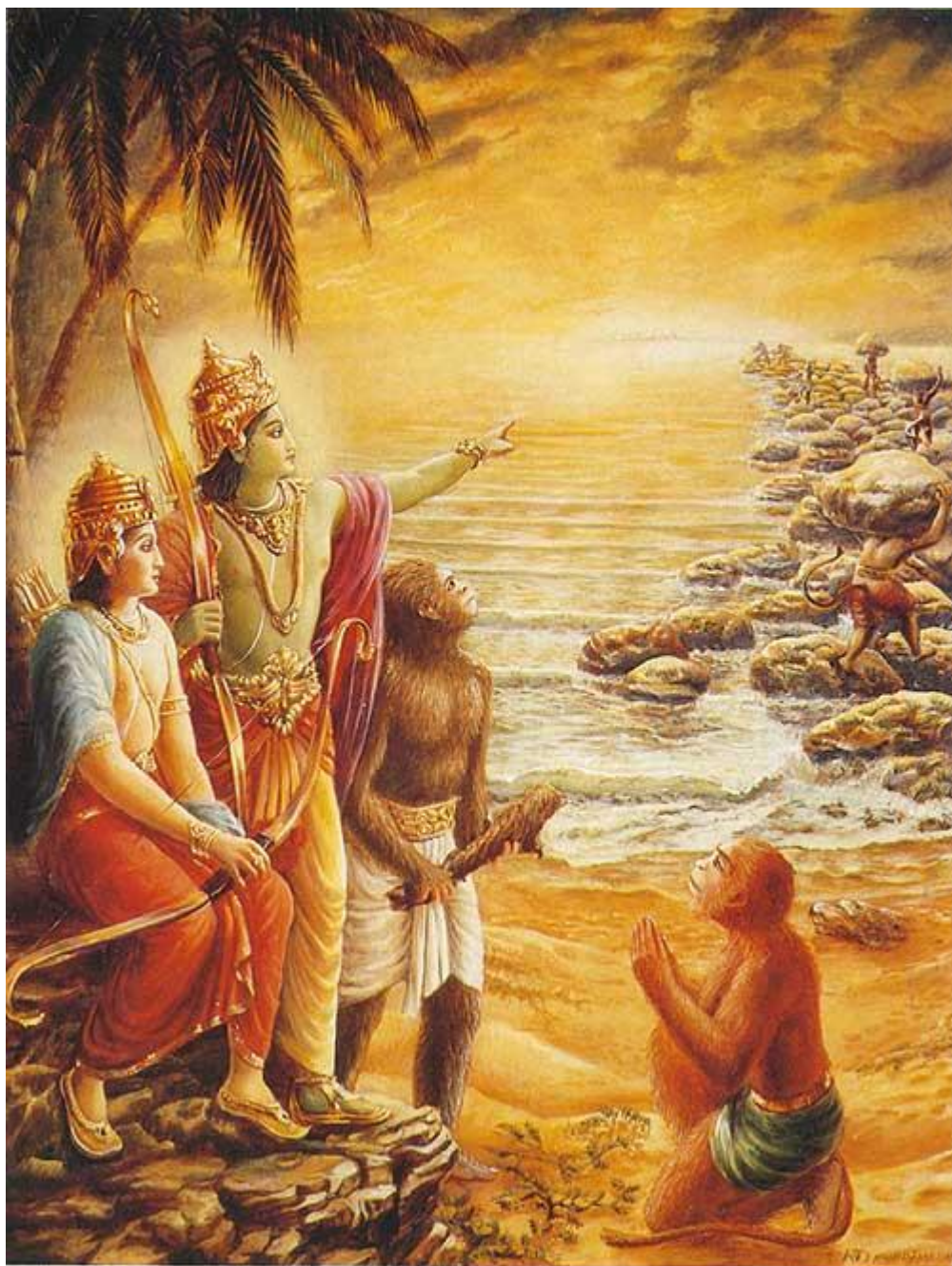

Рисунок 10 Сооружение моста

Так они трудились с утра до ночи, забыв об отдыхе и пище. За один день была построена первая часть моста длиной в четырнадцать йоджанов. Взбодренные крепким ночным сном, они поднялись до рассвета, когда пробил час Брахма мухурта, и вновь принялись за работу. Встретив утро ликующими возгласами: «Джей Шри Рамачандре, нашему владыке», обезьяны помчались в разные стороны света в поисках новых гор и холмов. Они доставляли их на берег и складывали к тому месту, где стояли Нала и Нила.

К концу второго дня мост удлинился на двадцать йоджанов; в течение третьего дня им удалось построить еще двадцать один йоджан; к закату четвертого дня мост простирался в море на семьдесят семь йоджанов; а в последний, пятый день единым мощным совместным усилием, соорудив оставшиеся двадцать три йоджана, обезьяны завершили строительство моста через океан длиной в сто йоджанов.

Нала и Нила, вдохновленные успешным исполнением задания, порученного Рамой, и не чувствуя оттого ни усталости, ни потребности в отдыхе, поспешили возвестить всем в

Присутствии Рама, что мост уже готов, ибо Его Имя и Образ ни на миг не покидали тех, кто трудился над его созданием.

Через Сугриву Рама сообщили, что согласно его воле мост через океан длиною в сто йоджанов построен и может быть использован по назначению. Рама и Лакшмана были тронуты преданностью ванаров и их чувством долга, позволившим им так быстро и безупречно совершить эту работу. Рама велел Сугриве, обезьянному царю, послать весть вдоль длинной цепочки ванаров о том, чтобы те, кто еще продолжал передавать друг другу холмы и каменные глыбы, вернули их на прежние места, а потом отдохнули немного, прежде чем возвращаться в лагерь. В тот самый момент Хануман взгромоздил на плечо огромный холм, принесенный с далекого севера. Услышав приказ Рама, Хануман опустил холм на землю близ Бриндавана и был весьма удивлен, услышав громкий стон, исходивший от упавшего холма. «Увы! – сокрушалась гора, – Я упустила возможность оказать услугу Рама». Она не могла прийти в себя от горя и была глуха к словам утешения. Когда Хануман рассказал об этом случае Рама, тот добродушно улыбнулся: «О! Даже горы жаждут принять участие в этом действе!» Он развеселился, узнав о таком энтузиазме. Он сказал Хануману: «Ступай быстрее. Утешь, как сможешь, эту гору. Скажи ей, что у нее нет причин для печали. Во время грядущей Двапара Юги я буду держать эту гору на своей ладони целых семь дней и ночей. Гора будет счастлива, услышав это известие». С тех пор гора получила название пик Говардхана, которую Бог, как и обещал в Трета Юге, поднял своею рукой.

Рама спустился к берегу моря и пришел в восторг при виде огромного моста. Он воскликнул: «О, ванары! Ваша преданность и мастерство в служении выше всех похвал. Своей самоотверженностью вы покорили мое сердце». Тут к нему приблизился Вибхишана и проговорил:

«Господин! Завтра мы должны вступить на Ланку. Поэтому я пришел к тебе с просьбой, которую хотел бы выразить сегодня». Рама откликнулся: «Говори! О чем ты хочешь просить меня?» Вибхишана продолжал:

«Равана – страстный почитатель Шивы. Он чувствует непреодолимую привязанность к этой ипостаси Всевышнего. Несмотря на это, он обречен на смерть от твоей руки. Я прошу, чтобы ты, прежде чем выступать в поход на Ланку и взойти на этот мост, увековечил его преданность Шиве и поставил здесь Шивалингам, с тем, чтобы грядущие поколения на своем пути на Ланку, поклоняясь Шивалингаму, смогли вызвать в памяти события прошлого. Они будут счастливы иметь такую возможность. Люди будут превозносить Лингам как Раму Лингешвару – изваяние, водруженное руками самого Рама. И даже когда со временем мост истлеет и разрушится, народы будущего навсегда запомнят это священное место, поклоняясь вечному Символу». Рама с радостью откликнулся на предложение Вибхишаны. Он сказал: «Я исполню твою просьбу. Ты – будущий правитель Ланки, и, чтобы доставить тебе удовольствие, я готов исполнить любое твоё желание». Сугрива тотчас же распорядился, чтобы ванары подготовили все необходимое для водружения Лингама; он послал Ханумана, и тот нашел и принес камень, совершенный по размеру и форме. Рама совершил ритуальную церемонию окропления Лингама морской водой и вселил в него жизненную силу и божественную благодать. Слова Рама имели действие мантры – священной формулы; этого было достаточно, чтобы навеки освятить Лингам. Ванары пропели гимны, и воздух зазвенел от их ликующих возгласов. Под торжествующие крики «Джей, Джей», издаваемых тысячами толпами обезьян, Лакшмана и Сугрива помогли Рама укрепить Лингам на его основании и завершить церемонию освящения.

После этого ванары с именем Рама на устах и с Его образом, бережно хранимым в сердце, в строгом боевом порядке вступили на мост. Это было непередаваемо величественное и возвышенное зрелище! Рама и Лакшмана, стоя на мосту, глядели на море, волнующееся у их ног. Океан воспрял духом в Присутствии Рама, Океана Милосердия. Волны подымались, чтобы взглянуть на Раму, морские существа

выпрыгивали из воды и резвились от восторга и радости при виде Рама. Позабыв о том, кто они такие, они скапливались на поверхности воды и не сводили взгляда с Рама, жадно вбирая глазами его Божественную Форму. Передовые отряды ванаров уже разбили лагерь на Ланке, недалеко от моста, и когда последние группы обезьяньего воинства переправились на другой берег, весь остров уже знал о происшедшем событии. Вскоре у главных ворот крепости Ланки появились Рама, Лакшмана, Сугрива и Вибхишана, которые неспешной поступью пересекли по мосту Океан. Выполняя приказы Рама, ванары валили огромные деревья и, возбужденно скача от восторга, наедались фруктами, а затем швыряли стволы и ветки внутрь города, перебрасывая их через зубчатые стены крепости. Они взгромождали на стены огромные камни и толкали их вниз на улицы столицы. Они высматривали отдельных ракшасов, оказавшихся снаружи крепости, и нещадно дразнили и мучили их, угрожая свернуть им шею. Будучи обезьянами по своей природе, они не могли отказать себе в подобных проделках.

Вскоре весть о враге, подступившем к воротам города, достигла ушей Раваны. Несмотря на то, что у Раваны было десять глоток, при разговоре с другими он использовал лишь одну из них. Однако теперь, от гнева и ненависти, он взревел всеми десятью глотками сразу! Он забыл о том, что его десятиголосая речь – грозная и дурная примета. Древнее пророчество гласило, что звук, исторгнутый одновременно его десятью ртами, означает близкую и неминуемую смерть. Он яростно рычал несколько секунд, пока, застыв от внезапно охватившего его ужаса, не вспомнил о проклятии. Но как ни старался он укротить свой рев, его голос продолжал звучать, издаваемый всеми десятью глотками! Ракшасы, наблюдавшие это невиданное доселе явление, поняли, что теперь, когда Рама и его обезьянье воинство подступили к Ланке, крушение неизбежно. Они поспешили в свои жилища и сидели в кругу жен и детей, жалобно сетуя, что им осталось жить не больше двух дней. Они решили использовать это короткое отпущенное им время для того, чтобы всем вместе предаться удовольствиям и безудержному веселью, ибо, как гласит народная мудрость, перед смертью все равны.

Даже зная о том, что все древние пророчества сбываются, Равана пренебрег всеми предостережениями и уверил себя, что с ним не случится ничего дурного. Он направился в покои царицы, так как боялся, что министры прочитают по его унылому лицу, что ему известна суть проклятья. Равану терзали тоска и беспокойство. «Ждет ли меня та же участь, что и мою сестру, попавшую к ним в руки, и я лишусь носов и ушей своих десяти голов, или они предпочтут отрубить разом все мои головы?» Эти страхи не давали ему покоя.

В женской половине дворца он нашел царицу Мандодари. От ее внимательных глаз не укрылось, как удручен Равана. Она взяла его руки в свои и тихим, нежным и приветливым голосом сказала ему: «О Господин! Умоляю, выслушай меня! Оставь свой гнев, не отвергай мой совет. Отнесись к нему со вниманием. Тех, кого можно завоевать только поклонением и преданностью, невозможно одолеть при помощи ненависти и вражды. В этой критической ситуации мы должны прислушаться к доводам разума и логики. Враждебный вызов, брошенный таким святым существам, не приведет тебя к добру. Ты не одержишь победу в сражении с Рамой. Огонек светлячка не может затмить свет солнца. Послушай меня! Не откладывая ни минуты, ступай и приведи Ситу к Рама, после чего покаянно пади к его ногам, умоляя даровать прощение. Не губи свою жизнь, не разрушай Ланку, не приноси в жертву жизни ее женщин и детей. Твое упрямое стремление вступить с ним в бой не соответствует пути преданности и приверженности Богу, следуя которому, ты обрел всемирную славу. Если ты согласишься к этому безумному решению, даже Шива, которого ты ублажал долгие годы, отвернется от тебя. Только божественными деяниями можешь снискать ты Милость Бога. Как можешь ты рассчитывать на благосклонность и награду Бога, творя грех и святотатство?»

Мандодари долго увещевала Равану, пытаясь наставить его на путь истинный и спасти от гибели. «Повелитель! Ты дорог мне, как моя собственная жизнь! Одумайся!

Рама – не просто Наследный принц Династии Рагху. Тот, кто уничтожил Мадху и Кайтабху, снова пришел на землю! Это Он убил Хираньякшу и Хираньякашипу. Он – Бог, поправший ногою поверженную голову Вали. Он усмирил гордыню тысячерукого Картавирьярджуны. К чему же кичиться своими двадцатью? Ему поклоняется весь мир. Его облик – вершина Благодати. Давным-давно ты сам рассказывал мне о пророчестве Брахмы, о том, что Бог в образе Рама придет в мир, чтобы избавить землю от бремени зла и жестокости. Или ты уже забыл об этом? Зная обо всем, как до сих пор не осознал ты истину и не свернул с пути зла? Верни Рама эту Вершину Целомудрия, Венец Добродетели, Несравненную Жемчужину Красоты – Ситу. Передай своему сыну царскую корону правителя державы, и мы проведем остаток дней в покое и нескончаемой радости, наслаждаясь близостью Рама. О! Какое счастье выпало твоему брату! Он пребывает под упоительной сенью Милости Рама. Еще не поздно! Поспеш к Рама, который уже приблизился к воротам города и, не теряя ни одной секунды, пади к Его ногам, моля о пощаде».

Мандодари, обливаясь слезами, каталась по полу у ног своего господина, продолжая призывать его опомниться, пока не поздно, и немедленно действовать, чтобы спасти себя и свое царство, свой народ и свою славу. Равана поднял ее с пола и вытер слезы с ее лица. Он сказал:

«Дорогая моя! Отчего ты так взволнована? Откуда в тебе этот страх, это отсутствие мужества? В этом мире нет никого могущественнее меня. Правители восьми стран света безропотно покорились мне, сраженные мощью моей длани. Смерть не посмеет прикоснуться ко мне! Не поддавайся страху и отчаянию. Ты превозносишь этого слабосильного Рама в моем присутствии, как будто ты позабыла о моем несокрушимом и всеобъемлющем могуществе». С этими словами он покинул царицу, проследовал в тронный зал и величаво утвердился на троне. Мандодари следила за его движениями и уловила ход его мыслей. Она подумала:

«Какой глупец! Такая судьба неизбежна для тех, кто не может избавиться от ложной гордыни. Их ум остается глухим к доброму совету. Сладкая конфета покажется горькой страдающему лихорадкой! Его разъедает ядовитая лихорадка гордыни, и он отвергает совет, подобный спасительному сладкому нектару, принимая его за смертельный яд. Чем еще могу я помочь ему?» Она представляла себе страшные картины бедствий и людского горя, надвигающихся на Ланку. Ей пришла в голову мысль, что лучше самой расстаться с жизнью, чем быть свидетельницей и участницей всеобщего страдания и скорби. С тяжелым сердцем и неотступными думами о Рама она побрела в свою спальню и в тоске повалилась на ложе.

Между тем Равана собрал всех своих министров и отдал приказ о приготовлении к неминуемой битве. Он обратился к ним с торжественной речью: «Ракшасы! Все эти ванады, джамбаванты и люди, которые собираются пойти на нас в атаку – жалкие крохи для нашей утробы! Не теряйте мужества, не сомневайтесь и не спорьте! Смело бросайтесь в атаку. Будьте готовы к бою», – громогласно выкрикивал он. Но тут Прахаста поднялся со своего места, молитвенно сложив руки и произнес: «Ракшасы! Не отклоняйтесь от праведного пути! Повелитель! Твои министры произносят льстивые речи, потакая твоим желаниям. Но это не приведет тебя к успеху! Одна-единственная обезьяна смогла перелететь океан и, проникнув в город, сотворила немало чудес. Ни твои министры, ни твоя армия не смогли пресечь ее разрушительные проделки. Ты сказал, что обезьяны – не более, чем сухие крошки для наших утроб. Прекрасно! Где же находились эти ненасытные утробы, когда обезьяна буйствовала в городе? Или тогда они не ощущали голода? Когда она превратила город в горсть пепла, твои министры страдали явным отсутствием аппетита, не торопясь проглотить ее. Господин! Слова, исходящие из уст этих министров, приятно ласкают твой слух, но со временем они обернутся тягчайшим бедствием. Успокой свой ум и поразмысли над этим. Рама уже разбил свой лагерь на склоне горы Сувела; он пересек этот океан по мосту, который обезьяны построили для него; за ним

стоит армия из несметных полчищ ванаров. Может ли быть такое существо обычным человеком? Если ты считаешь, что это так, расстанься со своим заблуждением. Не уподобляйся тем, кто болтает попусту, не контролируя свой язык. Не впускай в свои уши пустые разглагольствования своих министров и не считай меня трусом, который боится выйти на поле боя. Поверь, что мой совет уместен и требует безотлагательных действий. Ступай к Сите немедленно и сам приведи ее к Раме, умоляя простить тебя. Этот поступок спасет тебя и Ланку. Тогда мы сможем провозгласить, что предотвратили истребление рода ракшасов. Это будет триумф, которого еще не поздно достичь! В противном случае готовься к позорному поражению и краху. Действуй прямо сейчас, и тогда твоя слава будет сиять так же долго, как Солнце и Луна на небосклоне. Не обретай имя, позор с которого ты не смоешь, пока Солнце и Луна сияют на небосклоне».

Однако в ответе Раваны звучали лишь страшный гнев и пустая бравада. Он сотрясался от ярости, что сын посмел дать ему столь дерзкий и непочтительный совет, поправший его гордыню. Возвысив голос до звериного рыка, он обрушил на Прахасту поток ругани и оскорблений. «Дурак! Кто научил тебя этому хитрому вранью? Где набрался ты этой премудрости? Говорят, что искра возгорается в сухих бамбуковых зарослях. Ты рожден в моем клане!» Равана зловеще заскрежетал зубами; он выкрикивал грубые и резкие проклятья и, в конце концов, вышвырнул Прахасту вон из зала. Но прежде, чем удалиться, Прахаста, выпрямившись, ясно и твердо сказал свое последнее слово. Он сурово осудил отца за его всепоглощающую гордыню, ослепившую его. «Равана выступит в роли разрушителя нашей династии». Он успокаивал себя лишь тем, что тот, кому нанесена смертельная рана, кто стоит лицом к лицу со смертью, не нуждается ни в каких целительных снадобьях. «Поэтому мой совет и показался отцу бессмысленным,» – так рассуждал он сам с собою. Он направился прямо в покои своей матери и поведал ей о случившемся. Оба они пришли к выводу, что не в силах помочь Раване ни словом, ни делом. Они сидели вдвоем, погружившись в размышления о Рама и его величии.

Ванары раскинули походный лагерь для Рама и Лакшманы на горе Сувела. Они приготовили для них мягкие ложа из охапок шелковистой травы и цветов, придав им форму удобных постелей. Рама появился, как только они завершили свой труд, и прилег отдохнуть, чтобы доставить удовольствие обезьянам. Вскоре он склонил голову на колени Сугривы и погрузился в сон. Лук и стрелы лежали по обе стороны его душистой постели. У ванаров, словно в приступе отчаянной чесотки, зудели руки от нетерпения – когда же они смогут напасть на Равану и уничтожить его. Они сдерживались только потому, что не получили на то приказа Рама. Хануман, счастливец, и коронованный принц Ангада благоговейно растирали ноги Рама. Лакшмана неподвижно застыл в ногах ложа, держа наготове лук и стрелы, не сводя пристального и внимательного взгляда с лица Рама. В этот момент Рама открыл глаза и взглянул на Восток. Его взор остановился на Луне, встающей над горизонтом. «Друзья мои, – сказал он, – посмотрите на Луну. Я вижу на ней темное пятнышко. Вы заметили его?» Обезьяны воззрились на Луну, и каждая из них принялась описывать пятнышко на светиле так, как оно представлялось ее воображению. Один лишь Хануман признался: «Господин! Я не вижу никакого темного пятна на Луне. Для меня ночное светило – отражение твоего Лица. Поэтому я не замечаю темного пятнышка, о котором ты говоришь, и поверхность Луны видится мне чистой и незамутненной».

Эту ночь до самого рассвета Рама провел в дружеской компании ванаров, ведя с ними упоительную беседу. С предрассветными лучами он окунулся в морские волны и сотворил на берегу предписанные утренние ритуалы. Потом он призвал к себе всех министров Сугривы и других вождей обезьяньего воинства и отдал распоряжения по поводу грядущего наступления. Чуть позже на всеобщем совете они пришли к единодушному решению, что прежде, чем осаждать Ланку, к Раване следует отправить

посланца – принца Ангаду, сына Вали, престолонаследника царства ванаров. Рама попросил Ангаду выйти вперед и сказал ему:

«Сын мой! Ты силен и добродетелен. Я доверяю тебе миссию посредника между Рамой и Раваной с тем, чтобы ты совершил последнюю попытку убедить его, используя разумные, мягкие и осторожные доводы, не возбуждая в нем еще большего гнева и ярости». Рама дал Ангаде подробные указания о содержании и тоне его будущей беседы с Раваной. Ангада удалился, простершись перед этим у ног Рамы. Уходя, он сказал:

«Учитель! Умоляю благословить меня лишь одним милостивым взглядом. Я поистине счастлив, что мне доверена эта задача. Что бы ни случилось со мною во время ее исполнения, я всегда готов пожертвовать ради тебя своей жизнью». Сердце Рамы, полное сострадания, растаяло, когда он услышал эти слова Ангады. Он подошел к принцу, прижал его к своей груди, и, положив руку на его голову, одарил своим благословением.

Ангада, наполнив Рамой ум и сердце, направился к воротам города. Проявляя великое мужество и самообладание, он отстранял от себя всех, кто преграждал ему дорогу и пытался остановить его. На своем пути он встретил сына Раваны. Принц-ракшаса вплотную подступил к Ангаде и осведомился: «Эй! Обезьяна! Кто ты и откуда пришел?» Ангада отвечал:

«Я Ангада, посланец Рамы». Услышав это, ракшаса занес ногу для мощного удара. Но Ангада оказался проворнее: он крепко схватил ракшасу за ногу, поднял его высоко над головой и некоторое время крутил в воздухе, после чего швырнул на землю! Наблюдавшие эту сцену ракшасы замерли от ужаса; они поняли, что эта обезьяна обладает невиданной силой, и бросились врассыпную. По Ланке пронесся слух, что вернулась обезьяна, спалившая столицу, и город охватила всеобщая паника и неуправляемый страх. Ангада заметил, что отовсюду, из-за углов и окон, за ним наблюдают до смерти перепуганные ракшасы, следя за каждым его движением. Ему не требовалось просить жителей расступиться и освободить ему путь – стоило им издали увидеть его, они поспешно удирали кто куда!

Наконец, он достиг тронного зала Раваны и бесстрашно вступил на порог. Один из стражей, бросившись к Раване при виде Ангады, успел сообщить ему новость. Равана велел слуге привести к нему посланца, поэтому Ангаду подвели прямо к царственным стопам правителя Ланки. Равана показался Ангаде огромной черной мыслящей глыбой. Его двадцать рук шевелились, словно ветви гигантского дерева. Ангада приблизился к царю демонов, не испытывая ни малейшего трепета. Но из глубин сердец присутствующих поднимался непреодолимый ужас, и они дрожали от страха, наблюдая, как Ангада вступает в зал и приближается к трону Раваны. Демоны оцепенели, словно ввали в транс. Равана спросил у Ангады, кто он такой, на что получил ответ: «Я – посланник Рамы!» Равана поинтересовался, какова цель его визита. «О Равана! – начал свою речь Ангада, – вы с моим отцом были давнишними друзьями. Поэтому, заботясь о вашем благополучии и следуя воле Рамы, я пришел, чтобы сделать тебе разумное и дельное предложение». Ангада продолжал мягким, но уверенным голосом: «Ты похитил Мать Всех Миров, Дочь Джанаки, ты был неспособен преодолеть гордость, вождение и жадность. Ну что ж, что сделано, то сделано. Но если даже сегодня, в этот самый момент, ты осознаешь, что совершил преступление и поступишь так, как я скажу тебе, Рама простит тебя. Не медли ни секунды и решайся принять мое предложение, иначе своими собственными руками ты сравнешь с землей весь свой клан и все свое царство». Стоило Ангаде замолчать, Равана вскричал: «О ничтожнейший среди ванаров! Я вижу, насколько ты глуп! Возможно, тебе неизвестно, что я – злейший враг твоего «Бога». Как твое имя? Какая может быть связь между мною и твоим отцом? Не строй иллюзий насчет возможных последствий своей болтовни».

В ответ на этот выпад Ангада рассмеялся в лицо Раване. «О монарх царства ракшасов! Мое имя Ангада. Отца моего звали Вали. В свое время вы были добрыми друзьями». Услышав эти слова Ангады, Равана на миг остолбенел и лишился дара речи.

Но он быстро овладел собой и сказал: «Ты прав, я припоминаю, что давным-давно знал некую обезьяну по имени Вали. Так ты его сын? Что же, приветствую тебя, Ангада! Похоже, тебе на роду написано сыграть роль искры, которая вспыхнет и дотла спалит твоё племя!» Ангада вновь рассмеялся, услышав этот блестящий ответ Раваны. Он сказал: «Равана! Твои дни сочтены. Вскоре ты встретишься со своим другом Вали. Он расскажет тебе о последствиях вражды с Рамой. Ты слеп, несмотря на свои двадцать глаз; ты глух, несмотря на эти двадцать отростков, напоминающих уши; блуждая в темной ночи невежества и надувшись от гордости, ты объявляешь о своем величии! Племя, которое ты надеешься спасти, будет истреблено: в этом Его план. О грешник! О низкий варвар! Негодай, ослепленный гордыней! Демон!» Когда Ангада закричал зубами от гнева и излил все эти оскорбления на голову Раваны, тот мгновенно вскочил со своего трона и закричал: «Ты, жалкая обезьяна, разрушитель своего племени! Поскольку я знаю законы политической морали и привык соблюдать их, я молчаливо сносил твои наглые выходки; но берегись, есть предел и моему терпению». Равана, придя в бешенство, угрожающе уставился на Ангаду. Но этот окрик не оказал ни малейшего воздействия на принца обезьяньего племени. Он выпалил: «О всевластный правитель ракшасов! Я слышан и о твоей праведности, и о твоих добродетелях, и о твоей политической порядочности. Но поразмысли о том, какие великолепные плоды принесла тебе твоя «нравственность»: ты похитил чужую жену, ты сожрал посланца твоего старшего брата, Куберы, отправленного к тебе с мирными намерениями согласно этикету – вот вершина твоей политической морали! И ты хвалишься этими «подвигами», не испытывая и тени стыда? Ты смеешь рассуждать о своих добродетелях и преданности закону! Ты поджег хвост гонца, прибывшего в твоё царство, и продолжаешь бессовестно утверждать о своей приверженности правилам! В этих поступках – вся природа ракшасов! Ты не имеешь права произносить своим языком эти слова – «общественная мораль». Ты – величайший из грешников».

Пока Ангада без колебаний и запинок произносил свою речь, придворные, наводнившие тронный зал, застыли от ужаса, не в силах предугадать, что ждет их впереди. Возвысив голос, Равана произнес:

«Слушай меня, обезьяна! Есть ли хоть один герой в твоём лагере, кто сможет устоять в схватке со мной? Твой «бог» сражен скорбью и печалью от разлуки с женой. С каждым днем он все больше чахнет от тоски. А его брат совсем ослаб, удрученный горем своего Господина. А Сугрива? Он ненавидит тебя, как злейшего врага, так как ты мечтаешь захватить его место на троне. Как два петуха, дерущихся на краю крутого берега, рано или поздно вы свалитесь в бушующий поток. Вы оба нацелили свой глаз на одно и то же царство. Разве сможете вы быть истинными соратниками в бою и добиться успеха? Мой брат, на которого вы, похоже, возлагаете большие надежды, просто трус. Другой из ваших вождей, Джамбавантха, слишком дряхл, чтобы принести пользу. Нала и Нила – простые работяги, не имеющие представления, как держать в руках меч».

Ангада прервал эту тираду, чтобы резко возразить Раване. «Равана! Крошечная обезьяна проникла в твой город и спалила его дотла. Мог ли даже слабоумный поверить, что такое возможно? А теперь ты, прекрасно зная, что это правда, упорно отрицаешь, что эта обезьяна – доблестный и могучий воитель. Я не испытываю ни капли гнева, когда ты заявляешь, что среди наших воинов нет равных тебе в сражении. Древние кодексы морали провозглашают, что как дружба, так и вражда возможны только с равными тебе. Будет ли кто-нибудь превозносить льва, сожравшего лягушку? Вступить в единоборство с тобой недостойно величия и мощи Рамы. Убить такого ничтожного и презренного врага – действие, оскверняющее его славу. Древние правила, гласящие о поведении и качествах воинов касты Кшатриев, к которой принадлежит Рама, высоки и благородны. Ты же – грубый, порочный и низкий грешник – должен принять смерть от рук обыкновенных обезьян».

Равану одолел безудержный хохот. «Грязная обезьяна! Ты пляшешь, как безумный, и бесстыдно скачешь туда-сюда, словно по команде хозяина, дергающего привязанную к тебе веревку. Ты запомнил трюки, которым он выучил тебя, и повторяешь их по его приказу, зарабатывая для него несколько монет, брошенных зеваками». Ангада не смог примириться с этими издевательскими нападками. Он выкрикнул: «Похоже, ты знаком лишь с повадками зверей, но не имеешь понятия о Всевышнем, о Боге, о Судьбе и Предназначении. Неужели ты так ничему и не научился от обезьян? Они разорили твои парки, они убили твоего сына, они превратили твою столицу в горсть пепла. Но это еще не все! Они приготовили для тебя еще один трюк – а именно, наказание, которого ты заслуживаешь. Мы предоставили тебе последнюю возможность избежать злого рока. Я надеялся, что правда и разумный совет исцелят твое сердце. Но увы! Тебе неведомо чувство стыда. Тебе недоступно чувство раскаяния. В тебе не осталось и следа нравственности, у тебя нет привычки к самоусовершенствованию. Что ж, очень жаль! Ты до сих пор злобно точишь зубы на Вибхишану, заклеив его, как труса и предателя. Ты отягощаешь землю грузом своего тела; чем скорее оно исчезнет, тем лучше. Ты хуже собак, кишащих на улицах твоего города. Они не обладают столь гнусными пороками, которые разъедают тебя. Очень скоро ты осознаешь, что их жизнь достойнее твоей».

Забыв о приличиях и уставе «мирных» переговоров, Ангада засыпал Равану оскорблениями. Равана не желал выслушивать столь свирепые и беспардонные нападки. «Ангада! – взревел он, – знай, что я – герой, несокрушимая твердыня; знай, что моя доблесть и мощь таковы, что я поднял саму гору Кайлас; знай, что этот Равана приносил в жертву к ногам Шивы не цветы, а свои собственные головы, собственноручно отсеченные от тела; этот Равана – преданный, чья мощь признана самим Шивой; это воитель, чье имя заставляет дрожать от страха храбрейшего из храбрых, чей вид вызывает панику; прекрати наконец своим детским лепетом восхвалять себя и своих покровителей». Но Ангада и не подумал замолчать. Он продолжал свою обличительную тираду. «Безнадежный глупец! Хватит болтать попусту! Прибереги свое дыхание для другого звука! Спой песню во славу Рамы! Предайся Ему. А иначе стрела Рамы одним махом снесет все твои головы, и они покатаются с плеч, словно игрушечные мячи. А ванары придут в восторг от того, что смогут пинать их ногами, затеяв веселую игру! Случилось так, что меня направил к тебе Сугрива, вождь нашего племени. К сожалению, я не получил прямых наказов от Рамы. У меня нет желания действовать против Его воли, иначе я, в мгновение ока, расправился бы с тобой и швырнул в океан твои кости».

Произнося эти слова угрозы, Ангада вдруг превратился в свирепое чудовище. Как лев, взрыл он землю лапами, и сила ударов была такова, что десять корон, венчавших головы Раваны, задрожали и покатались по полу. Равана не удержался и свалился с трона, но тут же вскочил, восстановив равновесие. Ангада схватил четыре из десяти корон, размахнулся и швырнул их с такой могучей силой и меткостью, что они долетели до лагеря Рамы и упали у его ног. Ванары застыли от изумления при виде странных предметов и восхищались, разглядывая драгоценные жемчужины и блестящие диковинные камни. Рама знал, чьи короны приземлились у его ног; он сказал, что во время полета они затмили солнце, словно Раху и Кету.

А Равана, тем временем, отдал приказ: «Свяжите эту обезьяну. Не позволяйте ей уйти; проглотите ее живьем!» – и устремился во внутренние покои дворца. «Стыдись! – выкрикнул ему вдогонку Ангада, – к чему привела твоя пустая похвальба о силе и доблести? Беги, бросайся в море и удержи дыхание, пока не умрешь! Похититель женщин! Чурбан, оседланный похотью! Глупец! На поле битвы я вырву язык из твоей пасти и выкину его на растерзание воронам! Берегись!» Равана обернулся и воззвал к ракшасам, оставшимся в зале: «Схватите его за ноги, бросьте на пол, пусть его голова расколется, как шар». Меганада тут же вскочил и, схватив ноги Ангады, толкнул его с огромной силой, пытаясь повалить на пол. Другие ракшасы кинулись ему на помощь, но вся эта толпа демонов, навалившаяся на Ангаду, не смогла ни на йоту сдвинуть с места

его ноги. Они беспомощно ползали по полу, сгорая от унижения, не зная, что делать дальше. Тогда к ним присоединился Девакантака, но и его мощные усилия оторвать от земли ноги Ангады потерпели позорное поражение. Сам Равана уцепился за его лодыжки, намереваясь поднять обезьяну и что есть сил бросить оземь. Ангада только смеялся над глупостью Раваны. Он сказал: «Равана! Нет, это не те ноги, за которые тебе следует держаться. Возложи свои руки на Стопы Рама в искреннем порыве смирения, только это освободит тебя от страха и плена».

С этими словами Ангада стряхнул со своих ног повисших на нем ракшасов; это движение оказалось столь мощным и неожиданным, что Равана рухнул на пол и лишился чувств; вместе с его телом рухнули и разбились вдребезги его слава и великолепие. Выражение стыда и унижения проступило на всех его десяти лицах, и он выглядел, как Луна, бледная и тусклая при ярком солнечном свете. Ангада, видя его состояние, почувствовал, что бессмысленно продолжать беседу с этим трусом. Он помнил, что Рама поручил ему лишь сделать последнее мирное предупреждение Раване. «Этот демон не воспримет добрый совет, он не осознает свою ошибку и не попытается исправить ее. Его порочная натура одержала над ним верх. Единственный выход – вступить с ним в открытый бой». Окончательно убедившись в этом, Ангада покинул дворец, чтобы вновь приблизиться к святым Стопам Рама. Возвратившись в лагерь, он подробно доложил о результатах своей миссии.

Равана, мучимый стыдом и страхом, укрылся в женских покоях. Мандодари увидела своего господина, сломленного и потускневшего, и сказала ему: «Расстанься хотя бы сейчас со своим глупым упрямством. Разросшаяся в твоём сердце вражда к Рама приведет к полному крушению всей державы. Ты не смог решиться переступить линию, начертанную Лакшманой; откуда же в тебе надежда победить его в сражении? Твоя сила и мощь для него все равно, что высохшие листья. Твои преданные слуги не могли справиться с его гонцами; есть ли у тебя хоть малейший шанс сокрушить их в бою, когда их многомиллионное воинство ворвется на наши земли? Ты не смог ни на волос стронуть с места ноги Ангады, но продолжаешь упрямо утверждать, что захватишь в плен и свяжешь несметные полчища ванаров! Мне больно и горько сознавать, что, несмотря на то, что тебе уже пришлось испытать и увидеть, ты упрямо цепляешься за свое безумное решение. Наш сын уже мертв. Твой город превращен в груды пепла. Твои сады и парки разорены, множество твоих подданных, сраженных ударами посланцев Рама, замертво попадали на землю. Где таились тогда твоя сила и твое магическое мастерство? Пустые хвастливые речи не принесут никакого ущерба этим ванарам».

«О повелитель! – продолжала молить Мандодари, – прости мне мои слова. Ты совершаешь роковую ошибку, принимая Рама за простого смертного. Он – Властелин Вселенной; он – непобедимый Герой. И ты ведь уже давно знаешь о мере его доблести и мощи. Спокойно и трезво восстанови в уме все факты, упомянутые Ангадой. Вспомни и о другом: о том, как ты сидел в окружении высокого соборца царей в зале дворца Джанаки, чтобы померяться в силе и ловкости, но так и не смог поднять Лук Шивы. Рама сделал это играючи и, нечаянно сломав его, отбросил, как сухой пруттик. Ты видел собственными глазами это доказательство его могущества. И если ты продолжаешь упорствовать, скованный глупой спесью, это указывает лишь на то, что твой крах неизбежен. Что ты смог сделать, когда он отсек нос и уши твоей сестре, Шурпанакхе? Как не стыдно тебе после всего, что случилось, хвастливо заявлять о своей несокрушимой власти и героизме? Вали был сражен одной-единственной стрелой Рама. А ведь Вали был для тебя отнюдь не заурядным противником. Теперь Рама подступил к твоей крепости с полчищами ванаров и разбил лагерь на горе Сувела. Рама – живое воплощение Праведности и Нравственного Закона. Поэтому он и послал к тебе гонца, предоставив тебе последнюю возможность спасения. Его слуга честно пытался изменить образ твоих мыслей и склонить тебя к примирению с Рамай; ты не понимаешь, каковы достоинства, сияющие в душе этого существа, наделенного Высочайшей Святостью, который послал к тебе своего гонца! И

этим ты предрекаешь полное крушение всей нашей державы. Каким образом собираешься ты сейчас вышвырнуть вон Ангаду, Его слугу, явившегося к твоему трону? В их боевом лагере тысячи, нет, целые лакхи ванаров, обладающих гораздо большей мощью и разрушительной силой, чем этот наследный принц, сын Вали. Внемли, наконец, моей мольбе; погаси свою демоническую страсть; ступай и покаянно предай себя Рама». Слова Мандодари, всколыхнувшие в памяти Раваны неприятные события прошлого, вонзались в его сердце, как острые стрелы.

Наступил рассвет нового дня. Равана, надувшись от спеси и непреодолимой гордыни, прошествовал во дворец и уселся на троне. Но как частые и грозные удары, гремели в его голове слова Ангады и царицы Мандодари. Страхи, подозрения, планы мщения и возможных уловок и козней беспорядочно крутились в его мозгу, вращаясь и колеблясь, как земля и небо. Однако мысли обрывались и таяли, не обретая законченной формы, ибо все ближе подступал час гибели демонического клана ракшасов.

Наконец, Равана велел послать за ракшасой по имени Видьютжива и сказал ему: «Слушай меня! примени свою магическую силу и принеси мне «голову» Рамы, а также его «лук и стрелы». Увидев их. Сита должна поверить, что они настоящие. Она сойдет с ума от горя!» Видьютжива мгновенно вскочил и вышел из зала. Он произвел точную копию лука и стрел Рамы, а также его головы. Равана остался доволен совершенной формой магических творений. Он схватил их и собственной персоной направился в Ашокавану, где сидела плененная Сита. Положив перед нею «голову Рамы» и его «оружие», он сказал: «О Сита! Посмотри! Это лук и стрелы, а это голова того самого человека, по которому ты чахнешь и тоскуешь и которого превозносишь день и ночь. Я истребил несметные орды ванаров. Лакшмане удалось спастись, ускользнув с поля боя. С целью убедить тебя, что все это на самом деле произошло, я решил показать тебе голову, а также знакомые тебе лук и стрелы. Посмотри на них внимательно!» И он положил голову Рамы прямо у ног Ситы! Лишь на долю секунды Ситу пронзила боль; она тут же опомнилась, ибо знала, что во всех четырнадцати мирах нет существа, способного снести с плеч Его голову; она поняла, что это очередной искусный трюк ракшасов, пытающихся запугать ее – и все ее страхи улетучились. Она проговорила: «Равана! Теперь я не сомневаюсь, что твой конец близок. Поэтому и приходят тебе в голову столь гнусные мысли. У тебя не хватает мужества даже приблизиться к Рама; разве можешь ты надеяться, что тебе удастся сразить Его? Твоя надежда не сбудется даже во сне! Ты опускаешься до грязных магических трюков, пытаешься обмануть меня». С величайшим презрением Сита осудила Равану. В этот момент отовсюду послышались громкие ликующие возгласы «Джей, Джей Рама! Джей, Джей, Джей Рама!» То была армия ванаров, со всех сторон окружившая город. Равана поспешно покинул Ситу и устремился в тронный зал дворца.

К Сите подошла добрая женщина-ракшаси, Сарама – жена Вибхишаны, чтобы утешить и успокоить ее. Она сказала: «Мать! Равана – обманщик и хитрец, и все его поступки – лишь злые и коварные козни. Никому не дано причинить вред Рама; именно сейчас во главе воинства ванаров он подступил к столице Ланки. Стены крепости рухнут только от одного оглушительного крика обезьян».

Глава 26

Осада

Когда Рама узнал от Ангады обо всем, что случилось на Ланке и убедился в упорстве и несговорчивости врага, он созвал предводителей воинства и поручил им разработать наилучший способ осады четырех ворот города. После этого собрался совет трех вождей – царя обезьян, Сугривы, царя медведей, Джамбавана и правителя ракшасов, Вибхишаны. Они постановили разделить всю армию на четыре воинства, каждое со своими вожаками и

командирами. Пав к ногам Рама и воодушевленные его благословением, вожди отдали приказ идти в атаку.

С Рамой в сердце ринулись вперед наводящие ужас орды ванаров, вооруженные каменными глыбами и огромными стволами-таранами. Ланка издревле славилась своей неприступностью, но милость Рама помогла обезьянам ворваться внутрь города. Восточные ворота штурмовались войсками под предводительством Налы; Южные ворота рухнули под натиском миллионных полчищ, ведомых Ангадой. Западные ворота пали под напором армии во главе с Хануманом. На страже Северных ворот стоял сам Равана, и Рама вступил с ним в единоборство. У ванаров не было ни боевых барабанов, ни труб. Но оглушительный боевой клич «Рам-Рам», издаваемый ими со всей силой преданности, как гром, сотрясал небеса. Весь город был охвачен смятением и паникой. Равана же был ослеплен безумной гордыней. Он торжествовал в надежде на быструю расправу над вражескими силами и предвкушал рассвет нового дня над землей ракшасов, который возвестит миру о великом празднестве победы.

Ракшасы, словно тучи над горой Меру, облепили стены крепости, заняв все позиции на башнях и бастионах. Они били в барабаны и трубили в боевые трубы. Их мощные крики: «Победа Раване!» – перекликались с уверенными и преданными возгласами: «Победа Рама, Всемогущему Владыке!» Ванары, атаковавшие стены, ловили огромные валуны, градом летящие на их головы и швыряли их вверх, расплющивая ракшасов, толпящихся на стенах. С самого начала битвы преимущество оказалось на стороне ванаров. Они беспощадно расправлялись со всеми ракшасами, попадавшими в их руки. Как несутся в разные стороны тучи, в клочья разорванные океанским штормом, так и ракшасы, насмерть перепуганные сокрушительным натиском ванаров, разбежались кто куда, и город потемнел, окутанный пеленой отчаяния.

Отовсюду слышался гневный ропот женщин-ракшасы, стариков, детей, обвинявших Равану в том, что он навлек на их головы это страшное бедствие. Многие воины уже бежали с поля битвы и, захватив с собою жен и детей, спасались от неминуемой гибели. Скрежеща зубами от злобы, Равана выкрикивал им вслед: «Жалкие трусы, удирающие в разгаре сражения! Я разрублю вас на куски своим Алмазным мечом!» Испуганные этой угрозой, некоторые из воинов вновь бросались в драку. Между тем, героическая армия ванаров прорвалась сквозь боевые ряды противника и, вдохновленная мыслями о Рама, вторглась во внутреннюю крепость города, в которой находился дворец Раваны. Полчищам обезьян удалось сокрушить ее стены! Повалив золотую колонну и размахивая ею как орудием, обезьяны затеяли повальную оргию разрушения. Они беспощадно избивали каждого ракшасу, встречавшегося на их пути, сносили с их плеч головы и бросали их с такой силой и меткостью, что они катились прямо к ногам Раваны. Когда на землю спустилась тьма, ванары, продемонстрировав свой героизм и превосходство над силами врага, предстали перед Рамой.

Ракшасы – существа, ведущие ночную жизнь, и при наступлении сумерек их активность и ярость в бою во много раз возрастает. Их громогласный клич «Победа Раване!» отдавался в ушах ванаров, как лвиный рык. Обезьяны вновь бросились в атаку. Вожди воинов-ракшасов, Акампа и Атикайя, используя свое магическое искусство, заволокли все пространство крошечной тьмой и под покровом мрака обрушили на вражескую армию сплошной ливень из липкой грязи, камней и потоков крови. В пылу битвы ванары не могли отличить друга от врага и поэтому боялись сражаться в полную силу. Чтобы набраться мужества и дать противнику достойный отпор, они громко зывали: «Рама! Рама!», и Рама услышал этот вопль о помощи. Он призвал Ангаду и Ханумана и сказал им, что смятение ванаров вызвано магическими трюками демонов. Услышав, что враг применяет столь вероломную тактику, оба пришли в бешенство. Но Рама спокойно достал из своего колчана Агниастру. Огненную стрелу, и пустил ее в самую гущу мрака. Ослепительное сияние стрелы рассеяло тьму, озарив землю и небо ярчайшим волшебным светом. Обезьяны и медведи с удвоенной силой и рвением

бросились в бой, сокрушая противника и яростно тесня его ряды. Услышав торжествующий клич Ангады и Ханумана, ракшасы отступили и бросились наутек. Однако, немногим из них удалось спастись – обезьяны хватили их за ноги и швыряли далеко в море! В середине ночи ракшасы вынуждены были укрыться в своем лагере, ибо исчерпали силы для продолжения схватки. Ванары вернулись к Рама. Когда Его взор коснулся их, утомление и усталость исчезли, и они ощутили прилив бодрости и свежих сил.

В это время Равана держал совет со своими министрами. Он обратился к ним с такими словами: «В этот день многие ракшасы сложили свои головы в битве с ванарами. Нам необходимо выработать дальнейшую стратегию, каким образом расправиться с врагом». Тут поднялся старый Малььявантха, министр, служивший еще при дворе отца Раваны и приходящийся отцом матери Раваны. Его советы и назидания всегда были направлены на выбор правильного и честного пути. «Равана! – проникновенно начал он свою речь, – постарайся спокойно выслушать мои слова. Прости мне мою прямооту и откровенность. С тех пор, как ты привез сюда Ситу, нас преследуют дурные знамения. Сейчас нет возможности описывать их в деталях. Даже Веды бессильны оценить в полной мере и достойно воспеть славу Рама, Всевышнего. Бросая вызов самой Вселенской Сущности, самому Вират Пуруше, ты не добьешься ни милости, ни добра, ни славы. Тебе необходимо поразмыслить над этим в спокойствии. Рама – герой, сокрушивший демонов Хираньякашипу и Хираньякшу. Он – вместилище всех добродетелей. Не расти в своем сердце ненависть к Нему. О Правитель! Умоляю тебя, спаси Ланку! Верни Ситу Рама. Не медли и не упорствуй! Сдаться Рама, не теряя ни единой минуты – твое единственное спасение». Произнеся свою речь, Малььявантха склонил голову в знак почтения и послушания правителю. Но его слова рассердили Равану. Он вновь пришел в бешенство и накинулся на Малььявантху: «Похоже, тебе вскоре суждено исчезнуть в пасти смерти. Только уважение к твоим седидам вынуждает меня простить тебя, а иначе я немедленно разрубил бы тебя на куски. Берегись! Встань и скройся с моих глаз». Равана шипел, как разозленная змея. Малььявантха сильно опечалился, ибо понял, как близок конец Раваны. Он горько усмехнулся про себя, видя, какие непреодолимые упрямство и невежество ослепили Равану. Он с грустью осознал, что только приговор судьбы, определивший конец земного пути Раваны, заставляет его действовать столь глупо и неразумно и принимать губительные решения, отбрасывая все советы, призывающие его спасти себя и свою державу.

Стоило старому министру удалиться, поднялся Меганада и сказал:

«Отец! Не поддавайся сомнениям. Завтра утром ты станешь свидетелем моей ратной доблести. Ты убедишься, что на деле я способен на большее, чем на словах». Его уверенность несколько успокоила Равану и умирала его гнев. Он снова ощутил радостную надежду, и мужество вернулось к нему. Он обнял и приласкал сына, нежно прижав его к своей груди. Он гладил его по голове и перед всеми присутствующими восхвалял героизм и храбрость Меганады. Равана распустил совет около полуночи. Участники поспешили в свои жилища, но никому из них не удалось сомкнуть глаз в эту ночь, и никто из них не притронулся к пище. Их снедали ужас и тревога от предчувствия бедствия, которое в любой момент могло обрушиться на них. В таком плачевном состоянии и застал их рассвет, забрезживший на востоке. Город со всех сторон был окружен медведями и обезьянами. Их рев, как гром, сотрясал небо над столицей, порождая всеобщее смятение и панику. Воинам-ракшасам ничего не оставалось, как вновь схватиться за оружие, чтобы дать отпор врагу. Град каменных глыб, огромных скал и холмов обрушился на город со стен крепости, захваченной ванарами, и миллионы ракшасов яростно отбивались от них потоком стрел и других орудий. Их дикие вопли, боевые кличи и завывания раскалывали небо на куски, словно настал судный день. Но летевшие сверху обломки скал и вершины холмов превращали орды ракшасов в бесформенное месиво.

Разъяренный вестью о вторжении ванаров в город, Меганада вооружился до зубов и бросился в атаку. Ведомые им полчища демонов выбивали барабанную дробь и трубили в боевые рога и трубы. Меганада был знаменит своим другим именем – Индраджит, так как однажды он одержал победу над самим Индрой, Повелителем богов. Он был главным предводителем вождей воинства ракшасов и слыл грозным бойцом. Ряды ванаров дрогнули, когда появилась его колесница. Заметив смятение в стане недругов, Меганада издал ликующий вопль и, натянув тетиву своего могучего лука, обрушил ливень стрел в гущу ванаров. Натягивая тетиву до самого уха, одну за другой выпускал он стрелы, быстрые и яростные, как крылатые змеи. Стрелы тучами неслись во все стороны, и ванары со страхом почувствовали, что сопротивляться бесполезно. Утратив боевой пыл, они отступали. Многие были насмерть сражены стрелами; многие, раненные и бесчувственные, падали на землю. Видя, что обезьяны беспомощны перед бешеным натиском Меганады, Хануман затрясся от ярости; могучий и грозный, как сам бог Смерти, ринулся он навстречу врагу. На пути он выхватил из земли огромную гору и метнул ею в вожака демонов. Заметив глыбу, несущуюся прямо на него как посланник Смерти, Меганада применил магические чары и в последний момент успел взмыть вверх, высоко в небо. Но его колесница вместе с возничим и лошадьми была расплющена горой Ханумана, попавшей прямо в цель. Меганада изощрялся, выдумывая новые козни и уловки, однако его попытки запугать Ханумана были столь же бессмысленны, как попытка крошечной змеи нагнать ужас на царя орлов, Гаруду. Меганада метал с неба огонь, обрушивал потоки кровавого ливня, и ясный день сменился темной ночью. Тьма была столь непроглядна и густа, что ванары не видели собственной протянутой руки. От этих темных и таинственных козней обезьяны растерялись и пали духом. Им показалось, что конец их близок.

Рама понимал, что лишь отчаяние и страх поражения заставляют ракшасов, уповая на магические силы, прибегать к столь нечестивой тактике в бою; Он смеялся про себя над их беспомощностью, но заметил, что ванары утратили храбрость и мужество. Поэтому Он прицелился и выпустил одну-единственную стрелу в самый центр дерущихся полчищ. Магия ракшасов утратила силу, и волшебные чары бесследно рассеялись. Свет засиял над землей, как будто яркое солнце вышло из-за тучи. Вновь обретая уверенность и боевой пыл, ванары пошли в наступление, тесня ряды демонов. Они ощущали на себе полный милосердия взгляд Рама, питающий их тела свежими силами. Обезьянья рать взревела в один голос: «Джей, Джей, Рама!» и сплошной могучей толпой, забыв о боевом порядке, ринулась вперед. Ничто не могло их удержать; никто не мог препятствовать их напору. Чтобы придать им еще больше мужества и превратить наступление в молниеносную атаку, к Хануману присоединился Лакшмана со своим луком и стрелами и вызвал Меганаду на поединок. Узнав, что Лакшмана ринулся в бой, Равана поспешил послать мощное подкрепление, чтобы защитить своего сына. Ванары, вооруженные острыми скалами и стволами деревьев, самоотверженно сражались, не позволяя себе и секунды передышки. На поле битвы разгорелось яростное и свирепое сражение, и обе стороны бились не на жизнь, а на смерть. Большинство сильных воинов и вождей вступало в единоборство с противником, и вокруг них вспыхивали новые очаги сражения. Ванары, пуская в ход свои крепко сжатые кулаки и острые зубы, насмерть сразили множество ракшасов; впиваясь длинными когтями в шеи демонов, они сносили их головы с плеч; они выдергивали и швыряли прочь их уродливые руки. Победный клич, которым ванары возвестили о своем триумфе, прокатился по всем девяти островам. Обезглавленные тела ракшасов продолжали удирать в том же направлении, куда неслись в пылу схватки, еще имея голову на плечах; наблюдая эту жуткую картину, возбужденные обезьяны раздражались издевательским хохотом. Дороги Ланки, пересекавшие обширное пространство, где разыгрывалось сражение, превратились в кровавые реки. Лакшмана и Меганада сцепились в смертельной схватке. Казалось, они не уступали друг другу в силе и ловкости. Но Индраджит предпочел прибегнуть к подчинявшимся ему темным силам,

нежели продолжать честный поединок. Однако и в этом он потерпел поражение, и его уловка не удалась. В приступе неистовой ярости Лакшмана уничтожил его магическую колесницу и убил колесничего. Устрашась надвигающейся гибели, Меганада выхватил Шакти – орудие, подаренное Брахмой, таящее высшую Божественную мощь, и, нацелив его в самое сердце Лакшманы, метнул в своего врага. Точный удар Шакти, нанесенный рукою Меганады, пронзил сердце Лакшманы. В «смертельной» агонии Лакшмана рухнул на землю. Меганада, вырвавшийся из когтей страха, приблизился к поверженному герою и попытался поднять тело, чтобы унести его в свой лагерь. Хотя в бою их силы были равными, Меганада не смог сдвинуть с места «мертвого» Лакшману. Ему на подмогу ринулись толпы демонов, но их усилия оказались напрасными. Лакшмана был не кем иным, как явившимся на землю в человеческом обличе Изначальным Змеем, Адишешей, на тысяче капюшенов которого покоится вся Вселенная. Как смог бы поднять его один сколь угодно могучий и сильный борец или тысячи ему подобных? Только тот, кто удостоился Милости Шри Рамы, был способен сдвинуть с места Лакшману!

Между тем, на земле сгущались вечерние тени. Оба противоборствующих воинства разошлись по своим боевым лагерям. Шри Рама видел, как возвращаются ванары, но не заметил среди них Лакшманы. Он спросил: «Где Лакшмана?» В этот момент вперед выступил Хануман, неся на плече недвижимое тело Лакшманы. Хануман лишь жалобно воскликнул: «Рама, Рама!» Рама сделал вид, что крайне расстроен и взволнован случившимся, однако, быстро овладел собою. Он положил к себе на колени тело Лакшманы и долго и внимательно всматривался в его лицо. Наблюдавший эту сцену Джамбаван воскликнул, не выдержав: «О Господин! Нам не следует терять время. Не будем раздумывать и откладывать необходимое лечение. Лучше всего, как можно скорее, вызвать сюда Сушену, целителя из Ланки. Он знает, какое требуется лекарство». В ту же секунду Хануман принял форму крошечного человечка и проник во внутреннюю крепость Ланки. Все то время, что он мчался по улицам, его мучила тревога, откликнется ли Сушена на его просьбу, согласится ли посетить лагерь Рама. Поэтому он решился на хитрость. Он осторожно поднял дом вместе со спящим внутри Сушеной и по воздуху перенес его через вражескую территорию, опустив в лагере ванаров. Когда Сушена вышел на порог, он обнаружил, что находится в Присутствии Рама! Он пал к Его ногам и назвал имя горы, на склонах которой растет целебная трава, способная спасти Лакшману. Пока шло обсуждение, кого послать за драгоценным снадобьем, Хануман простерся у Лotosных Стоп Господина и попросил возложить на него эту миссию. Рама доверил ему эту задачу.

Тем временем один из доносчиков Раваны сообщил хозяину, что придворный целитель Ланки, Сушена, находится в стане врага. Равана решил посоветоваться с ракшасой Каланеми, какими последствиями чревато это событие. Каланеми уклончиво ответил: «Равана! Этот Хануман – непостижимое существо. Разве не сжег он Ланку в твоём присутствии? Откуда у меня особая сила и ловкость, чтобы поймать и одолеть его? Но еще не поздно вступить на правильный путь. Расстанься с нелепой идеей, что ты способен одержать победу над Рамой. Ступай и найди приют у Его ног. Судьба сразу станет благосклонной к тебе. Побори свое упрямство и гордыню». Каланеми давал Раване дельный совет, но в то же время преследовал и иную цель. Равана, естественно, сурово осудил его и закричал, сотрясаясь от гнева: «Готов ли ты во всем подчиняться мне? Если это не так, лучше готовься к смерти». Каланеми рассудил, что гораздо большую пользу его душе принесет смерть от руки Рама, нежели бесславная погибель в лагере демонов. Поэтому, не теряя времени, он скрылся с глаз Раваны и переместился в лагерь Рама. Он нашел озеро в центре чудесного парка и, пустив в ход свои магические чары, принял обличье риши и уселся на берегу, погружившись в глубокую медитацию. Хануман на своем пути к горному хребту, где росла целебная трава, почувствовал сильную усталость, ибо не успел восстановить силы после столкновения с Меганадой. Он подумал, что несколько минут отдыха и глоток прохладной озерной воды принесут только пользу и во много раз ускорят его дальнейший путь. Хануман пал к ногам мудреца, повторяющего

имя Рама и поющего хвалу Его подвигам и добродетелям. Он очень обрадовался и тоже запел: «Рама! Рама!» Преображенный Каланеми продолжал: «О ванара! Идет великое сражение между Рамой и Раваной! Каждый день я наблюдаю отсюда его ход. Нет сомнения, что очень скоро Рама одержит полную победу». Хануман был счастлив слышать такие слова; он признался мудрецу, что его мучает жажда. Старец предложил ему испить холодной воды из кувшина, стоявшего рядом. Но Хануман ответил: «Учитель! Такое малое количество воды не сможет утолить мою жажду». Тогда риши указал ему на озеро и посоветовал Хануману окунуться в его прозрачные бодрящие воды, а заодно и напиться вволю. Хануман согласился и направился к берегу озера. Он вступил в воду по щиколотку, но внезапно на поверхности появилась голова крокодила, вынырнувшего из глубины, и свирепые челюсти впились в ногу Ханумана. Разумеется, чудовище не могло нанести серьезного вреда герою. Могучая обезьяна просто стряхнула крокодила со своей ноги и нанесла ему смертельный удар. Как только крокодильей жизни пришел конец, перед Хануманом предстало существо, блистающее небесной красотой. Хануман был сильно удивлен. Он спросил у явившегося из воды незнакомца: «Кто ты?», и получил ответ:

«О слуга Рама! Как только судьба подарила мне встречу с тобой и ты дотронулся до меня, пал тяжкий груз моих грехов. Мы оба – Каланеми и я – были небесными музыкантами, гандхарвами, при дворе царя богов, Индры. Однажды к Индре пожаловал мудрец Дурваса, известный своим гневливым и вспыльчивым нравом. Его свирепый и дикий вид рассмешил нас, и мы не смогли удержаться от хохота. Старец заклеил проклятием обоих, провозгласив, что мы родимся на земле как ракшасы. Мы умоляли пощадить нас, обнимая его ноги и проливая слезы раскаяния; его сердце немного смягчилось, и он сказал: «Хорошо! Вы родитесь на острове Ланка; в последней четверти Трета Юги Бог воплотится на земле в образе Рама, и великая битва разыграется между Рамой и правителем Ланки; во время этой битвы Лакшмана, брат Рама, будет тяжело ранен оружием, называемым Шакти, и Хануман, преданный слуга Рама, отправится в путь к горе Сандживи, заросшей кустами и целебными травами; встретившись с ним, вы освободитесь от демонического обличья. О ванара! Риши, живущий неподалеку и пославший тебя сюда, на самом деле вовсе не риши. Он ракшаса, изменивший свой вид, его зовут Каланеми».

Хануман приблизился к Каланеми и крикнул ему прямо в ухо:

«Уважаемый наставник! Прими подношение, приготовленное мною для тебя в благодарность за помощь, которую ты оказал мне; ты мой гуру и я обязан оплатить твой труд». Каланеми был несколько удивлен и озадачен тем фактом, что Хануман потребовалось так много времени, чтобы утолить свою жажду; демон заподозрил, что его истинная сущность и история уже известны Хануману от его брата-крокодила, живущего в озере. Поэтому Каланеми прикинулся, будто погружен в глубочайшую медитацию и не узнает подошедшего и окликнувшего его Ханумана. Поскольку Хануман знал, кто прячется под фальшивой личиной святого риши, он схватил Каланеми за шею и крутил его голову до тех пор, пока тот не испустил дух, повторяя перед смертью святое Имя Рама.

Отбросив недвижимое тело, Хануман поспешил к горному хребту Дрона и, найдя холм Сандживи, принялся разыскивать целебную траву, за которой был послан. Но он не мог распознать ее среди буйной растительности, сплошным ковром покрывавшей холм. Между тем, время шло; он и так значительно задержался в дороге, а приказ Рама требовал незамедлительного выполнения. Поэтому Хануман предпочел действовать наверняка: он оторвал от земли весь холм Сандживи и взмыл в небо, держа его на ладони.

В ночные часы его путь на Ланку пролегал над городом Айодхья. Бхарата в это время тосковал в одиночестве, не смыкая глаз и беспокоясь о брате и его жизни в изгнании. Неожиданно лунный свет померк, заслоненный тенью – силуэтом Ханумана с огромным холмом на спине. Бхарата решил, что обезьяна-гора – не иначе как ракшаса,

изменивший форму для осуществления какого-либо гнусного плана. Он задумал уничтожить «демона» прежде, чем тот успеет сотворить зло. Схватив лук, Бхарата наложил на него стрелу и тщательно прицелился, натянув тетиву до самого уха. Когда стрела впилась в тело Ханумана, тот издал пронзительный крик «Рама! Рама!»

Услышав это имя, Бхарата на миг остолбенел, а затем бросился к рухнувшей на землю обезьяне. Хануман, не вдаваясь в подробности, поведал принцу о важности своей миссии. Бхарата пришел в отчаяние; он обнял Ханумана и умолял простить свою глупую оплошность. Он разразился рыданиями и истово взмолился: «Если правда то, что я предан Рама мыслью, словом и делом и никогда не сворачивал с этого пути, пусть исцелится этот ванара и обретет свои прежние силы».

Жалобная молитва Бхараты, исторгнутая из глубин сердца, его клятвенное заверение в вечной преданности Рама избавили Ханумана от боли; он поднялся, здоровый и полный сил. Внезапно в его мозгу возникла идея: убедиться в полной искренности Бхараты. Он провозгласил:

«Победа царю династии Рагху!» Мучительная тоска захлестнула при этих словах сердце Бхараты. Он воскликнул: «О вождь обезьян! Скажи мне, как чувствуют себя Сита, Рама и Лакшмана? Весела ли и счастлива Мать Сита?» Бхарата обливался слезами, вспоминая о братьях и Сите. Тогда Хануман рассказал обо всем, что случилось. Слушая Ханумана, Бхарата не мог сдержать скорбь; узнав, что Лакшмана, сраженный стрелой врага, пал на поле боя, он лишился чувств и повалился на землю. Придя в себя, он приподнялся и проговорил: «Хануман! Прости мне мой глупый поступок. Я не имею права задерживать тебя. Спеш! Доставь поскорее Рама этот холм Сандживи вместе с драгоценным лекарством, которое исцелит Лакшману! Не медли больше!»

Хануман пал к ногам Бхараты и поднял холм, захватив его ладонью. Он взлетел в небо и устремился в сторону юга. Бхарата, не смея моргнуть глазом, следил за ним, пока его фигура не скрылась за горизонтом. Он был счастлив, что получил наконец какие-то вести о Рама, но, вместе с тем, мучился, узнав о несчастьях, постигших Ситу и Лакшману. С тяжелым сердцем он направился во дворец и поведал обо всем матерям.

Сумитра, мать Лакшманы, в первый момент сильно встревожилась, но быстро обрела прежнюю силу духа, напомнив себе, что рядом с Лакшманой находится Рама. Она говорила себе: «Этот сын, рожденный из моего чрева, посвятил свою жизнь служению Рама! Для меня это достаточное утешение. Это приносит мне глубокое удовлетворение. Я чувствую, что цель моей жизни достигнута. Меня беспокоит лишь то, что Рама, должно быть, сильно удручен бедой, постигшей Лакшману; эта «потеря сознания» наверняка огорчает его. Разлука с братом может быть причиной горя Рама. Сын! Шатругна! – воскликнула она, – ступай туда, где находится Рама. Ты должен быть рядом с Ним». Шатругна вскочил, готовый в ту же минуту тронуться в путь. Он сказал: «Разве может выпасть на мою долю более великое счастье?» Но Бхарата остановил его словами: «Не получив на то приказа Рама, я не могу позволить тебе уйти и присоединиться к Нему». Бхарата утешал Шатругну, убеждая его, что Рама не одобрит этот шаг и что самое лучшее и полезное, что они могут делать – это подчиняться Его воле.

Между тем на Ланке Рама охранял Лакшману, ни на шаг не отходя от него. День сменился сумерками, вечерняя тьма сгустилась, и наступила полночь. Ванары, скорчившись от тоски, столпились вокруг Рама. Рама, действуя как обыкновенный смертный, выражал беспокойство по поводу задержки Ханумана. «Полночь уже миновала, а Хануман все не показывается! Не мог ли он сбиться с пути? Тяжело раненный брат Лакшмана так и не пришел в сознание!» Рама бережно повернул к себе голову Лакшманы и, еле сдерживая слезы, нежно погладил его по лицу. «Брат! – говорил он, – открой глаза и посмотри на меня! Еще никогда в своей жизни ты не проводил столь долгие часы, не устремив свой взор на меня. Все эти годы ты не спускал с меня широко раскрытых глаз, боясь взмахнуть ресницами! Как мне вытерпеть твое молчание? Со вчерашнего дня некому утешить меня ласковыми словами». Как простой человек, Рама горевал и плакал

над недвижимым телом Лакшманы. «Брат! Ради меня ты оставил родителей и жену. Ты ушел вместе со мною в изгнание и предпочел жизнь в лесу, хотя и не обязан был делать это. Ты не замечал трудностей, с которыми тебе приходилось сталкиваться. Твоя натура проста, бесхитростна и нежна, и ради меня ты с радостью приветствовал жаркое солнце, промокал под дождем, дрожал от холода. Ты позабыл, что существуют часы, предназначенные для еды; ты мог целыми днями обходиться без пищи, отдавая мне все, что тебе удавалось собрать в лесу. Лакшмана! Я знаю, как часто ты ложился спать на голую землю, не имея за целый день и крошки во рту! Брат! Вот уже целых двенадцать часов, как я лишен твоей любви и заботы, неужели ты не чувствуешь этого? Лакшмана! Открой глаза хоть на миг и взгляни на меня хоть один разочек; это то, в чем я больше всего нуждаюсь сейчас». Рама поддерживал подбородок Лакшманы своей любящей ладонью и слезно и трогательно умолял его подарить ему хотя бы один взгляд. Ванары громко рыдали при виде горя и скорби Рама. Целыми стаями залезали они на деревья, растущие на вершинах холмов, и всматривались вдаль, надеясь заметить приближающегося Ханумана.

И вскоре Хануман в самом деле появился, держа гору Сандживи на поднятой ладони! Фигура Ханумана сияла пред их очами, как воплощенная доблесть, озаренная чудесным светом сострадания. Он коснулся ногами земли и сразу очутился среди толпы ванаров. Обезьяны выкрикивали: «Ура! Ура! Ты спас и прославил все наше племя! Если бы ты не вернулся до рассвета, мы все вместе бросились бы в океан и распрощались с жизнью, ибо как могли бы мы пережить смерть Лакшманы и остаться после этого среди живых? Разве смогли бы мы существовать без него? Ты спас жизнь всем нам». Когда Рама увидел Ханумана вместе с целой горой, полной целебных трав, его счастьем не было границ. Сушена немедленно собрал травы, которые требовались для приготовления снадобья – Висальякарини, Самадханакарини, Суварнакарини и Самдживакарини – и приготовил лекарство Лакшмане. И Лакшмана сел, мгновенно очнувшись! Рама был вне себя от радости; он прижал к себе брата, нежно лаская его. Он воскликнул: «Брат! Брат! Где ты был все эти часы?» Из глаз Рама лились слезы восторга и благодарности. Он погрузился в высший экстаз, сравнимый лишь с блаженством Брахмы. А между тем волшебные ароматы, исходившие от трав холма Сандживи, очутившегося посреди лагеря ванаров, оказали свое живительное действие, и лежавшие на земле обезьяны, насмерть сраженные во время жестокой битвы, ожили и сели, а вскоре обрели прежние бодрость и силу! Радость ванаров была неопишима. Они ликующе скакали и плясали, сжимая в объятиях своих оживших родичей и соратников. Рама одарил Сушену щедрым благословением; он заверил целителя с Ланки, что защитит его от любых злобных и мстительных нападков Раваны. После этого Рама велел Хануману переправить Сушену вместе с его домом назад, на Ланку, а драгоценный холм Сандживи поставить на землю рядом с домом лекаря в память о служении Лакшмане и ванарам. Хануман перевозносил Сушену за неоценимую помощь и благодарил его за спасение жизни хозяина, а также своих друзей и сородичей-обезьян. Он поднял ладонью цветущий холм и дом вместе с Сушеной и осторожно перенес их на землю Ланки.

Наступил рассвет. Из лагеря ракшасов послышался бой барабанов. Ванары, черпавшие невиданные силы в Имени Рама, своего вождя и защитника, пришли в неистовое возбуждение. Каждый из них чувствовал в себе мощь множества слонов. Они подпрыгивали и сновали туда-сюда в нетерпении, готовые броситься в драку. В тот день предводителем вражеского воинства был назначен Дхумракша. Он отчаянно сражался, но на второй же день был убит Хануманом. Тогда во главе демонических полчищ стал Акампа, отважный и свирепый воин. Против него выступил отряд обезьян, ведомый Ангадой, и в тот же день Акампа был убит Ангадой в яростном поединке. Услышав, что Акампа сражен рукою врага, в бой ринулся Прахаста; круша все на своем пути, он прорвался сквозь ряды противника, но Нила настиг его и, ни на миг не расставаясь с мыслью о Рама, вступил с ним в жестокую схватку. Он обрушился на Прахасту со всей

своей мощью и свирепостью и одолел могучего вождя демонов. Вслед за ним встретил свою смерть Маходара. С оглушительным ревом прыгнул ему на спину Хануман и, пустив в ход клыки и когти, разорвал его на куски.

В течение последующих пяти дней, казавшимися долгими как вечность, новые полчища ракшасов под предводительством Кумбы и Никумбы, сыновей Кумбакарны, продолжали жестокую битву с ванарами. На шестой день сражения оба брата отправились в небесную обитель – туда, куда возносятся души всех воинов, героически павших в ратном бою. Грозные вести о поражениях, которые одно за другим терпела доселе несокрушимая армия ракшасов, посеяли всеобщую панику как среди воинов, так и среди мирных жителей Ланки. Стремясь сохранить свою жизнь, демоны сломя голову спасались бегством, ища безопасные убежища. Многие сдавались и открыто уходили в лагерь ванаров в надежде обрести там защиту и сочувствие. Народ Ланки проклинал Равану, сурово осуждая его за предательство. Ракшасы зывали к царице Мандодари, умоляя ее остановить лавину несчастий. Она глубоко страдала оттого, что Равана поддался порыву безумия и пыталась уговорить его остановить войну.

Но война продолжалась! Со стороны демонов ее возглавлял Макаракша, несравненный доблестный воин. Однако его противником оказался Лакшмана, и после короткого поединка вождь недругов был убит. В восторге от такой внушительной и молниеносной победы ванары прыгали и кричали что есть мочи: «Джей! Джей!» Равана же, видя, как непобедимые вожди его воинства один за другим складывают головы в ратном бою, стонал и рычал от отчаяния. Он бросился к дому брата Кумбакарны, где тот лежал, погруженный, как обычно, в глубокий сон, с намерением разбудить его любимыми, самыми решительными и бесцеремонными способами. Толпам ракшасов было велено выбивать оглушительную барабанную дробь у самых ушей Кумбакарны. Сотни могучих борцов, пригнанных Раваной, колотили его своими железными кулаками; сотни демонов чем попало избивали спящего; вооруженные тяжелыми булавами прислужники Раваны обрушивали шквал ударов на ляжки Кумбакарны. В конце концов демон открыл глаза и огляделся. Равана тут же поведал ему о своем отчаянии и о гибели Кумбы и Никумбы. Кумбакарна побагровел от вспыхнувшей в нем жажды мести и стал страшен, как само воплощение Времени, разрушителя Вселенной. Он закричал на Равану: «Глупец! Как можешь ты рассчитывать на победу? Ты бесстыдно затоптал в грязь свое имя, сотворив страшное зло: ты похитил и разлучил с Рамой Ситу, Мать всех миров. Этот подлый грех никогда не простится тебе. Твоя порочность приведет к гибели всю Ланку. Беги к Рама, сдавайся ему прямо сейчас, отшвырни наконец свою глупую спесь и гордыню! Может ли истинный правитель, обремененный высоким долгом сохранения праведности и борьбы с беззаконием в своем царстве, пренебречь всеми понятиями о чести и тайно похитить чужую жену? Укрепляет ли он этим моральный закон? Способствует ли духовному продвижению подданных? Волей-неволей тебе придется пожинать плоды своих действий. Равана! Рама – не простой смертный. У Шурпанакхи, нашей сестры, помутился рассудок от вожделения; она задумала во что бы то ни стало удовлетворить свое похотливое желание и жестоко поплатилась за свою порочность. Она разожгла и твои низменные страсти, чем вынудила тебя совершить варварское злодеяние. Поддавшись науськиваньям этой гнусной женщины, ты утратил способность отличать добро от зла и своими собственными нечистыми руками навлек на свою голову эти бедствия». Кумбакарна проклинал старшего брата и осыпал его жестокими упреками. Но Раване было не до обид и гнева. Он взмолился: «Не бросай меня в беде. Спаси мою жизнь. Встань и приготовься вести в атаку все воинство ракшасов».

Не видя иного выхода и преисполненный жалости к брату, Кумбакарна подчинился. Для подкрепления сил ему немедленно принесли завтрак, состоящий из горы мяса и огромных чанов с пальмовым пуншем. Проглотив все это в мгновение ока, он устремился прямо на поле битвы. Заметив Кумбакарну, готового ринуться в драку, Вибхишана, его младший брат, выбежал из лагеря Рама и в глубоком почтении пал к ногам могучего

воина. Поднявшись, он назвал свое имя. Кумбакарна засиял от радости и с любовью и нежностью прижал брата к груди. Вибхишана заговорил первым. Он сказал: «Брат! Равана грубо оскорбил меня в присутствии всего царского двора и вышвырнул вон из тронного зала. Понимая опасность сложившейся ситуации, я давал ему всевозможные советы. Он отменил мои предостережения, отдав предпочтение льстивым речам неразумных министров; без всякого стеснения он облил меня грязной руганью на общем собрании приближенных. Я не мог вынести этого позора. Я предал себя в руки Рамы. Увидев, что я беспомощен и невиновен, Он принял меня и взял под свою защиту». Услышав это, Кумбакарна проговорил: «Брат! Тень смерти уже легла на Равану. Разве способен он сейчас внять доброму совету? Не сомневайся, ты сделал верный шаг на пути к своей жизненной цели; теперь ты уже не Вибхишана, а Вибхушана – сияющая жемчужина, прекрасный самоцвет, украшающий клан ракшасов! Ты облагородил и очистил наше племя, отдавшись пылкому служению Океану счастья, Венцу династии Рагху, Рама! Ступай и усердно продолжай свое служение. Брат! Я вынужден ринуться в бой независимо от того, какая судьба ожидает меня. Я чувствую, что моя смерть тоже совсем рядом. Равана знает, что мое сердце не принадлежит ему. Я советую тебе отречься от дум, на чьей ты стороне, и оставаться верным и преданным слугою Рамы». Выслушав это напутствие старшего брата и получив его благословение, Вибхишана вернулся в лагерь Рамы. Он сказал Ему: «Господин! Вершина мощи ракшасов – Кумбакарна. Он самый свирепый и доблестный боец. Он пришел, чтобы сразиться с тобой».

Услышав эту весть, разъяренные ванары, чей боевой пыл вспыхнул с новой силой, под предводительством Ханумана бросились в атаку на врага. Они швыряли в Кумбакарну гигантские деревья и валуны, но могучий демон стоял не шелохнувшись, словно скала. Натиск ванаров был для него как ресничка, упавшая на взбесившегося слона. Кипящий гневом Хануман обрушил на Кумбакарну страшный удар своего твердого как камень кулака, и демон на миг пошатнулся. Однако его ответный удар был так силен, что Хануман, как подкошенный, рухнул на землю. В борьбу вступили Нала и Нила, но и они не смогли устоять перед несокрушимой мощью Кумбакарны. Волна страха прокатилась по обезьяньему воинству. Силу ударов Кумбакарны испытали на себе и Ангада, и Сугрива: они покатались по земле, не выдержав натиска. Улучив момент, Кумбакарна схватил Сугриву и, зажав его под мышкой, помчался вон с поля боя. Он был уверен, что, похитив вожака обезьян, он обезглавил армию ванаров и, тем самым, обеспечил победу.

Между тем Хануман, поднявшись, обрел способность воспринимать окружающее. Он обнаружил, что Сугрива исчез с поля боя и в сильной тревоге бросился на его поиски. В это время к Сугриве, стиснутому мощной дланью Кумбакарны, вернулось сознание и он напряг все свои силы, чтобы вырваться на свободу. В этот момент отчаянной борьбы их заметил Хануман и поспешил на помощь обезьяньему царю. Однако Сугриве самому удалось освободиться из железных объятий врага, и между ними вспыхнула жестокая схватка. Сугрива отсек нос и уши Кумбакарне, и чудовищный безносый демон с трудом заглатывал воздух, чтобы поддержать дыхание. Подоспевшие полчища ванаров окружили Кумбакарну и с криками: «Победа Рама! Победа нашему Повелителю!» – забросали его огромными камнями, деревьями и скалами. Разъяренный демон ринулся в гущу ванаров и, хватая всех подряд, кого могли достать его гигантские руки, кидал в свою раскрытую пасть, с хрустом разгрызал кости и заглатывал живьем. Множество ванаров были уничтожены и раздавлены. Обезьянье воинство дрогнуло и в панике бросилось врассыпную.

Видя, что происходит, Рама объявил Лакшмане и всем, кто был рядом, что наступил его черед вступить в сражение: откладывать его вмешательство недопустимо. Он сказал: «Лакшмана! Принеси сюда «неиссякаемый» колчан со стрелами». Лакшмана, приняв приказ Рамы как драгоценный груз, немедленно принес колчан и протянул его Рама. Вооруженный луком Коданда, Рама выступил на поле битвы как лев, подстергший свою жертву. За ним следовали Лакшмана, Сугрива, Хануман и Джамбаван. Стрелы,

выпущенные из лука Рама, понеслись прямо на врага со скоростью крылатых змей. Они мчались во все стороны и проникали повсюду. Они насмерть сражали миллионы героев-ракшасов, рассеивая ряды противника. Демоны в ужасе разбежались, бессильные противостоять смертоносному ливню. Поток стрел не иссякал, и каждая стрела, вонзившись в цель, возвращалась в колчан. Осознав, что Рама способен в считанные минуты истребить все племя ракшасов, Кумбакарна пришел в страшную ярость. Он взревел как раненный лев и двинулся к Рама. Обезьян охватило смятение: Кумбакарна внушал им непреодолимый ужас. Рама, понимая, что у него нет другого выхода, прицелился, и его стрела, вонзившись в Кумбакарну, разом отсекла обе его руки. Все тело чудовища вдруг ослепительно вспыхнуло, как гора Мандара, когда царь богов Индра отрубил ей крылья. Пронзительно визжа, демон бросился на Раму. До предела натянув тетиву, Рама разом метнул целый вихрь стрел, которые впились в лицо Кумбакарны. От этого удара могучий герой покачнулся, но устоял на ногах. Тогда Рама выстрелил еще раз, и голова демона слетела с плеч и покатила по земле. Обезглавленное тело не упало, а продолжало бежать, устремившись к Рама. Чтобы окончательно расправиться с чудовищем, последней выпущенной стрелой Рама рассек бегущее тело надвое.

Внезапно от мертвого тела отделилась сверкающая великолепием фигура и, приблизившись к Рама, соединилась с Ним. Грозный ракшаса достиг освобождения, не утруждая себя ни садханой, ни джапой (повторением Имени), ни тапой (аскезой с целью контроля над чувствами и мыслями). Еще будучи живым, он воссиял в ратном бою как несравненный герой; после смерти он достиг высочайшей цели – слияния с Божеством. Рама стоял неподвижно на поле битвы, и его прекрасное, как лотос, лицо было влажным и нежным от слез; на его груди сверкали несколько капель крови Кумбакарны, брызнувшей из смертельных ран, полученных в бою. Наступил час сумерек; для обеих армий то был день горячей и яростной схватки, и враждующие стороны разошлись по своим лагерям. Ванары воспряли духом, восхищенные Великой Милостью, ниспосланой Рамой. Как костер от сухой травы, разгорелся их боевой пыл.

Мужество ракшасов, наоборот, убывало с каждым днем. Равана безутешно рыдал, словно кобра, лишившаяся своего драгоценного самоцвета. (1 Согласно древнему преданию, драгоценные камни рождались в головах у змей, и змея, лишившаяся украшения, ощущала сильное беспокойство.) Он громко стонал и плакал навзрыд, прижимая к груди мертвую голову брата. Меганада, сын Раваны, всеми возможными способами пытался облегчить горе отца. Он клялся: «Завтра ты сможешь убедиться в моей героической мощи. Я в мгновение ока сотру с лица земли эти обезьяньи орды. Я подарю тебе счастье, которое затмит своим величием горе, терзающее тебя сегодня». Вскоре забрезжил рассвет. Раване не замедлили доложить, что медведи и обезьяны уже подступили к стенам города. Это известие заставило неукротимых воинов-ракшасов приготовиться к новому сражению. Они выстроились и боевым маршем двинулись на врага. Каждый боец сражался с недругом, используя все свои силы и возможности. В тот день битва была особенно свирепой и беспощадной. Меганада взошел на волшебную колесницу и взмыл на ней в небо. Его воинственный рев прогремел, как гром, в черных грозных тучах. От этого грохота ванары попадали на землю, словно от мощного взрыва. Земля содрогалась от раскатов пронесшегося эха. Пустив в ход темные магические силы, Меганада в доли секунды сотворил копию Ситу, и, усадив ее в колесницу, приземлился в самом центре поля битвы! Хануман первым заметил его появление, и Меганада, обращаясь к нему, закричал: «Слушай меня, Хануман! Сейчас я убью ту самую Ситу, ради которой вы ввязались в эту войну. Смотри! Как только она умрет, войне придет конец!» – и, выхватив меч, он разрубил «ложную» Ситу на куски и разметал их по полю. Хануманом овладела неистовая ярость; он бросил клич ванарам: продолжать борьбу не на жизнь, а на смерть, и истребить все отродье ракшасов. Ванары набросились на демонов с такой свирепостью, что ракшасы поспешили укрыться в городе.

Хануман приблизился к Рама и сообщил ему о злодеянии, совершенном Меганадой. Услышав страшную весть, Рама сделал вид, что сражен горем; он прекрасно знал, что «убита» не настоящая Сита, а существо-оборотень, порожденное магическим искусством ракшасов; тем не менее, он действовал, как «человек среди людей». Лакшмана, казалось, был тоже раздавлен отчаянием, он горевал об утрате Матери всех миров и сидел, отдавшись скорбным мыслям о бесполезности пребывания в этом мире. Услышав весть о случившемся, Вибхишана бросился к Рама и воскликнул: «Учитель! Тебе известна правда. Все, что произошло – просто наглый трюк. Сита жива и невредима, и ее безопасность охраняется с величайшей заботой. Один лишь Равана может беспрепятственно приблизиться к месту, где стражи бдительно следят за тем, чтобы никто не причинил ей вреда. Меганада лишь создал магический образ Ситы и «убил» ее с целью повергнуть нас в отчаяние. Это обычная уловка ракшасов, я знаю, насколько они преуспели в подобной нечестивой стратегии». Рама и Лакшмана просияли от счастья, услышав сказанное Вибхишаной; они полностью доверились его словам о тайных кознях ракшасов. Чтобы окончательно убедиться в правоте Вибхишаны и самому обрести полный покой, Хануман изменил свой облик и, незамеченным проникнув в город, отправился в Ашокавану, где содержалась под стражей плененная Сита. Вернувшись, он заверил ванаров, что причин для беспокойства нет, чем вдохновил их на продолжение упорной и яростной схватки.

Меганада, тем временем, вновь появился на поле битвы. На этот раз на ванаров обрушился шквал всевозможных орудий – острых стрел, пик, дротиков, палиц, тяжелых топоров; в их головы летели булавы и огромные камни. Отовсюду слышались наводящие ужас вопли и громогласные приказы: «Руби! Убивай! Хватай!», но обезьяны не видели тех, кто выполняет команды, кто гонится за ними, нанося удары и страшные раны! Это жуткое наваждение порождало смятение и страх! Беспомощные ванары не могли определить, откуда исходит опасность и с какой стороны ожидать нападения, чтобы отразить его! Даже такие несравненные герои, как Нала, Нила, Ангада и Хануман дрогнули, исполнившись ужаса. Вихрь метких стрел летел из лука Меганады и они пронзали тела Лакшманы, Сугривы и Вибхишаны. Несмотря на это, они продолжали яростно и отважно сражаться с врагом. И вот настал момент, когда Меганада бросил вызов самому Рама! Из лука Индраджита понеслись стрелы, шипящие, как змеи! В его руках было знаменитое оружие Дракона, Сарпаstra. И Рама, величайший из Актеров, пришедший в мир в человеческой роли, непобедимый герой, сокрушивший Кхару, Душану и их несметное воинство, позволил себе поддаться действию этого могущественного оружия, Сарпастры! Чтобы выразить должное уважение к Божественному Дракону и продемонстрировать миру его мощь, он позволил стреле вонзиться в свое тело! Это может показаться странным, но такова История Рама, со всеми ее неотъемлемыми деталями, законами и бесценным скрытым смыслом. Существа, обладающие ограниченными возможностями мысли, слова и действия, не способны распознать эту скрытую Истину. Поэтому ванары были чрезвычайно удручены и встревожены тем, что Рама настигла стрела, выпущенная из лука Дракона. Меганада же торжествовал победу. Он мчался сквозь толпу обезьян, изрыгая грубые проклятья.

Джамбаван, завидев его, закричал: «Остановись, ничтожный червь!» Сын Раваны, оттолкнув его в сторону, ответил с издевательской усмешкой: «Не навлекай на себя позор! Я не замечал тебя до сих пор, ибо ты слишком стар, чтобы быть достойным моего внимания. Какое мне дело до твоей болтовни? Поди прочь!» Он метнул трезубец в Джамбавана, но тот ловко поймал его на лету и нанес ответный удар Меганаде! Трезубец был нацелен на врага с такой меткостью и брошен с такой силой, что поразил Меганаду прямо в сердце; раненый демон бешено завертелся на месте и рухнул на землю. Джамбаван устремился к поверженному врагу; он схватил его за ноги и, подняв над головой, закрутил его тело в воздухе, а затем с размаху швырнул оземь. «Теперь ты можешь определить, насколько я стар! Рассуди сам, обладаю ли я силой молодости, или слабостью дряхлого старца!» Джамбаван призывал Меганаду к продолжению поединка.

Могучий ракшаса не погиб от нанесенной раны. Не приняв вызова, он с трудом поднялся на ноги и побрел прочь. Он не выполнил хвастливого обещания, данного отцу, и ему было стыдно предстать перед его очами. Покинув поле битвы, он направился прямо к саду Никумбала, где в былые времена множество ракшасов предавались покаянию, соблюдая строгие обеты аскетизма.

Четверо приближенных Вибхишаны, тайно следивших за действиями вражеских предводителей, сообщили ему о пути и намерениях Меганады. Вибхишана поспешил к Рама и проговорил: «Учитель! До моих ушей только что долетела недобрая весть: Меганада готовится совершить вредоносную яджну с целью умилостивить темные силы. Если ему удастся до конца провести церемонию, следуя магическому ритуалу, нам будет очень трудно одолеть его. Необходимо воспрепятствовать его злобному плану». Рама был благодарен Вибхишане и одобрил его предложение. Он позвал Ханумана и Ангаду и сказал им: «Братья! Ступайте! Помешайте Меганаде сотворить задуманную яджну и сорвите все его приготовления». Затем он обратился к Лакшмане со словами:

«Лакшмана! Ты должен сразиться с этим негодяем и уничтожить его. Не забывай, что боги сильно обеспокоены его бессовестными кознями». Стоило прозвучать словам приказа, как трое вождей – Вибхишана, Сугрива и Хануман – собрали огромное войско ванаров и выступили вслед за Лакшманой, чтобы поддержать его в бою. Лакшмана, вооружившись луком и «неиссякаемым» колчаном, полным острых стрел, простерся перед Рамой и, запечатлев Его образ в сердце, покинул лагерь. За Хануманом следовали Ангада, Нала, Нила и другие доблестные воины.

Когда они достигли парка Никумбала, жертвенная церемония Меганады уже началась; на огненный алтарь темных сил возлагались дары – свежая кровь и мясо зарезанных буйволов. Обезьяны, не теряя времени, попытались сорвать ритуал и нарушить ход вредоносной яджны. Меганада, однако, не сдавался; тогда обезьяны принялись передразнивать жрецов, нарочито искажая и коверкая слова гимнов, воспеваемых для ублажения темных сил, но и этим не смогли заставить браминов прервать ход ритуала. Тогда взбешенные ванары всей толпой бросились внутрь помещения, где находился жертвенный алтарь, схватили Меганаду за волосы и, повалив на землю, принялись колотить что есть мочи. Меганада вырвал из своего тела трезубец и накинулся на них. В схватку вступили Ангада и Хануман, но Меганаде удалось пронзить их обоих ударом трезубца, и, тяжело раненные, они покатались по земле. Им на помощь поспешил Лакшмана; он сломал пополам страшное оружие, и Ангада и Хануман, быстро оправившись от нанесенных ран, вновь напали на Меганаду. Но демон не отступал; мощные удары обезьяньих вождей, казалось, не причиняли ему никакого вреда. Тогда в схватку вступил Лакшмана. Грозный, как сам бог Смерти, он обрушил на Меганаду ливень своих смертоносных стрел. Каждая из них разила ракшасу, как удар грома. Тогда демон, призвав на помощь магические силы, сделался невидимым. Он то появлялся, то исчезал, меняя обличья, в надежде скрыться от Лакшманы. Лакшмана, наконец, потерял терпение; он выхватил из колчана священную стрелу, настигающую жертву в любом месте, где бы она ни находилась, и, вселив в нее величие и могущество Рама, прицелился в Меганаду. Стрела пронзила демона в самое сердце, и он мгновенно испустил дух. Поскольку в последние минуты жизни в нем жили образы Рама и Лакшманы, Ангада, Хануман и Вибхишана воспели хвалу его воинской доблести и благородной смерти, которой он был удостоен. Хануман с легкостью поднял на плечи тело мертвого ракшасы и, подойдя к главным воротам Ланки, бережно опустил на землю. После этого он вернулся в лагерь. Лакшмана приблизился к Рама и простерся у Его ног. Рама был рад успеху похода; он внимательно выслушал подробный рассказ о разыгравшихся в парке Никумбала событиях. С великой любовью Он прижал брата к груди.

Глава 27

Подземный мир

Рама обнял Вибхишану, Ханумана, Налу, Нилу и других воинов, и они затрепетали от блаженства Божественного Прикосновения; терзающая их боль мгновенно утихла, зажили раны, полученные в бою. Ванары были в восторге, созерцая счастливое лицо Рама; на них был устремлен Его взгляд, полный сострадания.

В это время Сулочана, жена Меганады, узнала о смерти мужа от своих служанок, прибежавших к ней сообщить трагическую весть. Равана с горечью произнес: «До сих пор я был уверен, что такая несложная задача будет с легкостью выполнена либо Кумбакарной, либо Меганадой. Теперь же мне самому довелось быть свидетелем краха этих доблестных воинов! Мне стыдно, что Меганада пал жертвой стаи обезьян! Разве может зваться героем тот, кто был убит простой обезьяной?» Равана пытался успокоить Сулочану. «Досточтимая мать! Не горюй так сильно! Я не из числа таких «героев». Не пройдет и часа, как я принесу тебе утешение. Я сверну шею тем, кто погубил твоего мужа и положу к твоим ногам их головы. Я сделаю это, не сомневайся!» Так, предавшись бредовым мечтам, восхвалял себя Равана перед Сулочаной. Вся его сущность была сожжена пламенем гнева, и он не помнил себя от ярости.

Слушая его слова, мудрая и добродетельная Сулочана ответила ему:

«О Десятиголовый! Неужели в твоем сердце еще теплится надежда на победу? Ты глубоко погряз во мраке иллюзии. Я так долго таила в себе обиду и разочарование, ибо знала, что было бы неправильным противоречить отцу своего супруга, к тому же мне казалось, что переубедить тебя в данном случае невозможно. Твой гнев – основная причина уничтожения всего рода ракшасов на этом острове. Позволь же сейчас сказать тебе правду – тебе не удастся выиграть эту войну. Это истина, это неоспоримая истина!» Сулочана поднялась и, горько рыдая, направилась в покои Мандодари, царицы, матери Меганады. Она пала к ногам свекрови и произнесла: «Только твой муж и никто другой виновен в постигшем меня несчастье. Но знай, что и тебя ожидает подобная участь, и не пройдет и нескольких дней, как беда обрушится на тебя». Эти беспощадные и резкие слова были исторгнуты из ее израненного сердца. Мандодари испытывала мучительную боль от неотвязных раздумий о порочных помыслах своего мужа; она заплакала, осознавая жестокую правду слов Сулочаны. Обе женщины долго сидели молча, а позже заговорили о Рама, восхищаясь его достоинствами и великолепием, а также о терпении и целомудрии Ситы. Они говорили друг другу, что если бы им выпало счастье хоть раз взглянуть на это Божественное существо, им не пришлось бы жалеть о напрасно прожитой жизни.

Равана не мог оставаться спокойным, видя, как страдает его невестка, овдовевшая Сулочана. Ее слова, как железные шипы, впивались в его сердце. А горе от потери столь прекрасного, доблестного и любящего сына было так тяжело, что он упал на пол и стал в отчаянии биться об него головой. Поднявшись, он излил свою тоску перед статуей Шивы в своем излюбленном храме. Там и нашли его министры и придворные. Они сказали ему: «О царь! Почему предаешься ты напрасной скорби? Жены, сыновья и другие «близкие» – все те, на кого мы щедро расточаем свою любовь – лишь вспышки молний, на миг озаряющих темную тучу; их сияние мимолетно. Жизнь – лишь искра, гаснущая на глазах. Тебе, обладающему глубоким знанием этих истин, не пристало погрязать в невежестве и оплакивать утраты. Сейчас мы должны думать только о будущем! Нам необходим срочный план, каким образом одолеть врага, подступившего к нашим дверям». Министры хотели облегчить страдание Раваны и долго утешали и вразумляли его, напоминая о неотложности их задачи. В конце концов Равана молитвенно сложил все свои двадцать рук и, упав к ногам Шивы, воззвал к нему в смиренной и преданной молитве.

В то время, как все эти события разворачивались в мире надземном, Ахиравана, обитатель иного, подземного мира, почувствовал, что Равана охвачен великой скорбью. Он подумал: «Как могло такое случиться? Он правил миром и властвовал над всеми живущими! Никто не мог победить его». Ахиравана поклонялся одной-единственной богине – Деви Камаде. Он тотчас же погрузился в медитацию на образе богини, и она поведала своему почитателю о местонахождении Раваны. Поэтому Ахиравана не замедлил явиться перед Раваной прямо в храме Шивы. Он упал на колени, назвав при этом свое имя. Ахиравана был не кто иной, как один из сыновей Раваны. Он осведомился о причине, вызвавшей столь сильные душевные страдания Раваны. Равана поведал сыну обо всем, что случилось с той поры, как братья наказали Шурпанакху, отрубив ей нос и уши. Ахиравана сильно огорчился, выслушав всю повесть от начала до конца. Он сказал: «Каждое существо в этом мире преклоняется перед праведниками, идущими путем истины. Но в сердце каждого, кто сворачивает с этого пути и погрязает в бесчестии, вселяется страх. Вместо того, чтобы мудрым взглядом охватить прошлое и будущее и дать реальную оценку настоящему, ты ввязался в эту глупую и губительную войну. В результате ты почти полностью истребил свой клан и свою династию. Ты не знаешь, какой героизм и какая мощь таятся, до поры скрытые, в «человеке»! Ты отнесся к величайшему среди них, как к ничтожнейшему из ничтожных. Несмотря на все это, слушай, что я скажу тебе. Я захвачу в плен Раму и Лакшману и заберу их с собой в подземное царство. Я принесу их в жертву моей богине Камаде Деви. Таким образом весь род ракшасов обретет невиданную славу». С этими словами он простерся у ног Раваны и, воздав ритуальные почести Камаде Деви, направился к лагерю Рамы. Используя сверхъестественные силы, он призвал Духа Тьмы, который густым черным покрывалом окутал ванаров. Повсюду царил непроглядный мрак, черный, как деготь, и никто не видел своей собственной протянутой руки! Однако бдительность обезьян обострилась с такой исключительной силой, что сама Смерть не рискнула бы заглянуть в лагерь! Хануман, главный защитник ванаров, удлинил свой хвост до таких размеров, что он множество раз обвился вокруг лагеря, пока его кольца, лежащие одно на другое, не образовали высокую стену, крепкую и толстую, как гора. Сам Хануман, завершив свой труд, уселся на страже единственных оставшихся ворот, закрывая своим телом вход в неприступную крепость.

Ахиравана содрогнулся от ужаса, приблизившись к этой мощной живой преграде. От растерянности он не мог измыслить никакого плана для преодоления этого препятствия. Внезапно его осенила идея, и он изменил свой облик, превратившись в точную копию Вибхишаны. Подойдя к «воротам», он окликнул Ханумана: «Друг мой, я должен предстать перед Рамой. С Его позволения я отлучился из лагеря, чтобы сотворить вечерние молитвы и ритуалы. Я только что завершил обряд на берегу и, если вернусь с опозданием, навлеку на себя грех неповиновения Его Воле. Поэтому, позволь мне войти в лагерь». Хануман не заподозрил обмана и поверил словам «Вибхишаны», которого воочию видел перед собой. Он разрешил ему войти в ворота лагеря. Ахиравана заметил Налу и Сугриву, крепко спящих после изнурительного дневного сражения. Рама, как ему показалось, был также погружен в глубокий сон; Его рука сжимала руку лежащего рядом Лакшманы. На самом деле Рама наблюдал за крадущимся к нему лже-Вибхишаной. Он воплотился на земле, взяв на себя человеческую роль в задуманной им Дrame, с единственной целью – уничтожить все племя ракшасов и искоренить зло, посеянное ими в мире. Его задача была бы выполнена не до конца, если хоть один потомок Раваны остался бы живым в любом из трех миров и продолжал плодить себе подобных. Поэтому он искусно играл свою роль, делая вид, что не подозревает о коварном замысле Ахираваны. Простым людям не дано узреть Божественных Путьей! Только Он один знает, где, когда и каким образом суждено погибнуть тому или иному существу. Он ведет свою игру по своим, неведомым другим, законам.

Ракшаса прочитал Мохана Мантру, и под ее воздействием герои-ванары впали в бессознательное состояние, и их сон стал еще более глубокий и беспробуден. Тогда Ахирavana связал Раму и Лакшману и уволок их в подземную бездну, в иной мир, называемый Патала.

Через некоторое время ванары проснулись и до смерти перепугались, обнаружив, что ни Рамы, ни Лакшманы нет среди них. Место, где они так долго спали, превратилось в огромную черную яму. Весь лагерь вскоре наполнился горестными криками и стенаниями. Ванары чувствовали себя такими же несчастными и обездоленными, как цветущий лотос, выдернутый из воды. Они беспомощно сновали повсюду, пытаясь найти братьев; стаи обезьян металась по берегу моря; другие обшаривали все тайные закоулки лагеря. Никто не обнаружил никаких следов. Ванары утратили надежду и мужество, на смену которым пришли скорбь и отчаяние. «Все могучие вожди демонов уже уничтожены! Один лишь Равана остался в живых; казалось, что дни его сочтены. И в этот час, столь близкий к победе, нас постигло несчастье!» Так ванары оплакивали свою судьбу. Сам Сугрива, царь ванаров, упал на землю, лишившись чувств. Вибхишана ничего не слышал о происшедшем. В еще непросохших после утренних ритуалов и омовений одеждах он возвращался с берега моря. Ванары бросились ему навстречу, спеша сообщить о том, что Рама и Лакшмана исчезли из лагеря. Эта страшная весть лишь на мгновение поразила Вибхишану; поскольку ему были хорошо знакомы все трюки и уловки ракшасов, доступные им с помощью подвластных им потусторонних сил, он сразу сделал правильные выводы. «Не тревожьтесь», – сказал он ванарам и предложил им всем вернуться в лагерь. Его слова немного успокоили растерявшихся обезьян. Когда у ворот он заговорил с Хануманом, тот был сильно удивлен и озадачен. Хануман воскликнул: «Ты уже проходил через эти ворота несколько часов назад; ты сам просил меня впустить тебя».

Теперь у Вибхишаны не осталось никаких сомнений. В его уме сложилась ясная картина случившегося. Он обратился к ванарам: «Ванары! У нас нет причин для тревоги. Ахирavana, сын Раваны, – мастер в подобных темных кознях. Он обитает в Патале – подземном мире. Судя по тому, как глубока эта яма, я уверен, что именно он похитил Раму и Лакшману и унес их в свои подземные владения. Я не сомневаюсь в этом еще и потому, что никто, кроме него, не способен принять мой облик. Не отчаивайтесь! Нужно срочно решить, кто из нас обладает достаточной силой, чтобы проникнуть в глубокие подземные недра». Вибхишана огляделся и, увидев Ханумана, сказал: «Хануман! Твоя физическая мощь и острый ум известны всему миру. Немедленно отправляйся в Паталу и освободи Раму и Лакшману, эти Океаны Милосердия». Вибхишана указал Хануману путь, ведущий в Паталу, где находилась обитель Ахираваны. Сугрива, Ангада и Джамбавантха сжали Ханумана в объятиях, проливая слезы радости. Хануман уже собрался в дорогу, испросив позволения у своего повелителя, Сугривы. Перед уходом он сказал ванарам: «Не бойтесь. Не тревожьтесь ни о чем. Кто бы он ни был, я уничтожу его, даже если потребуется отдать свою жизнь. Очень скоро я буду стоять перед вами вместе с Рамой и Лакшманой. Не сомневайтесь в этом». С этими словами и с возгласом: «Джей Рама! Джей Рама!» Хануман скрылся. Достигнув пределов царства Паталы, он присел под деревом немного отдохнуть. До него донеслось громкое чириканье двух птиц, сидящих на ветке. Хануман понимал язык птиц, поэтому он наострил уши, чтобы узнать, о чем они толкуют. «Подружка, – говорила одна из них, – Ахирavana привел сегодня с собою двух братьев. Раму и Лакшману, и уже сделал все необходимые приготовления, чтобы принести их в жертву богине Камаде. После завершения обряда он выбросит прочь священные тела, и мы сможем насладиться их вкусом, устроив настоящий пир! Этот день станет для нас незабываемым праздником!» Хануман резко вскочил со своего места; он зашипел от ярости, как кобра, которую дернули за хвост, и метнулся вперед, как вспыхнувшее пламя. «Увы! – стонал и сокрушался Хануман, – я боюсь, что с моим Повелителем уже случилось непоправимое!»

В мгновение ока он очутился у стен города Ахираваны; на страже ворот стоял Макарадваджа, которого Хануману предстояло одолеть в поединке. Но охранник также был обезьяной, и Хануман завел с ним беседу, расспрашивая о его собственной судьбе и истории рода; ему удалось войти в доверие к сородичу и получить от него тайные сведения о Раме и Лакшмане и их участи. Он узнал от Макарадваджи, что на рассвете братьев должны отвести в храм богини Камады для совершения человеческого жертвоприношения.

Хануман спросил Макарадваджу, обезьяну, стерегущую Паталу, в каком месте держит братьев беспощадный владыка подземного мира. И на этот вопрос он получил подробный ответ. Однако Макарадваджа явно не собирался впускать Ханумана внутрь города, ибо был обязан подчиняться хозяину, сохранять ему верность и блюсти его интересы. «Через какие бы испытания мне ни пришлось пройти, я не позволю тебе проникнуть в город, – заявил Макарадваджа. – Если я сделаю для тебя исключение как для представителя обезьяньего племени, то тем самым запятнаю весь свой род, и о нем пойдет дурная слава как о неблагодарных и недостойных доверия существах. Мой господин, Ахиравана, так же почитаем мною, как почитаем тобою твой Господин, Рама. Поэтому, какую бы симпатию я ни чувствовал к тебе, я останусь тверд и непоколебим; я обязан исполнять свой долг и следовать приказам своего хозяина. Ты сможешь войти внутрь только в том случае, если одолеешь меня в честном поединке». Так заявил Макарадваджа, бросая вызов Хануману. Хануман оценил его чувства и верность долгу. Ему понравилось, что Макарадваджа придерживается безупречной линии поведения. Он принял его вызов и вступил в поединок со стражем подземного мира. Некоторое время они свирепо боролись друг с другом, после чего Хануман почувствовал, что дальнейшее промедление недопустимо; поэтому, крепко стиснув хвостом тело Макарадваджи, он отбросил его далеко прочь, после чего беспрепятственно вошел в город. Он заметил садовника, несущего огромную гирлянду прекрасных ароматных цветов. Решив, что более удобного случая достичь желаемого места ему не представится, он принял форму молекулы и проник внутрь гирлянды. От этого гирлянда ничуть не стала тяжелее, она осталась такой же легкой, как прежде. Садовник не подозревал о том, что произошло. Для него ничего не изменилось. Он преподнес гирлянду самому Ахираване. Ракшаса осторожно взял ее обеими руками и повесил на шею статуи Камады, стоящей в храме. Он также предложил богине множество изысканных угощений в качестве освященной пищи. Сидя в своем надежном укрытии среди душистых цветов, Хануман незаметно съедал все угощения по мере того, как они подносились богине. Ракшасы видели, как пища исчезает у них на глазах, и были в восторге от того, что богиня снизошла до их даров и оценила их преданность. Ахиравана сиял от счастья, так как был уверен, что его молитвы наконец услышаны и сокровенные желания осуществились.

В эту минуту в храм ввели Раму и Лакшману, разукрашенных по всем правилам, каких требуют жертвоприношение животных. Могучие воины-ракшасы крепко держали их за руки с обеих сторон. Хануман видел, как братьев поставили рядом с жертвенным алтарем. Притаившись внутри гирлянды, он клялся в вечной верности Рама и не переставая превозносил в душе своего Господина. Стражи подтолкнули братьев прямо к идолу и приставили к их шеям острые мечи. Ахиравана провозгласил, что жертвоприношение жизнью двух братьев должно произойти сразу же после того, как вспыхнет священный огонь, и велел жрецам приготовиться выполнить свою задачу, не допустив и секунды промедления. Рама и Лакшмана, Божественные существа, играющие человеческие роли, уже знали о том, что подношения Ахираваны, предназначенные Божеству, были съедены Хануманом, и эта забавная новость побудила их относиться ко всем грядущим событиям как к веселой игре. Видя их безмятежные и улыбающиеся лица, Ахиравана страшно рассвирепел. Однако, сдержав свой гнев, он сказал: «Что ж, я не против того, что вы так радуетесь тем несколькими оставшимися мгновениями жизни, которые вам дарованы; веселитесь, пока вы на это способны. Чуть позже вы сможете

посмеяться вволю в царстве Ямы, бога мертвых». Безо всякого стеснения он продолжал расписывать грозящие им ужасы, стараясь запугать и ранить их резкими и жестокими словами. Тут поднялся один из жрецов и, выразив почтение повелителю, напомнил ему, что предписанные правила требуют, чтобы жертвам, по их желанию, разрешили помолиться охраняющему их Божеству и испросить покоя после смерти. Вождь ракшасов поднялся с трона и провозгласил: «Принцы! Если у вас есть высшие покровители, самое время выразить им свое почтение и признательность, ибо истекают последние минуты вашей жизни». При этих словах Рама и Лакшмана лишь вновь улыбнулись друг другу, переглянувшись.

Внезапно Хануман издал оглушительный рев! Услышав его, ракшасы вообразили, что таким образом их богиня проявляет себя, выражая нетерпение и гнев. Хануман выпрыгнул из гирлянды, мгновенно приняв свой устрашающий воинственный облик, выхватил меч из рук статуи богини, повалил Ахиравану на землю и, нанося мощные удары, рассек его тело на мелкие куски. Но тело Ахираваны обладало твердостью алмаза и было наделено таинственной силой восстановления, позволяющей соединиться воедино всем его частям, отделенным друг от друга. В конце концов Хануман, сосредоточив все свои помыслы на Рама и громко выкрикнув «Джей, Рама», схватил одной рукой голову демона, а другой, держащей меч, снес ее с плеч долой. Прежде, чем две части успели соединиться, он швырнул голову в пылающий огонь жертвенного алтаря, воздвигнутого перед идолом.

В этот момент Макарадвадже, стражу-обезьяне, удалось добраться до храма богини. Увидев его, Хануман сдернул золотую корону с горячей головы Ахираваны и, водрузив ее на голову Макарадваджи, провозгласил его Правителем Паталы, наказав при этом быть благодарным братьям и навеки стать их верным и преданным слугой. Затем он посадил Раму и Лакшману себе на плечи, и, оттолкнувшись от земли, выпрыгнул из недр Паталы, приземлившись среди густой толпы миллионов ванаров. Обезьяны высмотрели все глаза, страстно ожидая их появления. Вибхишана и другие вожди не могли скрыть ликования и радости, увидев братьев целыми и невредимыми. Они упали к ногам Рамы и Лакшманы; они сжимали в объятиях Ханумана и проливали слезы благодарности. Ванары превозносили доблесть Ханумана, распевая в его честь хвалебные гимны. Они качали его и подбрасывали в воздух, гладили и ласкали, потчевали сладостями. Они окружили его, изливая на него свою любовь. Вибхишана, встав перед Рамой, сказал: «Господин! Что могу я знать о твоей Лиле, о твоей чудесной игре? Лишь ты один можешь раскрыть нам смысл своих действий и поступков. Ты принял решение истребить всех демонов, даже тех, кто населяет иной, подземный мир. Я знаю, что только что разыгранный акт Драмы ведет к исполнению твоего замысла».

Равана получил известие, что Хануман освободил Раму и Лакшману, вернув их из царства Ахираваны. Он услышал также трагическую весть о смерти сына. В глазах у него потемнело, и он рухнул на землю. Царь громко стонал и рыдал, оплакивая свои потери, слезы потоками лились у него из глаз. Царица Мандодари подошла к нему и, пытаясь облегчить страдания мужа, утешала и успокаивала его от всего сердца. Но он не желал слушать ее слова; от ее нежных и заботливых уговоров он приходил в еще большую ярость. Равана собрал остатки мужества и неожиданно вскочил, увидев одного из министров, появившегося на пороге. Вошедшего звали Синдхураната; он был уважаемым старцем, прожившим долгую жизнь. Он обладал большой мудростью и был близок и дружен с Вибхишаной в те времена, когда тот жил на Ланке. Синдхураната пытался напомнить Раване о законах морали и добродетели, говорил о бренности тела и всего сущего. Но Равана не пожелал слушать и его слова: они внушали ему явное отвращение. Старый министр был огорчен, увидев, в каком состоянии находится Равана. Он подумал с грустью: «Когда нас постигает беда, разум искажается и приходит в упадок. Равана мчится навстречу гибели и поэтому даже полезный совет принимает за горький упрек».

Понимая эти очевидные истины, мудрый старец, полный сострадания, не оставил своих попыток вразумить Равану добрыми и приветливыми словами.

Равана же предавался тяжким думам: «Погиб весь мой род, уничтожены все мои сыновья и братья; никого не осталось в живых». Тогда Синдхураната напомнил ему: «Почему ты говоришь так? У тебя есть еще один сын, Нарантака, и он возглавляет войнство из семидесяти двух кроров ракшасов. Обратись к нему за помощью; немедленно пошли к нему гонца. Он сокрушит врага, не сомневайся в этом». Равана почувствовал облегчение от этих слов. Он послал гонца Дхумакету, повелев ему привести с собою умного и хитрого Нарантаку. Посланец описал сыну Раваны все страшные бедствия, обрушившиеся на Ланку, а также передал просьбу отца о немедленной помощи. Нарантака выступил в поход, ведя за собою несметное войнство и, достигнув поля боя, ринулся в атаку на ванаров. Хануман заметил врага еще издали и выступил вперед, чтобы сразиться с ним. Увидев Ханумана, принявшего свой самый устрашающий облик, Нарантака содрогнулся от ужаса. Он спросил Дхумакету, как зовут этого грозного воина, и получил ответ, что это Хануман, непобедимый герой, убивший всех остальных братьев. Услышав это, Нарантака рассвирепел и, нацелив на Ханумана свой лук, выпустил прямо в него целый вихрь стрел; но Хануман ловил каждую стрелу рукой и ломал на куски. Одним прыжком он очутился рядом с Нарантакой и нанес ему своим стиснутым кулаком единственный удар в грудь, от чего тот повалился наземь. Хануман, подняв демона над головой и закрутив с бешеной скоростью, забросил его в глубокие недра Подземного царства, называемого Расатала. Миллионы воинов-ракшасов исчезли в волнах океана. Хануман разбил вдребезги все боевые колесницы армии Нарантаки, и вместе с колесничими они навеки исчезли с лица земли.

Глава 28

Головы – с плеч долой

Когда Равана услышал о поражении Нарантаки, он вскричал: «Кто мог подумать, что так закончится эта война? Кто мог предположить, что она обернется столь разрушительной трагедией?» Известие о смерти Нарантаки породило леденящий ужас среди всего населения Ланки. Мудрые и просвещенные мужи явились к Раване, отцу, лишившемуся всех своих сыновей, стремясь принести ему утешение и успокоить его ум.

Но все их усилия были лишь напрасной тратой времени; разумные и добрые слова не проникали ни в одну из голов Раваны. Когда он очнулся от приступа скорби, до его ушей донеслись жалобные стоны жены Нарантаки, но эти звуки еще больше распалили его злобу. Пламя ярости и жажды мести пожирало царя демонов изнутри, уничтожая его природу. Равана не заметил, как пролетела ночь и наступил рассвет. Полчища ванаров, как всегда, подступили ко всем четырем воротам города и приготовились к штурму. Тогда Равана собрал оставшихся воинов-ракшасов и обратился к ним с такими словами: «Солдаты-ракшасы! Тем из вас, кто уже дрожит от страха перед грядущим сражением, лучше сейчас покинуть боевой строй. Знайте, что если вы в панике побежите с поля боя, когда битва уже начнется, я уничтожу вас собственными руками». Равана угрожал своим воинам, понимая, что они будут биться до конца. Он приказал запрячь для себя самую быструю колесницу. Он велел музыкантам ударить в барабаны и затрубить в боевые трубы; как горные пики, зловеще-темные в сумрачном свете, грозными рядами выступили ракшасы навстречу врагу. Их неотступно преследовали дурные знамена, но Равана, упрямо полагаясь на свою физическую мощь, не обращал на них внимания. Само собою выскальзывало оружие, крепко зажатое в его руках; колесничий Раваны, взбираясь на сиденье, споткнулся и упал, не удержавшись на ногах. Жалобно заржали кони и горестно затрубили боевые слоны. Со всех сторон слышался заунывный вой собак и лисиц; глухо кричали и ухали совы, словно оповещающая о злой судьбе, нависшей над Ланкой.

Армия ракшасов – конница, пехота и боевые слоны – маршировала по улицам города навстречу врагу, подступившему к его стенам. Тяжело сотрясаясь, прогибалась земля под ее мощной слаженной поступью. Воинство демонов во главе с Раваной поражало роскошью и великолепиям, словно сияющая армия бога Весны, с музыкой и ликующими песнями выступающая каждый год навстречу Солнцу. Барабанная дробь, звуки труб, флейт, боевых рогов и горнов сливались в единую величественную мелодию героизма и торжества. У ворот города обезьяны и медведи ринулись в атаку и обрушились на ракшасов с яростью огромных гор, чьи крылья были снесены неведомой волшебной стрелой. Они напали на ракшасов, как слуги бога Смерти. Их главным и самым опасным оружием были когти и зубы. Они швыряли в гущу вражеских полчищ холмы и гигантские деревья. Своим угрожающим львиным рыком:

«Победа нашему Повелителю, победа Шри Рама!» – они заставили содрогнуться в смертельном ужасе стойкие и храбрые, как у слонов, сердца ракшасов. Вскоре неистовая схватка превратилась в череду поединков между отдельными героями-недрузьями. Клич «Победа Рама» перекликался с кличем «Победа Раване». Ракшасы дрались, как посланцы Смерти; многие ванары истекали кровью от страшных ран. Они яростно колотили врага крепкими, как камень, кулаками, раздирали демонов на части острыми клыками, валили солдат Раваны на землю, и под тяжелыми медвежьими лапами хрустели их ребра; они хватили их на бегу и разрывали пополам их тела, душили демонов их собственными выдернутыми из животов потрохами. Равана в смятении наблюдал, как истребляется его армия. Он вздернул к плечу свой лук и обрушил ливень стрел на солдат своего же воинства, пытавшихся спастись бегством с поля боя. Ванары торжествовали, увидев, что Равана, обезумев от гнева, убивает своих сородичей. С пронзительными ликующими воплями они бросились на Равану со всех сторон, нацелив на него толстые стволы деревьев и острые пики. Но Равана, окинув грозным взглядом свое воинство, приказал солдатам сохранять мужество. Отчаянный натиск ракшасов был так силен, что ванары бросились враспынную, не способные противостоять ему. Они зывали о помощи: «О повелитель! Сугрива! Сугрива, спаси нас, спаси!»

Земля и небо потемнели от ливня стрел, посылаемых Раваной. Ванары в страхе разбежались куда глаза глядят. В лагере воцарился хаос. Лакшмана, оценив создавшуюся ситуацию, подпоясался и вооружился луком и стрелами. Простершись перед Шри Рамой и получив Его благословение, он поднялся и направился на поле битвы.

Лакшмана окликнул Равану и произнес с усмешкой: «Слушай меня, негодяй! Что пользы тебе истреблять обезьян и медведей? Посмотри на меня, стоящего перед тобой, как сама Смерть, как Дух Времени, явившийся положить конец твоему земному пути!» Равана ответил: «О! Ты думаешь, я не знаю тебя? Ты – убийца моего сына! Уже много дней я ищу случая встретиться с тобой. Моя душа обретет покой, если сегодня я наконец уничтожу тебя». Равана яростно взревел, и из его лука одна за другой в Лакшману полетели острые стрелы. Но Лакшмана ловил их с безошибочной ловкостью и разбивал на тысячи мелких осколков; он метнул в Равану огненное копье, и колесница владыки демонов, вспыхнув, разлетелась на куски, навеки сгинув вместе с колесничим. Смертоносные пучки из сотен стрел неслись на Равану из лука Лакшманы, впиваясь в его лицо и грудь, и демон рухнул на землю, лишившись чувств от страшной боли. Вскоре он вновь вскочил и, расвирепев от гнева, нацелил на Лакшману оружие, обладающее мощной разрушительной силой – копье, дарованное ему самим Брахмой, Первым из богов священной Триады. Сраженный ударом божественного оружия, Лакшмана упал на землю. Увидев это, Хануман бросился на помощь, выкрикивая страшные угрозы Раване. Равана кулаком нанес Хануману сокрушительный удар в грудь. Хануман пошатнулся от боли, но удержался на ногах. Его ответный удар обрушился на Равану с такой мощью и силой, что оглушил демона; теряя сознание, тот успел подумать: «Да отсохнет рука у этого выскочки! Даже в самом нелепом сне не приснится, что кулак простой обезьяны разит, как удар грома».

Между тем, Лакшмана очнулся и вскочил, готовый продолжать схватку. Однако в эту минуту подоспевшие ракшасы взгромоздили бесчувственное тело Раваны на новую колесницу, и возникший, не теряя времени, погнав лошадей к столице Ланки. Очутившись в своем дворце, Равана пришел в себя. Он приказал начать немедленные приготовления к тайному ритуалу Паталахома, обладающему разрушительной силой и обеспечивающему победу над любым врагом. Его разум окончательно помутился! Мог ли кто-нибудь одержать победу в борьбе с Рамой? Лазутчики Вибхишаны, тайно следящие за действиями ракшасов, предупредили Его об опасности, принеся весть о готовящейся Паталахома. Вибхишана не замедлил явиться перед Рамой и, упав к его ногам, проговорил: «Господин! Равана уже приступил к свершению ритуала, который в свое время пытался сотворить Меганада. Эта церемония также должна быть вовремя прервана и осквернена обезьянами, чтобы Равана не мог добиться успеха, на который рассчитывает. В том случае, если мы не помешаем ему довести Хому до конца, будет чрезвычайно трудно одержать над ним победу».

Вскоре наступил рассвет. Повинуясь приказу Рамы, Ангада и Хануман в сопровождении внушительной толпы обезьян проникли на освященную для ритуала территорию внутри дворца Раваны. Они весело кувыркались и подпрыгивали, кривляясь и дразня Равану. «Эй ты, безбожник, задумавший великую жертву! Ты удрал с поля битвы и, укрывшись в своем логове, чинно восседаешь, предавшись медитации?» Ангада отважился подскочить совсем близко к Раване и пнул его ногой. Равана пребывал в молчании «медитации», необходимой для начала Хомы. Малейшее движение или отвлечение внимания «осквернили» бы его и лишили способности возглавлять «победоносный» ритуал, на плоды которого он возлагал столь большие надежды. Поэтому обезьяны, осмелев, дали себе волю и затеяли громкую возню вокруг Раваны. Они кусали его и дергали за волосы. Терпение Раваны иссякло! Он расsvирепел, вскочил на ноги и, схватив в охапку несколько обезьян, бешено закрутил их над головой с намерением, что есть силы, швырнуть оземь. Однако он не решался сдвинуться с места, страшись ступить за пределы магического круга, чем навлек на себя целый шквал издевательских насмешек.

Равана не снес позора, и между ним и ванарами завязалась буйная потасовка. Ритуальная церемония, задуманная Раваной, была сорвана. Царем демонов овладело отчаяние.

Рама тотчас же сообщили о событиях во дворце Раваны. Все ванары, а пуще всех Вибхишана, были безмерно счастливы, что их план удался. Равана же впал в мрачное уныние оттого, что не смог завершить задуманную Ягу. Однако он твердо решил не сдаваться и несмотря ни на что, продолжить сражение. Как только он покинул дворец, выехав на поле битвы, его обступили зловещие знамения. Коршуны преследовали его, норовя сесть на голову и кидаясь прямо в руки; они сбили с него царскую корону. Равана не желал замечать этих грозных предостережений. Он приказал бить в барабаны и трубить в боевые трубы. Услышав сигнал к бою, сотни тысяч ракшасов выстроились в боевом порядке, и армия двинулась вслед за вождем на смертельную схватку с врагом. Рама надел на пояс колчан со стрелами и взял свой лук. Широкоплечий и длиннорукий. Он стоял посреди ратного поля, являя собой живое воплощение красоты, великолепия и героической мощи. Боги собрались на небесах над его головой, чтобы выразить восторженное поклонение Спасителю человечества от демонических орд. Позади Рамы, собравшись в стройные ряды, замерли, готовые по мановению Его руки ринуться в атаку, несметные полчища ванаров. Как потоки воды, низвергавшиеся на землю в День Всемирного Потопа, захлестнуло обезьянье воинство армию ракшасов, полное решимости стереть противника с лица земли. С оглушительным грохотом низвергались на головы демонов скалы и горные пики. В считанные мгновения были уничтожены боевые слоны, конница и колесницы ракшасов. Тысячи тысяч воинов-демонов падали на землю. Кровь лилась рекой. Равана лишился всей своей армии. Он видел, что остался один посреди моря врагов – обезьян и медведей. Он решил прибегнуть к магическим силам, призывая их

расправиться со всеми врагами, кроме Рама. Но на то не было Воли Рама! Его Воля была такова, что куда бы ни повернулся Равана, он видел только необъятный океан ванаров во главе с двумя могучими вождями – Рамой и Лакшманой. Равана с ужасом осознал, что его колдовской трюк не удался. Тогда Рама, обратившись к ванарам, произнес сурово и властно: «Вы измучены длительной и жестокой битвой. Теперь вы можете отдохнуть. Будьте свидетелями поединка между Рамой и Раваной».

Как только прозвучали эти слова, Равана, приняв вызов, воинственно взревел и ринулся навстречу Рама. Но Рама улыбнулся и спокойно проговорил: «Остановись, глупец! Прежде послушай полезный урок, который я намерен тебе преподать. Три типа людей существуют в мире. Первые подобны дереву патали, которое пышно цветет, но не дает плодов. Такие люди предаются пустой болтовне, не прилагая ни малейшего усилия, чтобы их слова обратились в действие. Вторых можно сравнить с банановой пальмой – из их цветков вырастают плоды. Люди такого типа говорят и действуют, следуя на практике истинам, которые провозглашают. Но есть люди, подобные дереву джэк – это дерево вовсе не цветет, но дает обильные плоды. Лучшие из людей не тратят время на пустые слова, хвастовство и проповедь высоких истин; они лишь действуют, не похваляясь и храня молчание. Ты просто болтун. Твоя порочность погубила твой род и доверенное тебе царство».

Но Равана был не в том настроении, чтобы внимать нравоучениям. Он вскричал: «Кто ты такой, что смеешь учить меня?», и из его глотки полился поток грубой брани. Внезапно он прицелился и пустил в Раму целую гроздь тяжелых острых стрел. В ответ Рама выстрелил однойединственной Огненной Стрелой, и все стрелы Раваны, вспыхнув, обратились в горсть пепла. Равана схватился за другое оружие: он метал в Раму миллионы зазубренных дисков и заостренных трехконечных копий. Но надежды существа, чье сердце переполняла злоба, не оправдались. Рама поднял свой несокрушимый лук, и, как неотвратимые посланцы гибели, как крылатые кобры, стремящиеся вонзить в свою жертву ядовитые зубы, понесся прямо к Раване вихрь смертоносных стрел.

Рама заметил, что на месте каждой головы Раваны, отсеченной стрелой, вырастает другая. Даже перед лицом неминуемой смерти Равана не мог расстаться с гордыней; с торжеством безумия он бросал дерзкие вызовы Рама. Зрелище было поистине устрашающим: отрубленные головы катились по земле и хрипели: «Где этот Рама? Где Лакшмана? Где Сугрива?» Головы, оставшиеся на туловище, скрежетали зубами и источали грубые проклятья Вибхишане. Из их глоток раздавался крик: «Как не сгорел ты еще от стыда, ожидая вестей о смерти своего кровного брата, чтобы победно водвориться на его троне? Ты вовсе не герой, а трусливый монах! Ты опозорил весь род! Никто не пожелает смотреть тебе в лицо». Тем временем на месте утраченных голов успели вырасти новые, и Равана, проявляя невиданную отвагу, с бешеной яростью бросился в бой. Лакшмана, Сугрива и Ангада, наблюдая за Раваной, восхищались его доблестью. Наконец Рама решил, что нет смысла продлевать жизнь Раваны. С каждым днем приумножалось зло, наносимое им миру. Нала, Нила и другие героини-ванары забросали Равану валунами и скалами, нанося ему страшные раны. Однако сгустившиеся вечерние сумерки положили конец сражению, отложив на день его развязку.

Той ночью Триджата сидела рядом с Ситой, описывая ей ход поединка между Рамой и Раваной. Она рассказала о том, как на месте отсеченных стрелами Рама голов вырастают новые. Узнав об этом, Сита побледнела; ею овладели тоска и беспокойство. Триджата удивилась, заметив, как опечалилась Сита. Она сказала: «Ты напрасно тревожишься. Сердце Раваны озарено изнутри светом твоего образа; по этой причине и появляются новые головы». Сита ощутила радость и грусть, услышав эти мудрые слова. Триджата поспешила добавить: «Сита! Не предавайся сомнениям! Конец Раваны неизбежен. Рама одержит победу. Ведь и Рама повторяет твое имя всякий раз, как стрела летит из Его Лука; и в Его сердце всегда пребывает твой образ. Смерть настигнет Равану,

когда хоть на единый миг ты исчезнешь из его памяти. Это мгновение и решит его судьбу и совпадет с его последним вздохом».

На следующий день Равана наводнил поле битвы порождениями своего магического искусства. Все пространство кишело его творениями – жуткими призраками, оборотнями, злыми духами, вооруженными луками и стрелами. Духи в образе существ женского пола плясали вокруг, размахивая мечами и разбрызгивая кровь из черепов, как из кувшинов. Они пронзительно визжали: «Хватай!», «Руби!», «Убивай!» В какую бы сторону ни двинулись ванары, им преграждали путь высокие стены из языков пламени. Медведи и обезьяны метались в растерянности. Сверху на них сыпался густой дождь из тяжелого песка. Равана торжествующе ревел, наблюдая смятение врага. Лакшмана, Сугрива и другие вожди чувствовали себя беспомощными и безоружными. Воины страстно зывали к Рама с мольбой о помощи. Раму осаждало множество «Хануманов», сотворенных волшебной силой Раваны; каждый «Хануман» зажимал в руке огромную гору; все они норовили стиснуть Раму петлями своих длинных хвостов! Хвосты росли на глазах и извивались кольцами, достигая длины многих йоджан. Рама, невредимый и недоступный действию темных сил, стоял посреди всеобщей суматохи и кровавой резни, блистая, как раскрывшийся бутон синего цветка. Он знал, что перед ним – лишь бесплотные призраки, мистические творения Раваны. Он смеялся про себя над отчаянными попытками Раваны ввести его в заблуждение. Он выстрелил из лука, и его стрела рассекла волшебную завесу, созданную Раваной. Обезьяны и медведи увидели, как в мгновение ока исчезли чудовища и наводящие ужас призраки, и закричали от радости. Магический театр рассеялся, как туман под лучами Солнца, как только в него попала стрела Рамы. Ванары обрушили на Равану шквал огромных камней. Высоко подпрыгивая, они метали в него копья. Рама вынул из колчана острую стрелу и выстрелил прямо в Равану. Одна из его голов слетела с плеч, но на ее месте тотчас же выросла другая. Это повторялось снова и снова. Рама наблюдал забавное зрелище, и казалось, что оно веселит его. Оно напоминало ему явление, свойственное человеческой природе – жадность, следующую за успехом. Чем больше выигрыш, тем сильнее жадность и страсть умножить его! Он развлекался, воображая, что падающая голова – это выигрыш, а растущая – жадность!

Поединок между Рамой и Раваной был не сравним ни с какой другой схваткой по величайшему напряжению и ярости. Народная мудрость гласит, что океан похож только на океан, а небо похоже только на небо. Эти стихии невозможно описать, используя иные сравнения. Также и битва между Рамой и Раваной не имела себе равных. Она длилась ровно восемнадцать дней. Рама не испытывал ни малейшей усталости от сражения; для него это была только игра, простая забава! До конца четырнадцатилетнего срока изгнания оставалось еще несколько дней, и поэтому Рама мог позволить себе продлить удовольствие игры в войну.

Если Рама определил срок «финала», мог ли Равана отложить его и изменить решение Рамы? Время, отпущенное Раване, близилось к концу, и силы природы, словно сговорясь, являли дурные знамения: завывали собаки, скулили лисы, пронзительно кричали ослы. Голоса всех зверей и птиц слились в сплошной заунывный стон и плач. Огненный град сыпался с неба, и повсюду, внезапно вспыхивая, плясали языки пламени. Гулко и тяжело билось сердце царицы Мандодари. Из глаз идолов, стоящих в домах и храмовых покоех Ланки, ручьями струились слезы. По горам и долинам проносились разрушительные ураганы и смерчи. Боги, пристально следящие за этими предвестниками беды, поняли, что настало время гибели ракшасов; собравшись в небесах над полем битвы, они жаждали стать свидетелями торжества Справедливости и возгласами «Джей! Джей!» приветствовали грядущую победу.

Одним выстрелом Рама выпустил из своего лука тридцать одну стрелу. Они впились в тело Раваны, как разъяренные кобры. Одна из стрел пронзила «чашу с нектаром», таившуюся за пупком Раваны, остальные снесли с плеч все его руки и головы. Упавшие на землю части тела Раваны шевелились и подпрыгивали, извиваясь и дергаясь, словно в

кошмарном танце, но вскоре замерли, недвижимые. Равана покинул свою земную оболочку и вознесся на небеса. Стоял четырнадцатый день новолуния месяца Чайтра.

Рисунок 11 Гибель Раваны

В тот же миг с небес грянула барабанная дробь. Сияющий великолепием дух Раваны слился с Рамой. Ванары застыли, пораженные невиданным зрелищем. Они были восхищены доблестью и героизмом Рамы в битве с Раваной, длившейся восемнадцать дней. В один голос обезьяны воскликнули: «Слава Раме! Слава Раме!» Услышав о смерти Раваны, царица Мандодари без чувств упала на землю. Когда сознание вернулось к ней, она устремилась туда, где лежало мертвое тело Раваны и громко зарыдала. Убитая горем, она оплакивала трагическую судьбу, настигшую ее господина. Она бережно собрала головы Раваны и с благоговением и нежностью принялась восхвалять его былые подвиги. Она вскричала: «О мой повелитель! Ты завоевал и подчинил своей воле все творение! Владыки восьми сторон света падали к твоим ногам, моля о защите! И что принесла тебе эта слава? Какова награда за суровый аскетизм и отречение, которым предавался ты долгие годы? Тебе выпала эта ужасная доля, несмотря на завоеванное тобою могущество. Стоило тебе отвернуться от Рамы, и удар обрушился на тебя! Ты не смог победить низменный зов плоти; тот, кто становится рабом вождения, не может избежать жестокого наказания, будь он так же всемогущ, как сам бог Смерти, Кала. Слепленный похотью, ты сам навлек на себя этот страшный конец. Непреодолимая страсть привела к тому, что ты пренебрег волей Рамы, и сам стал виновником несчастья, погубившего тебя! Равана! Рама воплотился на земле, чтобы пламенем своего гнева испепелить джунгли, кишящие демонической злобой ракшасов. Как много раз пыталась я внушить тебе эту истину! Но неумолимый рок сделал тебя глухим к моим советам. Я говорила тебе, что Он – не такой человек, как все. Ты упрямо полагался на свою физическую мощь, на свой острый ум, на свои несметные сокровища и на миллионы ракшасов, послушных твоей воле. Не умоляла ли я, обнимая твои ноги, подчиниться Раме, Океану Милосердия и

спасти свое царство от уничтожения? Ты с гневом отвергал мои мольбы. Ты все больше погрязал в пороке, причиняя вред другим, и это было то единственное, что доставляло тебе удовольствие. Ты не заботился о благе своих подданных. Тобой завладели греховные помыслы, и ты претворял их в нечестивые деяния! Несмотря на это. Рама удостоил тебя благословения, и твой дух слился с Ним! Какое великое милосердие Он проявил! Ты погиб от Его руки, а лишь немногие заслужили это счастье! Но ведь Рама пришел в этот мир специально для того, чтобы уничтожить тебя! Но прямая дорога к истреблению ракшасов была вымощена самим их владыкой! Это ли величайшее достижение, которое обесмертит твое имя? Это ли высочайшее проявление твоей мощи и способности к защите? Это ли есть конечная цель, к которой ты стремился, предаваясь самоотречению? Рама! Ты ведь совершил это, чтобы доказать, что никому не избежать последствий своих поступков? Ты явил миру высочайший пример действия этого вечного закона. Бедствие, которое навлек на себя Равана, должно послужить нам всем великим уроком». Царица долго и безутешно рыдала над мертвым телом своего господина.

Наделенная мудростью, Мандодари осознала, что Рама – Сам Парабрахман, Вселенский Сверхдух, Абсолют. Боги, глядящие на нее с небесных высот, возликовали, видя, что в столь тяжкую минуту царица не утратила ясности мысли и чувства истины. Вибхишана тоже был тронут жалобными и горькими словами Мандодари. Он понимал, насколько верны ее мысли и чувства. Рама и Лакшмана подошли к Вибхишане, чтобы утешить и успокоить его. Они сказали ему, что пришла пора приступить к погребальным обрядам по случаю гибели брата. Подчиняясь приказу, Вибхишана сотворил ритуал, предписанный Ведами после смерти близкого родственника, в надлежащем месте и строго соблюдая детали церемонии. Мандодари и другие женщины приступили к омовению тела водой, освященной мантрами и кунжутным орехом. Обряд кремации, возглавляемый Вибхишаной, был проведен безупречно, в строгом соответствии с правилами. Ничто не нарушило и не осквернило торжественного хода церемонии. Рама ни на шаг не отходил от Вибхишаны, поддерживая его дух и облегчая горе. Он сказал, что Равана был убит в тот момент, когда сбылись зловещие пророчества, нависшие над ним под тяжестью его собственных грехов, и поэтому нет причин оплакивать его смерть. ?

Рама призвал к себе Лакшману, Сугриву, Джамбавантху, Ангаду и попросил их проследовать в столицу Ланки вместе с Налой, Нилой и другими вождями для проведения церемонии коронации Вибхишаны. Он велел им отправляться немедленно, так как до истечения срока изгнания, назначенного отцом, остался лишь один день. Но Вибхишана протестующе воззвал к Рама: «Зачем мне нужно это царство? Прошу тебя, удостой меня вечного пребывания у Твоих Лотосных Стоп», – умолял он. «С этого дня Ланка принадлежит тебе; пусть она станет для тебя частью Айодхьи», – продолжал настаивать на своем Вибхишана. Но Рама не согласился с ним. Он напомнил Вибхишане о законах и принципах управления державой и объявил, что его решение непоколебимо. Тогда Вибхишана взмолился, чтобы сам Рама благословил обряд и своими руками вручил ему царство. Но Рама ответил: «Это невозможно. Я следовал воле отца, выполняя данный ему обет, тринадцать лет, одиннадцать месяцев и двадцать девять дней. Могу ли я нарушить его в самый последний день? Как он того пожелал, я нахожусь в изгнании, а это значит, что я не имею права войти в ворота города или любого другого мирского поселения. И тебе известно это правило». Сказав это, Рама благословил Вибхишану и велел Лакшмане отправляться в столицу, чтобы утвердить на троне Ланки нового правителя. Склонив голову в знак повиновения приказу, Лакшмана, Сугрива, Ангада, Нала, Нила и другие вожди пустились в путь и вскоре достигли царского дворца. Они водрузили корону на голову Вибхишаны и начертали на его лбу особый знак, символизирующий право властвовать. Вибхишана опустился на колени перед сборищем ванаров и, памятуя об их дружеской поддержке и помощи, обещал им достичь истинной цели своей жизни, следуя их примеру и черпая силы в их доброте и участии. «Я буду править этой землей от имени Рамы; я не считаю ее своей. Я уже посвятил всего себя Рама».

Он глубоко страдал, вспоминая о жестокости и беспощадности Раваны и его сыновей к воинству ванаров; но он утешал себя мыслью, что все, что случилось, было лишь игрой Высшей Воли – Рамы. Вскоре вся процессия вернулась к Рама и смиренно простерлась у Его ног.

Рама позвал Ханумана и сказал ему: «О Хануман, Несравненный герой! Ступай на Ланку и исполни еще одно мое поручение: расскажи Сите обо всем, что случилось, и принеси мне подробные вести о ее самочувствии». Выслушав приказ, Хануман немедленно отправился в столицу Ланки и, найдя Ситу в Ашоковой роще, упал к ее святым стопам. Она тотчас же спросила: «Как Рама? Как Лакшмана? Невредимы ли они и их обезьянье воинство? Скажи мне, счастлив ли и здоров ли Рама – Океан Милосердия?» Хануман отвечал, почтительно сложив руки и склонив голову: «Рама здоров и поистине счастлив. Он убил Равану и назначил Вибхишану постоянным правителем этой земли». Сита была рада услышать весть о победе Рамы и крушении Раваны; ее лицо просияло от счастья; ее сердце затрепетало от восторга, и из глаз брызнули слезы. Она сказала: «О Сильнейший из ванаров! Как отблагодарить мне тебя за то, что ты принес лучшую из вестей? Что может быть драгоценнее тех утешительных слов, которые ты только что произнес?» Хануман ответил: «Мать! Блаженство, которое ты излучаешь, прекрасный цветок твоей радости – вот те бесценные дары, которые не сравнятся с сокровищами трех миров. Разве мог я мечтать о большем? Можно ли желать лучшей награды, чем стать свидетелем победы Рамы, увидеть счастливые лица обоих братьев?» С этими словами он вновь простерся у ног Ситы. Она сказала: «О Достойнейший среди ванаров! Все эти десять месяцев я страдала от боли разлуки с Рамой и не слышала и не знала, что происходит во внешнем мире. Я не ведаю, какой нынче день недели, какая половина месяца – темная или светлая, и какой по счету день наступил! Каков бы ни был этот день, он принес мне самую благую и долгожданную весть; поэтому я нарекаю его Днем Мангалы, что означает день, несущий Мангалу, то есть благодать и веселье. Пусть этот день станет священным, и пусть тебя, достойного хвалы в любой из дней, особо почитают в этот день как Вестника Победы». (То был четверг, но Сита не знала об этом). Хануман упал к ногам Ситы и замер, сложив руки в благоговении.

Тогда Сита взмолилась: «О Хануман! Подари мне счастье встречи с Воплощением Красоты и Милосердия, с моим Господином, Рамой. Ведь ты не забыл, что вся эта война, погубившая столько жизней, вспыхнула ради моего спасения, ради того, чтобы вернуть меня к моему Повелителю? Прошу, забери меня отсюда поскорее, чтобы я могла припасть к Лотосным Стопам Рамы,» – жалобно молила Сита голосом, полным тоски и муки. Хануман был не в силах видеть ее страдающей, поэтому он взмыл в небо и одним прыжком очутился рядом с Рамой. Он рассказал ему обо всем, что произошло в Ашоковой роще. Рама повелел Ангаде и Вибхишане возглавить процессию на Ланку, чтобы со всеми почестями доставить к Нему Ситу. Верные слуги Рамы отправились в Ашокавану, где так долго томилась в плену Джанаки. Вибхишана распорядился, чтобы Сита совершила омовения, облачилась в роскошные шелковые одежды и украсила себя драгоценностями. Но Сита отвергла его предложение. Она возразила: «Рама – моя самая драгоценная жемчужина; я не нуждаюсь в иных украшениях. Увидеть Его – то очистительное омовение, которое доставит мне наивысшую радость. Смиранный поклон у Его Ног для меня ценнее, чем дорогие шелка. Я не желаю прикасаться к тому, что находилось во владении Раваны». Вибхишана был потрясен глубиной ее чувства. Он велел служанкам с почтением выполнять все желания Ситы, и они ответили ему, что единственное, чего жаждет Сита – это Даршан своего Господина.

Вскоре слуги принесли паланкин, куда усадили Ситу. Ванары несли его на своих плечах. Скачущие от восторга воины-обезьяны и женщины-ракшасы, оставшиеся в живых, столпились вдоль улиц города, приветствуя Ситу. Они вставали на цыпочки, подпрыгивали и вытягивали шеи, стараясь придвинуться поближе, чтобы яснее увидеть ее. Но Сита не поворачивала головы и не глядела по сторонам; она склонила голову,

целиком отдавшись одной-единственной мысли – о Раме. Когда паланкин был недалеко от лагеря ванаров, Сита сошла на землю, ибо чувствовала, что должна приблизиться к Господину сама, тихой и смиренной поступью. Медленно двинулась она к Рама, и, когда между ними осталось лишь несколько шагов, стоящие по обе стороны ее пути ванары пали к ее ногам, восклицая: «Джей, джей Сита Рам!» Она была уже совсем рядом с Ним, но в этот момент Рама внезапно объявил, что не может принять ее прежде, чем она пройдет Испытание Огнем!

При этих словах Рама воцарилась мертвая тишина. Ванары остолбенели от отчаяния, но, не смея возражать Господину, угрюмо разбрелись в разные стороны, чтобы собрать сухие поленья и прутья – топливо, необходимое для поддержания огня во время Огненного Ритуала. Тем самым ванарам, которые с легкостью несли на своих плечах скалы и горы, как до начала войны, так и во время сражения, тяжким грузом казались теперь сухие прутья, ибо сердца их отяжелели от мысли, что Сите предстоит пройти через новую пытку! Конечно, Рама знал, что честь Ситы не может быть запятнана, что она – само воплощение добродетели. О том, что испытание огнем необходимо лишь для того, чтобы весь мир убедился в чистоте Ситы, знали и Вибхишана, и Ангада, и Сугрива. Скрытый же смысл обряда состоял в том, что Шакти, которой на самом деле являлась Сита, заключалась и хранилась в Огне со времени ее ухода из джунглей Дандака. Сита, томящаяся на Ланке, была всего лишь телом;

Шакти, или Животворная Сущность, пребывала в Огне, оберегаемая самим Огнем. Теперь Сите предстояло пройти через Огненный Ритуал, чтобы восстать из пламени истинной Ситой – воплощенной Шакти.

Сита с радостью ожидала начала Обряда, который объявит всему миру о ее чистоте и незапятнанной чести. Она была счастлива, наблюдая, как разгорается пламя костра. Лакшмана, однако, не мог пересилить свою скорбь, ибо ему самому было поручено возглавлять церемонию. Сита ласково утешала и вразумляла его: «Лакшмана! В день моей свадьбы брамины разожгли Огонь, чтобы освятить церемонию. Сегодня Огонь даст мне второе рождение и вновь освятит мое бракосочетание с Господином, Рамой. Следи за тем, чтобы огонь пылал ярче – это будет то лучшее, что требуется от тебя». Лакшмана, чье сердце так долго томилось состраданием к горю Ситы во время разлуки и сочувствием ее желанию вновь оказаться рядом с Рамой, не мог сдержать слез. Он был растроган ее приверженностью истине, ее стремлением к справедливости, ее мудрой оценкой ситуации. Он молча плакал, в благоговении сложив руки и опустив голову. У него не было слов, чтобы выразить свои чувства. Не сводя глаз с Рама, он возводил костер, складывая ветку на ветку; он зажег огонь, и вверх взметнулись языки пламени. Сита ликовала, увидев, как ярко вспыхнул костер. В ее душе не было и следа страха. Она подошла совсем близко к огню и произнесла: «О Принимающий святые дары! Ни мыслью, ни словом, ни действием я ни на шаг не отступала от верности Рама, моему Повелителю. О Великий Очиститель! Ты обитаешь в сердце каждого живого существа. Стань для меня таким же прохладным и освежающим, как сандаловая паста!» Она склонилась перед Рамой и вступила в Огонь. Как Бог Океана Молока породил Лакшми и подвел ее к стопам Бога Вишну, так Бог Огня Агни явился в образе брамина и, держа за руку истинную Ситу, преподнес ее как дар, подведя к стопам Рама. Стоя по левую руку Рама, она сияла, как золотая лилия рядом с распустившимся голубым лотосом. Сборище богов, сверху следящее за Ритуалом, выразило свой восторг, затрубив в небесные трубы и забив в барабаны.

Вибхишана поспешил в город и вернулся назад в летающей колеснице Пушпака с одеждами и драгоценностями, достойными богов. Он положил их к ногам Рама. Рама попросил Вибхишану подняться на колеснице высоко в небо и осыпать народ, живущий на этой земле, дождем ценных даров. Вибхишана сделал так, как было приказано. Ванары жадно хватили все, что попадало им под руку. Им казалось, что драгоценные рубины – это красные сладкие фрукты; пробуя их на зуб и обнаруживая, что это всего лишь камни, они с отвращением отбрасывали их прочь. Рама и Сита веселились от души и добродушно

смеялись. Обезьяны и медведи нацепили на себя роскошные одежды, которые им удалось поймать, и, полные признательности, спешили показаться Рама. Облаченные в яркие разноцветные платья, они плясали в экстазе вокруг Рама и Ситы. Рама, высоко оценивший их самоотверженную помощь, приветливо обратился к ним: «О ванары! Благодаря вашей доблести и отваге я смог одолеть Равану и возвести на престол Ланки Вибхишану. Теперь вы все можете возвращаться домой. Я навсегда останусь с вами. Отныне вам нечего бояться». Одним движением руки, полным милосердия, Рама успокоил их сердца. Он обещал им вечную защиту, заверив их, что у них не будет больше причин для тревоги и никакая беда не коснется их. Ванары были полны благодарности Рама за Его любовь, излившуюся на них так щедро; в их умах воцарились покой и безмятежность; они стояли перед Ним, смиренно сложив руки на груди. «Господин! – говорили они, – Твои слова созвучны Твоему могуществу; они смущают и зачаровывают нас. Мы лишь слабые безвольные создания; Ты – наш Хранитель и Защитник. Ты правишь тремя мирами. Смеет ли муха объявить, что помогла орлу? Может ли крошечный светильник затмить свет Солнца?» Ванары упали к ногам Рама, и из их глаз хлынули слезы.

Обезьяны и медведи знали, что должны подчиняться приказу Рама, как бы ни велико было их желание никогда не расставаться с Ним. Они пустились в обратный путь, печальные и счастливые одновременно, лелея в сердцах образ Рама и обращая к Нему благодарственные молитвы за Его щедрые благословения. Нала, Сугрива, Хануман, Вибхишана и другие вожди не смели давать волю своим чувствам. Они стояли молча, не сводя взоров с лица Рама, стараясь не поддаваться отчаянию. Оценив глубину их любви и привязанности. Рама усадил их рядом с собою в летающую колесницу Пушпака, ждущую его, чтобы тронуться в путь.

Глава 29 Счастливая Айодхья

Пушпака взмыла в небо и развернулась в сторону севера. Когда колесница поднялась в воздух, на земле началась великая кутерьма; толпы ванаров разразились громоподобным «Джей – слава Рама! Слава Сите! Слава Рама и Лакшмане!» Внутри колесницы был воздвигнут высокий трон, украшенный искусной резьбой. На него сели Рама и Сита. Мчащаяся в поднебесье Пушпака казалась снизу окутавшей вершину пика Шумеру синей тучей, озаренной вспышкой молнии. Когда они пролетали над полем минувшей битвы, Рама сказал Сите: «Здесь Лакшмана, сражаясь с Меганадой, одержал верх и убил его». Он показывал ей другие места на земле, отмеченные знаками великих побед и подвигов. Сита увидела мост через океан, возведенный ванарами; Рама описывал ей великий героизм, преданность и веру, проявленные обезьяньим воинством. Вскоре воздушная колесница достигла джунглей Дандака. Рама попросил возникшего приземлиться у святых обителей Агастьи и других мудрецов. Вместе с Ситой, Лакшманой, Вибхишаной и вождями ванаров Он посетил святых старцев, чтобы выразить им свое почтение. Попрощавшись с ними, Рама вновь взошел на колесницу, велел возникшему спуститься на землю у горы Читракута. Простершись в смиренном поклоне перед мудрецами, обитающими там. Он вновь взмыл ввысь и показал Сите промелькнувший внизу город Кишкиндху. Хотя Пушпака неслась с огромной скоростью, Рама успел привлечь внимание Ситы к священным рекам – Ямуне и Ганге. Сита послала мысленный поклон божественным потокам; через несколько мгновений они увидели знаменитый, тройне священный Прайяг – место слияния Ямуны с Гангой. Их взгляду на миг открылась даже прекрасная Айодхья, мелькнувшая вдалеке.

Предводитель племени Нишадов Гуха, страстно мечтавший о возвращении Рама, а также его брат и супруга, заметили летящую в небе колесницу; в тот же миг, в знак смиренной признательности, они распростерлись на земле. И – о чудо! Пушпака

приземлилась именно в этом месте! Гуха бросился вперед и упал в ноги Рама. Поток слез струился из его глаз. Он не мог сдержать своего восторга: в порыве экстаза, рвущегося из сердца, он вскочил и прижал Раму к груди! Сита, Рама и Лакшмана осыпали благословениями вождя Нишады. Затем все трое совершили омовение в священной реке и попросили Гуху подготовить паром для переправы через Гангу. Пушпака, божественная небесная колесница, принадлежавшая Кубере до того, как Равана присвоил ее, была отправлена назад к своему законному владельцу.

Шел последний день изгнания, который Сите, Рама и Лакшмане предстояло провести вне пределов городов. Поэтому Рама поручил Хануману принять обличье брамина и отправиться в Айодхью. Хануман немедленно исчез. Тем временем Рама, Сита, Лакшмана и все те, кто сопровождал их в пути, двинулись к обители Бхарадваджи и с радостью приняли его благодарности и гостеприимство. Хануман нашел жителей города худыми и истощенными, унылыми и павшими духом. Они морили себя голодом, ибо утратили вкус к пище с тех пор, как Рама покинул Айодхью. По всему городу разносились горестные стоны и рыдания. Никто не мог выйти из дому, чтобы помочь соседу и ближнему и подбодрить его, так как все были настолько слабы, что не имели ни желания, ни возможности помогать и подбадривать друг друга. Но лучи надежды уже озарили столицу – они исходили от Ханумана, несущего добрую весть. Бхарата ощутил благоприятные знаки счастливого события: у него подергивалось правое веко и дрожала правая рука. Он предвкушал долгожданный миг – получение известия о прибытии Рама в Айодхью. Он горевал, что должен пройти еще один долгий день, прежде чем завершится срок изгнания, и беспокоился о том, что Рама до сих пор не послал гонца с вестями о своем местопребывании. Он твердил сам себе о том, какая счастливая судьба выпала Лакшмане – все четырнадцать лет находиться рядом с Рамой, в постоянном служении Его Лотосным Стопам. «Мой Господин оставил меня в этом городе, потому что я жалкий лицемер. Мой Господин – Сама мягкость и нежность. Он добрый и близкий друг всем поверженным и угнетенным. Он – само сострадание. Он непременно должен прийти завтра», – так утешал себя Бхарата.

Внезапно он заметил приближающегося к нему брамина – то был Хануман, несущий благую весть. У Ханумана сжалось сердце, когда он увидел Бхарату. Его тело исхудало и истощилось, превратившись в кожу и кости. Он был измучен тревогой. Его волосы были всклокочены и спутаны. Его глаза превратились в неиссякаемые озера слез. Он безостановочно повторял имя Рама. Хануман затрепетал от восторга при виде этой самоотверженной души. От экстаза, охватившего его, шерсть на его теле встала дыбом! Его мысли, обгоняя друг друга, помчались в разных направлениях. Однако он вспомнил о своей миссии и выпалил драгоценную новость, которую, как волшебный бальзам, жаждали принять уши Бхараты. «Бхарата! Тот, с кем ты был разлучен. Тот, без кого ты тосковал дни и ночи, отказываясь от еды и питья, Тот, чьи достоинства и могущество ты воспевал и превозносил все эти годы, Тот, кто защищает богов и святых мудрецов, заботясь об их безопасности, Тот, кто несет правду и справедливость всем трем мирам – Он, Рама, одержал победу над врагом, и во славу Его боги поют хвалебную Песнь».

Как человек, страдающий от мучительной жажды, испытывает радость и облегчение при виде воды, так душа Бхараты наполнилась счастьем, когда он услышал слова Ханумана. Он не мог поверить, что наяву слышит эти слова и воочию видит существо, произносящее их. Но он сумел убедить себя в реальности происходящего. «Это не может быть поосто иллюзией! Но кто же этот человек, принесший добрые вести?»

«Откуда ты пришел?» – вслух спросил он незнакомца, обнимая его с благодарностью. Хануман ответил: «О Бхарата! Я Хануман, сын Вайю, бога Ветра. Ты, похоже, забыл меня. Я тот самый ванара, который нес гору Сандживи и упал с неба на землю к твоим ногам. Я раб Лотосных Стоп Рама».

Услышав этот ответ, Бхарата почтительно поднялся, испытывая огромную радость и облегчение. С уважением склонив голову, он сказал:

«О вождь ванаров! Ты рассеял мою скорбь! Один взгляд на тебя вселил покой в мое сердце. О! Как я счастлив! Я увидел сегодня посланца Рамы!» Он еще долгое время изливал словами нахлынувшие чувства. «Надеюсь, мой Рама бодр и счастлив? Как чувствует себя моя госпожа, Сита? Хануман! Как выразить тебе мою признательность? Что дам я тебе взамен? Каким сокровищем, равным по драгоценности, смогу я отблагодарить тебя? Я навеки останусь перед тобою в неоплатном долгу; я не представляю, как и чем оплатить этот долг! Где же сейчас Рама? В каком месте он остановился? Расскажи мне о его подвигах, которые увенчались победой,» – умолял Бхарата с нескрываемым нетерпением. Хануман был потрясен преданностью и глубиной самоотречения Бхараты. Он упал к его ногам, выражая свое восхищение. Он сказал: «Бхарата! В настоящее время Рама уже совсем недалеко от Айодхьи. Ты скоро увидишь Его. Деяния и подвиги Рамы невыразимо прекрасны! Ты знаешь это. Рама же постоянно вспоминал о тебе. Его собственными устами – устами Владыки трех миров – было сказано, что в целом свете нет брата, равного тебе по чистоте сердца, остроте ума и наделенного столь высокими добродетелями! Можно ли отрицать Его слова?»

Бхарата пришел в восторг, услышав признание Ханумана. «Это правда, что Рама так говорил обо мне? О! Какой я счастливец!» – воскликнул он и нежно обнял Ханумана. Хануман объявил, что не может медлить более с возвращением к Рама. Он попросился с Бхаратой и, мигом оказавшись у ног Рама, поведал Ему обо всем, что видел и слышал.

Бхарата немедленно занялся приготовлениями; не было такого мгновения, когда обе его ноги одновременно касались земли! Целиком отдавшись заботам, он весь был – движение. Он примчался в Айодхью из Нандиграмы и поспешил к наставнику, Васиштхе. Выразив мудрецу свое почтение, он сообщил ему о скором прибытии Рама. Затем он бросился в покои цариц и объявил трем Матерям, что Рама, Сита и Лакшмана возвращаются в столицу. Каушалья, Сумитра и Кайкеи тут же вскочили со своих мест; их захлестнула волна радости. Бхарата распорядился, чтобы по всему городу послали гонцов – глашатаев доброй вести. И эта весть разлетелась со скоростью молнии, коснувшись ушей всех жителей Айодхьи. Дети, старцы, мужчины и женщины бежали в разные стороны, во весь голос крича о долгожданном событии.

Бхарата собрал мудрецов, ученых, наставников, старейшин, а также четыре рода царского воинства и в сопровождении Шатругны, трех цариц и министров во главе с Сумантрой выступил навстречу Рама. В эту минуту Рама, приближаясь к Айодхье, рассказывал ванарам и Вибхишане о небывалой красоте города. Он говорил: «О Сугрива, Ангада, Вибхишана! Айодхья – священный город! Это прекраснейший из городов!» В разгаре его оживленной и страстной речи, превозносящей великолепие Айодхьи, на дороге появился Бхарата в окружении цариц и Шатругны, а за ними – огромная процессия, которую замыкало марширующее в боевом порядке воинство! Как Океан в приливе радости вздымает волны навстречу осенней луне, так жители Айодхьи испустили единый счастливый вздох при виде Рамачандры, Рама-Луны. Волны людского ликования вздымались до небес. Охваченные экстазом восторга, матери прижали Рама к груди и забыли обо всем на свете, окунувшись в океан счастья. Сита, Рама и Лакшмана упали к ногам матерей – радость всех шестерых не знала границ. Рама обнял Бхарату; огорченный его изможденным видом, он с любовью приласкал и утешил брата. Он всенародно объявил, как высоко ценит стойкость и преданность Бхараты, превознося его искреннюю любовь к людям. Сита, Рама и Лакшмана простерлись ниц перед мудрецами – Васиштхой, Джабали, Вамадевой и другими святыми, кого встречали на пути. Даже самые суровые из аскетов не смогли сдержать слез радости воссоединения с Рамай.

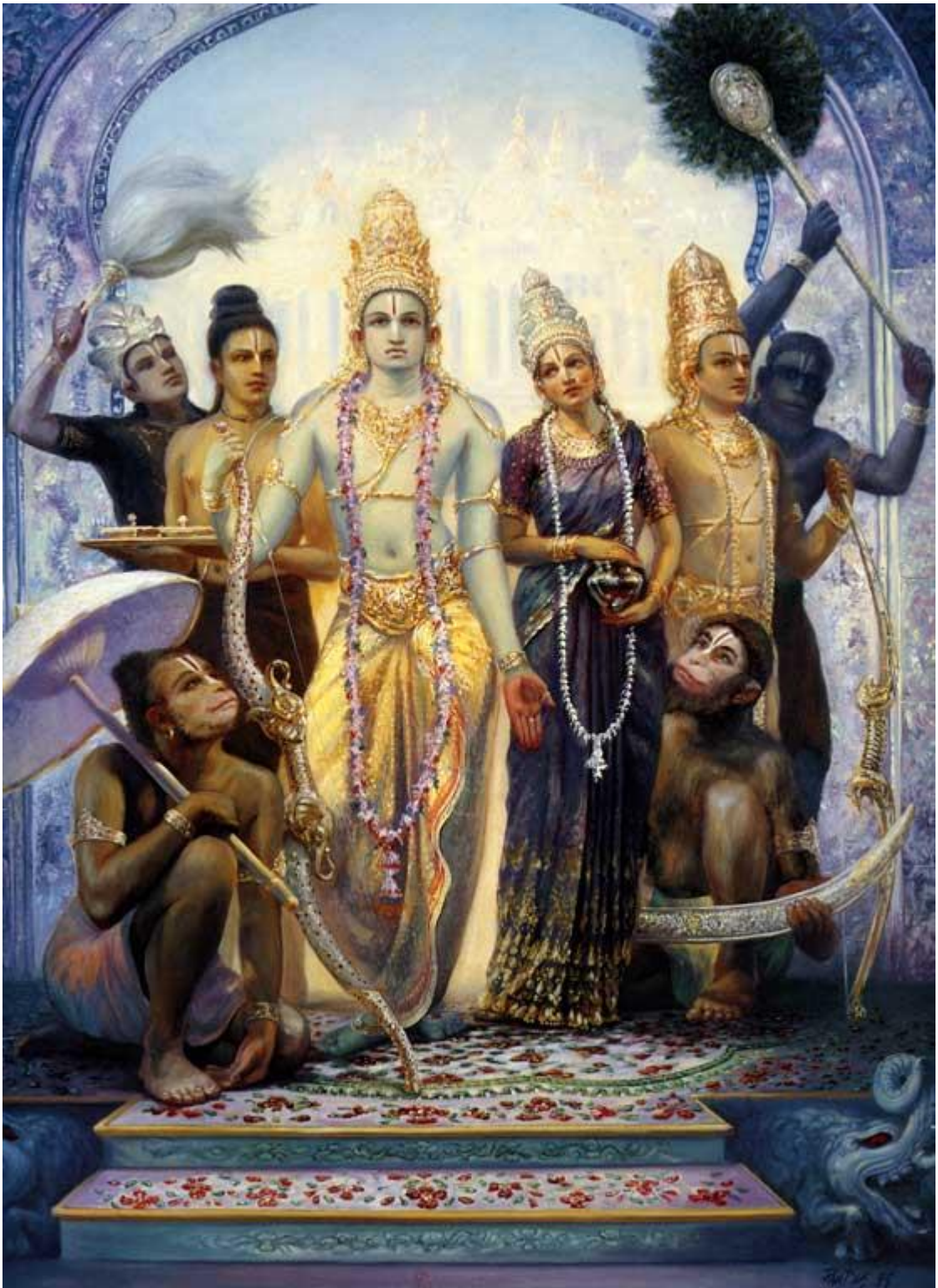

Рисунок 12 Возвращение Рамы в Айодхью

Пандиты – знатоки Вед хором вознесли голоса к небу, призывая благословения традиционными гимнами: «Да сопутствует тебе победа многие сотни лет! Здравствуй и процветай многие сотни лет!» Бхарата и Шатругна распластались на земле у ног Рамы в знак смиренного поклонения. Хотя Рама настойчиво просил их подняться, они не могли заставить себя оторваться от Его Лотосных Стоп. Раме и Лакшмане пришлось применить дружеское усилие, чтобы поставить их на ноги. С пылкой любовью бросились братья в объятия друг друга, проливая слезы счастья и облегчения при виде родных лиц. От восторга, переполнявшего их души, красота принцев расцвела с редчайшим

великолепием. Они сияли как воплощения физического совершенства и очарования. Печаль разлуки уступила место радости соединения. Все четверо погрузились в океан блаженства.

По случаю великого праздника Сугрива, Пала, Нила, Ангада и Хануман сменили обличья, придав себе праздничный вид. Горожане изумлялись и ликовали при виде столь ослепительной свиты Рама. Они превозносили Бхарату, мужественно прошедшего многолетнюю школу сурового аскетизма, давшую богатые плоды: совершенство его добродетели. Рама был восхищен верой и преданностью жителей столицы. Он подозвал всех ванаров и Вибхишану, чтобы представить их братьям и святым наставникам. Когда он подвел своих спутников к царицам, проговорив «Это мои матери», ванары упали к ногам троих женщин со словами: «О, какая редкая удача выпала нам! Мы видим матерей, породивших Самого Бога! Поистине вы достойны высочайшего поклонения. Мы милостиво просим вашего благословения».

Каушалья ответила им: «О ванары! Вы так же дороги мне, как мой собственный сын Рама. Пусть Рама никогда не забудет вас. Навеки пребудьте под его защитой». После этого, весело и оживленно переговариваясь, все взошли на приготовленные для них колесницы и двинулись к городу.

Перед каждым домом стояли золотые кувшины, наполненные, согласно традиции, окрашенной водой. Вдоль крыш домов и улиц развевались яркие флажки. Лица людей, еще день назад блеклые и поникшие от печали, как лотосы в холодном свете луны, теперь, когда Рама снова был с ними, расцвели красотой и свежестью, как лотосы на утренней заре. Они сияли, излучая притягательную прелесть! Небеса откликнулись звонким эхом на радостные и победные возгласы. Колесница, несущая Раму, въехала в Айодхью. Толпы людей взорвались криками восторга и торжества. Ритуальные светильники в руках преданных, которыми они размахивали, когда Рама проезжал мимо, блистали как звезды, и казалось, что сам небосвод со светилами упал на землю. Улицы были омыты душистой розовой водой.

Из окон и галерей на движущуюся по городу колесницу Рама сыпался дождь цветов. Экстаз, овладевший горожанами, перешел все границы. Тысячи людей, наводнявших улицы, черпали великую радость в долгожданном зрелище: Рама и Сита, сидящие рядом, а вместе с ними – три брата и три матери! Люди поздравляли друг друга, что им посчастливилось дожить до этого сладостного мига и благодарили судьбу за бесценный дар. Когда колесницы достигли ворот дворца, женщины и мужчины – служители внутренних покоев, вышли навстречу, чтобы совершить традиционные ритуалы приветствия и омовения ног.

Глава 30 Коронация

Как только Рама переступил порог дворца, Васиштха, царский наставник, объявил дату Коронации Рама как Владыки престола Айодхьи. Он подробно объяснил, каковы причины, побудившие его выбрать именно этот день как наиболее благоприятный для величайшего события. Для участия в церемонии, предписанной Ведами, были приглашены все пандиты и придворные жрецы. Они одобрили решение Васиштхи, провозгласив в один голос, что «коронация, проведенная в строгом соответствии Слову Вед, обеспечит мир и процветание всему человечеству».

Васиштха призвал Сумантру и обратился к нему с просьбой:

«Распорядись, чтобы все четыре рода царской армии – пехота, конница, боевые слоны и колесницы – собрались у стен Айодхьи и были готовы проследовать в город в день Коронации». Сумантра пришел в восторг от этого поручения. Благодаря его стараниям, все четырехфланговое войско было собрано в надлежащем порядке. Богато

украшенные слоны, лошади и колесницы стройными рядами подступили к столице и остановились за воротами города. Облаченные в праздничное обмундирование, всадники и пешие воины стояли не шелохнувшись, готовые по первому зову прошествовать в город. Во все стороны разослали гонцов с заданием доставить в Айодхью все необходимые для ритуальных обрядов атрибуты. Столица кипела от радостного предвкушения. Жители, соревнуясь друг с другом, превзошли самих себя в красоте убранства домов и улиц. Людям не хватало глаз, чтобы вобрать великолепие праздничной Айодхьи.

Рама проявлял особое внимание к своим спутникам, сопровождавшим его до Айодхьи – к Вибхишане, Сугриве, Нале, Ниле и другим ванарам. Он приказал предоставить им удобные жилища и следить за их нуждами с неусыпной заботой. Дворцовые слуги бросились выполнять поручение Рама и сделали все возможное для полного благополучия почетных гостей. Рама послал за Бхаратой и собственными руками расчесал его спутанные волосы, к которым Бхарата, следуя законам аскетов, не притрагивался долгие годы. Трое братьев присутствовали при омовении Бхараты, обливая его освященной водой из кувшинов. Затем Рама получил согласие Васиштхи расчесать спутанные пряди своих собственных волос и совершить омовение согласно ритуалу. В это время царицы-матери участвовали в омовении Ситы. Они осторожно распутали и уложили ее длинные волосы, помогли ей облачиться в желтые шелковые одежды и надели на нее драгоценные украшения. Царевна Митхилы сияла как Богиня Лакшми. Сита направилась в зал, где находился Рама и заняла место по левую руку от своего Господина.

Трое матерей испытывали высшее блаженство, глядя на сидящих рядом Раму и Ситу. Они думали: «Не этот ли день самый счастливый в нашей жизни? Сегодня мы поняли, что наша жизнь прожита не напрасно. Сегодня сбылось наше сокровенное желание. Сегодня наши глаза упиваются зрелищем, которое жаждали увидеть всю жизнь». Они потеряли ощущение собственного тела и окружающей действительности и, любуясь Рамой и Ситой, видели в них Бога Нараяну и Его Божественную супругу, Лакшми. Волна чувств захлестнула сердце великого мудреца Васиштхи, когда он увидел сияющий великолепием Лик Рама. Его охватил безграничный восторг при виде божественного света, исходящего от Его облика. «Сегодня я достиг цели, к которой шел столь долгим путем», – так думал Васиштха и, сосредоточившись на этой высшей радости, погрузился в молчание блаженства. Через некоторое время он окликнул слуг и велел им внести Великий Трон и установить его в Зале для Коронации. Это был Трон, украшенный редчайшим самоцветом, который сиял словно солнце, испуская ослепительный блеск.

Рама простерся ниц перед Васиштхой и другими мудрецами и упал к ногам матерей. Потом он склонился перед всем собранием старейшин и почтенных граждан, а после этого взошел на Трон. Следом за ним села на Трон Сита. Присутствующие в зале возликовали, увидев эту картину, полную величия и славы. Сердца лицезреющих ее риши, пандитов, министров, преданных спутников Рама и почетных жителей города наполнились радостью и благодарностью. Брамины хором запели ведийские гимны, предписанные по случаю великого события. Народ разразился приветственным «Джей, джей!» – таким громким и частым, что небо содрогнулось от страха упасть на землю. Стоял седьмой день убывающей луны месяца Вайшакх. С разрешения всего собрания и согласно воле браминов Васиштха сделал надрез вокруг брови Рама – знак и атрибут царской власти.

Каушалья, царица-мать, не могла оторвать взора от Рама. Она чувствовала себя несказанно счастливой. А как описать радость братьев – Лакшманы, Бхараты и Шатругны! Ее невозможно выразить словами. Как преданные слуги Рама, стояли они позади Трона, держа над головой своего Господина белый балдахин и обмахивая Раму опахалами. Воистину, этот момент наивысшей радости был достойной наградой за долгие годы покаяния и верного служения! Боги в поднебесье выбивали победную барабанную дробь; небесные певцы хором грянули:

«Аллилуйя!»; небесные танцоры закружились в ликующем танце. Герои-ванары – Сугрива, Ангада, Хануман, Джамбаван, Нала, Нила, Дадимука, Двивида, Майнда, вооруженные луками и стрелами, саблями и копьями, застыли по обе стороны Трона в позах почтительного смирения.

Рама с сидящей по левую руку Ситой олицетворяли собою миллионы Манматх (Манматха – Бог Любви), слитых воедино. Боги были очарованы красотой Владыки династии Рагху. Рама был облачен в шелка, переливающиеся золотом; в ушах у него блистали серьги с драгоценными камнями; запястья и щиколотки были украшены браслетами, черпавшими свою прелесть в волшебном-прекрасном облике Рама. Все три мира ликовали, приветствуя торжественное событие и величие Рама. Свидетели этой сцены были поистине счастливейшими из живущих!

Вибхишана выступил вперед и преподнес Сите ослепительное ожерелье из драгоценных камней, которое сам бог Моря подарил Раване. Сита приняла дар. Все были поражены, увидев это редчайшее сокровище, осветившее весь зал своим блеском. Но Сита, держа ожерелье в руке, бросила вопросительный взгляд на Рама. Рама знал, что происходит в ее душе. Он сказал: «Сита! Ты вольна предложить его любому, кто заслуживает твоей милости». Не раздумывая ни секунды. Сита обратила взор к Хануману. Встретив этот взгляд, полный милосердия и симпатии, Хануман встал перед Ситой, склонив голову в великом смирении. Сита вручила ожерелье Хануману. Хануман повертел его в руках так и эдак, и алмазы вспыхнули так ярко, что гости замерли, не спуская глаз с диковины. Хануман же, проявляя нескрываемое любопытство, пытался определить, в чем необычность и ценность подарка. Отрывая бусину за бусиной, он пробовал их на зуб, прикладывал к уху и наконец, с лицом, выражающим полное разочарование и отвращение, швырнул рассыпавшееся ожерелье на пол! Онемев от изумления, все неотрывно следили за его странным поведением. В зале воцарилась мертвая тишина. Пока все ожерелье до последней бусины не было разорвано столь варварским способом, никто не посмел вмешаться и выразить свое возмущение. Народ лишь тихо перешептывался: «Кто эта обезьяна, позволяющая себе подобное обращение с бриллиантовым ожерельем, с такой любовью и с таким великодушием дарованным Ситой?» – такие слова слетали с губ почетных гостей.

Даже Вибхишана сильно огорчился, увидев, как бессовестно надругался Хануман над его бесценным даром. «Он разорвал его на куски и вышвырнул все камни», – твердил он сам себе. У каждого, кто сидел в зале, вертелись в голове всевозможные догадки по поводу странного поведения обезьяны. В конце концов, один из подчиненных правителей не выдержал; он поднялся со своего места и дал волю негодованию:

«Благородный герой! Зачем испортил ты это ожерелье, разобрав его по камню? Как ты мог так скверно поступить? Скажи нам причину! Объясни свои действия и развея наше недоумение».

Хануман терпеливо выслушал правителя и ответил: «О царь! Я исследовал каждую бусину, чтобы определить, содержит ли она в себе священное Имя Рама. Но я не обнаружил его ни в одной из них! Без Имени Рама это всего лишь горсть камней не ценнее, чем прибрежная галька! Поэтому я выбросил их вон». Но правитель не удовлетворился этим ответом. Он спросил: «Хануман! Не требуешь ли ты невозможного, желая, чтобы в каждом предмете и в каждой частице заключалось Имя Рама?» Хануман отвечал: «Что хорошего и полезного можно ожидать от вещи, в которой нет Имени Рама? Я не нуждаюсь в подобных вещах». Таков был решительный ответ Ханумана на обвинение правителя. Но царь выдвинул новое возражение. Он сказал: «Допустим, что ты не хочешь носить на себе то, что не содержит Имени Рама. Но ты же облачен в свое собственное тело! Ты повсюду носишь его с собой. Докажи нам, что в нем есть это Имя». Хануман громко расхохотался. Он воскликнул:

«Я докажу, если хочешь! Смотри!» Он выдернул волос со своего предплечья и поднес его к самому уху правителя. И тот услышал звук «Рама, Рама, Рама», издаваемый

этим единственным волосом! Пораженный царь не смог сдержать своих чувств: он с благоговением упал к ногам Ханумана, моля о прощении.

Рама поздравил Ханумана и ласково обнял его. Он проговорил:

«Хануман! Какой подарок могу я преподнести тебе? У меня нет ничего, что было бы достойно тебя. Поэтому я предлагаю тебе принять как дар меня самого!» И Рама встал, чтобы Хануман мог заключить его в свои объятия! Весь зал разразился восторженными «Джей, Джей!» при этом уникальном акте Милосердия. Народ превозносил Ханумана, объявив, что равного ему нет во всех трех мирах. Люди пели хвалу его преданности и самоотречению.

Рисунок 13 Хануман и Рама

Поднявшись с Трона, Рама вышел из зала, чтобы предстать перед огромным людским морем, ожидающим его появления. Он подарил людям Божественный Даршан своей прекрасной величественной Формы. От этого невиданного прежде зрелища народ затрепетал от восторга. Всем прибывшим в город был оказан праздничный прием. Все гости были обеспечены удобным жилищем, на всех с избытком хватило щедрого угощения. Рама распорядился по поводу проведения актов благотворительности: золото, деньги, колесницы, домашняя утварь, одежда, дома и другие ценности в изобилии раздавались людям. Вибхишана и герои-ванары были поражены великолепием, грандиозностью и безупречным порядком происходящих событий! Они оставались в городе еще шесть месяцев со дня Коронации, все это время, день и ночь, самозабвенно служа Рама. Полгода пролетели как один день. Они позабыли о своих покинутых родных домах, о своих семьях, о своих царствах!

Настал день, когда Рама послал за всеми своими спутниками и соратниками, сопровождавшими его в Айодхью, и собрал их в приемном зале, усадив на почетные места. Своим приветливым и мелодичным голосом он обратился к ним с такими словами: «Друзья мои! Все вы самоотверженно трудились и боролись ради меня. Конечно, это не совсем правильно – петь вам хвалу прямо в лицо! Но ради меня вы преодолевали бесчисленные препятствия, покинули свои семьи, оставили без защиты своих жен и детей, забыли о том, что такое мирская слава и богатство. Поэтому у меня нет друзей ближе и дороже, чем вы. Моя любовь к вам сильнее, чем к родителям, братьям, чем к царству и подданным, сильнее даже, чем к Сите! В этом я твердо уверен. Но теперь вам настала пора возвращаться домой. Продолжайте служить мне с верой и преданностью, запечатлев в сердце мое имя. Я надеяю вас счастливой способностью видеть меня повсюду – за собой, перед собой, над собой, в ваших домах – везде. Я дарю вам свою Благодать».

Ванары внимали этим словам, насыщенным милосердием и любовью, с такой радостью и благодарностью, что от счастья позабыли обо всем на свете! Они не в силах были оторвать свой взор от лица Рамы; по их щекам текли потоки блаженных слез. Они не могли произнести ни слова в ответ – их языки онемели. По приказу Рамы дворцовые слуги внесли множество роскошных даров – одежды, драгоценности. Раздать их ванарам и помочь облачиться в богатое платье было поручено Лакшмане, Бхарате и Шатругне. Благодаря стараниям трех братьев, ванары и Вибхишана засияли во всей своей красе! Но верных обезьян не трогало их пышное облачение, как и все то, что творилось вокруг. Они стояли молча и неподвижно, устремив взор к Стопам Рамы, своего обожаемого Господина. Они склонили головы и упали к этим возлюбленным Стопам. Рама ласково поднял их, приветливо и нежно обнял каждого. Он обратился к ванарам и всем тем, кто покидал Айодхью: «Дети мои! Друзья мои! Я награждаю вас всех единым даром – достижением в будущем той стадии освобождения (Сарупья), находясь в которой вы будете обладать силами и возможностями, близкими к моим собственным. А сейчас возвращайтесь домой, чтобы исполнять свой долг, к которому вы призваны в этой жизни, и нести возложенные на вас обязанности. Управляйте своей страной и людьми, вверенными вашим заботам, и живите мирно и счастливо!» Рама дал своим друзьям множество ценных советов, после чего позволил двинуться в путь. Бхарата и Шатругна замерли от восхищения: так велика была преданность, сиявшая в сердцах ванаров. Как пожелал Рама, три брата провожали процессию, пока та не достигла дальних окрестностей города. Взойдя на приготовленные для них колесницы, ванары печально оглядывались и лили слезы, не в силах смириться с мыслью о разлуке с Рамой. Братья глядели на их горестные лица, и сердца их сжимались от жалости. Они слишком хорошо знали цену этим слезам и этим тоскливым взглядам и превозносили от всей души глубокую преданность славных воинов. Лакшмана, Бхарата и Шатругна проводили процессию до берега реки и распорядились о подаче паромов для переправы. Потом все трое вернулись в Айодхью. Вместе с ними вернулся и Хануман! Он долго упрашивал и молил об этом Сугриву, клятвенно обещая пробыть в Айодхье не больше десяти дней. Он сказал: «Я не могу вынести боли разлуки с Ним». Несмотря на недовольство и протесты Сугривы, Хануман возвратился туда, где был Рама.

Однажды Рама в сопровождении братьев и Ханумана прогуливался по саду, полному прекрасных цветов и фруктовых деревьев. Рама сел на приготовленное для него высокое сиденье, а остальные расположились рядом с ним. У братьев давно созрело желание задать Рама мучившие их вопросы, но ни один из них не решался заговорить. Они переглянулись с Хануманом и тот без слов понял их чувства. Братья не сомневались в том, что если вопрос задаст Хануман, Рама непременно ответит на него. Вездесущий Рама проник в суть создавшейся ситуации. Он сказал:

«Хануман! Что ты стремишься узнать? Спрашивай!» Хануман ответил:

«О Защитник Слабых! Бхарата жаждет задать тебе вопрос, но он скован боязнью потревожить тебя». Он сложил руки на груди и упал к ногам Рамы, стыдясь, что так неуклюже справился с просьбой Бхараты и полный благодарности за то, что удостоился чести говорить в присутствии Рамы. Рама так ответил ему: «Хануман! Ты хорошо знаешь мою природу. Между мной и Бхаратой не существует различий, и нет причин, чтобы думать иначе». Услышав эти слова, Бхарата склонился перед Рамой и воскликнул: «О Целитель страданий тех, кто предан тебе! Выслушай меня. Прости мне мои ошибки и защити меня. В моем уме не прячутся сомнения. Я свободен от горя и привязанности даже в моих снах. Всем этим я обязан только Тебе – Твоей милости и великодушию. Ты – сокровищница всех добродетелей. Я хочу узнать только одно: в чем разница между хорошими и плохими людьми».

Рама соизволил ответить Бхарате. Он проговорил: «Брат! Качествам, присущим хорошему человеку, воистину нет числа, о чем говорят наши Веды и Пураны. Пропать, разделяющая добро и зло, так же велика, как разница между топором и сандаловым

деревом. Запомни: даже когда топор рубит его ствол, дерево награждает его своим ароматом. Топор безжалостно убивает его, но дерево платит добром своему палачу! Поэтому сандал так высоко ценится в мире. Боги с радостью наносят сандаловую пасту на свои лбы. Что же происходит с топором в тот момент, когда он ранит дерево, желающее ему только добра? Когда железо накаляется докрасна в пламени огня, кузнечный молот придает ему форму и остроту. Так же и злые люди, пылая гневом, причиняют страдания другим. Но хороший человек всегда желает добра и делает добро всем, даже злым, какую бы боль они ему ни причинили. И какова же награда? Их души возносятся на небеса, а иначе говоря, еще при жизни они пребывают в постоянном блаженстве. Сердца дурных людей, наоборот, раздирает постоянная борьба из-за царящих в них уныния и недовольства. И значит, таких людей ждут адские муки, и хотя внешне они могут казаться вполне счастливыми, изнутри их разъедают бесчестье и ненависть, к которым они тяготеют.

Теперь я скажу тебе, какие качества отличают хорошего человека. Слушай. Такие люди равнодушны к чувственным наслаждениям. Им присущи лучшие из добродетелей и безупречность в поведении. Они счастливы, когда счастливы другие; они сострадают несчастьям других. На всех людей они смотрят с одинаковой любовью. У них нет врагов, а даже если и есть, их это не тревожит. Они наделены мудростью, знанием объективного мира и глубоким чувством самоотречения. Их сердца нежны, они сочувствуют слабым и беззащитным. Они поклоняются моим стопам с чистотой в мысли, слове и действии. В служении мне – их высшая радость. Они безразличны к славе и бесславию, почету и унижению. Они постоянно стремятся служить другим; они не внимлют голосу «эго» даже во сне. Их поступки просты и чисты, их сердца незамутнены и спокойны. Они всегда стремятся к самопожертвованию; каждый момент их жизни наполнен радостью. Они равнодушны к хвале и хуле. Брат! Если перед тобой человек, наделенный подобными качествами, знай, что его природа исходит из меня. Он – это я, я – это он. Это чистая правда.

Теперь я расскажу тебе о свойствах дурных людей. Слушай. Ты должен приложить все усилия, чтобы избежать их общества. Знакомство с ними чревато горем и несчастьем! При виде благоденствия ближнего сердце злого человека пронзает острая боль. Он ликует, сея вражду и смятение и празднуя собственную удачу. Шесть злейших врагов хороших людей – похоть, гнев, жадность, желание, гордыня и ненависть взлелеяны и вскормлены дурными людьми и всегда у них на повзду. Их поведение и поступки продиктованы командами этих шести! Им неведомы жалость и сострадание. Они затевают ссоры с другими людьми без всяких на то поводов и причин. Они испытывают враждебность и неприязнь даже к тем, кто делает им только добро. Их поступки неискренни, их утверждения основаны на лжи, их порывы «отдать» и «взять» фальшивы. Их поступь тяжела, а их сердца тверже камня. Павлин радуется глаз своим прекрасным оперением; его крик приятен для слуха. Но он убивает змей. Так же и дурные люди норовят причинить другим лишь вред; они стремятся завладеть чужими женами; они получают наслаждение, запятывая репутацию своего ближнего. Они пьют из чаши зла, смакуя его вкус! Их ум постоянно одурманен злобой. Такие люди – ничтожнейшие из живущих. У них нет страха перед возмездием. Стоит им увидеть или услышать, что другому сопутствует удача, ими овладевает такая сильная зависть, что они теряют сон из-за нестерпимой головной боли. Но когда ближнего постигает беда, они торжествуют, наблюдая за его мучениями. Страдания других вызывают у них такое ликование, словно им пожаловали царскую корону державы! Ими управляет только эго; у них и в мыслях нет потребности помочь другим, даже во сне! В их сердцах угнездились гнев, похоть и прочие пагубные страсти. У них нет уважения к родителям, наставникам и старшим. Они чувствуют отвращение при любом напоминании о Боге или о светлых личностях. Их интеллект темен и вял, их поведение предосудительно. Появление множества таких людей предвидится в Калиюге.

Брат! Из всех праведных деяний самое благородное – это помощь тем, кто нуждается в ней. А худшее из неправедных дел – это нанесение вреда ближнему. Знай, что в этом основная суть учения Вед и Пуран. Это вечный закон, чтимый и соблюдаемый всеми достойными людьми среди человечества. Те, кто пренебрегая выпавшей им честью родиться человеком, причиняют зло другим, опускаются до дикого, животного уровня, и им суждено вновь родиться и умереть в теле таких существ. А если же они вновь рождаются людьми, то, ослепленные собственным невежеством, творят новые злодеяния. Я определяю последствия кармы подобным существам, и только по прошествии долгого времени, в течение которого им суждено бороться, чтобы вырваться из тьмы, я удостоиваю их лицемерия Моего Лица. Я вновь и вновь швыряю их в водоворот жизни, заставляя переживать взлеты и падения, рождающие знание.

Бхарата! Боги, мудрецы и великие личности никогда не позволяют вовлечь себя в деяния, чреватые двойственностью и противоречиями. Умы этих посвященных всегда нацелены на поклонение мне. Они заняты деятельностью, свободной от желаний и привязанности к плодам своего труда. Если люди предаются аскетизму с целью получить награду за перенесенные лишения, если они действуют, стремясь завладеть плодами труда, они вновь и вновь рождаются в теле, и им присуждается то плохое и хорошее, что они заслужили в прошлых жизнях. Человек, не жаждущий плодов своей деятельности, но продолжающий безупречно, правдиво и искренне выполнять свой долг, не связан узами кармы; такие деяния, напротив, даруют ему мудрость. Его преданность и самоотречение неизмеримо растут, а это означает, что он становится ближе к Всевышнему и к конечной цели – слиянию с Ним. Если на основе этих свойств ты научишься различать добро и зло и действовать соответственно при выборе круга общения, ты сможешь освободиться, выбравшись из пучины моря перемен – Океана Самсары. Брат! Ты должен знать и о том, что все различия между добром и злом по существу – условны и не более, чем результат наших привязанностей и воспитания, порожденный иллюзией, будто этот мир – единственная реальность, в то время как он ни реален, ни нереален. Те, кто преодолели это заблуждение и находятся вне пределов дуализма – истинные Махатмы. Они осознали, что единственная реальность – это непреходящий Атма. Они осознали, что двойственности не существует, и всегда воспринимают мир как Одно Целое. Все остальные, коих большинство, пребывают в невежестве».

Все, кто слушал Рама, обрели душевное равновесие. Их сердца блаженствовали в захлестнувших их волнах Любви. Выражая благодарность Рама за его доброту, они простерлись у Его ног. Больше, чем кто-либо другой, прилив экстаза ощущал Хануман. Чуть позже Рама, сопровождаемый братьями и верным Хануманом, вернулся во дворец. С тех пор подобные беседы превратились в ежедневный обычай; вооруженные бесценными напутствиями, слушатели приступали к своим прямым обязанностям.

Однажды Рама выразил желание, чтобы жители Айодхьи во главе с наставниками и браминами собрались во дворце. Прибывших пригласили в зал для торжеств, предложив занять соответствующие места. Рама вошел в зал и обратился к народу с такими словами: «Горожане! Наставники и брамины! Выражаю вам свое глубокое почтение! Пребудьте в мире и выслушайте мою речь до конца. Не тщеславие и не гордыня побудили меня говорить с вами. У меня нет намерений утверждать свое господство над вами как монарха, а также склонять вас к неправедному пути. Если мои слова покажутся вам достойными, стройте свою жизнь в соответствии с ними! Но я сразу должен сказать вам, что только те из вас истинно дороги мне, кто, выслушав мои слова, претворит их в жизнь. Только они – мои настоящие братья. Если что-то в моих утверждениях покажется вам неправильным, укажите мне немедленно, без колебаний, на мою ошибку. Друзья мои! Наши Веды и Пураны, а также мудрецы всех времен и народов превозносят как величайший дар саму возможность рождения в человеческом теле. Этого дара заслуживает лишь тот, кто совершил в предыдущих жизнях много благих дел. Даже боги мечтают об этой удаче, понимая, насколько сложно добиться ее! Ибо рождение человеком означает, что открыт

путь к освобождению. Оно предоставляет широкие возможности для Садханы, облегчающей этот путь. Дарованное вам человеческое тело не должно быть использовано для получения изысканных наслаждений. К нему не следует относиться и как к «проводнику» в Небесную обитель, где вас ждут райские удовольствия и забавы. Все эти радости преходящи. Они вновь приведут вас к череде перемен и нескончаемому циклу смертей и рождений. Все временные удовольствия, по существу, лишь источник скорби. Только глупцы способны поддаваться чувственным соблазнам. Эти соблазны для человеческого существа – словно ядовитые змеи. Зная об этом, не предпочтете ли вы вкусить чашу с Нектаром? Те, кто жаждет отравы, могут ли зваться достойными людьми? Они напоминают слабоумных, предпочитающих стеклянный шарик драгоценной жемчужине, исполняющей желания (Чинтамани)! Поистине, тот неудачник со скудным интеллектом, кто, обладая человеческим телом, не использует его для пересечения океана иллюзий (Самсары), достоин лишь жалости! Он – палач своего истинного «я», злейший враг своего собственного благополучия. Поэтому те, кто рождены людьми, должны осознать, что Бог обитает внутри каждого из вас как Атма, и служить своему ближнему, как Божеству, рассматривая это служение как высочайшее и праведное поклонение Всевышнему. Прислушайтесь к повелениям Бога с чистым сердцем. Выполняя свой долг, посвящайте любое, даже самое малое действие, Богу.

Горожане! Все те, кто стремится пребывать в счастье и радости отныне и вовеки, прислушайтесь к моим словам! Пусть они станут вашей защитой и вашим идеалом. Следуйте этим путем. Есть множество дорог, ведущих к Богу и к самореализации, но путь Преданности (Бхакти) – самый простой из них, ибо наполняет вашу душу блаженством. Путь Различения и Избавления от Завесы Иллюзии (Джняна) чреват большими трудностями и отягощен препятствиями. Но по-настоящему дороги мне лишь те, кто, даже пробираясь этим тернистым путем Джняны, несут в своем сердце любовь и преданность. Нет ничего равного Бхакти. Путь Бхакти не знает границ, он свободен от предписаний. Он дарует человеку наслаждение и радость. Нужно отметить, что успех на этом пути возможен лишь тогда, когда вы стремитесь к Сатсангу (обществу добрых и чистых людей)!» Рама продолжал свою беседу с жителями Айодхьи. Он сказал: «Слушайте, подданные моего царства! Я должен напомнить вам одну бесценную Истину, зачастую недостаточно ясно осознаваемую вами. Не создавайте искусственных различий между Шивой и Кешавой. Пребудьте в вере, что Бог един. Имя и Форма могут быть различны, но Дивьятма (Всеобщая Абсолютная Сущность) – едина и неизменна. Ее мощь в каждом из вас одинакова».

Внимая упоительным словам учения, льющимся из уст Рама, горожане склонили головы в знак почтительного благоговения. Один из жителей столицы выступил вперед, чтобы выразить всеобщую признательность. Он произнес: «О Господин! Мы привязаны к Тебе больше, чем к собственной жизни. Благодаря Тебе наши тела здоровы и крепки. Благодаря Тебе в наших домах царят счастье и веселье. Своей великой милостью Ты приблизил нас к себе и избавил от скорби и печали. Махараджа! Кто еще может наставлять нас с такой любовью и нежностью? Наши отцы и матери ждут от нас исполнения своих тщеславных чаяний – это все, что они хотят от своих детей. Разве мы можем что-либо дать Тебе? Но несмотря на это. Ты учишь нас, как достичь Высшего Блаженства. Это приносит нам неизмеримую радость. Ты и Твои выдающиеся спутники оказали великую услугу всему миру, избавив его от тирании демонических орд. На всем свете не найти такого Повелителя, Друга, Отца, который был бы так добр и внимателен к нам, как Ты». Народ с восторгом демонстрировал Рама свои радостные и возвышенные чувства. Рама просиял от счастья при виде преданности своих подданных и их искренней жажды духовных знаний. С позволения Рама горожане покинули царский дворец и разошлись по домам. Они запечатлели в своих сердцах и своей памяти бесценные уроки Истины, преподанные Рамой.

Не было такого дома в столице Айодхье, вокруг которого не красовался бы прекрасный цветник. Каждый житель города с любовью и заботой ухаживал за своим садом. Вечная весна царила в столице, и круглый год распускались на деревьях бутоны благоухающих цветов, чтобы превратиться в сочные ароматные плоды. Бесчисленные рои пчел трудились над душистыми венчиками, и их деловитое жужжание было слышно повсюду. Свежий ветерок, несущий аромат цветения, приветливо овеивал лица прохожих. Дети Айодхьи приручили множество птиц; их трели, чириканье и щебет сливались в волшебную песнь, ласкающую слух.

Изобилие и процветание, в которых купались подданные Рамы в течение незабываемых лет его щедрого и милостивого царствования, не поддаются описанию тысяч тысячекрылых драконов Шеша! Благодать, снизошедшая на землю, стала возможной только благодаря торжеству Дхармы (Справедливости), которую охранял и поддерживал Рама с величайшей заботой. В период его правления было совершено множество великих яджен, таких, как Жертвоприношение Коня (Ашвамедха). Миллионам и миллионам браминов были пожалованы благотворительные дары, и они покидали Айодхью довольные и счастливые. Рама – Покровитель ведийских Ритуалов и Церемоний, Хранитель законов Дхармы (будучи сам, однако, вне и выше всяческих предписаний и атрибутов) рука об руку с Ситой – кладезем благородства и добродетели, готовой в любую минуту помочь тем, кто жаждет достойно выполнить свой долг, – оба были бдительны в выполнении своей миссии – сохранения Пути Праведности своих подданных. Телесные недуги, тревога и беспокойство, моральное падение – ничего этого не знала Айодхья в период правления Рамы. Люди испытывали глубокую любовь и симпатию друг к другу. Каждый житель царства с радостью и готовностью принимал права и обязанности, возложенные на него Ведами и требуемые обществом и избранным поприщем. Благотворительность, жертвоприношения, священные ритуалы и учения, превратившись в неустанную практику, с радостью и энтузиазмом проводились во всех уголках страны. Греховные мысли не проникали в головы людей, не смея тревожить их даже во сне. Женщины, мужчины, старцы, дети – все с восторгом лелеяли в своих умах мысли о Рама. Страна не ведала ни напастей, ни стихийных бедствий. Во время эпохи Рамы не было ни бедных, ни изморенных голодом, ни сломленных горем, ни униженных, ни оскорбленных; в сердцах не таились ни ненависть, ни жестокость; люди не знали внешнего уродства и безобразия. Лица были отмечены печатью очарования. Никто не причинял вреда ближнему, снедаемый гордыней и тщеславием. Все люди были сведущи в мудрости Атмы, все стремились хранить и претворять в жизнь Дхарму, побуждаемые состраданием к ближнему и желанием оказать помощь и поддержку. Люди с радостью превозносили достоинства своих сограждан; себялюбие и эгоизм не знали места в сердцах подданных Рамы.

Весь земной шар с его семью частями света, омываемыми Океаном, покоился под сенью Царственного Балдахина Рамы. Весь мир признавал его как единственного достославного Повелителя. В этой огромной всечеловеческой державе среди людей царили взаимная любовь и поддержка. Не возникало поводов для раздоров и схваток, для вражды и разногласий; если нет ссор, не нужна и дубина – ее нельзя было заметить в эпоху Рамы! Страсти, противопоставляющие «добро» и «зло», кипели лишь на подмостках театров, выражая себя в искусстве игры и танца. Палка была видна лишь в руках странствующих аскетов. Борьба разыгрывалась лишь в умах Садхаков, призванная уничтожить полчища чувств. Чувственная привязанность, (называемая рага, что также означает «мелодия», «мотив») сохранила свое значение лишь выраженная в музыке. Стоит ли говорить о том, что если нет врагов, то не может и речи идти о насилии, о гибели человека от руки человека? Но люди все же «убивали» – они истребляли причуды и капризы ума, одерживая победу над низменной природой.

Вся Айодхья и ее окрестности блистали прозрачной водой колодцев, озер и прудов. О кристально чистая гладь воды! О прекрасные пристани! Их сказочная красота

заставляла трепетать от восторга сердца святых и мудрых провидцев. Они корили себя за то, что позволили своим чувствам увлечься очарованием природы. Поверхность прудов и озер пестрела разноцветными лотосами. В густой кроне прибрежных деревьев щебетало множество птиц. Павлины и попугаи радовали слух веселым гомоном. Своим великолепием город затмевал райские кущи, и люди замирали, восхищенные его чарующей прелестью.

Настал день, когда Васиштха пришел во дворец, чтобы увидеть Раму, Дарителя благ всем живущим на земле. Рама принял его по старинному обычаю, омыв ему ноги и предложив испить освященной воды. Васиштха поднял сложенные ладони и сказал: «О Океан Милосердия! Я обращаюсь к Тебе с просьбой. Я с восхищением наблюдаю Твою «игру в человека». И теперь меня одолевают большие сомнения. Твоя сила – безгранична. Даже Веды не постигают в полной мере Твоей Сущности. Господин! Как же я смогу описать или раскрыть Тебя? Звание семейного наставника, или жреца, в чем-то унижительно. Веды, Шастры и Пураны признают, что жрец по своему положению стоит невысоко, и его роль незначительна. Он обязан принимать участие во всех церемониях, совершающихся в доме его господина, как благодатных, так и не имеющих отношения к благодати. Вот почему это звание и считается нечистым. Поначалу я решительно отказывался принять эту должность, но Брахма явился ко мне и понял мое состояние. Он сказал мне: «Сын! Ты не знаешь, что таит в себе грядущее. Прими на себя эти обязанности без колебаний. В последующие годы ты обретешь нечто великое, ибо Парабрахма воплотится в династии Рагху». Услышав это, я склонил голову в знак согласия и стал семейным наставником династии Рагху. И теперь, благодаря принятому тогда решению, я достиг понимания Высшей Сущности, понимания, которое заслуживается бесчисленными годами упорной джапы, тапы, медитации и йоги, не говоря о совершении множества яджн и яг, и является целью всех этих благих и достойных карм. Не пройдя этих тяжелых испытаний, не терпя нужды и лишений, я все же получил в награду Тебя.

Так смею ли я мечтать о лучшем жизненном пути, чем тот, что я избрал? О Владыка Владык! Нам предписано Ведами совершать джапу, тапу, яджны, яги, блюсти обеты и ритуальные обряды. Но лишь бережно взращивая ростки мудрости и праведности, сострадая всем живущим, можно достичь Тебя и добиться Твоего благоволения. Господин! Я молю о благе. Даруй мне его своей беспредельной милостью. Излей на меня свою благодать из уголка Твоих полных сочувствия глаз. Сделай так, чтобы моя преданность Тебе была неизменной, сколько бы жизней в дальнейшем я не прожил! Это и есть благодеяние, о котором я мечтаю». Спустя некоторое время Васиштха, расставшись с Рамой, возвратился в свою обитель.

Подданные царства проводили время, складывая песни о дивной и трижды святой жизни своего Правителя – Рамы. Человек может достичь успеха в йоге или следовать многим ритуальным обетам, но если в сердце у него нет любви, он не удостоится Даршана Рамы. В Царстве Рамы никто не был охвачен корыстью – ни мудрец, ни аскет, ни герой, ни поэт, ни ученый. Никто не кичился своим богатством и не сбился поэтому с праведного пути. Упоение властью никого не сделало глухим. Был ли здесь хоть один молодой человек, которого терзала бы лихорадка юности? Отыскался здесь хоть кто-либо, зараженный враждой? Был ли человек, застывший в горестной неподвижности? Был ли кто-то, укушенный змеей возбуждения? Таких здесь не было. Сам Рама, находившийся вне влияния каких-либо страстей, стоял так высоко, что являл всем пример для подражания. Он – Атмасварупа, Само Божество.

Неисчислимые армии Майи распространились сейчас по всему миру. Воины этих армий – страсть, похоть, жадность и другие пороки. Предводители войска – гордыня и безверие. Но та же Майя является прислужницей Рагхунатхи, Рамы. Она «нереальна», но, тем не менее, если вы не обрели милости Рамы, вы не сможете спастись от ее плена. Только милость, струящаяся из уголков Его глаз, может освободить вас от ее пут. Майя владеет всем, что недвижимо и способно к движению во Вселенной, никто не свободен от

ее власти. Она подражает земной славе Божества и, подобно искусной актрисе, играет свою роль, поддерживаемая корыстолюбием, вожделением и прочими страстями. Рама, как воплощение Сатчитананды, как олицетворение Синей Глубины, которая отличает Небо и Землю, как феномен, не имеющий рождения, как сам Параматма, не несет в себе следов Майи.

В городе Айодхье каждый день был новый праздник, и каждый праздник приносил новые удовольствия и развлечения. Не было дня, когда Рама не раздавал богатых даров. Существовали правила, по которым никто ни в чем не мог упрекнуть или обвинить друг друга. Не произносилось ни одного дурного слова, в каждом доме ежедневно читались Веды и Пураны. Ни одно сообщество людей не воспринимало другое как более низкое. Каждый был занят своими обычными делами и уважал установленный порядок. Вот почему сочувствие и любовь к подданным быстро росли и ширились в сердце Рамы. Видя, как преданно и самозабвенно жены в стране Рамы служат своим мужьям, даже боги стали завидовать людям. Мужья сияли от радости, зная, что заслужили подобное отношение к себе; они не давали ни единой слезе пролиться из глаз своих жен. Мужья и жены чувствовали, что они составляют половину друг друга и, ощущая себя единым целым, заботились об исполнении малейших желаний и сокровенных чаяний супруга. Во времена Рамы никто ни при каких обстоятельствах не пытался прибегнуть ко лжи. Мальчики и девочки с почтением относились к указаниям и распоряжениям родителей и наставников. Каждый в стране был так же счастлив, как владыка богов на небесах – Индра. Зерно и богатства находились в изобилии в каждом доме, будто бы это было обиталище бога Богатства – Куберы. Птицы Чакора щебетали без умолку, будто день и ночь на небе сияла осенняя Луна – Сараткала. Женщины выглядывали из дверей своих покоев, наблюдая за Рамой, и их сердца наполнялись восторгом. Бхарата, Лакшмана и Шатругна трепетали от радости, любуясь Божественным Очарованием Рамы. Весь мир был полон великолепия во времена правления Рамы. Не появлялось и следа греха или даже упоминания о нем. Монахи и аскеты, не зная страха, бродили по диким джунглям. Взаимная любовь между царем и его подданными росла с каждым днем, становясь все сильнее и сильнее. Земля сияла от Любви и Света. Леса мерцали в вечнозеленом наряде. Птицы и звери позабыли свою инстинктивную ненависть друг к другу. Нигде нельзя было сыскать даже и тени неприязни, даже шепоток о ней нигде не раздавался. Все были соединены крепчайшими узами дружбы. Всякого охватывало великое воодушевление, когда он превозносил заслуги и совершенства Рамы.

Однажды Рама сидел на троне в зале для приемов, рядом с ним находились его братья. В зал вошел брамин в великом горе, он заговорил в резком и грубом тоне, требуя справедливости. «Увы, – вскричал он, – отныне кончилась слава Солнечной династии. Я помню триумф великих царей прошлого – Сиби, Рагху, Дилипы, Сагары. Во время их царствования не могло бы совершиться подобное зло. Мог ли сын умереть при жизни отца? Может ли произойти такое несчастье при хорошем правителе? А сегодня это несчастье случилось!» Рама, будучи вездесущ, знал обо всем, что происходит вокруг; его взволновали слова, произнесенные брамином. Он искал в себе причину этой смерти, но пришел к заключению, что случившееся не было результатом просчета в управлении державой, а явилось следствием недобрых мыслей. И он сразу же установил правила, которые должны были помешать подобным мыслям рождаться в головах людей. Рама придавал большое значение даже таким частным случаям и принимал меры к тому, чтобы они не получали распространения. Он пренебрегал всем, что касалось лично его, и стремился добиться цели, которую перед собой поставил, а именно: счастья своего народа. Он заботился о своих подданных, словно они были так же дороги ему, как его собственное тело. И народ так же ценил любовь и счастье царя; людям он был настолько же близок, насколько близки им их собственные сердца. Рама никогда не шел против воли народа. И народ ни на ширину волоска не преступал законов, установленных Рамой. Времена царствования Рамы (Рамараджья) своим великолепным сиянием осветили и

дальнейшую историю всего рода людского. Он был самым Нараяной. И поэтому его царствование принесло Славу всей земле и ее истории, ибо Истина и Праведность есть подлинники защитники человечества.

Глава 31 Изгнание Ситы

При царском дворе всегда были осведомители, которые ходили по городам и деревням страны, а затем передавали лично правителю сведения, собранные ими во время этих тайных странствий. Рама, как и его предшественники, выслушивал их донесения. И вот однажды прибывший с докладом гонец заколебался, прежде чем приблизиться к Раме. В этом было что-то странное. Он простерся ниц перед Рамой, но, поднявшись, стоял молча, дрожа всем телом. Наконец он взял себя в руки, набрался смелости и обратился к Раме: «Махараджа! Выслушай меня! Прости меня за то, что я принес это известие. Некий мойщик белья ругался со своей женой, слышно было, как он укоряет ее. «Позор, – кричал он, – ты что, принимаешь меня за Раму? Убирайся из моего дома! Как я могу принять тебя? Ты долго жила в доме другого мужчины, уходи отсюда!» Эти слова пронзили сердце Рамы, как стрела. В ту ночь он не смог заснуть. В полночь он сел на кровать и глубоко задумался. «Прошла уже полная Юга с тех пор, как я стал управлять этой страной. Мне надлежит царствовать еще несколько лет». И, впав в горестную задумчивость, этот Океан Милосердия сказал себе: «Увы! Я должен отказаться от Ситы! Я обязан придерживаться ведийского пути». Он подошел к Сите и приветливо заговорил с ней. На лице его была улыбка, когда он сказал: «Джанак! Ты так давно не просила у меня милости, и теперь я одаряю тебя благодатью. Ты можешь уйти в свое Святое Обиталище!» Сита упала к ногам Рамы и – вознеслась в тонком теле к Вайкунтхе, к Небу. Ни одно живое существо во всем мире ничего не узнало о случившемся. А Сита в своей грубой физической оболочке стояла перед Рамой на Земле.

Рама обратился к земной Сите (Майя-Сите): «Попроси о милости». И Сита ответила: «Мне хотелось бы провести несколько счастливых лет в обителях Муни (аскетов)». Рама сказал: «Да будет так. Отправляйся в путь завтра утром». Она собрала и упаковала одежду и утварь для дочерей и жен монастырских отшельников. Рама встал рано. Слуги и просители пели хвалу Его добродетелям и совершенству. Его лицо, подобное лотосу, сияло. Лакшмана, Бхарата и Шатругна выказали Ему почтение, простершись перед Ним ниц. Но Рама не заговорил со своими братьями. Он хранил молчание. Внезапно лицо Его вспыхнуло от волнения; тело напряглось и затрепетало. Трое братьев, не знавшие причин Его горя, ощутили страх и беспокойство. Они содрогнулись при виде Его переживаний. Они не могли представить себе те чувства, которые Им владели.

Наконец, Рама нашел слова, чтобы выразить свою волю. Вздыхая, он сказал: «Братья! Не говорите «нет». Увезите Ситу в лес, оставьте ее там и возвращайтесь назад». Услышав это, все трое остолбенели. Их опалил огонь отчаяния. Сердца их словно обожгло. Они не могли понять, серьезен ли Рама, или он просто шутит. Шатругна громко зарыдал, Лакшмана и Бхарата стояли неподвижно, слезы текли из их глаз. Они лишились дара речи. Их губы и руки дрожали. Наконец, Шатругна, сложив руки, взмолился: «Твои слова пронзили наши сердца. Джанак – это Локаматха, Мать всех живущих. Ты обитаешь в сердцах всех живых существ. Ты – воплощение Сатчитананды. По какой причине Сита должна быть изгнана? Она всегда и во всем чиста – в мыслях, словах, поступках – разве это не так? О Сокрушитель племени ракшасов! Сита сейчас беременна – возможно ли именно в это время, в ее положении, обречь ее на одиночество?» Шатругна больше не мог говорить; горе, переполнявшее его, вылилось в громкие стоны и плач.

Рама сказал: «Братья! Слушайте! Если вы не подчинитесь моему слову, дыхание покинет это тело. Так и знайте! Братья! Следуйте моему приказу и сегодня же утром

увезите Ситу в лес!» Он продолжал сидеть, опустив голову, и молчал, словно был опечален тем, как обернулись события.

Бхарата не смог сдерживать своих чувств, услышав эти слова, поразившие его слух. Он сказал: «Господин! Я не обладаю высоким интеллектом. Но выслушай, прошу, мою мольбу. Наша Солнечная династия завоевала почет и известность в мире. Наш отец, Дашаратха, твоя мать, Каушалья, и Ты сам – Создатель трех миров – обрели великую славу. Твое величие воспели Веды и тысячеустые драконы Шеша. Джанаки – это хранилище всего благотворного. Она – душа святости. С ее благословения женщина способна достичь Высшей Цели. Как может Джанаки жить отдельно от Тебя и чувствовать себя счастливой в лесу? Может ли она хоть на миг быть оторванной от Тебя? Может ли рыба жить без воды? Джанаки – воплощение Мудрости и олицетворение всех добродетелей. Она не должна вести одинокую жизнь».

Рама спокойно выслушал брата и так ему ответил: «О Бхарата! Ты дал волю словам, которые сообразуются с привычными представлениями о нравственности. Но правитель обязан заботиться о Дхарме и обеспечивать благосостояние народа, следуя требованиям Морали. Он выполняет свой долг, оберегая и направляя подданных и не вызывая при этом никаких кризисов или потрясений. Он должен защищать свой народ с великой любовью». И здесь он рассказал им о тех сведениях, которые собрал и передал ему его осведомитель. Рама произнес: «Наша династия подверглась поруганию, ее имя запятнано. А к этой династии принадлежала целая плеяда царей и правителей – один известнее другого. Во всем мире знали об их славе и могуществе. Не было никого, кто приобрел бы больший почет, чем они. Наши царственные предки готовы были отдать жизнь, но никогда не стали бы действовать вопреки данному слову. Пятно бесчестия никогда не ложилось на нашу династию. И теперь, когда возникла опасность ее осквернения, тот, кто колебался бы отдать свою жизнь за ее честь, был бы подл и низок. Поймите это верно». Брат, плача, сказал в ответ: «Господин! Джанаки ничем не запятнана. Она вышла живой из бушующего пламени. Ни боги, ни святые даже в своих снах не припишут ей ни малейшей вины. Тот, кто назовет ее грешницей, будет терпеть на том свете страшные муки в течение миллиардов лет». Бхарата не мог скрыть своего возмущения при одном упоминании о такой возможности. Эти слова рассердили Раму, и его глаза вспыхнули от гнева. Лакшмана заметил это и, не в силах выдержать взгляда Рамы, спрятался за спину Бхараты.

Но Рама обратился прямо к нему: «Лакшмана! – начал он, – вникни в тайный смысл того, о чем говорят люди; оставь глупую позу скорби. Если ты не подчинишься моему приказу и начнешь перечить мне, ты будешь раскаиваться в этом до конца дней. Посади Джанаки в колесницу и оставь ее одну в самом пустынном месте на берегу Ганги, там, где нет и признаков жилья. А сам возвращайся обратно».

Лакшмана внял приказу Господина. Он приготовился даже к смерти, если она настигнет его в то время, когда он будет выполнять приказание, и быстро собрался в дорогу. Загрузив колесницу провизией и одеждой, он усадил в нее Джанаки и двинулся в путь. Верная супруга Рамы радовалась случаю провести некоторое время в святых обителях, она была полна восторга и благодарности. Но увидев удрученное лицо Лакшманы, она опечалилась, стала молчаливой и хмурой. Как кобра, которая лишилась ценнейшего из сокровищ, она страдала незаметно, в глубине души.

Они достигли берегов Ганги. Лес был поистине устрашающим; в сердца их вошел ужас. Увидев испуг Лакшманы, Сита тоже почувствовала страх. Конечно, она знала, что только играет роль и что ее истинное «Я» находится не здесь. Но для того, чтобы ее игра перед всем миром прошла успешно, она должна была сыграть свою роль хорошо. И она застонала: «О Лакшмана! Куда ты привез меня? Здесь не видно никакого монастыря. Только дикие звери и ядовитые змеи рыщут по лесу. Здесь нет следов человеческого жилья. Мне становится страшно».

Лакшману переполняло сочувствие, когда он слушал жалобы Ситы. Он вспомнил Раму и сказал про себя: «Рама! Что же ты сделал?» Набравшись смелости, он взглянул на

Ситу, но в этот момент на него напала чудовищная жажда, которая заставила его жестоко страдать. Ситу охватило беспокойство при виде его мучений. Лесные божества, поняв, что Лакшмана решился покинуть Ситу и уехать, заговорили прямо с небес: «Лакшмана! Оставь Джанаки здесь и отправляйся домой. Сита, воплощение счастья, будет жива и невредима». Эти слова, исходящие от Невидимых, вселили мужество в сердце Лакшманы. Он сложил ладони в почтении и сказал: «Мать! Что мне делать? Я не могу не выполнить приказа брата. У меня нет смелости идти ему наперекор. Я самый низкий негодяй. Брат приказал бросить тебя в этих дремучих джунглях и вернуться назад». Сказав это, он повернул колесницу. Его взгляд был прикован к дороге, которая осталась позади. Он еще долго слышал доносившийся издалека голос Ситы. «Лакшмана! Неужели ты оставляешь меня в лесу? Кто же меня здесь защитит?» Она плакала, как обычная женщина. Ее рыдания терзали слух Лакшманы, но, помня свой долг следовать приказам Рамы, он заставил свое сердце стать твердым, как скала и быстро поехал в сторону Айодхьи.

После его отъезда Сита лишилась чувств от отчаяния. Конечно, все это была игра. Она вскоре пришла в себя и излила свое горе в словах: «О Рамачандра! С самого рождения моя жизнь полна печали. Увы! Жизнь цепляется за мое тело, как бы сильно я ни страдала». Она долго еще горевала, оплакивая свою судьбу. В это время мудрец Вальмики проходил через лес, держа путь от Ганги, где он совершал ритуальные омовения, в свою обитель. Он услышал слова Ситы и удивился, что женский голос звал на помощь из лесной чащобы. Он пошел на голос, оглядываясь вокруг, и, наконец, набрел на Ситу. Она узнала в нем мудреца Вальмики и рассказала ему обо всем, что случилось. «О владыка монахов, – воззвала она к нему. – Я дочь царя Джанаки; я жена Шри Рамачандры; об этом знает весь мир, но я не знаю, почему Он расстался со мной и изгнал меня. Можно ли избежать воли судьбы? Великий среди мудрецов! Лакшмана привез меня сюда и оставил одну. Он не сказал, почему должен был сделать это».

Вальмики слушал рассказ о ее бедах, успокаивал и утешал ее. «Дочь моя! Твой отец, правитель Митхилы Джанака – мой друг, мой ученик. Он почитает меня и верит мне. Моя дорогая! Ни о чем не беспокойся. Считаю, что моя обитель – твой родной дом. Все будет хорошо. Твое желание исполнится – ты обязательно соединишься с Рамой». Приняв Ситу как собственную дочь, он отправил ее совершать омовение в Ганге. После очистительного ритуала она простерлась ниц перед Вальмики, и старец повел ее к обители, ласково подбадривая. Он принес ей коренья и фрукты и заставил немного поесть. Она не могла не уступить просьбам великого мудреца. С этого времени Сита проводила свои дни в монастыре, постоянно обращаясь в медитации к Рама и Его славе и разделяя с учениками Вальмики каждодневные труды и заботы по поддержанию мира и порядка в святом жилище. Обитатели монастыря и сам Вальмики улаждали ее интересными и удивительными рассказами и развлекали смешными прибаутками.

С тяжелым сердцем и с опухшими от слез глазами возвращался Лакшмана в город. Он рассказал трем матерям о печальном событии. Это ввергло их в безутешное горе. Они горько плакали оттого, что на Ситу обрушилось это страшное несчастье. Они говорили о добродетелях

Ситы и скорбели о том, что такая безупречная женщина обречена на подобную участь. Они обвиняли Раму в жестокости. Столица и дворец погрузились в глубокую печаль, не было никого, кто бы ее не испытывал. Кругом слышались одни лишь стенания. Каждый вопрошал в великой горести: «Как можно было наказать такую женщину?»

Рама слышал эти стоны и рыдания. Он удалился в святилище, взяв с собой одного только Лакшману, и провел там весь день, укрывшись от взоров людей. Позже Он вошел в женские покои и утешал цариц. Он советовал им держаться пути Джняны. Он объяснял народу, что истинный правитель считает своими родными и близкими только своих подданных и только с ними обращается он как с друзьями. Таковы, сказал он, моральные правила Рамы. Он сказал, что если возникает необходимость, правитель должен

отказаться от своей собственной родни, поскольку настоящие его родные – это подданные, над которыми он поставлен.

Три матери-царицы были настолько удручены разлукой с Ситой, что с каждым днем становились все слабее и слабее. И это привело их к смерти. Магической силой йоги они создали внутри себя огонь и позволили ему обратить свои тела в прах. Так достигли они состояния Высшей Благодати. Братья горевали об этой потере и совершили погребальные обряды согласно Священным писаниям. Они раздали шестнадцать видов богатых даров, что также предписывают священные книги. После этого четверо братьев – Рама, Лакшмана, Бхарата и Шатругна погрузились в заботы об управлении государством, сообразуясь с волей народа и стремясь к его счастью и процветанию.

Тем временем, Рама объявил, что желает отпраздновать Великую ягу, Жертвоприношение Коня, упомянутую в Ведах, поскольку такая яга способствует избавлению от всех проявлений страдания и горя. Он оповестил об этом Ангаду и многих других. Он отправился в обитель царского наставника в сопровождении своих братьев и министров и припал к ногам Гуру, который принял их всех с большим почтением. С добротой и нежностью спросил он об их здоровье и о благополучии державы. Он дал им важные советы, приводя истории из Пуран и эпоса.

После этого Рама обратился к Васиштхе: «Учитель! У меня появилось одно желание. И ты должен помочь мне осуществить его». Он склонился к ногам Гуру, и Васиштха спросил, каково же это желание. Рама ответил: «Я принял решение провести ягу. Народ Айодхьи будет счастлив и полон радости, когда она совершится. Я задумал Ашвамедху ягу – Жертвоприношение Коня. Город обретет покой, если это будет осуществлено. Народ очень этого хочет. Бхарата не решился сообщить тебе об этом, так как боялся твоего неодобрения. И я понял, что должен приехать к тебе сам, чтобы поведать о нашем замысле, как только ты сможешь принять нас. Мы склоняемся перед твоим решением и с радостью выполним твою волю».

Васиштха выслушал эти слова Рама, произнесенные с благоговением и смирением. Он обрадовался этой идее. «Рама! – сказал он, – твое желание будет исполнено. Бхарата! Займись приготовлениями к яге». Счастливые братья и министры, превознося наставника, склонились к его ногам. Брамины, сведущие в обрядах яги, последовали за Бхаратой в город и во дворец.

Сумантра пригласил предводителей городских общин, созвал управляющих и попросил их украсить дороги внутри города, а также базары и торговые площади. Он хотел, чтобы во многих местах были воздвигнуты Мантапы. Сказано – сделано. Его распоряжения были исполнены очень быстро, и вскоре город был готов к великому событию. Все жители оживились и проявляли радостную активность. Предводители и старейшины города обо всем докладывали сначала Рама, как он того требовал, а затем – мудрецам и аскетам. Васиштха также был осведомлен о том, что делалось в Столице.

Васиштха посоветовал Рама: «Пошли сообщение о яге царю Джанаке, чтобы он мог присутствовать на празднике вместе с царицей и всей своей родней». Этот совет был высказан в убедительной и приветливой форме. Он также добавил: «Отправь приглашения самым почитаемым аскетам, браминам и Махариши». Гуру согласился проехать по городу вместе с Рамой, чтобы увидеть праздничные приготовления; им обоим очень понравилось убранство столицы. Царские гонцы отправились в далекие и близкие царства, чтобы вручить приглашения их правителям. Один из вестников поехал в Митхилу, столицу царя Джанакки. Тем временем в Айодхью уже прибыли Джамбавантха, Ангада, Сугрива, Нала, Нила и другие вожаки ванаров. Аскеты и монахи приходили в город группами. Всех их приветствовали с почестями, подобающими их духовному сану, и провожали в отведенные покои. Появился и мудрец Вишвамित्रа; он был торжественно встречен Рамой и окружен почтением и гостеприимством. Вскоре прибыл и Агастья, великий святой, которому также был оказан должный прием и созданы все условия для

приятного пребывания в столице. Гости увидели зал, освященный для проведения яги и пришли в восхищение от грандиозности приготовлений.

Жители Митхилы были очень счастливы, когда увидели посланника из Айодхьи. Гонец поведал Джанаке о грядущей Великой яге. Услышав новость, Джанака поднялся со своего трона. Все время, пока посланник говорил, царь пребывал в большом волнении. Из глаз его лились слезы радости. Он спросил, как чувствуют себя Рама и его братья. Тогда гонец, не смеявший произнести лишнего слова, вручил Джанаке письмо от Рамы, выразив надежду, что оно содержит ответы на все волнующие царя вопросы. Как описать чувства, охватившие Джанаку? Его родные не помнили себя от восторга. Город оглашали крики «Джей, Джей!» Царь снова и снова перечитывал драгоценное послание Рамы, и его сердце переполняла радость. Он позвал глашатая и приказал ему:

«Распространи эту весть по всем городам и деревням страны. Объявляй о ней под звуки десяти музыкальных инструментов». Затем он призвал советника и передал ему послание. Тот принял его с огромным почтением, и, прежде чем прочесть, трепеща от благоговения, приложил к своим глазам. Вспомнив о славе Рамы, он пролил слезы радости. В городе перед каждым домом его хозяин выставил ритуальные кувшины с окрашенной водой. Царь раздал бесчисленные дары в знак доброй вести. Вся столица бурлила от ликования.

Джанака прибыл в Айодхью, совершив долгий путь из Митхилы, во время которого ему представился случай выказать почтение Сатхананде, своему наставнику. Тот благословил Джанаку и наказал, чтобы он вместе со своей свитой и войском быстрее двигался в Айодхью. Войско включало в себя пехоту, боевых слонов, колесницы и всадников. Часть своего войска Джанака оставил в Митхиле для охраны города. Он предоставил своему Гуру паланкин, в другом же ехал он сам. Когда вся эта огромная процессия двинулась в Айодхью, содрогнулась земля. Кто мог бы сосчитать всех предводителей отрядов, всех героев, входящих в это войско? К концу второго дня Джанака был уже на подступах к Айодхье. Когда Рама узнал, что царь Митхилы уже совсем близко от города, он вышел ему навстречу, и они приветствовали друг друга с большой взаимной любовью. Джанаке отвели великолепный дворец посреди широкой цветущей долины. Это было восхитительное, поистине небесное место на берегу реки Сарайю. Рама поручил своим братьям принимать царственных гостей и оказывать им гостеприимство.

Рама припал к ногам Джанакки и, поднявшись, сел рядом с ним. Джанака, преисполненный радости, гладил Раму по голове и говорил с ним ласково и нежно. Рама выражал в ответ такие же чувства. Он обязал помощников и слуг следить за тем, чтобы Джанака и его свита ни в чем не нуждались. Бхарате же Рама поручил лично служить правителю Митхилы.

Тем временем к Рама приехал Васиштва в сопровождении своих учеников – числом в десять тысяч! Он сказал: «Рамачандра! Прислушайся к моим словам. Веды, Шастры и Пураны – все без исключения – провозглашают, что яга не принесет пользы, если во время ее совершения рядом с ее устройтелем не будет его законной жены. Великие мудрецы подтверждают это. Сделай, поэтому, так, чтобы Джанакки вернулась. Ее присутствие во время яги необходимо».

Раму удивили эти слова мудрейшего из мудрых. Он хранил молчание, никак не объясняя, считает ли он это суждение верным или неверным. Наконец, он сказал: «Глава мудрецов! Ты должен осуществить мой замысел, не заставляя меня при этом нарушать клятву и подрывать репутацию моей династии. Если Джанакки возвратится, добрая слава династии пострадает. Но я не вступлю в брак лишь для того, чтобы иметь жену во время яги».

Для решения этого вопроса Васиштва обратился за советом ко многим знаменитым старцам. Все они держались мнения, что Джанакки должна вернуться; это было обязательным условием для проведения яги. Но Рама, будучи сам создателем всех правил

морали, воплощением всех форм Божества и сущностью всех Шастр, подумал над этим какое-то время и объявил, что место Ситы займет ее статуя, отлитая из золота и усыпанная драгоценностями. Он сказал, что все Шастры поддерживают эту идею и что здесь не могут возникать какие-либо возражения. Аскеты, старцы и ученые, сведущие во всех областях знания, не могли опровергнуть это мнение. Их поразила обоснованность принятого Рамой решения. Они были восхищены Его всеведением и признали, что Он и есть суть всех правил и законов.

Золотая Сита была готова за один день. Драгоценности и богатое одеяние делали ее еще более прекрасной и подлинной. Сходство было настолько велико, что все приняли ее за живую Ситу. Если бы Сита увидела свою статую, она бы была поражена. Многие, глядя на нее, поверили, что Сита вернулась. Рама сидел на Львином Троне, покрытом тигровой шкурой. Золотая Сита находилась рядом с Ним – там, где положено сидеть супруге. Присутствующие не сомневались, что это сама Сита. Они склонялись перед нею с благодарностью и радостью.

Васиштха обратился к придворным и попросил их оказывать знаки внимания собравшимся гостям, как то предписано правилами. «Предоставьте каждому все, что он пожелает, пусть все будут довольны и счастливы». С помощью Бхараты, наблюдавшего за церемонией, гостей усадили рядами на соответствующие места. Каждый гость поздравил себя с тем, что ему был оказан такой прекрасный прием, и хвалил устроителей праздника за проявленные ими заботу и внимание.

Зал яги снаружи охраняли пятьсот воинов, а внутри – пятьсот браминов, сведущих в премудрости Вед. Великая яга началась на второй день светлой половины месяца Магх после того, как Рама совершил необходимые обряды. Васиштха распорядился, чтобы привели Коня, выбранного для жертвоприношения – с тем, чтобы знатоки обследовали его и определили, несет ли он на себе необходимые благоприятные знаки.

Лакшмана простерся ниц перед Гуру и поспешил в дворцовые конюшни, чтобы приготовить Коня и украсить его перед тем, как ввести в зал. Конь был чисто белой масти без единого пятнышка. На спину ему надели седло, усыпанное драгоценностями. Коням колесницы Солнца было бы стыдно появиться перед ним! Когда всего его украсили и надели на него роскошную попону, он стал таким прекрасным, что люди подумали, будто бог Любви и Красоты своими руками наряжал его. Описать его великолепие было немислимой задачей. Создавалось впечатление, будто это сам бог Солнца обратился в коня и гордо гарцует; на лбу у Коня красовалось павлинье перо с яркими изумрудами. Как звезды сияют на небе, так сияло это перо блеском драгоценных камней. Шелковистая сбруя на шее Коня и поводья, которые держали служители, сверкали, как вспышки молнии. Коня сопровождали пять тысяч великих воинов, героев многих битв, непобедимых в своей отваге. Все они ехали верхом на конях, и во главе их был Лакшмана.

Когда всадники появились в зале, Васиштха показал Раме, как проводить обряд поклонения священного жертвенного Коня, которому выпадала особая, победная, миссия. Рама раздал шестнадцать видов богатых даров и совершил ритуал очистительного омовения. Затем Он привязал ко лбу Коня золотой диск, содержащий послание ко всем правителям Земли. В послании говорилось: «В городе Айодхье живет Герой, он – сокрушитель врагов. Даже Владыка богов дрожит при виде его. Этот Конь – Его священное животное. Только сильный сможет завладеть им, иначе он должен будет платить Герою дань. Если же вы не в состоянии сделать ни того, ни другого, уходите в джунгли». Рама сам высек эти слова на золотом диске и закрепил его на лбу Коня.

Тем временем Бхаргава и другие старцы приблизились к Раме и рассказали ему об ужасных делах, творимых демоном Лаваной. Собравшихся мудрецов очень встревожило это известие. Рама призвал к себе Шатругну, вручил ему колчан со стрелами огромной мощи и сказал: «Произнеси подобающие мантры и обрати это оружие против врага. Ступай, одержи победу и возвращайся со славой». Затем он позвал к себе Вибхишану. Тот

склонился к его ногам, и Рама сказал: «Расскажи мне все, что тебе известно о Лаване». И Вибхишана подробно рассказал о силе Лаваны и о его нраве.

У мачехи Вибхишаны была дочь Кумбинаса. Равана отдал ее в жены одному из данавов (членов демонического клана) по имени Мадху. Мадху принял ее, и спустя некоторое время она родила демона – Лавану. Он отдался суровой аскезе и молил Бога Шиву одарить его милостью. Шива был доволен его рвением. Он вручил Лаване трезубец и так описал его силу: «Лавана! Кто владеет этим трезубцем, того будет нелегко победить в бою». С помощью трезубца Лавана держал в страхе богов и людей, демонов и змеев и похвалялся своим могуществом перед всем миром. Он преследовал все живые существа и измывался над ними. Все оказались под его властью. Услышав повесть Вибхишаны, Рама разразился смехом. Конечно же, Он знал обо всем, что происходит в мире, но поскольку Он принял человеческий облик, то должен был вести себя так, будто ни о чем не догадывался. Это Он сам в образе Шивы вручил Лаване трезубец, и теперь Он смеялся над глупостью принявшего оружие и над тем, какое злое применение тот ему нашел. Он наделил Шатругну частью своей божественной силы и послал его с миссией – уничтожить Лавану, демона.

По приказу Рамы три тысячи боевых барабанов били в унисон, и их дробь сотрясала землю. Торжествующе ржали лошади и трубили слоны. Под звуки боевых раковин воины пошли походом на долину Лаваны. Лавана услышал их воинственный клич и вышел из крепости во главе шестидесятичетырехтысячной армии демонов. Он зарычал, как лев, жаждущий крови. Он произвел несколько магических трюков, которые помогали избежать поражения и приводили в смятение врага. Но его войско было разбито наголову. Сыновья Лаваны, принимавшие участие в битве, были убиты сыном Шатругны – Субахи. Они попали на небо; где всегда есть место для героев, погибших в бою. Наконец Шатругна, взывая к Рама, пустил стрелу, которая нанесла Лаване смертельную рану. Демон испустил дух, покончив счеты со своей порочной жизнью. Боги приветствовали победу громогласными «Джей!» и изливали свою милость на Шатругну.

Шатругна со своим войском и с жертвенным Конем пустился в обратный путь и достиг берегов Ямуны. Он простерся ниц перед священной рекой и повел дальше свой отряд. Передвигаясь вперед, они выходили на перекрестки дорог, откуда расходились пути во все стороны света, шагали по лесам и долам, попадали в самые разные места. Случилось так, что они оказались недалеко от монастыря мудреца Вальмики. Здесь жила Сита со своими сыновьями-близнецами, блистающими, словно два Солнца, грозным великолепием.

Мальчики увидели жертвенного Коня, прочли послание на золотом диске, закрепленном у него на лбу, увели Коня к монастырю и привязали к дереву. Затем, укрепив на поясе колчан и взяв в руки луки и стрелы, они выступили вперед, горя желанием сразиться с теми, кто охранял Коня. Как раз в это время подошли стражники, сопровождавшие Коня; они встревожились, увидев, что Конь привязан к дереву, но сообразив, что сделали это мальчики, успокоились и сказали: «Дети! Благословенны родители, у которых такие славные сыновья. Ну а теперь отвяжите Коня и ступайте домой». Но мальчики ответили: «Эх вы, герои! Вы ведь пришли сюда сражаться, а не кланить милостыню. Когда вы просите отдать вам Коня без боя, вы порочите честное имя кшатриев!» Воины в ответ сказали: «Храбрецы! Как раз вы-то и порочите честное имя кшатриев. И поэтому мы просим вас осторожнее выбирать слова». Мальчики в ответ захохотали и сказали: «А! Ну и смельчак же тот, кто отпустил Коня под охраной таких, как вы. Если вы не в состоянии отобрать его у нас, отправляйтесь-ка лучше домой».

Двое юношей, несмотря на свой нежный возраст, говорили так резко и с такой издевкой, что вынудили воинов упасть к их ногам! И тогда один из братьев. Лава, пустил в них тучу стрел – просто так, из озорства или как бы играя, да еще при этом и мурлыкая что-то себе под нос! Стрелы пронзили тела воинов, превратив их в решето. Теряя сознание, они упали на землю, а те, кто уцелели, бросились бежать к стану Шатругны.

«Махараджа! – закричали они, – двое мальчиков, наверное, дети монахов, отняли нашего Коня, открыли стрельбу и поразили насмерть множество наших воинов». Шатругна пришел в ярость от этой неслыханной дерзости. Он собрал отряд из четырех родов воинства и пошел с ним на Кушу и Лаву. Но когда те предстали перед ним и он воочию убедился в их невероятной доблести, увидев на земле тела поверженных воинов, его пронзило чувство стыда. Однако он колебался: «Как могу я вступить в схватку с двумя подростками?» И он попытался решить дело миром. Он обратился к братьям: «О славные дети монахов! Отвяжите Коня и ступайте домой. Вы достойны почтительного обращения. Нам не пристало сражаться с вами».

Но мальчики и не думали уступать. Они сказали: «Царь! Как тебя зовут? Из какого города ты держишь путь? Почему пробираешься по джунглям во главе целого воинства? По какой причине отпустили вы этого коня, позволив ему без присмотра бродить по лесу? Зачем прикрепили ему на лоб золотую пластину? Впрочем, если у вас есть силы и храбрость, отвяжите коня, снимите с него золотой диск и уведите домой!» Услышав эти решительные и дерзкие слова, Шатругна сконфуженно склонил голову и велел своим солдатам взяться за оружие и выступить вперед. Наблюдавшие за боевыми маневрами Лава и Куша дружно расхохотались: «Гляди-ка! Этот царь оказался настоящим храбрецом! Но хлопнув в ладоши, можно ли испугать льва?» И с именем своего Гуру, мудреца Вальмики, на устах, оба юноши схватились за луки и стрелы. От их выстрелов вдребезги разбилась колесница Шатругны, а острые стрелы мгновенно изрешетили его тело. Один за другим падали на землю доблестные бойцы. Юноши по очереди вызывали их на поединок, и бравые воины, закаленные в боях, встречали свою смерть, сраженные роковыми стрелами.

Вскоре Рама доложили о невиданных подвигах двух мальчиков из лесной обители. Разумеется, Рама знал о том, что они не были детьми лесных отшельников. Но он умолчал об этом до времени и не подал виду, что усомнился в правдивости полученных вестей. На миг им овладело недоумение, что кто-то осмелился поднять руку на детей, воспитанных в монастыре. Однако он произнес: «Мне кажется, что битвы не избежать». Он велел Лакшмане возглавить воинство и выступить вслед за гонцами Шатругны. Беглецы, оставшиеся в живых, были вынуждены вернуться к месту сражения. Рама наказал им: «Приведите сюда этих двух подростков. Дети монахов, несмотря ни на что, не заслуживают смерти».

Вооруженная армия отправилась в поход под предводительством Лакшманы и вскоре достигла места, где был разгромлен отряд Шатругны. Поле битвы было сплошь усеяно телами поверженных героев. Лакшману удивила дерзость мальчиков – сыновей аскетов. Он обратился к ним со словами: «Юноши! Я хочу предостеречь вас и советую позаботиться о своей безопасности. Вам лучше всего как можно быстрее покинуть это место и возвратиться домой. Вы – дети браминов, и схватка с вами может иметь для нас пагубные последствия. Такая битва противоречит предписаниям священных текстов. Поэтому скройтесь с моих глаз!» Куша и Лава встретили слова Лакшманы взрывом хохота. «О храбрый предводитель! Смотри, что приключилось с твоим братом! Поскорее спасайся бегством и укройся за стенами своего дома». Услышав этот ответ и взглянув на Шатругну, в беспамятстве распростертого на земле, Лакшмана схватился за лук и стрелы.

Однако его одолевали сомнения, следует ли вступать в поединок с детьми монахов. Он вновь попытался вразумить мальчиков. «Юноши! – сказал он, – ваши умы еще не окрепли. Вы всего лишь подростки. Какой смысл сражаться с вами? Ступайте и приведите сюда тех, кто ответственен за ваши действия». Не успел Лакшмана закончить свое наставление, как Куша, не обращая ни малейшего внимания на его слова, прицелился и выпустил стрелу прямо в Лакшману! От мощного удара в ужасе задрожала земля. Полет стрелы, казалось, охватил все небо. Солнце потускнело от ее ослепительного блеска.

Разгневанный своей неспособностью отразить доблестную атаку Куши и Лавы, Лакшмана бросился в бой с невиданной свирепостью. Он двинул свою колесницу прямо

на братьев и, не заботясь о последствиях, осыпал их градом стрел. Но его стрелы разлетались на мелкие куски. Неистощимая изобретательность и боевое искусство Куши и Лавы были достойны восхищения. Лакшмана метнул в юных братьев свою булаву. Сраженный ее ударом Куша, скорчась от боли, рухнул на землю. Увидев это, Лава пришел в ярость и нацелил стрелу в грудь Лакшманы. Его стрела попала в цель, но могучий и опытный боец удержался на ногах. Лава набросился на него, и между ними завязался жестокий кулачный бой. Борьба шла на равных, и никто не мог одержать верх. Оба противника были одинаково сильны в применении цепких захватов и хитроумных уловок. Оба дрались в полную силу, используя всю свою мощь. Как разящие молнии, сыпались на Лакшману удары кулаков Лавы. Превозмогая страшную боль, Лакшмана превозносил в душе невиданную храбрость и мастерство своего маленького врага. Повторяя Имя Рамы, он улучил момент и выстрелил из лука в Кушу, успевшего оправиться после удара булавы. Стрела Лакшманы настигла юношу и тот снова упал, лишившись чувств. Но, теряя сознание, Куша мысленно воззвал к Вальмики и Сите и поэтому вскоре вновь вскочил на ноги. Он схватил лук и стрелы, чтобы с удвоенной силой атаковать Лакшману. Несмотря на то, что Лакшмана попытался отразить натиск с помощью стрелы, погубившей Меганаду, ему не удалось причинить никакого вреда братьям. Куша на лету переломил стрелу, и ее осколки полетели на землю! Лакшмана с горечью подумал: «Увы! С тех пор, как Сита удалась в изгнание, напасти преследуют меня. Пока я не избавлюсь от этого тела, мне не видать покоя».

В эту минуту Куша извлек из колчана стрелу Брахмы, секрет действия которой поведал ему Вальмики. Сама возможность такого сокрушительного удара повергла в трепет все три мира. Куша натянул тетиву и нацелил стрелу прямоком в сердце Лакшманы. Он выстрелил, и Лакшмана замятво упал на землю.

В Айодхью поскакали гонцы, чтобы сообщить печальные вести Рама. Бхаратой овладело отчаяние. С простертыми руками он встал перед Рамой и воскликнул: «Господин! Мы страдаем от последствий роковой ошибки, которую совершили, отправив в изгнание Ситу». Рама ответил брату: «Что я слышу? Означают ли твои рассуждения, что ты просто боишься выйти на поле боя? Что ж, если это так, я сам приму участие в сражении. Вели запрячь мою колесницу. Приостанови ход жертвенных ритуалов. Я отправлюсь и выясню, каково происхождение этих подростков. Брат! Оповести наших друзей и бывших союзников. Вызови на подмогу Ханумана». Отдав эти приказы, Рама пустился в путь. Вскоре он прибыл к месту недавней битвы. Он был изумлен, увидев струящиеся по земле реки крови.

Тут на ратном поле появились два непобедимых героя – Куша и Лава. Завидев их, воины-ванары, сопровождавшие Ханумана, затряслись от страха. Но Хануман обратился к братьям со словами: «Дети! Поистине благословенны родители, породившие таких могущественных бойцов». Куша резко перебил его, выкрикнув: «Обезьяна! Если у тебя не хватает храбрости сразиться с нами, возвращайся назад! Не болтай попусту». Эти слова сильно разгневали Бхарату. Он издал воинственный клич, приказав ванарам братья за оружие. Заслышав приказ, обезьяны принялись швырять в юношей все, что попадало им под руку – огромные деревья, скалы и каменные глыбы. Весь этот грозный шквал, на лету рассыпаясь в прах, был уничтожен одной-единственной стрелой, выпущенной из лука Лавы. В мгновение ока воинство ванаров было разгромлено наголову. Поле битвы превратилось в море крови. Все доблестные воины были убиты. Сраженный стрелой, без чувств упал на землю Бхарата.

В эту минуту, во главе многочисленной армии, из лесу выступил Рама. Его лицо пылало гневом. Он увидел двух юношей и, не подымая оружия, властно поманил их к себе. Он задал им сразу несколько вопросов. «Братья! Кто ваши родители? Где вы живете? Откуда вы родом? Как вас зовут?» Ответом были дерзкие слова: «О царь! Что пользы в твоих расспросах? Похоже, что все четыре брата страдают излишней церемонностью. Подними-ка лучше свой лук и сражайся без лишних слов. С какой стати ты так озабочен,

где наша родина и кто наши родители? Ты ведешь себя, будто явился на брачные переговоры! Берегись! Тебе грозит серьезная опасность». Но Рама настаивал на продолжении беседы. Он сказал: «Юноши! Ваши тела еще так слабы! Я не стану драться, пока не узнаю ваши имена и ваше происхождение».

«Царь! – произнесли братья. – Наша мать – дочь правителя Джанаки. Заботу о ней взял на свои плечи святой Вальмики. Мы не знаем, как зовут нашего отца и к какому роду он принадлежит. Наши имена – Куша и Лава. Мы живем в лесу». Рама сделал вид, будто только сейчас обнаружил, что перед ним – его собственные сыновья. Он сказал: «Братья! Я вызываю вас на бой! Сразитесь с бравыми воинами, которые стоят за моей спиной!» По мановению руки Рамы все поверженные герои – Ангада, Джамбавантха, Хануман и другие вожаки ванаров поднялись с земли. Восстали от «смертного» сна Лакшмана, Бхарата и Шатругна. Широко раскрыв глаза, следили они за происходящим. Затем Рама воззвал к своим воинам: «Слушайте меня, храбрые бойцы! Смело сражайтесь во имя торжества славы и чести!» Армия ринулась в бой, вспыхнувший с удвоенной силой. С превеликим удовольствием наблюдал Рама, какую невиданную доблесть проявляют его сыновья-герои, как мастерски владеют они искусством лучников.

Все усилия ванаров одержать верх над двумя подростками оказались напрасными. Они вынуждены были признать, что во всех четырнадцати мирах не сыскать героя, способного противостоять им. Пристыженным обезьянам оставалось лишь сдаться, молчаливо сложив оружие.

В этот момент Куша набросился на Раму! Его внезапный натиск был так силен, что Рама не устоял на ногах и без чувств упал на землю. Куша сорвал упряжь с коней Рамы, сдернул разноцветные ремни и цепи с Его колесницы, и с их помощью оба брата связали по рукам и ногам Ханумана. Они потащили его на веревке к обители Вальмики. Напялив шутовскую одежду и украшения на бравых вождей обезьян и медведей, они прихватили их с собой в качестве пленников. Среди присвоенных трофеев был и жертвенный Конь. Во главе этой пестрой процессии братья предстали перед своей матерью, Джанаки. Они упали к ее ногам и в знак почтения предложили ей завоеванную в сражении добычу.

Глава 32 Конец игры

Джанаки была поражена, увидев связанных ванаров и других пленников Лавы и Куши. Ее привели в недоумение их нелепый вид и странные одежды. Из ворот обители поспешно вышел не на шутку встревоженный мудрец Вальмики. Он уже знал о случившемся и поведал Сите о недавних событиях. Старец освободил от пут Ханумана, Джамбавана и остальных воинов и скорбно воскликнул: «Дети мои! Что вы натворили! Вы явились сюда, наповал сразив в бою Раму, Лакшману, Бхарату и Шатругну». Ситу потрясло это известие. Она вскричала: «О горе мне! Дорогие сыновья! Знаете ли вы, что своим поступком вы навеки опозорили доброе имя династии? Немедленно совершите приготовления для моего сати! Я должна разделить участь братьев. Мне нет места среди живых». Она умоляла их действовать как можно быстрее.

Мудрец Вальмики постарался утешить и подбодрить ее. Затем вместе с юными братьями он отправился на поле боя. Его поразила картина, открывшаяся его взору. Он узнал колесницу и коней Рамы и, найдя самого Раму, склонился к Его ногам. Рама мгновенно поднялся и сел. Рядом с Ним стояли Куша и Лава. Вальмики обратился к Рама со словами:

«О Господин! Цель моей жизни осуществилась! Настал благословенный миг». Он поведал Рама, как Лакшмана оставил Ситу в лесу и как жила она все эти годы в его обители, где и родились Куша и Лава. Он торжественно провозгласил: «Повелитель! Куша

и Лава – твои сыновья. Призывая в свидетели Пять Природных Стихий, я клянусь, что Куша и Лава – твои сыновья».

Услышав это признание, Рама заключил в объятия юношей и ласково погладил их по головам. Милостью Рамы ожили и поднялись с земли все павшие в бою ванары и другие воины. Лакшмана, Бхарата и Шатругна обняли и приласкали юных братьев. По приказу Рамы Лакшмана поспешил в монастырь, где осталась Сита, чтобы выяснить, насколько серьезно ее намерение осуществить обет «сати». Увидев Ситу, Лакшмана упал к ее ногам. Сита была полна решимости исполнить клятву, если таково будет желание Рамы. Поэтому она последовала за Лакшманой, чтобы предстать перед своим Господином. Завидев группу, собравшуюся на ратном поле, она облекла в слова свою приверженность Истине: «О Боги! О Пять Стихий! Клянусь, что ни во сне, ни наяву не мыслила ни о ком, кроме Рамы и оставалась верна ему умом и сердцем, словом и делом. О Мать! О Богиня-Земля! Прими меня в свое лоно!» Стоило Сите произнести слова клятвы, как послышался глухой рокот, и земля разверзлась у ее ног. Из глубокой борозды поднялся Божественный Львиный Трон, на котором восседала Богиня-Земля. Очутившись на поверхности, Богиня протянула руку и, обняв Ситу, изрекла слова благословения: «О Джанаки! С тех самых пор, как ты появилась на свет, каждый твой день был полон страданий. Всю жизнь ты проливала слезы. Так ступай же со мной и будь счастлива в моей обители». В следующий миг обе скрылись из глаз. Три мира воссияли в лучах Ее славы. Тому свидетелями были Лакшмана и другие герои.

Они не могли сдержать слез. Памятуя о своей роли, погрузился в печаль и Рама. Но про себя Он размышлял: «Джанаки покинула этот мир согласно велению моего разума. Она всегда действовала в соответствии с моими планами. Вот и теперь мы оба готовы вернуться в нашу небесную обитель Вайкунтху». Однако его спутникам казалось, что он удручен и полон тоски. Вскоре вместе с братьями и сыновьями Он отправился в столицу. По Его приказу были проведены завершающие ритуалы яги. Согласно предписаниям Вед после окончания великой жертвы народу были розданы шестнадцать видов благотворительных даров, невиданных по щедрости и великолепию. Оказав должные почести великому правителю Джанаке, Рама привел к нему своих сыновей. Царь был безгранично счастлив встретиться с внуками. Наделенный мудростью и высшей интуицией, Джанака давно постиг правду о Божественной природе Ситы, поэтому он не выразил ни удивления, ни тревоги, ни грусти, ни волнения по поводу случившегося. Его ум оставался спокоен, ибо он знал, что произошло то, чему суждено было произойти. Безмятежность и мир, царящие в его душе, не могли быть нарушены никакими внешними событиями. Полный светлой радости, он покинул Айодхью и отправился в столицу своего царства, Митхилу.

Следуя пожеланию Рамы, во дворец явились брамины и Гуру, счастливые от выпавшей на их долю удачи – участвовать в великой яге. Представ перед Рамой, они попрощались с Ним и, исполненные довольства и благодати, покинули дворец.

Затем Рама призвал к себе сыновей, чтобы передать им опыт царствования и управления державой. Он торжественно вручил юным братьям бразды правления, облачив их атрибутами царской власти. Главой Южных земель был назначен старший сын Бхараты, Такша; царство Пушкара было отдано Рамой во власть младшего сына Бхараты, Пушкары. Разгромив остатки ракшасов, еще гнездившихся на юге, братья утвердились как полновластные правители своих земель. Сыновья Лакшманы, Читракету и Читрангада, слыли могучими воинами, неустрашимыми и храбрыми героями. В их владения перешли Западные угодья. Уничтожив следы ракшасов, обитающих в этих краях, каждый из них взошел на престол в городах, избранных Рамой столицами их царств. Царские наследники получили от Рамы бесценные советы и добрые напутствия. Куша воцарился на троне столицы Айодхьи, а Лава был назначен владыкой Северного царства, сокровищницы богатства и изобилия. Его столицей стал город Лавапура (современный Лахор). Рама

наделил каждого из братьев множеством ценных даров: то были земли, стада коров, золотая казна, шелка и драгоценности.

Между тем весть о возвращении Рама в свою Настоящую Обитель уже разлетелась по всей Айодхье. Со всех сторон во дворец стекались огромные толпы народа. Люди умоляли Раму выслушать их единственную просьбу: позволить им последовать вместе со своим Господином в Его Божественное Царство. Рама ответил людям, что их желание праведно и благородно и что Он согласен внять их мольбе. Он радовался преданности своих подданных, их искренней любви к Господину, их готовности к самоотречению. Лакшмана повел их всех за собою.

Царство Кишкиндха было отдано во власть Ангады, Сугривы, Джамбавантхи, Вибхишаны, Налы, Нилы и других героев, воплотивших в себе различные аспекты Божества. Миллионы ванаров, призванных в этот мир как орудия исполнения Божественной Миссии, заполнили в эти дни Айодхью. Приветливо встретив гостей, Рама благословил их такими словами: «Вибхишана! Царствуй на Ланке с успехом и славой. Когда же истечет твой земной срок, ты предстанешь предо мною». Затем он обратился к Джамбавану: «Джамбаван! Рождайся на земле, пока будет длиться Двапара Юга. Потом Я, воплотившись в Кришне, встречу с тобой на поле битвы. Как и теперь, тебе будет суждено узнать меня».

После этого Рама направился к берегу реки Сарайю. Справа от него шел Бхарата, а слева – Шатругна. Вслед за Ним двинулись приближенные и жители города. Когда братья вступили в воды реки, Бхарата слился с Господом; коснувшись воды, Шатругна воссиял в Лотосе и слился с Господом.

Господь произнес слова Благословения: да пребудет с Ним всякий, кто ступит на Священную Землю Айодхьи и окунется в святые воды Сарайю.

Указатель имен и терминов

А

Аватар – воплощение Бога на земле; авидья-майя – иллюзия, основанная на невежестве, и поэтому обрекающая человека на бесконечную череду «горя» и «радости»; Агастья – божественный мудрец, риши; также название звезды Канопус; Агни – Бог Огня, посредник между Богами и людьми, основатель обряда хомы – жертвоприношения огню; агниастра – копьё Агни, врученное Рама Вишвамित्रой; агнихотра – огненный ритуал; Адвайта – философское учение недвойственности, утверждающее единство Брахмана и индивидуальной души; Аджа – царь Солнечной Династии, отец Дашаратхи; Адити – жена царя Касьяпы, внука Брахмы, мать Богов и демонов; адхарма – неправедность, несправедливость; Адхуртараджака – сын Куши, духовного сына Брахмы; Айодхья – «непобедимая» – древняя столица царства Кошала, современный Ауд; айшикастра – оружие, переданное Рама риши Вишвамित्रой; Акампана – демон-ракшас при дворе Раваны; акаша – эфир, пятый природный элемент (земля, вода, огонь, воздух, эфир), имеет одну характеристику – звук; Акшайякумара – один из сыновей Раваны; Амравати – небесный город Богов; амрита – нектар бессмертия; Амсуманта – сын Ашваманы; Ананга – букв. «не имеющий членов тела», бестелесный, одно из имен Бога Любви, Камы; ананда – высшее блаженство, Божественная радость; анасана – ритуальный отказ от пищи; Анасуйя – супруга Атри; Анга – «член тела», название местности, где упали части тела Ананги, Бога Любви; Ангада – сын Вали, брата царя обезьян Сугривы; апаравидья – светское (мирское) знание; апсары – полубожественные женские существа, обитающие преимущественно на небе, но также и на земле (в реках, на горах и т.д.); куртизанки, способные менять свой облик; ардханчи – жена, «половина тела мужа»; артва – польза от Богатства и благосостояния, одна из четырех жизненных целей; Арундати – супруга

святого мудреца Васиштхи; асуры – («не принявшие Суру»), низшие духи, демоны, противники Богов; Атикайя – демон-ракшаса, министр при дворе Раваны; атма – Высшее «Я» в человеке, Абсолютный аспект личного «Я», Бессмертный Дух; атмаджняна – мудрость, основанная на понимании природы Атмы; атмасварупа – «воплощение Атмы», или Бог, сошедший на землю; атма-хатья – саморазрушение; Атри – святой мудрец, один из духовных сыновей Брахмы; атхи-бала – сверхсила; Атхири – святой мудрец; Ахалья – святая, супруга Гаутамы Махариши; Ахиравана – сын Раваны, «Равана-змей» повелитель подземного царства демонов; Ашваманья – сын царя Сагары, древнего правителя Айодхьи; ашвамедха – особо торжественное жертвоприношение Коня; Ашвины – два неразлучных божества предрасветных и вечерних сумерек; ашока – священное дерево, цветущее ярко-красными цветами; Ашокавана – сад на Ланке, где жила Сита в плену у Раваны; ашрая – помощь, поддержка; ашраям – убежище, приют; ашрам – духовная община; ашрамиты – жители ашрама; ашриты – ищущие помощи, поддержки;

Б

бала – сила; Бали – царь, повелитель демонов-титанов, к которому явился Вишну в облике карлика Ваманы; брамины – члены высшей касты «дваждырожденных»; Брахма – Бог-Творец, первый из Богов божественной триады; брахма мухурта – предрасветные часы (4-6 утра), благоприятные для молитвы и медитации; Брахмадатта – правитель древнего города Кампилья; брахмаджняна – божественная мудрость; Брахман – божественное абсолютное начало, основа миропроявления; Абсолютная истина; брахмастра – копьё Брахмы, могущественное оружие Богов; брахмариши – божественный мудрец; брахмачари – ученик, соблюдающий правила брахмачарья; брахмачарья – период ученичества, равный 12 годам, обязательный для высших каст; также целомудрие; Брихаспати – наставник Богов, покровитель жертвоприношений; Бхагаван – Бог; «божественный», «благословенный», «священный», «счастливый»; имя-эпитет индуистских богов; на санскрите Б. – обычная форма обращения к Богу, святому, почитаемому лицу, царю; Бхагиратха – древний царь Айодхьи, сын Дилипы, с помощью милости Богов «спустивший» на землю Гангу; бхакта – преданный; бхакти – преданность, путь преданности Богу; Бхарадваджа – святой мудрец; Бхарата – здесь «тот, кто властвует», брат Рамы, сын царицы Кайкеи; Бхаратакупа – священный источник Бхараты; Бхаргаварама – обращение Рамы к Парашураме; Бхаргавы – род риши, берущий свое начало от Бхригу; бхилы – племя, жившее в северных джунглях древней Индии; Бходжараджа – правитель древнего царства Матадха; Бхригу – божественный мудрец, риши, духовный сын Брахмы;

В

ваджрастра – божественное оружие, переданное Вишвамитрой Рама; Вайкунтха – небесная обитель; вайраги – не имеющий эмоций «привязанности» и «неприятности»; Вайю – Бог ветра; Вали – обезьяна, брат царя обезьян Сугривы; его матерью была обезьяна, а отцом – Бог Индра; Вальмики – великий поэт и мудрец, автор Рамаяны; Вамадева – святой мудрец, риши, сын Васиштхи; Вамана – карлик, пятое воплощение Бога Вишну; Варуна – Бог, повелитель вод, хранитель Запада; Варуни – дочь повелителя вод, Варуны; Васиштха – один из семи божественных мудрецов, риши, духовный сын Брахмы, один из прародителей земных существ (Праджапати); Васу – сын Куши, духовного сына Брахмы; Васуки – один из трех змеиных царей, повелитель нагов; Веданта – одна из философских систем в древней Индии, согласно которой истинным бытием является только Брахман, а мир – его иллюзорное проявление; Веды – изначальные священные писания, являющиеся безусловным авторитетом как слово Бога; до нас дошли четыре Веды: Ригведа, Самаведа, Атхарваведа и Яджурведа; Вибхишана – младший брат Раваны, демон-ракшаса,

преданный Ра́ме; вивека – знание, способность к различению; Видеха – царство царя Джанаки, отца Ситы, на востоке Индо-Гангской равнины; видхута – божественное оружие, переданное Вишвамित्रой Ра́ме; Видьютджива – демон-ракшаса, сотворивший магическую копию головы Ра́мы; видья-майя – иллюзия, основанная на Знании (с ее помощью по воле Бога создается проявленный мир); Виката – вождь воинства ванаров; Вирадха – демон, великан-людоед; вирасья – божественное оружие, переданное Вишвамित्रой Ра́ме; Висальякарини – лечебная трава, растущая на холме Читракута; Вишвакарман – божественный мастер, архитектор, повелитель ремесел и прикладных искусств; Вишвамित्रа – один из семи божественных мудрецов, риши, сын царя Кушики, внук Брахмы; Вишну – Бог-хранитель, один из Богов Божественной Триады; воплощение Космической Силы Сохранения; Вритра – демон, противник Индры, преградивший течение рек;

Г

Ганга – священная река на севере Индии; также – дочь царя Гималаев Химавана; гандхарвы – божественные певцы и музыканты; Гарга – божественный мудрец, риши, духовный сын Брахмы; Гаруда – огромный золотокрылый орел, повелитель птиц; Гаури – одно из имен Парвати, супруги Шивы; Гаутама Махариши – святой отшельник, муж Ахальи, превращенной в камень и освобожденной Ра́мой; Гаятри – одно из имен Богини Савитри; «Мать Вед»; также название знаменитой мантры, содержащейся в Ведах и прославляющей Единого Бога; Гириграджа – столица царства Васу; Говакша – вождь воинства ванаров; Говардхана – название горы, которую семь дней и ночей держал на ладони Кришна, чтобы уберечь от дождя пастухов и пастушек; Годавари – священная река на севере Индии; Гокарна Кшетра – название местности, куда удалялись аскеты и отшельники для осуществления покаяния; Гоматхи – река на севере Индии, приток Ганги; го-хатья – убийство священной коровы, тяжкий грех; гуна – «нить, волокно»; качество, свойство, сила, присущая Природе (Пракрити) как источнику всех проявленных и непроявленных объектов; существуют три гуны – сатва, раджа и тамас; гуру, гурудев – духовный наставник; Гуха – повелитель нишадов, приверженец Ра́мы;

Д

Даджа – вождь воинства ванаров; Дадимука – вождь воинства ванаров; дакшина – плата жрецам-браминам за проведение ритуалов жертвоприношений; Данда – правитель земель, превратившихся впоследствии в джунгли Дандака; данда – жезл (атрибут Богов); Дандакаранья – джунгли Дандака (огромный лес на берегу Годавари, где жил в изгнании Ра́ма); дандачакра – божественное оружие, переданное риши Вишвамित्रой Ра́ме; даршан – лицезрение Божества; Дашаратха – «герой десяти колесниц», царь Солнечной Династии, отец Ра́мы; двапараюга – см. юга; третий мировой период, равный 864000 годам; в мире начинают преобладать зло и пороки; Двивида – вождь воинства ванаров; двипа – материк (в индийской мифологии насчитывалось семь материков); Деваратха – древний царь Митхилы, предок Джанаки; денуврата – ритуал «поклонение корове»; Джабали – святой мудрец; Джайянтха – демон, сын Индры, наказанный Ра́мой; Джамбадагни – мудрец, брамин, отец Парашурамы; Джамбаван, Джамбавантха – вождь медведей, воевавший на стороне Ра́мы; Джанава – река на севере Индии; Джанаки – одно из имен Ситы (дочь царя Джанаки); джапа – садхана, состоящая в повторении имени Бога; Джатайю – повелитель орлов; джива – воплощенная индивидуальная душа; джирамбака – божественное оружие, переданное риши Вишвамित्रой Ра́ме; джняна – мудрость, высшее знание; джняни – мудрый, обладающий высшим знанием; дивьятма – всеобщая абсолютная сущность; Дилипа – правитель Солнечной Династии, отец Ра́гу; Дити – жена Касьяпы, дочь Дакши, сына Брахмы; дришта – божественное оружие, переданное риши Вишвамित्रой Ра́ме;

Дундубхи – могучий демон, брат Майяви; Дурваса – мудрец, святой отшельник; Дурдхара – вождь воинства ванаров; Душана – вожак демонов, обитавший в лесу Дандака; Дханвантари – божественный врачеватель, появившийся из мирового океана при его пахтании с чашей амриты в руках; дхарма – праведность, высший моральный закон; дхарма ракшати ракшитах – «дхарма охраняет тех, кто хранит ее»; дхармавратха – единство мыслей, слов и поступков; дхарма-ракшана – сохранение дхармы; дхарматма – воплощение справедливости; дхармачакра – божественное оружие, переданное риши Вишвамित्रой Рама; дхьяна – медитация, глубокое размышление; Дхумакету – демон-ракшаса при дворе Раваны; Дхумракша – вождь воинства ракшасов; дэва – Бог, Божество; дэва-самана – «богоравный»;

И

Икшваку – сын Ману Вивасватха, основал Солнечную Династию царей, правящих в Айодхье; имманентный – присущий, свойственный; Индра – Бог, царь небожителей; Индраджит – «победитель Индры», эпитет Меганады; индрастра – копье Индры, оружие, переданное Вишвамित्रой Рама; индрии – 5 внешних и 5 внутренних органов чувств; Индумати – царица Айодхьи, жена Аджи;

Й

йога – духовная и физическая практика, имеющая целью обретение контроля над умом и чувствами, облегчающая слияние с высшей реальностью; йогандха – оружие, переданное Вишвамित्रой Рама; йогин – практикующий йогу; йоджана – расстояние, равное 9 милям;

К

Кабандха – сын Лакшми, Богини красоты, процветания, проклятием Индры превращенный в уродливого демона; Кайкеи, Кайка – царица Айодхьи, третья жена Дашаратхи, мать Бхараты; Кайлас – священная гора в Гималаях, обитель Богов Шивы и Куберы; Кайтабха – «червеобразный», демон, брат демона Мадху, убитый Вишну; Кала – «время», одно из имен Бога Смерти; Каланеми – демон-ракшаса при дворе Раваны; калачакра – диск, символизирующий власть над временем – атрибут Богов Шивы и Вишну; был в числе орудий, переданных Вишвамित्रой Рама; калиюга – четвертый, нынешний мировой период, «черная», бедственная юга, длится 432000 лет; кальпатару – древо желаний – волшебное дерево, растущее в садах Индры и способное исполнять любые желания; кама – желание, стремление, вожеление; Кама – Бог любви, рождающий страсть в сердцах людей; Камада Деви – Богиня, супруга Бога Камы, которую почитал сын Раваны Ахиравана; Камадену – божественная корова, исполняющая желания; каманда – чаша для воды (атрибут Богов); канда – вода; большое пространство, занятое водой; Каньякумари – название города в Индии; Капила – святой мудрец и философ; каравирака – оружие, переданное Вишвамित्रой Рама; карма – труд, работа; вселенский закон воздаяния, причинно-следственная связь деятельности; действия, влекущие за собой свои последствия и являющиеся причиной новых рождений; Кароса – легендарное царство на севере Индии; Картавирыарджуна – тысячерукий царь-демон, убитый Парашурамой, сыновья которого, кшатрии, убили отца Парашурамы; картик – название месяца по лунному календарю (октябрь); каруна – нежность, сострадание, милосердие; карунараса – выражение чувств нежности, сострадания, милосердия; каста – сословия, на которые с древности разделялось население Индии; Касьяпа – один из семи великих риши, сын Маричи, одного из прародителей земных существ, внук Брахмы; Катванга – царь Солнечной Династии, отец Дилипы; Каушалья – царица Айодхьи, первая жена

Дашаратхи, мать Рамы; Каши – древнее название индийского города Бенареса; Кашмир – название штата на севере Индии; Кекайи – царство на севере Индии, откуда прибыла в Айодхью жена Дашаратхи Кайкейи; Кесари – вождь воинства ванаров; Кету – туловище демона Раху, превратившееся в скопление комет и метеоров и преследующее созвездия – жены Месяца; Кешава – «лучистый», эпитет Вишну-Кришны как олицетворения Солнца; Кешини – дочь царя Сагары, одного из правителей Солнечной Династии; киннары – небесные певцы и музыканты с человеческим туловищем и лошадиными головами, обитающие на горе Кайлас; кираты – племя, обитавшее в джунглях близ горы Читракута, где жил в изгнании Рама; кирсана – оружие, переданное Вишвамित्रой Рама; Кишкиндха – обезьянье царство Сугривы и Вали; Коданда – лук Рамы; копье Вайю – метательное оружие, переданное Вишвамित्रой Рама; копье Краунча – метательное оружие, переданное Вишвамित्रой Рама; копье Нараяны – метательное оружие, переданное Вишвамित्रой Рама; Кошала – древнее царство на севере Индии, расположенное по берегам реки Сарайю; крепость Трипура – три крепости (золотая, серебряная и железная), построенные демонами и сожженные Шивой; Кришна – Аватар, Воплощение Вишну; крор – число, равное 10 000 000; кроса – крик, вопль; Кубера – Бог богатства и изобилия, старший брат Раваны, внук великого риши Пуласты; Кумба – демон-ракшаса, сын Кумбакарны; Кумбакарна – демон-ракшаса, младший брат Раваны, получивший дар от Брахмы – беспробудный сон; Кумбинаса – дочь мачехи Вибхишаны, жена демона Мадху; Кумуда – вождь воинства ванаров; Куша – духовный сын Брахмы; Куша – сын Рамы и Ситы; куша – священная трава, используемая при ритуалах; Кушадваджа – младший брат царя Джанаки, отца Ситы; Кушамба, Кушанаба – сыновья Куши, духовного сына Брахмы; Кушамби – столица царства Кушамбы; Кушика (Гаадхи) – сын царя Кушанабы; Кхара – вожак демонов, обитающих в лесу Дандака; кшатрий – «воин», член второй высшей касты «дваждырожденных»;

Л

Лава – один из сыновей Рамы и Ситы; Лавана – могущественный демон-ракшаса, убитый Шатругной; лакх – число, равное 100 000; Лакшмана – брат Рамы, сын царицы Сумитры; Лакшми – супруга Бога Вишну, Богиня счастья, красоты, процветания; Ланкини – грозная ракшаси, охранявшая ворота Ланки; лила – деяние Бога, Божественная игра; линга (лингам) – «образ», «знак», «символ», в частности символ Шивы как производительной, созидательной силы; лингешвара – линга, возведенный руками божества; Локаматха – «Мать всех миров», эпитет Ситы;

М

Магадха – древнее название области на севере Индии; Мадху – демон, отец Лаваны, убитый Вишну; Майнда – обезьяна, вождь воинства ванаров; майя – иллюзия; сила иллюзии, создающая миропроявление; Майяви – демон-ракшаса, которого убил Вали; Макарадваджа – обезьяна, страж подземного царства демонов; Макаракша – демон, вождь воинства ракшасов; мала – осквернение, грязь, порча; Малада – легендарное царство на севере Индии; Мальяванта – ракшаса, министр при дворе Раваны; манана – глубокое размышление о сути вещей; манас – ум, рассудок, проводник высшего разума; манаса путра – духовный сын; Манаса-Саровар – «Озеро Разума» – святое озеро на северных склонах Гималаев; мангала – благодать, веселье; Мандава – вождь воинства ванаров; Мандави – жена Бхараты, брата Рамы; Мандакини – священная река на севере Индии близ горы Читракута; Мандара – гора, которая использовалась как мутовка при пахтании Океана Молока; Мандодари – царица-ракшаси, жена Раваны; Манматха – одно из имен Бога любви; мантап – специальное сооружение для проведения яджны (жертвоприношения); Мантара – служанка Кайкейи; мантра – магическая словесная

формула, священное заклинание на санскрите, произносимое во время различных религиозных церемоний; Ману – сын Сурьи, Бога Солнца, один из 14 сыновей Брахмы, прародитель человеческого рода; Ману Вивасватх – сын Ману, один из Праджapati (прародителей живых существ, появляющихся в каждом новом цикле сотворения мира), прародитель Солнечной Династии и человечества; маргасира – один из лунных месяцев (ноябрь-декабрь); Марича – демон-ракшаса, чародей, способный менять свой облик; Маричи – «луч света», божественный мудрец, сын Брахмы, один из главных прародителей человеческого рода; Маруты – сыновья Рудры (ведийское имя Шивы), Божества бури, грома и молнии; матхана – процесс обретения знания; Матханга – святой мудрец, пославший проклятие Вали; Матханга риши – святой мудрец, Махатма, учитель отшельницы Сабари; Махатма – «великая душа», эпитет святых, духовно выдающихся людей, при жизни достигших просветления; Махендра – «великий Индра», название горного хребта; Маходайя – столица царства Кушанатхи; Маходара – демон-ракшаса при дворе Раваны; Махораги – божества музыки; Меганада – демон-ракшаса, один из сыновей Раваны; Меру (Шумеру) – золотая гора, обитель небожителей, мудрецов, праведников; месяц – по индуистскому лунному календарю, месяц соответствует вступлению луны в одно из 28 созвездий, или лунных домов; лунный месяц делится на две половины: ясную, с новолуния, и темную, после полнолуния. Началом года считается месяц вайшакха (апрель-май); джьайшта (май-июнь), ашарха (июнь-июль), шраван (июль-август), бхадра (август-сентябрь), ашвин (сентябрь-октябрь), картик (октябрь-ноябрь), маргасира (ноябрь-декабрь), пушья (декабрь-январь), магх (январь-февраль), пхалгуни (февраль-март), чайтра (март-апрель); Митхила – царство Джанаки, отца Ситы; также столица царства; митья – «ложный», порождение иллюзии; отражение единственной реальности Брахмана, данное человеку в ощущениях; мокша – освобождение, избавление от перерождений; муни – монахи, аскеты, лесные отшельники;

Н

наги – полубожественные существа со змеиным туловищем и одной или несколькими человеческими головами, живущие в подземном мире; Нала – имя обезьяны, вождя ванаров, сына Божественного архитектора Вишвакармана; намакарнам – ритуал выбора имени новорожденному; Нанди – белый священный бык, ездовое животное Шивы; Нандиграма – деревня, близ которой предавался аскезе Бхарата; Нандини – священная корова мудреца Васиштхи; Нара – божественный мудрец, риши, всегда выступает в паре с другим риши – Нараяной; Нарада – божественный мудрец, риши, духовный сын Брахмы, посредник между Богами и людьми; Нара-Нараяна – два божественных мудреца, которые провозглашаются двуединым воплощением Вишну; Нарантака – имя одного из сыновей Раваны; Нараяна – «Путь людей» – одно из имен Бога Вишну; 2) имя мудреца, риши; Нармада – река в Индии; нидидхьясана – практика избранной садханы; Никумба – демон-ракшаса, сын демона Кумбакарны; Никумбала – сад на Ланке, где ракшасы предавались покаянию; Нила – имя обезьяны-полководца, сражавшегося на стороне Сугривы и Рамы; сын обезьяны и Бога Огня Агни; Ними – царь, младший сын Икшваку, прародитель династии царя Джанаки в городе Митхила: Ними-Митхи-Судхавасу-Нандивардхана-Шукету-Деваратха-Брихадрадха-Махавира-Судритхи-Дриштaketу-Харьясва-Мару-Пратиндака-Киртиратха-Девамедха-Вибудха-Киртиратха-Махарама-Хрисварупа-Джананака;

О

Океан Молока – имеется в виду знаменитый индуистский миф о пахтании Океана Молока Богами и демонами ради обретения амриты – напитка бессмертия;

П

падма – зд. – несметное число; пайасам – пища, освященная Богами; пандит – ученый, «знающий», умный; Панчавати – местность на берегу реки Годавари, где жил в изгнании Рама; Парабрахман – Высший, Запредельный Брахман; паравидья – высшее знание, ведущее к освобождению; парама – «высший»; Парама Дхарма – высшая Дхарма; параматма – «запредельный Атман» – всепроникающий, безначальный и бесконечный дух; Парашурама – «Рама с топором» – воплощение Бога Вишну, уничтоживший множество поколений кшатриев; Парвати – богиня, супруга Бога Шивы, дочь горного царя Химавана; Парикшит – царь древней Индии, внук Арджуны, героя эпоса «Махабхарата»; Парнасала – тростниковая хижина на склоне горы Читракута, в которой жил Рама; Патала – подземное царство, один из трех миров; паталахома – огненный ритуал, призванный умиловить темные силы, подвластные жителям Пталы – подземного мира; питросомаса – оружие, переданное Вишвамित्रой Рама; Прайаг – слияние трех рек: Ганги, Ямуны и легендарной подземной Сарасвати; пракрити – «природа» – материальная природа, лежащая в основе проявленного мира, т.е. мира, воспринимаемого через органы чувств и состоящего из трех гун; пранава – изначальный звук Ом, с которого начинается и заканчивается Творение Вселенной; основа всех созидательных звуков; прапанча – мир, состоящий из сплетения трех гун; Прахаста – демон-Ракшаса, один из сыновей Раваны; према – Божественная Любовь; Пуластья – дед Раваны, духовный сын Брахмы, один из семи великих риши; Пураны – древние священные тексты; Пуруша – Высший космический дух; пурушартхи – четыре жизненные цели (дхарма – выполнение правил праведного поведения, артха – польза от благосостояния и богатства, кама – желание, стремление, мокша – освобождение от рождений); путракамести – жертвоприношение с целью рождения сына; Пушкара – сын Бхараты, брата Рамы; Пушпака Вимана – божественная летающая колесница; Пушья – название одного из созвездий, «лунных домов», в которых поочередно пребывает Месяц соответственно (декабрь-январь) по лунному календарю;

Р

рабхаса – оружие Богов; Равана – ракшаса, десятиголовый и двадцатирукий демон, царь Ланки; рага – 1) эмоции, связанные с привязанностью и неприязнью; 2) мелодия, мотив в индийской музыке и персонифицированные божества-мелодии; Рагху – знаменитый царь Солнечной Династии, чьим именем она часто зовется, основатель рода Рамы; Рагхунатха – «потомок Рагху», эпитет Рамы; раджадхарма – закон справедливости, установленный для царей; Раджаматха – Царица-Мать; раджас – вторая гуна природы, соответствующая страсти, деятельности, мирской активности; ракшасы – демоны, злые духи-людоеды, способные менять свой облик, в отличие от Асуров, соперников Богов, ракшасы выступают, как враги человека; Рамачандра – «Рама-Луна», эпитет Рамы; раса – «вкус» и «чувство» вкуса; религиозное чувство, духовный настрой; расатала – одно из царств подземного мира; Раху – демон без туловища, голова которого, отрубленная Вишну, заглатывает Солнце и Луну и вызывает затмения; реки (Хладини, Налини, Павани, Субикшу, Ситха, Синду, Бхагирати) – потоки, на которые разделилась Ганга, низвергаясь на землю с волос Шивы; ритвики – жрецы, знающие ритуалы и ведийские гимны; риши – святой мудрец; Ришьямука – горный хребет, где скрывался царь обезьян Сугрива; Ришьяшринга – мудрец-брамин, верховный жрец Жертвоприношения Дашаратхи с целью обрести сына; Рудра – «ревун» – одно из имен Бога Шивы в ведийской мифологии; Рукшараджа – имя первой обезьяны, созданной Брахмой;

С

Сабари – святая отшельница, преданная Раме, обитающая в лесу Дандака; Сабдабрахман – Бог, Брахман, тождественный с изначальным звуком; Сагара – древний царь Айодхьи; Сагарасангама – устье Ганги на севере Бенгальского залива; садхака – ученик, идущий по пути садханы, выполняющий правила и действия, ведущие к достижению цели; садхана – духовная практика, то, что ведет к совершенству, достижение намеченной цели; салиграммы – иконы, изображающие Богов и жития святых; самавартана – священный ритуал «раздачи коров» браминам; самадханакарини – лечебная трава, растущая на холме Читракута; самадхи – погружение, экстаз ступень йоги; состояние отрешенности от материального мира; состояние сознания, при котором происходит отождествление себя с Абсолютом и слияние с Ним; Самбара – злой демон, с которым сражался Дашаратха; самбашан – возможность слышать голос божества; самдживакарини – лечебная трава, растущая на холме Читракута; Сампатхи – орел, брат царя орлов Джатайю; самсара – круговорот жизни, цикл рождений и смертей, основанный на причинно-следственных связях; самсара – «отпечаток», изменение психики, зависящее от дел, совершенных в прошлых жизнях и определяющих характер данной жизни; Санатана Дхарма – святая (вечная) Дхарма; Сандживи – гора на севере Индии, которую нес на ладони Хануман; Сандхья – утренний ритуал поклонения Богу; Санта – супруга мудреца Ришьяшринги; Сарабханга – святой мудрец, преданный Раме; Сарайю – река на севере Индии, на берегах которой стоял город Айодхья, современное название – Гогра; Сарам – ракшаси, жена Вибхишханы; Сарасвати – название священной подземной реки на северо-западе Индии; имя Богини красноречия, наук и искусства; сарпаstra – «копье Дракона», оружие, примененное Меганадой, сыном Раваны, в битве с Рамой; сатва – первая гуна природы, соответствующая гармонии, ясности, чистоте; сати – древний обряд самосожжения, согласно которому вдова всходит на погребальный костер умершего мужа; Сатрунджайя – священный слон при дворе Айодхьи; сатсанг – общество святых, праведников; Сатхананда – гуру царя Джанаки, царский наставник; сатчитананда – «бытие – сознание – блаженство»; Сатья – Истина; Сатьявати – дочь Кушанабы; сатьякирти – божественное оружие, врученное Вишвамित्रой Раме; Свайампрабха – святая отшельница, преданная Раме; Сиддхашрам – «обитель свершений» мудреца Вишвамитры; симхалагна – зодиакальное созвездие льва; Симхика – чудовище в образе льва, убитое Хануманом; Синдхураната – демон-ракшаса, старый министр при дворе Раваны; Сита – буквально «борозда», «дочь Земли»; жена Рамы; Сканда – сын Шивы и Парвати, убивший асура Тараки; Солнечная Династия – один из двух главных царских родов: Бог Брахма-Маричи-Касьяпа-Сурья-Ману-Ману Вивасватх-Икшваку-Кукши-Викукши-Бана-Анارانья-Тришанку-Дундумара-Юванасва-Мандхата-Сушанди-Девасандхи-Бхарата-Аситха-Сагара-Асаманья-Амсуманта-Дилипа-Бхагиратха-Какуста-Рагху-Правардха-Сударшана-Агниварна-Сиграга-Мару-Прасушрука-Амбариша-Нахуша-Яти-Набхага-Аджа-Дашаратха-Рама; Сона (Сумагадхи) – река на севере Индии; спаршан – прикосновение к божеству; Субахи – сын Шатругны, брата Рамы; Субаху – демон-ракшаса; Суварнакарини – лечебная трава, растущая на холме Читракута; Сувила – гора на Ланке, на склоне которой стоял лагерь Рамы; Сугрива – царь ванаров-обезьян, сын Рукши, первообезьяны, созданной Брахмой; Судакшина – жена Дилипы, правителя Солнечной Династии; Суданва – царь Санкасы, древнего царства на севере Индии; Судхама – главный министр царя Джанаки; Сукету – якша, убитый Рамой; Сулочана – ракшаси, жена Меганады, сына Раваны; Сумантра – главный министр при царском дворе Дашаратхи и Рамы; Суматхи – жена Сагары; Суматхи – царь Вишалы, один из потомков царя Икшваку (Икшваку-Вишала-Хемачандра-Субхадра-Думрасва-Шриджайя-Сахадева-Семадатта-Какуста-Суматхи); Сумитра – вторая жена Дашаратхи, царица Айодхьи, мать Лакшманы и Шатругны; Сунаяна – жена царя Джанаки, царица Митхилы; Сунда – демон-ракшаса; сура – пьянящий напиток, преподнесенный Асурам и Сурам девой Варуни во время пахтания Океана Молока; Сураса – злой демон-змея, убитый Хануманом; Суры – «принявшие Суру» или Боги (в отличие от Асуров); Сурья – солнце, Бог Солнца, сын

святого Касьяпы; Сурьянараянамурти – имя одной из ипостасей Бога Солнца; Сутикшина – мудрец, ученик Сарабханги; Сушена – демон-ракшаса, врачеватель при дворе Раваны в столице Ланки;

Т

Такта – сын Бхараты, брата Рамы; Таладжанчи – дикие воинственные племена, напавшие на царя Солнечной Династии Аситху; тамас – третья, низшая гуна природы, соответствующая тьме, инерции, невежеству, лени; Тамаса – река на севере Индии, приток реки Горги; тапас – аскетизм, покаяние, обретение контроля над умом и чувствами, предпринимаемые с целью умиловить Богов; Тара – обезьяна, жена Вали; Татаки – якшини, великанша-людоедка, убитая Рамой; трансцендентный – «выходящий за пределы», недоступный познанию, находящийся за пределами опыта; Трета Юга – см. юга, второй мировой период, равный 1296000 годам; три мира – согласно индийской мифологии – небо, земля и подземный мир; Тривикрама – «охватывающий три мира», имеется в виду Вишну в образе карлика Ваманы, тремя шагами обошедший три мира; Триджата – ракшаси, охранявшая Ситу на Ланке, дочь Вибхишаны; Тринабину – святой мудрец, которого испытывал Индра, послав искушение в образе небесной девы; тришула – трезубец, оружие Шивы; тулси – священное дерево; тьяга – отречение;

У

Ума – супруга Шивы, одна из дочерей Химавана, царя Гималаев, другое ее имя – Парвати; упадхи – букв. «вместилище»; тело с именем и формой, вмещающее душу; Упасунда – демон-ракшаса при дворе Раваны; Урмила – жена Лакшманы, брата Рамы; Уттарпхалгуна – звезда, в созвездии которой входит месяц в феврале-марте (лунный месяц пхалгуни); Уттараяна – божественное полугодие, в котором месяц вступает в созвездие Утгара-Пхалгуни;

Х

халахала – яд змея Васуки, появившийся при пахтании Океана Молока; Хамса – небесный лебедь, который может отделять молоко от воды; Хануман – Божественная обезьяна, сын Бога Ветра и обезьяны, советник царя обезьян Сугривы, друг и помощник Рамы; Хари – одно из имен Бога Вишну; Харидвар – священный город в Гималаях на берегу Ганги; Харини – небесная дева; Химаван – Божественный царь Гималаев; Хираньякашипу – асур, враг Богов, брат-близнец Хираньякши; был убит Вишну в образе Нарасимхи, получеловека-полульва; Хираньякша – могущественный асур, которого победил Вишну в образе вепря Варахи; Хиршика – святой мудрец; Хихайи – дикие воинственные племена, напавшие на царя Солнечной Династии Аситху; хома – огненный ритуал (жертвоприношение огню);

Ч

чайтра – месяц по лунному календарю, также название звезды созвездия Дева; Чандрама – святой мудрец; чандраяна – ритуал, связанный с поклонением Месяцу; четырнадцать миров – согласно индийской мифологии – семь «высших», небесных, и семь «низших», подземных, миров; чинтамани – драгоценная жемчужина, исполняющая желания; Читракету, Читрангада – сыновья Лакшманы, брата Рамы; Читракута – гора на севере Индии, где жил в изгнании Рама;

Ш

Шакти – «сила»; божественная созидательная энергия, активное начало пребывающего в покое Божественного Абсолюта; Шаstra – закон, законодательство, древний священный кодекс; Шатругна – «истребляющий врагов»; брат Рамы; Шашибинды – дикие воинственные племена, напавшие на царя Солнечной Династии Аситху; Шеша (Адишеша) – «Изначальный змей»; тысячеголовый змей, на котором покоится Вишну в Причинном Океане; одно из имен Шеша – Ананта, или «Бесконечный»; Шива – «Благой», «Благословляющий», Бог-разрушитель, один из трех Богов Божественной Триады; Шива, разрушая формы и уничтожая завесу иллюзии, освобождает Дух; Шива-Шакти – двуединство Абсолютного Бога и его Созидательной Энергии; шравана – процесс духовного слушания; Шравана – сын лесных отшельников, нечаянно убитый Дашаратхой; шрадха – благочестие, вера, приверженность религиозным обрядам и ритуалам; Шрингивера – столица царства Нишадов; Шрутакирти – жена Шатругны, брата Рамы; шрути – «услышанное»; общее название для четырех Вед; Шука – ракшаса, преданный Рама и ставший впоследствии мудрецом; Шурпанакха – ракшаси, сестра Раваны;

Ю

ювараджа – коронованный престолонаследник; юга – Пураны различают 4 мировых периода или юги. Сатья-Юга, или Крита-Юга – золотой век, длится 1728000 лет; Трета Юга – серебряный век, длится 1296000 лет; Двапара Юга – бронзовый век, длится 864000 лет; Кали Юга – нынешний железный век, «черный», греховный век, длится 432000 лет; все четыре Юги образуют одну великую Маха-Югу, длительность которой равна 4320000 лет; Юдхаджит – брат царицы Кайкеи;

Я

яджна, яга – жертвоприношение; Яджнавалкья – святой мудрец, ученик Вясы; якша, якшини – «быстрые», злые демоны, слуги Бога Куберы, пожиратели сырого мяса; Яма – Бог смерти.

Английский перевод Н. Кастури, русский перевод Киртичниковой О.В.